ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(Западная Европа и внѣевропейскія государства).

Подъ редакціей

профессоровъ ЛАВИССА и РАМБО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

съ дополнительными статьями профессоровъ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

Томъ III.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

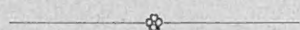
1905 г.

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

ИСТОРІЯ XIX ВѢКА

(ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА и ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА).

Подъ редакціей профессоровъ **Лависса и Рамбо**

при участіи: проф. А. Ваддингтонъ, проф. М. Валь, академика гр. Альберъ Вандаль, Анри Вастъ, академика Анри Гуссэ, А. Дебидуръ, проф. Дедевизъ дю-Дезеръ, проф. Э. Дени, Л. Каэнъ, Роберъ де-Ке де-Сентъ Эймуръ, проф. А. Кордье, проф. Фр. де-Крю, А. Лавуа, проф. Л. Леже, проф. А. Мале, проф. А. Метенъ, проф. А. Мильо, А. Мишель, проф. А. Муаро, проф. А. Оларъ, проф. А. Пенго, Ромэнъ Ролланъ, проф. Ш. Сеньобосъ, проф. Э. Сейу, проф. А. Сорель, проф. П. Таннери, проф. Эмиль Фагэ, Л. Фаржъ, проф. Э. Шенонъ, проф. Хр. Шефферъ, проф. А. Шюкэ, проф. Л. Эйзенманъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО СЪ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ ПРОФЕССОРОВЪ

П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева.

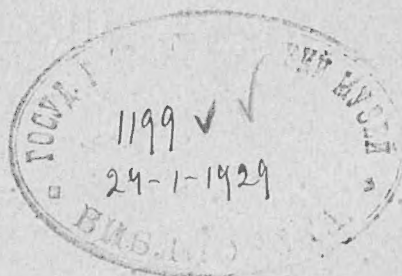

Томъ III.

Изданіе Товарищества „Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°“.

1905 г.

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская улица, соб. домъ.
МОСКВА—1905.

ЭПОХА РЕАКЦІИ.

1815—1847.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Главы I—IV, IX—XI переведены Ю. М. Стекловымъ, главы V, VI, VIII, XII—М. О. Гершензономъ, глава VII—А. Н. Чеботаревской.

Глава I.

Вѣнскій конгрессъ.

1814—1815.

I.—Политика союзниковъ.

Тайныя статьи Парижскаго трактата. — Продиктовавши 30 мая 1814 года миръ въ Парижѣ, союзныя державы, составившія коалицію 1813 года, достигли той цѣли, которую преслѣдовали всѣ коалиціи, начиная съ 1792 г., и которую Англія и Россія въ 1804 году выставили въ совершенно опредѣленной формѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы ввести Францію въ старыя границы, „сковать“ ее, поставить ей преграду на тотъ случай, если она снова попытается ворваться въ Бельгію или захватить лѣвый берегъ Рейна, и, наконецъ, о томъ, чтобы держать подъ своимъ, присмотромъ и охраной монархію, ослабленную самими условіями своего возстановленія, связанную собственной Хартіей, возстановленную въ интересахъ мира, и непопулярную именно благодаря этому миру. „Болѣе чѣмъ столѣтній опытъ, писалъ Кауницъ въ 1791 году, не разъ дававшій всей Европѣ почувствовать перевѣсъ, который въ общей системѣ политическаго равновѣсія доставляли Франціи, при господствѣ абсолютнаго монарха, физическое положеніе и неисчерпаемые рессурсы этого королевства,—этотъ опытъ убѣдилъ въ особенности Австрію, что для полнаго и продолжительнаго спокойствія ея собственныхъ владѣній наиболѣе благопріятной комбинаціей является ослабленіе и усложненіе внутреннихъ пружинъ этой могучей монархіи, ослабленіе и усложненіе, которыя способны были бы въ будущемъ отвлекать ея силы отъ внѣшнихъ авантюръ“. Такъ думала въ 1791 году Австрія, но такъ же смотрѣла на дѣло и Англія: онѣ припоминали эпоху Людовика XIV. А въ 1814 году, послѣ Республики и Наполеона, это измѣненіе внутренняго режима во Франціи было общей мыслью Англіи, Австріи, Пруссіи и Россіи. „Отнынѣ, сказалъ въ 1815 году императоръ Александръ, говоря о конституціонной монархіи, эта нація, замиренная внутри, перестанетъ питать аггресивные замыслы противъ Европы“.

Шомонскій трактатъ (мартъ 1814 г.) закрѣпилъ это соглашеніе. Выполненіемъ его явился Парижскій трактатъ, подписанный Англіей, Австріей, Россіей, Пруссіей, Испаніей, Швеціей, Португаліей и Франціей. Статья 32 гласила: „По истеченіи двухмѣсячнаго срока, всѣ державы, замѣшанныя съ той и другой стороны въ настоящую войну, пошлютъ своихъ уполномоченныхъ въ Вѣну, для того чтобы на общемъ конгрессѣ установить точныя

условія, долженствующія дополнить постановленія настоящаго трактата". Франція должна была послать своего делегата въ Вѣну, какъ и другія державы. Императоры и короли, которые въ сношеніяхъ между собою и передъ лицомъ всей Европы заявляли, что прямой цѣлью ихъ союза является возстановленіе монархическаго режима во Франціи и въ Европѣ, не могли исключить изъ европейскаго конгресса реставрированную монархію, какъ они намѣревались въ Шатильонѣ исключить Наполеона. Но они сговорились предоставить Франціи чисто пассивную роль, дать просто внѣшнее удовлетвореніе ея національному достоинству и устроить такъ, чтобы на конгрессѣ она фигурировала лишь въ качествѣ свидѣтеля и допускалась только къ подписанію протоколовъ. Это составляло содержаніе тайныхъ статей, присоединенныхъ къ Парижскому трактату. Первая изъ этихъ статей гласила: „Постановленія относительно территорій, уступаемыхъ Его христіаннѣйшимъ Величествомъ,... и отношенія, результатомъ коихъ должна явиться система дѣйствительнаго и прочнаго равновѣсія въ Европѣ, будутъ урегулированы на конгрессѣ *на основаніяхъ, принятыхъ по общему соглашенію союзными державами,* и согласно общимъ постановленіямъ, содержащимся въ нижеслѣдующихъ статьяхъ". Такимъ образомъ, *союзныя державы,* т.-е. *четыре* шомонскіе *союзника,* Австрія, Великобританія, Пруссія и Россія, оставляли за собою исключительное право установить основные принципы, на которыхъ долженъ будетъ покоиться европейскій миръ. Онѣ намѣрены были не допускать постороннихъ элементовъ къ участію въ этихъ совѣщаніяхъ, а для того чтобы Франція ни подъ какимъ видомъ не могла туда проникнуть, онѣ принудили ее заранѣе подписаться подъ слѣдующими постановленіями: образованіе на сѣверной ея границѣ Нидерландскаго королевства, государства-барьера, составленнаго изъ Бельгіи и Голландіи; предоставленіе Ломбардіи и Венеціи—Австріи; предназначеніе „нѣмецкихъ областей, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Рейна",—„для территоріальнаго приращенія Голландіи и для вознагражденія Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствъ"; независимость и федерація отдѣльныхъ государствъ Германіи. Этими мѣрами предосторожности онѣ надѣялись совершенно связать Франціи руки, скрыть отъ нея существовавшія между ними разногласія и предупредить всѣ попытки, которыя она могла бы, въ виду этихъ разногласій, сдѣлать, съ цѣлью разорвать эту сѣть и снова завоевать себѣ уваженіе и вліяніе въ Европѣ.

А разногласія эти были глубоки. Союзники прекрасно могли столковаться относительно условій, которыя слѣдовало навязать Франціи, но только въ этомъ одномъ пунктѣ они и сходились. Поэтому, 31 мая секретнымъ протоколомъ представители четырехъ державъ, Меттернихъ, Кэстльри, Гарденбергъ и Нессельроде, рѣшили отложить „до Вѣнскаго конгресса всѣ споры относительно окончательнаго устройства всѣхъ областей, какъ уступленныхъ Франціей, такъ и тѣхъ, которыми союзники должны были распорядиться въ Германіи". Послѣднее рѣшеніе относилось, главнымъ образомъ, къ Саксоніи, король которой, оставшійся вѣрнымъ союзу съ Франціей, считался въ виду этого низложеннымъ и содержался въ качествѣ военноплѣннаго въ Берлинѣ. Его низложеніе дѣлало въ то же время вакантнымъ Варшавское великое герцогство, сувереномъ котораго былъ саксонскій король.

Александръ, который занималъ первое мѣсто среди торжественно вступившихъ въ Парижъ союзниковъ и который, по низверженіи Наполеона, стремился къ гегемоніи надъ всей Европой, заставилъ отложить конгрессъ сначала до 1 сентября, а затѣмъ до 1 октября. Онъ хо-

тѣлъ тѣмъ временемъ повидаться съ англійскимъ королемъ, побесѣдовать съ королемъ прусскимъ и, однимъ словомъ, устроить всѣ дѣла сообразно своимъ видамъ. Въ своихъ манифестахъ союзники провозгласили великіе *принципы*: неотъемлемыя права, возстановленіе законнаго правительства, охрану публичнаго права, независимость народовъ. Они противоставляли эти *принципы* правонарушеніямъ, насиліямъ, „позорному игу" Французской республики и Имперіи. Но, съ разрушеніемъ этой Имперіи, „принципы" сдѣлали свое дѣло. „Четверка" отнюдь не намѣрена была изъ-за пустыхъ фразъ нарушать свои собственныя удобства. „Легитимистскій принципъ, писалъ посланникъ Александра въ Парижѣ Поццо, былъ далеко не единственнымъ и ужъ навѣрное не главнымъ мотивомъ, побудившимъ европейскихъ государей добиваться Реставраціи". Другими мотивами были соображенія собственной выгоды, и эти мотивы союзниковъ нашли свое выраженіе въ частныхъ трактатахъ, изъ которыхъ составилась коалиція 1813 года. Теперь надлежало согласовать эти частичные договоры одни съ другими, и союзники разсчитывали достигнуть этой цѣли, опираясь на „право завоеванія"— съ ихъ точки зрѣнія, самаго неотъемлемаго права.

Пруссія и Россія.—Первымъ по времени изъ этихъ трактатовъ, выполненіе котораго представляло вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе трудностей, и который поглотилъ главное вниманіе конгресса, былъ Калишскій трактатъ, заключенный 28 февраля 1813 года между Россіей и Пруссіей. Александръ обязался „не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока Пруссія въ статистическомъ, географическомъ и финансовомъ отношеніяхъ не будетъ возстановлена въ предѣлахъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ, какіе существовали до указанной эпохи (1806 г.)". Это требовавіе было подтверждено 14 іюня въ Рейхенбахѣ Англіей и 9 сентября 1813 года въ Теплицѣ Австріей. Трактаты эти не включали никакихъ опредѣленныхъ территоріальныхъ указаній, такъ какъ въ этомъ существенномъ пунктѣ между пруссаками и русскими существовало разногласіе. Пруссаки требовали полнаго возстановленія своихъ территоріальныхъ границъ до 1806 г., т.-е. возвращенія имъ большей части бывшаго великаго герцогства Варшавскаго. Русскіе не соглашались на это, такъ какъ эти области входили въ ту долю которую Александръ намѣревался взять себѣ изъ наполеоновскаго наслѣдства.

Александръ держалъ великое герцогство въ своихъ рукахъ. Но на этомъ онъ не думалъ остановиться. Возвращаясь къ своей юношеской мысли, въ одно и то же время великодушной и честолюбивой, онъ мечталъ о возстановленіи старой Польши въ полномъ объемѣ; онъ хотѣлъ путемъ обмѣна германскихъ и итальянскихъ областей пріобрѣсти польскія провинціи, захваченныя Австріей въ 1772 и 1795 гг. и Пруссіей въ 1793 и 1795 гг., и сдѣлаться королемъ этой возстановленной Польши, связанной личной уніей съ русской имперіей. Осуществленіе этого плана раздвинуло бы россійскую державу до границъ древней Германіи. Пруссаки взирали на этотъ планъ со страхомъ, австрійцы—съ завистью. Послѣдніе требовали себѣ обратно польскія области, уступленныя ими Наполеону въ 1809 году и вошедшія въ составъ великаго герцогства; у нихъ не было никакого желанія мѣнять Галицію и отдать ее Россіи. Наконецъ, сами русскіе высказывались противъ проекта своего императора. Они отнюдь не хотѣли, чтобы Россія отказалась отъ громадныхъ польскихъ провинцій, пріобрѣтенныхъ ею въ 1772, 1792 и 1795 годахъ. Разрушеніе Польши представлялось имъ охранительнымъ дѣломъ. При этомъ они указывали, что такое возстановленіе Польши было бы столь же хрупкимъ, сколько опаснымъ пред-

пріятіемъ. Чтобы привлечь симпатіи поляковъ, имъ нужно было бы предоставить свободныя учрежденія, сеймъ и вольности, а это было бы неудобнымъ сосѣдствомъ и грознымъ примѣромъ для Россіи. Окажутся ли поляки съ анархическими инстинктами своей шляхты, съ состоящимъ изъ евреевъ третьимъ сословіемъ и съ массой рабовъ; окажутся ли они способными къ повиновенію, къ прочной привязанности, къ самоуправленію и государственной жизни? „Можно ли повѣрить, писалъ Нессельроде, чтобы въ польскомъ сердцѣ могло когда-нибудь пустить корни стремленіе къ русской Польшѣ? Какимъ образомъ императоръ могъ бы въ одной части своихъ владѣній быть самодержавнымъ, а въ другой— конституціоннымъ монархомъ?" „Наконецъ, заключаетъ Нессельроде, русскій народъ имѣетъ право на то, чтобы съ его пожеланіями считались: „предпріятіе это по существу было бы анти-національнымъ". Александръ занялъ выжидательное положеніе, но по мѣрѣ того, какъ союзники получали въ свое распоряженіе все большую массу завоеванныхъ территорій, онъ снова вернулся къ своему первоначальному плану, съ той разницей, что онъ готовъ былъ ограничиться примѣненіемъ его только къ польскимъ провинціямъ Австріи и Пруссіи.

Онъ придумалъ комбинацію, которая, какъ ему казалось, способна была всѣхъ примирить. Саксонскій король былъ великимъ герцогомъ Варшавскимъ; онъ потерялъ всѣ свои владѣнія: нѣмецкая ихъ часть, Саксонія, пусть будетъ предоставлена Пруссіи, а польская часть, великое герцогство, отдано Россіи. Такимъ образомъ, Пруссія станетъ твердой ногой въ Германіи и водворится въ самомъ сердцѣ древней Имперіи; изъ державы, на двѣ трети славянской, каковой ее сдѣлали раздѣлы 1793 и 1795 годовъ, она станетъ державой болѣе, чѣмъ на двѣ трети нѣмецкой, и изъ всѣхъ германскихъ государствъ будетъ насчитывать наибольшее количество нѣмецкихъ подданныхъ. На этой почвѣ между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ III состоялось соглашеніе. Но во всякомъ случаѣ, оно оставалось втайнѣ, такъ какъ остальные *союзники* не только не обнаруживали особаго сочувствія къ этой комбинаціи, но высказывали къ ней сильную вражду.

Англія и Австрія. — Англія или, точнѣе говоря, англійскіе министры и дипломаты ничуть не интересовались судьбой Саксоніи и ея короля; ихъ нисколько не трогало, что этотъ король будетъ лишенъ своихъ владѣній; въ территоріальномъ приращеніи Пруссіи они видѣли только выгодныя для себя стороны. Но они отнюдь не хотѣли допустить, чтобы Россія присоединила къ себѣ всю прусскую и австрійскую Польшу. Это придало бы ей слишкомъ большую силу въ Европѣ, а слѣдовательно, и на востокѣ.

Относительно востока Австрія испытывала тѣ же опасенія, и даже болѣе чувствительныя и болѣе непосредственныя. Кромѣ того, водвореніе Пруссіи въ Саксоніи, на самой границѣ Богеміи, и превращеніе ея въ первенствующую нѣмецкую державу было для Австріи прямой угрозой и въ нѣкоторомъ смыслѣ униженіемъ, на которое она не могла согласиться. Во всякомъ случаѣ, если бы ей и пришлось примириться съ непріятнымъ для нея присутствіемъ русскихъ въ Варшавѣ, то отказаться отъ обратнаго требованія уступленныхъ ею въ 1809 году польскихъ провинцій она готова была лишь въ обмѣнъ за новыя области въ Италіи. Уже давно ея стремленія направлялись въ эту сторону. Меттернихъ усвоилъ планы Тугута. Онъ готовъ былъ начать съ русскими торгъ, который въ свое время онъ велъ въ Кампо-Форміо, и въ виду этого онъ не поколебался вести переговоры съ Мюратомъ о раздѣлѣ папскихъ владѣній (трактатъ 11 января 1814 года). За участокъ,

отведенный неаполитанскому королю, Австрія должна была получить Папскую область; кромѣ того, Меттернихъ намѣревался еще захватить альпійскіе проходы, подъ предлогомъ необходимости противопоставить преграду французскимъ вторженіямъ. Онъ видѣлъ, что въ Италіи всѣ возстановленные на своихъ престолахъ монархи не въ состояніи удержаться тамъ безъ поддержки австрійской арміи, и онъ помышлялъ о составленіи изъ всѣхъ этихъ австрійскихъ кліентовъ союза, во главѣ котораго, въ качествѣ покровителя и защитника, стоялъ бы императоръ Францъ, и который бы отдалъ ему во власть всю Италію. Носились слухи, что въ Прагѣ 27 іюля 1813 года подписанъ былъ тайный договоръ, по которому Англія выражала свое согласіе на этотъ проектъ. Но Россія дала бы свое согласіе только въ обмѣнъ за польскія провинціи, а Пруссія—за Саксонію. Оба вопроса были связаны между собой, и отъ нихъ зависѣло все остальное.

Такимъ образомъ, среди четырехъ союзниковъ образовались три партіи. Лѣто 1814 года прошло въ безплодныхъ переговорахъ. Тѣмъ временемъ германскіе народы, которымъ Кутузовъ отъ имени своего повелителя обѣщалъ въ мартѣ 1813 года независимость и конституцію, „составленную въ старинномъ духѣ германскихъ народовъ“, которая позволила бы „возрожденной, помолодѣвшей, могущественной и объединенной Германіи снова занять подобающее мѣсто въ средѣ европейскихъ націй“, волновались, роптали, требовали исполненія этихъ обѣщаній и возстановленія Германской Имперіи и дрожали отъ негодованія при одной мысли, что вся масса пролитой крови и принесенныхъ жертвъ можетъ не привести ни къ какому иному результату, кромѣ расширенія Пруссіи, разрушенія древняго германскаго государства и распредѣленія народовъ между новыми господами.

II. Политика Франціи.

Виды Людовика XVIII. — Французскому правительству тайны союзниковъ не были извѣстны; но оно догадывалось о ихъ существованіи, благодаря дружескимъ сообщеніямъ заинтересованныхъ сторонъ, и, главнымъ образомъ, благодаря жалобамъ мелкихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ дворовъ, которые видѣли для себя угрозу—одни въ лицѣ Пруссіи, другіе въ лицѣ Австріи. Отстрочки конгресса достаточно ясно показывали, что *четыре* союзныя державы не сошлись относительно статей, которыя онѣ рѣшили выработать по частичному *между собою* соглашенію. По тому молчанію, котораго онѣ придерживались относительно Франціи, очевидно было, что онѣ попрежнему упорно хотѣли ее отстранить отъ участія въ рѣшеніи этихъ крупныхъ вопросовъ. Кэстльри написалъ объ этомъ 14 августа Веллингтону, англійскому посланнику въ Парижѣ, а Веллингтонъ сообщилъ Талейрану, что существуютъ обязательства, заключенныя „въ такую эпоху, когда Англія далеко не могла считать французское правительство въ числѣ своихъ друзей“. Распри союзниковъ пробили единственную брешь, чрезъ которую Франція могла пройти, чтобы снова вернуться въ Европу, занять тамъ свое мѣсто и со временемъ, быть можетъ, разорвать цѣпи составившейся противъ нея коалиціи.

Въ этомъ заключалась главная задача политики Людовика XVIII, и въ этихъ именно видахъ задуманъ былъ тонкій, остроумный и глубокій дипломатическій планъ, который онъ, по соглашенію съ своимъ министромъ Талейраномъ, выработалъ для французской делегаціи на конгрессѣ. Прежде всего король долженъ былъ найти средства, чтобы вывести Францію изъ того состоянія изолированности, въ которое поставили ее союзники и въ которомъ они намѣрены были ее удержать. Страхъ и зависть къ могу-

ществу Франціи лежали въ основѣ коалиціи и связывали воедино ея составные элементы. Доставить какой-нибудь предлогъ подозрѣніямъ, проявить какое бы то ни было стремленіе къ территоріальному расширенію, внушить безпокойство англичанамъ со стороны Бельгіи, а пруссакамъ и нѣмцамъ со стороны лѣваго берега Рейна—это значило бы немедленно сблизить союзниковъ и дать оружіе въ руки тѣмъ, кто, какъ, напримѣръ, пруссаки, одушевлены были неумолимой ненавистью къ Франціи и которые хотѣли отнять у нея Эльзасъ и Лотарингію. Поэтому въ распоряженіи Франціи было лишь одно средство для того, чтобы ихъ раздѣлить: а именно — успокоить ихъ. Они навязали ей безкорыстіе: и это было ея единственной силой. Они организовали хитрую систему предосторожностей противъ ея честолюбія и двойственности; но они не предвидѣли того случая, когда она откажется отъ честолюбивыхъ замысловъ или, вынужденная обстоятельствами, захочетъ быть искренней. Они заставили ее отказаться отъ попытки приключеній и интригъ, но этимъ они продиктовали ей въ нѣкоторомъ смыслѣ политику принциповъ. Людовикъ XVIII и Талейранъ прекрасно это поняли и постарались извлечь изъ наложенныхъ на нихъ обязательствъ источникъ силы и приспособить къ нимъ свои дѣйствія. Коалиція боролась съ Франціей и принудила ее подписать Парижскій миръ во имя европейскаго государственнаго права; и Франція собиралась выступить на конгрессѣ, именно, во имя этого права и потребовать примѣненія ко всѣмъ государствамъ безразлично постановленій, навязанныхъ ей; она хотѣла доказать свое уваженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ энергическимъ отстаиваніемъ всеобщаго примѣненія положеннаго въ ихъ основаніе принципа. „Надлежало, говорилъ Талейранъ, показать, что Франція довольствуется тѣмъ, что имѣетъ; что она искренне отказалась отъ прежнихъ завоеваній; что она чувствуетъ себя достаточно сильной въ своихъ старыхъ границахъ; что она и не думаетъ стремиться къ ихъ расширенію; что она, наконецъ, полагаетъ теперь свою славу въ умѣренности; но если она хочетъ, чтобы къ ея голосу еще прислушивались въ Европѣ, то настаиваетъ она на этомъ лишь потому, что намѣрена защищать права другихъ народовъ противъ всякой попытки ихъ нарушенія". Эта роль самоотреченія была, быть можетъ, „не лишена извѣстнаго величія"; во всякомъ случаѣ, она не была лишена извѣстной ловкости. Франція собиралась завоевать себѣ „достойное и почетное положеніе, благодаря своей полезной роли защитницы слабыхъ".

Многіе выдающіеся умы признавали эту политику настоящей традиціонной политикой французской дипломатіи. Франція гордилась ею и умѣла извлекать изъ нея пользу въ эпоху расцвѣта своего могущества; и напрасно она отказалась отъ этой политики при Людовикѣ XV, благодаря неспособности правителей, а во время Республики и Имперіи —, благодаря увлеченію пропагандой своихъ идей или стремленіемъ къ гегемоніи. Отказаться отъ крупныхъ завоеваній, такъ какъ они неизбѣжно связаны съ крупными раздѣлами; воспрепятствовать сильнымъ государствамъ пріобрѣсти чрезмѣрное могущество; защищать мелкія государства отъ притязаній всякихъ державъ; сохранять въ международныхъ отношеніяхъ систему равновѣсія, способную на ряду съ обезпеченіемъ мира гарантировать Франціи, въ виду итальянскаго и нѣмецкаго раздробленія, выдающееся вліяніе и придать ей характеръ всеобщаго регулятора — эта политика, связанная съ великимъ именемъ Генриха IV, была также политикой Ришелье и Мазарини. Ее же воспринялъ осторожно, но съ достоинствомъ, Верженнъ при Людовикѣ XVI. Проводить ее

совѣтовалъ Талейранъ молодой Республикѣ въ 1792 году, и слѣдовать ей намѣренъ былъ также Людовикъ XVIII, когда онъ надѣялся вступить на престолъ въ 1795 и 1800 гг. Людовикъ XVIII не измѣнилъ своего мнѣнія, а Талейранъ хранилъ свое мнѣніе неизмѣнно; это была его постоянная задняя мысль, своего рода *reserwatio mentalis*, которую онъ мысленно всегда дѣлалъ, несмотря на всѣ свои заявленія въ обратномъ смыслѣ, сдѣланныя имъ для того, чтобы удержаться на мѣстѣ. Итакъ, оба они—король, исходившій изъ принципіальныхъ мотивовъ, и министръ, руководимый соображеніями расчета—пришли къ одному и тому же заключенію, такъ какъ обоими ими руководили дѣйствительный опытъ, пониманіе реальныхъ отношеній и инстинктивное чутье, подсказывавшее имъ, въ чемъ заключаются истинные интересы Франціи въ европейскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ, по прямымъ указаніямъ Людовика XVIII и на основаніи совѣтовъ и замѣтокъ Талейрана, были составлены сентябрьскія *Инструкціи* 1814 г. Редактировалъ ихъ старшій канцеляристъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, Лабенардьеръ. Эти „Инструкціи" были вплоть до Парижскаго трактата 1856 года блестящимъ освященіемъ и законченнымъ проявленіемъ этой политики, кодексомъ и уставомъ французской дипломатіи.

Инструкціи Талейрана.—„Франція находится въ томъ благопріятномъ положеніи, что ей не приходится желать нарушенія справедливости въ пользу утилитарныхъ соображеній и искать своей частной выгоды внѣ справедливости, выгодной для всѣхъ". Справедливость требуетъ, чтобы „государь, владѣнія котораго захвачены, не переставалъ быть государемъ, если только онъ добровольно не уступилъ кому-нибудь своихъ правъ". Существуютъ два основные принципа публичнаго права: во-первыхъ, самый фактъ захвата не даетъ завоевателю суверенныхъ правъ, если законный государь не уступилъ завоеванной территоріи; во-вторыхъ, для постороннихъ государствъ суверенныя права существуютъ лишь постольку, поскольку они ихъ признали. Отсюда слѣдуетъ, что саксонскій король долженъ послать на конгрессъ своего уполномоченнаго и требовать признанія своихъ правъ, а Мюратъ, который не признанъ ни Англіей, ни Франціей, ни Россіей, не можетъ послать уполномоченнаго въ качествѣ неаполитанскаго короля. Справедливость и публичное право требуютъ, чтобы государства не были вынуждаемы противъ своей воли составлять конфедераціи; а отсюда слѣдуетъ, что германскія государства, независимость которыхъ признана была Парижскимъ трактатомъ, должны принять участіе въ работахъ конгресса, и въ частности въ обсужденіи проекта конфедераціи, которую имъ предстоитъ образовать. „Къ этимъ соображеніямъ справедливости присоединяется еще мотивъ выгоды для Франціи: все, что полезно мелкимъ государствамъ, выгодно и для нея". Мелкія итальянскія и германскія государства пожелаютъ вернуть себѣ и обезпечить свою независимость, и Франція должна имъ въ этомъ помочь. Австрія теперь уже не опасна въ Германіи, но ея честолюбіе обращаетъ ея взоры въ сторону Италіи, а Пруссія стремится занять въ Германіи ея мѣсто. „Нужно помѣшать Австріи распространить свое господство на Италію, противопоставляя ея вліянію противные интересы; въ Германіи — той же политики слѣдуетъ придерживаться относительно Пруссіи. Самое физическое устройство этого королевства дѣлаетъ для него честолюбивыя стремленія чѣмъ-то естественно необходимымъ. Никакіе идейные мотивы его не сдерживаютъ... Прусскіе эмиссары волнуютъ Германію, убѣждая ее, что Франція готова снова въ нее вторгнуться,... и требуютъ, чтобы

Германія была, въ интересахъ ея же охраны, отдана въ руки Пруссіи".

А отсюда вытекаютъ слѣдующіе выводы: слѣдуетъ стремиться къ возстановленію саксонскаго короля, къ возстановленію короля изъ дома Бурбоновъ въ Неаполѣ, къ возвращенію Папской области Святому Престолу, къ обезпеченію Сардиніи отъ австрійскихъ поползновеній, къ введенію Австріи и Пруссіи въ ихъ прежнія границы, вознаградивъ Австрію за потерю Нидерландовъ территоріей бывшей Венеціанской республики. Было бы, безъ сомнѣнія, согласно съ справедливостью распространить и на Польшу это общее дѣло заглаживанія старыхъ грѣховъ и одновременно возстановить равновѣсіе силъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно находилось въ 1792 году, такъ какъ Францію вѣдь возвращали въ границы этого времени. Но здѣсь пришлось бы натолкнуться на непреодолимыя препятствія. Ни Пруссія, ни Австрія, ни Россія ни за что бы не согласились вернуть Польшѣ то, что онѣ захватили въ 1772, 1793 и 1795 гг. Никто изъ русскихъ не далъ бы своего согласія на отказъ отъ Литвы: „Россія желаетъ возстановленія Польши не для того, чтобы потерять то, что она раньше пріобрѣла; она хочетъ его для того, чтобы пріобрѣсти то, чѣмъ она еще не обладаетъ". —„Если тѣмъ не менѣе русскій императоръ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, согласится отказаться отъ находящихся въ его владѣніи польскихъ земель (очевидно, онъ не могъ бы этого сдѣлать, не подвергаясь личному риску со стороны русскихъ)..., то король..., хотя и не ждетъ отъ этого счастливыхъ результатовъ,... ни въ коемъ случаѣ этому не воспротивится". Но если Россія оставляетъ за собой Литву, если она просто намѣрена присоединить къ русской имперіи великое герцогство Варшавское съ прибавкой, въ ущербъ Австріи, нѣкоторыхъ частей Галиціи, то принципіальная постановка вопроса исчезаетъ. Остается вопросъ расчета, и вовсе не въ интересахъ Европы допустить расширеніе Россіи до Одера, что придало бы ей страшную силу. При такихъ условіяхъ самымъ благоразумнымъ исходомъ будетъ возвращеніе къ тому положенію вещей, которое существовало до 1807 года.

Швейцарія должна составить независимую и нейтральную конфедерацію.—„Оттоманская Порта является европейской державой, дальнѣйшее существованіе которой важно для сохраненія европейскаго равновѣсія. Поэтому, полезно гарантировать ея существованіе". И въ то же время Франція намѣрена сохранить свои старыя прерогативы, свои торговыя сношенія, прежніе договоры, протекторатъ надъ католиками на Востокѣ и европейскихъ дипломатическихъ агентовъ, „франковъ", какъ въ Турціи называютъ этихъ резидентовъ. Съ помощью этой системы она снова добьется повсюду вліянія и уваженія. „Событія послѣдняго времени оставили по себѣ такія впечатлѣнія, которыя слѣдуетъ изгладить. Франція является столь могущественнымъ государствомъ, что остальные народы могутъ быть спокойны лишь при увѣренности въ ея миролюбивыхъ стремленіяхъ, а эту увѣренность они легко почерпнутъ изъ того факта, что она успѣла уже внушить имъ понятіе о своей справедливости".

Въ этой системѣ отдѣльныя части тѣсно связаны между собою. „Почти вся совокупность подлежащихъ обсужденію конгресса вопросовъ зависитъ отъ одного принципа, и отказаться отъ этого принципа въ одномъ пунктѣ значило бы отречься отъ него совершенно". Поэтому приписывается крайняя важность рѣшенію предварительныхъ вопросовъ, организаціи конгресса и провозглашенію принциповъ; французскимъ уполномоченнымъ даются самыя тщательныя предписанія не допускать приглашенія на конгрессъ никого, кто не имѣетъ права засѣдать

на немъ, а также не соглашаться на исключеніе съ конгресса никого изъ тѣхъ, кто имѣетъ право участвовать въ немъ; наконецъ, выражается настойчивое требованіе, чтобы конгрессъ дѣйствительно собрался, конституировался и прежде всего опредѣлилъ, какія государства могутъ послать туда своихъ представителей и какіе вопросы должны на немъ разбираться.

Позиція, занятая, такимъ образомъ, Франціей, была неуязвима. Франція выдвигала противъ союзниковъ юридическій принципъ, который они сами прежде провозгласили. Конечно, государи и дипломаты—русскіе, прусскіе и австрійскіе—имѣли въ виду лишь одно, а именно—подражать всѣмъ пріемамъ побѣжденнаго ими Наполеона и обойтись съ выморочной французской имперіей такъ, какъ въ свое время они поступили съ безначальной Польшей; при этомъ, они никому не намѣрены были отдавать отчета въ своихъ поступкахъ. Но четвертая союзница, Англія, не могла такъ далеко идти за ними по этому пути. Англійскому правительству приходилось публично давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, англійскій представитель Кэстльри лично былъ такъ же малочувствителенъ, какъ и его коллеги, въ вопросахъ принциповъ и международнаго права; но не такъ обстояло дѣло съ англійскимъ парламентомъ. Уже по тому одному, что въ Лондонѣ имѣлась парламентская трибуна и пресса, гдѣ дѣйствія конгресса могли подвергаться обсужденію, эти дѣйствія подлежали публичной санкціи. Въ этомъ-то пунктѣ Талейранъ и надѣялся прижать англійскихъ дипломатовъ. Составляя впослѣдствіи свои принципіальныя заявленія, онъ гораздо меньше имѣлъ въ виду подѣйствовать на своихъ коллегъ, чѣмъ на общественное мнѣніе, къ которому онъ обращался черезъ посредство газетъ, куда по счастливой нескромности и попадали его ноты.

Правда, если взглянуть на прошлое Талейрана и на пройденный имъ извилистый путь отъ Отэнскаго епископства до Вѣнскаго конгресса, черезъ кабинетъ Дантона, министерство иностранныхъ дѣлъ во время Директоріи, дворъ Наполеона, Берлинъ, Тильзитъ и Эрфуртъ, то взятая имъ на себя роль покажется неудобной. Талейрану предстояло навязать участникамъ конгресса не только принципы своего новаго повелителя, но и свою собственную личность, составлявшую съ ними довольно странное сочетаніе. Съ его стороны требовалось величайшее нахальство, на которое, впрочемъ, онъ былъ достаточно способенъ, а со стороны его коллегъ—поразительная снисходительность. Но роль и игравшій ее артистъ оказались весьма на мѣстѣ. Очутившись вмѣстѣ за зеленымъ сукномъ, бывшіе партнеры столькихъ славныхъ партій принуждены были всѣ приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ здѣсь самимъ собою; всѣ представляли нѣчто совершенно отличное отъ ихъ собственнаго прошлаго, отъ ихъ прежнихъ дѣйствій и даже отъ ихъ личныхъ взглядовъ. И это нѣчто было какъ разъ тѣмъ принципомъ, въ силу котораго возстановленный ими на престолѣ Людовикъ XVIII царствовалъ во Франціи и на который Талейранъ, посланникъ Людовика XVIII, ссылался на конгрессѣ. Талейранъ говорилъ отъ имени короля, который въ этомъ пунктѣ былъ безусловно свободенъ отъ какихъ бы то ни было упрековъ. Впрочемъ, кто посмѣлъ бы ставить Талейрану въ упрекъ его перебѣги? Если онъ служилъ узурпаціямъ Республики и Имперіи, то и всѣ другіе въ свое время принимали въ нихъ участіе. Они подписали съ Республикой и Имперіей договоры: Пруссія въ Базелѣ, Берлинѣ и Ратисбоннѣ; Австрія въ Кампо-Форміо, въ Люневиллѣ, въ 1810 году, во время бракосочетанія Наполеона съ Маріей-Луизой;

Россія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ. Одинъ лишь англійскій посланникъ могъ высказать ему презрѣніе, но онъ получилъ приказаніе молчать. Итакъ, всѣ согласились предать прошлое забвенію. Въ разговорахъ съ глазу на глазъ, въ тайныхъ статьяхъ, которыя не приходится мотивировать, они могли ни въ грошъ не ставить принципы международнаго права; но они не могли этого дѣлать въ протоколахъ и декларацiяхъ. И такимъ образомъ, эти скептическіе и испорченные старые авгуры должны были безъ смѣха смотрѣть другъ на друга и съ скрежетомъ зубовнымъ слушать литургію, которую справлялъ ихъ учитель въ цинизмѣ и развращенности, этотъ „хромой чертъ", какъ они его называли, ставши первосвященникомъ ихъ собственной церкви волею ихъ коалицій и милостью ихъ побѣдъ.

Впрочемъ, позиція, занятая Франціей, имѣла и свои слабыя стороны. Ей нельзя было ни на минуту выходить изъ своей роли безсеребренника даже по самому незначительному поводу. Если бъ она это сдѣлала, то все бы пропало; ея заявленія получили бы характеръ сплошного лицемѣрія, и вся эта выдержанная политика принциповъ сразу упала бы до уровня вульгарнѣйшей системы интригъ. Никогда политика не требовала большей выдержанности. Въ интересахъ тѣхъ элементовъ, которымъ эта политика была непріятна, было сбить Францію, вышибить ее изъ этой колеи, однимъ словомъ, ввести французскихъ дипломатическихъ агентовъ въ искушеніе, вовлечь ихъ въ какую-нибудь сдѣлку и, такимъ образомъ, скомпрометировать. Меттернихъ, конечно, долженъ былъ постараться въ этомъ направленіи. Кромѣ того (и это было болѣе важно), принятая Людовикомъ XVIII политика неизбѣжно вела къ полному антагонизму съ Россіей и Пруссіей, интересы которыхъ были солидарны и государи которыхъ были связаны узами самой нѣжной и прочной дружбы. Людовикъ XVIII не ошибался, когда считалъ ихъ неразрывными друзьями, и не желая пожертвовать въ лицѣ саксонскаго короля своимъ принципомъ въ угоду Пруссіи и ни въ коемъ случаѣ не содѣйствовать замысламъ ея правительства, онъ необходимо долженъ былъ вступить въ конфликтъ съ Россіей. Онъ рѣшился на это безъ особенной внутренней борьбы. Быстрый ростъ русскаго могущества внушалъ ему безпокойство, и недостатокъ планомѣрности въ развитіи этой націи оскорблялъ его классическій духъ; исполненный противорѣчій характеръ Александра, благороднаго и коварнаго въ одно и то же время и политичнаго даже въ проявленіяхъ великодушія, казался этому чистой воды вольтеріанцу комедіантской маской.

Александръ взялъ по отношенію къ нему покровительственный тонъ; онъ обращался съ нимъ, какъ съ какимъ-нибудь прусскимъ королемъ, который всѣмъ былъ ему обязанъ и отъ котораго онъ могъ требовать всего. Но потомокъ Людовика XIV ничутъ не расположенъ былъ пылать благодарностью, а тѣмъ менѣе играть роль подчиненнаго. Онъ столь же гордился восмьювѣковымъ существованіемъ своей династіи, какъ и твердо намѣренъ былъ не служить игрушкой ни въ чьихъ рукахъ. Онъ не могъ забыть ни высылки изъ Митавы, ни Тильзита, ни заигрываній съ Бернадотомъ, ни скептическаго отношенія Александра къ принцу легитимизма, ни претензіи этого самодержца продиктовать хартію французскому королю и попытки его составить себѣ противъ Людовика свою партію во Франціи, включавшую массу дворянъ и нѣсколькихъ либераловъ. Наконецъ, такъ какъ онъ искренно желалъ мира въ интересахъ упроченія своего престола, возстановленія національной мощи и примиренія французовъ съ ихъ старой королевской династіей, то

его политика совпадала съ его личными вкусами, которые влекли его къ Англіи. Въ данный моментъ интересы ихъ были солидарны. Относительно же будущаго король мало безпокоился, такъ какъ онъ прекрасно зналъ, что въ тотъ день, когда силы Франціи будутъ возстановлены, когда Россія будетъ нуждаться въ ней, а Франція сочтетъ выгоднымъ сблизиться съ Россіей, то сближеніе между ними произойдетъ само собой. Но въ данную минуту, и особенно на Вѣнскомъ конгрессѣ, Людовикъ XVIII, сообразуя свои дѣйствія съ расчетами Александра и становясь въ ряды его протеже, унизилъ бы себя передъ лицомъ современниковъ и потерялъ бы въ будущемъ шансы сдѣлаться со временемъ такимъ союзникомъ, дружбы котораго ищутъ и услуги котораго вознаграждаютъ. Если бы онъ сталъ добиваться отъ Александра неопредѣленнаго обѣщанія какого-нибудь территоріальнаго приращенія и унизился бы до политики подачекъ, то онъ возбудилъ бы подозрѣнія, оправдалъ бы клеветы своихъ враговъ и изолировалъ бы себя: въ этомъ пунктѣ Англія была непоколебима, Австрія настроена враждебно, а съ Пруссіей объ этомъ нечего было и заговаривать. Онъ очутился бы въ полной власти Россіи, которая, разъ держа его въ своихъ рукахъ, не имѣла бы ровно никакого желанія ссориться съ остальными его союзниками для его удовлетворенія. Людовикъ XVIII неспособенъ былъ понять русскаго народнаго духа; но его крайняя изощренность и лукавство заставляли французскаго короля подозрѣвать существованіе весьма ловкихъ комбинацій, которыя Александръ такъ изящно умѣлъ скрывать отъ поверхностныхъ наблюдателей подъ внѣшней маской энтузіазма, чувствительности и либерализма. Александръ отнюдь не помышлялъ о распущеніи коалиціи, которая была дѣломъ его рукъ и служила ему орудіемъ для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ, гегемоніи надъ Европой. Онъ и не думалъ о территоріальномъ расширеніи Франціи, да притомъ цѣлью коалиціи и было помѣшать такому расширенію. Но поставивъ Францію въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало его выгодамъ, Александръ желалъ отвлечь ее отъ Австріи и Англіи, сохраняя при этомъ союзъ съ обоими этими дворами. Онъ хотѣлъ, чтобы Франція, кромѣ него, не имѣла никакихъ других союзниковъ и чтобы онъ во всякое время могъ располагать ею въ своихъ интересахъ. Никогда ему и въ голову не приходило пожертвовать въ угоду ей Пруссіей; но онъ считалъ выгоднымъ для себя имѣть справа и слѣва двухъ одинаково преданныхъ и одинаково послушныхъ помощниковъ своей политики прусскаго короля и французскаго короля. Такимъ образомъ, онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ Людовика XVIII не для того, чтобы расторгнуть четверной союзъ, а для того, чтобы, привлекши на свою сторону Францію, укрѣпить свое положеніе въ этомъ четверномъ союзѣ и сдѣлаться въ немъ безспорнымъ главой и повелителемъ. Впрочемъ, даже и этой комбинаціи онъ предпочиталъ полюбовное улаженіе всѣхъ вопросовъ *вчетверомъ,* и это обнаружилось въ Вѣнѣ съ самаго же начала.

III. Подготовленіе конгресса.

Мѣры, направленныя къ исключенію Франціи.—Четыре союзныя державы заранѣе условились, что въ первыхъ числахъ сентября онѣ соберутся на предварительныя совѣщанія. И дѣйствительно, до прибытія государей и уполномоченныхъ другихъ державъ въ Вѣну, гдѣ Меттернихъ представлялъ Австрію, пріѣхали Нессельроде, делегатъ Россіи, Гумбольдтъ и Гарденбергъ отъ Пруссіи, Кэстльри и братъ его, Чарльзъ Стюартъ,

отъ Англіи. Они сдѣлали какъ разъ то, что предвидѣлъ Талейранъ, а именно—составили программу для работъ конгресса. Программа эта, выработанная Гумбольдтомъ, была 16 сентября сообщена четыремъ союзнымъ державамъ, а 18-го онѣ рѣшили урегулировать путемъ частичнаго между собою соглашенія вопросы польскій, итальянскій и германскій. Но на слѣдующій же день имъ пришлось убѣдиться, что между ними далеко не существуетъ полнаго согласія. Онѣ начали съ самаго щекотливаго изъ всѣхъ этихъ вопросовъ, а именно—съ раздѣла великаго герцогства Варшавскаго. Гарденбергъ требовалъ для своего государя часть этого герцогства; Нессельроде же отвѣтилъ, что русскій императоръ желаетъ взять все. Меттернихъ указалъ на то, что герцогство было завоевано не одной лишь русской арміей, что австрійцы также содѣйствовали этому завоеванію; они не отрицаютъ за Россіей права на вознагражденіе, хотя Александръ и заявилъ, что онъ не намѣренъ производить захватовъ, но они не соглашаются уступить ему провинціи, прежде входившія въ составъ Австріи. Краковъ и Замойскъ расположены слишкомъ близко отъ Вѣны, для того чтобы Австрія позволила русскимъ прочно тамъ водвориться. Возстановленіе самаго названія Польши уже представляетъ извѣстную опасность, и притомъ же рѣшительно противорѣчитъ ранѣе заключеннымъ трактатамъ. На это Нессельроде возразилъ, что Краковъ и Замойскъ абсолютно необходимы Россіи въ интересахъ военной защиты. Гарденбергъ прибавилъ, что Торнъ такъ же необходимъ для защиты Пруссіи, и что Пруссія ни въ какомъ случаѣ не дастъ своего согласія на возстановленіе Польши. Напротивъ, Кэстльри сказалъ, что возстановленіе Польши встрѣтитъ полное сочувствіе въ рядахъ англійскаго парламента, но при этомъ предполагалось, что рѣчь идетъ о цѣлостной и независимой Польшѣ, а не о Польшѣ, урѣзанной и подчиненной Россіи.

При такихъ условіяхъ оказывалось болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо захлопнуть двери передъ французами, и такъ какъ союзники не могли никакъ согласиться по существу, то они стали разсуждать о формальной сторонѣ вопроса. Этимъ предметомъ занялось совѣщаніе, состоявшееся 22-го сентября у Меттерниха. Въ основу обсужденія положенъ былъ Парижскій трактатъ; прочитана была первая секретная его статья: „Постановленія относительно территоріи... будутъ урегулированы на конгрессѣ на основаніяхъ, принятыхъ союзными державами по общему соглашенію между собой“. Участники конференціи признали, что, какъ ясно вытекаетъ изъ самаго смысла этихъ выраженій: „урегулированы по соглашенію между собою“, рѣчь идетъ о такихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ Франція не должна принять участія; впрочемъ, весьма важно, чтобы Франція не присутствовала при предварительныхъ обсужденіяхъ, такъ какъ въ случаѣ ея участія „она будетъ высказываться по каждому вопросу за или противъ того или иного рѣшенія, все равно, будетъ ли оно связано съ ея собственными интересами или нѣтъ; она будетъ поддерживать или высказываться противъ того или другого монарха въ зависимости отъ частныхъ соображеній, а это дастъ поводъ мелкимъ владѣтельнымъ князьямъ Германіи возобновить ту систему интригъ и козней, которая въ значительной степени является причиной всѣхъ бѣдствій послѣднихъ лѣтъ. Вотъ, почему крайне важно не вступать въ переговоры съ французскими уполномоченными до тѣхъ поръ, пока этотъ вопросъ не будетъ разрѣшенъ“. Но, исключая Францію, нужно было въ то же время исключить также Испанію, Португалію и Швецію, которыя также

подписали Парижскій трактатъ. Въ такомъ смыслѣ и были утверждены протоколы совѣщанія 18-го сентября. Меттернихъ, Гумбольдтъ, Гарденбергъ и Нессельроде подписали это постановленіе; Кэстльри не рѣшился присоединиться къ нему безъ оговорокъ, и сдѣланная имъ оговорка прокладывала дорогу для французовъ: „Я все-таки полагаю, что принятыя здѣсь рѣшенія будутъ подвергнуты свободному и открытому обсужденію вмѣстѣ съ двумя остальными державами, какъ сторонами дружественными, а не враждебными“. Двѣ остальныя страны—это были Франція и Испанія, которыхъ Кэстльри не рѣшался устранить офиціально. Въ интересахъ дѣла было, конечно, весьма желательно достигнуть полнаго единогласія, но, какъ сказалъ Кэстльри, „я не могу согласиться на то, чтобы меня могло безусловно связывать какое-нибудь большинство“.

Представители четырехъ союзныхъ державъ собрались еще разъ 23 сентября, чтобы выработать текстъ того сообщенія, которое они намѣрены были сдѣлать французамъ и испанцамъ; относительно Португаліи и Швеціи не поднимался уже вопросъ. Въ концѣ-концовъ былъ подписанъ протоколъ, въ которомъ было сказано, что вопросы разбиваются на два разряда: 1) тѣ, которые относятся „къ основнымъ интересамъ Европы, обнимаютъ взаимныя отношенія между державами, проведеніе границъ и рѣшеніе судьбы областей, временно занятыхъ и управляемыхъ союзными державами“, т.-е. вопросы о Польшѣ, Германіи и Италіи; *четыре союзныхъ двора* будутъ обсуждать между собою эти вопросы, и когда они придутъ къ какому-нибудь соглашенію, то сообщатъ результаты своихъ трудовъ представителямъ Франціи и Испаніи и „пригласятъ ихъ высказать свои мнѣнія и пожеланія“; 2) выработка федеративнаго договора для Германіи; эта работа будетъ поручена дворамъ Австріи, Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга и Ганновера. Къ этому протоколу былъ присоединенъ *проектъ декларацій*, заявляющій, что державы, подписавшія Парижскій трактатъ, будутъ руководить занятіями конгресса, но не будутъ рѣшать ни одного вопроса безъ содѣйствія тѣхъ державъ, которыя имѣютъ право принимать участіе въ ихъ обсужденіи.

Прибытіе французскихъ делегатовъ.—Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 23 сентября въ Вѣну прибылъ Тайлеранъ въ сопровожденіи герцога Дальбера, маркиза Латуръ-Дюпэна, графа Алексиса де Ноайля и Лабенардьера. Вѣна была переполнена дипломатами. Всѣ настоящія или мнимыя государства, которыя съ 1798 года подвергались грабежу, или сами грабили другихъ, требовали возвращенія своихъ владѣній или хлопотали о подтвержденіи своихъ правъ. Вся старая Германская Имперія, вплоть до Мальтійскаго ордена, послала туда своихъ представителей или агентовъ. Затѣмъ, начали съѣзжаться и монархи. Русскій императоръ и прусскій король прибыли 25 сентября. При вѣнскомъ дворѣ собрались всѣ прежніе посѣтители эрфуртскаго театра и гости дрезденскаго замка, кромѣ саксонскаго короля, сидѣвшаго въ тюрьмѣ въ Берлинѣ, Маріи-Луизы, жившей вдали отъ свѣта въ Шёнбруннѣ, и Наполеона, сосланнаго на островъ Эльбу. Празднества, оставшіяся легендарными, не прекращались, и хроника разсказываетъ, что издержки на нихъ достигли 40 милліоновъ. Но, несмотря на празднества, тамъ господствовало далеко не мирное настроеніе. Нѣмецкій дипломатъ Гагернъ разсказываетъ, что, пріѣхавши въ Вѣну 15-го, онъ 21-го уже слышалъ разговоры о войнѣ. „Союзники согласны были между собою, — прибавляетъ онъ, — лишь постольку, поскольку нужно было дѣйствовать противъ Франціи, и это обстоятельство скоро обратилось въ ея пользу“.

Но вначалѣ французскіе делегаты чув-

ствовали себя совершенно изолированными. Талейранъ приготовился къ этому, и тѣмъ не менѣе ему понадобился весь его апломбъ и вся его ловкость, чтобы не оплошать при первыхъ же встрѣчахъ, при этихъ, такъ сказать, рекогносцировкахъ, отъ которыхъ зависѣла судьба всего выработаннаго имъ плана. „Къ нему относились съ омерзѣніемъ, говоритъ Гагернъ, Не разъ во время празднествъ, устраиваемыхъ въ честь конгресса, я видѣлъ его одинокимъ, всѣми оставленнымъ вплоть до того момента, когда я подходилъ къ нему, чтобы вывести его изъ затруднительнаго положенія или разсѣять его дурное настроеніе. Въ этой роли со мной чередовались англичане. Даже его отель мало посѣщался. Но это продолжалось недолго, и скоро все это коренным образомъ измѣнилось. Его умъ, послѣдовательность, принципы, которыхъ онъ придерживался, его любезность, когда онъ хотѣлъ ее проявить, восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Со стороны представителей крупныхъ державъ онъ встрѣтилъ высокомѣрное и сдержанное отношеніе, въ представителяхъ мелкихъ государствъ—подозрительность.Первые не уставая повторяли, что въ Парижѣ они обнаружили слишкомъ большую нетребовательность какъ относительно денежной контрибуціи, такъ и относительно территоріальныхъ вознагражденій". „Я видѣлъ, говоритъ Талейранъ, что они были пресыщены наслажденіями, доставляемыми щедростью". Онъ зналъ, что отъ нихъ ему нечего ждать. Поэтому, онъ обратился къ другимъ. Прежде всего ему нужно было успокоить ихъ насчетъ намѣреній Франціи. Безкорыстіе, о которомъ говорили со всѣхъ сторонъ, должно было повсюду вызывать недовѣрчивое отношеніе. Онъ видѣлъ, что люди готовы вѣрить только дѣйствіямъ, а не словамъ; однако, необходимо было расположить ихъ въ свою пользу, и Талейранъ направилъ всѣ свои усилія въ эту сторону. Онъ сразу замѣтилъ, что наиболѣе чувствительнымъ пунктомъ является молчаніе, которое „четверка" хранила по отношенію ко всѣмъ остальнымъ, и претензія союзниковъ рѣшать все между собою. Въ данномъ вопросѣ интересы Талейрана и государствъ, не входившихъ въ „четверку", были солидарны, и онъ воспользовался этимъ. „Я не сталъ жаловаться, пишетъ онъ. Я ограничился тѣмъ, что сообщилъ объ испытываемомъ мною неудовольствіи посланникамъ второстепенныхъ дворовъ, которые имѣли общіе со мною интересы. Вспоминая, что въ старину въ политикѣ ихъ странъ наблюдалось довѣріе къ Франціи, они вскорѣ начали смотрѣть на меня, какъ на свою опору..." Фактъ былъ тотъ, что среди дипломатовъ, подписавшихъ трактатъ 30-го мая и заявлявшихъ притязаніе на руководительство конгрессомъ, одинъ лишь Талейранъ хотѣлъ и могъ говорить за нихъ. Такъ какъ имъ выгодно было этому вѣрить, то они и повѣрили. „Желаніе мира, — говорилъ Талейранъ Гагерну —, является единственнымъ средствомъ, которое поможетъ Франціи добиться вліянія. Послѣ столькихъ дурныхъ примѣровъ она должна дать и хорошій. Нужно быть добрымъ и умѣреннымъ европейцемъ. Франція не требуетъ ничего, рѣшительно ничего, кромѣ того, что выражено въ прелиминаріяхъ мира, а именно справедливаго распредѣленія силъ между державами".

Такимъ-то образомъ Талейранъ, разгадавши замыслы союзниковъ, предупреждалъ ихъ какъ разъ той „уловкой", возможность которой они хотѣли у него отнять. Впрочемъ, онъ имѣлъ нужныя ему свѣдѣнія. Испанскій уполномоченный, Лабрадоръ, устраненный такъ же, какъ и Талейранъ, отъ крупныхъ дѣлъ, не былъ предметомъ такого же полнаго недовѣрія; Сенъ-Марсанъ, сардинскій посланникъ, могъ проникать всюду: оба они предупредили Талейрана о составившемся противъ

него заговорѣ. Наконецъ, къ смущенію Кэстльри, Талейранъ безъ особаго труда отгадалъ, что этотъ посолъ взялъ на себя обязательства, которыя угнетаютъ его и о которыхъ, въ случаѣ надобности, онъ побоится дать отчетъ передъ парламентомъ. Такимъ образомъ, не теряя ни одного дня, Талейранъ 28 сентября выдѣлилъ изъ своихъ инструкцій одну изъ наиболѣе продуманныхъ и наиболѣе годныхъ для опубликованія и распространенія страницъ и составилъ на основаніи ея записку, въ которой онъ доказывалъ, что нѣтъ ничего болѣе справедливаго, чѣмъ возстановленіе независимой Польши, но нѣтъ ничего болѣе опаснаго, чѣмъ созданіе русской Польши.

Въ тотъ же день Александръ, недовольный прусскими министрами и ихъ притязаніями на линію Вислы, имѣлъ совѣщаніе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Въ результатѣ этой бесѣды Гарденбергъ, Нессельроде, Гумбольдтъ и Штейнъ, совѣтникъ русскаго императора по германскимъ дѣламъ, подписали протоколъ, по которому Саксонія цѣликомъ отходила къ прусскому королю съ тѣмъ условіемъ, что среди владѣній этого государя она должна была сохранить названіе Саксонскаго королевства. Это было предуготовленіемъ и основнымъ условіемъ для предоставленія великаго Герцогства Варшавскаго Россіи подъ именемъ Царства Польскаго. Этотъ протоколъ долженъ былъ, впрочемъ, держаться въ строгой тайнѣ вплоть до того дня, когда русскій императоръ сочтетъ удобнымъ вывести свои войска изъ Саксоніи и передать управленіе ею въ руки прусскаго короля.

Такъ какъ днемъ открытія конгресса было публично объявлено 2 октября, то никакъ невозможно было дольше его откладывать, не объясняя причинъ новой отсрочки и не собравши представителей державъ, подписавшихъ трактатъ 30 мая, для обсужденія этого вопроса. Меттернихъ пригласилъ къ себѣ 30 сентября делегатовъ шести государствъ: Австріи, Испаніи, Франціи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи. Это предварительное собраніе должно было рѣшить вопросъ о ходѣ работъ конгресса и въ частности о роли Франціи.

Талейранъ на совѣщаніяхъ.—Талейранъ долженъ былъ занять опредѣленное положеніе по отношенію ко всѣмъ этимъ вопросамъ, и отъ его образа дѣйствій зависѣло, останется ли онъ въ сторонѣ или будетъ пользоваться извѣстнымъ вліяніемъ. Онъ мастерски сыгралъ свою роль. Меттернихъ сообщилъ ему содержаніе протокола 22 сентября. Талейранъ внимательно прочелъ его и обратилъ вниманіе на то, что слова „*союзныя державы*" повторяются тамъ нѣсколько разъ. „*Союзныя,*—сказалъ онъ—,но противъ кого? Это не можетъ быть противъ Наполеона, такъ какъ онъ на островѣ Эльбѣ. Несомнѣнно также, что это не противъ французскаго короля, такъ какъ онъ является гарантіей прочнаго мира. Господа, будемъ говорить откровенно: если существуютъ еще *союзныя державы*, то я здѣсь лишній". На это они ему отвѣтили, что на словѣ не настаиваютъ. Замѣтивъ, что первая же стычка произвела на нихъ извѣстное впечатлѣніе, Талейранъ сдѣлался смѣлѣе и пошелъ напрямикъ: „А между тѣмъ, если бы меня здѣсь не было, то вы живо бы ощущали мое отсутствіе. Изъ васъ всѣхъ я одинъ, быть можетъ, не требую ничего. Я требую для Франціи лишь одного, а именно, чтобы къ ней относились съ уваженіемъ. Она достаточно сильна своими богатствами, пространствомъ, численностью и духомъ своего населенія... Повторяю, я не требую ничего, а вамъ приношу очень много. Присутствіе министра Людовика XVIII освящаетъ здѣсь принципъ, на которомъ покоится весь общественный порядокъ. Европа прежде всего нуждается въ томъ, чтобы разъ навсегда

отвергнута была идея, будто право пріобрѣтается голымъ фактомъ завоеванія, и чтобы въ полной силѣ возстановленъ былъ священный принципъ легитимизма, на которомъ основывается порядокъ и устойчивость общества...“ Затѣмъ, переходя къ проектируемой деклараціи, онъ спросилъ, когда откроются засѣданія общаго конгресса, въ которомъ, согласно Парижскому трактату, должны принять участіе представители всѣхъ государствъ, которыхъ коснулась война. Если державы, подписавшія этотъ трактатъ, должны взять на себя руководящую роль, то для этого имъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, получить полномочіе отъ остальныхъ, а дать такое полномочіе могъ только конгрессъ. „Неотвѣтственные министры могли легко принять извѣстныя мѣры, но лордъ Кэстльри и онъ, Талейранъ, находятся въ совершенно иномъ положеніи“. Кэстльри признался, что „эти мысли и ему приходили въ голову“. И такимъ образомъ, завязался общій разговоръ.

Кто-то упомянулъ про неаполитанскаго короля, подъ которымъ онъ разумѣлъ Мюрата. Лабрадоръ высказался объ этомъ государѣ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, и Талейранъ, теперь совершенно оправившійся, позволилъ себѣ произнести слѣдующую фразу: „О какомъ неаполитанскомъ королѣ идетъ рѣчь? Мы совершенно не знаемъ человѣка, о которомъ здѣсь говорятъ“. Со стороны бывшаго министра Наполеона, который основалъ это королевство и приходился шуриномъ королю, это было невѣроятной наглостью. Талейранъ не зналъ этого „человѣка“! А между тѣмъ они вмѣстѣ фигурировали въ цѣломъ рядѣ торжественныхъ церемоній и кортежей, хотя бы на коронаціи императора. Молчаніе, которымъ былъ встрѣченъ этотъ вопросъ, показало, что слова эти были сказаны весьма кстати. Меттерниху, который недавно еще велъ переговоры съ Мюратомъ, приходилось молчать, такъ какъ онъ не осмѣливался вслухъ признаться въ заключеніи трактата съ неаполитанскимъ королемъ. Ни русскій, ни англійскій представители не соглашались признать Мюрата. Одинъ лишь прусскій делегатъ, Гумбольдтъ, впрочемъ, совершенно не заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, замѣтилъ, что державы признали Мюрата и гарантировали ему владѣніе своимъ государствомъ. „Тѣ, кто гарантировали ему это, не должны были, а слѣдовательно, и не могли этого сдѣлать“, заявилъ Талейранъ. На этомъ собраніе разошлось съ тѣмъ, чтобы выработать новый проектъ деклараціи.

„Вмѣшательство Талейрана и Лабрадора совершенно разстроило наши планы,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Фридрихъ фонъ Генцъ, секретарь конгресса.— Они протестовали противъ принятой нами заранѣе процедуры. Въ продолженіе двухъ часовъ они здорово намылили намъ голову. Это была сцена, которой я никогда не забуду. Князь Меттернихъ не замѣчаетъ такъ ясно, какъ я, всей затруднительности и даже ужаса нашего положенія“.

Талейранъ и Александръ.—Съ этого момента Талейрану былъ открытъ доступъ на всѣ совѣщанія, ему принадлежала теперь въ Вѣнѣ извѣстная роль, и съ этого дня прекратилось его изолированное положеніе. Пользуясь своимъ выгоднымъ положеніемъ, онъ составилъ 1 октября ноту, которую послалъ своимъ коллегамъ—представителямъ Австріи, Испаніи, Великобританіи, Пруссіи и Россіи. Въ этой запискѣ онъ доказывалъ, что только *восемь* державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, имѣютъ право подготовить конгрессъ; что конгрессъ этотъ непремѣнно долженъ собраться, хотя бы для провѣрки полномочій, и что послѣ этого можно будетъ раздѣлиться на комитеты. Въ тотъ же день онъ отправился на аудіенцію, данную ему императоромъ Александромъ. Императоръ былъ

страшно раздраженъ вчерашнимъ вмѣшательствомъ Талейрана. Талейранъ долженъ былъ бы чувствовать себя неловко въ присутствіи этого монарха, для котораго онъ въ Эрфуртѣ (и позже) предалъ своего тогдашняго повелителя, Наполеона, и вмѣстѣ съ которымъ онъ недавно работалъ надъ дѣломъ реставраціи своего новаго повелителя, Людовика XVIII; но тотъ фактъ, что онъ вмѣстѣ съ Александромъ принималъ участіе въ столь различныхъ дѣлахъ и что у нихъ имѣется столько общихъ тайнъ, о которыхъ имъ обоимъ выгодно было не вспоминать, приводилъ его напротивъ въ веселое настроеніе. Александръ и Талейранъ разговаривали между собою такъ, какъ будто они познакомились только недавно въ Парижѣ, во время возстановленія монархіи во Франціи, которое должно было послужить прелюдіей къ возстановленію публичнаго права въ Европѣ. Это вызвало между ними слѣдующій оригинальный діалогъ: „Поговоримъ о нашихъ дѣлахъ", сказалъ императоръ: „мы должны здѣсь же покончить съ ними".—„Это зависитъ отъ Вашего Величества. Они будутъ быстро и счастливо закончены, если Ваше Величество привнесетъ въ эти дѣла то же благородство и то же великодушіе, какъ и во французскія дѣла".—„Но каждый долженъ соблюдать свою выгоду".—„Но каждый долженъ сохранить также свои права". — „Я удержу то, что занимаю".—„Ваше Величество пожелаетъ удержать лишь то, что законно ему принадлежитъ".—„Я согласенъ съ великими державами".—„Я не знаю, считаетъ ли Ваше Величество въ числѣ этихъ державъ Францію?"—„Да, конечно; но если вы не хотите, чтобы каждый нашелъ въ этихъ дѣлахъ свою выгоду, чего жъ вы желаете?"—„Я ставлю право на первый планъ, а выгоды на второй".—„Выгода Европы—это право".—„Государь, этотъ языкъ не Вашъ. Онъ Вамъ чуждъ, и Ваше сердце противъ него протестуетъ".—„Нѣтъ, повторяю, выгоды Европы — составляютъ право".—Тогда Талейранъ началъ биться головой о стѣну, жалобно приговаривая: „О Европа, Европа! несчастная Европа!"—Александръ, размахивая руками, воскликнулъ: „Я скорѣе предпочту войну, чѣмъ откажусь отъ областей, которыя я занимаю!" Затѣмъ, онъ вдругъ спохватился и со словами: „Сейчасъ начнется спектакль!" вышелъ. Онъ былъ не на шутку разгнѣванъ; но Талейранъ видалъ на своемъ вѣку и не такіе виды и особенно этимъ не смущался. „Положеніе наше трудное,—писалъ онъ Людовику XVIII.—И съ каждымъ днемъ оно можетъ сдѣлаться еще труднѣе... Министры Вашего Величества могли бы, пожалуй, наткнуться на такія препятствія, что имъ пришлось бы отказаться отъ всякой другой надежды, кромѣ надежды спасти свою честь. Но до этого мы еще не дошли"

3 октября состоялось собраніе у Меттерниха, причемъ послѣдній потребовалъ, чтобы Талейранъ взялъ назадъ свою записку отъ 1-го октября. Талейранъ отказался сдѣлать это. Меттернихъ снова сталъ намекать, что всѣ дѣла должны рѣшаться лишь четырьмя державами. На это Талейранъ возразилъ: „Если вы хотите поставить вопросъ такимъ образомъ, то я совершенно съ вами солидаренъ; я совершенно готовъ къ этому и ничего другого и не требую". —„Что вы хотите этимъ сказать?" — „Очень просто. Я не стану принимать участія въ вашихъ совѣщаніяхъ; я останусь здѣсь только въ качествѣ члена конгресса и буду ждать его открытія". Планъ союзниковъ могъ удаться, лишь при условіи сохраненія полной тайны. Талейранъ грозилъ разоблачить его со скандаломъ; если бы ему предоставили свободу дѣйствій, то онъ изъ уполномоченнаго побѣжденной Франціи превратился бы въ адвоката Европы, обманутой и эксплуатируемой тѣми, кто обѣщалъ вернуть ей порядокъ и спокойствіе. Какъ ни опасно было допускать

его на частныя совѣщанія, но выходило гораздо выгоднѣе имѣть его въ своей средѣ, чѣмъ держать его въ сторонѣ. Союзники готовы были пойти на что угодно, лишь бы не раскрывать своихъ картъ. Такимъ образомъ, Талейранъ остался, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше повышалъ онъ тонъ. Онъ составилъ на основаніи своихъ инструкцій новую записку, въ которой заявлялъ, что конгрессъ непремѣнно состоится и что онъ дѣйствительно будетъ открытъ; по поводу этой записки онъ имѣлъ разговоръ съ Кэстльри и убѣдился, что этотъ англичанинъ соглашается съ нимъ формально, а отчасти и по существу.

Но прежде чѣмъ подчиниться необходимости и согласиться на расторженіе Шомонскаго договора, отнестись съ довѣріемъ къ Франціи и, болѣе того, обратиться къ ней за содѣйствіемъ, Кэстльри и Меттернихъ готовы были перепробовать всѣ средства для того, чтобы какъ-нибудь убѣдить своихъ союзниковъ и заключить съ ними компромиссъ. Кэстльри составилъ 4 октября мемуаръ, при редактированіи котораго онъ явно руководился запиской, переданной ему 28 сентября Талейраномъ. Въ этомъ мемуарѣ онъ отстаивалъ сохраненіе *statu quo ante* въ Польшѣ. Допустимо ли предположеніе, чтобы Австрія и Пруссія вступили въ союзъ, заключили договоры въ Калишѣ и Рейхенбахѣ „единственно въ интересахъ территоріальнаго расширенія Россіи, даже ниспровергая при этомъ свои собственныя границы и оставляя, такимъ образомъ, свои столицы открытыми и беззащитными“? Превратить Польшу въ свободную націю, въ независимое государство—это будетъ весьма справедливымъ дѣломъ; но нельзя отдать ее Россіи и сдѣлать изъ нея „грозное военное орудіе“; поэтому „до тѣхъ поръ, пока Его Императорское Величество будетъ настаивать на этомъ прискорбномъ проектѣ, выработка какого-нибудь плана для возстановленія порядка въ Европѣ, равно какъ открытіе настоящаго конгресса, невозможны“.

Декларація объ открытіи конгресса. — Однако, съ величайшими усиліями и съ канцелярскими намеками, неясностями и экивоками, Генцъ составилъ проектъ декларации, откладывавшій открытіе конгресса до тѣхъ поръ, пока „вопросы достаточно созрѣютъ для того, чтобы результаты соотвѣтствовали требованіямъ Парижскаго трактата и законнымъ ожиданіямъ современниковъ“. Такимъ образомъ, конгрессъ былъ отложенъ до 1 ноября. Представители *шести* державъ были созваны на 8 октября къ Меттерниху для обсужденія этого проекта. Талейранъ, приглашенный явиться нѣсколько раньше открытія засѣданія, засталъ тамъ Меттерниха, который хотѣлъ вызвать его на разговоръ и особенно добиться отъ него какого-нибудь компрометирующаго и неосторожнаго выраженія, провоцировать его на какіе-нибудь вопросы или, по крайней мѣрѣ, на бесѣду о предметахъ, представлявшихъ спеціальный интересъ для его государя. Такихъ темъ не оказывалось и никогда не было, кромѣ одной, довольно неважной, а именно—неаполитанскаго вопроса. Всѣ знали, что королю очень хотѣлось низложить Мюрата, чтобы посадить обратно на престолъ своего кузена Фердинанда. Но считать Людовика XVIII, одного изъ хитрѣйшихъ и терпѣливѣйшихъ людей своего времени, способнымъ пожертвовать своимъ принципомъ какъ разъ въ такомъ вопросѣ, гдѣ этотъ принципъ долженъ былъ самъ собою восторжествовать,—это значило глубоко заблуждаться относительно его характера. Естественный ходъ вещей направлялся противъ Мюрата. Нетрудно было понять, что если Меттерниху придется отказаться отъ Папской области, то онъ предоставитъ Мюрата собственной участи и постарается отъ него какъ-нибудь отдѣлаться. А возста-

новленіе папы въ Папской области было связано съ вопросомъ о возвращеніи престола саксонскому королю и являлось прямымъ примѣненіемъ легитимистскаго принципа, какъ понималъ его Людовикъ XVIII. Защищая права саксонскаго короля, онъ защищалъ права папы, а разъ папѣ будутъ возвращены его владѣнія, то Мюратъ терялъ для Австріи всякій интересъ. Такъ оно уже и было. Меттернихъ не помышлялъ уже объ ограбленіи Святого Престола, такъ какъ никто его въ этомъ стремленіи не поддерживалъ. Съ этого момента Мюратъ былъ обреченъ на гибель, и вся игра Меттерниха сводилась къ тому, чтобы завлечь этого несчастнаго короля въ какую-нибудь ловушку, куда бы онъ слѣпо попалъ [1]). Талейранъ зналъ объ этихъ намѣреніяхъ Меттерниха черезъ Сенъ-Марсана и черезъ другихъ итальянцевъ. Поэтому, онъ не испытывалъ никакого желанія принимать въ качествѣ услуги, оказываемой его государю, такой актъ Меттерниха, къ которому послѣдняго толкалъ его собственный интересъ.

Меттернихъ могъ убѣдиться въ этомъ съ первыхъ же намековъ, которые онъ сдѣлалъ въ этотъ день Талейрану. Послѣдній выказалъ готовность столковаться съ Австріей по главнымъ вопросамъ, но при этомъ онъ указалъ на то, что отъ него держатся въ сторонѣ и окружаютъ его густой сѣтью тайнъ. „Что касается меня,—прибавилъ онъ,—то я этого не дѣлаю, да я въ этомъ и не нуждаюсь: люди, которые дѣйствуютъ только на основаніи принциповъ, находятся въ выгодномъ положеніи. Вотъ бумага и перья. Желаете вы написать, что Франція ничего не требуетъ и даже ничего не приметъ? Я готовъ сейчасъ же подписаться подъ этимъ заявленіемъ“.—„Но вотъ, напримѣръ, неаполитанскій вопросъ, вѣдь онъ прямо васъ касается?“—„Онъ столько же касается меня, какъ и всѣхъ прочихъ. Для меня это лишь принципіальный вопросъ“. И, воодушевившись, онъ объяснилъ, что онъ понимаетъ подъ „принципіальными вопросами“: возстановленіе Бурбоновъ въ Неаполѣ, а саксонскаго короля въ Дрезденѣ, отверженіе прусскихъ притязаній на Саксонію, Люксембургъ и Майнцъ, и русскихъ притязаній на Варшаву. Эти „принципы“ совпадали съ „интересами“ Австріи. Талейранъ зналъ это очень хорошо и онъ безъ особаго удивленія выслушалъ отвѣтъ Меттерниха: „Мы стоимъ гораздо ближе другъ къ другу, чѣмъ вы это думаете. Обѣщаю вамъ, что Пруссія не получитъ ни Люксембурга, ни Майнца. Мы такъ же мало желаемъ, какъ и вы, чрезмѣрнаго расширенія Россіи, а что касается Саксоніи, то мы сдѣлаемъ все, отъ насъ зависящее, чтобы сохранить отъ нея, по крайней мѣрѣ, часть“.

Затѣмъ приступлено было къ совѣщанію. Талейранъ принялъ проектъ Генца и согласился на предварительныя совѣщанія, которыя должны были предшествовать конгрессу, такъ какъ теперь онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ туда допущенъ, и что союзники откажутся отъ мысли заранѣе рѣшать всѣ вопросы между собою. Но онъ потребовалъ, чтобы къ тому пункту, гдѣ говорилось о предстоящемъ 1 ноября открытіи конгресса, были прибавлены слова: „Будетъ поступлено согласно принципамъ публичнаго права“. Это предложеніе вызвало бурю. Особенно вознегодовали пруссаки. Весьма тугой на ухо Гарденбергъ вскочилъ и, стуча кулакомъ по столу, съ угрожающимъ видомъ произнесъ нѣсколько отрывочныхъ словъ: „Нѣтъ, милостивый государь,... публичное право... это безполезно... это само собою разумѣется“.—„Если это само собою разумѣется, возразилъ Телейранъ, то еще лучше будетъ, если мы это ясно скажемъ“. Гумбольдъ также кричалъ: „При чемъ тутъ публичное пра-

[1]) См. ниже, стр.

во?“—„А при томъ, что вы находитесь здѣсь“, — снова отвѣтилъ Талейранъ, помнившій, какъ при Тильзитѣ Пруссія чуть было не исчезла съ карты Европы. Кэстльри задалъ ему вопросъ, будетъ ли онъ болѣе сговорчивъ, если ему дадутъ удовлетвореніе по этому пункту. Талейранъ, въ свою очередь, спросилъ его, чего можетъ онъ при сговорчивости ждать отъ Англіи въ неаполитанскомъ вопросѣ. Кэстльри обѣщалъ ему поддержать его всѣмъ своимъ вліяніемъ. „Я поговорю объ этомъ съ Меттернихомъ; я имѣю право освѣдомиться по такому важному дѣлу“.—„Вы даете мнѣ слово?“—„Даю вамъ слово“. Послѣ двухчасовыхъ дебатовъ, эта фраза была въ концѣ концовъ принята и поставлена нѣсколькими строками выше: „Для того, чтобы результатъ соотвѣтствовалъ принципамъ публичнаго права, постановленіямъ парижскаго трактата и проч.“

Талейранъ многаго добился. Онъ нащупалъ слабое мѣсто у союзниковъ; однако, онъ не заблуждался относительно всей трудности задачи, состоявшей въ томъ, чтобы заставить публику повѣрить его, Талейрана, словамъ о правѣ и безкорыстіи; онъ прекрасно понималъ также, что нельзя отстоять самые справедливые принципы, если за ними не стоитъ способная поддержать ихъ сила. Вотъ, почему онъ писалъ 13 октября королю: „Тѣ, кто знаетъ наше отрицательное отношеніе къ ихъ претензіямъ, думаютъ, что мы можемъ имъ противопоставить одни лишь отвлеченныя разсужденія. Императоръ Александръ сказалъ нѣсколько дней тому назадъ: „Талейранъ разыгрываетъ здѣсь роль министра Людовика XIV“. Г. Гумбольдтъ, стараясь въ одно и то же время привлечь къ себѣ, и запугать г. фонъ-Шуленбурга, саксонскаго посланника, сказалъ ему: „Французскій уполномоченный выступаетъ здѣсь съ довольно благородными заявленіями; но одно изъ двухъ: или за этими заявленіями скрывается какая-нибудь задняя мысль, или за ними нѣтъ никакой силы, способной ихъ поддержать. Поэтому горе тѣмъ, кто повѣритъ этимъ словамъ!“ Самымъ лучшимъ средствомъ къ опроверженію этихъ рѣчей и къ выходу изъ теперешняго нерѣшительнаго положенія было бы, если бы Ваше Величество въ декларацiи, обращенной къ Вашему народу, ознакомило его съ принципами, преподанными намъ для руководства, объявило бы, что оно твердо намѣрено ни въ коемъ случаѣ отъ нихъ не отступать, и дало бы слегка только понять, что справедливое дѣло не останется безъ поддержки“. Въ ожиданіи этого шага, Талейранъ взялся обрабатывать представителей мелкихъ государствъ: „Безразсудство замѣчается во всемъ,—говорилъ онъ Гагерну.—Все здѣсь дѣлается съ величайшимъ легкомысліемъ. Ни одинъ вопросъ не разработанъ, какъ слѣдуетъ. Забываютъ, что мы не въ Шомонѣ находимся. Мы не хотимъ ничего, рѣшительно ничего, ни даже какой-нибудь захудалой деревушки; но мы хотимъ добиться справедливости. И если намъ въ этомъ будетъ отказано, то я не остановлюсь передъ оставленіемъ конгресса и передъ протестомъ. Лично я не хочу Бельгіи... Знаете ли вы, въ чемъ заключается моя Бельгія? Въ свободѣ судоходства по рѣчнымъ путямъ,— вотъ все, чего я хочу“

IV.—Саксонскій и польскій вопросы.

Раздоры среди союзниковъ.—Принятая 8 октября декларація была 13-го сообщена всѣмъ уполномоченнымъ. И въ чаду банкетовъ, пировъ, торжественныхъ оперныхъ и драматическихъ представленій снова началась работа нотъ, контръ-нотъ, меморандумовъ, конфиденціальныхъ заявленій и интригъ. Невозможно было сдѣлать ни шагу впередъ до тѣхъ поръ,

пока не были рѣшены польскій и саксонскій вопросы, и вокругъ этого лабиринта происходила глухая борьба, причемъ въ ходъ пускались подкопы, мины и контръ-мины. Эта борьба привела лишь къ тому, что пропасть между союзниками все болѣе расширялась. Кэстльри и Меттернихъ дѣйствовали согласно въ польскомъ вопросѣ, но Меттернихъ, не осмѣливаясь высовываться впередъ, выдвигалъ на первый планъ Кэстльри. Съ другой стороны, пруссаки, увѣренные въ благопріятномъ отношеніи Россіи къ ихъ притязаніямъ на Саксонію, такъ какъ царь 28 сентября обѣщалъ отдать имъ это королевство, старались теперь освободиться отъ выполненія другой половины сдѣлки, т.-е. предоставленія Россіи Варшавскаго герцогства, и, главнымъ образомъ, Познанской провинціи. Они пытаются тайкомъ разузнать намѣренія австрійцевъ и англичанъ; они признаютъ опасность русскаго водворенія въ Польшѣ; они намекаютъ, что, если имъ отдана будетъ Саксонія, то они готовы будутъ примкнуть къ Австріи для удержанія Россіи въ должныхъ предѣлахъ (нота Гарденберга къ Меттерниху отъ 9 октября, сообщенная Кэстльри 10-го). Но Кэстльри и Меттерниха не такъ-то легко было завлечь въ ловушку. Подозрѣвая существованіе какого-нибудь тайнаго договора между Пруссіей и Россіей, Кэстльри 11 октября отвѣтилъ Гарденбергу, что онъ готовъ уступить Саксонію Пруссіи на томъ условіи, что Пруссія не станетъ требовать ея въ видѣ компенсаціи за территоріальныя уступки русскимъ въ Польшѣ. Въ то же время Кэстльри попросилъ аудіенціи у царя

Александръ предупредилъ его и отправился къ Кэстльри. Результатомъ происшедшаго между ними разговора явилось письмо и длинный мемуаръ, которые Кэстльри адресовалъ Александру 12 октября и которые содержали въ себѣ развитіе основныхъ положеній его мемуара отъ 4 октября. Онъ присовокуплялъ: „Уполномоченные Великобританіи, Франціи и Испаніи и, вѣроятно, также уполномоченные остальныхъ европейскихъ государствъ, крупныхъ и мелкихъ, одинаково смотрятъ на этотъ проектъ. Въ какомъ же неудобномъ положеніи очутится, такимъ образомъ, Европа, если В. И. Величество не пожелаетъ отказаться отъ своего проекта и рѣшительно намѣревается овладѣть Герцогствомъ Варшавскимъ вопреки общему мнѣнію!..“—„Онъ ставитъ вопросъ именно такъ, какъ мы его понимаемъ, пишутъ французскіе уполномоченные. Онъ доказываетъ, что въ интересахъ всей Европы или старая Польша должна быть возстановлена, или этотъ источникъ смуты и это яблоко раздора должно разъ навсегда исчезнуть изъ сферы европейскихъ дипломатическихъ комбинацій“. Кэстльри сообщилъ французамъ содержаніе своей бесѣды съ царемъ и своихъ нотъ. Меттернихъ черезъ своихъ подручныхъ старался выпытать это содержаніе. „Вы кажетесь намъ собаками, которыя очень хорошо лаютъ, но не кусаютъ,—говорило Дальберу одно довѣренное лицо Меттерниха.—А мы одни не хотимъ кусать“. Оно прибавило, что, если бы австрійцы были болѣе увѣрены въ твердой рѣшимости Франціи, то они стали бы дѣйствовать энергичнѣе; тогда Россіи пришлось бы уступить, а Пруссіи—подчиниться безъ разговоровъ. Пощупали также и представителя Баваріи, которая была глубоко заинтересована въ защитѣ правъ второстепенныхъ государствъ, а слѣдовательно, и въ возстановленіи Саксоніи. Меттернихъ поручилъ спросить у маршала Вреде, согласна ли будетъ Баварія соединиться съ Франціей и Австріей?

Талейранъ посылалъ письмо за письмомъ въ Парижъ, требуя новыхъ инструкцій и, въ особенности, военной демонстраціи. Баварія вооружалась; мелкіе

нѣмецкіе государи, обезпокоенные явнымъ намѣреніемъ Пруссіи занять въ будущей конфедераціи господствующее положеніе—и въ частности Вюртембергъ и Ганноверъ—, заявили, что они не дадутъ своего согласія ни на какое постановленіе, касающееся германскихъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ разрѣшенъ вопросъ о Саксоніи. Но въ этомъ вопросѣ Кэстльри продолжалъ упорствовать по злобѣ члена коалиціи противъ нѣмецкаго короля, оставшагося вѣрнымъ Наполеону, а также въ угоду своимъ прусскимъ коллегамъ, вмѣстѣ съ которыми онъ велъ войну начиная съ 1813 года. Онъ питалъ надежду, что составленіемъ и обнародованіемъ громкихъ принципіальныхъ нотъ относительно Польши онъ въ состояніи будетъ оправдать въ глазахъ парламента эту уступку. Талейранъ, которому было извѣстно его затруднительное положеніе, засыпалъ его аргументами, доказывая ему, что оба эти вопроса связаны между собою тѣснѣйшимъ образомъ. Кэстльри продолжалъ думать, что, давши пруссакамъ удовлетвореніе, онъ отвлечетъ ихъ отъ Россіи и, такимъ образомъ, уладитъ польскій вопросъ безъ помощи Франціи. „По свойственному ему оригинальному пріему оцѣнки нашихъ силъ, — писалъ Талейранъ въ письмѣ къ королю отъ 31 октября, — можно судить, что больше всего онъ боится Франціи.—„Вы имѣете, сказалъ онъ мнѣ, двадцать шесть милліоновъ человѣкъ; мы считаемъ ихъ за сорокъ милліоновъ". Однажды у него вырвалось слѣдующее восклицаніе: „А! если бы вы совершенно отказались отъ лѣваго берега Рейна!"

Александръ, выведенный изъ терпѣнія, пригласилъ прусскаго короля приступить къ исполненію тайнаго договора отъ 28 сентября и занять своими войсками Саксонію. Затѣмъ онъ поручилъ вывѣдать мысли Талейрана, который по этому вопросу оказался совершенно несговорчивымъ. Тогда онъ пригласилъ его къ себѣ, надѣясь подѣйствовать на него, смутить его или смягчить; во всякомъ случаѣ, онъ предпочиталъ первое средство, болѣе лестное для его самолюбія и болѣе удобное для его политики. Свиданіе это состоялось 22 октября. Началось оно окрикомъ, по-наполеоновски. „Въ Парижѣ вы стояли за идею польскаго королевства. Какимъ же это образомъ вы измѣнили свое мнѣніе?"—„Государь, я остался при прежнемъ мнѣніи. Въ Парижѣ рѣчь шла о возстановленіи всей Польши цѣликомъ. Тогда, какъ и теперь, я хотѣлъ ея независимаго существованія. Но теперь дѣло стоитъ совершенно иначе. Вопросъ этотъ въ настоящее время подчиненъ вопросу объ установленіи такихъ граннцъ, которыя обезпечили бы безопасность Австріи и Пруссіи".—„Имъ нечего опасаться. Впрочемъ, я имѣю въ Герцогствѣ Варшавскомъ 200.000 человѣкъ; пусть попробуютъ ихъ выгнать оттуда! Я отдалъ Саксонію Пруссіи, и Австрія на это согласна".—„Не знаю, согласна ли на это Австрія. Мнѣ трудно этому повѣрить, такъ какъ все это совершенно противорѣчитъ ея интересамъ. Но развѣ согласіе Австріи можетъ сдѣлать прусскаго короля владѣльцемъ того, что принадлежитъ саксонскому королю?"—„Если саксонскій король не отречется отъ престола, то онъ будетъ увезенъ въ Россію и останется тамъ до своей смерти. Одинъ король тамъ уже умеръ". Послѣ этого многозначительнаго намека на раздѣлы Польши и на печальный конецъ Станислава Понятовскаго, Александръ продолжалъ: „Я думалъ, что Франція кое-чѣмъ мнѣ обязана. Вы всегда говорите о принципахъ. Ваше государственное право для меня не существуетъ; я знать его не хочу. Что для меня значатъ всѣ ваши пергаменты и ваши трактаты?" Теперь наступилъ моментъ, когда нужно было пустить въ ходъ обольщеніе. Но для этого у Александра не было никакого предлога, такъ какъ онъ совершенно не имѣлъ въ виду привлечь къ

себѣ симпатіи Франціи цѣной какихъ-нибудь территоріальныхъ уступокъ; онъ мечталъ просто поймать ее на собственную удочку и, такъ какъ она носилась съ принципами, то дать ей удовлетвореніе по этому пункту, только не въ Германіи. „Прусскій король, сказалъ онъ, будетъ королемъ прусскимъ и саксонскимъ, какъ я буду императоромъ всероссійскимъ и царемъ польскимъ. Содѣйствіе, которое Франція окажетъ мнѣ по этимъ двумъ пунктамъ, будетъ мѣрой тѣхъ услугъ, которыя я окажу ей въ вопросахъ, могущихъ ее интересовать“. Эти слова могли относиться только къ неаполитанскимъ дѣламъ. Талейранъ не былъ человѣкомъ, котораго легко можно поддѣть и который согласился бы за призрачную уступку разстаться съ ловко выбранной позиціей.

Онъ вышелъ съ этой аудіенціи болѣе, чѣмъ когда-либо, убѣжденный въ невозможности отдѣлить Пруссію отъ Россіи или, вѣрнѣе, отвлечь прусскаго короля отъ императора Александра. Меттерниху и Кэстльри пришлось около того же времени испытать это на собственномъ опытѣ. Подражая своему англійскому коллегѣ, Меттернихъ отправилъ 22 октября Гарденбергу ноту, въ которой онъ заявлялъ о своемъ согласіи на временную оккупацію Саксоніи пруссаками на томъ условіи, что Пруссія присоединится къ Австріи и Англіи, чтобы совмѣстными силами воспротивиться осуществленію русскихъ проектовъ въ Польшѣ. Меттернихъ и Кэстльри, рискуя, впрочемъ, сами попасться въ ловушку, могли вести съ Гарденбергомъ переговоры о какой-нибудь тайной сдѣлкѣ, направленной противъ Россіи; но прусскій король ни въ коемъ случаѣ не долженъ былъ знать объ этихъ закулисныхъ переговорахъ: малѣйшее нечистосердечіе по отношенію къ другу юности, который дважды спасъ ему престолъ и которому онъ на поляхъ битвы поклялся передъ Богомъ въ вѣчной вѣрности и дружбѣ, глубоко претило ему, какъ измѣна. Гарденбергъ считалъ себя вынужденнымъ представить ему ноту Меттерниха. Не зная, что нота эта служила отвѣтомъ на намеки его собственныхъ министровъ, возмущенный Фридрихъ-Вильгельмъ отнесъ ее царю. Александръ въ это время собирался сдѣлать экскурсію въ Венгрію. Онъ позвалъ Меттерниха къ себѣ, и между ними произошелъ, какъ пишетъ Талейранъ, „разговоръ, въ теченіе котораго, какъ это достовѣрно извѣстно, онъ третировалъ этого министра съ такимъ презрѣніемъ и въ такихъ выраженіяхъ, которыя могли показаться изъ ряду вонъ выходящими даже по отношенію къ собственнымъ его слугамъ“. Въ довершеніе всего Меттернихъ, получившій такую нахлобучку отъ всемогущаго императора за свою попытку спасти Саксонію, былъ обвиненъ нѣмцами въ желаніи выдать головой это королевство изъ угодливости передъ Россіей. Былъ моментъ, когда Меттернихъ смутился и заговорилъ о выходѣ въ отставку. Что касается Кэстльри, то царь 30 октября послалъ ему письмо вмѣстѣ съ меморандумомъ, который былъ составленъ Чарторыйскимъ; въ этой запискѣ онъ разбиралъ по пунктамъ англійскій меморандумъ.

Открытіе конгресса. Комитеты. — Тѣмъ временемъ приближался конецъ октября. Всѣ волновались и требовали открытія конгресса. Всѣхъ мучила мысль, неужели столько усилій закончится въ результатѣ торжественнымъ разочарованіемъ и банкротствомъ побѣдоносной Европы? Такъ или иначе, чтобы приступить къ дѣлу, необходимо было заняться вопросами процедуры. 30 октября представители *восьми* державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, собрались у Меттерниха; Португалія и Швеція снова заняли мѣсто, на которое онѣ имѣли право, и вмѣстѣ съ Испаніей составили резервный корпусъ, готовый поддержать Талейрана. Меттернихъ заявилъ, что имѣется еще нѣсколько важныхъ нерѣшенныхъ вопросовъ, но

что это не мѣшаетъ приступить къ повѣркѣ полномочій представителей тѣхъ государствъ, которыя послали своихъ делегатовъ на конгрессъ. Комиссіи, составленной по жребію изъ представителей Англіи, Пруссіи и Россіи, поручено было произвести повѣрку полномочій. Споръ начался по поводу распредѣленія работы между отдѣльными комитетами, которыми должны были руководить делегаціи отъ *восьми* державъ; послѣднія, въ качествѣ державъ вступающихъ, должны были служить посредниками между государствами, заинтересованными въ томъ или иномъ вопросѣ. Вѣдь невозможно было, въ самомъ дѣлѣ, созвать всѣхъ членовъ конгресса на полное засѣданіе и превратить его въ дипломатическій парламентъ. Но предложеніе распредѣлить работу между комитетами равносильно было поднятію предварительнаго вопроса о допущеніи посланниковъ саксонскаго короля и Мюрата. Составлялись протоколы за протоколами, и дѣло затягивалось. А покамѣстъ мало-по-малу образовывались комитеты по менѣе спорнымъ вопросамъ. Такъ, одинъ комитетъ для германскихъ дѣлъ, въ которомъ фигурировали Австрія, Пруссія, Баварія и Ганноверъ, работалъ уже съ 14 октября. 19 ноября составился другой для швейцарскихъ дѣлъ, въ который входили представители Австріи, Пруссіи, Англіи и Россіи.

Мемуаръ Талейрана относительно Саксоніи.—Тѣмъ временемъ Талейранъ получилъ изъ Парижа деклараціи и инструкціи, которыхъ онъ просилъ у короля. Прежде всего въ „Монитёрѣ" появилась нота 22 октября: Франція не питаетъ зависти ни къ кому, она стремится лишь къ возстановленію справедливаго равновѣсія. Она ничего не добивается „внѣ своихъ границъ; она не намѣрена принимать во вниманіе никакихъ заявленій, стремящихся установить систему простой выгоды;... и снова беря на себя роль, которая нѣкогда обезпечила ей уваженіе и признательность народовъ...; она хочетъ опять стать опорой слабыхъ и покровителемъ угнетенныхъ". Затѣмъ, слѣдовало письмо отъ короля, написанное 27 октября, одобрявшее заявленія Талейрана: „Нужно показать, что за словами стоитъ сила, и я дамъ приказъ привести армію въ военное положеніе". Изъ другихъ писемъ Талейранъ узналъ, что король имѣлъ бесѣду съ Веллингтономъ, англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, что они въ концѣ-концовъ пришли къ полному соглашенію, что Веллингтонъ написалъ объ этомъ въ Лондонъ и что Кэстльри скоро получитъ приказаніе выступить въ защиту Саксоніи. Въ виду этого Людовикъ XVIII въ дополнительныхъ инструкціяхъ, помѣченныхъ 25 октября, разрѣшилъ своему послу дѣйствовать солидарно съ Австріей и Баваріей, откровенно поговорить объ этомъ въ случаѣ нужды съ Кэстльри и заявить, что указанныя государства „могутъ разсчитывать со стороны короля на самую энергичную военную поддержку для противодѣйствія видамъ Россіи и Пруссіи какъ на Польшу, такъ и на Саксонію".

Почувствовавъ за собой опору, Талейранъ перешелъ въ наступленіе и 2 ноября пустилъ въ обращеніе *Толковый мемуаръ о Саксоніи* (Mémoire raisonné sur la Saxe), имѣвшій цѣлью возбудить вниманіе общественнаго мнѣнія въ Германіи и Англіи. На Германію авторъ старался подѣйствовать указаніемъ на скандальное низложеніе короля, на заразительность примѣра, на опасность, заключавшуюся въ усиленіи прусскаго могущества; на Англію — слѣдующимъ аргументомъ, подтвержденнымъ исторіей цѣлаго столѣтія: „Однимъ изъ предлоговъ, приводившихся въ доказательство необходимости присоединить Саксонію къ Пруссіи, было желаніе сдѣлать изъ этой послѣдней барьеръ противъ Россіи. Но государи обѣихъ этихъ странъ связаны узами такой дружбы, что, пока оба они будутъ въ живыхъ, ни одна

изъ нихъ не должна чего бы то ни было опасаться со стороны другой. Такимъ образомъ, предосторожность эта могла бы относиться только къ весьма отдаленному будущему. Но что скажутъ горячіе партизаны этого присоединенія, если имъ придется въ будущемъ оказаться свидѣтелями слѣдующей неожиданности: Пруссія опирается на Россію, чтобы добиться въ Германіи еще большаго расширенія, облегченнаго присоединеніемъ Саксоніи, и, съ своей стороны, поддерживаетъ Россію въ ея предпріятіяхъ противъ Турецкой имперіи? Такой исходъ не только возможенъ, но онъ даже весьма вѣроятенъ, такъ какъ онъ въ порядкѣ вещей". Фактъ тотъ, что онъ наступилъ и что Европа была имъ потрясена до основанія. Дружба между государями перешла отъ отцовъ къ дѣтямъ, продолжалась между Николаемъ, братомъ Александра и зятемъ Фридриха-Вильгельма III, Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и сыномъ этого короля Вильгельмомъ I, шурьями Николая, и племянникомъ ихъ, Александромъ II. Она помогла Пруссіи осуществить (и осуществить даже сверхъ ожиданій) свои мечты 1814 года: увеличеніе Пруссіи на цѣлую треть и превращеніе ея въ руководительницу Германской имперіи, и разгромъ Франціи, потерявшей Эльзасъ-Лотарингію, 1866—1871. Этотъ союзъ кончился лишь въ 1878 г., когда Россія захватила на Востокѣ свою долю и когда Пруссія сочла удобнымъ расторгнуть договоръ и, получивши свое съ избыткомъ, не нуждаясь въ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, принудила Россію возвратить свою добычу.

Пруссаки занимаютъ Саксонію.—Со всѣхъ сторонъ говорили о войнѣ, и Талейранъ не только не пытался положить конецъ этимъ слухамъ, но даже самъ распространялъ ихъ. Теперь онъ уже не оставался одинокимъ. Тогда Александръ рѣшился нанести ударъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ разъ навсегда покончить съ происками его противниковъ. 8 ноября Репнинъ, командующій русскимъ оккупаціоннымъ корпусомъ въ Саксоніи, попрощался съ саксонцами и объявилъ имъ, что они переходятъ въ завѣдованіе прусской администраціи „въ силу соглашенія, состоявшагося между Россіей и Пруссіей и признаннаго Австріей и Англіей". 10 ноября прусскіе генералы вступили во владѣніе Саксоніей. Эта новость не была еще извѣстна въ Вѣнѣ, когда въ субботу 12 ноября императоръ Александръ снова пригласилъ къ себѣ Талейрана. Фактъ уже совершился, но требовалась ратификація его конгрессомъ, и для русскаго императора было далеко не безразлично получить согласіе Франціи. Это свиданіе было повтореніемъ предыдущаго, съ той только разницей, что тонъ бесѣды былъ болѣе мягкій и почтительный. Александръ старался представить саксонскій вопросъ въ видѣ семейнаго дѣла (мать Людовика XVIII была саксонкой) и намекнуть, что болѣе непосредственный семейный интересъ Бурбоновъ лежитъ въ другомъ мѣстѣ. Прежде онъ дѣлалъ на эту тему лишь отдаленные намеки; теперь же онъ заговорилъ открыто: „Надѣюсь, что все это поведетъ къ сближенію между Франціей и Россіей. Каковы на этотъ счетъ намѣренія короля?"—„Король никогда не забудетъ тѣхъ услугъ, которыя ему оказало Ваше Величество..."—„Послушайте, давайте заключимъ сдѣлку: будьте любезны по отношенію ко мнѣ въ саксонскомъ вопросѣ, а я буду любезенъ по отношенію къ вамъ въ вопросѣ неаполитанскомъ. Съ этой стороны у меня руки совершенно свободны".—„Ваше Величество прекрасно знаетъ, что подобная сдѣлка невозможна. Между этими двумя вопросами равенства не существуетъ. Не можетъ быть, чтобы Ваше Величество не желало въ неаполитанскомъ вопросѣ того же самаго, чего желаемъ и мы."—„Попробуйте тогда убѣдить пруссаковъ, чтобы они освободили меня отъ даннаго слова!"—„Прусскій ко-

роль вполнѣ находится подъ вашимъ вліяніемъ; и притомъ, вы можете его удовлетворить".—„Какимъ образомъ?"—„Оставивши ему побольше территоріи въ Польшѣ! Вы предлагаете мнѣ довольно странный исходъ: вы хотите, чтобъ я платилъ изъ своего кармана".

У Талейрана осталось такое впечатлѣніе, что въ сущности царь поддается и что если найти какое-нибудь средство, способное удовлетворить пруссаковъ, не принуждая ихъ въ то же время совершенно отказаться отъ своихъ претензій, то онъ согласится на компромиссъ изъ опасенія всеобщей войны. По окончаніи аудіенціи Талейранъ узналъ, что пруссаки вступили во владѣніе Саксоніей, и что Меттернихъ и Кэстльри были поразительно одурачены Гарденбергомъ. Послѣдній, принявши ихъ условныя предложенія за безусловное согласіе, превратилъ ихъ предложеніе уступить Саксонію Пруссіи въ томъ случаѣ, если она соединится съ ними противъ Россіи, въ окончательное разрѣшеніе занять Саксонію и офиціально заявилъ объ этомъ согласіи Австріи и Англіи. Талейранъ нашелъ ихъ, особенно Кэстльри, въ сильномъ гнѣвѣ: англійскому министру не совсѣмъ-то удобно явиться передъ парламентомъ въ роли одураченнаго дипломата. Но онъ ничуть не скрывалъ отъ себя, что англичане рѣшатся на расторженіе Шомонскаго договора лишь въ случаѣ крайней военной необходимости. Александръ, съ своей стороны, пожелалъ выказать предупредительность и послалъ къ Талейрану Чарторыйскаго; но царскій посланецъ, какъ и самъ царь, ограничился неопредѣленными заявленіями, и относительно этого пункта Талейранъ никакъ не могъ выразиться болѣе точно, чѣмъ въ письмѣ отъ 20 ноября: „Императоръ Александръ обнаруживаетъ намѣреніе сблизиться съ нами". Впрочемъ, Людовикъ XVIII и не думалъ итти дальше. „Впервые пробуждаются, наконецъ, идеи справедливости, пишетъ онъ Талейрану отъ 26 ноября. Русскій императоръ сдѣлалъ шагъ назадъ, а въ политикѣ, какъ и во всѣхъ другихъ вещахъ, никогда первый шагъ не бываетъ послѣднимъ. Государь этотъ однако ошибается, если думаетъ вовлечь меня въ союзъ (политическій, разумѣется) съ Россіей. Какъ вамъ извѣстно, моя система—это всеобщій союзъ, а отнюдь не частные; послѣдніе служатъ источниками войны, тогда какъ первый является гарантіей мира". Именно въ виду этого мира, который онъ готовъ былъ, такъ сказать, взять съ бою, Людовикъ XVIII вооружался и уполномочивалъ Талейрана составить союзъ съ Австріей, Баваріей и, въ крайнемъ случаѣ, съ англичанами.

Заявленія Репнина и прусскихъ генераловъ въ Саксоніи, подтверждая всѣ опасенія австрійцевъ, вызвали въ Вѣнѣ взрывъ всеобщаго негодованія. Это—узурпація болѣе ненавистная, кричали нѣмцы, чѣмъ всѣ узурпаторскіе акты Наполеона. Кэстльри и Меттернихъ осаждались вопросами (на которые они не могли дать отвѣта) относительно ихъ мнимаго согласія на занятіе Саксоніи и осыпались упреками, отъ которыхъ они не въ состояніи были оправдаться. И волненіе дошло до апогея, когда изъ Варшавы получена была прокламація Великаго Князя Константина къ полякамъ, приглашавшая ихъ сплотиться подъ старымъ знаменемъ Польши для защиты своихъ угрожаемыхъ правъ. Жалобы раздавались со всѣхъ сторонъ. Шварценбергъ громогласно заявилъ, что, если бы онъ подозрѣвалъ планы русскихъ, онъ ни за что не отступилъ бы передъ ними и не подписалъ бы перемирія 20 января 1813 года. Наконецъ, люди съ тревогой стали задавать себѣ вопросъ, какое впечатлѣніе всѣ эти раздоры и безсиліе Епропы произведутъ на Эльбскаго изгнанника, и какой неожиданный переворотъ произойдетъ во всемъ мірѣ, если Наполеонъ

вдругъ выступитъ на сцену. Среди англичанъ и австрійцевъ начинали уже подсчитывать наличныя силы: Австрія и Германія могли выставить 350.000 человѣкъ; Россія и Пруссія—приблизительно столько же. Чтобы нарушить это равновѣсіе, нужна была третья сила. Талейранъ повторялъ, что у французскаго короля имѣется подъ ружьемъ 130.000 человѣкъ, и нельзя было не признать, что поддержка этой арміи рѣшала вопросъ. Александръ жаловался на Бурбоновъ, водилъ съ собой принца Евгенія и ронялъ иногда слова въ родѣ слѣдующихъ: „Что-жъ, если меня къ тому принудятъ, то можно будетъ спустить съ цѣпи чудовище".

Но изливши свой гнѣвъ, каждый въ глубинѣ души долженъ былъ признать, что война повела бы къ политическому банкротству, къ національной и соціальной опасности для всѣхъ монархическихъ правительствъ. Продолжали угрожать другъ другу войной только изъ приличія, чтобы принудить противника отступить передъ такой комбинаціей силъ, которая (на бумагѣ) дѣлала борьбу слишкомъ неравной и оправдывала компромиссъ. Одни лишь прусскіе военные надменно, а можетъ быть, и искренно потрясали мечами; но болѣе благоразумные прусскіе дипломаты, не отказываясь ни на іоту отъ своихъ притязаній, готовы были начать переговоры о средствахъ къ практическому осуществленію этихъ претензій. Волей-неволей имъ приходилось согласиться на компромиссъ. Въ продолженіе второй половины декабря происходилъ обмѣнъ нотами; между прочимъ, одна изъ нихъ, посланная Талейраномъ Меттерниху, предназначалась для публики: въ ней Талейранъ въ очень изящной формѣ повторялъ свои заявленія о безкорыстіи Франціи; онъ дѣлалъ въ этой нотѣ важную уступку, говоря, что, послѣ возстановленія саксонскаго короля во всѣхъ его правахъ, Людовикъ XVIII первый готовъ будетъ посовѣтовать ему воспользоваться именно этими правами и уступить Пруссіи часть своихъ владѣній, которая признана будетъ необходимой для того, чтобы вернуть Пруссіи ея прежніе (до 1806 года) территоріальные размѣры (нота отъ 19 декабря).

Пруссаки упорно отстаивали свои аргументы: имъ, говорили, было обѣщано не только возстановленіе въ прежнихъ размѣрахъ, но и округленіе владѣній; притомъ, прибавляли они, саксонскому королю можно предоставить владѣнія въ другомъ мѣстѣ, и они намекали на свободныя территоріи на лѣвомъ берегу Рейна [1]). Но Александръ, видя, что ему не удастся присвоить себѣ великое герцогство Варшавское цѣликомъ и что ему придется отказаться отъ мысли получить Галицію отъ австрійцевъ, встрѣчая притомъ даже со стороны русскихъ сопротивленіе своимъ планамъ возстановленія Польши, сталъ падать духомъ. Стоило ли расторгать Шомонскій союзъ и рисковать новой войной изъ-за комбинаціи, которую порицали лучшіе его совѣтники, которая была непопулярна въ русской имперіи и которая далеко не приводила въ энтузіазмъ поляковъ?

Онъ согласился на возстановленіе на престолѣ саксонскаго короля, на уступку этимъ государемъ части своихъ владѣній пруссакамъ, на возвращеніе Пруссіи Познанской провинціи; Пруссія должна была только отказаться отъ своей доли въ раздѣлѣ 1795 года, то-есть отъ Варшавы, за извѣстную компенсацію, которую ей слѣдовало получить какъ въ Саксоніи, такъ и въ Германіи. Австрія и Англія выказали склонность положить въ основу полюбовной сдѣлки этотъ принципъ,—и начались переговоры относительно числа жителей, размѣровъ террито-

[1]) Меттернихъ къ Гарденбергу, 10 декабря 1814 г.; Гарденбергъ къ Александру, 16 декабря;—къ Меттерниху, 2 и 16 декабря; Талейранъ къ Меттерниху, 19 декабря 1814 г.

ріи и пограничныхъ линій. А такъ какъ пруссаки оспаривали правильность подсчетовъ, то Кэстльри задумалъ учредить статистическую комиссію. Въ составъ ея должны были входить только представители четырехъ союзныхъ державъ. Во всякомъ случаѣ онъ счелъ полезнымъ увѣдомить объ этомъ Талейрана. Послѣдній не пожелалъ дѣлать никакихъ возраженій на этотъ счетъ; онъ далъ свое согласіе, какъ будто бы у него просто спросили совѣта и какъ будто не подлежало даже никакому сомнѣнію, что въ комиссіи долженъ засѣдать также представитель Франціи. Затѣмъ онъ присовокупилъ, что лучше было предварительно Англіи, Франціи и Австріи принять втроемъ постановленіе, гласящее, что права саксонскаго короля вполнѣ признаются. Кэстльри удалился въ крайнемъ смущеніи; у него не хватило духу сказать Талейрану, что французы исключены изъ комиссіи. Онъ доложилъ объ этомъ союзникамъ. Пруссаки и слышать не хотѣли о Талейранѣ. Ни Меттернихъ, ни Кэстльри не имѣли мужества признать, что они состоятъ въ конфиденціальныхъ сношеніяхъ съ французскимъ посланникомъ, и на Чарльза Стюарта возложена была не совсѣмъ пріятная миссія объявить Талейрану о его исключеніи. Это значило—черезъ три мѣсяца рисковать повтореніемъ сцены, имѣвшей мѣсто 30 сентября.

Талейранъ отнюдь не допускалъ, чтобы право французскаго уполномоченнаго участвовать въ комиссіи могло подвергаться сомнѣнію. „Противъ этого высказываются“, признался ему Стюартъ“. „Кто высказывается?“—„Не мой братъ (Кэстльри)“.—„А кто же?“—Стюартъ нерѣшительно отвѣтилъ: „Но это...“ И онъ пробормоталъ слово „*союзники.*“ При этомъ словѣ у Талейрана лопнуло терпѣніе. Онъ заговорилъ о томъ, что Европа ждетъ отъ англійскаго посланника не такого поведенія; онъ сказалъ, что съ самаго начала переговоровъ Кэстльри ведетъ себя не такъ, какъ подобаетъ, что его поведеніе не останется въ тайнѣ, что оно будетъ осуждено въ Англіи, и что на Кэстльри падетъ отвѣтственность за его послѣдствія; онъ жаловался на угодливость обоихъ англійскихъ представителей передъ Пруссіей и въ концѣ концовъ заявилъ, что „если они пожелаютъ все время оставаться людьми Шомона и дѣйствовать, какъ члены коалиціи, то Франціи придется удалиться съ конгресса“; что онъ ни одного дня не останется въ Вѣнѣ, если какой-нибудь уполномоченный французскаго короля не будетъ приглашенъ въ комиссію. Стюартъ передалъ объ этомъ ультиматумѣ союзникамъ и, вопреки желанію пруссаковъ, представитель Франціи былъ приглашенъ.

Это произошло 23 декабря. Въ тотъ же вечеръ Талейранъ и Меттернихъ столковались относительно порядка и рода предстоящей работы. Талейранъ предложилъ, чтобы исчисленія производились на основаніи цифры населенія и чтобы населеніе оцѣнивалось „не только съ чисто количественной, но и съ качественной точки зрѣнія“. „Такъ какъ, говорилъ онъ, польскій крестьянинъ, не обладающій ни капиталомъ, ни землей, ни промыслами, не долженъ ставиться на одну доску съ жителемъ лѣваго берега Рейна или самыхъ плодородныхъ и богатыхъ областей Германіи“. Меттернихъ согласился съ этой мыслью и тутъ же набросалъ на бумагѣ, въ формѣ инструкціи, эти положенія высшей политической антропологіи. Комиссія собралась 24 декабря. Дальберъ представлялъ въ ней Францію.

Засѣданія ея происходили 24, 25 и 28 декабря. Но ей приходилось въ нѣкоторомъ смыслѣ лишь разбираться въ матеріалахъ. Распредѣленіе людей и территорій подготовлялось на сторонѣ, и эту работу союзники также попытались произвести *вчетверомъ,* въ величайшемъ

секретѣ, на совѣщаніяхъ, состоявшихся 29 и 30 декабря. 29 декабря Гарденбергъ предложилъ перевести саксонскаго короля на лѣвый берегъ Рейна и предоставить ему тамъ часть бывшаго Трирскаго архіепископства и Люксенбургъ. А Саксонію онъ требовалъ всю цѣликомъ для прусскаго короля. 30-го Разумовскій отъ имени царя развилъ слѣдующій общій проектъ: Пруссія получитъ обратно Познань и возьметъ всю Саксонію; саксонскій король будетъ переведенъ на Рейнъ, гдѣ ему достанутся Триръ, Боннъ и Люксембургъ; русскій императоръ возьметъ остальную часть герцогства Варшавскаго, вь качествѣ присоединеннаго къ Россіи государства, предоставляя себѣ дать ему въ будущемъ отдѣльную конституцію, а со стороны Россіи онъ получаетъ право на такое расширеніе предѣловъ, которое онъ сочтетъ нужнымъ. На этомъ 2-го января закончилось совѣщаніе.

Трактатъ 3-го января.—1 января 1815 года Кэстльри получилъ извѣстіе, которое сильно измѣнило положеніе вещей. Между Англіей и Соединенными Штатами былъ заключенъ миръ; отнынѣ Англія получала возможность свободно располагать всѣми своими силами, а принцъ-регентъ былъ всецѣло согласенъ со взглядами французскаго короля на Германскія дѣла. Когда у Кэстльри развязались руки, то онъ сталъ дѣйствовать гораздо рѣшительнѣе. Прибавимъ, что зависть къ Франціи и опасеніе, ею внушаемое, также сыграли свою роль. Мысль о водвореніи саксонскаго короля на берегахъ Рейна внушала англичанамъ чувство безпокойства. „При такихъ условіяхъ, писалъ лордъ Ливерпуль, саксонскій король, вѣроятно, станетъ всецѣло креатурой Франціи и, слѣдовательно, онъ скорѣе будетъ склоненъ содѣйствовать видамъ французскаго правительства на Нидерланды, чѣмъ противодѣйствовать имъ...“ Съ этого момента притязанія пруссаковъ приняли въ глазахъ англичанъ характеръ совершенно недопустимыхъ претензій, а на самихъ пруссаковъ они стали смотрѣть, какъ на наглыхъ забіякъ. Что же касается русскихъ, то Кэстльри составилъ себѣ о нихъ совершенно опредѣленное представленіе. Онъ прямо высказалъ это Талейрану. „Русскіе, сказалъ онъ ему 2 января, намѣрены диктовать намъ законы; не въ характерѣ Англіи принимать ихъ отъ кого бы то ни было“. Исходя изъ этихъ заявленій, Талейранъ началъ явно намекать на необходимость достигнуть соглашенія трехъ державъ. Кэстльри воодушевился до того, что предложилъ письменно изложить свои мысли объ этомъ соглашеніи. На другой день, 3 января, онъ принесъ свою рукопись. Она была показана Меттерниху, и въ тотъ же вечеръ между Франціей, Австріей и Англіей былъ подписанъ тайный договоръ.

Три договаривавшіяся державы обязались дѣйствовать согласно „съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ“ для практическаго осуществленія Парижскаго трактата; если имъ не удастся достигнуть этой цѣли мирными средствами, то каждая для защиты той изъ нихъ, которая подвергнется нападенію, выставитъ корпусъ въ 150.000 человѣкъ. Баварія, Голландія, Ганноверъ и Сардинія будутъ приглашены примкнуть къ этому договору.

Это было торжествомъ для Талейрана. Онъ писалъ королю: „Коалиціи больше не существуетъ... Франція уже не занимаетъ въ Европѣ изолированнаго положенія.... Ваше Величество дѣйствуетъ согласно съ двумя изъ величайшихъ державъ, съ тремя второстепенными государствами, а вскорѣ и со всѣми государствами, которыя не руководятся революціонными принципами и правилами. Ваше Величество будетъ несомнѣнно главой и душой этого союза, составленнаго для защиты принциповъ, которые Вы первый провозгласили“.

Это была цѣльная политика. Многіе изъ тѣхъ, которые въ эпоху Реставраціи критиковали ее самымъ рѣшительнымъ образомъ и впослѣдствіи самымъ рѣшительнымъ образомъ ставили ее въ укоръ Людовику XVIII и Талейрану, не могли, однако, не воздать должнаго этой политической концепціи, какъ согласной съ традиціонной политикой Франціи, хвалить за нее правительство Іюльской монархіи и оплакивать ея оставленіе при Второй Имперіи, какъ измѣну національнымъ интересамъ Франціи [1]). Это—лучшее ея оправданіе. Неудобной стороной этой политики было то, что она вызывала неудовольствіе Александра, но кто зналъ этого государя, тотъ могъ быть увѣренъ, что его благожелательное отношеніе къ Франціи будетъ усиливаться пропорціонально тѣмъ услугамъ, которыхъ онъ сможетъ отъ нея ждать. И ничто не внушало ему въ 1815 году такой умѣренности, какъ его соперничество съ англичанами и его желаніе отвлечь Францію отъ Англіи. А послѣ 1820 года, во время его покушеній на Востокѣ, онъ сдѣлалъ первые шаги, и тогда онъ совершенно не считался съ трактатомъ 3 января.

Этотъ трактатъ немедленно оказалъ свое дѣйствіе. Согласныя заявленія Австріи, Великобританіи и Франціи доказывали, что между ними состоялся договоръ, и имъ не приходилось прибѣгать къ угрозамъ, чтобы настоять на своемъ. Пруссаки пробовали еще оказывать нѣкоторое сопротивленіе; они непремѣнно хотѣли получить Лейпцигъ, чтобы забраться въ самое сердце старой Германіи. Споры о цифрахъ и границахъ продолжались; но 5 января Кэстльри могъ писать, что всякая опасность войны миновала. Онъ долженъ былъ вернуться въ Лондонъ къ открытію парламентской сессіи, и ему хотѣлось явиться туда не съ голыми руками. Александръ съ того момента, какъ онъ примкнулъ къ компромиссу, торопился закончить переговоры, такъ какъ дѣло шло теперь о простыхъ пререканіяхъ изъ-за границъ.

Улаженіе саксонскихъ и польскихъ дѣлъ.—За исключеніемъ практическихъ деталей, въ теченіе февраля были окончательно установлены слѣдующія основныя положенія: король саксонскій, возстановленный на своемъ наслѣдственномъ престолѣ, отказывается отъ великаго герцогства Варшавскаго и уступаетъ часть своего королевства Пруссіи; Австрія получаетъ обратно восточные округа Галиціи, уступленные ею великому герцогству Варшавскому въ 1809 и 1810 годахъ, и отказывается отъ Западной Галиціи, которой она владѣла съ 1795 до 1809 года. Пруссія отказывается отъ обратнаго полученія той части Польши, которая въ 1807 году составила великое герцогство Варшавское, за исключеніемъ той территоріи, которая, подъ названіемъ великаго герцогства Познанскаго, должна послужить ей къ возстановленію связи между старой Пруссіей и Силезіей. Она дополняетъ свои владѣнія шведской Помераніей, частью Саксоніи и территорій на правомъ берегу Рейна, остатками Вестфальскаго королевства, а также Кёльномъ, Бонномъ и Триромъ на лѣвомъ берегу Рейна, подъ названіемъ Рейнской провинціи. Пруссія и Австрія признаютъ учрежденіе Царства Польскаго, королемъ котораго будетъ

[1]) См., между прочимъ, извѣстную рѣчь Тьера, произнесенную 3 мая 1866 года: „Я долженъ показать вамъ, въ какомъ отношеніи право подверглось возмутительному поруганію. Существуютъ двѣ державы, союзъ между которыми уже совершенно закрѣпленъ, такъ какъ онъ неизмѣненъ и нѣтъ силы, способной его разрушить: это союзъ между Пруссіей и Россіей. Въ виду такого положенія вещей, какая держава является для Франціи самой важной?.. Это Австрія...“ Онъ показываетъ далѣе, какъ пруссаки „хотятъ воспользоваться нѣмецкой идеей“, чтобы возстановить Германскую имперію, и осуждаетъ ту мысль, что Франція за извѣстное „вознагражденіе“ можетъ поддерживать эту политику.

императоръ Всероссійскій и которое будетъ обладать отдѣльной администраціей. Краковъ долженъ составить нейтральный вольный городъ. Эти постановленія будутъ предметомъ особыхъ трактатовъ между Австріей и Россіей; Россіей и Пруссіей; Пруссіей, Австріей и Россіей; Саксоніей и Пруссіей (3, 18, 22 мая 1815 года; *Заключительный Актъ* конгресса, 9 іюня 1815 года: статьи 1—26).

Рѣшенія эти далеко не удовлетворили пруссаковъ. Вмѣсто того, чтобы, согласно ихъ желаніямъ, превратить Пруссію въ самое цѣльное и наиболѣе проникнутое нѣмецкимъ духомъ германское государство и дать ей Лейпцигъ и Дрезденъ, ее оставили висѣть въ воздухѣ, разбивъ ее на два совершенно различныхъ куска; въ нее клиномъ врѣзывались государства, соперничавшія съ нею, недовѣрчиво къ ней относившіяся, а въ случаѣ войны несомнѣнно враждебныя, какъ, напримѣръ, Ганноверъ. Наконецъ, со стороны Франціи она рисковала первая получить ударъ, не имѣя возможности во-время принять мѣры къ своей защитѣ, а въ тотъ день, когда картѣ Европы предстояло бы подвергнуться перетасовкѣ въ пользу Франціи, Пруссіи, главнымъ образомъ, грозила участь подвергнуться завоеванію. Вмѣсто лютеранской Саксоніи, хотя и проникнутой антипрусскимъ духомъ, но со временемъ болѣе способной къ ассимиляціи, благодаря общности нравовъ и интересовъ, пруссакамъ давали болѣе смѣтливыхъ и подвижныхъ рейнскихъ католиковъ, которые отвѣдали французской администраціи, которые стояли за Наполеоновскій Кодексъ и въ которыхъ Франція оставила великія и живыя воспоминанія. Прирейнскіе жители тѣмъ болѣе сильно тянули къ Франціи, что новое ея правительство, сохраняя Гражданскій Кодексъ и гарантируя владѣльцамъ національныхъ имуществъ ихъ собственность, благопріятствовало католической церкви и держалось мирной политики. Такимъ образомъ, оно предлагало имъ всѣ тѣ выгоды, которыя со времени консульства привлекли ихъ симпатіи на сторону Франціи, и освобождало ихъ отъ тягостей, падавшихъ на нихъ при имперіи, т.-е. отъ военной службы и отъ борьбы съ духовенствомъ.

На эту сторону вопроса обращали мало вниманія. Французы ничего не хотѣли замѣчать, кромѣ враждебной и аггрессивной Пруссіи, выдвинутой въ авангардъ коалиціи англичанами для того, чтобы охранять Германію и Голландію. Талейрана сильно упрекали за то, что онъ не поддержалъ предложенія, которое должно было дать саксонскому королю владѣнія на Рейнѣ. Но не говоря уже о забвеніи принципа, который составлялъ всю силу и политику Людовика XVIII, не говоря уже о неудобствѣ, которое заключалось въ предоставленіи Пруссіи возможности сконцентрироваться въ Германіи, забываютъ, что содѣйствуя водворенію саксонскаго короля на берегу Рейна, Франція должна была бы навсегда отказаться отъ всякихъ притязаній на эту территорію. По отношенію къ этому государю, бывшему ея кліентомъ, она очутилась бы въ такомъ же положеніи, въ какомъ она находилась по отношенію къ Баваріи. Она не могла въ одно и то же время проводить въ Германіи политику покровительства второстепеннымъ государствамъ, а на Рейнѣ хранить заднюю мысль ограбить эти самыя государства. Наконецъ, саксонскому королю, какъ католику, было бы столь же легко ассимилировать прирейнскихъ жителей, какъ Пруссіи это было трудно. Здѣсь Франція гораздо больше угрожала Пруссіи, чѣмъ Пруссія ей. „Ничего,— говорилъ Талейранъ, когда предъ нимъ настаивали на этомъ пунктѣ,—ничего не можетъ быть проще и естественнѣе, чѣмъ отобрать обратно отъ Пруссіи уступленныя ей провинціи, тогда какъ, если бы онѣ были отданы саксонскому

королю въ видѣ компенсаціи за его прежнія владѣнія, то отнять ихъ у него было бы очень трудно и слишкомъ жестоко".

V. — Конгрессъ и возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы.

Неаполитанскія дѣла.—Въ то время какъ окончательно улаживался этотъ основной вопросъ, неаполитанскія дѣла приближались къ своему разрѣшенію, благодаря естественному ходу событій, благодаря самому характеру неаполитанскаго короля, получившаго свое королевство изъ рукъ Наполеона и желавшаго благополучно пережить разгромъ Имперіи, въ интересахъ которой онъ только и могъ сидѣть на одномъ изъ европейскихъ престоловъ. „Ваше Величество, писалъ Талейранъ отъ 28 декабря, могло убѣдиться на основаніи присланныхъ мною документовъ, что я не теряю изъ вида неаполитанскихъ дѣлъ. Я не забываю также *Delenda Carthago*, но не съ этого конца нужно начать". Талейранъ былъ вполнѣ правъ, когда не хотѣлъ стѣснять себя этой второй легитимистской тяжбой и дорого заплатить за услугу, которую естественнымъ ходомъ событій союзники приведены были бы оказать ему даромъ. Меттернихъ обѣщалъ Мюрату гарантировать ему его революціонный тронъ въ то время, когда измѣна Мюрата представлялась ему необходимой для разрушенія французскаго владычества въ Италіи и когда онъ надѣялся подѣлить съ Мюратомъ Папскія владѣнія. Но послѣ того, какъ французы были выгнаны изъ Италіи и дѣло возстановленія стараго порядка начало совершаться повсюду, Австріи пришлось отказаться отъ своихъ притязаній на Папскую область. Въ ея интересахъ было уничтоженіе того очага революціи, какимъ былъ Неаполь въ рукахъ Мюрата, и замѣна этого, во всякомъ случаѣ, сомнительнаго союзника Бурбономъ, который всегда будетъ покоренъ и будетъ весьма доволенъ австрійскимъ протекторатомъ. Вся тонкая игра Меттерниха сводилась къ тому, чтобы дать Мюрату самому подготовить свою гибель и предательски натолкнуть его на такой исходъ. 29 іюля 1813 года Сенъ-Марсанъ писалъ изъ Вѣны, что императоръ Францъ по поводу Мюрата выразился слѣдующимъ образомъ: „Надѣюсь, что онъ самъ послужитъ орудіемъ своей гибели". А 20 октября онъ сообщалъ о слѣдующихъ словахъ Меттерниха: „Я отдалъ бы весь міръ за извѣстіе, что король Фердинандъ возстановленъ на своемъ престолѣ. Къ несчастью, мы не можемъ въ настоящую минуту употребить для этой цѣли силу оружія". Посланникъ Фердинанда слышалъ такія же увѣренія: „Австрія совершенно оставила мысль о поддержкѣ Мюрата", писалъ онъ своему двору 12 сентября.

Но, совершая это двойное предательство, Меттернихъ испытывалъ нѣкоторое смущеніе передъ Талейраномъ. Онъ рисковалъ дать слишкомъ много пищи ироніи своего коллеги и черезчуръ раскрыть свои карты, открывши эту тайну. Не будучи въ состояніи продать Мюрата посланнику Людовика XVIII, онъ попытался заслужить благоволеніе этого короля, оставляя Мюрата на произволъ судьбы. Эта сдѣлка послужила предметомъ нечистыхъ тайныхъ переговоровъ, происходившихъ въ Парижѣ при королевскомъ дворѣ между Бомбеллесомъ, посланцемъ Меттерниха, Блакасомъ, наперсникомъ Людовика XVIII, и Веллингтономъ, который преслѣдовалъ въ лицѣ Мюрата послѣдняго сотрудника Наполеона и хотѣлъ выговорить для Англіи у неаполитанскихъ Бурбоновъ морскую станцію на Средиземномъ морѣ. Веллингтонъ прибылъ 3 февраля въ Вѣну для замѣщенія Кэстльри, который уѣхалъ оттуда 14-го. Онъ заявилъ, что въ крайнемъ случаѣ Франція въ состояніи насильно выдворить

Мюрата изъ Неаполя и посадить тамъ Фердинанда, а Англія поддержитъ Францію въ этомъ дѣлѣ на томъ условіи, что послѣдняя окажетъ ей содѣйствіе въ борьбѣ съ работорговлей. Въ отвѣтъ на это Талейранъ опубликовалъ заявленіе, что Франція, поддерживаемая Испаніей, возьметъ на себя эту операцію, если Австріи почему-нибудь не хочется мѣшаться въ это дѣло. Австрія по трактату, заключенному въ январѣ 1814 года, обязалась защищать Мюрата. Мюратъ потребовалъ исполненія этого обѣщанія и попросилъ свободнаго прохода для войска, которое онъ намѣренъ былъ послать противъ арміи Людовика XVIII (нота отъ 25 января 1815 года, врученная въ Вѣнѣ 23 февраля). Меттернихъ въ одинаковой мѣрѣ старался какъ уклониться отъ выполненія своихъ обязанностей, такъ и не допустить французовъ въ Италію. Онъ формально заявилъ Талейрану, что Австрія будетъ разсматривать вступленіе французской арміи въ Италію, какъ достаточное основаніе для объявленія войны (нота отъ 25 февраля); но на слѣдующій день онъ заявилъ посланнику Мюрата, Кампо-Кіаро, что этой гарантіи для него совершенно достаточно, что вооруженія Мюрата не имѣютъ поэтому никакого смысла, что они напрасно волнуютъ Италію, и что всякое движеніе неаполитанской арміи за предѣлы этого королевства будетъ разсматриваться какъ расторженіе союза и нападеніе на Австрію (нота отъ 26 февраля). Этотъ тонкій хитрецъ разсчитывалъ на то, что, въ виду непрекращающихся вооруженій Франціи, Мюратъ непремѣнно откроетъ военныя дѣйствія и этой выходкой развяжетъ Австріи руки и принудитъ ее возстановить на престолѣ Фердинанда. Обстоятельства сложились для осуществленія этого плана еще гораздо лучше, чѣмъ Меттернихъ могъ предполагать.

Союзъ съ Австріей угнеталъ Мюрата. Такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что этотъ союзъ не поможетъ ему урвать ни одного клочка изъ Папскихъ владѣній и что, послѣ устройства итальянскихъ дѣлъ въ Вѣнѣ, царствованіе его потеряетъ въ Италіи всякій смыслъ, то тѣ же самые мотивы, которые побудили его измѣнить Наполеону, привели его къ расторженію договора съ Австріей. Онъ мечталъ поднять всю Италію противъ австрійскаго владычества и сдѣлаться національнымъ государемъ-освободителемъ Италіи; затѣмъ, извѣщенный о намѣреніи Наполеона оставить островъ Эльбу и опасаясь, что императоръ въ наказаніе за измѣну выгонитъ его изъ Неаполя, онъ хотѣлъ заблаговременно упрочить свое положеніе, доказать свою необходимость—и онъ попытался предупредить событія. Его переписка съ Наполеономъ была перехвачена и въ копіяхъ доставлена въ Парижъ. Блакасъ передалъ эти документы Веллингтону, который 4 марта сообщилъ ихъ въ Вѣнѣ. Меттернихъ былъ весьма этимъ доволенъ, а Мюратъ былъ окончательно осужденъ. На слѣдующій день онъ былъ обреченъ на погибель.

Мѣры противъ Наполеона. — 5 марта курьеръ сардинскаго короля привезъ посреди бала извѣстіе, что Наполеонъ оставилъ островъ Эльбу. Наступило всеобщее подавленное состояніе, быстро смѣнившееся яростнымъ гнѣвомъ. Александръ, который, будучи раздраженъ Талейраномъ и Людовикомъ XVIII, недавно еще поговаривалъ о возможности спустить съ цѣпи „чудовище“, теперь требовалъ его окончательнаго уничтоженія. Онъ говорилъ, что „дѣло это касается его лично, что онъ долженъ упрекать себя за неблагоразумный поступокъ и смыть съ себя промахъ (заключавшійся въ оставленіи Наполеона на островѣ Эльбѣ), и что эту войну, возобновляющуюся благодаря его ошибкѣ, онъ будетъ вести до послѣдняго солдата и послѣдняго рубля“. Пруссаки, почуявши удобный

случай для болѣе полной мести, чѣмъ въ 1814 году, и для осуществленія захватовъ, которые имъ раньше не удалось произвести, разжигали раздраженіе своего союзника. Теперь можно было воочію убѣдиться, насколько фантастичны были планы тѣхъ французовъ, которые пытались отвлечь Пруссію отъ Россіи и тѣсно сблизиться съ Александромъ, съ задней мыслью, что Россія доставитъ Франціи кусокъ Германіи или Бельгіи. Достаточно было одной угрозы новыхъ притязаній со стороны Франціи, достаточно было одной мысли о томъ, что Парижскій трактатъ можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію, для того чтобы союзники снова сблизились и чтобы Шомонскій договоръ воскресъ съ новой и даже невиданной силой. 13 марта восемь державъ, подписавшихъ Парижскій трактатъ, заявили, что *Буонапарте* нарушилъ „единственное легальное право, съ которымъ связано было его существованіе", объявили его „внѣ гражданскихъ и общественныхъ законовъ" и предали его „общественной мести". Это было объявленіе „внѣ закона!", практиковавшееся Конвентомъ и правительствомъ 18 брюмера, переведенное на монархическій языкъ. Въ то же время онѣ обѣщали свою поддержку французскому королю и французской націи противъ узурпатора. Талейранъ подписалъ этотъ договоръ, превращавшій Людовика XVIII въ союзника Европы противъ Наполеона.

Вскорѣ стало извѣстно, что, высадившись во Франціи, Наполеонъ былъ встрѣченъ всеобщими привѣтствіями. Его походъ на Парижъ по проявленіямъ народной радости напоминалъ, по меньшей мѣрѣ, его тріумфальное возвращеніе изъ Египта въ 1799 году; войска измѣняли королю, Франція отказывалась отъ Бурбоновъ, и Людовикъ XVIII принужденъ былъ бѣжать. Такимъ образомъ, Франція собственными руками разрывала Парижскій трактатъ. Союзники ни на минуту не сомнѣвались, что, переходя на сторону Наполеона, французы хотѣли вмѣстѣ съ нимъ и съ его помощью вернуть границы Республики, естественныя границы, границу Рейна, издавна окруженную священнымъ ореоломъ въ народномъ представленіи и являвшуюся для французовъ единственнымъ условіемъ славнаго и прочнаго мира. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для обратнаго завоеванія Бельгіи и лѣваго берега Рейна съ восторгомъ двинутся въ походъ всѣ солдаты и даже всѣ рекруты", писалъ незадолго до того исполняющій должность министра иностранныхъ дѣлъ Жокуръ. И союзники прекрасно это понимали. Для нихъ главной гарантіей мира былъ Людовикъ XVIII, монархія и хартія. А такъ какъ реставрированная монархія обнаружила свою неспособность привлечь къ себѣ симпатіи націи и управлять ею, и такъ какъ французы явно выказывали свое отвращеніе къ этой монархіи, то союзники снова оказывались въ такомъ же положеніи, въ какомъ они находились до паденія Наполеона. Но они снова брались за дѣло съ досаднымъ чувствомъ разъ испытанной неудачи, сожалѣя объ обнаруженной ими прежде по отношенію къ французамъ умѣренности, съ твердымъ намѣреніемъ найти болѣе дѣйствительныя гарантіи противъ воинственныхъ порывовъ и революціоннаго духа этой націи.

Возстановленіе коалиціи.—25 марта четыре союзныя державы торжественно возобновили Шомонскій договоръ съ цѣлью „сохранить въ силѣ" Парижскій трактатъ и, какъ гласила зловѣщая прибавка, „съ цѣлью дополнить постановленія этого трактата". Тщетно Наполеонъ, пытаясь пустить въ ходъ политику, за непримѣненіе которой упрекали Людовика XVIII, хотѣлъ снова завязать сношенія съ Россіей и отвлечь ее отъ Австріи и Англіи. Онъ переслалъ Александру договоръ 3 января, который, по чьей-то непрости-

тельной небрежности, попалъ въ его руки. Но теперь этотъ трактатъ былъ уже мертвой буквой. Александръ, вообще не долюбливавшій Меттерниха, выказалъ этому дипломату нѣкоторое неблаговоленіе за этотъ документъ. Это ничуть не помѣшало имъ столковаться по всѣмъ вопросамъ. Противъ англичанъ Александръ не почувствовалъ или, по крайней мѣрѣ, не выказалъ за этотъ документъ никакого раздраженія. Онъ велѣлъ даже написать Кэстльри письмо, насквозь проникнутое теплымъ настроеніемъ 1812 г. Если же онъ показывалъ видъ, что страшно возмущенъ поведеніемъ Талейрана и Бурбоновъ, подписавшихъ этотъ договоръ съ Австріей и Англіей (что̀ онъ легко прощалъ послѣднимъ двумъ государствамъ), то это дѣлалось потому, что ему выгодно было имѣть явный поводъ къ неудовольствію противъ Талейрана и предлогъ, позволившій ему не брать на себя обязательства возстановить на французскомъ престолѣ старшую линію Бурбоновъ.

Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и бѣгство Людовика XVIII въ Гентъ сразу ниспровергли все зданіе, съ такимъ умомъ и искусствомъ возведенное Талейраномъ: принципъ легитимизма, въ силу котораго и произведена была эта реставрація; провозглашеніе этого принципа союзниками, совпаденіе этого принципа съ интересами Франціи и необходимость для этихъ союзниковъ поддерживать реставрированную монархію; гарантіи мира, которыя эта монархія давала имъ въ силу собственныхъ своихъ интересовъ и путемъ постоянныхъ заявленій о своемъ безкорыстіи,—все это основывалось на Реставраціи. Возвращеніе Наполеона снова отбрасывало Европу къ политикѣ факта и силы. „Принципы", по совершенно справедливому замѣчанію Талейрана, и прежде признавались союзниками лишь постольку, поскольку они ни въ чемъ не противорѣчили ихъ выгодамъ; а теперь они совсѣмъ уже превратились въ абстрактную формулу, не имѣющую никакого политическаго значенія. Наступилъ возвратъ къ правилу Александра, которое было характерно для всей старой дипломатіи: „Выгоды Европы — это и есть право". Союзники грубо дали это почувствовать посланнику Людовика XVIII. Взятая на себя Талейраномъ роль и приданная имъ себѣ осанка были искусственны. Его сила и искусство заключались въ томъ, что онъ умѣлъ понимать фактическое положеніе вещей и пользоваться имъ. Но маска упала, когда онъ лишился этой опоры. Получился человѣкъ съ крайнимъ апломбомъ, поразительной ловкости, но опровергнутый дѣйствительностью, сбившійся въ своихъ расчетахъ, невыносимый и вызывавшій презрѣніе. Онъ уже не разыгрывалъ роли „министра Людовика XIV", онъ былъ теперь не болѣе какъ министромъ Якова II. Тщетно пытался онъ выбраться изъ этого закоулка. Онъ исчерпалъ всѣ экивоки. Онъ пытался добиться у союзниковъ публичнаго заявленія, что цѣлью войны является возстановленіе Бурбоновъ. Онъ старался вырвать у союзниковъ обѣщаніе, что границы Франціи, признанныя Парижскимъ трактатомъ, останутся безъ измѣненія, и, чтобы добиться этой гарантіи, онъ втерся въ коалицію и привлекъ туда же Людовика XVIII. Онъ надѣялся, такимъ образомъ, помѣшать союзникамъ лишить владѣній государя, который объявилъ себя солидарнымъ съ ними. Но это былъ государь, лишенный престола, находившійся въ бѣгахъ, не имѣвшій арміи, непопулярный. Это былъ „претендентъ" 1795 г., возвратившійся въ свое изгнаніе, и каждый, сообразуясь съ своими утилитарными расчетами, оставлялъ за собой право третировать его въ качествѣ изгнанника и человѣка, нуждающагося въ покровительствѣ. И въ результатѣ всѣхъ этихъ попытокъ Талейранъ явилъ міру отвра-

тительное, хотя и корректное, съ точки зрѣнія династическихъ интересовъ, принциповъ легитимизма и стараго европейскаго публичнаго права, зрѣлище французскаго посланника, который, отъ имени французскаго короля, подписывается подъ заявленіями и дѣйствіями, направленными противъ Франціи и французской арміи.

Александръ и Франція. — Въ 1814 году союзники въ теченіе значительнаго времени сильно расходились во мнѣніяхъ относительно той формы правленія, которую слѣдовало бы установить во Франціи. За исключеніемъ англичанъ, они скорѣе, скрѣпя сердце, согласились на реставрацію, чѣмъ сами вызвали ее. Въ 1815 году эти разногласія возобновились. Австрійцы снова начали помышлять о предоставленіи престола Наполеону II и о назначеніи регентства. Пруссаки думали лишь о томъ, какъ бы выжать побольше милліоновъ и захватить побольше территорій, и отнюдь не намѣрены были связывать сябя какими-нибудь обязательствами по отношенію къ какому бы то ни было французскому правительству. Они скрывали свои мстительные планы подъ коварными заявленіями, что французы вольны назначить себѣ какое имъ угодно правительство, лишь бы это правительство обезпечило Европѣ гарантіи мира, а эти гарантіи они предпочитали получить въ видѣ земли и денегъ. Александру Бурбоны надоѣли. Ему нужна была монархія, менѣе гордая своимъ происхожденіемъ, которой онъ могъ бы распоряжаться по произволу, и монархъ, болѣе популярный во Франціи и въ то же время болѣе зависимый отъ Россіи. Одни англичане по прежнему желали возстановить на престолѣ Людовика XVIII. „Недостаточно низвергнуть Бонапарта, не слѣдуетъ открывать двери якобинцамъ“, говорилъ лордъ Клэнкарти.—„Якобинцы“, возражалъ Александръ, „опасны лишь какъ помощники Бонапарта, и вотъ почему слѣдуетъ постараться отвлечь ихъ отъ него. Прежде всего необходимо низвергнуть его. Въ этомъ мы всѣ согласны. Съ своей стороны, я посвящу этой цѣли всѣ свои силы и не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока она не будетъ достигнута“. „Но“, прибавилъ онъ, „низверженіе Бонапарта—это лишь половина дѣла; далѣе нужно будетъ подумать о безопасности Европы, которая не можетъ быть спокойна до тѣхъ поръ, пока не будетъ спокойна Франція, а достигнуть умиротворенія Франціи возможно только при установленіи въ ней такого правительства, которое будетъ подходить для всѣхъ“. Клэнкарти замѣтилъ, что наиболѣе подходящимъ къ этой цѣли и является Людовикъ XVIII. Но Александръ указалъ ему на происходившія тогда событія и закончилъ слѣдующимъ намекомъ: „На мой взглядъ, примирить всѣхъ можетъ только герцогъ Орлеанскій. Онъ французъ, онъ Бурбонъ, онъ женатъ на принцессѣ изъ дома Бурбоновъ, у него есть сыновья; еще въ молодости онъ служилъ дѣлу Конституціи; онъ носилъ трехцвѣтную кокарду, которую, какъ я уже указывалъ на это въ Парижѣ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало отмѣнять. Онъ объединитъ всѣ партіи“. Клэнкарти сталъ выяснять опасности, связанныя съ нарушеніемъ законнаго престолонаслѣдства и съ открытіемъ политики узурпацій. Но онъ не могъ убѣдить Александра.

„Легитимизмъ“ всегда раздражалъ этого императора. Самое это слово оскорбляло его, какъ какая-нибудь невѣжливость и недостатокъ уваженія къ его коронѣ. Со времени посѣщенія имъ Парижа, гдѣ Людовикъ XVIII, по его словамъ, третировалъ его какъ „выскочку“ и не счелъ нужнымъ предложить ему „синюю ленту“; со времени не удавшейся попытки устроить бракъ между одной изъ великихъ княгинь и герцогомъ Беррійскимъ, бракъ, впрочемъ, почти что не-

возможный, такъ какъ оба двора не хотѣли, да и не могли сдѣлать какія-нибудь уступки въ области вѣроисповѣданія; со времени переговоровъ въ Вѣнѣ, гдѣ Талейранъ каждый разъ ставилъ его въ неудобное положеніе своими „принципами“,—его самолюбіе въ этомъ пунктѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, совпадало съ его интересами. Впрочемъ, онъ въ это время говорилъ тѣмъ же языкомъ, что и въ 1804 году, когда онъ замышлялъ свой грандіозный планъ перестройки Европы подъ русской суприматіей. Въ 1814 году онъ довелъ это дѣло до конца, и теперь предстояло окончательно его закрѣпить. „Во Франціи,— говорилъ онъ,— конституція непремѣнно должна быть монархической... Кабинеты столкуются между собою относительно лица и династіи, которыхъ можно пригласить къ управленію Франціей. Если это Бурбонъ, то они рѣшатъ, какой именно... Они рѣшатъ также, какого поведенія слѣдуетъ отъ него потребовать и какія условія онъ долженъ подписать“ [1])... Этимъ объясняется проявленное Александромъ въ 1814 году желаніе посадить на престолъ Бернадотта, его антипатія къ Людовику XVIII, превратившаяся въ открытую вражду, а также обнаруженная имъ въ 1815 году благосклонность къ Луи-Филиппу, его многозначительная комбинація возвращенія къ трехцвѣтному знамени съ плебисцитомъ. Ясно, что возстановленный, такимъ образомъ, король былъ бы обязанъ ему рѣшительно всѣмъ и уже не смѣлъ бы, подобно Людовику XVIII, третировать преемника Екатерины со всѣмъ высокомѣріемъ династіи Капетинговъ. Король Франціи при такихъ условіяхъ значилъ бы немногимъ даже меньше прусскаго короля. Дата его происхожденія, по волѣ большинства, считалась бы съ 1815 года, и весь престижъ монархіи перешелъ бы отъ протеже къ покровителю, изъ Парижа въ Петербургъ, гдѣ царствовалъ бы новый Карлъ Великій.

Въ результатѣ появилась декларація 12 мая, заявляющая, что согласіе французской націи на возвращеніе престола Бонапарту будетъ признано равносильнымъ объявленію войны. Европа ни въ какомъ случаѣ не заключитъ мира съ Бонапартомъ, но союзники готовы „уважать свободу Франціи во всемъ, въ чемъ она не будетъ расходиться съ ихъ собственной безопасностью и съ общимъ спокойствіемъ Европы“.

Мюратъ раздѣлилъ участь своего господина. 28 марта союзники рѣшили открыть противъ него военныя дѣйствія. 12 апрѣля Австрія объявила ему войну и 29 апрѣля подписала союзъ съ Фердинандомъ IV.

VI. Заключительный Актъ.

Итальянскія дѣла. — Съ этого момента реставрація Бурбоновъ въ королевствѣ Обѣихъ-Сицилій стала совершившимся фактомъ, и „восьмеро“ державъ это признали (статья 104 *Заключительнаго Акта*).

Разрѣшеніе этого дѣла облегчило рѣшеніе всѣхъ другихъ вопросовъ, относящихся къ Италіи. Постановлено было предоставить Парму Маріи-Луизѣ Австрійской, супругѣ Наполеона, въ пожизненное владѣніе. По ея смерти Парма должна была перейти къ Маріи-Луизѣ Испанской, бывшей королевѣ Этруріи, и къ ея дѣтямъ; а пока эта принцесса получала Лукку, которая затѣмъ должна была быть возвращена Тосканѣ. Тоскана переходила въ наслѣдственное владѣніе эрцгерцога Фердинанда Австрійскаго, а Модена—эрцгерцога Франца д’Эсте (статьи

[1]) Секретныя инструкціи Новосильцеву отъ 11 сентября 1804 г.: *Mémoires de Czartoryski*, т. II, стр. 32. — Мемуаръ русскаго кабинета 1815 г.; *Correspondence de Pozzo di Borgo*, т. I, стр. 128 и сл.—Письма лорда Клэнкарти къ Кэстльри отъ 11—15 апрѣля 1815 года.

98, 99, 100, 101, 102 *Заключительнаго Акта*). Папа получалъ обратно области Равенну, Болонью и Ферраре (статья 103). Сардинскій король получилъ Геную, и право наслѣдства, вопреки притязаніямъ Австріи и согласно желанію Франціи, было обезпечено за Савойско-Кариньянской вѣтвью (статьи 85 и 86). И, наконецъ, Австрія, которая, благодаря брачнымъ связямъ, господствовала надъ полуостровомъ, получила Ломбардію, всю территорію бывшей Венеціанской республики, Тріестъ, Далмацію и Иллирію (статьи 93, 94, 95 *Заключительнаго Акта*).

Германскія дѣла.—Германскія дѣла заняли цѣлый рядъ засѣданій. Всѣ тѣ элементы, которые мечтали и стремились превратить Германію въ великое государство, которые въ 1813 году взялись за оружіе для освобожденія своего отечества, которые могли тогда констатировать все могущество объединенной націи и желали для этой націи величія и роли, соотвѣтствующихъ ея дѣйствительной силѣ,—всѣ они стремились къ возстановленію Германской Имперіи въ формѣ національной федераціи. Штейнъ взялъ на себя роль ходатая этой партіи передъ Александромъ. 5 ноября 1814 года онъ писалъ царю: „Согласно принципамъ справедливости и благожелательности союзныхъ державъ, Германія должна пользоваться политической и гражданской свободой, власть государей должна быть ограничена, злоупотребленія власти должны прекратиться, а древнее дворянство, славное своими воинскими подвигами, вліяніемъ въ совѣтахъ, первенствующимъ положеніемъ въ церкви, не должно быть отдано въ полную власть деспотовъ, руководимыхъ якобинской и завистливой бюрократіей;... права всѣхъ должны быть точно опредѣлены и обезпечены, а Германія должна перестать быть обширнымъ вмѣстилищемъ угнетателей и угнетенныхъ". Среди нѣмецкихъ государей не было ни одного, въ интересахъ котораго было бы осуществленіе этихъ пожеланій. Всѣ владѣтельные князья хотѣли быть неограниченными государями въ своей области, распоряжаться своими подданными по своему усмотрѣнію и не встрѣчать никакой помѣхи (ни внутри, ни извнѣ) въ пользованіи своей верховной властью. Мысль о созданіи могучей имперіи оскорбляла и пугала всѣхъ нѣмецкихъ государей, кромѣ одного; они видѣли въ этомъ умаленіе своей верховной власти. Единственный государь, который могъ ожидать при этомъ выигрыша, это былъ прусскій король. Но разъ не онъ долженъ былъ сдѣлаться императоромъ, то онъ не хотѣлъ никакой имперіи. Австрія, которая не смѣла, да и не могла желать императорства для самой себя, тѣмъ менѣе хотѣла, чтобы оно досталось Пруссіи. Мечта о германской имперіи потерпѣла такое же крушеніе, какъ и мысль о дарованіи нѣмецкой націи общаго публичнаго права.

Сосѣднія державы, Россія и въ особенности Франція, не могли не испытывать опасенія при мысли объ объединенной, сконцентрированной и сложившейся въ имперію нѣмецкой націи. Въ ихъ интересахъ было, такъ сказать, нейтрализовать Германію, которая въ 1813 и 1814 годахъ обнаружила такую грозную силу. А нейтрализовать ее наилучшимъ способомъ можно было посредствомъ нея самой, посредствомъ партикуляризма нѣмецкихъ государствъ, партикуляризма самого населенія, вражды Сѣвера и Юга, соперничества крупныхъ нѣмецкихъ государствъ между собою и всѣхъ мелкихъ съ крупными, конфликтовъ между подданными и правительствами, союза между всѣми правительствами съ цѣлью удержанія своихъ подданныхъ въ повиновеніи и раздѣленіи,—однимъ словомъ, посредствомъ ослабленія однихъ элементовъ другими и противопоставленія всѣхъ отдѣльныхъ силъ силѣ цѣлаго. Цѣль эта была достигнута созданіемъ германской

конфедераціи, которая была благодѣяніемъ для европейскаго мира и спокойствія сосѣдей Германіи, но глубоко разочаровала нѣмецкихъ патріотовъ.

Тридцать четыре владѣтельныхъ государя и четыре вольные города Германіи, признанные всѣ равноправными, составили конфедерацію „для внутренней и внѣшней охраны и безопасности Германіи, независимости и неприкосновенности вступившихъ въ конфедерацію государствъ". Союзному сейму, который состоялъ изъ дипломатовъ, представлявшихъ отдѣльныя государства и въ которомъ предсѣдательствовала Австрія, поручено было завѣдываніе дѣлами конфедераціи. Въ случаѣ объявленія кѣмъ-нибудь войны этой конфедераціи, ни одинъ изъ ея отдѣльныхъ членовъ не имѣлъ права вступать въ переговоры съ непріятелемъ. Союзныя государства не должны были заключать никакихъ договоровъ, противныхъ безопасности конфедераціи; но при этой оговоркѣ они могли входить въ союзы съ другими государствами. Въ случаѣ взаимнаго конфликта, они должны были прибѣгать къ посредничеству сейма. Если бы это посредничество не привело къ удачному результату, то долженъ былъ составиться верховный (австрегальный) судъ, на приговоры котораго не было апелляціи. Въ общихъ чертахъ это было осуществленіемъ плана вѣчнаго мира, предложеннаго аббатомъ Сенъ-Пьерромъ (*актъ* 8 іюня 1815 года, заключенный *между союзными германскими государствами;* статьи 53—63 *Заключительнаго Акта).*

Остатки бывшаго Рейнскаго Палатината, часть области между Рейномъ и Мозелемъ, были отданы Баваріи; Майнцъ былъ предоставленъ Гессенъ-Дармштадту и обращенъ въ федеральную крѣпость; такова же была участь города Люксембурга, отданнаго вмѣстѣ съ великимъ герцогствомъ (на правахъ личной уніи) нидерландскому королю. Ганноверъ былъ объявленъ королевствомъ, находившимся во власти англійскаго короля (статьи 16 — 52 и 67 — 68 *Заключительнаго Акта).*

Нидерланды, Швейцарія. — Королевство Нидерландовъ, составленное изъ Бельгіи и Голландіи, было отдано принцу Оранскому-Нассау (статьи 55 — 56 *Заключительнаго Акта).*

Швейцарія, къ которой причислены были Валлисъ, Женева и Невшатель, составила конфедерацію изъ 17 свободныхъ, независимыхъ и нейтральныхъ кантоновъ (статьи 74—84 и 91—92 *Заключительнаго Акта;* провозглашеніе нейтральности 27 мая, 20 ноября 1815 года).

Рѣчные пути, работорговля. — Конгрессъ принялъ декларацію относительно свободы рѣчныхъ путей (статьи 108 — 117 *Заключительнаго Акта),* уставъ о старшинствѣ дипломатическихъ агентовъ (статья 118, 17-е *Заключительнаго Акта; регламентъ* 19 марта 1815 года) и декларацію относительно отмѣны торговли неграми (8 февраля 1815 года; статья 118, 17-е *Заключительнаго Акта).*

Всѣ эти сдѣлки послужили предметомъ частныхъ договоровъ между заинтересованными въ каждомъ отдѣльномъ вопросѣ государствами; всѣ эти частные договоры были въ своихъ существенныхъ частяхъ собраны вмѣстѣ въ одинъ трактатъ, который 9 іюня 1815 года былъ подписанъ въ Вѣнѣ восемью государствами, подписавшими Парижскій трактатъ, и получившій названіе *Заключительнаго Акта Вѣнскаго конгресса.*

Восточный вопросъ. — Императору Александру и его совѣтникамъ хотѣлось включить въ этотъ трактатъ постановленія, относящіяся къ Турецкой имперіи. Нотой отъ января 1815 года русское правительство обратило вниманіе державъ на звѣрства, совершенныя турками надъ христіанами, въ особенности въ Сербіи, и на необходимость для христіанскихъ государствъ взять на себя защиту жи-

вущихъ въ Турціи христіанъ. Далѣе, нота указывала, что званіе естественнаго защитника православныхъ принадлежитъ русскому императору точно такъ же, какъ титулъ покровителя католиковъ на Востокѣ принадлежитъ французскому королю. „Дѣло негровъ было подвергнуто обсужденію собранія государей на основаніи Божественнаго Кодекса... этого палладіума государственнаго порядка; на основаніи тѣхъ же принциповъ, главы европейской семьи имѣютъ право потребовать отъ Порты прекращенія этихъ жестокостей". Грекъ Каподистрія, пользовавшійся особымъ расположеніемъ императора Александра, поддерживалъ интересы своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ и выступилъ искреннимъ и пылкимъ ходатаемъ за грековъ, корфіотовъ и сербовъ, подобно тому какъ Чарторыйскій выступалъ за поляковъ, а Штейнъ за нѣмцевъ. Александръ предлагалъ провозгласить принципомъ европейскаго права постоянное вмѣшательство Россіи въ пользу восточныхъ христіанъ. Это равносильно было признанію русскаго протектората надъ греками, превращенію неясныхъ пунктовъ Кучукъ-Кайнарджійскаго договора въ опредѣленныя постановленія общаго характера, предоставленію Россіи юридическаго права преслѣдовать на Востокѣ свою собственную политику и свои собственные интересы и превращенію русской суприматіи въ Турціи въ одинъ изъ пунктовъ европейскаго публичнаго права. Понятно, что Александръ къ этому стремился, но столь же понятно, что англичане этому рѣшительно воспротивились. У Талейрана была инструкція добиваться того, чтобы Турція была поставлена подъ охрану всей Европы. Меттернихъ считалъ „европейскую гарантію пунктомъ, весьма важнымъ для интересовъ Австріи". Поставить этотъ вопросъ на обсужденіе значило вскрыть существованіе глубокихъ разногласій между державами, и по тому этой постановки постарались избѣжать. Впрочемъ, это такъ и осталось попыткой, не вышедшей за предѣлы частныхъ разговоровъ и не зарегистрированной даже въ протоколахъ.

VII. Европа и конгрессъ.

Характеръ Заключительнаго Акта.—Изъ всѣхъ конгрессовъ Вѣнскій конгрессъ является самымъ значительнымъ по важности, обширности и количеству рѣшенныхъ на немъ вопросовъ. А *Заключительный Актъ* 9 іюня 1815 года является самымъ обширнымъ трактатомъ, который когда-либо былъ подписанъ. Это — первая попытка дать Европѣ хартію, по крайней мѣрѣ, территоріальную, опредѣлить размѣры владѣнія каждаго государства и путемъ коллективнаго договора положить начало прочному миру, основанному на торжественномъ его признаніи, на гарантіи, данной ему подписью восьми главныхъ европейскихъ государствъ, на невозможности расторгнуть этотъ договоръ, не рискуя стать внѣ закона, и, наоборотъ, на возможности внести въ него измѣненія съ согласія санкціонировавшихъ его сторонъ. Это было новымъ явленіемъ. Такое состояніе Европы, при которомъ частныя права вытекаютъ изъ общей обязанности, было чѣмъ-то столь непонятнымъ для государственныхъ людей стараго режима, что понадобилась двадцатипятилѣтняя война для того, чтобы пріучить ихъ къ этому явленію и доказать его необходимость. Да и то къ этому сознанію ихъ привела усталость, невозможность продолжать борьбу, въ виду недостатка людей, денегъ, крови и средствъ. Франція попыталась положить въ основу этого всеобщаго улаженія европейскихъ отношеній высшій принципъ — легитимизмъ, разсматриваемый, какъ принципъ передачи власти въ монархіяхъ, этой главной формѣ суверенитета. Императоры и короли по-

ставили этотъ принципъ какъ бы эпиграфомъ къ первой главѣ своего оффиціальнаго публичнаго права; они выставляли его въ общественныхъ мѣстахъ и провозглашали его въ своихъ прокламаціяхъ, обращенныхъ къ народамъ; но на практикѣ они примѣняли его лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ не становился въ противорѣчіе съ ихъ интересами и расчетами. Окончательное соглашеніе въ гораздо меньшей степени явилось результатомъ общаго подчиненія высшему принципу, чѣмъ столкновенія взаимныхъ притязаній. Въ дѣйствительности, это соглашеніе было извѣстной комбинаціей равновѣсія.

Значеніе трактатовъ.—Трактаты являются выраженіемъ отношеній, существующихъ въ моментъ ихъ заключенія между матеріальными силами и моральными силами заключающихъ ихъ государствъ. Трактаты эти могутъ быть болѣе или менѣе прочными въ зависимости отъ того, оцѣниваются ли эти силы съ большей или меньшей точностью и широтой, восходятъ ли производящіе эту оцѣнку люди къ основнымъ причинамъ и предвидятъ ихъ послѣдствія, меньше считаются съ случайными явленіями и обращаютъ больше вниманія на постоянныя условія политической жизни государствъ и народовъ. Постановляемое этими трактатами право никогда не переживаетъ тѣхъ условій, при которыхъ это право установлено.

Какими бы неполными ни казались взгляды Вѣнскаго конгресса, какими бы эмпирическими, произвольными и даже противозаконными ни были нѣкоторыя ихъ практическія примѣненія этотъ конгрессъ доставилъ тѣмъ не менѣе Европѣ самый продолжительный и самый благодѣтельный періодъ мира и цивилизаціи, какимъ она когда бы то ни было пользовалась до тѣхъ поръ. И, однако, это искусно возведенное зданіе рушилось, и тѣ мѣста, гдѣ образовались въ немъ первыя трещины, были какъ разъ тѣми, надъ которыми дипломаты потрудились съ величайшей тщательностью; но всѣ ихъ хитрости были только дипломатическими уловками. Они съ достаточной точностью вычислили количество жителей, населяющихъ подлежавшія распредѣленію территоріи; они постарались даже, по даннымъ „Статистической комиссіи“, опредѣлить экономическую, военную, сельскохозяйственную и промышленную цѣнность населенія, его производительныя силы и его служебныя способности. Но чего они не могли сдѣлать, такъ это подвергнуть оцѣнкѣ состояніе ихъ души, ихъ сознаніе, ихъ традиціи, ихъ стремленія,—все то, что дѣлало изъ каждаго человѣка индивидуальность, а изъ группъ этихъ людей—націю. А это значитъ, что матеріальныя силы были измѣрены, но что моральныя силы были оставлены въ пренебреженіи или въ неизвѣстности. И это погубило всю работу.

Причины недолговѣчности вѣнскихъ трактатовъ.—Вѣнскіе дипломаты перекраивали территоріи и раздавали направо и налѣво цѣлые народы, какъ прежде дѣлали государства, подѣлившія между собою Польшу. Они нисколько не интересовались вопросомъ о томъ, каковы отношенія между территоріями и занимающими ихъ народами, и не задумывались надъ тѣмъ, пожелаютъ ли эти народы замкнуться въ отведенныхъ имъ границахъ или попытаются ихъ разрушить. Они организовали Европу въ государство, и организовали ее такъ, какъ будто въ Европѣ вовсе не существовало націй. А между тѣмъ націи всегда были въ одно и то же время активнымъ факторомъ и объектомъ политики. Государства существуютъ и живутъ лишь посредствомъ представляемыхъ ими націй. Въ прежнія времена эти факты могли игнорироваться, какъ это обыкновенно случается съ великими естественными законами, которые управляютъ явленіями природы за-

долго до того, какъ ученымъ удается ихъ открыть и опредѣлить. Но послѣ 1814 года это игнорированіе было уже непростительной ошибкой. Французская революція провозгласила, проповѣдовала и повсюду пробуждала какъ своими принципами и примѣромъ, такъ и своими завоеваніями, національный духъ, т.-е. идею, гласящую, что только сами народы имѣютъ право располагать своей судьбой, что люди, сознающіе свою принадлежность къ одной и той же національности, имѣютъ право сложиться въ націю и что для каждой націи основнымъ принципомъ національной жизни и національнаго достоинства является независимость. Собравшіеся въ Вѣнѣ дипломаты считали эти принципы враждебными монархическому строю; они хотѣли убить ихъ разъ навсегда; какъ имъ казалось, для того чтобы уничтожить результаты французской революціи, достаточно объявить ее несуществовавшей и передвинуть всѣ границы на поверхности Европы. Но было ужъ слишкомъ поздно. Вѣнскіе трактаты послѣдовательно рушились одинъ за другимъ какъ разъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ этотъ жизненный принципъ новой Европы подвергся непризнанію или насильственному нарушенію.

И прежде всего это произошло въ Нидерландахъ, гдѣ католики-бельгійцы, сильно привязанные къ своей церкви и къ своимъ традиціоннымъ мѣстнымъ вольностямъ, были подчинены правительству голландскихъ протестантовъ, отъ которыхъ ихъ отдѣляло различіе нравовъ и интересовъ. Вѣнскій конгрессъ деспотически объединилъ такіе элементы, связь между которыми всегда основывалась лишь на принужденіи и которые были раздѣлены уже въ теченіе двухъ столѣтій.

Въ Польшѣ благородная и мужественная нація, неспособная, быть можетъ, къ самоуправленію, но неспособная также забыть, что тридцать лѣтъ тому назадъ она была независимой, оказалась раздробленной, подчиненной иностраннымъ государямъ, насильно связанной съ народами, которые отличались отъ нея религіей, происхожденіемъ и интересами. И такимъ образомъ, эта нація была принесена въ жертву путемъ скандальнаго нарушенія публичнаго права стараго режима и печальнаго нарушенія публичнаго права новаго порядка.

То же самое—въ Италіи, гдѣ нація, фактически объединенная подъ французскимъ владычествомъ и получившая отъ французовъ военную организацію, была низведена до уровня простого географическаго термина.

Вѣнскіе трактаты оказались далѣе несостоятельными въ Германіи, гдѣ народы, поднявшіе оружіе для борьбы за независимость отечества, были осуждены на безплодныя мечтанія о величіи этого отечества въ прошломъ и были Европой принуждены устраивать свою судьбу, лишь сообразуясь съ выгодами своихъ сосѣдей. Такимъ образомъ, въ Европѣ созданъ былъ цѣлый рядъ очаговъ революціи, которые, вспыхивая одинъ за другимъ, должны были сначала потрясти зданіе, а затѣмъ окончательно его разрушить.

И, наконецъ, побѣдоносная Европа недостаточно считалась съ французской націей. Она разсчитывала, что, отнявши у Франціи ея завоеванія, ее заставятъ позабыть о былой славѣ. Ее хотѣли обуздать и унизить, но ее только оскорбили. Даже съ точки зрѣнія системы равновѣсія, точный подсчетъ силъ не позволялъ отбросить Францію въ ея старыя границы до 1792 года. Вѣдь Австрія и Пруссія получили обратно, и даже съ избыткомъ, тѣ владѣнія, которыя онѣ завоевали съ этого времени. Всѣмъ прекрасно было извѣстно, что съ 1792 года въ умахъ французовъ идея республики и національной независимости отожествилась съ границами древней Галліи, съ „естественными границами". Европа никогда не

соглашалась признать это стремленіе; а оно лежало въ основѣ двадцатитрехлѣтней войны. Но было ли разумно и въ этомъ пунктѣ рѣшительно игнорировать и не считаться съ столь глубоко-національной и страстной идеей? Не требовала ли благоразумная политика принятія нѣкоторыхъ мѣръ для того, чтобы, считаясь съ интересами и идеями французовъ, облегчить имъ переходъ къ новому порядку вещей? При такихъ условіяхъ они мало-по-малу признали бы его выгодныя стороны: цѣльность и сплоченность Франціи среди раздробленныхъ націй и слабыхъ и разбросанныхъ государствъ, какъ Голландія, Германія и Италія. Вмѣсто этого Францію отбрасывали назадъ къ ея революціи, ее вынуждали отожествить, какъ въ 1795 году, свободу и естественныя границы, связать внутреннюю борьбу противъ октроированной хартіи съ требованіями внѣшней политики, направленными противъ „ненавистныхъ" трактатовъ 1815 года, и сдѣлать изъ разрушенія этихъ трактатовъ вопросъ французскаго патріотизма. Вопреки разумно понимаемымъ интересамъ Франціи, французскую націю превратили въ естественнаго союзника всѣхъ народовъ, возмущавшихся противъ этихъ трактатовъ; французскія правительства, готовыя искать популярности въ славѣ, съ силой необходимости толкались къ союзу съ тѣми европейскими правительствами, которыя изъ честолюбія стремились къ расторженію Вѣнскаго трактата или въ своихъ династическихъ интересахъ эксплуатировали національныя стремленія народовъ.

Такимъ образомъ, въ 1830 году революція была совершена столько же за хартію, сколько за рейнскую границу; Бельгія, воодушевляемая примѣромъ Франціи, возстала и отдѣлилась отъ Голландіи; Польша возмутилась, и крикъ: „Да здравствуетъ Польша!" являлся на парижскихъ улицахъ въ 1830—1832 и въ 1848 году крикомъ французской революціи; въ 1859—1860 гг. императоръ Наполеонъ III соединился съ Пьемонтомъ и создалъ объединеніе Италіи; а въ 1866 г. онъ предоставилъ Пруссіи свободу дѣйствій въ химерической надеждѣ, что Франція получитъ благодаря этому часть лѣваго берега Рейна. „Подобно большинству французскаго народа, говорилъ онъ въ маѣ 1866 года, я ненавижу трактаты 1815 года, изъ которыхъ въ настоящее время нѣкоторые хотятъ сдѣлать единственную основу нашей внутренней политики" [1]).

Подкопанные, такимъ образомъ, съ самаго начала въ своихъ основаніяхъ, потрясенные въ 1830 году, частью разрушенные въ 1848 г., затѣмъ съ большимъ трудомъ и заплатами кое-какъ возстановленные, Вѣнскіе трактаты были совершенно уничтожены въ 1860, 1866 и 1870 гг. путемъ созданія независимой и нейтральной Бельгіи, Итальянской монархіи и Германской Имперіи. Въ настоящее время ни въ области фактическихъ отношеній, ни въ области принциповъ ничего не осталось отъ того, что было существенной частью дѣла Вѣнскаго конгресса—и, за исключеніемъ бельгійскихъ дѣлъ, это разрушеніе не вызвало сожалѣнія ни у какой націи, въ томъ числѣ и французской, которая не разъ проклинала эти трактаты и которая въ такой сильной степени содѣйствовала ихъ разрушенію.

[1]) Рѣчь, произнесенная въ Окзеррѣ въ отвѣтъ на рѣчь Тьера отъ 3 мая 1866 г. См. примѣчаніе на стр. 30.

Глава II.

Священный союзъ и конгрессы.

(1815–1823).

Мирная политика и конгрессы.—Въ мемуарѣ о Вѣнскомъ конгрессѣ Генцъ, корреспондентъ господарей Валахіи, писалъ: „Пышныя фразы о „возстановленіи общественнаго порядка“, „обновленіи европейской политической системы“, „прочномъ мирѣ, основанномъ на справедливомъ распредѣленіи силъ“ и т. д. произносились для того, чтобы внушить спокойствіе народамъ и окружить этотъ торжественный съѣздъ ореоломъ величественнаго достоинства; но настоящей цѣлью конгресса *являлся раздѣлъ между побѣдителями отнятой у побѣжденнаго добычи*“ [1]).

Со стороны Генца это было нѣкоторой клеветой на вѣнскихъ дипломатовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ихъ первой и, быть можетъ, главной задачей былъ раздѣлъ останковъ Французской имперіи, и прежде всего каждый изъ союзниковъ старался удовлетворить аппетитъ, вызванный видомъ такой массы свободныхъ территорій. Но какъ только первый голодъ былъ нѣсколько утоленъ, и каждый захватилъ свою долю добычи, всѣ почувствовали одинаковую потребность въ отдыхѣ и одинаковое желаніе въ полной безопасности наслаждаться вновь пріобрѣтенными благами. На этихъ чисто эгоистическихъ чувствахъ сдѣлана была попытка основать цѣлую систему общей политики, сущность которой два года спустя сформулировалъ Меттернихъ. „Однимъ изъ главнѣйшихъ признаковъ, можно сказать даже, основой современной политики,—писалъ онъ въ 1817 году австрійскому императору,—служитъ и должно служить *спокойствіе;* а основной чертой спокойствія является *увѣренность во владѣніи*“ [1]). Эта консервативная политика въ теченіе, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго времени не должна была опасаться никакихъ сюрпризовъ со стороны военныхъ силъ Франціи, находившейся подъ бдительнымъ надзоромъ цѣлаго кордона враждебныхъ государствъ и даже оккупированной на три года, а въ случаѣ нужды и на пять лѣтъ, союзными арміями. Но зато опасеніе союзниковъ вызывали французскія идеи, тѣ идеи свободы, равенства и народнаго верховенства, которыя въ продолженіе двадцати лѣтъ распространялись по всей Европѣ солдатами Республики и Имперіи, всемогущія идеи, которыя самими консервативными госу-

[1]) Напечатано въ „Мемуарахъ“ Меттерниха, т. II, стр. 474.

[1]) 17 апрѣля 1817 г., „Мемуары“, III, 62.

дарями были призваны на помощь въ 1813 году, когда нужно было поднять народы противъ Наполеона. Какъ сказалъ Генцъ, „реакція 1813 года, которая временно задержала, но не покончила съ революціоннымъ движеніемъ во Франціи, пробудила его въ остальныхъ государствахъ“. Народы—а нѣмецкій народъ въ особенности—не забыли ни героическихъ пѣсенъ, ни прокламацій и обѣщаній 1813 года. Еще хорошо помнили „Пѣсню Меча“ Кернера: „Расти, нѣмецкая свобода, расти надъ нашими трупами!“ Въ университетахъ каждый разъ вспоминали манифестъ государей: „Народы, будьте свободны. Мы всѣ—свободные люди“. Повторяли слова Витгенштейна: „Всѣ сословныя различія стираются передъ этими великими идеями: король, свобода, честь и отечество“. Если у государей память и была коротка, то не всѣ же они были такъ ограничены въ умственномъ отношеніи, какъ какой-нибудь принцъ Гессенскій: они прекрасно знали, что народы не спали въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ. Они прекрасно знали, что противъ своей воли бельгійцы были связаны съ Голландіей, саксонцы и прирейнскіе жители—съ Пруссіей, итальяцы—съ Австріей, а поляки—съ Россіей; что если померанскій гренадеръ и донской казакъ ничего не видѣли въ Шампани и Бургундіи, кромѣ плодородной земли, то кадетъ Преображенскаго полка и студентъ изъ Университетскаго Легіона увидѣли тамъ гражданъ, права и вольности которыхъ коалиція принуждена была уважать, несмотря на все свое могущество. Государи замѣчали эту „болѣзнь“, какъ выражался Меттернихъ, и понимали, что помѣшать ея распространенію придется самыми энергическими средствами. А эти средства могли оказать свое дѣйствіе лишь при условіи однообразнаго и всеобщаго ихъ примѣненія. Любая уступка либеральнымъ идеямъ въ одной какой-нибудь странѣ сдѣлала бы для всѣхъ остальныхъ народовъ невыносимымъ сохраненіе того деспотическаго режима, который монархи (помимо своихъ эгоистическихъ интересовъ) признавали наиболѣе совершеннымъ и наиболѣе способнымъ обезпечить благосостояніе и процвѣтаніе государствъ. Отсюда вытекала необходимость постоянной близости и тщательно согласованныхъ мѣропріятій,—и въ результатѣ система изолированности, которая, за исключеніемъ случаевъ конфликта, была до тѣхъ поръ общимъ правиломъ государственной жизни, уступила мѣсто своего рода коллективной жизни Европы, обсужденію и разрѣшенію на конгрессахъ всякаго общаго вопроса, который могъ угрожать европейскому миру. Все это было, правда, не ново, и въ царствованіе Людовика XVI послѣдній великій министръ монархіи Верженнъ выработалъ совершенно аналогичный планъ. „Не встрѣчается,—писалъ онъ въ 1779 г.,—никакихъ препятствій къ тому, чтобы дворы, ясно и дружески объясняясь по поводу предметовъ, способныхъ вызвать раздоры, всегда могли предупредить наступленіе такого момента, когда для мирнаго соглашенія не остается уже мѣста“ [1]). Это была та же политика конгрессовъ, и улаженіе баварскихъ дѣлъ въ Тешенѣ въ 1779 году являлось первымъ ея практическимъ примѣненіемъ.

Образованіе Священнаго Союза.—Мистическая декларація, подписанная царемъ, австрійскимъ императоромъ и прусскимъ королемъ и пріобрѣвшая извѣстность подъ названіемъ трактата *Священнаго Союза*, была какъ бы манифестомъ новой политики. Первая мысль о такомъ союзѣ, какъ кажется, зародилась въ головѣ короля Вильгельма въ 1813 году, на другой день послѣ битвы при Бауценѣ. Текстъ договора, составленный въ Парижѣ царемъ, былъ просмотрѣнъ госпожей Крюднеръ, которая была тогда нимфой Эгеріей Александра. „Я желаю,—

---

[1]) Инструкція Корберону, 28 іюня 1779 года.

сказалъ онъ ей,—чтобы императоръ австрійскій и король прусскій присоединились ко мнѣ въ этомъ актѣ поклоненія Божеству и чтобы весь міръ видѣлъ, что мы, подобно восточнымъ волхвамъ, признаемъ высшую власть Спасителя. Молитесь вмѣстѣ со мной и просите Бога, чтобы мои союзники согласились подписать этотъ договоръ". Союзники подписали его 26 сентября 1815 года, но офиціально содержаніе этого трактата было опубликовано лишь въ февралѣ 1816 г.

Три государя, „глубоко убѣжденные въ томъ, что необходимо сообразовать политику державъ съ высокими истинами, преподанными намъ вѣчной религіей Бога-Спасителя", провозглашали „передъ лицомъ всего міра свою непоколебимую рѣшимость принимать за правило своихъ дѣйствій только заповѣди этой святой религіи, заповѣди правды, милосердія и мира". Отнынѣ, „согласно словамъ Священнаго Писанія", они будутъ видѣть другъ въ другѣ братьевъ и соотечественниковъ, будутъ „связаны узами истиннаго и неразрывнаго братства" и станутъ оказывать другъ другу „при всякомъ случаѣ поддержку и помощь". Обязательства государей распространялись и на подданныхъ. „Единственнымъ принципомъ ихъ поведенія должно быть: оказывать другъ другу взаимныя услуги; выказывать другъ другу взаимныя симпатіи и неизмѣнную благосклонность; считать другъ друга членами одной и той же христіанской націи въ виду того, что три государя сами смотрятъ на себя, какъ на людей, которымъ Провидѣніе вручило для управленія три отрасли одной семьи".—„Всѣ державы, которыя пожелаютъ торжественно признать эти принципы, будутъ съ величайшей готовностью и симпатіей приняты въ этотъ Священный Союзъ".

Все это было втиснуто въ тщательно пронумерованныя статьи, какъ и полагается всякому настоящему трактату, съ обычнымъ введеніемъ и разъясненіемъ мотивовъ и съ приличествующимъ обращеніемъ къ „Святой и Нераздѣльной Троицѣ", которое предшественники этихъ государей не забыли вставить въ введеніе къ первому трактату о раздѣлѣ Польши. Подобный языкъ уже не употреблялся королями съ того времени, какъ въ Мерзенѣ въ 847 году сыновья Людовика Благодушнаго, занятые благоустройствомъ „ихъ общаго королевства", торжественно провозгласили „необходимость жить въ дружбѣ и согласіи, какъ этого требуютъ велѣнія Божіи и истинное братство".

Людовикъ XVIII примкнулъ къ Священному Союзу 19 ноября, наканунѣ подписанія злосчастнаго Парижскаго трактата. Его примѣру послѣдовалъ цѣлый рядъ государей. Можно было думать, что англичане уклонятся отъ того же, такъ какъ ихъ посланникъ Кэстльри заявилъ, что англійскій парламентъ, состоящій изъ людей положительныхъ, готовъ примкнуть къ практическому договору о субсидіяхъ или союзѣ, но ни въ коемъ случаѣ не примкнетъ къ простой деклараціи библейскихъ принциповъ, переносящихъ Англію къ мистическимъ временамъ Кромвелля и круглоголовыхъ. И однако принцъ-регентъ подписалъ договоръ.

Какое значеніе имѣлъ этотъ актъ и какое значеніе ему придавали?—Нѣкоторые видѣли въ немъ первый симптомъ предстоящаго крестоваго похода противъ турокъ, о которомъ мечталъ царь; въ 1816 году, когда этотъ документъ былъ опубликованъ, Порта сама заволновалась и попросила объясненій у Вѣны и Лондона. Либералы признали въ немъ открытіе систематическихъ дѣйствій, планомѣрной кампаніи противъ нихъ и противъ либеральныхъ идей. Это не совсѣмъ совпадало съ дѣйствіями царя, который незадолго до того навязалъ Бурбонамъ

хартію и рекомендовалъ имъ лояльно примѣнять ее на практикѣ и который даже собирался дать очень либеральную конституцію Польшѣ. Только значительно позже, а именно послѣ революціи въ Неаполѣ, на конгрессѣ въ Троппау въ 1820 году, онъ долженъ былъ обратиться къ реакціонной политикѣ и примкнуть къ абсолютистскимъ доктринамъ Меттерниха. Послѣдній, впрочемъ, взялъ на себя задачу очистить царя отъ обвиненій, выдвинутыхъ либералами. Мысль о томъ, что союзъ былъ основанъ для ограниченія народныхъ правъ и усиленія абсолютизма, была клеветой на благороднѣйшія намѣренія государей. Декларація эта была ничѣмъ инымъ, какъ моральной манифестаціей, выраженіемъ мистическаго настроенія императора Александра и притомъ неподходящимъ и неудачнымъ символомъ единенія между монархами, *пустымъ и фразистымъ документомъ*. Меттернихъ долженъ былъ вложить въ него опредѣленное содержаніе, подобно тому какъ Наполеонъ наполнилъ реальнымъ содержаніемъ безплотныя формы Сіейсовской конституціи, и подъ его вліяніемъ Священный Союзъ дѣйствительно сдѣлался лигой королей противъ народовъ.

Впрочемъ, государи почти немедленно оставили почву абстракцій и смутной мистической фразеологіи, и при возобновленіи Шомонскаго договора 20 ноября 1815 года, они приняли весьма опредѣленное и совершенно конкретное рѣшеніе. „Съ цѣлью обезпеченія и облегченія практическаго исполненія настоящаго договора,—гласитъ статья VI,—и для упроченія дружескихъ отношеній, связывающихъ въ настоящее время четырехъ государей для блага всего міра, высокія договаривающіяся стороны условились періодически собираться въ опредѣленные сроки на совѣщанія, посвященныя великимъ общимъ интересамъ и разсмотрѣнію мѣръ, которыя въ каждую данную эпоху признаны будутъ наиболѣе благотворными для спокойствія и благосостоянія народовъ и для сохраненія европейскаго міра“. Этотъ стиль, безъ сомнѣнія, былъ еще цѣликомъ пропитанъ духомъ Александра; но сущность его содержанія принадлежала Меттерниху, а идея этихъ великихъ періодическихъ съѣздовъ, своего рода европейской директоріи, обсуждающей и рѣшающей всѣ вопросы общаго порядка, принадлежала ему безусловно.

Канцлеръ Меттернихъ; теорія вмѣшательства.—Въ продолженіе восьми приблизительно лѣтъ австрійскій канцлеръ игралъ въ Европѣ преобладающую роль, и политическая система, примѣнявшаяся въ періодъ 1815—1822 гг., и до сихъ поръ еще сохраняетъ названіе *Меттерниховской системы*. Рѣдко встрѣчаются люди, которые были бы столь высокаго мнѣнія сами о себѣ и проникнуты такимъ уваженіемъ къ собственной персонѣ, какъ Меттернихъ. Автобіографія, напечанная въ видѣ введенія къ его запискамъ, представляетъ поразительный памятникъ чванства. Современники не имѣютъ у него другихъ эпитетовъ, какъ *маленькій* Нессельроде, *бѣдный мечтатель* Каподистрія; Тьеръ для него — *глупецъ и акробатъ*, Беррье — *дуракъ;* только Ришелье и Мазарини—*достойные люди*. Самъ онъ—намѣстникъ Бога, факелъ, свѣтящій всему человѣчеству, громадная моральная сила, которая послѣ своего исчезновенія оставитъ по себѣ незаполнимую пустоту. Трудно найти человѣка, въ которомъ „гипертрофія своего *я*“ достигла бы подобной степени развитія.

Этотъ самоувѣренный человѣкъ былъ заклятымъ врагомъ Революціи, противъ которой онъ твердо рѣшилъ бороться до послѣдняго издыханія. Онъ самъ называлъ себя человѣкомъ стараго склада, „человѣкомъ того, что было“. Говоря о революціи, онъ прибѣгаетъ всегда къ

цѣлому ряду самыхъ рѣзкихъ метафоръ. Она выступаетъ у него то въ видѣ болѣзни, то въ видѣ волкана, то въ видѣ пожара, грозящаго все уничтожить, то въ видѣ стоглавой гидры, готовой пожрать общественный порядокъ. Онъ чувствуетъ отвращеніе къ парламентскому режиму, такъ какъ это—режимъ, при которомъ преуспѣваютъ честолюбцы, вытѣсняющіе старыхъ служакъ, и къ представительному образу правленія, который является системой „постоянныхъ потрясеній". А по мнѣнію Меттерниха, основнымъ условіемъ государственной жизни долженъ быть покой, а въ его умѣ покой былъ равнозначущъ неподвижности.

Основой его политической системы является сила въ правѣ, а ея цѣлью—безопастность во владѣніи. Онъ полагаетъ, что *изолированныхъ* государствъ, характерныхъ для древности, больше не существуетъ, но что въ настоящее время сложились *общества* государствъ, гдѣ каждая отдѣльная держава со своими частными интересами связана со всѣми остальными рядомъ общихъ интересовъ. Государства составляютъ коллективный организмъ, каждый членъ котораго долженъ имѣть своимъ девизомъ: „Не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобъ сдѣлали тебѣ самому". Этотъ коллективный государственный организмъ долженъ поддерживать равновѣсіе между отдѣльными своими частями, и, если одинъ изъ его членовъ желаетъ подняться надъ общимъ уровнемъ, то остальные должны соединиться и общими силами принудить его не выступать изъ рядовъ. „Такимъ образомъ, политика имѣетъ своей цѣлью сохраненіе или возстановленіе международныхъ отношеній на основѣ взаимности, подъ гарантіей признанія пріобрѣтенныхъ правъ и уваженія къ данной клятвѣ".

Все это въ общемъ и цѣломъ слишкомъ старо. Задолго до Меттерниха, два выдающіеся дѣятеля, Ришелье и Мазарини, открыли теорію европейскаго равновѣсія. Новы въ Меттерниховской системѣ были лишь тѣ выводы, которые канцлеръ дѣлалъ изъ своей теоріи солидарности между государствами. Солидарность эта была чисто моральнаго свойства и не подтверждалась никакимъ писаннымъ документомъ,—если не считать трактата Священнаго Союза. Но моральный договоръ, создаваемый общностью интересовъ, имѣетъ для Меттерниха значеніе писаннаго договора. Если кто-нибудь нарушаетъ его, путемъ ли матеріальныхъ посягательствъ или вреднаго моральнаго вліянія, то другія государства имѣютъ право, во имя этого договора, обратно ввести нарушителя въ границы или очистить его, если онъ подвергся моральной заразѣ. Такимъ образомъ, провозглашается право вмѣшательства, это специфическое лѣкарство противъ Революціи, употребленіе котораго предписывается и регулируется конгрессами.

Такіе аргументы и теоріи были вполнѣ естественны и логичны въ устахъ австрійскаго государственнаго дѣятеля; они соотвѣтствовали традиціямъ Габсбурговъ и совпадали съ ихъ интересами. Габсбурги, которые всегда обнаруживали тенденцію къ достиженію абсолютной власти, не могли согласиться на отказъ отъ благодѣяній этой системы какъ разъ послѣ того, какъ имъ въ теченіе XVIII столѣтія удалось съ величайшимъ трудомъ осуществить свои мечты. Съ другой стороны, габсбургская монархія, этотъ пестрый конгломератъ враждебныхъ народовъ, смѣсь національностей, примирить которыя не удалось вѣковымъ централизаторскимъ усиліямъ, быстро распалась бы на части, если бы предоставлена была свобода пропаганды доктринѣ народнаго суверенитета. Государь, который господствовалъ надъ нѣмцами, венграми, чехами и сербами и который недавно еще присоединилъ къ числу своихъ подданныхъ поляковъ и итальян-

цевъ, не могъ допустить свободнаго выраженія того мнѣнія, что только сами народы имѣютъ право располагать своей участью.

Аахенскій конгрессъ; пятерной союзъ. — Меттернихъ былъ строго послѣдователенъ въ теоретическомъ обоснованіи своихъ принциповъ, но въ дѣлѣ практическаго ихъ примѣненія онъ далеко не отличался такой непреклонностью. За теоретикомъ скрывался государственный дѣятель. Государственный человѣкъ пользовался теоретикомъ, но самъ отказывался ему служить; онъ подчинялъ теоретическія выкладки своимъ практическимъ соображеніямъ каждый разъ, когда этого требовали эгоистическіе интересы. Это съ особенной ясностью обнаружилось въ 1818 году, когда предстояло открытіе Аахенскаго конгресса и выработка его программы. По правдѣ сказать, этотъ конгрессъ былъ не изъ тѣхъ, которые должны были основываться на новыхъ принципахъ. Началомъ своимъ онъ восходилъ къ Священному Союзу, но не имъ онъ былъ вызванъ къ жизни. Онъ служилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ продолженіемъ дебатовъ, открывшихся въ 1815 г. въ Парижѣ, и являлся какъ бы эпилогомъ трактата 20 ноября. Какъ извѣстно, въ интересахъ европейской безопасности и въ интересахъ упроченія Бурбоновъ, рѣшено было оккупировать Францію иностранными войсками. Могла ли эта оккупація безъ всякихъ неудобствъ кончиться въ 1818 году, или же ее слѣдовало продолжить до крайняго срока, предусмотрѣннаго трактатомъ, то-есть до истеченія полныхъ пяти лѣтъ? Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, на взглядъ Меттерниха, состоялъ единственный вопросъ, подлежавшій обсужденію союзныхъ монарховъ. Царь хотѣлъ гораздо болѣе широкой программы. Ему принадлежала иниціатива конгресса; ему хотѣлось, чтобы этотъ конгрессъ былъ чѣмъ-то въ родѣ новаго Вѣнскаго конгресса, и чтобы въ немъ приняли участіе представители всѣхъ государей какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Въ особенности ему хотѣлось пригласить туда представителей испанскаго короля, который въ 1817 году обратился къ Священному Союзу съ просьбой о помощи противъ своихъ возмутившихся подданныхъ американскихъ колоній. Эта перспектива не могла улыбаться англичанамъ, которымъ освобожденіе испанскихъ колоній открывало огромный рынокъ для сбыта промышленныхъ продуктовъ, рынокъ тѣмъ болѣе важный, что континентальная система, заставившая Европу искать въ своей собственной индустріи средства для самостоятельнаго удовлетворенія своихъ потребностей, отчасти отняла у нихъ континентальный рынокъ. Для того, чтобы создать противовѣсъ внушавшему ему опасенія франко-русскому сближенію, Меттернихъ нуждался въ союзѣ съ Англіей; поэтому, онъ готовъ былъ дать удовлетвореніе англійскимъ желаніямъ. Съ другой стороны, онъ опасался, чтобы Франція, какъ это случилось въ 1815 году въ Вѣнѣ, не составила себѣ кліентеллу среди второстепенныхъ государствъ, если имъ позволено будетъ фигурировать на конгрессѣ, и чтобы она, едва лишь снова допущенная къ участію въ концертѣ европейскихъ державъ, не нарушила во второй разъ царствующаго между ними добраго согласія. Однако, не безъ большого труда Меттернихъ могъ убѣдить царя въ вѣскости этихъ послѣднихъ доводовъ (о первыхъ передъ нимъ нельзя было и заикнуться); но ему удалось все-таки добиться постановленія, гласившаго, что разсмотрѣнію подвергнутся на конгрессѣ только французскія дѣла. Для него контръ-революція не была предметомъ вывоза.

Въ концѣ сентября въ Аахенѣ собрались австрійскій императоръ въ сопровожденіи Меттерниха, царь, сопровождаемый Нессельроде и Каподистріей, прусскій король съ Гарденбергомъ и Бернсторфомъ, лордъ Кэстльри и Веллингтонъ,

герцогъ Ришелье, Рейневаль и Мунье. Совѣщанія открылись 30 сентября. 2 октября протоколомъ, превращеннымъ 18-го въ окончательный договоръ, постановлено было, что очищеніе Франціи оккупаціонной арміей произойдетъ самое позднее 30 ноября. Ришелье показалъ, что реорганизованной Гувіономъ Сенъ-Сиромъ французской арміи вполнѣ достаточно для того, чтобы обезпечить Бурбонамъ безопасность; съ другой стороны, бо́льшая часть французской контрибуціи была союзникамъ выплачена. Его аргументація тѣмъ благосклоннѣе принималась монархами, что нѣкоторые изъ нихъ побаивались, какъ бы продолжительное пребываніе ихъ солдатъ въ странѣ революціи не оказало на нихъ зловреднаго вліянія.

Но этимъ разрѣшенъ былъ лишь сравнительно простой вопросъ. Гораздо труднѣе было рѣшить, какого поведенія должна Европа вообще держаться впредь по отношенію къ Франціи. По мнѣнію Меттерниха, ни въ интересахъ Европы, ни въ своихъ собственныхъ интересахъ Франція не должна быть предоставлена своимъ собственнымъ силамъ: ее слѣдовало привлечь къ концерту четырехъ державъ. Герцогъ Ришелье ничего другого и не требовалъ. На его взглядъ, оставалось лишь превратить четверной союзъ въ пятерной; отъ этого для Европы не возникаетъ никакой новой опасности, а положеніе Людовика XVIII въ значительной степени улучшится. Царь былъ не далекъ отъ того, чтобы дать свое согласіе на этотъ планъ. Но предубѣжденія противъ Франціи были еще слишкомъ сильны для того, чтобы это рѣшеніе, хотя и указывавшее самый простой и самый почетный для всѣхъ выходъ, могло быть принято. Меттерниху, безъ сомнѣнія, хотѣлось избѣжать такого положенія вещей, при которомъ „сохраненіе четверного союза могло внушить мысль, что Франціи, умиротворенной и управляемой законнымъ своимъ королемъ въ конституціонныхъ формахъ, угрожаетъ какая-нибудь опасность“. Но тѣмъ не менѣе, онъ принципіально признавалъ, что „благоразуміе властно требуетъ сохраненія союза“, который облегчитъ быстрое принятіе репрессивныхъ мѣръ въ томъ случаѣ, если Франція „снова впадетъ въ состояніе кризиса“. Его мнѣніе одержало верхъ надъ мнѣніемъ царя. 1 ноября Шомонскій трактатъ былъ возобновленъ въ третій разъ; союзъ между державами оставался въ полной силѣ, и онѣ должны были принять общія мѣры для возстановленія порядка во Франціи въ томъ случаѣ, если „въ этой странѣ произойдетъ какой-нибудь переворотъ, угрожающій спокойствію или безопасности ея сосѣдей“. Такимъ образомъ, право вмѣшательства было провозглашено съ полной опредѣленностью. Это постановленіе было сообщено Ришелье, но не было предано гласности. Послѣ этого его христіаннѣйшее величество было приглашено „присоединить отнынѣ свои совѣты и свои усилія“ къ совѣтамъ и усиліямъ союзныхъ монарховъ для „охраненія существующихъ договоровъ и отношеній, ими установленныхъ и признанныхъ всѣми европейскими государствами“. Торжественная декларація 15 ноября оповѣстила всю Европу объ образованіи новаго союза. „Этотъ монаршій союзъ“ ставилъ себѣ „основной цѣлью строжайшее соблюденіе международнаго права“. Онъ ставилъ себѣ задачей давать всегда „примѣръ справедливости, согласія и умѣренности“, покровительствовать миру, содѣйствовать внутреннему процвѣтанію государствъ и „пробуждать религіозныя и нравственныя чувства, вліяніе которыхъ, къ сожалѣнію, было столь ослаблено несчастными событіями послѣдняго времени“.

О чемъ декларація умалчивала и чего Меттернихъ не хотѣлъ подвергнуть обсужденію конгресса, — такъ это были тѣ практическія средства, съ помощью которыхъ монархи думали обезпечить Европѣ

столько благодѣяній. Тайный протоколъ, составленный въ тотъ же день, что и декларація, 15 ноября, вводилъ періодическіе съѣзды монарховъ „для совмѣстнаго обсужденія ихъ собственныхъ интересовъ“ и чрезвычайные съѣзды, въ случаѣ серьезныхъ и непредвидѣнныхъ событій. Всякое государство, которое пожелало бы обратиться къ суду пяти союзныхъ державъ, могло надѣяться быть выслушаннымъ и найти у нихъ нужную матеріальную поддержку. Монархи взаимно гарантировали другъ другу обладаніе престолами и полноту власти и обѣщали такую же гарантію всякому государю, который обратится къ ихъ помощи для подавленія революціонныхъ попытокъ со стороны ихъ подданныхъ. Генцъ, бывшій секретаремъ этого конгресса, очень хорошо разъяснилъ его значеніе. „Государи и ихъ министры прекрасно поняли ту политику, которую диктовала имъ общая опасность,—писалъ онъ.—Они живо почувствовали необходимость взаимнаго довѣрія и заставили замолчать всѣ другія соображенія, въ виду высшаго долга, который заключался въ защитѣ власти отъ крушенія и въ спасеніи народовъ отъ ихъ собственныхъ увлеченій. Не входя въ излишнія подробности, они пришли къ тѣсному соглашенію относительно той политики, которой слѣдовало придерживаться въ разгаръ бури“. Съ этого момента организована была контръ-революціонная лига. Понятно, что Меттернихъ былъ доволенъ сдѣланной работой и заявилъ, что никогда не видѣлъ „болѣе пріятнаго конгрессика“.

Первое примѣненіе права вмѣшательства: Карлсбадъ и Вѣна.—Чтобы возможно было судить о практическомъ значеніи этихъ теорій и договоровъ, недоставало лишь какихъ-нибудь опытовъ ихъ примѣненія на дѣлѣ. Событія, имѣвшія мѣсто въ Германіи, либеральная агитація, преступленіе Карла Занда, доставили Меттерниху удобный случай для производства такого опыта. Онъ косо смотрѣлъ на тѣхъ рѣдкихъ нѣмецкихъ государей, которые, какъ казалось, готовы были даровать своимъ подданнымъ представительныя собранія, обѣщанныя 13-й статьей федеральнаго договора. Почти немедленно, вслѣдъ за закрытіемъ Аахенскаго конгресса, Меттернихъ открылъ настоящую кампанію, направленную къ тому, чтобы побудить прусскаго короля, въ согласіи съ австрійскимъ императоромъ, принять мѣры, способныя обезвредить тѣхъ, кого онъ называлъ революціонерами и тевтономанами. Король не вполнѣ еще проникся этими доводами, какъ произошло убійство Коцебу. Негодованіе, испытываемое Меттернихомъ, не помѣшало ему быстро сообразить, что ему легко будетъ использовать это преступленіе противъ либераловъ. И, дѣйствительно, „онъ приложилъ всѣ свои усилія, — какъ онъ самъ писалъ,— къ тому, чтобы дать этому *дѣлу* наилучшій ходъ и извлечь изъ него наибольшую выгоду“. Уполномоченные союзныхъ нѣмецкихъ государствъ, собравшіеся въ Карлсбадѣ, а затѣмъ въ Вѣнѣ, послушно исполнили все то, чего хотѣлъ отъ нихъ добиться австрійскій канцлеръ. По смыслу постановленій Заключительнаго Акта, охраненіе порядка и спокойствія внутри федеральныхъ государствъ было въ принципѣ дѣломъ отдѣльныхъ правительствъ, но Конфедерація обязана была и имѣла право вмѣшаться въ томъ случаѣ, если безпорядки, вспыхнувшіе внутри одного изъ нихъ, угрожали спокойствію остальныхъ государствъ. Даже не будучи приглашена пострадавшимъ правительствомъ, она могла вмѣшаться по праву и самостоятельно принять всѣ мѣры, признаваемыя ею способными возстановить порядокъ. Въ числѣ этихъ мѣръ предусматривалось также военное вмѣшательство, и государство, которому поручалась эта обязанность, должно было принять миссію, возложенную на него Союзнымъ сеймомъ. Въ силу этихъ рѣ-

шеній, установлена была общая цензура надъ нѣмецкой прессой, при каждомъ университетѣ введены были особые комиссары, а въ Майнцѣ учрежденъ былъ спеціальный комитетъ, которому поручено было слѣдить за демагогическими происками. На всѣ эти мѣры сеймъ согласился безъ сопротивленія, и усилія нѣмецкихъ либераловъ были парализованы на долгіе годы. Опытъ оправдалъ всѣ возлагавшіяся на него ожиданія. Кромѣ того, Меттернихъ дополнилъ свою теорію и усовершенствовалъ свою систему; пріемы вмѣшательства и дѣйствіе права вмѣшательства получили точную формулировку: вмѣшательство могло быть вооруженнымъ, и для его примѣненія достаточно было, чтобы какое-нибудь правительство оказалось не въ состояніи справиться съ партіями, враждебными установленному порядку.

Конгрессъ въ Троппау. — Вскорѣ въ Европѣ представился случай примѣнить эту теорію на дѣлѣ. Въ январѣ 1820 г. возмутившаяся испанская армія принудила Фердинанда VII снова ввести въ дѣйствіе конституцію 1812 г. Въ мартѣ царь предложилъ державамъ принять противъ революціонеровъ энергическія мѣры. Но Англія уклонилась отъ этого предложенія, а Меттернихъ послѣдовалъ ея примѣру. Первой были выгодны безпорядки, происходившіе въ Испаніи, равно какъ и возстаніе американскихъ колоній. Второй чувствовалъ, что логически дѣло военнаго вмѣшательства въ данномъ случаѣ должно быть возложено на одну лишь Францію. Онъ задавалъ себѣ вопросъ, не будутъ ли французскіе солдаты при встрѣчѣ съ испанскими революціонерами, въ свою очередь, охвачены либеральной чумой; съ другой стороны, онъ опасался, чтобы Франція, съ случаѣ успѣха, не пріобрѣла слишкомъ преобладающаго вліянія на Пиринейскомъ полуостровѣ. И въ данномъ случаѣ политическій дѣятель забывалъ доктрину и аргументацію теоретика.

Дѣло измѣнилось, когда неаполитанскіе солдаты, возмутившіеся, въ свою очередь, навязали королю Фердинанду ту же самую конституцію 1812 года. Неаполитанскій бунтъ могъ послужить исходной точкой широкаго объединительнаго движенія, а Австрія, которая, благодаря своимъ Ломбардо-Венеціанскимъ владѣніямъ, заинтересована была въ итальянскихъ дѣлахъ, не могла равнодушно смотрѣть на событія, угрожавшія ея владѣніямъ. Меттернихъ немедленно отправилъ австрійскія войска въ сѣверную Италію; но идти дальше онъ не рѣшался, не спросивши предварительно мнѣнія остальныхъ державъ. Впрочемъ, Франція предложила созвать новый конгрессъ. „Нѣтъ ли въ данномъ случаѣ мѣста для одного изъ тѣхъ съѣздовъ, которые предусматриваются въ Аахенскомъ договорѣ?— писалъ Ришелье Меттерниху. — Можно ждать лишь хорошихъ результатовъ отъ такой мѣры, которая, подтверждая существованіе тѣснаго единомыслія между пятью державами, способна успокоить благонамѣренные элементы и устрашить злонамѣренныхъ людей“. У Ришелье, который не хотѣлъ позволить одной Австріи произвольно хозяйничать въ Италіи и, такимъ образомъ, еще усилить тамъ свое вліяніе, была задняя мысль выступить въ роли посредника между неаполитанскимъ народомъ и его королемъ и въ продолженіе тѣхъ нѣсколькихъ недѣль, которыя должны были протечь до открытія конгресса, привести ихъ къ взаимнымъ уступкамъ. Этотъ планъ, о существованіи котораго Меттернихъ догадывался и успѣха котораго онъ боялся, разбился объ упорство стараго Фердинанда, подстрекаемаго Австріей, и объ изступленіе неаполитанцевъ.

20 октября 1820 года въ Троппау собрались оба императора и прусскій наслѣдный принцъ съ Меттернихомъ, Нессельроде, Каподистріей, Гарденбергомъ, Чарльзомъ Стюартомъ и посланниками

Франціи при вѣнскомъ и петербургскомъ дворахъ, герцогами Караманомъ и де-ла-Ферронэ. Все дипломатическое искусство Меттерниха направлено было къ тому, чтобы принудить Европу признать тѣ принципы, которымъ онъ недавно доставилъ побѣду въ Германіи. Это сопряжено было съ извѣстными трудностями. Въ длинной запискѣ, прочитанной имъ при самомъ началѣ совѣщаній, онъ старался доказать, что всякое правительство имѣетъ право контролировать политическія перемѣны, происходящія въ другомъ государствѣ, если только эти измѣненія, по самой своей сущности, являются угрозой для безопасности его сосѣдей. Спеціально въ данномъ случаѣ, прибавилъ онъ, договоръ, заключенный 12 іюня 1815 года между австрійскимъ императоромъ и неаполитанскимъ королемъ, включалъ со стороны послѣдняго обязательство не допускать въ своемъ государствѣ никакихъ органическихъ перемѣнъ, стоящихъ въ противорѣчіи съ старыми монархическими принципами или съ тѣми правилами, которыя приняты императоромъ во внутреннемъ управленіи своими итальянскими владѣніями. Поэтому, остается лишь возвратить Фердинанду въ полномъ объемѣ его неограниченную власть.

Представители Франціи и Англіи находились въ чрезвычайно щепетильномъ положеніи. Обѣ эти страны, въ которыхъ господствовалъ конституціонный режимъ, не могли выступать въ качествѣ противниковъ этого самаго режима у другихъ народовъ. Ла Ферронэ въ своихъ „Предварительныхъ замѣчаніяхъ“ (Observations préliminaires) позволилъ себѣ выразить открытое порицаніе заключеніямъ Меттерниха. Какъ впослѣдствіи сдѣлалъ это Манюэль, которому пришлось поплатиться за свои слова исключеніемъ изъ палаты, ла Ферронэ осмѣлился даже напомнить весь тотъ вредъ, который причиненъ былъ Людовику XVI иностраннымъ вмѣшательствомъ. Наконецъ, онъ подчеркивалъ тотъ фактъ, что званіе конституціоннаго монарха налагало на Людовика XVIII особую отвѣтственность. Что же касается англійскаго представителя, то онъ прямо заявилъ, что, присутствуя на конгрессѣ въ качествѣ простого зрителя, онъ не можетъ подписать никакого протокола постановленій, такъ что пришлось ограничиться составленіемъ простого журнала засѣданій.

Если царь не хотѣлъ признать за Австріей права на военное вмѣшательство, на основаніи ссылки на трактатъ 1815 года, то зато онъ твердо былъ убѣжденъ, что государства, входящія въ составъ пятерного союза, имѣютъ право и обязаны обсудить неаполитанскій вопросъ. Онъ требовалъ, чтобы этотъ принципъ снова былъ провозглашенъ въ торжественной декларации, послѣ чего неаполитанскому королю сдѣлано будетъ предложеніе отвергнуть всѣ дѣйствія революціи и принять необходимыя мѣры для возстановленія спокойствія въ своемъ королевствѣ и „для установленія такого порядка вещей, который будетъ соотвѣтствовать дѣйствительнымъ желаніямъ населенія“. Въ случаѣ, если онъ уклонится отъ исполненія этого долга, Австрія приступитъ отъ имени Европы къ оккупаціи неаполитанскаго королевства. Однимъ словомъ, царь хотѣлъ, чтобы неаполитанскій король отмѣнилъ конституцію, навязанную ему подданными, но чтобы послѣ того онъ самъ даровалъ имъ либеральныя учрежденія.

Это не могло нравиться Меттерниху. Австрія ни въ коемъ случаѣ не могла допустить существованіе въ Италіи какого бы то ни было конституціоннаго государства. Поэтому необходимо было вытравить изъ души Александра послѣдніе остатки либеральныхъ поползновеній. Меттерниху раньше уже удалось вырвать у него заявленіе, „что съ 1814 года онъ ошибался относительно общественнаго настроенія, что онъ надѣлалъ

много зла и постарается его исправить". Въ длинныхъ личныхъ разговорахъ канцлеръ нарисовалъ передъ Александромъ картину со всѣхъ сторонъ надвигающейся революціи; недавно еще она разразилась въ Португаліи (24 августа); дуновеніе ея уже чувствовалось въ Пьемонтѣ; даже во Франціи самые благонамѣренные министры находились въ полной зависимости отъ капризовъ палаты. Надо замѣтить, что другой заботой Меттерниха было поссорить царя съ Франціей. Одни лишь неограниченные монархи достаточно сильны для того, чтобы спасти погибающее общество, и никогда еще тѣсное сближеніе между ними не представлялось болѣе настоятельнымъ, никогда оно не могло дать болѣе блестящихъ результатовъ.

Усилія Меттерниха увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Безъ вѣдома французскихъ и англійскихъ представителей, министры Австріи, Россіи и Пруссіи составили протоколъ, который 19 ноября былъ прочитанъ на конгрессѣ и который циркулярной депешей этихъ трехъ дворовъ, помѣченной 8 декабря, былъ опубликованъ для свѣдѣнія всей Европы. Входящія въ составъ европейскаго союза государства, во внутреннемъ строѣ которыхъ произошла какая-нибудь перемѣна, вызванная бунтомъ, перестаютъ считаться членами этого союза. Союзныя державы откажутся признать перемѣны, произведенныя незаконнымъ путемъ. Для того чтобы обратно привлечь въ лоно союза тѣ государства, гдѣ произойдутъ подобныя перемѣны, державы сначала предпримутъ дружественные шаги, но затѣмъ они пустятъ въ ходъ принудительныя мѣры, если употребленіе силы окажется неизбѣжнымъ. Эти постановленія были примѣнены по отношенію къ Неаполю: Фердинандъ былъ приглашенъ явиться въ Лайбахъ для совмѣстнаго совѣщанія съ союзниками относительно интересовъ своего королевства. Если бы усилія трехъ дворовъ не увѣнчались успѣхомъ, то на Австрію возлагалась обязанность обезпечить возстановленіе порядка вооруженной рукой.

Декларація трехъ дворовъ вызвала энергическій протестъ англійскаго правительства, которое отказывалось признать право вмѣшательства. Съ своей стороны, французское правительство также заявило, что оно не можетъ присоединиться къ протоколу 19 ноября. Но эти протесты носили чисто платоническій характеръ; въ то же самое время Франція и Англія заявляли о своемъ горячемъ желаніи не разрывать союза, и оба эти государства твердо рѣшились не ставить никакихъ препятствій дѣйствіямъ трехъ монарховъ. Во всякомъ случаѣ, Ришелье во второй разъ попытался сдѣлать излишнимъ вмѣшательство Австріи, живо убѣждая неаполитанскихъ либераловъ по собственному почину измѣнить конституцію въ монархическомъ смыслѣ. Либералы ни о чемъ и слышать не хотѣли, и Фердинандъ могъ выѣхать изъ Неаполя только послѣ того, какъ онъ торжественно передъ палатой поклялся защищать конституцію передъ лицомъ союзниковъ.

Конгрессъ въ Лайбахѣ. — „Какую роль станетъ теперь играть неаполитанскій король?—писалъ герцогъ Ришелье.—Заявитъ ли онъ, что всѣ его уступки были вырваны у него насиліемъ? Я не могу безъ отвращенія думать о такой низости". Едва высадившись въ Ливорно, Фердинандъ написалъ австрійскому императору письмо, въ которомъ онъ дезавуировалъ всѣ акты, навязанные ему революціей. Если бы не вмѣшательство французскаго посланника Блакаса, то онъ даже подписалъ бы обращеніе къ вооруженной помощи союзныхъ монарховъ. Въ Лайбахѣ онъ подъ диктовку Меттерниха написалъ письмо, въ которомъ предлагалъ неаполитанскому парламенту отречься отъ революціонныхъ

учрежденій и подчиниться его абсолютной власти, какъ этого хотѣли державы. „Если отказъ этотъ будетъ добровольнымъ, то дѣло будетъ улажено при его участіи; но даже и въ этомъ случаѣ дворы требуютъ гарантій, необходимыхъ для безопасности сосѣднихъ государствъ". Одной изъ этихъ гарантій была, во всякомъ случаѣ, военная оккупація. Представители союзныхъ державъ въ Неаполѣ должны были поддержать это королевское посланіе коллективнымъ давленіемъ на принца-регента; но французскій и англійскій представители предпочли остаться въ сторонѣ. Неаполитанскій парламентъ отклонилъ притязанія монарховъ, какъ „одинаково несовмѣстныя съ достоинствомъ, честью и независимостью націи". Австрійскія войска, выступившія въ походъ въ началѣ марта, 24-го вступили въ Неаполь почти безъ ружейнаго выстрѣла и затѣмъ остались для наблюденія за примѣненіемъ реформъ, программу которыхъ Меттернихъ, вопреки тщетнымъ протестамъ Франціи, самъ составилъ въ Лайбахѣ.

Конгрессъ былъ офиціально закрытъ; постановлено было, что монархи соберутся въ слѣдующемъ году во Флоренціи, какъ вдругъ одно за другимъ получились извѣстія о возстаніи пьемонтцевъ въ Александріи (10 марта) и о попыткѣ князя Ипсиланти въ дунайскихъ провинціяхъ. Государи остались въ Лайбахѣ, но офиціальныхъ общихъ совѣщаній не было. Австрійская армія безъ порученія Европы вступила въ пьемонтскія владѣнія, гдѣ 10 апрѣля былъ возстановленъ прежній политическій строй. Что же касается событій на Востокѣ, то Меттерниху удалось представить ихъ царю, какъ „новое покушеніе революціонеровъ, имѣющее цѣлью отвлечь вниманіе союзниковъ на Востокъ для того, чтобы развязать себѣ руки и безъ всякой помѣхи чинить свои разрушительные происки въ Италіи, Германіи и Франціи". Ему удалось заставить монарховъ одновременно увѣдомить константинопольское правительство, что „вѣрные публично заявленнымъ принципамъ, они никогда и нигдѣ не станутъ поддерживать противниковъ общественнаго порядка". Но такъ какъ до тѣхъ поръ Турція стояла въ сторонѣ отъ общеевропейскихъ дѣлъ, то Европа „предоставляла Портѣ самой озаботиться охраненіемъ своей собственной безопасности". По мнѣнію Меттерниха, на все это дѣло слѣдовало смотрѣть, какъ на „стоящее внѣ цивилизаціи". Оно должно было „плохо кончиться" для грековъ. Но „тамъ, за предѣлами Востока, триста или четыреста тысячъ повѣшенныхъ, зарѣзанныхъ и посаженныхъ на колъ людей не шли въ счетъ!"

Такимъ образомъ, Меттернихъ могъ разсматривать Лайбахскій конгрессъ, какъ новое торжество для своей политики, такъ какъ главный пунктъ его доктрины—право вооруженнаго вмѣшательства—былъ санкціонированъ державами. Впрочемъ, далеко не всѣми; и при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи оказывалось, что соглашеніе пяти державъ стремится совершенно логически уступить мѣсто союзу трехъ неограниченныхъ монарховъ. Англія категорически отказалась подписать Троппаускій и Лайбахскій протоколы; а Франція подписала ихъ, но только сдѣлавши при этомъ опредѣленныя оговорки относительно примѣненія права вмѣшательства. Заключительная декларація конгресса была составлена только отъ имени Австріи, Россіи и Пруссіи.

Въ теченіе 1822 года внутреннія перемѣны готовы были на самое короткое время сблизить Францію съ политикой неограниченныхъ правительствъ; но въ то же время тѣ же внутреннія событія стремились все болѣе и болѣе отдалять отъ этой политики Англію. Во Франціи ультра-роялистская партія рѣшительно взяла перевѣсъ надъ осторожной умѣренной партіей, которую въ правитель-

ственныхъ сферахъ представлялъ Ришелье. Въ Англіи Кэстльри, который, хотя публично и протестовалъ противъ политики Меттерниха, но всегда тайкомъ поддерживалъ ее, удалился съ политической сцены, а преемникъ его, Каннингъ, долженъ былъ согласовать свои дѣйствія со своими заявленіями. Это скоро обнаружилось во время Веронскаго конгресса.

Веронскій конгрессъ.—Конгрессъ, предусмотрѣнный монархами въ Лайбахѣ, открылся въ октябрѣ 1822 года. Онъ долженъ былъ снова заняться разсмотрѣніемъ итальянскихъ дѣлъ. Но съ самаго же начала итальянскія дѣла отодвинулись на задній планъ. Ими занимались лишь постольку, поскольку рѣшено было, по просьбѣ самого Фердинанда, продолжить оккупацію Неаполитанскаго королевства австрійскими войсками. Все вниманіе императоровъ, прусскаго короля и представителей Франціи и Англіи было поглощено происшедшей въ Испаніи революціей. Больше всѣхъ горячился царь; онъ заявилъ, что возстановленіе законнаго правительства въ Мадридѣ необходимо въ интересахъ всей Европы, что онъ не уѣдетъ изъ Вероны, пока не уладитъ этого дѣла, хотя бы ему пришлось тамъ состариться и посѣдѣть. Эта экзальтація приводила въ замѣшательство французское министерство. И дѣйствительно, Виллель, съ одной стороны, предвидѣлъ уклоненіе Англіи, а съ другой стороны, опасался экспедиціи въ Испанію какъ съ финансовой точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія духа французской арміи. Къ несчастью, его коллега Матье де Монморанси, министръ иностранныхъ дѣлъ и представитель Франціи на конгрессѣ, раздѣлялъ чувства царя, а другой французскій уполномоченный Шатобріанъ, бывшій посолъ въ Лондонѣ, склонялся къ войнѣ, способной, по его мнѣнію, доставить Бурбонамъ нѣкоторый военный престижъ, котораго имъ не хватало. Въ первомъ же засѣданіи Монморанси вмѣсто того, чтобы держаться, какъ предписалъ ему Виллель, выжидательной политики, заявилъ, что господствующая въ Испаніи анархія представляетъ опасность для Франціи, и что война весьма вѣроятна; въ виду этого, онъ спрашивалъ, на какую моральную и матеріальную поддержку со стороны державъ можетъ разсчитывать правительство Людовика XVIII? Впрочемъ, Франція намѣрена дѣйствовать самостоятельно и въ свое время.

Это послѣднее заявленіе не могло понравиться ни царю, ни Меттерниху. Они полагали, что по отношенію къ Испаніи должно держаться той же политики, какъ и въ отношеніи Неаполя, и что монархическій порядокъ будетъ тамъ возстановленъ отъ имени Священнаго Союза, причемъ французская армія явится лишь исполнителемъ постановленія европейской директоріи. И вмѣсто того, чтобы предоставить Людовику XVIII выборъ времени и подходящихъ условій, монархи сами выработали въ Веронѣ, такъ сказать, процедуру разрыва и объявленія войны. Принято было слѣдующее рѣшеніе: правительства Россіи, Австріи, Франціи и Пруссіи одновременно пошлютъ своимъ посланникамъ въ Мадридѣ ноты, требующія отъ испанскаго правительства немедленнаго возвращенія Фердинанду полноты его суверенныхъ правъ. Въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, посланники должны оставить Мадридъ, послѣ чего Испаніи будетъ объявлена война.

Представитель Англіи Веллингтонъ съ перваго же дня отказался дать свое одобреніе проектировавшемуся вмѣшательству. Когда рѣчь зашла объ отправкѣ въ Мадридъ ноты, то онъ еще рѣшительнѣе заявилъ, что англійское правительство находитъ вмѣшательство лишеннымъ всякаго основанія и чреватымъ опасностями, что оно отказывается послать ноту, и что его представитель въ

Мадридѣ останется на своемъ посту съ миссiей „приложить всѣ свои старанiя къ успокоенiю того броженiя, которое, несомнѣнно, будетъ вызвано врученiемъ нотъ со стороны остальныхъ державъ“. Во Францiи Виллель находилъ, что Монморанси своими заявленiями слишкомъ сильно связалъ правительство французскаго короля; онъ предписалъ даже настойчиво просить монарховъ, чтобы они согласились временно отсрочить отправку нотъ. Вмѣсто всякаго отвѣта на эту просьбу, монархи заявили, что Францiя вольна выбирать подходящiй съ ея точки зрѣнiя моментъ, но что они съ своей стороны, намѣрены приступить къ немедленнымъ дѣйствiямъ. Шатобрiанъ имѣлъ слабость уступить, довольствуясь слѣдующей смѣшной оговоркой: французское правительство оставляетъ за собой право отозвать своего посла нѣсколько позже союзниковъ. 13 ноября отправлены были ноты трехъ абсолютныхъ монарховъ, а 14-го конгрессъ былъ распущенъ.

И на этотъ разъ Европа была оповѣщена о принятыхъ европейской директорiей рѣшенiяхъ посредствомъ циркулярнаго посланiя, въ которомъ снова изложены были ея руководящiе принципы. Монархи не заботились ни о чемъ, кромѣ мира и счастья народовъ; для обезпеченiя этихъ благъ они боролись и будутъ и впредь бороться, не покладая оружiя, противъ силъ мрака и лжи. Испанiя, „этотъ печальный примѣръ неизбѣжныхъ послѣдствiй, къ которымъ приводитъ всякое покушенiе противъ вѣчныхъ законовъ нравственнаго порядка“, должна быть поэтому возвращена къ сознанiю долга.

Что касается Грецiи, представителей которой конгрессъ отказался принять, то хотя и желательно улучшить участь этой христiанской нацiи, но ея возстанiе противъ законной власти султана заслуживаетъ рѣшительнаго осужденiя. Соглашенiе между монархами является все болѣе необходимымъ, такъ какъ „проявленiе зла въ столь различныхъ пунктахъ и тотъ фактъ, что всюду оно принимаетъ одинаковыя формы, слишкомъ ясно доказываютъ общее его происхожденiе“.—„Поэтому монархи льстятъ себя увѣренностью, что повсюду они встрѣтятъ въ тѣхъ, кто призванъ осуществлять верховную власть, истинныхъ союзниковъ, готовыхъ съ одинаковымъ уваженiемъ отнестись къ буквѣ и къ положительнымъ постановленiямъ тѣхъ актовъ, которые составляютъ основу европейской системы“.

Петербургская конференцiя. — Распаденiе Священнаго Союза. — Циркуляръ 14 декабря 1822 года былъ послѣднимъ манифестомъ Священнаго Союза, подобно тому какъ испанская экспедицiя была послѣднимъ актомъ вмѣшательства во внутреннiя дѣла какой-нибудь страны отъ имени Европы. Надо еще замѣтить, что правительство Людовика XVIII далеко не такъ торопилось исполнить вынесенный въ Веронѣ приговоръ, какъ этого желалъ царь. Французскiй посланникъ оставилъ Мадридъ только 18 января 1823 г., т.-е. почти на мѣсяцъ позже своихъ коллегъ, австрiйскаго, русскаго и прусскаго, а экспедицiя началась только въ маѣ. Въ англiйскомъ парламентѣ Брумъ воскликнулъ, что „исторiя не знаетъ министровъ болѣе коварныхъ, болѣе лживыхъ и болѣе чуждыхъ всѣмъ понятiямъ добросовѣстности и чести, чѣмъ министры французскаго короля“, а министръ-премьеръ Каннингъ заявилъ, что если Англiя не противодѣйствуетъ силой „противозаконному нападенiю“ Францiи, то лишь потому, что она чувствуетъ себя совершенно изолированной. Начальникъ экспедицiи, герцогъ Ангулемскiй, возвратился изъ похода, страдая душой за свое отечество, которое послужило орудiемъ въ рукахъ жесточайшей реакцiи.

Событiя, происходившiя въ Грецiи, должны были повести къ окончательному рас-

паденію Священнаго Союза, такъ какъ они содѣйствовали отдаленію Россіи отъ Пруссіи и Австріи и сближенію ея съ Франціей и Англіей. Между тѣмъ, царь намѣренъ былъ поручить улаженіе Балканскаго вопроса европейской конференціи, подобно тому какъ это имѣло мѣсто по отношенію къ итальянскому и испанскому вопросамъ. Съ октября 1823 года онъ занятъ былъ организаціей этого новаго конгресса, который долженъ былъ состояться въ Санктъ-Петербургѣ. Проволочки со стороны Меттерниха, который надѣялся, что египтянамъ удастся раздавить грековъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, и со стороны Англіи, которая желала сохранить полную свободу дѣйствій, повели къ тому, что совѣщанія могли открыться лишь въ февралѣ 1825 года. Засѣданія не отличались особой торжественностью, и, за исключеніемъ царя, на конференціи не присутствовалъ ни одинъ монархъ. Заключительный протоколъ 7 апрѣля просто гласилъ, что къ Портѣ обращена будетъ просьба добровольно дать своимъ подданнымъ надлежащее удовлетвореніе, а въ случаѣ ея отказа, державы предложатъ свое посредничество. Но не было и рѣчи ни о коллективномъ давленіи, ни о принудительныхъ мѣрахъ для того, чтобы побудить грековъ и турокъ подчиниться рѣшеніямъ Европы. Англія, чтобы пріобрѣсти себѣ сторонниковъ среди грековъ, вошла въ сношенія съ ихъ временнымъ правительствомъ, что равносильно было его фактическому признанію, и остановила Ибрагима-пашу передъ Навпліей. Царь собирался повести непосредственные переговоры съ Каннингомъ объ устройствѣ греческихъ дѣлъ, когда 1 декабря 1825 года онъ скончался въ Таганрогѣ.

Преемникъ его, Николай, по своимъ абсолютистскимъ инстинктамъ, долженъ былъ, казалось бы, больше склоняться къ солидарному дѣйствію съ Меттернихомъ. Но прежде чѣмъ считать себя однимъ изъ членовъ монархическаго франкъ-масонскаго ордена, Николай не забывалъ, что онъ — русскій государь, и что спеціальные интересы Россіи должны стоять выше общихъ интересовъ монарховъ. Онъ былъ безсознательнымъ носителемъ національной политики; эта-то политика отдалила Англію отъ Священнаго Союза, она же оторвала отъ него и Россію. До тѣхъ поръ, пока монархи полагали, что борьба съ либеральными идеями и либеральнымъ движеніемъ составляетъ ихъ основной интересъ, соглашеніе оставалось въ полной силѣ; Священный Союзъ давалъ осязательные результаты лишь въ качествѣ общества взаимнаго страхованія отъ революціи. Но въ концѣ концовъ монархи вынуждены были прислушиваться къ интересамъ своихъ народовъ и своихъ странъ. Экономическіе интересы англичанъ заставили ихъ первыми покинуть концертъ европейскихъ державъ; интересъ, который представляло для Россіи ослабленіе турецкой имперіи, оторвало ее отъ него, въ свою очередь, и съ этого момента отъ Александровскаго Священнаго Союза и отъ Меттерниховской моральной пентархіи осталось одно лишь воспоминаніе.

Глава III.

Франція.

Вторая Реставрація.

1815–1828.

I. Политическія партіи.

Министерство Талейрана-Фуше.— 6 іюля 1815 года въ Сенъ-Дени Людовикъ XVIII, по совѣту Веллингтона и Талейрана, составилъ свое новое министерство слѣдующимъ образомъ: Талейранъ получилъ портфель иностранныхъ дѣлъ, Фуше—полиціи, Гувіонъ Сенъ-Сиръ назначенъ былъ военнымъ министромъ, баронъ Луи—министромъ финансовъ, Жокуръ—морскимъ, Пакье—министромъ юстиціи и временно исполняющимъ должность министра внутреннихъ дѣлъ. Деказъ былъ приглашенъ въ префектуру полиціи. 8 іюля въ *Монитёрѣ* былъ опубликованъ декретъ о распущеніи палаты, а въ тотъ же день Людовикъ XVIII, по выраженію Жозефа де Местра, „возстановленный, но опошленный", въѣхалъ въ Парижъ „во главѣ англичанъ и пруссаковъ, имѣя по одну сторону преступленіе, а по другую—порокъ": подъ послѣдними словами Шатобріанъ разумѣлъ Фуше и Талейрана.

Министерство Талейрана-Фуше 16 іюля постановило, вопреки мнѣнію Гувіона Сенъ-Сира, распустить Луарскую армію; 24-го іюля составило, при дѣятельномъ участіи Фуше, проскрипціонные листы, въ которыхъ послѣдній, по словамъ Талейрана, „не забылъ ни одного изъ своихъ друзей", а 22 августа произвело выборы. Для всякой другой работы оно не годилось, да и не могло годиться, и должно было скоро сойти со сцены, осуждаемое одновременно и иностранцами, и королевскими приближенными. Роялисты были возмущены тѣмъ обстоятельствомъ, что въ совѣтѣ министровъ засѣдаетъ цареубійца Фуше. Александръ не могъ простить Талейрану его оппозиціи всѣмъ своимъ проектамъ на Вѣнскомъ конгрессѣ и договоръ, заключенный имъ 3 января 1815 года съ Австріей и Англіей. Фуше былъ принесенъ въ жертву первымъ и 19 сентября назначенъ посланникомъ при Дрезденскомъ дворѣ. 24 сентября Талейранъ подалъ королю прошеніе объ отставкѣ, надѣясь, что она не будетъ принята. „Если кабинетъ подаетъ въ отставку, то я найду другихъ министровъ", отвѣтилъ король.

Людовикъ XVIII. —„Насъ провели", говорилъ своимъ интимнымъ друзьямъ Талейранъ, пораженный этимъ отвѣтомъ, который совершенно противорѣчилъ всѣмъ его ожиданіямъ и всѣмъ его представленіямъ о характерѣ короля. Было ли это

естественной склонностью или результатомъ долгой и бездѣятельной жизни въ качествѣ претендента, но Людовикъ XVIII боялся всякихъ дѣловыхъ заботъ и избѣгалъ всякаго труда. Физической неподвижности, на которую обрекали его подагра и изуродованныя ноги, соотвѣтствовала нѣкоторая оцѣпенѣлость духовной жизнедѣятельности. Насквозь проникнутый сознаніемъ своихъ законныхъ правъ, убѣжденный въ божественномъ ихъ происхожденіи, онъ намѣренъ былъ неуклонно пользоваться ими и спокойно наслаждаться властью; тронъ былъ для него просто самымъ мягкимъ изъ всѣхъ креселъ. Политическій режимъ, подобный англійскому, ему нравился, въ томъ отношеніи, что, позволяя царствовать, не управляя и возлагая на министровъ всю тяжесть дѣловыхъ заботъ, онъ благопріятствовалъ его лѣни и дилетантскимъ наклонностямъ; какая-нибудь ода Горація или удачно переданная сплетня гораздо больше занимали его, чѣмъ засѣданіе совѣта министровъ или выработка какого-нибудь законопроекта. Съ другой стороны, его ясный и скептическій умъ, мало способный поддаваться иллюзіямъ, опредѣленно подсказывалъ ему, что Франціей невозможно управлять иначе, какъ на основѣ либеральнаго режима, и онъ прекрасно понималъ, что при малѣйшей попыткѣ произвести какія-нибудь глубокія перемѣны въ учрежденіяхъ, созданныхъ Революціей, онъ ставитъ на карту свою корону съ рискомъ окончательно ее потерять. А въ шестьдесятъ лѣтъ ему вовсе не хотѣлось снова начать цыганскую жизнь, бродя съ одного мѣста на другое, изъ Вероны въ Митаву, оттуда въ Гартвель, Гентъ и т. д. Двадцать съ лишнимъ лѣтъ изгнанія внушили ему отвращеніе къ такому бродяжническому существованію, и, по словамъ Тьебо, „онъ твердо рѣшился умереть на престолѣ, и у него хватило достаточно ума и благоразумія, чтобы осуществить свое желаніе на дѣлѣ“. Такой монархъ, если бы онъ былъ одинъ и могъ свободно слѣдовать влеченіямъ своей природы, вполнѣ былъ бы способенъ дать Франціи возможность постепенно пройти школу парламентскаго режима. Къ несчастію, онъ былъ не одинъ, а жадное стремленіе къ спокойствію неоднократно заставляло его дѣлать уступки рѣзкимъ выходкамъ окружавшихъ его фанатиковъ и еще болѣе фанатической палаты, которая далеко не являлась точнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія страны.

Приближенные короля. — Среди этихъ приближенныхъ мы прежде всего должны указать на родного брата короля, графа д'Артуа, который любилъ хвастать тѣмъ, что онъ де съ Лафайетомъ — единственные люди во Франціи, не измѣнившіе своихъ убѣжденій съ 1789 года. Это былъ узкій умъ, съ ограниченнымъ кругозоромъ, упорный въ своихъ немногихъ идеяхъ, сторонникъ крайней реакціи, которую онъ считалъ и законной, и возможной; онъ имѣлъ свой собственный отдѣльный дворъ въ Марсанскомъ павильонѣ, свой тайный кабинетъ, свое закулисное министерство и пытался играть роль контръ-правительства, опираясь на фанатическихъ эмигрантовъ, которыхъ онъ былъ надеждой и королемъ. Рядомъ съ нимъ стоялъ сынъ его, герцогъ Ангулемскій, который обладалъ нѣкоторымъ здравымъ смысломъ и добрымъ сердцемъ, но который отличался удивительною робостью и былъ какъ-то забитъ своимъ отцомъ и своей женой, подчиняясь ихъ вліянію и раздѣляя ихъ увлеченія. Герцогиня, дочь Людовика XVI, испытывала вполнѣ понятную ненависть ко всему тому, что связано было съ Революціей; ея чисто мужская энергія заставляла ее не только одобрять всѣ рѣзкія мѣры, но даже требовать еще болѣе безпощадныхъ; никто не добивался съ такою суровостью, какъ она, осужденія маршала Нея. Что же касается герцога Беррійскаго, то

Ф. Сушонъ.

Людовикъ XVIII.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°

слишкомъ занятый игрой въ генералы, онъ совершенно не вмѣшивался въ политику, а если ему иногда и приходилось высказывать какое-нибудь мнѣніе, то это дѣлалось съ такою рѣзкостью и грубостью, что оно не могло охотно выслушиваться и производить какое-бы то ни было впечатлѣніе на уравновѣшенный и спокойный умъ Людовика XVIII.

Партіи: ультра-роялисты. — Вокругъ этого роялистскаго главнаго штаба волновалась немногочисленная, но весьма крикливая армія чистыхъ роялистовъ, такъ называемыхъ „*ultras*", которымъ растерянность слишкомъ ограниченнаго избирательнаго корпуса дважды должна была доставить большинство въ палатѣ. Внезапное ихъ паденіе въ періодъ „ста дней", тоска изгнанія, сожалѣнія о едва лишь возвращенной и такъ быстро потерянной власти — все это довело ихъ страсти и ненависть до бѣшенства. Для нихъ вся Франція была сплошь населена измѣнниками, соумышленниками „ужаснаго заговора", и Ла Бурдоннэ точно выражалъ мысли своей партіи, когда требовалъ „оковъ, палачей, казней". Процессы и юридическія убійства Лабедуаера, Нея, братьевъ Фоше, Мутонъ-Дювернэ и многихъ другихъ не въ состояніи были утолить ихъ жгучую жажду мести и кары, и эта бѣшеная страсть къ репрессіи привела въ концѣ-концовъ къ учрежденію превотальныхъ судовъ. Затѣмъ предстояло измѣнить духъ націи, „раздавить", какъ требовалъ уже Ламеннэ во время Имперіи, эту „разрушительную философію, которая произвела опустошеніе во Франціи и которая опустошитъ весь міръ, если не будетъ, наконецъ, поставлена преграда ея дальнѣйшему распространенію". Для достиженія этой цѣли необходимо вернуть духовенству преобладающее положеніе въ государствѣ и, если невозможно предоставить ему школьную монополію, то хотя бы подчинить его надзору все дѣло народнаго образованія; по отношенію къ прессѣ рекомендовалось пользоваться всѣми деспотическими пріемами императорскаго режима, обуздать ее съ помощью цензуры и предварительнаго разрѣшенія. Если эта партія не доходила до требованія возвращенія національныхъ имуществъ, владѣніе которыми противъ всякой справедливости было гарантировано королевской декларацiей, то она считала, по крайней мѣрѣ, неподлежащимъ сомнѣнію, что всѣ ограбленные собственники получатъ вознагражденіе за понесенныя потери и награду за страданія, понесенныя во имя „добраго дѣла". Если бы король вздумалъ оказать сопротивленіе этимъ проектамъ, то слѣдовало дѣйствовать, не считаясь съ его волей, и именно въ интересахъ самой монархіи, при кликахъ: „Да здравствуетъ король даже противъ своей воли!" (Vive le roi quand même!). Вожаками этой партіи были Ла Бурдоннэ, Шатобріанъ, Корбьеръ, Витроль и Виллель; теоретикомъ ея — Бональдъ. Газеты ея назывались „Бѣлое Знамя", „Ежедневная Газета", „Монитёръ", „Парижская Газета", „Французскія Вѣдомости", „Консерваторъ", „Религіозный Вѣстникъ" (Drapeau Blanc, Quotidienne, Moniteur, Journale de Paris, Gasette de France, Conservateur, Mémorial réligieux); „*Journal des Debats*", вплоть до разрыва между Шатобріаномъ и Виллелемъ, по большей части шелъ рука объ руку съ ультра-роялистической прессой.

Къ партіи крайнихъ роялистовъ примыкало тайное общество съ религіозной окраской, пріобрѣвшее извѣстность подъ именемъ „Конгрегаціи" (*La Kongrégation*); его политическая роль была офиціально признана съ парламентской трибуны въ 1826 году аббатомъ Фрейсину, министромъ церковныхъ дѣлъ. Своими начальными корнями Конгрегація восходила къ эпохѣ революціи. Въ то время, когда публичное отправленіе богослуженія было запрещено, нѣсколько вѣрныхъ католиковъ стали

собираться для выполненія своихъ религіозныхъ обязанностей въ бывшей семинаріи заграничныхъ миссій. Это общество сохранило свое существованіе вопреки Конкордату. Съ 1808 года и со времени ареста Пія VII оно приняло характеръ тайнаго общества для защиты религіи и въ то же время превратилось въ роялистскую ассоціацію, направленную противъ Наполеона и подготовлявшую возстановленіе Бурбоновъ. Въ 1814 году, по совѣту графа Феррана, вожаки общества сообщили о его организаціи королю и приняли въ его составъ канцлера Дамбре. Вскорѣ среди его членовъ начали фигурировать графъ д'Артуа и наиболѣе непримиримые роялисты; усиліямъ этого общества удалось провести депутатовъ, выбранныхъ въ 1815 году, дѣятелей Безпримѣрной Палаты (Chambre introuvable) [1], оно же доставило людей 1822 г. и Вновь Обрѣтенной Палаты (Chambre Retrouvée).

Духовенство, соединяя служеніе алтарю со служеніемъ престолу, употребляло все свое вліяніе въ пользу реакціи, а религіозная пропаганда сдѣлалась одной изъ формъ ультра-роялистической пропаганды. Созданное аббатомъ Ронзо при имперіи учрежденіе, сначала разрѣшенное Наполеономъ, а затѣмъ запрещенное въ 1809 г., а именно—институтъ „Французскихъ Миссій", было реорганизовано въ 1814 году, и по всей странѣ началась дѣятельная кампанія проповѣдей, которая впослѣдствіи въ цѣломъ рядѣ пунктовъ, напримѣръ, въ Брестѣ и въ Клермонѣ, вызвала довольно серьезные безпорядки. Во время министерства Виллеля дѣло Французскихъ Миссій было дополнено дѣятельностью „Миссіонеровъ вѣры". Менѣе шумной, но, быть можетъ, болѣе дѣйствительной была непрестанная, повседневная дѣятельность приходскихъ священниковъ, проповѣдывавшихъ войну противъ современныхъ идей и даже отказывавшихъ въ отпущеніи грѣховъ покупщикамъ національныхъ имуществъ.

Что же касается избирательной арміи крайнихъ роялистовъ, то она рекрутировалась, главнымъ образомъ, среди сельскихъ дворянъ, крупныхъ помѣщиковъ и ихъ арендаторовъ.

Роялисты-доктринеры. — Противъ крайнихъ стояли умѣренные роялисты, желавшіе лойяльнаго примѣненія Хартіи, въ которомъ они, по выраженію Деказа, думали найти средство „національзировать монархію и роялизировать Францію". Они намѣревались примирить старую и новую Францію, они надѣялись привести представителей бывшихъ привилегированныхъ сословій къ искреннему признанію новаго общественнаго и политическаго порядка, созданнаго Революціей, а буржуазію пріучить смотрѣть на реставрацію, какъ на явленіе вполнѣ законное. Въ рядахъ этой партіи можно было встрѣтить и давнишнихъ роялистовъ, и даже бывшихъ эмигрантовъ, какъ герцогъ Ришелье и де-Серръ, и членовъ прежнихъ революціонныхъ или имперскихъ законодательныхъ собраній, какъ, напр., Ройе Колларъ, теоретикъ партіи, вскорѣ сдѣлавшійся ея лидеромъ, Камиллъ Жорданъ, Лэнэ, Мэнъ де Биранъ, и бывшихъ чиновниковъ Имперіи, какъ Пакье, Бэньо, де Барантъ, Кювье, Мунье, Гизо, наконецъ, Деказъ, который сдѣлался любимцемъ Людовика XVIII и долженъ былъ составить министерство въ духѣ своей партіи. Ихъ называли *либералами;* это были до чрезвычайности умѣренные либералы, которыхъ справедливѣе было бы назвать *авторитарными либералами.* Для нихъ право короля стояло неизмѣримо выше правъ націи, и они ни на минуту не допускали и мысли, чтобы воля націи, представленная ея депутатами, могла противиться волѣ короля. „Въ тотъ день, когда правительство очутится во власти парла-

[1]) *Записки графа Феррана. (Mémoires du comte Ferrand)*, стр. 149.

ментскаго большинства,—говорилъ Ройе Колларъ при обсужденіи избирательнаго закона 1816 года,—въ тотъ день, когда фактически окажется, что палата можетъ отвергать министровъ короля и навязывать ему другихъ, которые будутъ ея собственными, а не королевскими министрами, въ этотъ день наступитъ конецъ не только нашей Хартіи, но и нашей монархіи". Наиболѣе подходящимъ къ нимъ названіемъ *„доктринеры"* они обязаны были извѣстной напускной строгости своихъ разсужденій и догматическому тону своихъ наиболѣе знаменитыхъ ораторовъ и писателей. Ихъ газетами были *L'Indépendant* (Независимый), превратившійся въ 1817 году въ *Constitutionnel* (Конституціоналистъ), *Le Courrier Français* (Французскій Вѣстникъ), *Le Censeur* (Цензоръ), нѣчто въ родѣ газеты-журнала, и *Le Journal des Débats* послѣ 1824 года. *Le Constitutionnel,* важнѣйшая изъ газетъ того времени, расходилась нѣсколько болѣе, чѣмъ въ 20.000 экземпляровъ. Партія состояла преимущественно изъ богатыхъ буржуа, изъ фабрикантовъ или крупныхъ коммерсантовъ, къ которымъ, вмѣстѣ съ множествомъ бывшихъ сановниковъ Имперіи, примыкали представители либеральныхъ профессій, въ частности адвокаты и судейскіе. До 1830 года они вмѣстѣ съ крайними роялистами составляли большинство избирательнаго корпуса, составъ котораго цензитарной системой былъ сокращенъ съ 110.000 до 88.000 избирателей.

Независимые.—Рядомъ съ роялистами-конституціоналистами стояли *независимые.* Хотя делегація ихъ въ палатѣ 1815 года была очень слаба, но они имѣли за собой большинство въ странѣ, и число ихъ должно было непрерывно расти до 1820 г. Они не придерживались того взгляда, что Хартія задержитъ рѣшительно всѣ вольности, на которыя имѣла право Франція. Открыто они заявляли, что не преслѣдуютъ никакой другой цѣли, кромѣ развитія конституціонныхъ учрежденій; но въ глубинѣ души многіе изъ нихъ были врагами легитимистской монархіи. Если одни изъ нихъ, представители стараго родовитаго дворянства, какъ герцогъ де Бройль (Broglie) и маркизъ де-Шовлэнъ, или буржуа, какъ Казимиръ Перье, стояли на границѣ доктринерской партіи, то другіе, какъ Лафитъ, Манюэль, генералъ Фуа, Лафайетъ, считали Бурбуновъ „неисправимыми", желали перемѣны династіи и уже подумывали о герцогѣ Орлеанскомъ. Они были непримиримыми противниками всѣхъ исключительныхъ законовъ, неутомимыми защитниками свободы печати, и на дѣятельность обществъ религіозной пропаганды отвѣтили образованіемъ *Общества друзей прессы,* въ которомъ предсѣдательствовалъ герцогъ Бройль и которое было распущено въ 1819 году.

Ихъ органами были *„Минерва"*, которую редактировалъ Манюэль, журналъ *„Историческая Библіотека"*, позже *„Le Globe"*, а въ послѣдній годъ существованія легитимистской монархіи „Насьональ" (Le National) и *„Le Temps"*. Ихъ поэтомъ былъ республиканецъ Беранже, ихъ памфлетистомъ—Поль-Луи Курье. Вмѣшательство духовенства въ политику сдѣлало независимыхъ врагами „поповской партіи"; во всѣхъ городахъ, гдѣ появлялись миссіонеры, независимые требовали, чтобы въ театрѣ поставили *Тартюфа.* Республиканцы, или, какъ тогда говорили, якобинцы, бонапартисты, офицеры на половинномъ жалованьѣ, бывшіе солдаты, патріоты, возмущенные иностраннымъ нашествіемъ, рабочіе крупныхъ городовъ, крестьяне, съ безпокойствомъ взиравшіе на возвращеніе дворянъ и на ихъ вызывающее поведеніе, студенты, множество буржуазной молодежи, увлеченной императорской эпопеей, — всѣ эти элементы смѣшивались въ этой партіи, которую вполнѣ справедливо можно было бы назвать *партіей трехцвѣтнаго знамени.*

Подобно крайнимъ роялистамъ, имѣв-

шимъ свою *Конгрегацію*, независимые имѣли свое тайное общество *Карбонаріевъ* (La Charbonnerie—братство угольщиковъ), скопированное съ итальянскаго карбонаризма. Общество карбонаріевъ было организовано около 1821 года Базаромъ и Бюше. Цѣлью ихъ было низверженіе Бурбоновъ. „Принимая во вниманіе, — говоритъ уставъ,—что сила не есть право, и что Бурбоны были возвращены во Францію иностранцами, угольщики объединяются для того, чтобы вернуть французской націи свободное пользованіе правомъ, заключающимся въ самостоятельномъ выборѣ угоднаго ей правительства". Общество, раздѣленное на секціи, которыя насчитывали по 20 членовъ и назывались *ventes* (ложи), управлялось центральнымъ комитетомъ, носившимъ названіе *haute vente* (верховной ложи). Каждый участникъ общества вносилъ ежемѣсячно по одному франку и долженъ былъ имѣть кинжалъ, ружье и пятьдесятъ патроновъ; онъ давалъ обѣщаніе слѣпо исполнять приказанія неизвѣстныхъ ему вожаковъ. Общество карбонаріевъ насчитывало множество приверженцевъ въ учебныхъ заведеніяхъ и въ арміи; оно, по всей вѣроятности, состояло въ сношеніяхъ съ Лафайетомъ и Манюэлемъ и, навѣрное, было вдохновителемъ многочисленныхъ и безплодныхъ военныхъ заговоровъ въ 1821 и 1822 годахъ.

Таковы были партіи, на которыя дѣлилась Франція съ 1815 по 1830 годъ, и которыя боролись за обладаніе государственною властью. Такъ какъ пресса представляла могучее орудіе воздѣйствія на общественное мнѣніе, а палата доставляла легальныя средства для направленія правительственной политики, и такъ какъ Хартія не регулировала положенія прессы и не опредѣляла избирательной системы, то самыя важныя и ожесточенныя битвы должны были произойти и дѣйствительно произошли по поводу именно этихъ двухъ вопросовъ.

II.—Умѣренныя министерства.

Министерство Ришелье. — 24 сентября Людовикъ XVIII, принявши отставку Талейрана, поручилъ герцогу Ришелье составить новое министерство. Товарищами Ришелье по кабинету были Вобланъ—въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, Деказъ — въ полиціи, Барбе-Марбуа — въ юстиціи, Корветто—въ министерствѣ финансовъ, герцогъ де Фельтръ—въ военномъ и Дюбушажъ—въ морскомъ министерствѣ.

Этотъ выборъ продиктованъ былъ королю желаніемъ добиться отъ союзниковъ не слишкомъ тягостныхъ условій мира и спасти Францію отъ потери провинцій. Ришелье, бывшій генералъ-губернаторъ въ Одессѣ, создатель Новороссіи, глубоко уважаемый царемъ и взысканный его дружбой, скорѣе всякаго другого могъ добиться отъ Александра согласія быть ходатаемъ Франціи передъ союзниками. И только въ виду этого патріотическаго соображенія и благодаря настояніямъ самого царя, Ришелье согласился принять предсѣдательство въ кабинетѣ, отъ котораго онъ отказался двумя мѣсяцами раньше. Онъ считалъ „низостью оставить несчастнаго короля на произволъ судьбы въ томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ онъ тогда находился", и онъ принесъ себя въ жертву. Это самопожертвованіе было не безполезнымъ, и если въ первое время послѣ подписанія второго Парижскаго трактата онъ считалъ себя „достойнымъ эшафота", то впослѣдствіи, когда его патріотическая скорбь нѣсколько утихла, онъ могъ себѣ сказать, что на его мѣстѣ никто не достигъ бы лучшихъ результатовъ, никто не добился бы болѣе благопріятныхъ условій.

Ришелье былъ нечестолюбивымъ, весьма лойяльнымъ и совершенно безкорыстнымъ человѣкомъ. Какъ сказалъ о немъ Вильменъ во Французской Академіи, „онъ

отличался естественнымъ величіемъ духа и скромностью, былъ чуждъ общихъ недостатковъ и ничего не признавалъ, кромѣ правды и долга". Несмотря на то, что онъ пострадалъ отъ Революціи больше, чѣмъ кто бы то ни было, что онъ былъ разоренъ и изгнанъ изъ своего отечества, онъ не могъ, однако, понять мстительной злобы бывшихъ эмигрантовъ и въ разговорахъ съ Виллелемъ называлъ по этому поводу сумасшедшими его самого и его друзей. Не отличаясь особенною нѣжностью къ конституціонному режиму, онъ тѣмъ не менѣе твердо рѣшился лойяльно примѣнять Хартію, такъ какъ дѣло шло въ данномъ случаѣ о королевскомъ и его собственномъ словѣ, и онъ предвидѣлъ, что удивительная палата, вышедшая изъ августовскихъ выборовъ, создастъ ему въ этомъ отношеніи страшныя затрудненія.

Безпримѣрная палата (*Chambre introuvable*).—Выборы эти состоялись на основѣ избирательной системы, дѣйствовавшей при Имперіи; депутаты выбирались окружными и департаментскими избирательными коллегіями, составленными изъ пожизненныхъ избирателей. Къ этимъ коллегіямъ префекты присоединяли добавочныхъ избирателей, по десяти на каждый округъ и по двадцати—на департаментъ. Окружныя коллегіи составляли списокъ кандидатовъ, изъ числа которыхъ департаментскія коллегіи назначали депутатовъ. Изъ 402 выбранныхъ такимъ образомъ членовъ палаты около 350 были крайними роялистами, поспѣшившими немедленно высказать одушевлявшія ихъ чувства въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь короля. Палата, констатируя „почти безграничное милосердіе короля", требовала, чтобы „вслѣдъ за милосердіемъ начало дѣйствовать правосудіе". Она обѣщала ревностно содѣйствовать „выработкѣ законовъ, необходимыхъ для осуществленія этого пожеланія". Далѣе она выражала другое пожеланіе, а именно, чтобы религіи была придана бо́льшая сила, чѣмъ закону, и чтобы управленіе страной было довѣрено только людямъ „съ чистыми руками". Такимъ образомъ, воля палаты сводилась къ изданію репрессивныхъ законовъ, къ принятію законовъ въ пользу духовенства и къ очисткѣ состава чиновниковъ.

Исключительные законы.—Министерство поспѣшило представить два законопроекта, одинъ о возмутительныхъ крикахъ, а другой о временной отмѣнѣ свободы личности. Послѣдній законопроектъ разсматривался первымъ. Только два человѣка имѣли мужество высказаться противъ него, въ палатѣ депутатовъ—Войе д'Аржансонъ, а въ палатѣ пэровъ—Ланжюинэ, который характеризовалъ этотъ проектъ, какъ возвращеніе къ закону о подозрительныхъ. Ройе-Коларъ, де Серръ и Пакье ограничивались совѣтомъ примѣнять этотъ законъ на практикѣ съ нѣкоторой осторожностью. Законъ давалъ правительству право арестовать и держать подъ стражей до конца слѣдующей сессіи, не отдавая подъ судъ, всякое лицо, обвиняемое въ злоумышленіи противъ особы и власти короля, членовъ королевской семьи или противъ государственной безопасности. Въ общемъ, это было возстановленіемъ *lettres de cachet*. Впрочемъ, Деказъ, пересылая новый законъ своимъ подчиненнымъ, сопроводилъ его циркуляромъ, въ которомъ право издавать приказы объ арестѣ ограничивалось судебными слѣдователями, префектами и полицмейстерами и который рекомендовалъ этимъ чиновникамъ пользоваться своимъ правомъ съ соблюденіемъ мѣры. Этотъ циркуляръ очень не понравился крайнимъ роялистамъ.

Законопроектъ о возмутительныхъ крикахъ показался слишкомъ умѣреннымъ. Пакье было поручено переработать его въ смыслѣ усиленія наказаній, и министерство приняло новый текстъ. Во время дебатовъ нѣкоторые депутаты требовали смертной казни для всякаго, кто подни-

метъ трехцвѣтное знамя, но палата не пошла такъ далеко. Тѣмъ не менѣе, законъ этотъ отличался чрезмѣрной суровостью, и онъ пріобрѣталъ еще болѣе грозный характеръ по той причинѣ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ примѣненіе его предоставлялось самымъ страшнымъ исключительнымъ трибуналамъ, превотальнымъ судамъ.

Законъ, вводившій превотальные суды, былъ представленъ военнымъ министромъ, герцогомъ де Фельтромъ и поддержанъ Ройе-Коларомъ и Кювье. Имъ, впрочемъ, не пришлось расточать особаго краснорѣчія, чтобы добиться принятія его палатой; онъ слишкомъ хорошо соотвѣтствовалъ яростнымъ чувствамъ депутатовъ, чтобы не быть вотированнымъ съ энтузіазмомъ. Одинъ Войе д'Аржансонъ имѣлъ мужество бороться съ этимъ законопроектомъ, и только 13 депутатовъ присоединились къ его протесту своимъ голосованіемъ.

На основаніи этого закона въ каждомъ департаментѣ учреждался судъ, состоящій изъ одного военнаго прево, имѣющаго, по меньшей мѣрѣ, чинъ полковника и исполнявшаго обязанности прокурора, одного президента и четырехъ судей, взятыхъ изъ суда первой инстанціи. Компетентный во всѣхъ политическихъ преступленіяхъ, этотъ трибуналъ рѣшалъ дѣла безъ участія присяжныхъ и безъ права апелляціи; приговоръ приводился въ исполненіе въ 24 часа; право помилованія было фактически отмѣнено, такъ какъ король могъ пользоваться имъ лишь въ томъ случаѣ, если самъ судъ прибѣгалъ къ его милосердію. Законъ этотъ пріобрѣталъ еще болѣе возмутительный характеръ въ виду того, что онъ объявленъ былъ имѣющимъ обратную силу и что суды получили право (и пользовались этимъ правомъ) разбирать дѣла, имѣвшія мѣсто задолго до его опубликованія. Онъ стоилъ жизни въ іюлѣ 1816 года четыремъ крестьянамъ въ департаментѣ Сарты, а въ Монпелье— пяти національнымъ гвардейцамъ, виновнымъ въ томъ, что на другой день послѣ Ватерлоо они разогнали или обезоружили нѣкоторыя группы роялистовъ, водрузившихъ бѣлое знамя. Превотальные суды дѣйствовали вплоть до 1817 года и разсыпали направо и налѣво приговоры къ смертной казни, къ ссылкѣ, къ изгнанію и тюремному заключенію. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они нагнали на населеніе такой страхъ, что отъ нихъ бѣжали, какъ отъ чумы; такъ, напримѣръ, въ 1816 году въ Ліонѣ, благодаря дѣятельности генерала Канюэля, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ число рабочихъ станковъ упало, вслѣдствіе бѣгства работниковъ, съ 28.000 до 7.000.

Что въ настоящее время кажется самымъ поразительнымъ, такъ это то обстоятельство, что эти исключительныя мѣры такъ же охотно вотировались доктринерами, какъ и крайними. Въ душѣ Ройе-Колара, Беньо, Баранта и Пакье угрызенія совѣсти заговорили лишь тогда, когда ультра-роялисты представили законопроектъ объ очисткѣ магистратуры, который уничтожалъ несмѣняемость судей. Министерство въ свою очередь испугалось чрезмѣрнаго рвенія крайнихъ и устроило такъ, что палата пэровъ отвергла законъ, принятый депутатами. Это, впрочемъ, не помѣшало ему отдѣлаться, путемъ увольненія въ отставку, отъ судейскихъ чиновниковъ, подозрѣваемыхъ въ мягкости; въ то же время оно отозвало цѣлый рядъ префектовъ и су-префектовъ и произвело чистку въ арміи, въ университетахъ, въ институтѣ, гдѣ была закрыта секція моральныхъ и политическихъ наукъ и откуда исключены были всѣ цареубійцы. Но вся эта ликвидація прошлаго, всѣ эти исправительныя мѣры въ глазахъ ультра-роялистовъ были черезчуръ недостаточны. Отсюда ихъ предложенія вернуть церкви руководство народнымъ образованіемъ и веденіе актовъ гражданскаго состоянія, возстановленіе церковнаго землевладѣнія; отсюда лише-

ніе пенсій бывшихъ священниковъ, вступившихъ въ бракъ, и отмѣна развода, „позорящаго сводъ законовъ".

Амнистія.—Общественное мнѣніе начинало волноваться. Ришелье отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и чувствовалъ, что „доводить людей до отчаянія" опасно. Но до сихъ поръ онъ не осмѣливался открыто порвать съ „экзальтированными"; однако, онъ принужденъ былъ сдѣлать это по вопросу объ амнистіи.

Прокламація, изданная 28 іюня 1815 года въ Камбрэ и обѣщавшая прощеніе заблудшимся французамъ, исключала изъ этой амнистіи „зачинщиковъ и подстрекателей ужаснаго заговора", которыхъ впослѣдствіи должны были указать обѣ палаты. Проскрипціонные листы, составленные 24 іюля безъ участія парламента, однимъ только Фуше, предавали девятнадцать человѣкъ военному суду, а тридцать восемь другихъ отдавали подъ надзоръ полиціи до тѣхъ поръ, пока палаты не рѣшатъ ихъ участи. На другой день послѣ казни маршала Нея, 8 декабря, Ришелье предложилъ, чтобы преслѣдованіе, начатое противъ лицъ, внесенныхъ въ первый списокъ, продолжалось, а лица, внесенныя во второй листъ, подверглись изгнанію. Всѣмъ же тѣмъ лицамъ, которыя хотя и принимали участіе въ бунтѣ, но не попали въ списки, даровалась полная и неограниченная амнистія. Между тѣмъ, палата, по иниціативѣ Лабурдоннэ, уже около мѣсяца занималась вопросомъ объ амнистіи. Она отказывалась признать ограничительный характеръ за списками Фуше; она находила ихъ неконституціонными и намѣревалась ихъ расширить въ силу самой Камбрэзской прокламаціи и постановленій указа 24 іюля. Она собиралась исключить изъ амнистіи и предать суду всѣхъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта, маршаловъ, генераловъ, комендантовъ и префектовъ, служившихъ во время Ста Дней, и цареубійцъ, которые въ теченіе того же періода согласились принять какое-нибудь мѣсто, засѣдали въ одной изъ двухъ палатъ или подписали Дополнительный Актъ. Кромѣ того, всѣ члены фамиліи Бонапартовъ должны были быть объявлены навѣки изгнанными изъ предѣловъ королевства. И наконецъ, всѣ лица, принимавшія активное участіе въ бунтѣ, подлежали денежной отвѣтственности. Это было замаскированнымъ возвращеніемъ къ конфискаціи, и около 1.200 человѣкъ было обречено на изгнаніе.

Этотъ составленный Корбьеромъ проектъ, который Веллингтонъ и Поццо ди Борго называли *бѣшенымъ*, былъ выдвинутъ противъ министерскаго проекта. Напрасно Ришелье, „удрученный горемъ", пытался убѣждать, напрасно онъ доказывалъ, что королю принадлежитъ въ полной мѣрѣ право помилованія, какъ исконная прерогатива монархической власти. Ультра-роялисты возражали на это, что въ силу Хартіи король согласился раздѣлить власть съ палатами, что амнистія противорѣчитъ дѣйствующимъ законамъ, а законы не могутъ измѣняться безъ согласія палатъ. Во время обсужденія закона крайніе роялисты защищали съ высоты парламентской трибуны эту теорію, которая въ сущности была истинной доктриной конституціоннаго и парламентскаго строя. Когда Деказъ сослался на волю короля, то ораторы правой отвѣтили ему, что для полнаго своего значенія эта воля нуждается въ дополненіи волей парламента. Доктринеры Ройе-Коларъ, Пакье и де-Серръ отстаивали королевскую прерогативу. Послѣ пятидневной жестокой битвы (побѣгъ Лавалета довелъ ярость правой до апогея) министерство одержало верхъ большинствомъ девяти голосовъ. Однако, множество цареубійцъ было внесено въ списки лицъ, подлежащихъ изгнанію (7 января 1816 года). Палата пэровъ приняла этотъ законъ безъ преній. Съ этого момента роялистическая партія раскололась, а министерство, успѣвшее

возбудить ненависть крайнихъ, сдѣлалось жертвой безконечныхъ интригъ, въ которыхъ принималъ участіе графъ д'Артуа. Что же касается короля, то онъ былъ глубоко оскорбленъ поведеніемъ правой. „Если бы этимъ господамъ предоставить полную свободу дѣйствій, сказалъ онъ Поццо ди Борго, то въ концѣ-концовъ и я самъ подвергся бы чисткѣ".

Распущеніе палаты.—Эти раздоры еще болѣе усилились по поводу законопроекта о преобразованіи избирательной системы, установленной Хартіей. Тогда какъ правительство въ своемъ проектѣ старалось уменьшить число избирателей и обезпечить себѣ преобладающее вліяніе въ избирательныхъ коллегіяхъ, крайніе роялисты требовали пониженія избирательнаго ценза съ 300 до 50 франковъ. Эта реформа повысила бы число избирателей до двухъ милліоновъ. Доктринеры поддерживали министерство. Ройе-Коларъ оспаривалъ то положеніе, что депутаты являются и могутъ быть представителями націи. По его мнѣнію, депутаты являются „делегатами Хартіи, а не делегатами народа, и составляютъ только нѣчто въ родѣ совѣщательной комиссіи". Напротивъ, ораторы правой, съ Виллелемъ и Лабурдоннэ во главѣ, заявили, что депутаты, „органы національнаго общественнаго мнѣнія", избираются народомъ для „защиты его интересовъ и для контроля надъ поведеніемъ министровъ". Палата должна быть независима и способна оказывать рѣшительное вліяніе на правительство. Для того чтобы захватить въ свои руки правительство и получить возможность возстановить аристократическій режимъ, партизаны монархіи „Божьей милостью" и старые сторонники абсолютной власти превратились въ защитниковъ великой революціонной идеи народнаго суверенитета. Выработанный крайними роялистами законъ провалился въ палатѣ пэровъ, и какъ только въ концѣ апрѣля 1816 года былъ вотированъ бюджетъ, Людовикъ XVIII, раздраженіе котораго росло безостановочно, поспѣшилъ закрыть сессію и отсрочить засѣданія этой Безпримѣрной Палаты до октября.

Крайности ультра-роялистовъ начинали безпокоить и иностранныя державы. Въ январѣ [1]) графъ Нессельроде писалъ Ришелье: „Дебаты, имѣвшіе мѣсто въ палатѣ депутатовъ, производятъ возмутительное впечатлѣніе; если путемъ новыхъ выборовъ вамъ не удастся достигнуть лучшаго состава палаты, то можно ждать большихъ несчастій". Поццо ди Борго получилъ приказаніе „дать хорошенько понять графу д'Артуа, что онъ не долженъ ждать отъ державъ содѣйствія въ дѣлѣ возведенія его когда-нибудь на престолъ, если онъ будетъ придерживаться системы безсмысленной реакціи [2]). Веллингтонъ писалъ Людовику XVIII, чтобы во имя „спокойствія Европы" обратить его вниманіе на интриги, направленныя противъ „заслуживающаго довѣрія" министерства, королевскими принцами и придворными. Въ глубинѣ души патріотизмъ Ришелье возмущался этимъ вмѣшательствомъ иностранцевъ во внутреннія дѣла Франціи. „Я предпочитаю умереть отъ французской руки, чѣмъ продолжать существованіе, благодаря покровительству иностранцевъ", писалъ онъ Деказу. Онъ совѣстился порвать съ людьми, которые „въ концѣ-концовъ были все же роялистами", и страшился неизвѣстности, которую сулили ему новые выборы. Его колебанія и опасенія усилились послѣ заговора адвоката Дидье въ Греноблѣ. Это было незначительное и даже безумное предпріятіе, которое было варварски подавлено генераломъ Донадье и военными судами и стоило жизни двадцати пяти человѣкамъ, въ томъ числѣ шестнадцатилѣтнему ребенку. Король былъ въ не менѣе нерѣшительномъ настроеніи.

---

[1]) 26 января 1816 года.
[2]) 7 февраля 1816 года.

Однако, Деказъ, при содѣйствіи Пакье и Гизо, доказалъ ему, что распущеніе палаты безусловно необходимо. 13 августа король далъ свое согласіе на эту мѣру, но тѣмъ не менѣе приказъ о распущеніи былъ подписанъ только 5 сентября. Биржа отвѣтила повышеніемъ на 3 франка.

Палата 1816 года. — Этимъ указомъ число депутатовъ было доведено до двухсотъ пятидесяти восьми. Префекты и президенты избирательныхъ коллегій, перетасованныхъ указомъ, вели отъ имени короля энергическую кампанію противъ крайнихъ. Доктринеры были сплошь переизбраны, группа девяти независимыхъ, которые также были переизбраны, увеличилась Лафиттомъ и Бонди; ультра-роялисты потеряли массу мѣстъ, и министерство могло разсчитывать на большинство приблизительно въ сорокъ голосовъ.

Въ своей рѣчи при открытіи палатъ 4 ноября Людовикъ XVIII выразилъ твердую свою рѣшимость заставить всѣхъ уважать Хартію и подавлять „заблужденія, вызванныя какъ злонамѣренностью, такъ и чрезмѣрнымъ рвеніемъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ призывалъ къ согласію. „Пусть умолкнетъ ненависть,—сказалъ онъ,—и пусть сыны одного и того же отечества превратятся въ братскую семью". Этому пожеланію не суждено было осуществиться, но въ періодъ 1816—1820 гг. Франція, могла, по крайней мѣрѣ, наслаждаться эпохой сравнительнаго мира, а новая палата во многихъ обстоятельствахъ обнаружила свою способность къ положительной работѣ.

Деказъ. — Въ продолженіе этихъ четырехъ лѣтъ главная роль принадлежала человѣку, который, не будучи даже президентомъ совѣта, былъ тѣмъ не менѣе настоящимъ руководителемъ министерства, по крайней мѣрѣ, въ области внутренней политики, а именно - любимцу Людовика XVIII Деказу. Совѣтникъ парижскаго суда, затѣмъ старшій секретарь при дворѣ Madame Mère (т.-е. матери Наполеона), въ 1814 году примкнувшій къ Бурбонамъ и подвергшійся изгнанію во время Ста Дней, Деказъ при второй реставраціи былъ, благодаря барону Луи, назначенъ префектомъ полиціи. Онъ обладалъ гибкимъ и разностороннимъ умомъ, любезными манерами, всѣми признаками открытаго характера, тонкимъ чутьемъ, былъ блестящимъ собесѣдникомъ. Послѣднимъ качествомъ онъ, главнымъ образомъ, и прельстилъ короля, который вскорѣ не могъ уже обходиться безъ своего префекта, а въ сентябрѣ 1815 года пригласилъ его въ министерство полиціи. Въ глубинѣ души онъ былъ деспотомъ, котораго насильственныя мѣры не пугали; если онъ упорно добивался распущенія Безпримѣрной Палаты, то, съ другой стороны, онъ оставилъ безъ послѣдствій просьбу о помилованіи семи приговоренныхъ къ смертной казни, поданную Гренобльскимъ военнымъ судомъ и не очень-то жалостливымъ Донадье. Но этотъ склонный къ произволу человѣкъ обладалъ здравымъ пониманіемъ дѣйствительности; онъ считалъ невозможнымъ возвратъ къ прошлому и ясно видѣлъ тщету всѣхъ попытокъ, направленныхъ къ измѣненію новаго общественнаго порядка. Онъ зналъ, что Франція нуждается въ извѣстной свободѣ, которую онъ считалъ вполнѣ совмѣстимой съ монархической властью Бурбоновъ. Онъ хотѣлъ вводить эту свободу постепенно, какъ бы малыми дозами. Онъ искренно желалъ примирить враждебные элементы французскаго общества и, какъ гласила его формула, привлечь однихъ къ королю посредствомъ Хартіи, а другихъ къ Хартіи посредствомъ короля. Онъ сумѣлъ мало-по-малу внушить свои идеи Людовику XVIII, и довѣріе короля дало ему на нѣкоторое время возможность сдѣлать попытку примѣненія своей доктрины на практикѣ.

Избирательный законъ 1816 года. — Главной задачей парламентской сессіи 1816

года было принятіе избирательнаго закона. Законопроектъ былъ представленъ Лэнэ, который съ мая мѣсяца замѣнилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Воблана, находившагося подъ слишкомъ большимъ вліяніемъ графа д'Артуа. Послѣ бурныхъ дебатовъ, тянувшихся въ продолженіе двѣнадцати засѣданій и столь же рѣзкихъ, какъ и въ предыдущемъ году, законъ былъ вотированъ 5 января 1817 года 132 голосами противъ 100. 5 февраля законъ былъ опубликованъ. Согласно постановленіямъ Хартіи, избирателями объявлялись всѣ французы, имѣющіе 30 лѣтъ отъ роду и платящіе 300 франковъ прямыхъ налоговъ. Для того, чтобы быть избраннымъ, нужно было имѣть 40 лѣтъ отъ роду и платить 1.000 франковъ. Выборы совершались посредствомъ прямой подачи голосовъ въ главномъ городѣ департамента, причемъ избирательныя коллегіи сами составляли свое бюро. Ежегодно пятая часть депутатовъ подлежала переизбранію. Этотъ законъ, по даннымъ оффиціальной статистики, отдавалъ всю избирательную власть въ руки 90.000 приблизительно человѣкъ, удовлетворявшихъ условіямъ ценза. Прямая подача голосовъ въ губернскомъ городѣ сводила почти къ нулю то исключительное вліяніе, которымъ пользовались крупные землевладѣльцы и сельскіе дворяне въ окружныхъ коллегіяхъ при системѣ двустепенныхъ выборовъ. Но избиратели, платящіе 300 франковъ прямыхъ налоговъ, оказались гораздо болѣе либеральными, чѣмъ предполагали Лэнэ и доктринеры, авторы новаго закона. Это съ ясностью обнаружилось во время ежегодныхъ выборовъ: при каждомъ частичномъ возобновленіи палаты число независимыхъ прогрессивно увеличивалось. Эта партія насчитывала въ 1817 году двадцать пять депутатовъ, въ 1818 г.—сорокъ пять, а въ 1819 г.—девяносто.

При обсужденіи двухъ законопроектовъ, одного о смягченіи закона, отмѣнявшаго свободу личности, и другого о продленіи до 1818 года закона, вводившаго цензуру и систему предварительнаго разрѣшенія для газетъ, оказалось, что среди крайнихъ роялистовъ имѣются ярые защитники свободы. Когда независимый Войе д'Аржансонъ повторилъ свой мужественный протестъ прошлаго года, то, вмѣсто свистковъ, слова его были встрѣчены рукоплесканіями Лабурдоннэ и его друзей. Корбьеръ съ негодованіемъ протестовалъ противъ невыносимаго полицейскаго режима. Виллель громко заявлялъ, что свобода трибуны представляетъ пустую формальность, если она не дополняется свободой печати. Впрочемъ, они цинично признавались, что они единогласно вотировали бы тѣ же самые и даже болѣе суровые законы, если бы они были предложены министрами изъ ихъ партіи. При обсужденіи бюджета они проявили тотъ же духъ систематической оппозиціи, но не могли помѣшать разрѣшенію займа въ 300 милліоновъ, заключеннаго въ видахъ скорѣйшаго очищенія территоріи. Благодаря этому займу, герцогъ Ришелье добился отъ державъ удаленія 30.000 солдатъ оккупаціоннаго корпуса.

Ліонскія волненія. — Если ультра-роялисты лишились своего вліянія на министерство, то зато ихъ страсти раздѣлялись еще массой чиновниковъ. Объ этомъ можно было ясно судить по той свирѣпости, съ которой превотальные суды подавляли волненія, совершенно не имѣвшія никакого политическаго характера и вызванныя весной 1817 года въ нѣсколькихъ департаментахъ неурожаемъ и дороговизной хлѣба. Еще яснѣе это обнаружилось въ іюнѣ, при подавленіи въ Ліонѣ заговора, гдѣ главную роль играли, повидимому, агенты-провокаторы дивизіоннаго генерала Канюэля, бывшаго лейтенанта Россиньоля въ Вандеѣ, и префекта Шаброль-Крузоля. Вплоть до сентября въ Ліонѣ царствовалъ терроръ, несмотря на усилія генеральнаго комис-

сара полиціи Сенвилля, который въ концѣ-концовъ разоблачилъ передъ министерствомъ эти гнусности. Мармонъ, посланный въ Ліонъ для разслѣдованія этого дѣла, былъ до того возмущенъ, что потребовалъ преданія суду Канюэля и въ докладѣ, представленномъ герцогу Ришелье, заявилъ, что „генералъ тысячу разъ заслужилъ смертную казнь и что, отправивъ на эшафотъ этого палача, король сдѣлаетъ истинно доброе дѣло и заслужитъ благодарность своихъ подданныхъ". Графъ д'Артуа не могъ простить маршалу этого доклада. Дѣло въ томъ, что онъ и окружающія его лица разсчитывали воспользоваться ліонскими событіями, чтобы запугать короля и поссорить его съ министрами. Надежда эта была разбита. Вліяніе Деказа росло со дня на день, и ему удалось одного за другимъ удалить изъ министерства послѣднихъ союзниковъ ультра-роялистовъ. Дамбре былъ замѣненъ Пакье, а Дюбушаясъ и герцогъ де Фельтръ принуждены были уступить мѣсто Молэ и маршалу Гувіону Сенъ-Сиру наканунѣ частныхъ выборовъ 1817 года. Во время этихъ выборовъ въ Парижѣ изъ восьми депутатовъ не было избрано ни одного крайняго роялиста; глава независимаго списка былъ единственнымъ кандидатомъ, прошедшимъ въ первомъ же турѣ; и его единомышленники были бы всѣ выбраны во время перебаллотировки, если бы въ послѣдній моментъ не состоялось соглашеніе между доктринерами и крайними роялистами. Тѣмъ не менѣе, Делессеръ и Казимиръ Перье были избраны. Въ провинціи независимые выиграли около пятнадцати мѣстъ, — и Ришелье и Лэнэ начали уже испытывать нѣкоторое безпокойство и помышлять объ измѣненіи избирательнаго закона.

Военный законъ.—Тронная рѣчь 1817 года возвѣстила предстоящее закрытіе превотальныхъ судовъ, внесеніе законопроекта о рекрутскомъ наборѣ и намекнула на скорую эвакуацію Франціи. Внесенный еще прежде законопроектъ о печати былъ съ многочисленными измѣненіями принятъ палатой депутатовъ, а затѣмъ отвергнутъ пэрами, и дѣйствіе цензуры продолжено еще на годъ.

Закону о рекрутскомъ наборѣ суждена была лучшая участь, и на практикѣ онъ дѣйствовалъ до 1868 года. Со времени распущенія Луарской арміи составъ французской арміи низведенъ былъ до двухъ гвардейскихъ дивизій и нѣсколькихъ корпусовъ, рекрутировавшихся по областямъ путемъ вербовки волонтеровъ и называвшихся по имени своихъ департаментовъ, и, наконецъ, національной гвардіи, главнымъ командиромъ которой состоялъ графъ д'Артуа. Приближался моментъ удаленія иностраннаго оккупаціоннаго корпуса, и Франція готовилась снова вступить въ концертъ великихъ державъ; необходимо было поэтому позаботиться о созданіи серьезной арміи. Вербовка добровольцевъ не могла дать достаточнаго контингента, и хотя конскрипція, ненавистная французской націи со времени Имперіи, и была торжественно отмѣнена Хартіей, но къ ней приходилось вернуться окольнымъ путемъ. Теоретически добровольное поступленіе на службу должно было доставлять арміи главныя силы; ежегодный призывъ 40.000 человѣкъ долженъ былъ служить для пополненія войсковыхъ частей. Всѣ молодые люди, достигшіе 20-лѣтняго возраста, тянули жребій; вытащившіе „дурные номера" состояли въ теченіе шести лѣтъ на дѣйствительной службѣ; въ продолженіе слѣдующихъ шести лѣтъ они могли быть призваны въ ветеранскія роты, предназначенныя для составленія резервной арміи. Такимъ образомъ, получалась армія въ 240.000 человѣкъ въ мирное время. Кромѣ того, законъ опредѣлялъ правила производства въ чины. Офицеромъ могъ быть только тотъ, кто прослужилъ, по крайней мѣрѣ, два

года въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ или окончилъ военную школу, причемъ третья часть мѣстъ подпоручиковъ предоставлялась исключительно унтеръ-офицерамъ. Двѣ трети всѣхъ офицерскихъ чиновъ предоставлялись по старшинству и, за исключеніемъ особенно выдающихся подвиговъ, нельзя было получить производства въ слѣдующій чинъ, не побывавши четыре года въ низшемъ чинѣ.

Ультра-роялисты яростно боролись съ этимъ законопроектомъ. Они нападали на роты ветерановъ, такъ какъ въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ лѣтъ онѣ должны были состоять исключительно изъ старыхъ солдатъ Имперіи. Но наибольшее ихъ негодованіе вызывали постановленія относительно производства въ чины, такъ какъ они навсегда положили конецъ скандальному фаворитизму, возстановленному въ 1815 году. Если и не дошли до четырехлѣтнихъ полковниковъ, то зато происходили назначенія фельдмаршалами эмигрантовъ, никогда не бывавшихъ въ огнѣ, и капитанами — молодыхъ людей, которые никогда не держали въ рукѣ шпаги. По мнѣнію ультра-роялистовъ, назначеніе офицеровъ было королевской прерогативой, и личное усмотрѣніе короля не должно было стѣсняться никакими уставами. Въ палатѣ Гувіонъ Сенъ-Сиръ заявилъ, что солдаты Имперіи создали славу Франціи, и что страна имѣетъ право „гордиться этими людьми, которымъ Европа не переставала удивляться“. Графъ д'Артуа вмѣшался въ пренія письмомъ къ королю, письмомъ весьма рѣзкимъ, въ которомъ онъ протестовалъ противъ умаленія правъ короны, высказывалъ порицаніе той политикѣ, которой министерство придерживалось со времени распущенія Безпримѣрной Палаты, и возмущался противъ министерства, отставки котораго онъ требовалъ. Людовикъ XVIII сурово отвѣтилъ на выходку своего брата и въ очень рѣшительномъ письмѣ выразилъ свое твердое желаніе всѣми силами поддерживать министерство, пользующееся полнымъ его довѣріемъ. Онъ не хотѣлъ „быть королемъ двухъ народовъ“, и всѣ усилія его правительства, заявлялъ онъ, направлены будутъ къ тому, чтобы „содѣйствовать конечному сліянію этихъ двухъ народовъ, раздѣльное существованіе которыхъ и безъ того уже длится слишкомъ долго, въ одинъ народъ“.

Разногласія въ министерствѣ. — Но отъ выраженія пожеланія до его осуществленія было еще далеко. На дѣлѣ разногласія усиливались. Въ палатѣ умѣренные роялисты раздѣлились на правый центръ и лѣвый центръ, и министерство, не располагавшее уже компактнымъ большинствомъ, должно было опасаться двойной оппозиціи — крайнихъ роялистовъ и независимыхъ. Внутри самого министерства далеко не царствовало полное согласіе. Деказъ и Гувіонъ Сенъ-Сиръ стояли за вполнѣ опредѣленную либеральную политику, тогда какъ Ришелье и Лэнэ явно склонялись къ сближенію съ правой. Рѣзкія выходки и интриги со стороны крайнихъ роялистовъ удвоились. Они дошли даже до неопредѣленныхъ попытокъ составленія заговора среди гвардейскихъ офицеровъ; цѣлью этого заговора, какъ носились слухи, являлся арестъ министровъ, а въ крайнемъ случаѣ и низложеніе Людовика XVIII. Раскрытіе этого заговора, получившаго названіе „conspiration du Bord de l'Eau“, повело къ еще большему отчужденію короля отъ партіи ультра-роялистовъ. Вскорѣ послѣ этого Людовикъ узналъ про секретную записку, составленную Витролемъ въ присутствіи графа д'Артуа и разосланную всѣмъ монархамъ; въ этой запискѣ указывалось на опасности, которымъ политика министерства подвергаетъ Бурбоновъ и всю Европу, и требовалось „опредѣленное и открытое вмѣшательство“, способное привести короля „къ болѣе простымъ и болѣе здравымъ идеямъ“.

Витроль былъ исключенъ изъ тайнаго совѣта и вычеркнутъ изъ списка государственныхъ служащихъ. Мѣра, направленная противъ графа д'Артуа, заключалась въ реорганизаціи національной гвардіи, въ которую отнынѣ записаны были всѣ плательщики налоговъ, и въ уничтоженіи комитета главныхъ инспекторовъ, составленнаго исключительно изъ его креатуръ. Но эти мѣры приняты были подъ вліяніемъ Деказа и Гувіона Сенъ-Сира, можно сказать, вопреки сопротивленію Ришелье и Лэнэ.

Выборы 1818 года еще усилили разномысліе среди министровъ. Несмотря на созданіе „*Консерватора*" и на усилія его сотрудниковъ де Брюжа, Полиньяка, Витроля, Бональда, Шатобріана, Ламенэ, а быть можетъ, именно благодаря ихъ усиліямъ и рѣзкости ихъ контръ-революціонныхъ статей, роялисты чистой воды потерпѣли новое и еще болѣе тяжелое пораженіе. Лучше ихъ организованные независимые выиграли девятнадцать мѣстъ, и само правительство не могло помѣшать избранію двухъ человѣкъ, одни имена которыхъ внушали тревогу Европѣ, а именно— Лафайета и Манюэля. Послѣдній былъ выбранъ въ двухъ коллегіяхъ, и, между прочимъ, въ настоящемъ роялистическомъ центрѣ—Вандеѣ.

Министерство Дессоля — Деказа.—Возвратившись изъ Аахена, гдѣ ему удалось, наконецъ, добиться отъ державъ удаленія оккупаціонной арміи, Ришелье твердо рѣшилъ произвести измѣненія въ избирательномъ законѣ и, съ цѣлью сближенія съ правой, вступилъ въ переговоры съ Виллелемъ. Но это сближеніе можно было купить лишь цѣной удовлетворенія ненависти крайнихъ роялистовъ и принесенія въ жертву либеральныхъ министровъ Деказа, Гувіона Сенъ-Сира и Пакье. Попытки Ришелье склонить своихъ коллегъ къ измѣненію политическаго фронта оказались тщетными. Тогда онъ попробовалъ подать въ отставку и, взявши по приказанію короля свое прошеніе обратно, попытался составить новое министерство; но и на этотъ разъ усилія его ни къ чему не привели. Этотъ кризисъ, тянувшійся въ продолженіе всего декабря и имѣвшій главной цѣлью удаленіе Деказа, закончился 30 декабря 1818 года образованіемъ министерства, номинальнымъ главой котораго былъ генералъ Дессоль, а реальнымъ главой—Деказъ. Государственный совѣтникъ Порталь сдѣлался морскимъ министромъ, де Серръ — министромъ юстиціи, баронъ Луи—министромъ финансовъ, а Гувіонъ Сенъ-Сиръ сохранилъ портфель военнаго министра. Министерство полиціи, по просьбѣ Деказа, было уничтожено, какъ несовмѣстимое съ принципомъ свободы. Это было однородное и чисто либеральное министерство.

Что касается Ришелье, то онъ безъ всякаго сожалѣнія покинулъ постъ, принять который онъ въ свое время согласился лишь изъ патріотическихъ побужденій. Съ того момента, какъ Франція очищена была отъ иностранцевъ, онъ считалъ долгъ свой исполненнымъ. Въ проникнутомъ благородными чувствами письмѣ онъ старался расположить царя въ пользу своихъ преемниковъ. Онъ восхвалялъ ихъ заслуги, ихъ добрыя намѣренія и преданность королю. Онъ приглашалъ всѣхъ своихъ друзей въ обѣихъ палатахъ оказывать имъ поддержку. Онъ вышелъ изъ министерства болѣе бѣднымъ, чѣмъ вступилъ туда, но когда онъ узналъ, что два либерала—Лалли-Толандаль въ палатѣ пэровъ и Делессеръ въ палатѣ депутатовъ—внесли предложеніе о назначеніи ему національнаго вознагражденія, то онъ поспѣшилъ обратиться къ президентамъ обѣихъ палатъ съ письмомъ, въ которомъ отклонялъ эту милость. „Я ни въ коемъ случаѣ,—писалъ онъ,—не могу согласиться на то, чтобы изъ-за меня на плечи и безъ того отягченной націи взвалено было новое бремя. Остается еще залѣчить слишкомъ много ранъ, для того

чтобы я позволилъ себѣ при такихъ условіяхъ стремиться къ увеличенію своего личнаго состоянія. Уваженія моей страны, благоволенія короля и голоса моей совѣсти съ меня совершенно достаточно". Когда, послѣ рѣзкой оппозиціи ультрароялистовъ и нѣкоторыхъ независимыхъ, палаты назначили ему пожизненную пенсію въ 50.000 франковъ, то онъ пожертвовалъ ее въ пользу бордоскихъ госпиталей.

Назначеніе новыхъ пэровъ.—Новому министерству недолго пришлось выжидать случая для того, чтобы ясно обнаружить свое твердое намѣреніе держаться либеральной политики. Въ февралѣ 1819 года Бартелеми, бывшій авторъ Базельскаго трактата, предложилъ палатѣ пэровъ вотировать резолюцію, „въ силу которой къ королю будетъ обращена покорнѣйшая просьба представить проектъ закона, вводящаго въ организацію избирательныхъ коллегій необходимыя измѣненія". Деказъ энергично возсталъ противъ этой резолюціи, но палата пэровъ не обратила никакого вниманія на его протесты. Въ палатѣ депутатовъ Лафитъ предложилъ подать королю адресъ съ просьбой оставить избирательный законъ безъ измѣненія. Де Серръ объявилъ, что этотъ адресъ совершенно излишенъ, такъ какъ министерство твердо рѣшилось не предлагать никакихъ перемѣнъ. Черезъ два дня въ палату пэровъ поступилъ уже принятый депутатами законъ, по которому финансовый годъ отнынѣ долженъ былъ начинаться съ 1 іюля, для того чтобы положить конецъ системѣ временныхъ мѣсячныхъ ассигновокъ, которая, въ виду поздняго открытія парламентской сессіи, оказывалась неизбѣжной. Пэры отвергли этотъ законъ, не пожелавъ даже разсмотрѣть его и выслушать объясненія министра.

Отвѣтъ не заставилъ себя долго ждать. 6 марта *Moniteur* объявилъ о назначеніи шестидесяти новыхъ пэровъ, наполовину маршаловъ, генераловъ и высшихъ сановниковъ Имперіи. Эти *новоиспеченные*, по выраженію Ришелье, пэры обезпечили Деказу большинство; это было какъ бы 5 сентября пэрства. Эта мѣра, какъ объяснялъ *Moniteur*, не являлась мѣрой, вызванной исключительными обстоятельствами: король, который не могъ вычеркнуть цѣлый 25-лѣтній періодъ изъ французской исторіи, пожелалъ „привести пэрское достоинство въ согласіе съ состояніемъ новой Франціи".

Предложеніе Бартелеми было передано въ палату депутатовъ. Во время дебатовъ министръ юстиціи де Серръ высказалъ суровое порицаніе преступленіямъ Бѣлаго Террора и попыткамъ фанатиковъ на Югѣ запугать присяжныхъ, на которыхъ возложенъ былъ запоздалый разборъ дѣлъ о многочисленныхъ убійствахъ, совершенныхъ роялистами въ южныхъ департаментахъ. Его рѣчь увлекла депутатовъ, и 150 голосами противъ 34 предложеніе было отвергнуто.

Законы о печати.—За день до этого голосованія де Серръ внесъ законопроектъ о свободѣ печати. Статья 8-ая Хартіи обезпечивала французамъ „право оглашать и печатать свои мнѣнія, согласно законамъ, наказующимъ злоупотребленія этой свободой". Законъ 1814 г. удержалъ наполеоновскій режимъ, вводя для газетъ систему предварительнаго разрѣшенія. Ордонансомъ 1815 года сюда была прибавлена еще цензура. Въ 1817 г., при министерствѣ Ришелье, Пакье выработалъ проектъ, сущность котораго одинъ депутатъ правой резюмировалъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Свобода печати для газетъ отмѣняется. Правительство будетъ расправляться съ ними, какъ ему заблагоразсудится". Виллель и Ройе-Коларъ оказались почти согласными въ требованіи положить конецъ этому произволу, и изъ общихъ дебатовъ съ достаточной опредѣленностью вылилась та мысль, что проступки по дѣламъ печати должны

подлежать вѣдѣнію суда присяжныхъ, а не коронныхъ судовъ. Но въ концѣ-концовъ пришли только къ тому, что дѣйствіе цензуры продлено было еще на одинъ годъ. Чтобы избѣгнуть предварительнаго разрѣшенія, многія газеты превратились въ непеaccording періодическія изданія. Чтобы избавиться отъ цензуры, приходилось печатать въ видѣ брошюръ тѣ статьи, которыхъ она не пропустила въ газетахъ. Процессы по дѣламъ печати были безчисленны и часто отличались совершенно ребяческимъ характеромъ. „*Indépendant*" былъ закрытъ за статью о Салонѣ 1817 года, въ которой говорилось о портретѣ ребенка съ синими цвѣтами. Эта картина принята была за портретъ римскаго короля, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это былъ какой-то маленькій баварецъ. Нѣкоторые адвокаты, какъ Дюпенъ, Бартъ, Мерилу, Мокаръ, Могенъ, сдѣлали эти процессы своей спеціальностью и пріобрѣли широкую популярность своими смѣлыми защитительными рѣчами, которыя такъ же сильно волновали общественное мнѣніе, какъ и парламентскія пренія. О нихъ говорили даже на великосвѣтскихъ празднествахъ, и на балу у Лафита можно было услышать слѣдующее обращеніе молодой дамочки къ своему кавалеру: „Но скажите, по крайней мѣрѣ, вы стоите за свободу печати?"

Поэтому, тройной законъ о печати, выработанный Гизо, герцогомъ де Бройлемъ и Ройе-Коларомъ и внесенный де Серромъ, былъ хорошо встрѣченъ публикой и прошелъ въ обѣихъ палатахъ огромнымъ большинствомъ. Отнынѣ печать подлежала дѣйствію общихъ законовъ. Первый законъ опредѣлялъ преступленія и проступки и распредѣлялъ ихъ на четыре разряда: оскорбленіе особы короля; публичное воззваніе къ преступленію или проступку; оскорбленіе общественной нравственности и приличій; диффамація и клевета. Правая требовала, чтобъ прибавлено было оскорбленіе государственной религіи и, несмотря на протесты де Серра, была принята слѣдующая неопредѣленная редакція: оскорбленіе общественной и религіозной нравственности. Въ области диффамаціи, вопреки протестамъ многочисленныхъ чиновниковъ, бывшихъ депутатами парламента, въ качествѣ исключенія, было допущено предъявленіе доказательствъ въ случаяхъ обвиненій, выдвинутыхъ противъ правительственныхъ лицъ или агентовъ.

Второй законъ касался юридической компетенціи. Всѣ преступленія и проступки по дѣламъ печати вѣдались судомъ присяжныхъ. Простая клевета подлежала вѣдѣнію исправительныхъ судовъ.

Третій законъ относился спеціально къ газетамъ. Цензура и предварительное разрѣшеніе отмѣнялись. Требовалось только заявленіе двухъ отвѣтственныхъ издателей и денежный залогъ въ 10.000 франковъ ренты (т.-е. 200.000 франковъ) для ежедневныхъ газетъ въ департаментахъ Сены, Сены-и-Уазы и Сены-и-Марны.

Финансовое устройство.— Не менѣе полезны были труды палаты въ финансовой области. Она тщательно обсуждала роспись доходовъ и расходовъ и требовала строжайшей экономіи въ бюджетѣ. Она выставила слѣдующее принципіальное положеніе: всякій кредитъ, вотированный на одинъ годъ и въ теченіе этого времени не израсходованный, считается отмѣненнымъ. Каждый министръ долженъ былъ впредь ежегодно представлять отчетъ по операціямъ истекшаго бюджетнаго періода, а также сравнительную таблицу произведенныхъ расходовъ и открытыхъ палатой кредитовъ. Съ своей стороны, министръ финансовъ долженъ былъ впредь представлять общую таблицу поступленія валовыхъ доходовъ, государственнаго долга и состоянія казначейства.

Всѣ эти мѣропріятія оказали самое благопріятное дѣйствіе на государствен-

ные финансы и на экономическую жизнь націи. Рента (правда, не безъ участія спекуляціи) достигла курса 80 франковъ. Весьма удачная промышленная выставка доказала съѣхавшимся въ большомъ числѣ иностранцамъ, что, несмотря на тревожные крики и пессимистическія предсказанія, которыя распространялись ультрароялистами при европейскихъ дворахъ, Франція при полу-либеральномъ режимѣ быстрыми шагами приближалась къ возстановленію своего благосостоянія. Король и страна могли лишь поздравлять себя съ политикой, которой придерживались Деказъ и его товарищи. Но частичные выборы 1819 года, къ сожалѣнію, измѣнили это прекрасное настроеніе.

Распаденіе министерства Деказа.—Избирательная кампанія, которую независимые комитеты вели съ величайшей энергіей, закончилась избраніемъ двадцати восьми депутатовъ лѣвой, въ томъ числѣ и генерала Фуа. Чистыхъ роялистовъ выбрано было только пять. Департаментъ Изеръ выбралъ аббата Грегуара, бывшаго члена Конвента, который первый въ 1792 году потребовалъ отмѣны монархіи и преданія суду Людовика XVI. Это избраніе, которому содѣйствовали ультра-роялисты въ надеждѣ произвести скандалъ, глубоко оскорбило Людовика XVIII и вызвало лицемѣрные вопли всѣхъ крайне-роялистскихъ газетъ и ихъ абонентовъ. Всѣ эти господа сочли своимъ долгомъ эксплуатировать это избраніе противъ избирательнаго закона и либеральныхъ постановленій предшествовавшей сессіи. Министерство уступило этимъ крикамъ. Въ то время какъ палата отказывалась допустить въ свою среду аббата Грегуара, не рѣшаясь, однако, объявить его недостойнымъ депутатскаго званія, какъ этого требовала правая, Деказъ постановилъ распустить „*Общество друзей печати*“, содѣйствіе котораго принесло ему, однако, большую пользу въ цѣломъ рядѣ случаевъ; затѣмъ онъ представилъ своимъ коллегамъ проектъ измѣненій въ избирательномъ законѣ. Генералъ Дессоль, Гувіонъ Сенъ-Сиръ и баронъ Луи отказались послѣдовать за Деказомъ по этому пути, заявили, что признаютъ только либеральную политику, и подали въ отставку. 19-го ноября 1819 года Деказъ сдѣлался президентомъ совѣта и для пополненія кабинета отдалъ портфель иностранныхъ дѣлъ Пакье, финансовъ—Руа, военнаго министра—Латуръ-Мобуру. Министерство поспѣшило выработать, по совѣщанію съ Виллелемъ и правой, новый избирательный законъ. 14-го февраля этотъ законопроектъ долженъ былъ поступить на обсужденіе палаты.

Убійство герцога Беррійскаго; паденіе Деказа. — Въ воскресенье, 13-го февраля 1820 года, около одиннадцати часовъ вечера при выходѣ изъ Оперы герцогъ Беррійскій, только что успѣвшій усадить въ карету герцогиню, которой нездоровилось, столкнулся съ какимъ-то человѣкомъ, который всадилъ ему длинный ножъ въ правый бокъ. Герцогъ скончался въ пять часовъ на простой кровати въ одной изъ комнатъ театральной администраціи, окруженный всѣми близкими и не переставая до послѣдней минуты требовать помилованія для своего убійцы, сѣдельщика Лувеля. Покушаясь на жизнь герцога Беррійскаго, Лувель хотѣлъ положить конецъ династіи Бурбоновъ. Его преступленіе должно было повести къ паденію Деказа и вернуть Францію къ худшимъ днямъ Безпримѣрной Палаты.

Въ палатѣ Клозель де-Куссергъ потребовалъ преданія суду Деказа, какъ „сообщника въ убійствѣ“. „Наиболѣе виновной является не та рука, которая нанесла ударъ“, писалъ Шатобріанъ. Однако, въ теченіе четырехъ дней король упорно сопротивлялся требованіямъ принцевъ, настаивавшихъ на удаленіи Деказа. Онъ готовъ былъ спасать страну, „но безъ крайнихъ“. Но въ концѣ-концовъ онъ уступилъ и противъ своей воли разстался

съ человѣкомъ, котораго называлъ своимъ сыномъ. Возведеніе Деказа въ герцоги и пэры и назначеніе его посланникомъ въ Лондонъ явились публичнымъ свидѣтельствомъ королевской признательности и симпатіи.

Второе министерство Ришелье.—Герцогъ Ришелье, котораго незадолго до того Деказъ приглашалъ вернуться въ министерство, сначала отказался взять на себя роль президента совѣта и уступилъ только просьбамъ графа д'Артуа. Послѣдній далъ честное слово дворянина, что онъ самъ и его друзья окажутъ Ришелье полную поддержку. „Я буду вашимъ первымъ солдатомъ", заявилъ онъ. Ришелье не взялъ себѣ никакого портфеля, потребовалъ, чтобъ министерство осталось въ прежнемъ составѣ, и замѣнилъ Деказа Симеономъ.

Возвращеніе къ исключительнымъ законамъ.—Одинъ за другимъ палатамъ представлены были три закона, ограничивающіе свободу печати, свободу личности и измѣняющіе избирательную систему. Первый отмѣнялъ на пять лѣтъ либеральный законъ 1819 года и возстановлялъ цензуру и предварительное разрѣшеніе для газетъ и періодическихъ или полуперіодическихъ изданій, посвященныхъ цѣликомъ или частью политическимъ вопросамъ. Законъ объ ограниченіи свободы личности предоставлялъ президенту совѣта, министру внутреннихъ дѣлъ и министру юстиціи право арестовать и содержать подъ стражей въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ административнымъ порядкомъ всякое лицо, подозрѣваемое въ заговорѣ противъ государственной безопасности или противъ членовъ королевскаго семейства. Обсужденіе этихъ двухъ законовъ доставило генералу Фуа случай обнаружить свои качества великаго и смѣлаго оратора.

Немедленно составился комитетъ, въ который вошли Лафитъ, Лафайетъ, Казиміръ Перье и Манюэль, съ цѣлью открыть національную подписку и употребить собранныя такимъ образомъ суммы на защиту и оказаніе помощи гражданамъ, пострадавшимъ отъ примѣненія этихъ двухъ законовъ. Министерство начало преслѣдовать газеты, оказывавшія содѣйствіе этому комитету. Тогда послѣдній измѣнилъ свою организацію и превратился въ тайный комитетъ, принявшій явно анти-династическій характеръ и поставившій себѣ цѣлью подготовить и организовать борьбу противъ Бурбоновъ. Главными членами этого комитета были Лафайетъ, Манюэль, Дюпонъ де л'Эръ и адвокатъ Мерилу. Множество газетъ принуждены были прекратить свое существованіе, въ томъ числѣ *Minerve, Renommée* и *Censeur*, въ которомъ помѣщались памфлеты Поля-Луи Курье, имѣвшіе громадный успѣхъ.

Законъ о двойныхъ вотумахъ.—Избирательный законъ, опубликованный въ концѣ іюня 1820 года, глубоко измѣнилъ составъ палаты и избирательныхъ коллегій. Онъ увеличилъ число депутатовъ, повысивъ его до четырехсотъ тридцати, и возстановилъ двоякаго рода коллегіи—окружныя и департаментскія. Окружныя коллегіи, состоящія изъ 300-франковыхъ избирателей, назначали 258 депутатовъ, по одному депутату на каждый округъ. Департаментскія коллегіи, составленныя изъ четвертой части внесенныхъ въ списки избирателей, платившихъ наивысшіе налоги, назначали 172 депутатовъ. Такъ что нѣкоторые избиратели вотировали дважды, разъ въ окружныхъ коллегіяхъ, а другой разъ въ департаментскихъ; такимъ образомъ, создана была своего рода избирательная денежная аристократія, состоявшая приблизительно изъ 12.000 человѣкъ. Отсюда этотъ законъ получилъ названіе *закона о двойныхъ вотумахъ*. Кромѣ того, бюро избирательныхъ комиссій назначались правительствомъ, а избиратели должны были открыто писать имя своего кандидата на глазахъ президента.

Обсужденіе этого закона, *электоральная битва,* какъ говорили въ публикѣ, продолжалось не менѣе мѣсяца. Начавшись 6 мая, оно закончилось только 12 іюня. Въ дебатахъ приняли участіе сто двадцать три оратора, и палата сдѣлалась ареной самыхъ бурныхъ сценъ. Доктринеры, съ Ройе-Коларомъ и Камилломъ Жорданомъ во главѣ, и либералы, съ генераломъ Фуа и Манюэлемъ, отчаянно боролись за сохраненіе стараго закона, и одно время нельзя было сказать, на чью сторону склонится побѣда. Параграфъ 1-ый, въ которомъ заключался самый принципъ закона, прошелъ лишь большинствомъ пяти голосовъ. Парламентской битвѣ отвѣчала битва на улицахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней происходили манифестаціи на площади Согласія, на бульварахъ, а у воротъ Сенъ-Дени и Сенъ-Мартэнъ имѣли мѣсто даже кавалерійскія атаки. Лилась кровь, и съ тѣми, кто позволялъ себѣ къ крику: „Да здравствуетъ король!" прибавлять: „Да здравствуетъ Хартія!", обращались, какъ съ бунтовщиками.

Торжество ультра-роялистовъ. — Крайніе роялисты встрѣтили этотъ законъ бурными привѣтствіями; они видѣли въ немъ залогъ близкаго торжества. Рожденіе герцога Бордоскаго, „дитяти чуда", черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти герцога Беррійскаго еще повысило ихъ энтузіазмъ (29 сентября 1820 года). Послѣ же ноябрьскихъ выборовъ онъ не зналъ уже болѣе предѣловъ. Люди Безпримѣрной Палаты снова появились на сцену въ огромномъ числѣ, не сдѣлавшись ничуть благоразумнѣе, и болѣе твердо, чѣмъ когда-либо, одушевленные контръ-революціонными намѣреніями. Изъ 220 мѣстъ роялистамъ досталось 198. Министерство оказалось вынужденнымъ пригласить въ кабинетъ двухъ лидеровъ правой, Вилleля и Корбьера. Абсолютистская и клерикальная пропаганды возобновились съ неслыханной силой. Ордонансомъ отъ 27 февраля 1821 г. Корбьеръ отдалъ коллежи подъ надзоръ епископовъ, „дабы обезпечить религіозное и моральное руководство юношествомъ, естественно склоннымъ поддаваться соблазну возвышенныхъ и благородныхъ на видъ теорій". Вокругъ *Конгрегаціи,* руководимой іезуитомъ Ронсеномъ, Жюлемъ Полиньякомъ и Матье Монморанси, сорганизовалось множество вспомогательныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью воздѣйствовать на общественное мнѣніе въ реакціонномъ духѣ; таковы общества *Хорошихъ Книгъ, Хорошей Литературы, Хорошей Науки, Ассоціація Св. Іосифа.* Либералы отвѣтили образованіемъ тайныхъ обществъ: *Рыцари свободы,* а затѣмъ *Братство угольщиковъ* (карбонаріевъ); оба эти общества состояли въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми членами тайнаго парламентскаго комитета, Лафайетомъ, д'Аржансономъ, Лафитомъ, Манюэлемъ и Дюпонъ де л'Эромъ.

Выборы 1821 года довершили торжество роялистовъ, надежды которыхъ еще болѣе разжигались успѣхами европейскихъ абсолютистовъ въ Троппау и Лайбахѣ и неудачей неаполитанской и пьемонтской революцій. Они выиграли 74 мѣста изъ 88; пятьдесятъ новыхъ депутатовъ были ультра-роялистаии.

Отставка Ришелье.—Ришелье поставилъ себѣ за правило вносить „какъ можно меньше такихъ законопроектовъ, которые способны возбуждать страсти". „Каналы, сельскохозяйственный уставъ, проселочныя дороги, улучшеніе администраціи, общественныя предпріятія—вотъ, что намъ нужно. Это будетъ выгодно и для страны, и для насъ самихъ, писалъ онъ де-Серру. Чего я боюсь, такъ это предложеній въ пользу эмигрантовъ". А именно этого хотѣли и графъ д'Артуа, и эмигранты. Нѣкоторые министры, чтобы сохранить свои портфели, уже готовы были пойти навстрѣчу этимъ желаніямъ. Такъ, напримѣръ, Латуръ-Мобуръ и Лористонъ,

сдѣлавшійся министромъ королевскаго двора, представили совѣту министровъ проектъ указа, которымъ увольнялись въ отставку сто пятьдесятъ генераловъ исключительно для того, чтобы доставить фаворитамъ графа д'Артуа возможность быть произведенными въ высшіе чины. Это возмутило Пакье и Ришелье, которые заставили отвергнуть этотъ проектъ. Но Ришелье самъ не имѣлъ уже защитниковъ. Больной и сильно постарѣвшій король всецѣло подпалъ подъ вліяніе своей фаворитки, госпожи Кайла, которая была орудіемъ въ рукахъ графа д'Артуа. Когда палата выказала свое враждебное отношеніе къ законопроекту, сохранявшему цензуру для газетъ, но въ то же время удерживавшему либеральный институтъ присяжныхъ, то Ришелье напомнилъ графу д'Артуа про честное слово, данное имъ на другой день послѣ смерти герцога Беррійскаго, и потребовалъ обѣщаннаго ему тогда полнаго содѣйствія. „А, милѣйшій герцогъ, вы слишкомъ буквально поняли мои слова, отвѣтилъ графъ д'Артуа. И притомъ въ то время мы находились въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ!" Краснѣя за графа, въ виду такого безстыднаго нарушенія даннаго имъ честнаго слова, Ришелье немедленно вручилъ королю свою отставку. А 15 декабря 1821 года въ *Moniteur'ѣ* появился списокъ новыхъ министровъ: Виллель—министръ финансовъ, Корбьеръ—внутреннихъ дѣлъ, Монморанси—иностранныхъ дѣлъ, Пейронэ—юстиціи, Клермонъ-Тонэръ—морской, а герцогъ Беллюнъ—военный министръ; все это были ультра-роялисты, намѣренные управлять страной исключительно въ интересахъ своей партіи.

При министерствѣ Ришелье правительство ограничивалось отнятіемъ вольностей, дарованныхъ во время Деказа. При министерствѣ Виллеля оно открыто попыталось произвести частичную реставрацію стараго порядка.

III. Правленіе крайнихъ роялистовъ.

Виллель.—Виллель, который въ 1815 году былъ мэромъ Тулузы, не принялъ никакихъ мѣръ для прекращенія кровавыхъ насилій бѣлаго террора въ этомъ городѣ. Выбранный депутатомъ, онъ всегда сидѣлъ на скамьяхъ правой, а его положительный умъ и выдающіяся способности дѣльца быстро выдвинули его и сдѣлали однимъ изъ лидеровъ партіи ультра-роялистовъ. Прежде всего это былъ ловкій дѣлецъ, отличавшійся скорѣе изворотливостью и хитростью, чѣмъ возвышеннымъ характеромъ, и въ этомъ отношеніи стоявшій гораздо ниже Ришелье. Онъ не заслужилъ также своей репутаціи великаго министра, такъ какъ, способный разбираться въ дѣлахъ непосредственной практики и въ мельчайшихъ деталяхъ, онъ совершенно не обладалъ общими идеями и не способенъ былъ далеко заглядывать въ будущее. Онъ правилъ, какъ вожакъ партіи, но не какъ государственный человѣкъ или какъ настоящій политическій дѣятель, способный возвышаться надъ интересами даннаго момента и заботящійся о созданіи чего-нибудь прочнаго, чего-нибудь такого, что соотвѣтствовало бы истиннымъ чувствамъ страны и удовлетворяло бы какой-нибудь дѣйствительной ея потребности. О немъ говорили, что онъ умѣреннѣе своей партіи; но тѣмъ не менѣе, онъ взялъ на себя отвѣтственность за законы о печати, о святотатствѣ, о назначеніи милліарда эмигрантамъ. Товарищи его по министерству отличались отъ него лишь меньшимъ умомъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Корбьера, который стоилъ его. Это былъ мужикъ по происхожденію и по манерамъ, грубоватый честный человѣкъ, упрямый и лойяльный бретонецъ, прямой до рѣзкости, плебей, столь же преданный ультра-роялистическимъ идеямъ, какъ и его кол-

лега, виконтъ Матье Монморанси, первый баронъ христіанскаго міра.

Законы о печати.—Первые же предложенные министерствомъ законы ясно показывали, въ какомъ духѣ оно намѣрено было править. Пейронэ внесъ 2 января 1822 года два законопроекта: первый—о проступкахъ, совершаемыхъ путемъ печати, и второй—о надзорѣ за газетами. Первый изъ этихъ законопроектовъ былъ выработанъ еще при предшествовавшемъ министерствѣ де-Серромъ. Пейронэ внесъ въ него лишь нѣкоторыя дополненія. Онъ усиливалъ наказанія (денежный штрафъ и тюремное заключеніе), установленныя закономъ 1819 года, и ввелъ наказанія за новые проступки, часто не имѣвшіе никакого отношенія къ печати, какъ, напримѣръ, возмутительные крики, срываніе или разрушеніе знаковъ королевской власти, ношеніе неразрѣшенныхъ королемъ условныхъ знаковъ Самая важная сторона новаго закона заключалась въ томъ, что разсмотрѣніе процессовъ по дѣламъ печати отнято было у суда присяжныхъ и передано исправительнымъ судамъ. По требованію нѣкоторыхъ депутатовъ былъ, кромѣ того, введенъ оригинальный пунктъ, гласящій, что палаты, превращенныя въ спеціальный трибуналъ, сами судятъ лицъ, виновныхъ въ ихъ оскорбленіи.

Дебаты длились съ 15 января до 6 февраля. Тщетно ораторы лѣвой и лѣваго центра, одни, руководимые Себастіани, а другіе—Ройе-Коларомъ, боролись противъ этого законопроекта, оспаривая одну статью за другой. Напрасно де-Серръ краснорѣчиво защищалъ компетенцію суда присяжныхъ. Законъ былъ принятъ 234 голосами противъ 73; пятьдесятъ депутатовъ лѣвой въ видѣ протеста воздержались отъ голосованія.

На слѣдующій день началось обсужденіе закона о надзорѣ за газетами. Докладъ представленъ былъ Мартиньякомъ, незадолго передъ тѣмъ выбраннымъ въ депутаты отъ департамента Жиронды. Цензура попрежнему оставалась отмѣненной, но могла быть возстановлена простымъ указомъ (только не во время избирательныхъ періодовъ). Для всякой новой газеты или изданія требовалось опять предварительное разрѣшеніе. Королевскіе суды имѣли право временно пріостанавливать или даже совершенно прекращать всякое періодическое изданіе, стремящееся къ нарушенію общественнаго порядка, нападающее на государственную религію или на одинъ изъ признанныхъ культовъ, на королевскую власть или на „прочность конституціи“. Наконецъ, установленъ былъ новый видъ преступленія — тенденціозность: карѣ подлежали газеты, помѣстившія рядъ статей, кои, въ отдѣльности взятыя, могли показаться невинными, но совокупность которыхъ явно указывала на разрушительныя стремленія. Нѣсколько ораторовъ указывали на неясность новаго закона, но Мартиньякъ возразилъ, что въ этомъ-то и заключается его сила. Ройе-Коларъ совершенно вѣрно формулировалъ сокровенную цѣль авторовъ этого законопроекта, когда сказалъ: „Вы хотите поразить въ качествѣ опасныхъ лицъ такихъ людей, для законнаго преслѣдованія которыхъ у васъ нѣтъ юридическихъ основаній“. Одинъ либеральный депутатъ, Жирардэнъ, доставилъ себѣ злостное удовольствіе прочесть, при нескончаемыхъ перерывахъ раздраженной правой, рѣчь, являвшуюся рѣзкой критикой законопроекта, и посреди всеобщаго хохота заявить, что эта рѣчь была произнесена въ 1817 году Виллелемъ. Законъ все-таки прошелъ.

Въ палатѣ пэровъ противъ обоихъ этихъ законовъ высказались графъ Бастаръ, старшій президентъ Ліонскаго суда, Талейранъ, Барантъ, Молэ, герцогъ де-Бройль и Пакье. „Этотъ законъ,—говорилъ Молэ въ рѣчи, получившей самое широкое распространеніе,—является не ограниченіемъ свободы печати, а полнымъ ея уничтоженіемъ. Это просто попытка обез-

печить въ журналистикѣ монополію за одной партіей". И расширяя рамки дебатовъ за предѣлы даннаго частнаго вопроса и перейдя къ обсужденію общей политики кабинета, Молэ показалъ, что эта политика стремится къ установленію такого режима, который, хотя съ внѣшней стороны и не противорѣчитъ буквѣ Хартіи, но фактически ведетъ къ ограниченію общей свободы въ интересахъ усиленія привилегій небольшой кучки. Ришелье, очень рѣдко всходившій на трибуну, потребовалъ, къ величайшему негодованію ультра-роялистовъ, чтобы цензура ни въ коемъ случаѣ не могла быть возстановлена безъ формальнаго вота обѣихъ палатъ. Оппозиція пэровъ имѣла не больше успѣха, чѣмъ сопротивленіе въ палатѣ депутатовъ. Законы были приняты.

Офиціальныя кандидатуры. — Во время майскихъ частичныхъ выборовъ 1822 года министерство пустило въ ходъ всѣ находящіяся въ его распоряженіи средства для того, чтобы обезпечить успѣхъ кандидатовъ своей партіи. Офиціальный циркуляръ вмѣнялъ чиновникамъ въ обязанность „въ предѣлахъ своихъ правъ содѣйствовать избранію депутатовъ, искренно преданныхъ легитимной монархіи и учрежденіямъ, дарованнымъ мудростью короля". „Journal des Débats" заговорилъ еще болѣе яснымъ языкомъ: „Всякій чиновникъ,—поясняла газета,—долженъ или уйти въ отставку, или по мѣрѣ силъ служить тому правительству, которое даетъ ему работу". Такимъ образомъ, за исключеніемъ Парижа, гдѣ изъ 12 депутатовъ выбрано было 10 либераловъ, выборы закончились такъ, какъ этого хотѣло министерство.

Офиціальная поддержка оказывалась только чистымъ изъ чистыхъ. Теперь уже оказывалось недостаточно быть просто роялистомъ; министерство боролось съ барономъ Луи въ Парижѣ и съ де-Серромъ въ Кольмарѣ и провалило ихъ обоихъ. Вернулись худшіе дни 1816 года. Ультра-роялисты жадно накинулись на теплыя мѣстечки. Ихъ газеты требовали генеральной чистки чиновниковъ. Для либераловъ, говорили онѣ, должны быть закрыты всѣ пути къ карьерѣ; это равносильно было объявленію внѣ закона большинства французовъ. Конгрегація, которую въ министерствѣ представлялъ Монморанси, продиктовала возведеніе аббата Фрейсину, гермополлисскаго епископа, въ спеціально возстановленное для него званіе оберъ-ректора французскихъ высшихъ учебныхъ заведеній (grand maître de l'Université).

Заговоры. — Такой режимъ естественно долженъ былъ вызвать цѣлый рядъ заговоровъ. Это была эпоха оживленной дѣятельности Общества карбонаріевъ. Пропаганда велась очень энергично, въ особенности среди офицеровъ, состоящихъ на половинномъ окладѣ, среди унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Повсюду подготовлялись военные бунты. Цѣлью этого движенія было низверженіе династіи и установленіе временнаго правительства, въ составъ котораго должны были войти Лафайетъ, де-Корсель, Войе д'Аржансонъ, Кэхлэнъ и Дюпонъ де л'Эръ и которое „снова предоставило бы слово странѣ". Это была чрезвычайно безсодержательная, но единственно возможная формула, въ виду необычайной пестроты участвовавшихъ въ заговорахъ элементовъ, среди которыхъ имѣлись сторонники герцога Орлеанскаго, бонапартисты и республиканцы.

Всѣ попытки заговорщиковъ неизмѣнно кончались неудачей. Одинъ изъ первыхъ заговоровъ среди учениковъ Сомюрской школы былъ открытъ 22 декабря 1821 года. Бельфорское движеніе, которымъ должны были руководить Лафайетъ и де-Корсель, закончилось неудачей 1 января 1822 года. Въ февралѣ того же года генералу Бертону чуть было не повезло; 22 февраля ему удалось составить въ

Туарѣ повстанческую банду; онъ пошелъ на Сомюръ, гдѣ къ 23-му подготовлялось возстаніе. Но онъ не могъ проникнуть въ городъ и спасся, благодаря содѣйствію Сомюрскаго мэра Мопассана. Новая неудача ждала его въ Ла-Рошелѣ, гдѣ пропаганду организовали 4 сержанта—Бори, Раў, Губэнъ и Помье. Они были арестованы въ мартѣ, увезены въ Парижъ, приговорены къ смерти и казнены 21 сентября на Гревской площади. Старшему изъ нихъ было 27 лѣтъ. На просьбы о помилованіи Людовикъ XVIII отвѣтилъ: „Долгъ выше милосердія". Бертонъ попался въ іюнѣ въ ловушку, разставленную ему однимъ унтеръ-офицеромъ гвардейскихъ карабинеровъ. Онъ судился въ Пуатье, былъ приговоренъ къ смерти и казненъ вмѣстѣ съ тремя своими сообщниками. Кромѣ того, было еще вынесено одиннадцать заочныхъ смертныхъ приговоровъ, а тридцать два обвиняемыхъ были приговорены къ тюремному заключенію на сроки отъ одного до пяти лѣтъ. Кольмарскій судъ присяжныхъ—который не подвергся, навѣрно, такому подбору, какъ жюри въ Пуатье, составленное исключительно изъ чиновныхъ людей и кавалеровъ св. Людовика—оказался болѣе снисходительнымъ по отношенію къ двадцати тремъ обвиняемымъ по Бельфорскому дѣлу: только четыре человѣка были осуждены, да и то лишь на 5 лѣтъ тюремнаго заключенія. Тѣмъ не менѣе суровая репрессія запугала карбонаріевъ; 1822 годъ былъ особенно богатъ заговорами, но послѣ него попытки добиться низверженія Бурбоновъ посредствомъ военныхъ бунтовъ болѣе не повторялись.

Война съ Испаніей.—Клерикальная и абсолютистская партіи съ каждымъ днемъ пріобрѣтали все большее вліяніе, и вліяніе это обнаружилось не только въ области внутренней политики, но дало себя почувствовать и въ области внѣшней французской политики. Имъ было обусловлено вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла, которому король и Виллель лично очень мало сочувствовали. Чувства короля въ этомъ отношеніи ясно обнаружились при назначеніи уполномоченныхъ на Веронскій конгрессъ. Онъ не хотѣлъ послать туда одного министра иностранныхъ дѣлъ Монморанси, такъ какъ зналъ, что послѣдній является ярымъ партизаномъ войны. Въ товарищи ему данъ былъ Шатобріанъ, французскій посланникъ въ Лондонѣ; это былъ довольно оригинальный выборъ, такъ какъ Шатобріанъ склонялся къ политикѣ вмѣшательства. Но его назначенія добивался Виллель, бывшій тогда его другомъ и непремѣнно хотѣвшій имѣть на конгрессѣ своего человѣка, на полную преданность котораго онъ разсчитывалъ. Виллель взялъ на себя временное завѣдываніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и въ то же время сдѣлался оффиціально президентомъ совѣта, которымъ онъ фактически заправлялъ съ самаго момента образованія министерства.

Имѣвшіе мѣсто въ ноябрѣ 1822 года частичные выборы, на которыхъ чистые роялисты отняли у либераловъ тридцать депутатскихъ полномочій, усилили шансы вмѣшательства. Газеты правой требовали его самымъ рѣшительнымъ образомъ и доходили при этомъ до обвиненія Виллеля въ измѣнѣ. Поддерживаемый королемъ, Виллель однако отказался отозвать изъ Мадрида французскаго посланника одновременно съ отозваніемъ своихъ пословъ сѣверными дворами. Монморанси подалъ въ отставку, но былъ замѣненъ Шатобріаномъ, который въ то время тщательно скрывалъ свои воинственныя намѣренія. Но, очутившись въ министерствѣ, онъ сбросилъ маску, и Виллель далъ себя увлечь въ военную авантюру. Французскій посланникъ былъ отозванъ изъ Мадрида, а тронная рѣчь, произнесенная королемъ 28 января 1823 года при открытіи парламентской сессіи, заявляла, что „сто тысячъ французовъ готовы съ име-

немъ св. Людовика на устахъ двинуться въ походъ, для того чтобы сохранить испанскій престолъ за однимъ изъ потомковъ Генриха IV, спасти это прекрасное королевство отъ гибели и примирить его съ Европой".

При обсужденіи отвѣтнаго адреса въ обѣихъ палатахъ произошла первая стычка: Барантъ, Дарю, Талейранъ и генералъ Фуа единогласно высказались противъ проектировавшейся войны. Но настоящее сраженіе началось тогда, когда Виллель одновременно съ бюджетомъ представилъ законопроектъ, разрѣшающій выпустить заемъ въ сто милліоновъ „на экстренные и настоятельные расходы". Записалось пятьдесятъ шесть ораторовъ, желавшихъ принять участіе въ дебатахъ по поводу доклада Мартиньяка. „Если война, затѣянная вами противъ независимости Испаніи, справедлива, то въ такомъ случаѣ справедлива была и та война, которую тридцать лѣтъ тому назадъ объявили намъ иностранцы,—воскликнулъ Ройе-Коларъ.—...И мы напрасно побили австрійцевъ". Генералъ Фуа напомнилъ, что до послѣдняго момента Виллель самъ былъ противникомъ испанской экспедиціи. Делессеръ, Биньонъ, Себастіани одинъ за другимъ выступили противъ заключеній доклада, не возбуждая своими рѣчами особенной ярости правой, когда 26 февраля слово предоставлено было Манюэлю.

Исключеніе Манюэля.—Манюэль замѣтилъ, что, вмѣшиваясь въ испанскія дѣла подъ предлогомъ спасенія жизни Фердинанда, Франція рискуетъ вызвать катастрофу въ родѣ той, которую нѣкогда вызвало во Франціи вмѣшательство иностранцевъ во французскія дѣла. „Долженъ ли я указывать на то,—прибавилъ онъ,—что опасность, грозившая королевскому семейству, усилилась именно съ того момента, когда Франція, революціонная Франція, почувствовала, что для своей защиты она должна воззвать къ новымъ силамъ, къ новой энергіи..." Правая не дала ему докончить. Его обвинили въ апологіи цареубійства, не дали ему возможности объясниться и даже не позволили подать письменное объясненіе. 27 февраля Лабурдоннэ внесъ предложеніе объ исключеніи Манюэля, а 1 марта это исключеніе было вотировано. Ройе-Коларъ назвалъ этотъ актъ государственнымъ переворотомъ. Манюэль же заявилъ, что не признаетъ законности принятой противъ него мѣры и что уступитъ только насилію. На слѣдующій день Манюэль явился на засѣданіе въ костюмѣ депутата. Введенные въ залъ національные гвардейцы отказались наложить на него руки. Тогда позвали жандармовъ, которые схватили смѣлаго депутата и стащили его съ депутатскихъ скамей. Когда правая воспротивилась чтенію протеста, составленнаго депутатами лѣвой, то послѣдніе въ числѣ шестидесяти человѣкъ покинули палату и въ продолженіе всей сессіи больше туда не возвращались. Депутаты лѣваго центра продолжали ходить на засѣданія, но съ этого момента воздерживались отъ всякаго участія въ голосованіи.

Распущеніе палаты.—Успѣхъ испанской экспедиціи опьянилъ ультра-роялистовъ. До сихъ поръ они нѣсколько побаивались настроенія въ арміи. Но теперь, успокоенные съ этой стороны, они не знали уже никакого удержа и рѣшили, что наступило, наконецъ, время передѣлать Францію по своему желанію и въ своихъ интересахъ. Въ февралѣ 1824 г. либеральныя газеты *Constitutionnel* и *Courrier Français* слѣдующимъ образомъ резюмировали программу реакціонеровъ: „Предоставить духовенству веденіе метрическихъ книгъ, обезпечить ему независимые доходы и поручить ему дѣло воспитанія юношества; возстановить цеховыя корпораціи; лишить лицъ, имѣющихъ патенты политическаго вліянія; создать, съ помощью соотвѣтствующаго законодательства, землевладѣльческую аристокра-

тію; дать вознагражденіе эмигрантамъ; поставить законодательныя преграды дробленію поземельной собственности".—По поводу этого резюме редакторы роялистической газеты *La Quotidienne* заявили, что „если либералы участвуютъ въ выборахъ для того, чтобы не допустить осуществленія этихъ требованій, то они совѣтуютъ роялистамъ пойти на выборы именно для того, чтобы добиться ихъ осуществленія". И дѣйствительно, избирательному корпусу предстояло избраніе новыхъ депутатовъ, такъ какъ 24 декабря 1824 года Виллель распустилъ палату. Онъ рѣшился на эту мѣру по той причинѣ, что вмѣстѣ съ Шатобріаномъ стремился къ отмѣнѣ системы частичныхъ выборовъ и не надѣялся добиться согласія на эту реформу отъ палаты, выбранной именно на основѣ этой системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разсчитывалъ также одновременно избавиться отъ оппозиціи лѣвой и оппозиціи крайней правой. Онъ думалъ, что избранная подъ его вліяніемъ на пять или на семь лѣтъ палата обезпечитъ ему продолжительное и спокойное пребываніе у власти. Съ другой стороны, назначеніе двадцати семи новыхъ пэровъ усиливало правительственное большинство въ верхней палатѣ.

Вновь Обрѣтенная Палата.—Всѣ средства были пущены въ ходъ для того, чтобы обезпечить успѣхъ правительственныхъ кандидатовъ. Чиновникамъ, превращеннымъ въ избирательныхъ агентовъ, приказано было вести подчиненныхъ имъ обывателей къ избирательнымъ урнамъ. Въ знаменитомъ циркулярѣ Пейронэ выдвигалъ принципъ, что въ избирательной области чиновники обязаны безпрекословно исполнять волю начальства: „Тотъ, кто принимаетъ какую-нибудь должность, беретъ въ то же время на себя обязательство отдавать всѣ свои силы, таланты и вліяніе на службу правительству; это договоръ, обезпеченный обоюдностью. Если чиновникъ отказывается отъ исполненія услугъ, которыхъ ждетъ отъ него правительство, то онъ нарушаетъ въ такомъ случаѣ данное обѣщаніе... Такое поведеніе равносильно безусловному отказу отъ должности, отказу, который никоимъ образомъ нельзя взять назадъ. Правительство считаетъ себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ по отношенію къ тому чиновнику, который не исполняетъ своихъ обязанностей". Избирательные списки подверглись радикальной передѣлкѣ; масса либераловъ была освобождена отъ налоговъ, для того чтобы ихъ можно было вычеркнуть изъ этихъ списковъ. Чтобы лишить генерала Фуа пассивнаго избирательнаго права, его (безъ его вѣдома) освободили отъ всѣхъ личныхъ и движимыхъ налоговъ. Префекты, епископы и генералы дѣйствовали солидарно и напрягали всѣ свои силы. 25 февраля 1824 года было днемъ торжества для роялистовъ. Изъ 430 депутатовъ только 15 были либералы; остальные всѣ принадлежали къ правой, причемъ 120 депутатовъ были членами Конгрегаціи. По выраженію, которое приписывалось Людовику XVIII, Безпримѣрная Палата была вновь обрѣтена (Chambre Retrouvée).

Септеннатъ; конверсія. — При открытіи парламентской сессіи король объявилъ палатамъ, что на обсужденіе ихъ предложены будутъ два законопроекта: первый изъ нихъ стремился возстановить семилѣтнюю продолжительность депутатскихъ мандатовъ, а второй разрѣшалъ единовременную выплату ссуженнаго подъ государственную ренту капитала или конверсію съ замѣной государственной ренты „такими бумагами, которыя приносили бы процентъ, болѣе соотвѣтствующій проценту по другимъ займамъ". Эта конверсія должна была сдѣлать возможнымъ „пониженіе налоговъ и уврачеваніе послѣднихъ ранъ, нанесенныхъ Революціей". Въ этихъ словахъ возвѣщалась предстоящая выдача эмигрантамъ

вознагражденія. Рѣчь короля давала членамъ Конгрегаціи только частичное удовлетвореніе, такъ какъ она совершенно умалчивала о религіозномъ вопросѣ. Адресъ палаты подчеркнулъ это упущеніе въ слѣдующихъ двухъ фразахъ: „Религія требуетъ охранительныхъ законовъ для культа и болѣе достойнаго существованія для своихъ служителей. Дѣло народнаго воспитанія нуждается въ необходимой поддержкѣ“.

Одновременно съ внесеніемъ въ палату депутатовъ законопроекта о конверсіи и въ палату пэровъ закона о септеннатѣ Виллель, чтобъ угодить правой, предложилъ законъ о наказаніяхъ за проступки, совершенные въ храмахъ. Кража со взломомъ, совершенная въ предназначенномъ для богослуженія зданіи, наказывалась смертью; похищеніе священныхъ сосудовъ безъ взлома влекло за собой вѣчную каторгу; безпорядки, произведенные даже внѣ отведенныхъ для богослуженія помѣщеній, поврежденіе крестовъ, статуй или другихъ религіозныхъ памятниковъ, наказывались тюремнымъ заключеніемъ и денежнымъ штрафомъ. Этотъ законопроектъ былъ принятъ пэрами. Это былъ какъ бы первый опытъ закона о святотатствѣ. Но какъ разъ святотатство и не предусматривалось этимъ закономъ; послѣдній депутатами былъ признанъ недостаточнымъ,—и министерство взяло его обратно для переработки.

Законъ о септеннатѣ легко прошелъ и въ палатѣ пэровъ, и въ палатѣ депутатовъ, несмотря на рѣчи Ройе-Колара и Ла-Бурдоннэ, который по личнымъ мотивамъ стоялъ въ систематической оппозиціи по отношенію къ Виллелю. Не такъ счастливъ былъ министръ съ своимъ проектомъ конверсіи. Эта операція была превратно понята многими людьми, которые увидѣли въ ней нѣчто въ родѣ замаскированнаго банкротства. Другіе, въ особенности либералы, нападали на этотъ проектъ потому, что прибыль, которую казна имѣла въ виду получить отъ конверсіи, должна была пойти на вознагражденіе эмигрантовъ. Кромѣ того, нѣкоторые депутаты правой опасались, что конверсія можетъ оттолкнуть отъ Реставраціи многочисленный слой владѣльцевъ государственной ренты. Тѣмъ не менѣе, Виллелю удалось добиться отъ депутатовъ принятія этого закона. Но въ палатѣ пэровъ онъ натолкнулся на неопреодолимое сопротивленіе. Пораженіе министра стало несомнѣннымъ съ того момента, какъ парижскій архіепископъ, высокопреосвященный де-Келэнъ, выступилъ противъ проекта во имя несчастныхъ и обездоленныхъ.

Смерть Людовика XVIII. — Отклоненіе проекта конверсіи имѣло своимъ послѣдствіемъ перемѣну въ составѣ министерства. Шатобріанъ въ палатѣ депутатовъ, равно какъ и въ палатѣ пэровъ, уклонился отъ защиты законопроекта и не приглашалъ своихъ друзей вотировать за него. Виллель безъ особаго труда добился отъ Людовика XVIII, который вообще не долюбливалъ Шатобріана, удаленія министра иностранныхъ дѣлъ въ отставку. Тогда Шатобріанъ ударился въ крайнюю оппозицію и увлекъ за собой Journal des Débats. Портфель иностранныхъ дѣлъ былъ переданъ графу Дама, который съ момента окончанія испанской экспедиціи замѣнялъ герцога Беллюна въ военномъ министерствѣ. Въ совѣтъ были приглашены два вліятельные члена Конгрегаціи, герцогъ Дудовиль въ качествѣ министра двора и сынъ его, Состэнъ де-Ларошфуко, другъ королевской фаворитки дю-Кайла, въ качествѣ директора департамента изящныхъ искусствъ Послѣдній былъ, такимъ образомъ, вознагражденъ за свое дѣятельное участіе въ дѣлѣ систематическаго подкупа органовъ прессы. Такъ какъ преслѣдованія газетъ часто кончались оправданіемъ или легкими приговорами, то министерство придумало купить извѣстное число оппозиціонныхъ газетъ,

органовъ какъ правой, такъ и лѣвой, для того чтобы или вовсе прекратить ихъ изданіе, или же перемѣнить составъ ихъ редакціи. Деньги для этой цѣли брались изъ кассы секретныхъ фондовъ и цивильнаго листа. Такимъ образомъ были пріобрѣтены *Foudre, Oriflamme Journal de Paris, Gazette de France, Tablettes Européennes,* изъ которыхъ немедленно выступили такіе сотрудники, какъ Тьеръ, Ремюза и Минье. Попытка купить *La Quotidienne* закончилась скандаломъ, который былъ разоблаченъ Ла-Бурдоннэ съ парламентской трибуны. Болѣе простымъ средствомъ принудить оппозицію къ молчанію было возстановленіе цензуры: къ этому средству прибѣгъ Виллель за нѣсколько недѣль до смерти Людовика XVIII, который скончался 16 сентября 1825 года. Торжественные похороны его состоялись въ базиликѣ Сенъ-Дени черезъ мѣсяцъ, со всей помпой и церемоніаломъ, употреблявшимися въ до-революціонную эпоху. Графъ д'Артуа сдѣлался королемъ подъ именемъ Карла X.

Карлъ X.—Мы уже видѣли, чѣмъ былъ Карлъ X: онъ обѣщалъ быть королемъ эмигрантовъ и дѣйствительно былъ имъ. Людовикъ XVIII, повидимому, предвидѣлъ ту опасность, которая грозила Бурбонамъ со стороны подобнаго государя, если только вѣрно, что на своемъ смертномъ одрѣ, протягивая руку для благословенія маленькаго герцога Бордосскаго, онъ произнесъ знаменитыя слова: „Пусть Карлъ X побережетъ корону этого ребенка!“ Слѣдуетъ замѣтить, что вступленіе Карла X на престолъ не вызвало никакого безпокойства въ странѣ, не знавшей настоящихъ намѣреній короля, и что даже въ Парижѣ онъ во время своего торжественнаго въѣзда въ городъ былъ встрѣченъ горячими привѣтствіями національной гвардіи и народа. Его ласковое обращеніе, доступность, удачныя словечки доставили ему извѣстную популярность, которая на время еще возросла, благодаря ловкимъ мѣропріятіямъ, многочисленнымъ помилованіямъ лицъ, пострадавшихъ за политическія преступленія, и отмѣнѣ цензуры. Но произведенное вначалѣ хорошее впечатлѣніе было недолговѣчно. Принятыя съ первыхъ же дней новаго царствованія другія мѣры съ ясностью обнаружили истинное настроеніе короля. Не оставалось мѣста ни для какого сомнѣнія въ томъ, что Карлъ X—человѣкъ прошлаго, хотя бы въ виду того, что онъ возстановилъ старинные титулы *дофина* и *дофины, madame* и *mademoiselle* [1]) и старинныя должности въ родѣ *menin* (пѣстунъ принца). Его ненависть ко всему тому, что такъ или иначе связано было съ новымъ духомъ, въ скорости съ особенной яркостью обнаружилась въ фактѣ увольненія въ отставку болѣе двухсотъ пятидесяти генераловъ, лишенныхъ своей части съ 1-го января 1816 года, въ томъ числѣ Груши, Вандамма, Газана, Экзельмана. Наконецъ, тронная рѣчь возвѣщала палатамъ желаніе короля представить послѣдовательно на разсмотрѣніе парламента „улучшенія, требуемыя священными интересами религіи, и важнѣйшія отрасли законодательства“. Она возвѣщала имъ также, что наступилъ моментъ осуществить мудрый планъ, намѣченный Людовикомъ XVIII для уврачеванія послѣднихъ ранъ, нанесенныхъ Революціей. Такимъ образомъ, король перемѣнился, но система правленія осталась та же. Карлъ X продолжалъ дѣло своего брата; онъ сохранилъ его министровъ и его программу вмѣстѣ съ закономъ о святотатствѣ и вознагражденіемъ для эмигрантовъ. Но эта программа должна быть нѣсколько дополнена; къ ней вскорѣ должны были прибавиться законы о правѣ первородства и о прессѣ. Наконецъ, въ царствованіе набожнаго короля религіозные вопросы должны были

[1]) Madame—жена старшаго брата короля или дочь короля; mademoiselle—старшая дочь королевскаго брата.

Ф. П. С. Жераръ.

Карлъ X.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

занять болѣе выдающееся мѣсто, и клерикальная партія намѣрена была сдѣлать попытку добиться самыхъ широкихъ уступокъ.

Законъ о святотатствѣ.—Это немедленно обнаружилось въ палатѣ пэровъ, гдѣ первые же два внесенные законопроекта относились одинъ къ учрежденію женскихъ монастырей, а другой къ святотатству. Предлагалось, въ нарушеніе дѣйствующихъ законовъ, предоставить королю право разрѣшать простымъ ордонансомъ основаніе женскихъ монашескихъ орденовъ. Пакье высказался противъ такой системы, которая, логически развиваясь, должна была впослѣдствіи повести къ такому же нарушенію закона въ пользу мужскихъ монашескихъ орденовъ. Такимъ путемъ можно было въ одинъ прекрасный день придти къ юридическому возстановленію ордена іезуитовъ, которые фактически возвратились во Францію, но существованіе которыхъ было незаконно. Пакье одержалъ верхъ надъ Виллелемъ, и законъ былъ исправленъ въ томъ смыслѣ, что ни одна новая конгрегація не могла быть основана безъ разрѣшенія парламента.

Законъ о святотатствѣ встрѣтилъ болѣе ожесточенную, но менѣе счастливую оппозицію. Новый проектъ былъ воспроизведеніемъ проекта предыдущей сессіи, но въ гораздо болѣе суровомъ видѣ. По новому проекту смертная казнь грозила уже не только за кражу со взломомъ, но и за оскверненіе священныхъ сосудовъ; онъ доходилъ даже до того, что назначалъ казнь отцеубійцъ, т.-е. отсѣченіе кисти и обезглавленіе, за оскверненіе святыхъ даровъ. Даже цѣликомъ сочувствовавшая проекту комиссія предложила смягченіе текста: требовалось, чтобы это оскверненіе совершено было публично. Молэ, герцогъ де-Бройль, Ланжюинэ, Барантъ, Пакье, Порталисъ, Понтэкуланъ выступили противъ этого проекта. Шатобріанъ подвелъ резюме всѣмъ аргументамъ, говорившимъ за отклоненіе закона. Онъ доказалъ, что этотъ законъ противорѣчитъ самому духу христіанства и заклеймилъ его въ короткой фразѣ: „Этотъ проектъ является оскорбленіемъ человѣчества, не доставляя охраны религіи“. Бональдъ, защищавшій проектъ съ искреннимъ фанатизмомъ, прибѣгалъ къ самымъ плачевнымъ выраженіямъ: по его словамъ, общество, предающее святотатца въ руки палача, отсылаетъ его предъ лицо его естественнаго судьи. Въ палатѣ самъ министръ Пейронэ готовъ былъ свалить отвѣтственность за этотъ законъ на депутатовъ. „Этотъ законопроектъ—дѣло вашихъ рукъ“, заявилъ онъ. Несмотря на краснорѣчіе Ройе-Колара, законъ былъ принятъ 210-ю голосами противъ 95. А черезъ пять дней онъ былъ опубликованъ.

Законъ этотъ буквально поразилъ всю страну. „Я берусь предсказать контрреволюціонной партіи,—сказалъ Ройе-Коларъ,—что жестокія репрессаліи, даже если онѣ останутся только на бумагѣ, повредятъ ей самой и падутъ позоромъ на ея голову“. Это предсказаніе оправдалось съ замѣчательной точностью. Хотя законъ никогда не примѣнялся на практикѣ, но тѣмъ не менѣе онъ бросилъ сильную тѣнь на легитимную монархію и больше всѣхъ другихъ законовъ оттолкнулъ отъ нея симпатіи общества.

Милліардъ эмигрантовъ.—Законъ о вознагражденіи эмигрантовъ произвелъ еще худшее впечатлѣніе, такъ какъ матеріальные результаты этого закона сейчасъ же дали почувствовать себя всему населенію. Съ другой стороны, дебаты по поводу этого закона были сплошнымъ оскорбленіемъ для французскаго патріотизма, подозрительность котораго вообще усилилась, благодаря тѣмъ условіямъ, при которыхъ состоялось возстановленіе Бурбоновъ. Карлъ X назвалъ эту мѣру „великимъ актомъ справедливости и мудрой политики“. Быть можетъ, это и было

политическимъ актомъ въ томъ смыслѣ, что владѣльцы національныхъ имуществъ, которые, несмотря на формальныя гарантіи, даваемыя имъ Хартіей, до тѣхъ поръ постоянно дрожали за свою собственность, могли отнынѣ считать себя совершенно обезпеченными отъ всякихъ посягательствъ. Но это во всякомъ случаѣ не было актомъ справедливости. Что на вознагражденіе имѣли право тѣ эмигранты, которые просто оставили предѣлы Франціи для спасенія своей жизни,—противъ этого ничего нельзя было возразить. Но конфискація имуществъ была вполнѣ заслуженнымъ наказаніемъ для тѣхъ дворянъ, которые содѣйствовали нашествію иностранцевъ на Францію и подняли оружіе противъ своего отечества. Далѣе, вознагражденіе должно было достаться лишь владѣльцамъ недвижимой собственности; а между тѣмъ, отъ революціонныхъ законовъ пострадало не мало лицъ, богатство которыхъ заключалось въ движимой собственности. Наконецъ, французы, подвергшіеся иностранному нашествію, пострадали не меньше, чѣмъ виновники этого нашествія; съ какой же стати на первыхъ можно было возлагать новое бремя въ видѣ уплаты вознагражденія вторымъ?

Эти соображенія были высказаны въ палатѣ пэровъ и въ палатѣ депутатовъ двумя людьми, которые, принадлежа къ старому привилегированному сословію, лично могли только выиграть отъ этого закона. Мы говоримъ о герцогѣ де-Бройлѣ и о графѣ Тіарѣ. „Истинный смыслъ этого закона, сказалъ герцогъ де Бройль, заключается въ желаніи подчеркнуть, что эмигранты защищали справедливыя права и боролись за справедливое дѣло; это равносильно осужденію всѣхъ тѣхъ, кто сражался за независимость страны, т.-е. семи восьмыхъ Франціи. Авторы закона имѣли въ виду уврачевать послѣднія изъ нанесенныхъ Революціей ранъ; въ дѣйствительности, онъ способенъ лишь оживить старые раздоры и страсти и „раздуть плохо притушенный пожаръ“. Въ палатѣ депутатовъ рѣчь генерала Фуа, выступившаго противъ самого принципа вознагражденія и противъ чрезвычайно преувеличенныхъ размѣровъ предложенной суммы, произвела такое впечатлѣніе даже на предубѣжденное собраніе, что Виллель счелъ нужнымъ сейчасъ же на нее отвѣтить. Министру приходилось бороться не только съ оппозиціей лѣвой. Крайняя правая находила проектъ недостаточнымъ; она называла проданныя Революціей имущества *украденными имуществами;* де Бомонъ предлагалъ, чтобы эмигрантамъ были возвращены ихъ прежнія владѣнія и чтобы вознагражденіе, если только оно безусловно необходимо, было выдано покупщикамъ отобранныхъ національныхъ имуществъ. Въ концѣ-концовъ министерскій проектъ былъ принятъ обѣими палатами. Но въ палатѣ депутатовъ противъ законопроекта высказались 124 голоса, т.-е. гораздо больше, чѣмъ предполагали его авторы.

Всѣмъ поземельнымъ собственникамъ, владѣнія которыхъ по какимъ бы то ни было мотивамъ были конфискованы во время Революціи, предоставлено было денежное вознагражденіе, равное удвадцатеренному доходу отъ ихъ земель въ 1790 г. Такъ какъ общій доходъ конфискованныхъ имуществъ въ 1790 году оцѣнивался въ 30 милліоновъ, то выпущено было на 30 милліоновъ трехпроцентной ренты съ номинальнымъ капиталомъ въ одинъ милліардъ. Вся операція должна была закончиться въ пять лѣтъ. Въ дѣйствительности роздано было 26 милліоновъ ренты, представляющей капиталъ въ 625 милліоновъ. Распредѣленіе производилось весьма неравномѣрнымъ образомъ. Какъ предвидѣлъ генералъ Фуа, самыя крупныя суммы достались лицамъ, окружавшимъ короля. Герцогъ Орлеанскій, которому законъ, навязанный Карломъ X своимъ министрамъ,

возвратилъ удѣльныя имѣнія, формально уничтоженныя Конституантой, тѣмъ не менѣе получилъ семнадцать милліоновъ при распредѣленіи вознагражденія.

Послѣдствіемъ закона о вознагражденіи явилась конверсія пятипроцентной ренты въ трехпроцентную; эта конверсія стала необходимой для того, чтобы можно было покрыть новые расходы безъ введенія новыхъ налоговъ и повышенія старыхъ.

Борьба съ „поповской партіей“.—29 мая 1825 года Карлъ X короновался въ Реймсѣ съ соблюденіемъ стариннаго церемоніала. Посланіе архіепископа Латиля заявляло въ совершенно опредѣленныхъ выраженіяхъ, что король получаетъ свою корону по наслѣдству отъ своихъ предковъ и что, обращаясь къ церковному освященію, онъ намѣренъ просить у неба благодати, необходимой ему для выполненія долга, налагаемаго на него его правами. Это было новымъ торжествомъ для сторонниковъ Конгрегаціи и для *поповской партіи*, требовательность которой возрастала съ каждымъ днемъ.

Съ согласія короля они заставили Виллеля возбудить преслѣдованіе противъ двухъ либеральныхъ газетъ — *Courrier français* и *Constitutionnel*—,которыя провинились въ томъ, что разоблачили интриги своихъ противниковъ, отмѣтили совершенно не-религіозный характеръ дѣятельности Миссій и протествовали противъ возвращенія во Францію іезуитовъ. Прокуроръ Беляръ требовалъ пріостановки *Constitutionnel*'а на мѣсяцъ, а *Courrier*'а на три мѣсяца, „въ виду направленія данныхъ газетъ, которое явствуетъ изъ общаго ихъ содержанія и которое способно нарушить должное уваженіе къ государственной религіи“. Парижская судебная палата, подъ предсѣдательствомъ Сегье, отвергла требованія прокурора. Какъ гласилъ приговоръ суда, „ни въ коемъ случаѣ нельзя признать нарушеніемъ должнаго уваженія къ государственной религіи или злоупотребленіемъ свободой печати — обсужденіе или осужденіе появленія въ странѣ всякихъ недозволенныхъ закономъ ассоціацій, указаніе на завѣдомо имѣвшіе мѣсто поступки, противные религіи и даже добрымъ нравамъ, или на не менѣе достовѣрныя опасности и излишества доктрины, которая одновременно угрожаетъ независимости монархіи, верховной власти короля и общественнымъ вольностямъ, гарантированнымъ Хартіей и декларацiей французскаго клира въ 1682 г., декларацiей, которая всегда признавалась и провозглашалась государственнымъ закономъ“. Этотъ приговоръ привелъ ультрамонтановъ въ крайнюю ярость. Но ихъ притязанія начинали уже пугать даже искренно религіозныхъ и преданныхъ королевской власти людей; въ газетѣ *Le Drapeau blanc* графъ Монлозье въ цѣломъ рядѣ сильно написанныхъ статей указалъ на ту опасность, которая грозитъ государству, обществу и религіи отъ тайной и противозаконной организаціи іезуитовъ.

Право первородства.—За нѣсколько дней до произнесенія этого приговора Парижскаго суда скончался генералъ Фуа. Его похороны послужили поводомъ къ грандіозной манифестаціи. 30 ноября магазины на бульварахъ были закрыты въ знакъ траура, и стотысячная толпа провожала гробъ на кладбище Перъ-Лашезъ. Публичная подписка въ пользу его дѣтей, которыхъ онъ оставилъ безъ всякихъ средствъ къ существованію, въ нѣсколько недѣль дала милліонъ. Эта манифестація была глубоко знаменательна; она ясно подтверждала справедливость словъ, произнесенныхъ въ палатѣ депутатовъ Казиміромъ Перье: „Здѣсь въ залѣ засѣданій насъ только семь человѣкъ, но за нами стоитъ вся Франція“.

Король и его министры не хотѣли этого понять, и первый же законъ, представленный палатамъ въ теченіе сессіи 1826 года, относился къ возстановленію

майората. Въ изложенiи мотивовъ Пейронэ заявлялъ, что дѣло идетъ о стѣсненiи мобилизацiи поземельной собственности, о созданiи и упроченiи землевладѣльческихъ родовъ въ интересахъ укрѣпленiя общественныхъ устоевъ. По этому законопроекту, если покойный не распорядился той частью имущества, которой составитель завѣщанiя имѣетъ право располагать по своему усмотрѣнiю (т. наз., *quotité disponible*), то эта часть по праву поступаетъ къ старшему сыну въ качествѣ *préciput légal* (т.-е. той части, которую привилегированный наслѣдникъ имѣетъ право выбрать себѣ до раздѣла наслѣдства). Если же завѣщатель распорядился частью *quotité disponible*, то остальная ея часть будетъ *préciput légal* и этотъ préciput légal будетъ преимущественно браться изъ недвижимости. Кромѣ того, разрѣшалось обращать имѣнiя въ субституцiи двойной степени.

Этотъ проектъ имѣлъ видъ настоящаго вызова, брошеннаго въ лицо общественному мнѣнiю. Законъ этотъ являлся прямымъ посягательствомъ на равенство, т.-е. на то завоеванiе Революцiи, которымъ французы дорожили больше всего. Хотя законъ могъ интересовать только 80.000 семей изъ общаго числа французскихъ семей, около шести миллiоновъ, хотя онъ не принуждалъ отцовъ семейства создавать майораты для старшаго изъ сыновей, такъ какъ оставлялъ родителямъ полную свободу составлять завѣщанiя, тѣмъ не менѣе онъ вызвалъ во всей странѣ невѣроятное волненiе. За дебатами въ палатѣ пэровъ слѣдили съ величайшимъ интересомъ. Проектъ, очень скверно защищаемый Пейронэ, подвергся одновременно нападкамъ и со стороны людей, выдвинутыхъ Революцiей, какъ Молэ, Пакье и Моллiенъ, и со стороны представителей древней знати, какъ Барантъ и де-Бройль. Сто двадцать голосовъ противъ девяносто четырехъ высказались противъ перваго параграфа, составлявшаго душу всего закона. Статья, относившаяся къ субституцiямъ, была принята. Вечеромъ весь Парижъ былъ иллюминованъ; толпа двигалась по бульварамъ, выкрикивая привѣтствiя палатѣ пэровъ. Радость была не менѣе велика въ провинцiи, гдѣ пораженiе министерства отпраздновано было банкетами.

Кампанiя противъ iезуитовъ; Монлозье.— Нѣкоторыя газеты объявили этотъ проектъ дѣломъ iезуитовъ и духовенства. Кампанiя противъ ультрамонтановъ возобновилась съ новой силой. Монлозье напечаталъ „Справочную записку", въ которой отмѣтилъ влiянiе „поповской партiи" на министерство, палату и администрацiю и требовалъ примѣненiя эдиктовъ, изданныхъ нѣкогда противъ iезуитовъ, исполненiя законовъ, направленныхъ противъ вмѣшательства духовенства въ свѣтскiя дѣла и признанiя обязательнымъ изученiя декларацiи 1682 года въ семинарiяхъ.

Появленiе въ свѣтъ сочиненiя Ламеннэ: „Религiя съ точки зрѣнiя ея отношенiй къ политическому и общественному строю", которое представляло нѣчто въ родѣ ультрамонтанскаго контръ-манифеста, насквозь проникнутаго духомъ Григорiя VII и Иннокентiя III, окончательно довело страсти до крайняго напряженiя. Министерство, съ одной стороны, прекратило выдачу пенсiи Монлозье, а съ другой, отдало подъ судъ Ламеннэ, надѣясь такимъ образомъ удовлетворить всѣхъ. Но при обсужденiи военнаго бюджета и суммъ, отпущенныхъ на содержанiе полковыхъ священниковъ, депутатъ Ажье, ярый роялистъ, въ свою очередь, напалъ на „тайную власть iезуитовъ въ короткомъ платьѣ" и заявилъ, что, если Францiя вынесла военный деспотизмъ, то она ни въ коемъ случаѣ не намѣрена терпѣть деспотизма лицемѣрiя. Черезъ нѣсколько дней при обсужденiи бюджета культовъ аббатъ Фрейссину, министръ духовныхъ дѣлъ, желая доказать, что

Конгрегація ничуть не опасна, призналъ ея существованіе, которое до тѣхъ поръ отрицалось самымъ энергичнымъ образомъ; онъ призналъ также, что іезуиты вернулись во Францію, хотя и прибавилъ, что ихъ терпятъ не какъ орденъ, а въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ. „Нечего, сказалъ онъ, опасаться ихъ вліянія на дѣло народнаго образованія, такъ какъ въ ихъ рукахъ находится всего семь учебныхъ заведеній, завѣдываніе которыми довѣрено имъ епископами“. Эта рѣчь, которую Виллель назвалъ „наивной неосторожностью“, получила въ странѣ самую широкую огласку. Въ палатѣ пэровъ Лэнэ, при поддержкѣ Пакье, спросилъ, что означаетъ эта терпимость? Монлозье подалъ въ Парижскій Судъ формальный доносъ на религіозныя и политическія конгрегаціи, составленныя въ нарушеніе закона, на іезуитовъ и на тѣхъ епископовъ, которые въ своихъ посланіяхъ восхваляли этотъ орденъ и ультрамонтанскія доктрины Ламеннэ. Большинствомъ сорока голосовъ противъ пятнадцати судъ вынесъ приговоръ, гласившій, что дѣйствующіе законы рѣшительно не допускаютъ возстановленія іезуитскаго ордена ни въ какой формѣ, но что закрытіе учебныхъ заведеній и распущеніе ассоціацій, образовавшихся вопреки государственнымъ постановленіямъ, эдиктамъ, законамъ и декретамъ, составляютъ исключительно дѣло высшей полиціи. Поэтому судъ призналъ себя некомпетентнымъ.

Законъ справедливости и любви.—Это было какъ бы предостереженіемъ правительству. Но оно такъ же не поняло смысла тѣхъ аплодисментовъ, которыми встрѣчено было постановленіе Парижскаго Суда, какъ въ свое время не поняло значенія подписки, открытой въ пользу дѣтей генерала Фуа. Отъ него требовали, чтобы оно освободилось отъ вліянія ультрамонтановъ; оно отвѣтило законопроектомъ о печати.

Прежде всего проектъ направлялся противъ не-періодическихъ изданій. Всякое сочиненіе объемомъ въ двадцать листовъ и менѣе должно было за пять дней до выпуска въ свѣтъ быть представлено въ управленіе книжнаго вѣдомства. Всякое нарушеніе закона влекло за собой конфискацію изданія и, кромѣ того, денежный штрафъ въ 3.000 франковъ для владѣльца типографіи. Выпускъ части изданія изъ стѣнъ типографіи до истеченія законнаго срока приравнивался печатанію подпольныхъ сочиненій и наказывался штрафомъ въ 3.000 франковъ. Сочиненія, размѣромъ не превышающія пяти листовъ, облагались гербовымъ сборомъ въ 1 франкъ съ перваго листа каждаго экземпляра и по 10 сантимовъ съ слѣдующихъ листовъ.

Ни одно періодическое изданіе не могло выйти въ свѣтъ безъ предварительнаго объявленія имени издателей, ихъ адреса и адреса типографіи. Каждый листъ въ 30 квадратныхъ дециметровъ подлежалъ гербовому сбору въ 10 сантимовъ. Собственники газетъ подлежали отвѣтственности наравнѣ съ типографщиками. На одну газету не могло приходиться больше пяти собственниковъ. Въ случаяхъ личныхъ оскорбленій судебное преслѣдованіе начиналось *ex officio*. Денежный залогъ и штрафъ были сильно повышены, и законъ не жалѣлъ тюрьмы для виновниковъ. И, наконецъ, закону придана была обратная сила, такъ что всякое общество, не соотвѣтствовавшее постановленіямъ этого закона, подлежало распущенію.

Прочитавши этотъ проектъ, Казимиръ Перье резюмировалъ его сущность въ слѣдующей фразѣ: „Типографское дѣло уничтожено во Франціи въ пользу Бельгіи“. Черезъ нѣсколько дней въ *Moniteur*'ѣ появилась статья, защищавшая планы Пейронэ и называвшая этотъ законъ „закономъ справедливости и любви“. Это словечко пошло въ ходъ; равнымъ образомъ повезло выраженію Шатобріана „вандальскій законъ“. Въ первый разъ

между прессой либеральной и органами правой обнаружилось согласіе, и всѣ они повели общую кампанію противъ этого закона, „нарушавшаго всѣ права и сулившаго всеобщее разореніе“. Владѣльцы промышленныхъ предпріятій, которымъ грозила опасность со стороны новаго закона, подавали коллективные протесты. Даже Французская Академія, несмотря на свой ультра-роялистическій характеръ, сочла нужнымъ представить королю ходатайство, составленное Шатобріаномъ, Лакретелемъ и Вильменомъ. Король отказался принять это прошеніе, а министерство вычеркнуло Вильмена изъ списка членовъ комиссіи прошеній, Лакретеля изъ списка драматическихъ цензоровъ, а Мишо лишенъ былъ должности королевскаго чтеца.

Въ палатѣ депутатовъ пренія по поводу закона длились цѣлый мѣсяцъ. Противъ проекта и противъ министровъ съ одинаковой энергіей выступали ораторы крайней правой и лѣвой—Ажье, Лабурдоннэ, Бенжаменъ Констанъ и Ройе-Коларъ. „Не будетъ болѣе ни писателей, ни типографщиковъ, ни газетъ—таковъ предстоящій намъ режимъ печати,—сказалъ Ройе-Коларъ...—По сокровенной мысли авторовъ этого закона, въ день сотворенія міра совершена была неосторожность въ томъ отношеніи, что посреди вселенной человѣкъ созданъ былъ свободнымъ и разумнымъ существомъ; въ этомъ коренится первоисточникъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Но вотъ появляется на свѣтъ Божій высшая мудрость, которая берется исправить промахъ Провидѣнія, ограничить его неосторожныя щедроты и оказать благоразумно оскопленному человѣчеству услугу, выведя его, наконецъ, изъ животнаго состоянія блаженной невинности. Я сожалѣю,—закончилъ онъ свою рѣчь,—я просто-напросто сожалѣю, что внесенъ такой законъ, и выражаю это сожалѣніе изъ уваженія къ человѣчеству, которое имъ унижается, и къ справедливости, которая имъ нарушается“. Законъ, съ значительными поправками, былъ однако принятъ 233 голосами противъ 134.

Составъ комиссіи, выбранной для разсмотрѣнія закона въ палатѣ пэровъ, ясно показывалъ, что законъ будетъ отвергнутъ. Впрочемъ, верхняя палата уже дала доказательство своей независимости, постановивши, согласно заключеніямъ Порталиса и вопреки возраженіямъ аббата Фрейссину, переслать министерству доносъ Монлозье на іезуитовъ. Комиссія для разсмотрѣнія закона о печати превратилась въ слѣдственную комиссію и вызвала для опроса заинтересованныхъ лицъ, журналистовъ, владѣльцевъ типографій и книготорговцевъ. Пока тянулось это слѣдствіе, пэры были глубоко возмущены скандальными происшествіями, которыя вызваны были жестокостью полиціи во время похоронъ герцога Ларошфуко-Ліанкура. Тогда министерство убѣдилось, что оно идетъ навстрѣчу вѣрному пораженію, если удержитъ проектъ, и оно взяло его обратно. Какъ и послѣ отклоненія закона о правѣ первородства, Парижъ и другіе крупные города устроили иллюминацію, и шумныя манифестаціи въ честь палаты пэровъ происходили повсюду.

Распущеніе національной гвардіи.—Эти повторныя неудачи, эти всеобщія манифестаціи должны были бы открыть глаза и королю и Виллелю. Министръ долженъ былъ бы понять, что ему пора уйти по добру по здорову, тѣмъ болѣе, что самъ избирательный корпусъ все болѣе отдалялся отъ министровъ, и что на нѣсколькихъ частичныхъ выборахъ систематически проходили одни только либеральные кандидаты. Въ палатѣ депутатовъ самую рѣзкую оппозицію оказывала уже не лѣвая, а крайняя правая, и люди, составлявшіе „партію отступниковъ“, нѣсколько разъ уже заговаривали о преданіи министерства суду и объ отказѣ

отъ вотированія бюджета. Но Виллель не только не думалъ объ уходѣ въ отставку, а, напротивъ, намѣренъ былъ во что бы то ни стало удержаться у власти, не отступая передъ примѣненіемъ все болѣе рѣшительныхъ средствъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ правительство взяло обратно законопроектъ о печати, 29 апрѣля король производилъ на Марсовомъ полѣ смотръ національной гвардіи. Его встрѣтили бурными привѣтствіями. Но вскорѣ къ крикамъ „Да здравствуетъ король!" примѣшались крики „Да здравствуетъ Хартія!", а когда легіоны проходили церемоніальнымъ маршемъ, направляясь въ свои кварталы, то передъ домомъ министра на улицѣ Риволи раздались крики: „Долой министровъ! Долой Виллеля!" Въ тотъ же вечеръ на концертѣ у герцогини Беррейской Виллель просилъ короля немедленно распустить національную гвардію. Несмотря на усилія герцога Дудовилля, который подалъ въ отставку, аббата Фрейссину, Шаброль-Крузоля и вопреки собственной неохотѣ, король далъ Виллелю право распустить національную гвардію. Это было колоссальной ошибкой, такъ какъ эта мѣра вызвала неудовольствіе всей парижской буржуазіи, которая до того времени была враждебно настроена противъ однихъ только министровъ, но еще предана Карлу X; въ то же время національнымъ гвардейцамъ оставлено было ихъ оружіе, которымъ они воспользовались въ іюлѣ 1830 года для борьбы съ королевской властью.

Отсрочка парламентскихъ засѣданій; коалиція оппозиціонныхъ элементовъ.—При обсужденіи бюджета на 1828 годъ противъ Виллеля, кромѣ обычныхъ его противниковъ изъ крайней правой и лѣвой, выступила новая оппозиція. Нѣкоторые депутаты умѣренной правой отказались вотировать бюджетъ и стали обвинять министра вмѣстѣ съ Готье въ томъ, что онъ волнуетъ общественное мнѣніе, вноситъ раздоры въ среду сторонниковъ порядка, играетъ по непредусмотрительности или по слабости въ руку врагамъ свободы, старается дать удовлетвореніе озлобленію клерикальной партіи и своимъ упорнымъ желаніемъ во что бы то ни стало сохранить власть ставитъ въ опасное положеніе существованіе конституціонной монархіи. Поэтому, какъ только бюджетъ былъ вотированъ обѣими палатами, Виллель поспѣшилъ закрыть парламентскую сессію. Онъ рѣшилъ дать своимъ врагамъ послѣднее сраженіе, измѣнить составъ верхней палаты путемъ назначенія новыхъ пэровъ и распустить палату депутатовъ, надѣясь путемъ энергичнаго давленія на выборы добиться благопріятнаго для себя большинства въ новой палатѣ. Черезъ два дня послѣ закрытія парламентской сессіи простымъ указомъ была возстановлена цензура; ни одинъ номеръ газеты и ни одно періодическое изданіе не могли выйти въ свѣтъ безъ предварительнаго просмотра. Эта мѣра оказалась, впрочемъ, совершенно безполезной и послужила лишь къ тому, что еще больше озлобила противниковъ Виллеля и заставила ихъ тѣснѣе сблизиться. Брошюры ускользали отъ вниманія цензуры, а розничная продажа шла почти совершенно свободно. Образовалось общество для защиты свободы печати. Однимъ изъ самыхъ пылкихъ его иниціаторовъ былъ Шатобріанъ; въ него вошли писатели, принадлежавшіе къ лѣвой и крайней правой, и оно издавало брошюры тѣхъ и другихъ.

Съ другой стороны, такъ какъ всѣ предвидѣли неминуемо предстоящее распущеніе палаты, то составилось другое общество, рѣшившее держаться на строго-легальной почвѣ и поставившее себѣ задачей организовать оппозиціонную партію, дисциплинировать ея усилія и подготовить избирательную кампанію. Это общество называлось *Aide-toi, le ciel t'aidera* (На Бога надѣйся, а самъ не плошай).

Основателями его были сотрудники газеты *Globe*, молодые доктринеры, которые при основаніи своей газеты въ 1826 году поставили себѣ программу — держаться равно далеко отъ всѣхъ крайнихъ партій, составить нѣчто въ родѣ партіи золотой середины и бороться за всеобщую терпимость и свободу. Въ вопросѣ о іезуитахъ и во время разоблаченій Монлозье поведеніе *Globe*'а было замѣчено; онъ защищалъ ту мысль, что свобода мнѣній должна быть неограничена, что ультрамонтанская доктрина имѣетъ такое же право на уваженіе, какъ и всякая другая, и что іезуиты имѣютъ право на свободу преподаванія. Благодаря таланту своихъ сотрудниковъ, Витэ, Жуффруа, Ампера, Дюшателя, Ремюза, Сентъ-Бева и Гизо, газета быстро достигла большого вліянія. Эти самые люди руководили новымъ обществомъ, президентомъ котораго былъ Гизо. Выдвигаемая ими тактика сводилась къ коалиціи всѣхъ оппозиціонныхъ силъ и къ выставленію общихъ избирательныхъ списковъ, въ которые безразлично входили бы кандидаты правой и лѣвой, рѣшившіеся стремиться къ низверженію министерства Виллеля.

Распущеніе палаты. Паденіе Виллеля.— Возвратясь изъ путешествія въ Сентъ-Омерскій лагерь и въ сѣверные департаменты, Карлъ X, составившій себѣ преувеличенное понятіе о своей популярности, благодаря встрѣчавшимъ его привѣтствіямъ, и воображая, что страна готова вынести всѣ его капризы, склонился къ мнѣнію своего министра, назначилъ 6 ноября 76 новыхъ пэровъ, подписалъ указъ о распущеніи палаты и назначилъ новые выборы на 17 и 24 ноября. Цензура была отмѣнена; на эту мѣру, какъ и на побѣду при Наваринѣ, расчитывали въ смыслѣ привлеченія части избирателей на свою сторону.

Но иллюзія эта продолжалась не долго. Въ Парижѣ пять шестыхъ голосовъ высказались за либераловъ. Ройе-Коларъ былъ избранъ въ семи коллегіяхъ; Пейронэ, выставившій свою кандидатуру въ Буржѣ и въ Бордо, провалился въ обоихъ этихъ городахъ. Лѣвая насчитывала 180 депутатовъ; оппозиціонная правая — 70; сторонники министерства располагали не болѣе, какъ 170 голосами. Пораженіе было полное.

Виллелю ничего болѣе не оставалось, какъ выйти въ отставку. Однако, весь декабрь ушелъ на переговоры, имѣвшіе цѣлью позволить Виллелю остаться во главѣ измѣненнаго министерства. Когда всѣ комбинаціи оказались неудачными, то Карлъ X одно время подумалъ было о Полиньякѣ, бывшемъ тогда посланникомъ въ Лондонѣ. Но затѣмъ, по совѣту Шаброля, которому онъ тоже поручилъ было составить кабинетъ, Карлъ X 4 января 1828 года рѣшился довѣрить портфель министра внутреннихъ дѣлъ Мартиньяку. Онъ сдѣлался главой кабинета. Его товарищами были: Лаферронэ—министръ иностранныхъ дѣлъ; Порталисъ—юстиціи; Руа—финансовъ; де-Ко—военный министръ; Шаброль — морской; Сенъ-Крикъ — министръ торговли; въ министерствѣ церковныхъ дѣлъ остался Фрейссину, но у него было отнято народное просвѣщеніе. Виллель, Корбьеръ, Пейронэ и Клермонъ-Тоннэръ были произведены въ пэры.

Министерство Виллеля было министерствомъ непрерывныхъ капитуляцій передъ требованіями крайней правой. Чувствуя всю опасность крайностей этой партіи, Виллель иногда проявлялъ поползновеніе къ сопротивленію, но затѣмъ онъ поддавался и уступалъ, ничего при этомъ не выигрывая въ глазахъ крайнихъ роялистовъ, которые помнили только о его противодѣйствіи. О немъ говорили, что онъ ровно на годъ отставалъ отъ передового авангарда контръ-революціи и по тому, что̀ онъ отвергалъ въ одномъ году, можно было судить о томъ, что̀ онъ будетъ защищать въ слѣдующемъ году.

Такимъ образомъ, онъ оттолкнулъ отъ себя и тѣхъ, кого пугали новые законы, и тѣхъ, кто навязалъ ему эти законы. Онъ не правилъ, а давалъ себя водить, упираясь. Политическимъ результатомъ его пребыванія у власти была всеобщая смута въ странѣ, раздѣлившейся на враждебныя партіи, разнузданіе религіозныхъ страстей и паденіе самого короля въ общественномъ мнѣніи. Во всякомъ случаѣ, ему слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ отношеніи, что его финансовая политика была замѣчательна: онъ старался повсюду ввести порядокъ и экономію, и подъ его управленіемъ матеріальное благосостояніе Франціи поразительно развилось; наконецъ, въ сношеніяхъ съ иностранными государствами онъ всегда умѣлъ говорить рѣшительнымъ тономъ, приличествующимъ достоинству великаго народа[1]).

---

1) Библіографію см. ниже, въ главѣ VI.

Глава IV.

Юго-Восточная Европа.

(1814—1821.)

I. Разложеніе Турецкой имперіи.

Общее состояніе Турецкой имперіи.—Ко времени Вѣнскаго конгресса Турецкой имперіи угрожало полное разрушеніе. Отъ реформъ Селима [1]) не осталось почти никакихъ слѣдовъ, а Махмудъ, сожалѣвшій объ ихъ неудачѣ, не рѣшался еще открыто взять на себя продолженіе реформаторской политики. Янычары попрежнему господствовали въ Константинополѣ. Въ администраціи, за которой не выходившій изъ сераля султанъ близко слѣдить не могъ, замѣчалось все большее разложеніе. Алжирія и Тунисъ находились въ чисто номинальной зависимости отъ Порты, а Европа не признавала вассальныхъ узъ, связывавшихъ эти провинціи съ Турецкой имперіей. Багдадскій пашалыкъ фактически былъ почти совершенно самостоятельнымъ государствомъ. Въ Аравіи вагабиты продолжали оказывать упорное сопротивленіе войскамъ Мехмета-Али. Послѣдній, отдѣлавшись отъ мамелюковъ, правилъ Египтомъ почти на правахъ независимаго государя. Въ Малой Азіи Ускатскій паша, Чапванъ-Оглу, отвоевалъ себѣ нѣчто въ родѣ королевства, откуда султанъ никакъ не могъ его выбить; во внутреннихъ областяхъ шли вѣчные раздоры между деребегами; а на прибрежьѣ господствовала всесильная олигархія Кара-Османъ-Оглу. Что касается европейскихъ владѣній Турціи, то если Болгарія со времени смерти Пасвана-Оглу была почти замирена, то Боснія, гдѣ беги отличались непокорствомъ, постоянно волновалась. Въ Албаніи власть Али Тепеленскаго не была еще подорвана.

Христіанское населеніе, ободренное первыми успѣхами, стремилось къ своему полному освобожденію. Сербы, подъ предводительствомъ Милоша, вырвали у султана цѣлый рядъ уступокъ, сдѣлавшихъ ихъ почти независимымъ народомъ. Черногорцы, которые на своей небольшой территоріи фактически пользовались независимостью, помышляли о расширеніи своихъ владѣній. Привилегіи Молдавіи и

[1]) Селимъ III (1789—1808) пытался ввести въ Турціи реформы, а въ особенности добиться реорганизаціи военныхъ силъ имперіи. Онъ пригласилъ французскихъ инструкторовъ, основалъ военныя школы и пытался сформировать регулярную армію, въ которую хотѣлъ привлечь самыхъ здоровыхъ янычаръ и молодыхъ людей отъ 20 до 25-лѣтняго возраста. Эти реформы вызвали рядъ бунтовъ, и самъ Селимъ былъ убитъ въ 1808 году янычарами, послѣ чего султаномъ былъ провозглашенъ Махмудъ.

Валахіи Бухарестскимъ трактатомъ были не только подтверждены, но даже расширены, и, тѣмъ не менѣе, населеніе этихъ княжествъ не считало себя удовлетвореннымъ. Наконецъ, пробуждался греческій народъ, и это пробужденіе проявлялось какъ въ мирной пропагандѣ школьныхъ учителей и журналистовъ, такъ и въ военныхъ приготовленіяхъ. Если составившееся въ 1814 году въ Аѳинахъ общество „Филомузовъ" скрывало свои политическія стремленія подъ оболочкой чисто литературной программы, то иначе обстояло дѣло съ „Дружественной Гетеріей" (Ἑταιρία φιλική); это было тайное общество, возникшее приблизительно около того же времени и ставившее своимъ членамъ задачей „военное объединеніе" не только всѣхъ грековъ, но даже „всѣхъ христіанъ Турецкой имперіи для торжества креста надъ полумѣсяцемъ".

Александръ I и русская политика на Востокѣ.—Эти стремленія открыто поддерживались русскимъ правительствомъ; государь, пользовавшійся преобладающимъ вліяніемъ въ Европѣ, твердо намѣренъ былъ ускорить паденіе Турецкой имперіи и добиться окончательнаго ея разрушенія. Александръ I въ 1812 году прекратилъ свои удачныя военныя дѣйствія противъ Махмуда лишь для того, чтобы обратиться со всѣми силами противъ Наполеона. А когда господство французовъ было сломлено и на Западѣ былъ возстановленъ миръ, тогда онъ снова вернулся къ „турецкому" плану Екатерины II. Россія, благодаря Крымскому полуострову, господствовала на Черномъ морѣ; на югѣ она владѣла Кавказомъ и могла напасть на Малую Азію съ тыла; она держала въ своихъ рукахъ устья Дуная; признанное за ней право протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей доставляло ей все новые предлоги для вмѣшательства въ турецкія дѣла. Толкованіе, которое она давала Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, побуждало ее выдвигать все большія требованія и выступать въ качествѣ посредника между турками и массой ихъ христіанскихъ подданныхъ. Александръ вѣрилъ, что миссія его заключается въ охранѣ турецкихъ христіанъ, а въ крайнемъ случаѣ—въ ихъ освобожденіи изъ-подъ турецкаго ига. Какимъ путемъ будетъ разрѣшенъ восточный вопросъ въ томъ видѣ, какъ онъ представлялся ему, этого онъ самъ не зналъ, но онъ твердо рѣшился воспользоваться благопріятнымъ случаемъ или вызвать такія обстоятельства, которыя позволили бы ему осуществить свои планы, а съ 1815 года онъ началъ проявлять къ турецкимъ дѣламъ такой настойчивый и многозначительный интересъ, что Порта и заинтересованныя въ ея защитѣ державы заволновались. Благосклонное вниманіе, которое онъ оказывалъ вождямъ эллинской пропаганды, бросалось въ глаза. Фанаріотскіе князья были осыпаны его милостями. Бывшій валахскій господарь, Константинъ Ипсиланти, бѣжалъ въ Россію (онъ умеръ тамъ въ 1816 году). Два сына его, Александръ и Димитрій, которые должны были въ 1821 году подать сигналъ къ греческому возстанію, были адъютантами русскаго императора. Уроженецъ Корфу, Каподистрія, такой же фанатикъ греческой свободы, одно время былъ его излюбленнымъ министромъ. Царь не воспрепятствовалъ этому государственному дѣятелю принять предсѣдательство въ обществѣ Филомузовъ. Болѣе того, онъ дозволилъ Гетеріи учредить свое центральное управленіе на русской территоріи, и на глазахъ снисходительной русской полиціи грекъ Скуфасъ, основатель этого сообщества, посылалъ изъ Одессы распоряженія своимъ главнымъ помощникамъ.

Восточный вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ.—Среди державъ, которыхъ безпокоила восточная политика петербургскаго кабинета, Австрія и Англія давно уже занимали первое мѣсто. Если бы это

зависѣло только отъ князя Меттерниха, то Вѣнскій конгрессъ не разошелся бы безъ того, чтобы посредствомъ обще-европейскаго соглашенія торжественно гарантировать существованіе и неприкосновенность Оттоманской имперіи. Британское правительство поддерживало усилія Меттерниха и предлагало Портѣ свое покровительство. Но Порта сама ставила препоны этой политикѣ: она опасалась, чтобы европейская гарантія не уменьшила ея авторитета и не нарушила ея политической самостоятельности; мысль объ англійскомъ посредничествѣ, въ которомъ она усматривала скрытый протекторатъ, пугала ее. Кромѣ того, въ виду возраженій Россіи, вопросъ этотъ офиціально не могъ быть поставленъ на конгрессѣ. Царь всегда устранялъ его предварительнымъ вопросомъ. Онъ требовалъ, чтобы одновременно съ гарантіей, предоставляемой султану относительно его владѣній, державы гарантировали также испанскому королю обладаніе его колоніями, прекрасно понимая, что Англія ни въ коемъ случаѣ не согласится съ подобнымъ предложеніемъ. Онъ позволилъ Каподистріи вести пропаганду въ пользу греческаго дѣла и принялъ отъ Александра Стурдзы записку, составленную въ благопріятномъ для греческой націи духѣ, грекамъ же онъ дружески рекомендовалъ „потерпѣть". Онъ принялъ также прошеніе отъ суліотовъ, которые обращались къ нему, какъ къ „отцу греческаго народа". Однимъ словомъ, Австрія и Англія ничего не могли ему сдѣлать. Къ концу конгресса (іюнь 1815 года) Наполеонъ на время снова овладѣлъ французскимъ престоломъ, и державы находили тогда ссору съ Россіей несвоевременной. Интересы грековъ не были приняты во вниманіе дипломатами; но та же участь постигла и турокъ. Заключительный Актъ Вѣнскаго конгресса былъ составленъ такъ, какъ будто Турецкой имперіи вовсе не было на свѣтѣ. Европа отложила рѣшеніе восточнаго вопроса на послѣдующее время и думала пока-что выпутаться изъ затруднительнаго положенія молчаніемъ.

Новыя угрозы со стороны Россіи.—Безсиліе конгресса придало духа Александру. Послѣ пораженія Наполеона при Ватерлоо этотъ монархъ задумалъ пресловутый трактатъ Священнаго Союза (26 сентября 1815 г.), который подъ оболочкой мистической и туманной фразеологіи плохо скрывалъ полную угрозъ заднюю мысль относительно Турецкой имперіи. Развѣ за симпатіей, съ которой онъ въ этомъ странномъ документѣ говорилъ о „христіанской націи" и о солидарности, существующей между всѣми ея членами, не скрывалась смутная мечта о крестовомъ походѣ противъ турокъ или, по меньшей мѣрѣ, намѣреніе этими самыми заявленіями поставить оттоманскій міръ внѣ общаго публичнаго права? Именно такъ склонны были думать Австрія и Англія. Порта, съ своей стороны, не могла скрыть своихъ опасеній, когда русскій императоръ опубликовалъ этотъ договоръ (въ февралѣ 1816 г.). Она потребовала объясненій у вѣнскаго и лондонскаго дворовъ, которые могли успокоить ее лишь наполовину. Она потребовала также объясненій у царя; но мирныя увѣренія, которыя она получила отъ него, не обманывали ея насчетъ грозившей ей опасности.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ могла Турція повѣрить, что Александръ не питаетъ по отношенію къ ней никакихъ зложелательныхъ умысловъ, когда онъ, подъ предлогомъ обузданія морскихъ разбоевъ варварійскихъ пиратовъ, предложилъ (въ декабрѣ 1816 г.) всѣмъ европейскимъ государствамъ принять сообща мѣры не только къ тому, чтобы наказать мусульманскихъ корсаровъ, но также, чтобы разрушить *всѣ естественные и искусственные источники ихъ силы?* Изъ этого предложенія ясно обнаруживался его планъ, сводившійся къ оккупаціи нѣко-

торыхъ пунктовъ, господствовавшихъ надъ Средиземнымъ моремъ. Въ мартѣ 1817 года сдѣлалось извѣстно, что ему удалось путемъ тайныхъ переговоровъ добиться отъ Испаніи обѣщанія уступить ему Портъ-Магонъ. Съ другой стороны, ему очень хотѣлось бы провести свой военный флотъ черезъ Босфоръ и Дарданельскій проливъ. Но Англія, Австрія и даже Пруссія проявили такое недовольство, что, не желая рисковать расторженіемъ Священнаго Союза, онъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ проектовъ. Правительство Великобританіи явно выступило въ роли защитника Турціи на Средиземномъ морѣ. Благодаря содѣйствію Австріи, ему (трактатомъ 5 ноября 1814 года) уже удалось добиться протектората надъ Іоническими островами, который Россіи очень хотѣлось бы отнять въ свою пользу. Правда, ему нѣсколько трудно было получить согласіе Порты на этотъ трактатъ. Но въ концѣ-концовъ Махмудъ, по совѣту вѣнскаго двора, смирился и призналъ законнымъ водвореніе англичанъ на Корфу, такъ какъ онъ не могъ не понимать, что это сосѣдство очень выгодно для Турціи (1817 г.) [1]. Такимъ образомъ, Іоническіе острова превратились въ британскій форпостъ, съ котораго англичане, слѣдя за русскими происками, наблюдая и сдерживая Грецію, могли въ нѣсколько дней перенестись на берега Дарданеллъ и къ Константинополю.

Итакъ, со стороны моря у царя были связаны руки. Но на сушѣ онъ могъ свободно производить свои угрожающія демонстраціи. Въ то время какъ остальныя державы, насколько возможно, сокращали контингентъ своихъ армій, Александръ въ концѣ 1816 года держалъ еще подъ ружьемъ шестьсотъ сорокъ тысячъ солдатъ, готовыхъ двинуться въ походъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не только отказывался выполнить тѣ пункты Бухарестскаго договора, которые были для него невыгодны, а именно—эвакуировать нѣкоторыя крѣпости, незаконно имъ удерживаемыя съ 1812 года на берегахъ Чернаго моря, но даже жаловался на то, что Порта не выполнила всѣхъ взятыхъ на себя обязательствъ, говорилъ о военной дорогѣ, посуленной ему въ южной части Кавказа, и требовалъ для сербовъ всѣхъ обѣщанныхъ имъ вольностей. Русскій посланникъ въ Константинополѣ Строгановъ началъ новые переговоры по поводу различныхъ спорныхъ пунктовъ и при этомъ преднамѣренно велъ себя столь высокомѣрно по отношенію къ Дивану, что врядъ ли его поведеніе способно было содѣйствовать улаженію разногласій. Махмуда не легко было запугать требовательнымъ тономъ. И такимъ образомъ, спорящія стороны никакъ не могли столковаться. Въ 1820 году переговоры ни на шагъ не подвинулись впередъ. Ни одна изъ двухъ сторонъ не хотѣла уступить или взять на себя отвѣтственность за полный разрывъ. Въ ожиданіи удобнаго момента для открытія рѣшительныхъ дѣйствій, царь нарочно оставлялъ споръ съ своимъ противникомъ безъ окончательнаго рѣшенія.

Гетерія; успѣхи ея съ 1814 по 1820 годъ.—Замѣшательства турецкаго правительства усиливались также, благодаря успѣхамъ и растущей смѣлости Гетеріи. Александръ дѣлалъ видъ, что не знаетъ о существованіи этого общества, которое между тѣмъ имѣло членовъ даже въ средѣ приближенныхъ русскаго царя. Но на самомъ дѣлѣ онъ прекрасно зналъ о немъ и покровительствовалъ ему настолько, что въ концѣ 1816 года Скуфасъ безъ всякой помѣхи могъ избрать Москву мѣстомъ своихъ операцій. Въ это

[1]) Въ обмѣнъ за это онъ добился возвращенія ему нѣсколькихъ пунктовъ по Эпирскому и Албанскому побережью (Парга, Бутринто и т. д.), которые нѣкогда принадлежали венеціанцамъ и впослѣдствіи были отняты англичанами у Наполеона.

же время великій сербскій изгнанникъ Кара-Георгій находился въ Санктъ-Петербургѣ. Оказанныя ему тамъ почести и встрѣченная имъ поддержка не мало содѣйствовали его сближенію съ Гетеріей, которая въ скорости доставила ему возможность возвратиться въ отечество. Но какъ только онъ явился въ Сербію, то соперникъ его Милошъ, не желавшій уступить ему свое мѣсто, не остановился передъ преступленіемъ, лишь бы отъ него отдѣлаться. Кара-Георгій былъ убитъ Воницей, давшимъ ему пріютъ (іюнь 1817 г.), а голова его въ видѣ трофея отправлена была въ Константинополь.

Это несчастное начало ничуть не обезкуражило членовъ Гетеріи. Спустя нѣкоторое время они попытались склонить на свою сторону самого Милоша. Но этотъ эгоистическій и осторожный воевода весьма холодно отнесся къ ихъ предложеніямъ (1817—1818). Общество продолжало тѣмъ не менѣе расти. Въ 1818 году оно осмѣлилось перенести свое главное мѣстопребываніе въ Константинополь, гдѣ ему удавалось ускользать отъ бдительности турецкой полиціи, благодаря соучастію фанаріотовъ и всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ грековъ, жившихъ въ этой столицѣ. По смерти Скуфаса (декабрь 1818 г.) во главѣ общества поставленъ былъ комитетъ изъ восьми человѣкъ, изъ коихъ только одинъ жилъ въ Константинополѣ, а остальные разъѣхались по другимъ турецкимъ городамъ и заграницу, чтобы тамъ создать вокругъ себя новые очаги пропаганды. Одинъ изъ нихъ былъ отправленъ въ Петербургъ, а другой въ Бухарестъ (1819). Съ этого момента Гетерія начала дѣятельную работу въ Молдавіи и Валахіи, и вскорѣ ей удалось пріобрѣсти важныхъ сторонниковъ даже среди приближенныхъ обоихъ господарей. Но съ особымъ успѣхомъ она распространяла революціонныя идеи среди греческаго населенія. Перребосъ, Анагностарасъ, Фармакисъ и множество другихъ эмиссаровъ разъѣхались отъ ея имени по островамъ, по континентальной Греціи и особенно по Мореѣ, съ цѣлью заблаговременно подготовить христіанско-національное возстаніе, которое, какъ они утверждали, непремѣнно будетъ поддержано русскимъ императоромъ. Клефты и арматолы тайно обѣщали свое содѣйствіе. Теодоръ Колокотронисъ, жившій изгнанникомъ въ Корфу, возвѣстилъ о своемъ предстоящемъ возвращеніи. Приматы и священники массами вступали въ ряды общества. Могущественный бегъ Майны, Петръ Мавромихалисъ, безъ труда былъ привлеченъ къ дѣлу инсуррекціи. Съ другой стороны, отъ различныхъ областей Греціи были посланы агенты въ Петербургъ, для того чтобы сообщить русскому правительству о состояніи умовъ и разузнать, на какую помощь съ его стороны могутъ разсчитывать греческіе патріоты.

Въ это время, правда, настроеніе царя и политическіе его планы были не совсѣмъ такими, какъ въ 1815 году. Александръ теперь чувствовалъ меньше симпатіи къ свободѣ, чѣмъ прежде; но зато онъ гораздо больше страшился революціи. Въ этомъ сказывалось вліяніе Меттерниха и реакціонной политики, проявившееся на Аахенскомъ конгрессѣ (ноябрь 1818 г.). А позже либеральная агитація въ Германіи (1819), возстанія въ Испаніи, Португаліи и Италіи (1820) произвели на его всегда неуравновѣшенную душу такое сильное впечатлѣніе, что онъ, не переставая желать освобожденія христіанъ отъ турецкаго ига, не смѣлъ уже подстрекать ихъ къ освободительной борьбѣ. Теперь онъ рекомендовалъ грекамъ терпѣніе. Ясно было, что онъ боится показаться измѣнникомъ монархическому дѣлу. Но, съ другой стороны, можно было понять, что, несмотря ни на что, онъ остался непримиримымъ врагомъ турокъ. Его непостоянство и слабость были извѣстны всѣмъ. И заго-

ворщики надѣялись снова вовлечь его въ крестовый походъ противъ турокъ. Впрочемъ, если революціонныя вспышки въ Испаніи и Италіи охлаждали Александра, то онѣ наоборотъ разжигали гетеристовъ до бѣлаго каленія. Примѣръ этотъ имъ казался заслуживающимъ подражанія; и, безъ того сгорая нетерпѣніемъ взяться за оружіе, они не могли больше сдерживаться, когда султанъ Махмудъ, вызвавши новую внутреннюю войну, самъ увеличилъ затрудненія, въ которыхъ онъ находился уже давно.

Махмудъ и Али-паша.—Этотъ государь, желавшій поднять свой престижъ, упавшій во всѣхъ областяхъ имперіи, успѣлъ за послѣдніе годы одержать надъ пашами нѣсколько незначительныхъ побѣдъ, которыя придали ему преувеличенную смѣлость. Въ Малой Азіи онъ разрушилъ власть деребеговъ, рода Чапванъ-Оглу и Кара-Османъ-Оглу. Вагабиты были побѣждены (1818). Боснія была почти замирена. Теперь падишахъ мечталъ о ниспроверженіи египетскаго и янинскаго пашей. Такъ какъ въ данный моментъ онъ не могъ добраться до перваго, то онъ счелъ удобнымъ приняться за второго, ненавидимаго христіанскимъ населеніемъ и встрѣчавшаго подрывъ въ собственномъ своемъ сынѣ, Вели, который вытѣснилъ его изъ Ѳессалійскаго пашалыка. Дерзость этого непокорнаго подданнаго, который хотѣлъ умертвить одного изъ своихъ враговъ въ самомъ центрѣ столицы, доставила султану предлогъ провозгласить его бунтовщикомъ и объявить его внѣ закона (апрѣль 1820 года). Но гораздо проще было осудить Али, чѣмъ привести приговоръ въ исполненіе. Пришлось выслать противъ него двѣ арміи, которымъ съ большимъ трудомъ удалось блокировать его въ Янинѣ. Въ декабрѣ ихъ нужно было усилить, а вскорѣ прислать для принятія надъ ними команды лучшаго турецкаго генерала, Куршидапашу, который нѣкогда побѣдилъ Кара-Георгія и который затѣмъ былъ губернаторомъ въ Пелопоннесѣ. Куршидъ принужденъ былъ оставить эту провинцію, гдѣ готовая вспыхнуть революція облегчалась его отсутствіемъ, и отправиться въ Эпиръ, гдѣ въ теченіе долгаго времени онъ не могъ добиться никакихъ серьезныхъ успѣховъ. Али Тепеленскій пытался вступить въ переговоры, но въ концѣ-концовъ, убѣдившись, что ему не добиться своего помилованія, призвалъ на помощь христіанъ, возвратилъ суліотамъ ихъ крѣпости и кинулся въ объятія Гетеріи. Ѳессалійскіе, акарнанскіе и эпирскіе арматолы и клефты, понимавшіе, что для нихъ очень выгодно принять его сторону, преодолѣли свою старую ненависть къ Али и выступили на его защиту. Вся Греція трепетала отъ волненія, и слова Меттерниха: „Берегитесь! это начало широкаго революціоннаго движенія“,—получили свое оправданіе.

Гетерія подъ руководствомъ Ипсиланти.—Гетерія рѣшила не откладывать дольше вооруженнаго возстанія. Такъ какъ заговорщики нуждались въ военномъ руководителѣ, то они отправились искать его въ Россіи, и въ апрѣлѣ 1820 года князь Александръ Ипсиланти принялъ предложенное ему главное командованіе. Это былъ не совсѣмъ удачный выборъ. Вождь этотъ носилъ дорогое для грековъ имя; но, давно уже состоя на русской службѣ, онъ очень плохо зналъ народъ, который онъ собирался призвать къ возстанію. Онъ былъ увѣренъ, что достаточно ему подать сигналъ къ открытію военныхъ дѣйствій, для того чтобы увлечь императора Александра, содѣйствіе котораго казалось ему необходимымъ для успѣха задуманнаго предпріятія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшительный и взбалмошный, онъ хорошенько не зналъ, будетъ ли онъ дѣйствовать въ интересахъ грековъ, царя или въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Прежде всего, онъ въ продолженіе нѣ-

скольких мѣсяцевъ не могъ опредѣленно остановиться на какомъ-нибудь планѣ кампаніи. Только въ іюлѣ 1820 года онъ покинулъ Петербургъ, чтобы оттуда отправиться сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Одессу. Въ октябрѣ и ноябрѣ онъ не рѣшилъ еще, слѣдуетъ ли сразу кинуться въ Грецію или избрать операціоннымъ базисомъ румынскія княжества. Самые благоразумные друзья его убѣждали, что наилучшей почвой для него будетъ Пелопоннесъ, гдѣ вокругъ него соберется все населеніе; что въ Молдавіи и Валахіи греческое происхожденіе повредитъ ему въ глазахъ бояръ, издавна притѣсняемыхъ фанаріотами; что румынскіе крестьяне, мало проникнутые еще идеями свободы и полные недовѣрія къ грекамъ, не обратятъ вниманія на его призывы къ оружію; наконецъ, что помощь сербовъ, безъ которой онъ не сможетъ обойтись, совершенно невѣроятна, такъ какъ этотъ народъ относится съ ревнивымъ чувствомъ и къ грекамъ, и къ румынамъ и почти совершенно удовлетворенъ тѣми вольностями, которыя предоставлены ему Портой.

Несмотря на всѣ эти предостереженія, Ипсиланти въ концѣ-концовъ рѣшился начать свое вторженіе съ Дунайскихъ княжествъ, гдѣ войска царя могли бы быстро придти къ нему на помощь и гдѣ онъ, быть можетъ, надѣялся раздобыть себѣ королевство. Но онъ потратилъ еще нѣсколько недѣль на приготовленія и совѣщанія. Онъ велъ продолжительные переговоры съ Милошемъ сербскимъ, который держался осторожной тактики и въ концѣ-концовъ не далъ никакихъ опредѣленныхъ обѣщаній. Съ другой стороны, онъ съ дѣтской наивностью подготовлялъ возстаніе, которое должно было разразиться въ центрѣ Константинополя и, какъ онъ думалъ, отдать въ его руки самого султана вмѣстѣ съ его столицей.

Теодоръ Владимиреско.—Наступилъ февраль 1821 года. Проекты Ипсиланти начали получать огласку, и съ каждымъ днемъ оставалось все меньше надежды на ихъ осуществленіе. Его проволочкамъ былъ положенъ конецъ только тогда, когда валахскій господарь Александръ Сутцо неожиданно скончался и когда воспользовавшійся этимъ случайнымъ событіемъ счастливый солдатъ Теодоръ Владимиреско на свой страхъ подалъ румынскому населенію сигналъ къ возстанію. Этого агитатора подстрекали нѣкоторые гетеристы, разсчитывавшіе сдѣлать его орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей. Но самъ онъ, несомнѣнно, хотѣлъ работать только для себя. Во всякомъ случаѣ, онъ не намѣренъ былъ дѣйствовать въ интересахъ фанаріотовъ вообще и Ипсиланти въ частности. Онъ заявлялъ, что борется исключительно во имя румынской націи и что онъ взялся за оружіе не столько для того, чтобы способствовать греческому вліянію, сколько для того, чтобы ослабить его. Вскорѣ вся Малая Валахія очутилась въ его рукахъ, а въ концѣ марта онъ овладѣлъ Бухарестомъ.

Ипсиланти въ Румыніи (1821).—Получивши извѣстіе объ этихъ событіяхъ, князь Ипсиланти рѣшилъ приступить къ дѣйствіямъ. Въ началѣ марта онъ перешелъ Прутъ вмѣстѣ съ двумя своими братьями, съ княземъ Георгіемъ Кантакузеномъ и восьмью стами кавалеристовъ. Въ прокламаціи, обращенной къ дакамъ, онъ, стараясь не испугать ихъ, заявилъ, что онъ только пройдетъ черезъ ихъ страну, направляясь въ Грецію, но прибавилъ, что *если нѣсколько отчаянныхъ турокъ осмѣлятся попрать ногами ихъ землю, то эта дерзость будетъ наказана одной великой державой*. Въ Яссахъ молдавскій господарь Михаилъ Сутцо высказался въ его пользу. Вскорѣ послѣ того онъ обратился къ греческой націи съ напыщенной прокламаціей, гдѣ, кромѣ напоминаній о славныхъ дѣяніяхъ древности, онъ приглашалъ ихъ послѣдовать

Ф. В. Э. Делакруа.

Рѣзня на Хіосѣ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

примѣру современныхъ народовъ, которые въ это самое время боролись за свои права и свои вольности. 25 марта онъ снова обратился съ воззваніемъ къ румынской націи и на этотъ разъ открыто приглашалъ ее присоединиться къ нему. 7 апрѣля онъ прибылъ, наконецъ, въ Колентину, недалеко отъ Бухареста. Но на этомъ и закончились его успѣхи.

Отрядъ его возросъ самое большее на 4—5.000 человѣкъ. Румыны остались совершенно спокойны. Владимиреско, который имѣлъ съ нимъ свиданіе, выказалъ полную холодность и сохранилъ свою самостоятельность. Но что погубило Ипсиланти, такъ это, главнымъ образомъ, неодобреніе, высказанное его дерзкой попыткѣ русскимъ правительствомъ. Императоръ Александръ находился на Лайбахскомъ конгрессѣ, когда получилъ письма, въ которыхъ глава Гетеріи извѣщалъ его о своемъ вступленіи въ Дунайскія княжества и просилъ его поддержки. Онъ только что узналъ о военномъ бунтѣ въ Пьемонтѣ и, подъ вліяніемъ Меттерниха, упрекавшаго его въ мирволеніи революціонному движенію, онъ счелъ нужнымъ отречься отъ всякой солидарности съ тайнымъ обществомъ, которое сильно походило на общество карбонаріевъ и которое, подобно этому послѣднему, сѣяло мятежи среди народовъ.

Правда, если офиціально фанаріотскому князю высказано было неодобреніе, то въ то же время онъ получилъ отъ Каподистріи и Нессельроде конфиденціальныя сообщенія, изъ коихъ явствовало, что царь вовсе не такъ уже сердится, какъ старается это показать. Ему оставалось или продолжать свой походъ и смѣло ринуться среди грековъ, которыхъ онъ призвалъ къ оружію, или же открыто и немедленно отказаться отъ своего предпріятія. Онъ не сумѣлъ сдѣлать ни того, ни другого. Отступивши на Тырговиштъ, съ цѣлью приблизиться къ австрійской границѣ, черезъ которую онъ думалъ тогда бѣжать, онъ потерялъ еще нѣсколько недѣль, а между тѣмъ виддинскій, силистрійскій и браиловскій паши наводнили княжества своими войсками. Подозрѣвая измѣну со стороны Владимиреско, движенія котораго въ его тылу казались ему подозрительными, онъ приказалъ его схватить и казнить безъ суда (4 іюня). Этотъ насильственный поступокъ окончательно возстановилъ румынъ противъ Ипсиланти. Многіе сторонники, упрекавшіе его въ томъ, что онъ обманулъ ихъ, посуливши помощь русскаго царя, покинули его; а нѣкоторые перешли даже на сторону турокъ. Наконецъ, послѣ битвы съ виддинскимъ пашой при Драгашанѣ (19 іюня) онъ покинулъ свое войско (27 іюня) и перешелъ на трансильванскую территорію; австрійское правительство посадило его въ тюрьму [1]. Кантакузенъ также бѣжалъ въ Бессарабію. Остатки отряда разсѣялись или были перебиты турками. Для Дунайскихъ же княжествъ осязательнымъ результатомъ Ипсилантьевской авантюры было новое опустошеніе ихъ турецкими войсками.

II.—Война за греческую независимость (1821—1829).

Греческое возстаніе.—Если румынская нація осталась глуха къ призывамъ Ипсиланти, то иначе обстояло дѣло съ греками, которые давно уже ждали лишь сигнала къ возстанію. Съ первыхъ же дней апрѣля революціонное движеніе съ быстротой порохового взрыва охватило все греческое населеніе. Не приходилось даже устанавливать соглашенія между отдѣльными провинціями или городами. Каждый кантонъ вооружался самостоятельно во имя отчизны и религіи, не задаваясь вопросомъ, найдетъ ли его

[1] Онъ вышелъ оттуда только въ 1827 г. и въ скорости послѣ того умеръ.

примѣръ подражаніе. Не отказываясь отъ разбоя, клефты повсюду, на сушѣ и на морѣ, дрались, какъ львы, и выказали истинныя гражданскія доблести. Благодаря растерянности и безсилію турокъ, всѣ войска которыхъ были заняты въ Албаніи или въ Румыніи, инсургенты въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлались господами почти всей Греціи. Успѣхи ихъ были невелики въ Ѳессаліи и Македоніи, гдѣ Куршидъ и его помощники въ состояніи были дать имъ надлежащій отпоръ, но зато возстаніе побѣдоносно распространилось въ Пелопоннесѣ, гдѣ въ руки инсургентовъ попали (августъ—октябрь) Наваринъ, Монемвазія, Триполица; въ то же время повстанцы, благодаря Миссолунги, Салонѣ и Ѳивамъ, сильно укрѣпились въ континентальныхъ провинціяхъ; волненіе начало охватывать и Эвбею, а около двухсотъ кораблей, вооруженныхъ купцами Гидры, Специи и Псары, направлялись черезъ острова Архипелага, готовые водрузить знамя независимости даже на берегахъ Малой Азіи.

Но несмотря на всѣ эти успѣхи, дѣло греческой свободы далеко еще не было выиграно. Эта нація, которая такъ громко требовала признанія своихъ правъ, лишена была организаціи и руководства. Прежде всего ей нужны были законъ и правительство. Князь Димитрій Ипсиланти прибылъ, правда, въ іюнѣ, чтобы принять командованіе отъ имени своего брата, а такъ какъ въ то время послѣдняго считали еще побѣдителемъ, то вожаки морейскихъ бандъ въ теченіе нѣкотораго времени признавали его власть. Но когда имѣвшія мѣсто въ Румыніи событія сдѣлались извѣстны, то власть эта стала чисто номинальной. Притомъ, греки вовсе и не намѣрены были подчиняться Россіи, интересамъ которой явно служилъ вождь Гетеріи. Прежде всего они хотѣли быть независимыми; эту-то независимость Греціи и провозгласило передъ лицомъ всей Европы національное собраніе, съѣхавшееся въ Эпидаврѣ 1 января 1822 года и въ скорости выработавшее временную конституцію. Эта конституція провозгласила національный суверенитетъ, равенство гражданъ передъ закономъ и свободу вѣроисповѣданій; она установила сенатъ, состоящій изъ выбранныхъ на одинъ годъ депутатовъ, и исполнительный совѣтъ изъ пяти членовъ, выбираемыхъ также на годъ этимъ собраніемъ изъ лицъ, въ него не входящихъ. Исполнительный совѣтъ назначалъ министровъ, отвѣтственныхъ передъ сенатомъ. Сначала предсѣдательство въ этомъ правительствѣ было предоставлено князю Александру Маврокордато, просвѣщенному дипломату и либералу, симпатіи котораго склонялись скорѣе къ западнымъ державамъ (особенно, къ Англіи), чѣмъ къ петербургскому кабинету.

Организація Греціи едва успѣла намѣтиться въ самыхъ общихъ чертахъ, какъ колоссальное усиліе Турціи чуть было не разрушило это непрочное зданіе. При извѣстіи о вторженіи гетеристовъ въ Дунайскія княжества, а особенно при извѣстіи о греческой революціи, мусульманскій фанатизмъ вспыхнулъ во всей имперіи яркимъ пламенемъ. Константинопольскій патріархъ былъ повѣшенъ во всемъ своемъ торжественномъ облаченіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ было умерщвлено восемьдесятъ епископовъ или архимандритовъ. Христіанскія церкви подвергались разграбленію или разрушенію. Тысячи христіанъ погибли насильственной смертью. Ужасныя избіенія имѣли мѣсто въ 1821 году на островѣ Кипрѣ, на островѣ Критѣ, въ Кидоніи и во многихъ другихъ пунктахъ. Въ апрѣлѣ 1822 года капитанъ-паша Кара-Али прибылъ съ флотомъ, чтобы снова подчинить турецкому игу островъ Хіосъ, который недавно объявилъ себя за Грецію. Этотъ веселый и цвѣтущій уголокъ былъ залитъ кровью. Двадцать три тысячи жителей острова были вырѣзаны, а сорокъ семь тысячъ проданы

въ рабство. Въ то же время Куршидъ-паша, вступившій, наконецъ, въ Янину и пославшій Махмуду голову Тепеленскаго Али, обратилъ всѣ свои силы противъ греческихъ инсургентовъ. Ѳессалія, Беотія и Аттика были преданы огню и мечу. Западная Греція была опустошена; Маврокордато, разбитый при Петѣ (16 іюля), отступилъ вмѣстѣ съ суліотомъ Маркомъ Боцарисомъ до города Миссолунги, гдѣ вскорѣ и былъ осажденъ. Наконецъ, тридцать тысячъ турокъ, подъ предводительствомъ Драмали, угрожали Пелопоннесу ужаснымъ разрушеніемъ. Казалось, что Греція окончательно погибла; но ея героизмъ и неспособность ея враговъ спасли ее. Всѣ силы Мореи собрались вокругъ Колокотрониса; неутомимый паликаръ тревожилъ пашу неожиданными нападеніями, создалъ вокругъ него пустоту, отрѣзалъ ему подвозъ продовольствія, блокировалъ его, — и въ нѣсколько мѣсяцевъ турецкая армія растаяла и исчезла. Въ январѣ 1823 года Навплія, Коринѳъ и Аѳины были во власти грековъ. Осада Миссолунги была снята. И наконецъ, турецкій флотъ, который не въ силахъ былъ уберечься отъ брандеровъ, пускаемыхъ смѣлыми моряками Псары и Гидры (Канарисъ, Міаулисъ, Томбазисъ и другіе), со стыдомъ возвратился въ Дарданеллы.

Греческая революція и дипломатія до Веронскаго конгресса. — Греція дала свидѣтельство своей энергіи и жизненности, и Европа, которая впослѣдствіи должна была признать за ней самостоятельное національное существованіе, поступила бы благоразумно, если бы признала независимость Греціи тогда же. Но дипломатическое соперничество, которое можно было предвидѣть, въ теченіе долгаго времени мѣшало державамъ сдѣлать этотъ неизбѣжный шагъ.

Возвратившись въ Россію, Александръ, который, какъ ему казалось, принесъ достаточно жертвъ политикѣ Меттерниха, высказавши въ угоду ему неодобреніе Ипсиланти, и который видѣлъ, насколько дѣло грековъ популярно среди его подданныхъ, сталъ снова поддаваться вліянію Каподистріи. Не довольствуясь возобновленіемъ стараго русско-турецкаго спора, онъ нашелъ новый источникъ неудовольствія противъ султана въ тѣхъ насиліяхъ, которымъ подвергались тогда христіане въ Турецкой имперіи. 28 іюня 1821 года онъ потребовалъ удовлетворенія для себя и для всего „христіанскаго міра" въ высокомѣрномъ ультиматумѣ, послѣ котораго онъ обратился къ европейскимъ великимъ державамъ съ запросомъ: 1) какое положеніе онѣ намѣрены занять въ томъ случаѣ, если между Россіей и Турціей разразится война; 2) какую систему намѣрены онѣ предложить вмѣсто турецкаго господства, если послѣднее въ результатѣ этой войны будетъ низвергнуто (4 іюля)? Затѣмъ онъ отозвалъ своего посланника изъ Константинополя (8 августа). Въ этотъ моментъ онъ, повидимому, твердо рѣшился ниспровергнуть турецкое владычество. Онъ предлагалъ Франціи значительную долю турецкаго наслѣдства [1]). Но Австрія и Англія рѣшительнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, воспротивились его проектамъ. Послѣ долгаго промедленія оба эти двора сдѣлали ему представленія, по смыслу которыхъ выходило, что поддерживать Грецію равносильно поддержкѣ революціи, а на поставленный имъ вопросъ отвѣтили, что онѣ не хотятъ допустить, чтобы между Россіей и Турціей могла вспыхнуть война. Этого было вполнѣ достаточно для того, чтобы

1) „Взгляните на карту, — говорилъ онъ французскому посланнику де-Лаферонэ, — отъ Гибралтарскаго пролива до Дарданельскаго пролива; выберите, что вамъ подходитъ, и разсчитывайте не только на согласіе, но и на искреннюю и активную помощь Россіи... Нужно, чтобы турки были отброшены, какъ можно дальше, и чтобы всѣ могли придти къ полюбовному соглашенію..."

поколебать рѣшимость Александра. Впрочемъ, его расположеніе къ грекамъ сильно охладѣло, когда онъ увидѣлъ, что они удалили отъ власти Димитрія Ипсиланти, провозгласили національный суверенитетъ и приняли конституцію, насквозь проникнутую принципами Революціи. Онъ очень желалъ, чтобы образовалось греческое государство, находящееся подъ покровительствомъ Россіи, но мысль о греческой независимости вовсе ему не улыбалась. Кромѣ того, натолкнувшись на сопротивленіе Англіи и Австріи и будучи не въ состояніи разсчитывать на Пруссію, которая въ то время приспособляла свою политику къ политикѣ Австріи, онъ вовсе не намѣренъ былъ рискнуть на восточную авантюру при содѣйствіи одной Франціи. А послѣдняя, въ которой дѣйствовали карбонаріи, бывшіе тогда полными господами въ Испаніи, не располагала въ тотъ моментъ полной свободой движеній. Главной заботой Бурбоновъ было въ то время желаніе произвести контръ-революцію за Пиринеями, въ ожиданіи, когда этой цѣли возможно будетъ достигнуть у себя дома. А съ 1822 года эта забота овладѣла также всѣми помыслами Александра. Такимъ образомъ, не заключая съ Турціей полнаго мира, онъ въ серединѣ этого года сталъ все-таки мягче къ ней относиться и охотно позволилъ себя забавлять происходившими въ Вѣнѣ (съ іюня по сентябрь) конференціями, имѣвшими цѣлью затереть вопросъ. Онъ разошелся даже открыто съ Каподистріей, который пересталъ быть его министромъ и удалился въ Женеву, гдѣ жилъ въ качествѣ частнаго лица.

Такимъ образомъ, Веронскій конгрессъ, который открылся въ скорости послѣ этого (октябрь 1822 г.), и на который греки возлагали нѣкоторыя надежды, не выказалъ никакой симпатіи къ греческому возстанію. Теперь царь въ дѣлѣ улаженія своихъ разногласій съ Турціей полагался на добрыя услуги Австріи и Англіи. Что же касается грековъ, то онъ, подобно прочимъ государямъ, выражалъ неодобреніе ихъ возстанію, объявлялъ ихъ недостойными его благосклонности и не настаивалъ на допущеніи ихъ делегатовъ, униженно дожидавшихся въ Анконѣ, передъ лицо конгресса. Этимъ делегатамъ поручено было сослаться на солидарность всѣхъ христіанъ, протестовать противъ всякаго отожествленія греческаго возстанія съ итальянскими или испанскими революціями и, наконецъ, просить, чтобы участь Греціи не была рѣшена безъ участія ея представителей. Но напрасно глава греческой делегаціи Андрей Метакса дѣлалъ всевозможныя усилія, обращался лично къ папѣ, къ русскому императору, къ французскому уполномоченному; конгрессъ отказался его принять и пригласилъ его уѣхать обратно.

Междоусобная война въ Греціи (1823—1825).—Греція была предоставлена собственнымъ силамъ, и ей необходимо было сумѣть, по крайней мѣрѣ, объединить всѣ эти силы противъ турокъ и не рвать на части національный организмъ собственными руками. Между защитниками Греціи никогда не было полнаго согласія. А послѣ достигнутыхъ въ 1822 году успѣховъ инсургенты, повидимому, рѣшили, что въ единствѣ нѣтъ больше никакой нужды; они вступили на скользкій путь, который долженъ былъ вскорѣ привести ихъ къ междоусобной войнѣ.

Три мѣстныя правительства, сложившіяся въ 1821 году въ Мореѣ, Западной Греціи и Восточной Греціи, продолжали существовать на ряду съ центральнымъ правительствомъ и совершенно его обезсиливали. Новому національному собранію, состоявшемуся въ февралѣ 1823 г. въ Астросѣ, не безъ труда удалось прекратить ихъ существованіе. Но оно не могло положить конца соперничеству, которое съ самаго начала войны проявилось между партизанами граждан-

скаго управленія (приматами) и сторонниками военнаго режима (вождями паликаровъ), между представителями Мореи, которые хотѣли забрать руководство всѣми дѣлами въ свои руки, представителями Румеліи (континентальной Греціи) и представителями острововъ, стремившимися къ той же цѣли. Неукротимый Колокотронисъ, заставившій національное собраніе избрать себя въ члены Исполнительнаго совѣта (апрѣль), не желалъ позволить ему назначить своимъ президентомъ Маврокордато и, подъ угрозой смерти, принудилъ послѣдняго удалиться въ Гидру (іюль). Сначала онъ терроризировалъ собраніе въ Триполицѣ, а затѣмъ хотѣлъ принудить его перебраться въ Навплію— городъ, гдѣ онъ былъ полнымъ хозяиномъ и куда оно отказалось за нимъ послѣдовать. Правительство, въ которомъ онъ господствовалъ, вскорѣ совершило столько насилій и беззаконій, что собраніе сочло нужнымъ удалить одного изъ его членовъ. Но онъ не только не подчинился этому постановленію, но попытался насильственно распустить національное собраніе (декабрь). Послѣднее должно было бѣжать въ Краниди, гдѣ оно провозгласило низложеніе Колокотрониса и его товарищей. Составленъ былъ новый исполнительный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Кондуріотиса, представлявшій, главнымъ образомъ, интересы острововъ (январь 1824 года). Такимъ образомъ, образовалось два правительства и два собранія. Законное правительство должно было осадить Навплію, а затѣмъ двинуть свои войска на Триполицу, гдѣ вождь бунтовщиковъ основалъ свою главную квартиру. Гражданская война продолжалась вплоть до іюля, когда побѣжденный Колокотронисъ получилъ прощеніе. Но когда вскорѣ послѣ этого (въ октябрѣ) законодательный корпусъ счелъ нужнымъ возобновить полномочія Кондуріотиса, непокорный паликаръ снова поднялъ знамя возстанія; потребовалось еще три мѣсяца для его укрощенія, послѣ чего его пришлось заключить въ тюрьму въ Гидрѣ (январь 1825 г.). Около того же времени жадный и коварный Одиссей, который пользовался громаднымъ вліяніемъ въ Восточной Греціи и имѣлъ исключительно въ виду составить себѣ тамъ княжество, также не подчинялся распоряженіямъ законнаго правительства. Побѣжденный и униженный, онъ въ концѣ 1824 года продался туркамъ и только въ мартѣ 1825 г. былъ схваченъ бывшимъ своимъ лейтенантомъ Гурасомъ, который приказалъ казнить его въ Аѳинахъ.

Если и не всѣ вожаки бандъ такъ грубо обращались съ правительствомъ, какъ Одиссей и Колокотронисъ, то среди нихъ не было ни одного, который фактически не считалъ бы себя стоящимъ выше законовъ и который не велъ бы войну на собственный страхъ. Большинство предводителей шаекъ шли, куда имъ хотѣлось, сражались, когда имъ заблагоразсудится, и, почти никогда не получая жалованья отъ государства, жили грабежомъ. Солдаты вели себя такъ же, какъ ихъ начальники. И эти клефтскіе обычаи господствовали не только на сушѣ, но и на морѣ, дѣлая его положительно недоступнымъ. Всѣ греческіе моряки были въ одно и то же время и патріотами и пиратами. Подъ прикрытіемъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля, корсары Архипелага захватывали безразлично суда всякаго происхожденія и всѣхъ національностей. Греческіе адмиралы не могли брать на себя выполненіе операцій, требующихъ продолжительнаго времени, такъ какъ матросы нанимались только на одинъ мѣсяцъ, а часто оставляли службу даже до истеченія условленнаго срока.

Махмудъ и Мехметъ-Али; египтяне въ Мореѣ (1825).—Всѣ эти раздоры и бѣдствія, несомнѣнно, привели бы Грецію въ самомъ непродолжительномъ времени къ окончательной гибели, если бы враги ея сами обладали духомъ дисциплины, орга-

низаціей и въ особенности матеріальными средствами, которыхъ имъ и не хватало. Но, уже начиная съ третьяго года войны, турецкое правительство только съ величайшимъ трудомъ могло находить деньги и солдатъ. Оно дошло до того, что начало фальцифицировать монету. Оно принуждало частныхъ лицъ отдавать ему свои драгоцѣнныя вещи. Ему не хватало людей, способныхъ къ флотской службѣ. Что же касается сухопутной арміи, то оно не могло полагаться на вѣрность албанцевъ, которые обыкновенно вели войну въ своихъ собственныхъ интересахъ и которые, чтобъ затянуть ее, часто сознательно поступали наперекоръ планамъ турецкихъ генераловъ. Во всей имперіи среди христіанскихъ подданныхъ султана замѣчалось глухое броженіе. Мусульманское населеніе пало духомъ, и изъ его среды уже невозможно было производить большихъ наборовъ. Янычары обнаруживали все большее неповиновеніе. Паши, посылаемые противъ грековъ, завидовали другъ другу и не переставали вѣчно спорить между собою. Взаимное соперничество парализовало всѣ ихъ усилія въ продолженіе кампаніи 1823 года. На востокѣ турки опустошили Беотію и Аттику, но истребляемые болѣзнями и нищетой, должны были въ концѣ-концовъ отступить. На западѣ послѣ битвы при Карпеницѣ, изъ которой они вышли побѣдителями и во время которой погибъ Маркъ Боцарисъ (19 августа), они осадили Анатолико. Но этотъ городъ былъ выручень войсками Маврокордато, и осаждающіе принуждены были въ разгаръ зимы (декабрь 1823 г.) совершить отступленіе, сопровождавшееся огромными потерями. Крѣпость Акро-Коринѳъ, командовавшая надъ дорогой изъ Мореи въ континентальную Грецію, попала въ руки грековъ. На морѣ новый капитанъ-паша Хозревъ самое большее могъ лишь доставлять съѣстные припасы въ Патрасъ, Модонъ и Коронъ, которые оставались еще въ рукахъ турокъ на Пелопоннесскомъ побережьѣ; неустанно преслѣдуемый Міаулисомъ, онъ безславно долженъ былъ возвратиться въ Константинополь.

Послѣ столькихъ безпорядочныхъ и безплодныхъ усилій Порта была почти совершенно истощена. Ни на одномъ изъ трехъ главныхъ театровъ военныхъ дѣйствій (Восточная Греція, Западная Греція, Морея) ей никакъ не удавалось сконцентрировать больше десяти тысячъ человѣкъ. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Махмудъ, по совѣту Австріи, страстно желавшей ему побѣды, рѣшился обратиться съ просьбой о помощи къ своему могучему вассалу, котораго онъ ненавидѣлъ и съ которымъ онъ охотно поступилъ бы, какъ съ Янинскимъ пашой, но который въ данный моментъ былъ для него недосягаемъ и даже могъ диктовать ему свою волю. Египетскій паша, Мехметъ-Али, который побѣдилъ вагабитовъ и оружіе котораго было столь же счастливо въ Нубіи и Сенаарѣ, какъ и въ Аравіи, обладалъ громадной обученной и дисциплинированной по европейскому образцу арміей, а также флотомъ, почти столь же многочисленнымъ, какъ флотъ его сюзерена, и во всякомъ случаѣ лучше вооруженнымъ и имѣвшимъ лучшихъ командировъ. Махмуду уже раньше пришлось обращаться къ его помощи для возстановленія мусульманскаго господства на островахъ Кипрѣ и Критѣ. На Критѣ борьба, со стороны грековъ энергично поддерживаемая Афентулисомъ, а затѣмъ Томбазисомъ, тянулась два года. Она кончилась какъ разъ въ это время полнымъ пораженіемъ инсургентовъ (1824). Но честолюбивый паша не любилъ работать даромъ; приходилось оставить за нимъ управленіе отвоеванными такимъ образомъ территоріями. Когда къ нему обратились съ просьбой помочь своему повелителю взять обратно Пелопоннесъ, главный очагъ греческой революціи, то онъ не отказался, но выговорилъ себѣ высокую плату за

свои услуги. Сынъ его Ибрагимъ, который долженъ былъ командовать экспедиціоннымъ корпусомъ, былъ назначенъ морейскимъ пашой. Немедленно въ арсеналахъ Каира и Александріи закипѣли колоссальныя приготовленія. Въ нѣсколько мѣсяцевъ все было готово, а въ концѣ іюля 1824 года египетскій флотъ поднялъ паруса. Онъ состоялъ изъ 54 военныхъ кораблей, эскортировавшихъ 400 торговыхъ судовъ, на которыхъ находилось 16.700 человѣкъ десантныхъ войскъ и 150 орудій полевой артиллеріи. Во главѣ сухопутной арміи стоялъ Ибрагимъ, а эскадрой командовалъ зять Мехмета-Али, Гассанъ-паша, уже отличившійся въ войнѣ съ Критомъ.

Для того, чтобы обезпечить себѣ сообщеніе съ Египтомъ, Ибрагимъ сначала, по соглашенію съ капитанъ-пашой, посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ морскимъ операціямъ, не увѣнчавшимся особеннымъ успѣхсмъ. Желая помочь его предпріятію, Хозревъ напалъ на Псару, и этотъ островъ, снова завоеванный турками, постигла почти такая же участь, какъ и островъ Хіосъ (1—4 іюля). Отсюда онъ предпринялъ неудачное движеніе противъ Самоса. Въ сентябрѣ оба флота соединились въ Будрунѣ (Галикарнассъ). Но всѣ ихъ попытки противъ Самоса и другихъ острововъ были отражены Міаулисомъ, который отнялъ обратно Псару и держалъ въ тревогѣ оттоманскія силы. Въ декабрѣ Ибрагимъ, находя время года неудобнымъ для похода въ Грецію, расположился на зимнія квартиры на Критѣ. Здѣсь онъ получилъ значительныя подкрѣпленія и могъ (въ февралѣ 1825 г.) отправить въ Морею двѣ сильныя дивизіи, за которыми вскорѣ двинулся съ главными своими войсками. Въ мартѣ онъ высадился, наконецъ, въ Модонѣ и направился къ Наварину, первоклассному морскому порту, который онъ намѣревался обратить въ свой главный операціонный базисъ.

Никогда до тѣхъ поръ Греціи не приходилось имѣть дѣло съ такимъ могучимъ непріятелемъ. Она не успѣла еще оправиться отъ междоусобной войны, и Ибрагимъ застигалъ ее врасплохъ. Президентъ Кондуріотисъ наскоро собралъ немногочисленный отрядъ и двинулся навстрѣчу Ибрагиму. Но онъ не былъ военачальникомъ, и паликары питали къ нему очень мало довѣрія. Притомъ, на грековъ угнетающимъ образомъ дѣйствовало превосходство египетской тактики. Ибрагимъ, напавшій на нихъ при Кремиди, безъ особаго труда разбилъ ихъ на голову (19 апрѣля). А черезъ мѣсяцъ Наваринъ, осажденный съ суши и съ моря, долженъ былъ капитулировать (18 мая). При такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ между враждующими партіями состоялось временное примиреніе. Старому Колокотронису, которому снова была дарована амнистія, поручено было руководить защитой Пелопоннеса. Но всѣ его отчаянныя усилія не могли помѣшать Ибрагиму занять Триполицу и продолжать свой походъ на западъ. 22 іюня паша находился въ Мили, т.-е. въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Навпліи, которая служила мѣстопребываніемъ греческаго правительства. Успѣхи, одержанные Міаулисомъ и Сахтурисомъ на морѣ, не имѣли такого рѣшительнаго характера, чтобы принудить египетскую армію къ отступленію. Съ другой стороны, грозный полководецъ Решидъ-Мехметъ-паша, который недавно назначенъ былъ „румили-валесси" и комадновалъ войсками въ Албаніи и Ѳессаліи, осадилъ со всѣми своими силами Миссолунги, который ему приказано было взять подъ страхомъ смертной казни. Успѣхъ мусульманъ казался теперь обезпеченнымъ съ обѣихъ сторонъ, а Греція на этотъ разъ, казалось, безнадежно погибла.

Филэллины.—Греція пала бы въ неравной борьбѣ, если бы ей на помощь не пришли, наконецъ, иностранныя державы, къ заступничеству которыхъ она такъ долго и такъ тщетно взывала. Нѣкоторыя

правительства, которыя до тѣхъ поръ относились къ ней съ полнымъ индиферентизмомъ или даже враждебно, начали выказывать ей нѣкоторую симпатію и заботливость, когда увидѣли, что она близится къ гибели. Какимъ образомъ совершилась эта удивительная перемѣна? Мы не въ состояніи были бы объяснить ее, если бы стали искать ея причинъ только въ разсчетахъ дипломатіи, игнорируя при этомъ то движеніе общественнаго мнѣнія въ пользу Греціи, которое происходило съ самаго начала войны во всей Европѣ. Мы должны поэтому описать въ самыхъ общихъ чертахъ зарожденіе и развитіе *филэллинизма* съ 1821 до 1825 года.

Умственное и моральное возрожденіе эллинскаго народа, которое стало замѣтно въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка, привлекло къ нему сочувствіе знаменитыхъ людей, какъ, напримѣръ, Шатобріанъ и лордъ Байронъ [1]). Когда это возрожденіе греческой націи перестало ограничиваться словами и литературными проявленіями, но перешло въ активныя дѣйствія, то дѣло этого маленькаго народа начало пользоваться величайшей популярностью во всей Европѣ; конечно, греки имѣли и свои недостатки, но европейская публика замѣчала въ нихъ однѣ только добродѣтели, такъ какъ въ конечномъ счетѣ они отстаивали дѣло цивилизаціи противъ варварства. Европейцы полюбили этотъ народъ за его славное прошлое, за его долгія страданія, за его слабость, за нежеланіе носить ярмо рабства, за борьбу съ исламомъ, которая придавала ему характеръ борца за христіанство. Во Франціи партизаны и противники Революціи, либералы и ультра-роялисты сходились въ преклоненіи передъ его героизмомъ и въ стремленіи придти ему на помощь, и всѣ желали ему полной побѣды. Въ Германіи, въ Англіи, а также во Франціи появилась масса сочиненій о греческихъ дѣлахъ; публика интересовалась ими; журналы и газеты наперерывъ отстаивали дѣло греческой націи. Поэты воспѣвали ея подвиги, ея побѣды и ея несчастія. Въ 1821 году составились комитеты для сбора всякаго рода пожертвованій и для вербовки волонтеровъ. Такіе комитеты возникли въ Штуттгартѣ, Мюнхенѣ, Цюрихѣ, Бернѣ, Женевѣ и Марсели, а впослѣдствіи въ Лондонѣ и Эдинбургѣ, и даже въ Соединенныхъ Штатахъ. Первые волонтеры (англичане Норманъ, Эбней-Гастингсъ, Гордонъ) скоро нашли подражателей, число которыхъ непрерывно возрастало. Изъ Марсели въ продолженіе двухъ первыхъ лѣтъ войны отправлено было восемь партій филэллиновъ. Если правительства и пытались сначала наложить узду на пропаганду, которую политическіе дѣятели Священнаго Союза признавали опасной, то эти попытки окончились полной неудачей. Когда дѣло революціи показалось надолго проиграннымъ въ Италіи и Испаніи, тогда взоры всѣхъ, замѣшанныхъ въ революціонное движеніе, обратились на Востокъ, и участники освободительнаго движенія массою направились въ Грецію, чтобы тамъ продолжать свою борьбу за свободу. Въ концѣ 1823 года пьемонтцы Санта-Роза, Колленьо и французъ Фабвье предложили свои услуги эллинскому правительству. Въ то же время лордъ Байронъ посвятилъ этому дѣлу свою личность и имущество, а также свой геній. Извѣстно, что онъ умеръ въ Миссолунги (19 апрѣля 1824 г.) послѣ тщетныхъ попытокъ примирить враждебныя фракціи, разрывавшія на части греческое отечество. Благодаря, главнымъ образомъ, содѣйствію Байрона, навплійскому правительству удалось съ успѣхомъ заключить въ Англіи заемъ въ 800.000 фунтовъ стерлинговъ, безъ ко-

[1]) Съ 1809 по 1811 годъ лордъ Байронъ долго путешествовалъ по Греціи, гдѣ онъ написалъ первыя пѣсни *Чайльдъ-Гарольда* и нашелъ сюжеты для нѣкоторыхъ изъ лучшихъ своихъ поэмъ (*Гяуръ, Абидосская Невѣста, Корсаръ, Лара*).

тораго оно оказалось бы совершенно лишеннымъ матеріальныхъ средствъ. Въ началѣ 1825 года лондонскіе банкиры дали свое согласіе на заключеніе новаго греческаго займа, на этотъ разъ въ 2 милліона фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ въ это время положеніе Греціи сдѣлалось совершенно критическимъ, то во всей Европѣ, а особенно въ Германіи, Швейцаріи и Франціи, движеніе въ пользу грековъ приняло самые широкіе размѣры. Новый баварскій король Людовикъ I исповѣдывавшій настоящій культъ Греціи, послалъ туда деньги и множество офицеровъ, между прочимъ одного изъ своихъ адъютантовъ, полковника Гейдека. Въ Женевѣ банкиръ Эйнаръ оказывалъ искусное содѣйствіе терпѣливой политикѣ Каподистріи, который, живя отшельникомъ въ этомъ городѣ, держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити греческой революціи и выжидалъ подходящаго момента, когда ему снова можно будетъ выступить на сцену. Въ Парижѣ образовалось „Филантропическое общество для помощи грекамъ", въ комитетѣ котораго принимали участіе представители всѣхъ политическихъ партій (Шатобріанъ и Лафитъ, Ларошфуко, Дальберъ, Сентъ-Олэръ, Фитцъ-Джемсъ, Лафайетъ, Бенжаменъ Констанъ). За 1825 и 1826 годы одно это общество могло доставить грекамъ около трехъ милліоновъ денежной субсидіи, не говоря о солдатахъ, оружіи, снарядахъ и одеждѣ, которые оно имъ постоянно высылало.

Къ сожалѣнію, не всѣ доставлявшіяся Греціи филэллинами съ 1821 года вспомоществованія были ею использованы. Деньги часто раскрадывались или употреблялись не по назначенію непослушными и жадными вождями, оспаривавшими другъ у друга руководящую роль. Что же касается добровольцевъ, то греки не всегда оказывали имъ дружественную встрѣчу; ревниво относившіеся ко всякому иностранному вліянію и неспособные подчиниться требованіямъ европейской дисциплины, вожди паликаровъ въ теченіе долгаго времени щеголяли презрѣніемъ къ опытности, военнымъ познаніямъ и талантамъ офицеровъ-филэллиновъ, многіе изъ которыхъ, возмущенные оказаннымъ имъ пренебреженіемъ, отказались отъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Санта-Роза не могъ добиться командованія отрядомъ. Онъ былъ убитъ при осадѣ Наварина въ качествѣ простого волонтера. И только послѣ взятія этого города и Триполицы, когда египтяне стояли уже лагеремъ передъ Навпліей, греки, умудренные несчастіемъ, которое сдѣлало ихъ болѣе справедливыми, стали выказывать больше довѣрія своимъ союзникамъ, которыхъ они раньше игнорировали. Полковнику Фабвье, который въ теченіе двухъ лѣтъ служилъ грекамъ, можно сказать, противъ ихъ воли, правительство поручило, наконецъ, организацію и командованіе корпусомъ регулярныхъ войскъ (τάκτικος); это было ядро арміи, которой Греція, послѣ четырехъ лѣтъ войны, еще не имѣла. Но какое значеніе могла имѣть эта запоздалая мѣра въ виду приближенія войскъ Ибрагима?

Дипломатическій поворотъ въ пользу Греціи. — Греціи необходима была помощь великихъ державъ, а пока ей нужно было выиграть время. И она выиграла его, благодаря повороту, который произошелъ въ ея пользу въ средѣ британскаго кабинета, и который мы сейчасъ постараемся объяснить.

Руководство англійской дипломатіи съ конца 1822 года находилось въ рукахъ Каннинга, смѣлаго политическаго дѣятеля, который не чувствовалъ такого паническаго страха передъ успѣхами Революціи, какъ Кэстльри. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ государственный человѣкъ стоялъ за сохраненіе Турецкой имперіи. Но онъ былъ по существу оппортунистомъ, а такъ какъ гре-

ческая нація за послѣднія нѣсколько лѣтъ обнаруживала явныя доказательства своей жизненности, то онъ сталъ склоняться къ мысли, что конечная ея побѣда неизбѣжна. А разъ ей навѣрное предстоитъ побѣда, то не слѣдуетъ допустить, чтобы Греція считала себя обязанной своимъ успѣхомъ державѣ, являющейся соперницей Англіи; поэтому, послѣдняя должна быть готова въ рѣшительный моментъ взять въ свои руки руководство движеніемъ, для того чтобы, во-первыхъ, оттѣснить Россію, а, во-вторыхъ, придать дѣлу оборотъ, сообразный съ британскими интересами и воспрепятствовать окончательному разрушенію Турецкой имперіи. Прибавимъ, что Каннингъ понималъ необходимость считаться не только съ общественнымъ мнѣніемъ, которое въ Лондонѣ, какъ и повсюду, было рѣшительно настроено въ пользу грековъ, но и съ англійскими капиталами, заинтересованными въ греческой революціи. Наконецъ, до англійскаго министра доходили слухи, что французскіе филэллины предлагали инсургентамъ въ короли какого-нибудь французскаго принца, напримѣръ, сына герцога Орлеанскаго [1]). Англія должна была позаботиться о томъ, чтобы ее не предупредили другіе. И этимъ объясняется перемѣна ею политическаго фронта.

Александръ I ждалъ окончанія Испанской войны, чтобы снова подвергнуть обсужденію Священнаго Союза свой старый споръ съ Турціей [2]), причемъ теперь, какъ и прежде, онъ связывалъ его съ вопросомъ объ умиротвореніи Греціи. Но Англія предложила ему, до проектируемыхъ имъ совѣщаній, представить свои соображенія относительно реорганизаціи этой страны, и царь, попавшійся на удочку, заявилъ (въ январѣ 1824 г.), что, по его мнѣнію, возставшія области должны быть раздѣлены на три группы (Западная Греція, Восточная Греція и Морея), каждая изъ которыхъ будетъ превращена въ вассальное княжество Порты на такихъ же приблизительно условіяхъ, какъ Молдавія и Валахія. Подобное предложеніе должно было въ одно и то же время раздражить и султана, который требовалъ отъ своихъ подданныхъ безусловнаго повиновенія, и греческую націю, которая съ негодованіемъ отвергала всякую мысль о раздробленіи Греціи и о вассальномъ подчиненіи Турціи. Этимъ проектомъ русское правительство разоблачило свои эгоистическія стремленія. Изъ этой программы явствовало, что оно, конечно, стремится къ потрясенію или разрушенію Турецкой имперіи, но что оно не желаетъ допустить образованія на Балканскомъ полуостровѣ достаточно свободнаго и достаточно сильнаго государства, способнаго обходиться собственными силами и не нуждающагося въ покровительствѣ Россіи. Можно представить себѣ, какъ широко воспользовались англійскіе дипломаты этимъ документомъ и въ Навпліи, и въ Константинополѣ.

Теперь англійское правительство начало выказывать грекамъ явное благожелательство. Оно признало за ними право блокады, позволило имъ вывозить съѣстные припасы съ Іоническихъ острововъ и открыто помогало филэллинамъ. Русскій проектъ о раздробленіи Греціи на три куска былъ разоблаченъ въ іюнѣ 1824 года. Такъ какъ навплійское пра-

---

[1]) Рѣчь шла о герцогѣ Немурскомъ, кандидатура котораго на греческій престолъ была поставлена въ 1824 г. и настойчиво поддерживалась въ 1825 г. французскимъ филэллиномъ, генераломъ Рошемъ.

[2]) Онъ требовалъ отъ Порты не только урегулированія недоразумѣній, связанныхъ съ Бухарестскимъ трактатомъ; онъ требовалъ отъ нея также возстановленія прежняго положенія вещей въ Молдавіи и Валахіи, эвакуаціи обѣихъ этихъ княжествъ турецкими войсками, освобожденія сербскихъ депутатовъ, арестованныхъ въ Константинополѣ въ 1821 г., дарованія Сербіи независимаго государственнаго устройства и отмѣны помѣхъ, стѣснявшихъ русскую торговлю въ турецкихъ водахъ.

вительство сочло нужнымъ отвѣтить на него протестующей нотой, которую оно адресовало въ особенности лондонскому кабинету (въ августѣ), то Каннингъ сообщилъ ему въ ноябрѣ, что, если грекамъ это понадобится, то Англія не откажется выступить съ предложеніемъ своего посредничества. При этомъ англійское правительство отказалось принимать участіе въ Петербургской конференціи по греческому вопросу. Эта конференція, которая открылась, наконецъ, въ февралѣ 1825 года, и безплодность которой въ достаточной степени могла быть обусловлена хотя бы однимъ коварствомъ австрійскаго правительства, закончилась плачевнымъ фіаско (апрѣль). Не бóльшимъ успѣхомъ увѣнчалось затѣмъ спеціальное обращеніе царя къ каждой изъ великихъ державъ въ отдѣльности, обращеніе, цѣлью котораго было добиться разрѣшенія для русскаго императора вмѣшаться въ греко-турецкую распрю.

Напротивъ, вліяніе Англіи, за которую стояло общественное мнѣніе Греціи, продолжало безостановочно возрастать. Мы уже видѣли выше, что къ концу іюня 1825 года дѣло греческой независимости казалось окончательно проиграннымъ. Но черезъ нѣсколько дней Европа съ удивленіемъ узнала, что Греція спасена на время отъ уничтоженія. Ибрагимъ, занесшій уже руку для окончательнаго удара, вдругъ остановился. Навплія была спасена, а въ іюлѣ египетская армія повернула обратно къ Триполицѣ и Наварину. И вся эта поразительная перемѣна вызвана была заявленіемъ англійскаго офицера, коммодора Гамильтона, которому, безъ сомнѣнія, англійское правительство поручило пригрозить пашѣ возможностью британскаго вмѣшательства.

Царь, огорченный и раздосадованный неудачей своей политики, въ скорости послѣ этого (въ августѣ) заявилъ, что отнынѣ умиротвореніе Греціи отступаетъ для него на задній планъ, что онъ больше не обращается къ Европѣ ни съ какими предложеніями и только оставляетъ за собой право добиться собственными силами отъ Турціи удовлетворенія своихъ требованій, а если это государство не дастъ ему, наконецъ, удовлетворенія, то достойнымъ образомъ съ нимъ расправится. Рѣшится ли онъ осуществить свою угрозу, не останавливаясь даже передъ войной, этого никто навѣрное не зналъ. Но на всякій случай Англія старалась принять мѣры предосторожности. Вскорѣ послѣ отступленія Ибрагима въ Греціи былъ организованъ сборъ подписей подъ петиціей, которая въ августѣ была послана лондонскому двору и которая просила Англію офиціально принять подъ свое покровительство греческій народъ и дать ему короля. Принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, признанный протеже Англіи, почти открыто предназначался занять мѣсто будущаго главы новаго государства. Такимъ образомъ, Каннигъ добился своей цѣли. Греція отдавала свою судьбу въ его руки. Восточный вопросъ отнынѣ не могъ быть разрѣшенъ вопреки Англіи или безъ ея участія. Казалось даже, что скоро въ его разрѣшеніи ей одной будетъ принадлежать рѣшающая роль.

Лондонскій дворъ не счелъ удобнымъ отвѣтить формальнымъ согласіемъ на адресованную ему петицію. Высказываясь прямо въ положительномъ смыслѣ, Англія рисковала поссориться съ Турціей, чего она ни въ коемъ случаѣ не хотѣла. Но она не хотѣла также обезкуражить грековъ. Она дала имъ знать (въ октябрѣ), что если въ данный моментъ она и не можетъ дать своего согласія на ихъ просьбу и нарушить по отношенію къ нимъ—равно какъ по отношенію къ туркамъ—принятую ею систему благожелательнаго нейтралитета, то тѣмъ не менѣе она не оставитъ ихъ безъ вниманія и не позволитъ никакой державѣ навязать имъ рѣшеніе, противное ихъ интересамъ.

При этомъ Англія не скрывала въ то время своего намѣренія занять Грецію англійскими войсками, если русская армія проникнетъ въ предѣлы Оттоманской имперіи.

Миссолунги и Аѳины (1826—1827). — Между тѣмъ, военныя дѣйствія въ Греціи продолжались, и если этой странѣ удалось на время избѣжать неминуемой катастрофы, то далеко еще нельзя было сказать, чтобы она была застрахована отъ всякой опасности. Военное счастье не улыбалось ей еще въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Въ концѣ 1825 года Навплійское правительство не имѣло денегъ для уплаты жалованья своимъ войскамъ, которыя разбѣгались или безпощадно грабили страну. Флотъ впалъ почти въ полное безсиліе, благодаря побѣгамъ матросовъ со службы или отсутствію среди нихъ дисциплины. Колокотронисъ и его шайки нанесли Ибрагиму значительный уронъ во время его отступленія. Но еще больше вреда они причинили Пелопоннесу. Греки, не успѣвшіе оправиться отъ тревоги, вызванной осадою Навпліи, съ тоской обратили свои взоры на Миссолунги. Если бы этотъ оплотъ западной Греціи палъ подъ ударами непріятеля, то Решидъ-паша въ самомъ непродолжительномъ времени очутился бы подъ стѣнами Аѳинъ; а если Аѳины пали бы, въ свою очередь, то онъ могъ бы напасть на Морею,—и еще вопросъ, захочетъ ли или сможетъ Англія спасти Грецію и на этотъ разъ.

Городъ Миссолунги, куда укрылись суліоты и греки, бѣжавшіе изъ Эпира, Акарнаніи и Этоліи, насчитывалъ тогда около 15.000 жителей, въ томъ числѣ 5—6.000 человѣкъ, способныхъ нести оружіе; уже около восьми мѣсяцевъ онъ сопротивлялся атакамъ Решида-паши съ героизмомъ, вызывавшимъ почтительное удивленіе всей Европы. Но въ декабрѣ Румилли-Валесси получилъ подкрѣпленія отъ Ибрагима, который принялъ главное руководство осадными операціями,—и съ этого момента паденіе крѣпости стало почти неизбѣжнымъ. Безстрашный Міаулисъ успѣлъ въ январѣ 1826 года провезти туда съѣстные припасы, и это дало возможность продолжить защиту города еще на нѣсколько недѣль. Но для того, чтобы принудить непріятеля снять блокаду крѣпости, противъ него слѣдовало бы двинуть вспомогательную армію сквозь центральную Грецію. Къ несчастію, область эта была разорена и не могла прокормить экспедиціонный корпусъ, который правительство не въ состояніи было снабдить всѣмъ необходимымъ. Все, что могъ сдѣлать этотъ вспомогательный корпусъ, такъ это—поручить Фабвье съ его регулярнымъ отрядомъ произвести диверсію со стороны острова Эвбеи. Но этотъ смѣлый офицеръ, которому присоединенные къ его отряду паликарскіе вожди изъ зависти плохо помогали, потерпѣлъ полнѣйшую неудачу, и эта неудача деморализовала и дискредитировала регулярныя войска (мартъ—апрѣль). Миссолунги, все болѣе тѣснимый осаждавшими войсками и превращенный артиллеріей Ибрагима въ груду развалинъ, потерялъ послѣднюю надежду. Послѣ того какъ Міаулису не удалось во второй разъ прорвать блокаду (15—19 апрѣля), осажденные съ мужествомъ отчаянія рѣшили сдѣлать ночную вылазку и пробиться сквозь непріятельскія линіи. Но оказалось, что осаждающіе были предупреждены, и миссолунгцы были встрѣчены страшнымъ огнемъ. Только тысяча восемьсотъ человѣкъ съ трудомъ успѣли пробиться и добрались до Салоны. Остальные были перебиты или отброшены обратно въ городъ, куда по ихъ слѣдамъ ворвались турки и египтяне. Множество грековъ предпочли взорвать себя вмѣстѣ со своими домами, чѣмъ сдаться въ плѣнъ. Огромное большинство населенія было безжалостно умерщвлено. Въ живыхъ остались только три-четыре тысячи

Ф. В. Э. Делакруа.

Скорбящая Грецiя на развалинахъ Миссолунги.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

жителей, которые были проданы въ рабство (22—23 апрѣля 1826 года).

Взятіе Миссолунги произвело сильнѣйшее впечатлѣніе во всей Европѣ и вызвало новый взрывъ симпатій къ грекамъ. Но усилія филэллиновъ, направленныя къ спасенію этой несчастной страны, были нейтрализованы новыми раздорами, вспыхнувшими среди инсургентовъ. Въ апрѣлѣ 1826 года Кондуріотисъ былъ удаленъ изъ состава правительства національнымъ собраніемъ, съѣхавшимся въ Эпидаврѣ. Исполнительная власть была довѣрена комиссіи изъ одиннадцати человѣкъ подъ предсѣдательствомъ Заимиса, а наблюденіе за нею поручено было комитету національнаго собранія. Эта комбинація привела къ самой плачевной анархіи. Никто не повиновался новому правительству, и скоро ему пришлось удалиться на островъ Эгину (ноябрь). Вскорѣ послѣ этого Колокотронисъ и Кондуріотисъ открыто заявили, что не признаютъ его власти, и, на ряду съ законнымъ національнымъ собраніемъ, засѣдавшимъ на Эгинѣ, распорядились выбрать другое, которое собралось въ Герміонѣ (январь—февраль 1827 г.). Правительство обратилось къ посредничеству Англіи и стало обнаруживать готовность всецѣло отдать свою судьбу въ руки этой державы. Колокотронисъ и его партизаны были, напротивъ, приверженцами Россіи. Два англичанина, генералъ Чэрчъ и адмиралъ Кокрэнъ, которые прибыли какъ разъ въ это время для того, чтобы посвятить свои силы греческому дѣлу, съ трудомъ добились слiянія этихъ двухъ собраній въ одно, которое съѣхалось въ Трезенѣ (1 апрѣля) и выработало новую конституцію. Первый былъ назначенъ генералиссимусомъ, а второй поставленъ во главѣ морскихъ силъ. Это было успѣхомъ для англійской партіи; но русская партія могла похвалиться еще бо́льшимъ успѣхомъ, добившись врученія исполнительной власти президенту (πρόεδρος), на каковую должность былъ выбранъ не кто иной, какъ Каподистрія. Этотъ дипломатъ, хотя и жившій въ сторонѣ отъ дѣлъ въ Женевѣ, всегда считался агентомъ царя. Впрочемъ, Каподистрія въ теченіе продолжительнаго времени еще не могъ пріѣхать въ Грецію, а въ ожиданіи его прибытія національное собраніе вручило правительственныя функціи комиссіи изъ трехъ членовъ, которую съ перваго же дня никто не сталъ признавать (апрѣль—май 1827 года).

Тѣмъ временемъ Ибрагимъ, отдѣлившись отъ Решида-паши, возвратился въ Морею; онъ не могъ добиться покоренія майнскихъ горцевъ и въ отместку за это предалъ Пелопоннесъ огню и мечу. Решидъ, овладѣвши центральной Греціей, дошелъ со всѣми своими силами до Аѳинъ, овладѣлъ городомъ и осадилъ Акрополь, защищаемый Гурасомъ съ нѣсколькими сотнями паликаровъ (іюль). Атака, предпринятая противъ турецкихъ окоповъ, при Хайдари, Карайскакисомъ и Фабвье, не увѣнчалась успѣхомъ (19 августа). Напрасно первый изъ этихъ полководцевъ перенесъ военныя дѣйствія въ центральную Грецію, взялъ Салону и угрожалъ турецкой линіи сообщеній (ноябрь 1826—февраль 1827). Паша не тронулся съ мѣста. Напрасно Фабвье, прорвавъ блокаду, устремился въ крѣпость съ шестью стами солдатъ регулярныхъ войскъ и съ военными снарядами (13 декабря). Два храбрыхъ филэллина, напавшіе въ февралѣ на турокъ, были отброшены. Наконецъ, Чэрчъ и Кокрэнъ оказались не болѣе счастливы въ маѣ и, послѣ цѣлаго ряда безполезныхъ битвъ, сочли нужнымъ отступить, первый съ своей сухопутной арміей, второй — съ флотомъ. Съ этого момента оставленному на произволъ судьбы Акрополю приходилось только сдаться, что онъ и сдѣлалъ при посредствѣ адмирала де-Риньи, командира французской левантской эскадры, который выговорилъ для гарнизона

свободное выступленіе съ отданіемъ воинскихъ почестей (5 іюня 1827 г.).

Лондонскій договоръ и Наваринская битва (1827).—Теперь Решиду оставалось еще двинуться въ Пелопоннесъ. Греція снова очутилась въ самомъ критическомъ положеніи. И только тогда державы, заинтересованныя въ недопущеніи ея окончательной гибели, рѣшили активно вмѣшаться.

Александръ скончался 1 декабря 1825 года; преемникомъ его сдѣлался его братъ Николай I, который заявилъ, что онъ намѣренъ *продолжать* дѣло своего предшественника, но не *повторять его сначала.* Этотъ монархъ обладалъ энергіей, рѣшимостью и послѣдовательностью, которыхъ недоставало послѣднему царю. Въ мартѣ 1826 года онъ обратился къ Турціи съ угрожающимъ ультиматумомъ, заявлявшимъ объ его намѣреніи рѣшить оружіемъ споръ, который давно уже тянулся между его предшественникомъ и Портой. Но Англія немедленно дала ему понять, что она не позволитъ ему воспользоваться войною съ цѣлью уладить одному и по своему произволу греческій вопросъ. Не рискуя возстановить противъ себя Англію, Николай долженъ былъ согласиться на протоколъ 4 апрѣля, по которому онъ обѣщалъ поддержать англійское посредничество между турками и греками, причемъ это посредничество должно было привести къ созданію самостоятельнаго греческаго королевства, права котораго призваны будутъ гарантировать великія европейскія державы.

Уладивши этотъ вопросъ, Каннингъ, который отъ всей души желалъ не допустить конфликта между турками и русскими, взялся (вмѣстѣ съ Меттернихомъ) за улаженіе недоразумѣній между царемъ и султаномъ. Махмудъ въ теченіе нѣкотораго времени дѣлалъ видъ, что не хочетъ уступать. Чтобы поставить Россію въ затруднительное положеніе, онъ подстрекнулъ Персію къ войнѣ съ этой державой (іюль). Но Николая, которому притомъ сразу улыбнулось военное счастье, не такъ-то легко было отвлечь отъ главной его цѣли. Онъ прекрасно зналъ, что военныя силы султана доведены до полнаго почти истощенія. Кромѣ того, Махмудъ однимъ ударомъ уничтожилъ недавно корпусъ янычаръ (15 іюня). Старая военная организація Турціи была разрушена, новая еще не сложилась. Поэтому Николай съ величайшей настойчивостью угрожалъ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Вотъ, почему Порта 8 октября 1826 года рѣшилась, наконецъ, на заключеніе Аккерманскаго договора.

Этимъ соглашеніемъ былъ подтвержденъ Бухарестскій трактатъ, а также привилегіи Молдавіи и Валахіи, которыя должны были въ ближайшемъ будущемъ быть санкціонированы возобновленіемъ гатти-шерифа 1802 года. Россія дала только свое согласіе на то, чтобы впредь господари назначались изъ среды бояръ, а не, какъ это было прежде, изъ среды именитыхъ фанаріотскихъ семей. Сербія должна была въ продолженіе восемнадцати мѣсяцевъ получить конституцію, которая давно уже была ей обѣщана. Царь сохранилъ въ своемъ владѣніи всю территорію, которую въ тотъ моментъ занимали въ Азіи его войска. Порта брала на себя обязательство подавить грабежи варварійскихъ пиратовъ. Русской торговлѣ предоставлялась полная свобода въ турецкихъ водахъ и портахъ. Наконецъ, Порта обѣщала считаться съ ходатайствами царя въ пользу тѣхъ государствъ, коммерческія суда которыхъ еще не получили свободнаго доступа въ Черное море. Одновременно съ главнымъ договоромъ были заключены также двѣ связанныя съ предметомъ его конвенціи, относившіяся одна къ Молдавіи и Валахіи, а другая—къ Сербіи.

Опасаясь помѣшать заключенію Аккерманскаго договора, ни Англія, ни Россія не сообщили пока Портѣ о существованіи

протокола 4 апрѣля. Но этотъ протоколъ оставался все-таки въ силѣ, и въ концѣ 1826 года Австрія, Пруссія и Франція получили приглашеніе къ нему примкнуть. Первая изъ этихъ державъ, какъ и слѣдовало ожидать, отказалась; вторая, не осмѣливаясь еще открыто отъ нея отдѣлиться, послѣдовала ея примѣру. Что же касается правительства Карла X, которое давно толкалось общественнымъ мнѣніемъ къ выступленію въ защиту греческаго дѣла, то оно понимало, что ему не слѣдуетъ ронять вліяніе Франціи на Востокѣ, предоставляя Англіи и Россіи однѣмъ уладить греческій вопросъ. Кромѣ того, и петербургскій, и лондонскій кабинеты съ одинаковой настойчивостью приглашали его примкнуть къ протоколу 4 апрѣля, такъ какъ каждый изъ нихъ хотѣлъ воспользоваться Франціей въ качествѣ противовѣса своему сопернику. Такимъ образомъ, Франція (въ январѣ 1827 г.) заявила, что въ принципѣ она присоединится къ Россіи и Англіи для того, чтобы вмѣстѣ съ ними предложить, а въ крайнемъ случаѣ и насильно навязать Турціи и Греціи свое посредничество. Напрасно Австрія цѣлымъ рядомъ лестныхъ предложеній пыталась помѣшать заключенію этого тройственнаго союза. Паденіе Аѳинъ побудило три двора не медлить дольше, и 6 іюля былъ, наконецъ, подписанъ Лондонскій договоръ, обусловившій спасеніе и освобожденіе греческаго народа. Такъ какъ можно было предвидѣть, что Порта отвергнетъ предложеніе посредничества, то было постановлено, что въ такомъ случаѣ три договаривающіяся державы учредятъ консульства въ главныхъ греческихъ городахъ и силой заставятъ воюющія стороны согласиться на перемиріе (по крайней мѣрѣ, на морѣ) причемъ предполагалось, что эта понудительная мѣра не означаетъ объявленія войны ни той, ни другой сторонѣ.

Греки съ энтузіазмомъ примкнули къ этому трактату. Но Порта, до конца поддерживаемая Австріей въ своихъ иллюзіяхъ и гордости, высокомѣрно отвергла его; въ виду этого, командиры англійской, русской и французской эскадръ, адмиралы Кодрингтонъ, Гейденъ и де-Риньи, приступили къ насильственному прекращенію военныхъ дѣйствій по всему побережью, которое, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно было въ будущемъ войти въ сферу владѣній новаго греческаго королевства (сентябрь). Ибрагимъ старался выиграть время. Нѣсколько недѣль прошло въ безплодныхъ переговорахъ, а 18 октября три союзныя эскадры появились на Наваринскомъ рейдѣ, гдѣ въ то время стоялъ соединенный турецко-египетскій флотъ силой въ 90 судовъ и 16.000 матросовъ. Черезъ два дня европейскія эскадры вошли въ портъ, для того чтобы передать турецко-египетскому флоту приказъ покинуть Грецію. Немедленно завязалось сраженіе, которое продолжалось не больше двухъ часовъ и закончилось почти полнымъ уничтоженіемъ оттоманскихъ силъ. Шесть тысячъ убитыхъ матросовъ, разрушеніе трехъ линейныхъ кораблей, шестнадцати фрегатовъ, двадцати шести корветовъ, двѣнадцати бриговъ и пяти брандеровъ—таковы были результаты этой битвы для турецко-египетскаго флота. И, чтобы спасти нѣсколько оставшихся ему судовъ, Ибрагимъ долженъ былъ обязаться не воевать впредь противъ грековъ.

Извѣстіе объ этой великой битвѣ имѣло своимъ результатомъ прежде всего оживленіе надеждъ и увеличеніе претензій эллинскаго правительства. Увѣренные, что отнынѣ имъ нечего бояться своихъ непріятелей, по крайней мѣрѣ, на морѣ, греки поспѣшили участить свои нападенія на турокъ и расширить площадь своихъ операцій. Они напали подъ предводительствомъ Фабвье на островъ Хіосъ (ноябрь). Въ то же время подъ начальствомъ Чэрча они сдѣлали рѣшительное

усиліе отнять у турокъ Акарнанію и Этолію. А позже они снова попытались овладѣть Критомъ (1828 г.). Ихъ политическіе руководители полагали, что чѣмъ бо́льшую территорію они успѣютъ занять, тѣмъ больше имъ удастся удержать, и что дипломатамъ, при установленіи границъ новаго королевства, придется считаться съ фактическимъ положеніемъ вещей.

Русско-турецкій конфликтъ; кампанія 1828 года.—Съ другой стороны, происшествіе при Наваринѣ не только не внушило Турціи больше сговорчивости, но напротивъ ожесточило ее до крайности. Махмудъ прежде всего потребовалъ полнаго удовлетворенія за уничтоженіе турецкаго флота и обнаружилъ такую неуступчивость относительно посредничества, что посланники трехъ союзныхъ дворовъ оставили Константинополь (8 декабря). А черезъ нѣсколько дней султанъ призвалъ своихъ мусульманскихъ подданныхъ къ священной войнѣ; въ изданномъ по этому поводу рѣзкомъ манифестѣ онъ нападалъ, главнымъ образомъ, на Россію, обвиняя ее въ томъ, что она давно уже не переставала сѣять смуту въ Турецкой имперіи и обманула турецкое правительство въ Аккерманѣ, увѣривъ его, что она не намѣрена больше вмѣшиваться въ греческій вопросъ; при этомъ султанъ утверждалъ, что, соглашаясь въ 1826 г. на требованія русскаго царя, онъ имѣлъ въ виду только выиграть время и лучше приготовиться къ мести (18 декабря).

Особенную смѣлость придавало Портѣ поведеніе англійскаго правительства, которое не только не было довольно побѣдой при Наваринѣ, но даже косвенно выразило порицаніе этому событію, назвавши его *несчастной случайностью*, и, главнымъ образомъ, заботилось, повидимому, о томъ, чтобы не сыграть въ руку русской политикѣ на Востокѣ. Каннинга нѣсколько мѣсяцевъ уже не было въ живыхъ. Веллингтонъ, который въ это время очутился у власти (январь 1828 года), не питалъ никакой симпатіи къ грекамъ и путемъ многозначительныхъ обѣщаній старался отвлечь Францію отъ союза съ Россіей.

Но единомысліе парижскаго и петербургскаго кабинетовъ казалось тогда неразрывнымъ. Поэтому, Николай, не скрывая своихъ воинственныхъ проектовъ, формально сдѣлалъ слѣдующія предложенія: 1) занять Молдавію и Валахію (русскими войсками); 2) употребить союзныя эскадры на блокаду Константинополя и Александріи, а также на освобожденіе и на защиту Мореи; 3) предоставить Каподистріи, президенту Греціи [1]), значительную денежную субсидію; 4) поручить тремъ посланникамъ, аккредитованнымъ въ послѣднее время при константинопольскомъ дворѣ, съѣхаться въ Корфу на конференцію въ интересахъ облегченія мира. Въ это время царь ничего еще не зналъ о турецкомъ манифестѣ 18 декабря и не вполнѣ освободился еще отъ войны съ Персіей. Избавившись отъ этой послѣдней заботы, благодаря выгодному Туркманчайскому миру (22 февраля), и узнавши объ изданіи манифеста, который глубоко возмутилъ его, Николай твердо рѣшился не откладывать больше открытія военныхъ дѣйствій противъ турокъ. Въ теченіе нѣкотораго времени Австрія пыталась удержать его отъ этого шага дипломатическими представленіями, но ей это не удалось. Въ концѣ апрѣля онъ сообщилъ европейскимъ дворамъ о своихъ намѣреніяхъ, а 7 мая русская армія начала переправляться черезъ Прутъ.

Лондонскій кабинетъ могъ пока добиться отъ Николая только обѣщанія, что русскій флотъ не станетъ предпринимать на Средиземномъ морѣ никакихъ дѣйствій безъ предварительнаго согла-

1) Въ это время онъ вступалъ въ отправленіе своей должности на Эгинѣ.

шенія съ англійской и французской эскадрами. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Николай оставлялъ за собой свободу дѣйствій. Поэтому Веллингтонъ снова (іюль) открылъ въ Лондонѣ конференцію трехъ союзныхъ дворовъ, прерванную съ нѣкотораго времени, и согласился на веденіе переговоровъ въ Корфу, которые начались 9 августа. Не рѣшаясь сама занять Морею изъ опасенія возбудить подозрѣнія Порты, которую Англія хотѣла увѣрить въ своей неизмѣнной дружбѣ, она согласилась на то, чтобы туда отправленъ былъ французскій корпусъ, который долженъ былъ удалить оттуда египтянъ и турокъ (19 іюля). На полуостровъ отправленъ былъ, такимъ образомъ, генералъ Мезонъ съ 15.000 солдатъ. Такъ какъ незадолго до этого Мехметъ-Али, въ силу конвенціи 6 августа, обязался отозвать свои войска, то Ибрагимъ безъ сопротивленія вывелъ своихъ солдатъ изъ Мореи. Турки послѣ чисто формальнаго сопротивленія также эвакуировали тѣ приморскіе пункты, которые еще оставались въ ихъ рукахъ, и до истеченія 1828 года весь Пелопоннесъ былъ освобожденъ отъ турецкаго владычества.

Что же касается царя, то вначалѣ военныя дѣйствія были для него неблагопріятны. Европа думала, что, въ виду огромнаго приписывавшагося ему превосходства въ военномъ и финансовомъ отношеніяхъ онъ легко разобьетъ турокъ въ теченіи одной кампаніи. Оказалось не совсѣмъ такъ. Русскіе, правда, достигли довольно большихъ успѣховъ въ Азіи, гдѣ Меньшиковъ и Паскевичъ менѣе, чѣмъ въ шесть мѣсяцевъ, взяли Анапу, Поти, Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцыхъ и Ардаганъ. Но въ Европѣ, гдѣ именно и долженъ былъ быть нанесенъ главный ударъ, они потерпѣли цѣлый рядъ довольно серьезныхъ неудачъ. Русская армія, дурно вооруженная и скверно управляемая, заняла Молдавію и Валахію, переправилась черезъ Дунай, но только съ величайшимъ трудомъ взяла Варну и не могла овладѣть лагеремъ при Шумлѣ, гдѣ укрѣпились для защиты балканскихъ проходовъ молодыя турецкія войска, обученныя поевропейски. Наконецъ, русской арміи пришлось снять осаду Силистріи и съ огромными потерями отступить въ Дунайскія княжества (октябрь-ноябрь); Меттернихъ не безъ преувеличенія сравнивалъ это отступленіе съ отступленіемъ Наполеона въ 1812 году.

Кампанія 1829 года; Адріанопольскій трактатъ.—Если бы это зависѣло только отъ вѣнскаго двора, то противъ Россіи тогда могла бы составиться коалиція, чтобы принудить ее заключить миръ. Но для этого требовалось согласіе Пруссіи и Франціи вступить въ эту коалицію, а обѣ эти державы отказались поддержать предложеніе Австріи. Англія же старалась убѣдить Карла X возобновить вмѣстѣ съ нею переговоры въ Константинополѣ объ умиротвореніи Греціи. Франція отъ этого не отказалась, но она хотѣла, чтобы этотъ шагъ предпринятъ былъ не иначе, какъ съ согласія царя (16 ноября). А Николай потребовалъ, чтобы до начатія новыхъ переговоровъ въ Константинополѣ Лондонская конференція (въ которой участвовалъ его представитель) выработала опредѣленную программу требованій, имѣющихъ лечь въ основу мирнаго договора. Такъ и было сдѣлано, и протоколъ 22 марта 1829 года, въ значительной степени совпадавшій съ предложеніями русскаго правительства, долженъ былъ послужить инструкціей для дипломатическихъ агентовъ, собиравшихся отправиться на Востокъ. Въ силу этого соглашенія (главные пункты котораго обсуждались на совѣщаніяхъ, происходившихъ въ Корфу), эллинское государство должно было обнимать Морею, Цикладскіе острова, Эвбею и континентальную Грецію вплоть до заливовъ Воло и Арта [1]); новое го-

[1]) Веллингтонъ сдѣлалъ, правда, рѣшительную оговорку относительно этого разграниченія. Ан-

сударство должно было получить монархическую конституцію и управляться христіанскимъ монархомъ, который не долженъ былъ принадлежать ни къ одной изъ царствующихъ во Франціи, Англіи или Россіи династій. Первый монархъ новаго государства долженъ былъ быть назначенъ тремя союзными дворами съ согласія Порты; Греція должна была ежегодно уплачивать султану дань въ размѣрѣ 1.500.000 піастровъ и вознаградить турецкихъ землевладѣльцевъ, принужденныхъ оставить греческую территорію, за потерю имущества.

Вскорѣ послѣ этого султанъ принялъ французскаго и англійскаго посланниковъ съ большимъ почетомъ, но не обнаружилъ никакого желанія допустить какое бы то ни было вмѣшательство и примкнуть къ Лондонскому протоколу. И только военная неудача могла сломить его упорство. Кампанія 1828 года не рѣшила ничего; зато кампанія 1829 г. привела къ рѣшительнымъ результатамъ. Въ Азіи Паскевичъ дошелъ до Эрзерума, которымъ и овладѣлъ. Въ Европѣ русская армія, усиленная, реорганизованная и поддержанная диверсіей грековъ, которые въ это время напали на турокъ со стороны Эпира и Ѳессаліи, снова появилась въ Болгаріи подъ предводительствомъ Дибича, разбила турокъ при Кулевчѣ (іюнь), взяла Силистрію и, совершивъ чрезвычайно смѣлый переходъ черезъ Балканы, 20 августа дошла до Адріанополя. А черезъ нѣсколько дней русскіе аванпосты приблизились на разстояніе нѣсколькихъ миль къ Константинополю.

Русскій полководецъ сильно рисковалъ и ставилъ все на карту. Углубившись въ непріятельскую страну и сильно удалившись отъ своей операціонной базы, онъ имѣлъ въ строю не больше двадцати тысячъ человѣкъ и могъ подвергнуться фланговому нападенію скутарійскаго паши, который шелъ на него форсированнымъ маршемъ. Но въ Константинополѣ султанъ и его министры, узнавши о приближеніи непріятеля, пали духомъ. Имъ показалось, что Турецкая имперія окончательно погибнетъ, если они не подпишутъ немедленнаго мира [1]). Эта паника привела къ Адріанопольскому трактату, который и былъ подписанъ 14 сентября 1829 года.

По этому трактату царь возвращалъ султану завоеванія, сдѣланныя въ Европѣ, за исключеніемъ острововъ въ устьяхъ Дуная, но въ Азіи онъ сохранялъ, кромѣ городовъ, уступленныхъ ему по Аккерманскому договору, Анапу, Поти, Ахалцыхъ, Атцкуръ и Ахалкалаки. Всѣ права Молдавіи, Валахіи и Сербіи были подтверждены и гарантированы. Порта предоставляла всѣмъ русскимъ судамъ, а также судамъ всѣхъ націй, съ которыми она состояла въ мирѣ, право свободнаго прохода черезъ Дарданельскій и Босфор-

глія, опасавшаяся непосредственнаго сосѣдства Греціи, въ виду принадлежавшихъ ей Іоническихъ острововъ, хотѣла, чтобы новое государство было ограничено на сѣверо-западѣ рѣкой Аспропотамомъ, а не моремъ. И она не отказывалась (какъ мы это увидимъ дальше) отъ надежды добиться соглашенія, соотвѣтствующаго ея видамъ.

1) Если бы это зависѣло только отъ царя, то Турецкая имперія исчезла бы съ карты Европы. Что же касается французскаго правительства, бывшаго тогда союзникомъ царя, то оно въ то время такъ мало расположено было защищать Турцію, что тайно предложило Николаю произвести раздѣлъ Оттоманской имперіи: по этому проекту, турки изгонялись съ Балканскаго полуострова; Россія должна была получить Молдавію и Валахію; Австрія—Сербію, Боснію, Герцеговину и турецкую Далмацію; вся остальная часть полуострова вмѣстѣ съ Греціей должна была составить новое государство, во главѣ котораго предполагалось поставить голландскаго короля. Нидерланды, въ свою очередь, подлежали раздѣлу: голландскія провинціи поступили бы Пруссіи (также и Саксонія), Бельгія—Франціи, а рейнская Пруссія досталась бы саксонскому королю. Англіи предложили бы взять голландскія колоніи; наконецъ, варварійскія владѣнія Турціи получили бы независимость.

скій проливы. Русскимъ подданнымъ предоставлялась полная свобода торговли въ Турецкой имперіи и свобода плаванія по Черному морю. Султанъ долженъ былъ уплатить царю 11.500.000 дукатовъ военной контрибуціи, а въ обезпеченіе уплаты Болгарія и Дунайскія княжества оставались временно въ русской оккупаціи. Наконецъ, относительно греческихъ дѣлъ, Порта безъ оговорокъ признала постановленія трактата 6 іюля и протокола 22 марта. Къ главному содержанію мирнаго договора прибавлены были конвенція относительно уплаты контрибуціи и трактатъ относительно Молдавіи и Валахіи.

Этотъ мирный договоръ былъ величайшимъ тріумфомъ для Россіи, котораго она могла въ то время достигнуть на Востокѣ. Благодаря потерѣ Молдавіи, Валахіи, Сербіи и Греціи, новое положеніе которыхъ несомнѣнно представляло шагъ къ полной независимости, Турецкая имперія, подорванная и разбитая, со всѣхъ сторонъ открыта была для русскаго вліянія. Кромѣ того, царь держалъ Турцію въ своихъ рукахъ, благодаря контрибуціи, которую она, понятно, не въ состояніи была выплатить. Въ Азіи онъ владѣлъ, на основаніи послѣдняго договора, нѣсколькими пунктами, съ которыхъ онъ легко могъ начать противъ нея нападеніе. Пользуясь свободой плаванія по Черному морю и проливамъ, выговоренными для себя коммерческими выгодами, своимъ вліяніемъ на вассальныя государства и своими притязаніями на протекторатъ надъ всѣми христіанскими подданными Турецкой имперіи, онъ эксплуатировалъ ее, парализовалъ ее и во всякое время могъ найти предлогъ къ ссорѣ съ нею; такимъ образомъ онъ господствовалъ надъ нею съ меньшими издержками и рискомъ, чѣмъ если бы онъ овладѣлъ Константинополемъ. Надѣвши маску умѣренности, онъ сдѣлался властителемъ Востока.

III. Турецкая имперія и христіанскія націи послѣ Адріанопольскаго трактата.

1) Турція. Махмудъ и его военныя реформы.—Турецкая имперія страдала хронической болѣзнью, важнѣйшимъ симптомомъ которой, на ряду съ финансовымъ банкротствомъ, была военная дезорганизація. Янычарскій корпусъ, эта недисциплинированная и варварская милиція, давно уже игралъ роль одного изъ дѣятельнѣйшихъ факторовъ ея разложенія. Махмудъ имѣлъ возможность въ этомъ убѣдиться. Неудачнымъ исходомъ обѣихъ послѣднихъ войнъ онъ обязанъ былъ, главнымъ образомъ, тому фіаско, которое претерпѣли реформы Селима. Янычары составляли настоящую касту, одаренную чрезмѣрными привилегіями; сыновья наслѣдовали своимъ отцамъ, а рекруты, вербовавшіеся извнѣ, выходили обыкновенно изъ отбросовъ населенія. Они проживали въ Константинополѣ и въ главныхъ городахъ имперіи, занимаясь всевозможными ремеслами, въ томъ числѣ и самыми предосудительными, а становясь солдатами, они только то и дѣлали, что грабили и мучили мирныхъ жителей или устраивали бунты. Они отказывались часто выступать въ походъ противъ непріятеля. Казнокрадство офицеровъ, которые воровали жалованье солдатъ, постоянно вводило правительство въ заблужденіе; жалованье выдавалось на 400.000 человѣкъ, а когда нужно было, то часто нельзя было выставить болѣе 20.000.

Махмудъ, который долго долженъ былъ скрывать свою ненависть къ янычарамъ, тѣмъ не менѣе не дожидался Адріанопольскаго трактата для того, чтобы возобновить по отношенію къ нимъ политику Селима. Не рѣшаясь еще совершенно уничтожить этотъ корпусъ, онъ сдѣлалъ въ 1822 году попытку его реорганизовать. Но всѣ его усилія привить къ нимъ европейскую тактику и дисци-

плину закончились полнѣйшей неудачей. Для борьбы съ греками ему пришлось прибѣгнуть къ помощи вассала. Успѣхи, одержанные египетскими войсками, превосходная организація которыхъ вызывала въ немъ зависть, побудили его снова взяться за реформы. Ободренный взятіемъ Миссолунги, поддерживаемый улемами, которыхъ янычары возстановили противъ себя своимъ нечестіемъ, одобряемый высшими сановниками имперіи, которымъ муфтій сообщилъ о его намѣреніяхъ, султанъ 28 мая 1826 года издалъ указъ о сформированіи регулярнаго корпуса *акинджи* (солдатъ на дѣйствительной службѣ), въ который каждая изъ пятидесяти одной *ортъ*, стоявшихъ гарнизономъ въ столицѣ, должна была поставить по 150 человѣкъ. Это новое войско предполагалось вооружить, обмундировать и обучить по-европейски подъ руководствомъ приглашенныхъ изъ Египта офицеровъ. Янычарскій главный штабъ, который султану удалось привлечь на свою сторону, подчинился безъ сопротивленія. Но иначе повели себя унтеръ-офицеры и рядовые. 12 іюня начались новыя упражненія, а 15-го вспыхнуло возстаніе. Бунтовщики разграбили дворецъ великаго визиря и нѣкоторыхъ другихъ высшихъ сановниковъ, требуя преданія ихъ смерти. Но послѣдовала быстрая и страшная репрессія. Махмудъ, заранѣе принявшій всѣ мѣры предосторожности и ничуть не испугавшійся возмущенія, приказалъ развернуть противъ бунтовщиковъ *санджакъ-шерифъ* (знамя пророка) и отбросилъ ихъ къ площади Этъ-Мейданъ; янычары, окруженные со всѣхъ сторонъ, были безжалостно разстрѣляны пушечными выстрѣлами и ружейнымъ огнемъ. Въ этотъ день погибло отъ шести до семи тысячъ янычаръ; множество другихъ, взятыхъ въ плѣнъ, было казнено въ слѣдующіе дни. Остальные разсѣялись. Побѣда султана была полная. Въ виду этого онъ приказалъ совершенно уничтожить *оджакъ*,— и эта мѣра была быстро исполнена по всей имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ уничтоженъ орденъ дервишей *бекташи*, которые всегда дѣйствовали солидарно съ янычарами. Двадцать тысячъ бродягъ было выслано изъ Константинополя. А такъ какъ нѣкоторые изъ побѣжденныхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (августъ—октябрь) стали устраивать въ столицѣ поджоги, то султанъ приказалъ отрубить еще нѣсколько головъ,—и побѣда осталась за закономъ.

Уничтоживши корпусъ янычаръ, Махмудъ предписалъ сформировать корпусъ регулярной арміи—„побѣдоносное войско Магомета“; корпусъ этотъ былъ сформированъ зятемъ султана, Гуссейномъ-пашой, и, достигнувъ численности въ 40.000 человѣкъ, былъ уже въ состояніи съ честью помѣряться съ русской арміей въ 1828 году. Съ этого времени старанія улучшить организацію турецкой арміи не прекращались. Въ Константинополь были приглашены европейскіе офицеры въ качествѣ инструкторовъ. Морская, артиллерійская и инженерная школы, основанныя Мустафой III и Селимомъ, были возстановлены, а въ Западную Европу были посланы турецкіе юноши для изученія военнаго дѣла. Была создана спеціальная школа, по образцу Сенъ-Сирской, для подготовки пѣхотныхъ и кавалерійскихъ офицеровъ. Махмудъ повелѣлъ, чтобы недостаточное и устарѣлое вооруженіе арміи постепенно было обновлено и усовершенствовано. Онъ приказалъ произвести обширныя фортификаціонныя работы на армянской границѣ, а также вдоль Балканской линіи. Онъ хотѣлъ также преобразовать флотъ, который составлялъ предметъ его постоянныхъ заботъ. Наконецъ, полагая, что состоящія на дѣйствительной службѣ войска, коими онъ могъ располагать, слишкомъ малочисленны для защиты имперіи отъ такой первоклассной державы, какъ, напримѣръ, Россія, онъ учредилъ (6 августа 1834

года), подъ названіемъ *акасири-редифей-мансури*, регулярную и постоянную резервную армію; въ нее призывались молодые люди отъ 23 до 32 лѣтъ, изъ которыхъ въ каждомъ санджакѣ или военномъ округѣ составлялся батальонъ силой въ 1.400 человѣкъ.

Гражданскія реформы.—Махмудъ обнаружилъ такую же склонность къ реформамъ и въ гражданскомъ быту. Будучи большимъ поклонникомъ европейской цивилизаціи (съ которой онъ мало, впрочемъ, былъ знакомъ), онъ намѣренъ былъ ввести ее въ своемъ государствѣ путемъ декретовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы турецкія провинціи имѣли хорошіе пути сообщенія, и издавалъ въ этомъ направленіи приказы. Онъ ввелъ въ Турціи новую администрацію, почтовыя учрежденія. „Его реформаторскій пылъ и настойчивость росли вмѣстѣ съ затрудненіями, на которыя онъ наталкивался; дѣятельно преслѣдуя реорганизацію арміи, онъ въ то же время учредилъ военный и гражданскій орденъ Нишамъ-Ифтикаръ; онъ приказалъ издавать въ Константинополѣ газету (на французскомъ и турецкомъ языкахъ), оттоманскій *Монитёръ*. Онъ вводилъ западные обычаи, устраивалъ празднества, балы и концерты по европейскому образцу, ввелъ паспортную систему, запрещалъ ношеніе тюрбана и самъ подавалъ примѣръ, одѣваясь по-европейски“. Къ концу своего царствованія онъ основалъ въ приморскихъ портахъ лазареты и приказалъ, чтобы суда выдерживали обязательный карантинъ. Наконецъ, для того, чтобы ясно показать, что Турція хочетъ выйти изъ того изолированнаго положенія, которое столько ей повредило, онъ учредилъ постоянныя посольства при нѣкоторыхъ дворахъ, а именно: при французскомъ, англійскомъ и австрійскомъ.

Новыя смуты въ Турецкой имперіи.—Но, несмотря на эту лихорадочную дѣятельность, которая слишкомъ запоздала и отличалась безпорядочнымъ и рѣзкимъ характеромъ, Турція, давно уже вступившая въ стадію разложенія, продолжала падать все ниже. Махмудъ не умѣлъ связать свои реформы въ одну стройную систему. Не обладая ни достаточнымъ образованіемъ, ни достаточно широкимъ кругозоромъ, онъ не въ состояніи былъ ни дать имъ надлежащаго направленія, ни слѣдить за ихъ примѣненіемъ на практикѣ. Онъ умѣлъ только приказывать, грозить и наказывать, чѣмъ онъ иногда черезчуръ злоупотреблялъ. Онъ правилъ какъ настоящій восточный деспотъ; совершенно не зналъ дѣйствительности; приближенные часто его обманывали и почти никогда ему не повиновались. Такимъ образомъ, его законодательныя мѣропріятія, красиво звучавшія на бумагѣ, практически ни къ чему почти не приводили. Престижъ его внѣ Турціи мало повысился; Европа видѣла въ немъ только монарха, побѣжденнаго при Адріанополѣ. Когда въ 1830 году Франція повздорила съ Алжирскимъ деемъ, вассаломъ турецкаго султана, то она сама съ нимъ расправилась и захватила городъ Алжиръ, нисколько не считаясь съ протестами Махмуда, которые не помѣшали ей продолжать свою завоевательную политику. Въ самой Турціи паши обнаруживали, какъ и прежде, непослушаніе и угрожали власти султана. Военныя реформы Махмуда вызывали въ нихъ отвращеніе, а нѣкоторые открыто имъ противодѣйствовали и массами принимали къ себѣ на службу опальныхъ янычаръ. Въ 1830 и 1831 гг. скодранскій и багдадскій паши долго оказывали упорное сопротивленіе войскамъ султана; въ концѣ-концовъ они покорились, но подчиненіе это было чисто фиктивнымъ. Вплоть до конца царствованія Махмуда смута и бунты не прекращались въ Албаніи, Босніи и Македоніи. Султану приходилось долго воевать съ курдами въ Азіи и съ арабами въ Триполи. Самый могущественный изъ турецкихъ вассаловъ, египетскій паша, не

убоялся въ 1831 г. поднять оружіе противъ своего государя. Исторію борьбы Мегмета-Али противъ Махмуда читатель найдетъ въ другой главѣ этого сочиненія. Укажемъ только, что султанъ, будучи не въ состояніи защищаться собственными силами и опасаясь приближенія египтянъ къ Константинополю, принужденъ былъ униженно просить русской помощи и что Николай въ награду за оказанную султану помощь добился отъ него подписанія договора въ Ункіаръ-Скелесси, которымъ ознаменовалось полное подчиненіе Турціи видамъ петербургскаго кабинета (8 іюля 1833 года). Удовлетворенный своей безграничной властью надъ султаномъ, царь спустя нѣкоторое время простилъ ему часть контрибуціи, предписанной Адріанопольскимъ трактатомъ, которую Порта не въ состояніи была уплатить, и согласился эвакуировать Дунайскія княжества (1834 г.). Но онъ оставилъ въ своихъ рукахъ Силистрію [1]) и возвратилъ эту крѣпость только въ 1836 году за 30 милліоновъ піастровъ, которые султанъ, безъ сомнѣнія, никогда не могъ бы уплатить безъ помощи Англіи, заинтересованной въ этой поддержкѣ. И уже наканунѣ смерти Махмуда (1 іюля 1839 г.) египетскій паша, котораго онъ провоцировалъ на новую войну, нанесъ ему рѣшительное пораженіе при Незибѣ.

Непопулярность Махмуда. — Монархъ этотъ давно уже былъ непопуляренъ, и непопулярность эта, которую далеко нельзя объяснять только его военными и дипломатическими неудачами, за послѣдніе годы его царствованія еще возросла. Его реформаторская политика возстановила противъ него мусульманскій міръ, предразсудки котораго онъ недостаточно щадилъ; можно даже сказать, что ему доставляло особенное удовольствіе безъ всякой надобности дразнить правовѣрныхъ мусульманъ. Вѣрные послѣдователи ислама, въ своемъ благочестивомъ невѣжествѣ, считали непростительной измѣной всѣ тѣ уступки, которыя султанъ дѣлалъ христіанской цивилизаціи. Противъ него были не только паши и янычары, но вся турецкая нація и всѣ вообще магометанскіе народы, государемъ которыхъ онъ сдѣлался благодаря революціи 1808 года. Султанъ, одѣвавшійся по-европейски, позволявшій своимъ женамъ появляться въ общественныхъ мѣстахъ, пившій (и не безъ излишества) вино вопреки запрещенію Корана, присутствовавшій на банкетахъ и балахъ невѣрныхъ, заимствовавшій у христіанъ ихъ обычаи, нравы и учрежденія, такой султанъ недостоинъ былъ, по ихъ мнѣнію, носить саблю Османа. Вопреки постановленіямъ святого закона, который запрещаетъ изображать человѣческое лицо, Махмудъ приказалъ чеканить монету со своимъ изображеніемъ и повѣсить свои портреты въ казармахъ. Старовѣры завопили о святотатствѣ, и султанъ долженъ былъ изъять изъ обращенія монету и убрать портреты. Нѣкоторые находили даже страннымъ, что къ концу своего царствованія онъ не хотѣлъ жить взаперти въ сералѣ, а находилъ удовольствіе въ разъѣздахъ и посѣщеніи нѣкоторыхъ провинцій своей имперіи. Во время этихъ разъѣздовъ онъ всюду встрѣчалъ выраженіе народнаго недовольства. По возвращеніи изъ одного путешествія въ Болгарію (1837 г.) онъ узналъ, что нѣкоторые изъ его совѣтниковъ, которые принадлежали къ партіи „старыхъ турокъ", въ его отсутствіе составили заговоръ для лишенія его власти и даже жизни. Въ другой разъ, когда онъ проѣзжалъ по Галатскому мосту, какой-то дервишъ, пользовавшійся славой святого, остановилъ его и крикнулъ: „Падишахъ гяуръ, не пропитанъ ли ты мерзостью? Аллахъ потребуетъ у тебя отчета въ твоемъ нечестіи. Ты разрушаешь исламъ..." и т. д.

[1]) Остальную часть Болгаріи, а также Румелію онъ эвакуировалъ въ силу договора, заключеннаго съ Портой 10 апрѣля 1830 года.

Султанъ приказалъ его казнить, но ненависть къ нему еще усилилась.

2) Греція. Протоколъ 3 февраля 1830 г. и Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій. — Протоколъ 22 марта имѣлъ характеръ временной мѣры, которую греки приняли за отсутствіемъ лучшаго, но дѣлая при этомъ рѣшительныя оговорки; они громко требовали пересмотра этого протокола съ того момента, когда турки положили оружіе. Притомъ три подписавшія его державы не всѣ согласны были принудить грековъ удовлетвориться его постановленіями, а Лондонская конференція не замедлила измѣнить его въ ихъ пользу. Они требовали полной независимости. Франція и Англія съ тѣмъ большей охотой готовы были дать имъ удовлетвореніе, что при условіи сохраненія вассальныхъ отношеній Греціи къ Турціи Россія каждый разъ вмѣшивалась бы въ ихъ дѣла подъ предлогомъ ихъ защиты (какъ это она дѣлала съ Молдавіей и Валахіей). И онѣ добились своего. Съ другой стороны, Россія, желавшая насколько возможно ослабить Турцію и привести въ замѣшательство Англію (дрожавшую за Іоническіе острова), хотѣла, чтобы новое государство на западѣ простиралось до Артскаго залива, какъ на это можно было разсчитывать по смыслу протокола 22 марта. Но Великобританія на это не согласилась. Такимъ образомъ протоколомъ 3 февраля 1830 года было постановлено, что Греція составитъ независимое государство, что границы ея не перейдутъ за Аспропотамъ, что образъ правленія ея будетъ монархическій, и что корона Греціи предложена будетъ Леопольду Саксенъ-Кобургскому (кандидату Англіи).

На самомъ дѣлѣ этотъ принцъ не очень-то интересовался тогда греческимъ престоломъ. Поэтому онъ, не соглашаясь сразу на сдѣланное ему предложеніе, поставилъ нѣсколько условій. Онъ хотѣлъ: 1) чтобы независимость новаго государства была *гарантирована* державами; 2) чтобы размѣры королевства были увеличены путемъ присоединенія нѣкоторыхъ острововъ (Самосъ, Критъ и пр.) и расширеніемъ сѣверной границы; 3) чтобы ему была предоставлена денежная помощь; 4) чтобы оно не было сразу лишено военной поддержки тройственнаго союза. На это конференція отвѣтила ему, что независимость страны и заемъ въ шестьдесятъ милліоновъ будутъ гарантированы; что французскія войска оставлены будутъ въ Мореѣ еще на годъ, но что границы, установленныя протоколомъ 3 февраля, не подлежатъ измѣненію (протоколъ 20 февраля). Леопольдъ, правда, безъ особаго энтузіазма, склонялся, повидимому, къ принятію этого соглашенія. Порта примкнула къ нему безъ противорѣчій (24 апрѣля). Но не такъ поступила Греція. Каподистрія, подстрекаемый Россіей и страстно желавшій сохранить власть въ своихъ рукахъ, дѣйствовалъ такимъ образомъ, чтобы отбить у принца всякую охоту принять предложенную ему корону. Со времени своего прибытія въ Навплію (январь 1828 г.) Каподистрія велъ себя, какъ настоящій диктаторъ. Онъ пріостановилъ дѣйствіе конституціи 1827 года и управлялъ страной по собственному произволу, если не считать контроля вполнѣ преданнаго ему сената. Подъ его вліяніемъ, этотъ совѣтъ заявилъ, что греческій народъ имѣетъ право высказать свое мнѣніе насчетъ своей будущей судьбы и что конституція должна подвергнуться свободному обсужденію народныхъ представителей; что новое государство не можетъ удовлетвориться границами, установленными конвенціей 3 февраля; и наконецъ, что принцъ Леопольдъ долженъ принять православіе (10 апрѣля). Каподистрія же приглашалъ Леопольда пріѣхать въ Грецію. Но онъ описалъ ему въ такихъ мрачныхъ краскахъ нищету и анархію этой несчастной страны, недисциплинированность и варварство

будущихъ его подданныхъ и разочарованіе, вызванное въ Греціи рѣшеніемъ державъ относительно границъ, что принцъ, уже и безъ того не очень-то склонный связать свою судьбу съ такимъ народомъ, рѣшительно отказался отъ греческой короны (21 мая).

Конференція снова должна была приняться за работу. Но разрѣшившаяся вскорѣ іюльская революція и вызванное ею во всей Европѣ потрясеніе отвлекли вниманіе трехъ союзныхъ державъ отъ греческаго вопроса; и, такимъ образомъ, участь Греціи въ теченіе нѣкотораго времени оставалась еще нерѣшенной.

Смерть Каподистріи.—Итакъ, Каподистрія остался у власти. Но деспотическіе и насильственные пріемы его управленія создали ему крайнюю непопулярность. Его упрекали въ томъ, что онъ откладываетъ на неопредѣленное время примѣненіе конституціи. Кромѣ того, греческій народъ видѣлъ въ немъ агента русской политики и опасался, чтобы онъ не вздумалъ поставить страну подъ протекторатъ царя. Его полицейскія строгости и суровое отношеніе къ прессѣ окончательно ожесточили недовольныхъ. Въ началѣ 1831 года гидріоты возмутились противъ Каподистріи. Скоро возстаніе охватило острова. Майноты, подъ предводительствомъ могущественной семьи Мавромихалисъ, также взялись за оружіе (апрѣль). Инсургенты, руководимые Міаулисомъ, овладали флотомъ. Каподистрія, какъ и слѣдовало ожидать, обратился къ царю за помощью. Русская эскадра блокировала на Поросскомъ рейдѣ Міаулиса, который предпочелъ скорѣе взорвать свои суда, чѣмъ выдать ихъ русскимъ (13 августа). А черезъ два мѣсяца президентъ былъ убитъ въ Навпліи братьями Георгіемъ и Константиномъ Мавромихалисъ (9 октября). Тогда анархія еще усилилась. Составилась исполнительная комиссія, во главѣ которой былъ поставленъ братъ Каподистріи, но никто ей не повиновался. Скоро возникли два правительства, одно въ Навпліи, другое въ Мегарѣ. Но подавляющее большинство населенія высказалось за послѣднее, враждебное русскому вліянію; въ концѣ-концовъ оно и восторжествовало, овладѣвъ Навпліей (10 апрѣля 1832 г.).

Вступленіе на престолъ Оттона Баварскаго.—Лондонская конференція вмѣшалась, наконецъ, чтобы прекратить эту сумятицу. Русскій императоръ уже нѣсколько мѣсяцевъ велъ переговоры, съ одной стороны, съ Франціей и Англіей, а съ другой—съ Портой, чтобы дать грекамъ короля и привлечь къ себѣ ихъ симпатіи, добившись увеличенія ихъ территоріи. Обѣ западныя державы, не желавшія дать ему возможности выступать въ качествѣ единственнаго друга и покровителя греческой націи, уступили его настояніямъ. Протоколомъ 7 мая 1832 года греческая корона отдана была молодому Оттону Баварскому (сыну короля-филэллина, Людвига I), при чемъ ему обѣщаны тѣ же гарантіи, которыя нѣкогда предложены были Леопольду. Ему подана была также надежда, что территорія новаго королевства, ограниченная устьемъ Аспропотама, будетъ расширена до Артскаго залива. Порта не только не воспротивилась назначенію новаго короля, но даже безъ особыхъ затрудненій согласилась за 12 милліоновъ на расширеніе греческихъ предѣловъ (21 іюля). На этотъ разъ и греки признали постановленія конференціи (8 августа). Въ началѣ слѣдующаго года (6 февраля 1833 г.) король Оттонъ могъ уже высадиться въ Навпліи вмѣстѣ съ совѣтомъ регентства, которому поручено было управлять страной отъ имени юнаго короля вплоть до достиженія имъ совершеннолѣтія (т.-е. до 1835 года), и съ 3.500 баварскихъ солдатъ, которые смѣнили французскіе гарнизоны, стоявшіе въ Мореѣ. Греція сложилась, наконецъ, въ самостоятельное

государство. Теперь ей оставалось выработать себѣ правильную администрацію и завоевать внутненнюю политическую свободу. И этимъ задачамъ она, главнымъ образомъ, и посвятила свои усилія въ продолженіе первыхъ лѣтъ царствованія Оттона. Въ внѣшнихъ отношеніяхъ ей хотѣлось расширить свою территорію далеко за отведенные ей предѣлы. Но обнаружить это стремленіе она могла лишь долгое время спустя.

3) Сербія и Болгарія. Гатти-шерифъ 1830 года и автономія Сербіи. — Бухарестскій трактатъ обѣщалъ сербамъ политическую автономію, за которую они такъ много боролись. Но турецкое правительство, освободившись въ 1813 году отъ Кара-Георгія, не сдержало своихъ обѣщаній, а Милошъ Обреновичъ долженъ былъ въ 1815 году удовольствоваться тѣмъ modus'омъ vivendi, который описанъ въ другой главѣ этого сочиненія [1]). Этотъ хитрый, честолюбивый и безсовѣстный воевода поспѣшилъ затѣмъ путемъ преступленія отдѣлаться отъ Кара-Георгія, котораго гетеристы убѣдили возвратиться въ Сербію (іюль 1817 г.). Вскорѣ послѣ того Порта утвердила его въ званіи князя, которое въ ноябрѣ дали ему его партизаны. Нисколько не расположенный компрометировать свое положеніе въ пользу грековъ, онъ сумѣлъ съ 1821 года выдавать себя передъ султаномъ за его вѣрнаго слугу, а Махмудъ, изъ политическихъ расчетовъ, награждалъ его за эту вѣрность цѣлымъ рядомъ мелкихъ уступокъ, которыя значительно усилили его власть. Но конституція, обѣщанная въ 1812 году, не была еще дарована въ 1826 году. Сербскіе депутаты, посланные въ Константинополь потребовать ее, были даже задержаны тамъ въ качествѣ заложниковъ, и это насильственное задержаніе сербской делегаціи въ теченіе долгаго времени было одной изъ причинъ неудовольствія Александра I противъ Высокой Порты. Въ концѣ-концовъ султанъ отпустилъ ихъ на свободу. Но Николай I пошелъ дальше въ своихъ требованіяхъ, и къ Аккерманскому договору присоединена была конвеція, по которой падишахъ обязался въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ издать грамоту, обезпечивающую Сербіи слѣдующія привилегіи: свободное избраніе воеводъ, независимость администраціи, свободу вѣроисповѣданія, объединеніе всѣхъ сборовъ въ одинъ налогъ, присоединеніе округовъ, первоначально отдѣленныхъ отъ княжества, переходъ принадлежащихъ мусульманамъ имуществъ въ управленіе казны (съ обязательствомъ уплачивать доходъ съ этихъ имуществъ вмѣстѣ съ уплатой дани Портѣ), свобода торговли, дозволеніе сербскимъ купцамъ путешествовать по областямъ Оттоманской имперіи съ собственными паспортами, основаніе больницъ, школъ, типографій и, наконецъ, запрещеніе мусульманамъ (за исключеніемъ лицъ, принадлежащихъ къ гарнизонамъ) селиться въ странѣ.

Русско-турецкая война задержала исполненіе этого обѣщанія, и только послѣ Адріанопольскаго трактата Порта гатти-шерифомъ, изданнымъ въ августѣ 1830 года, торжественно санкціонировала привилегіи Сербіи. Начиная съ этого времени, страна эта сдѣлалась независимой не только юридически, но и фактически. Правда, она осталась въ вассальномъ подчиненіи Турціи и обязана была платить ей дань; а Бѣлградская крѣпость по прежнему занята была турецкимъ гар-

[1]) См. томъ II, стр. 124—125.—Послѣ возстанія 1814 года (подъ руководствомъ Милоша) состоялось слѣдующее соглашеніе: власть въ Сербіи раздѣляется между пашой и главнымъ воеводой (княземъ). Бѣлградъ и Крагуевацъ одновременно охраняются турецкимъ гарнизономъ и сербской милиціей. Князья получаютъ прежнюю власть всюду, кромѣ крѣпостей и пограничныхъ городовъ. Размѣры налога устанавливаются пашой и князьями; скупщина распредѣляетъ хъ между деревнями, а князья производятъ раскладку между отдѣльными дворами.

низономъ. Но въ административномъ, полицейскомъ, судебномъ, вѣроисповѣдномъ и экономическомъ отношеніяхъ она зависѣла только отъ своего мѣстнаго правительства. Сербія имѣла свои финансы и свою національную милицію. Такъ какъ Турція не исполняла своего обѣщанія присоединить къ Сербіи тѣ округа, которые раньше были отъ нея отдѣлены, то Милошъ въ 1833 году занялъ ихъ силою и выселилъ оттуда мусульманъ. Этотъ произвольный поступокъ не помѣшалъ ему, впрочемъ, добиться отъ Порты новыхъ льготъ. Такъ, султанъ, хотя и не желавшій въ принципѣ признать за его семьей наслѣдственныя права, согласился на то, чтобы княжеское достоинство перешло отъ Милоша къ его сыну, а отъ послѣдняго къ его внуку (1835). Князь вскорѣ послѣ того (1836) отблагодарилъ султана за эту милость, подавивши сдѣланную однимъ изъ его родственниковъ попытку вызвать въ Болгаріи, все еще угнетаемой и терпѣливо сносившей турецкій гнетъ, возстаніе, аналогичное сербскому.

Правленіе Милоша. — Милошъ ввелъ въ своемъ княжествѣ правильную администрацію и гражданское законодательство, въ значительной степени заимствованное изъ Кодекса Наполеона. Онъ освободилъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и объединилъ налоги. Но если, съ одной стороны, онъ установилъ въ странѣ порядокъ, то, съ другой стороны, онъ управлялъ ею съ такимъ деспотизмомъ, что въ концѣ-концовъ заслужилъ величайшую непопулярность. „Онъ присвоивалъ себѣ,—говоритъ одинъ историкъ,—все, что ему нравилось: земли, дома, мельницы, и вознаграждалъ законныхъ владѣльцевъ по своему усмотрѣнію. Онъ приказалъ сжечь одно изъ бѣлградскихъ предмѣстій, такъ какъ намѣренъ былъ возвести въ этомъ предмѣстьѣ новыя постройки. Онъ продолжалъ требовать отъ народа исполненія такихъ повинностей, которыя носили характеръ барщины. Ужицкіе крестьяне должны были являться въ Крагуевацъ, чтобы помогать ему скосить свое сѣно. Жители принуждены были принимать на квартиры и кормить его солдатъ, не получая за это никакого вознагражденія. Милошъ не отступалъ ни передъ какими средствами, чтобы обезпечить себѣ монополію торговли самыми доходными статьями; онъ приказалъ огородить лѣса, гдѣ паслись стада его свиней, тогда какъ въ прежнее время эти лѣса были открыты для общаго пользованія... Сдѣлки на срокъ были запрещены, а такъ какъ Милошъ былъ самымъ крупнымъ въ Сербіи капиталистомъ, то всѣ подумали, что эта мѣра, ведущая къ стѣсненію торговыхъ компаній, не могущихъ обойтись безъ кредитныхъ операцій, имѣла своей цѣлью сосредоточить въ рукахъ князя всѣ коммерческіе доходы. Облеченный властью на основаніи султанскаго берата, онъ, повидимому, воображалъ, что онъ не только князь, но и полный хозяинъ земли, народа и всего, чѣмъ владѣютъ его подданные“.

Недовольные; паденіе Обреновичей.—Національное недовольство прорвалось наружу, благодаря боярамъ, власть и привилегіи которыхъ Милошъ нарушалъ въ продолженіе двадцати лѣтъ. Вожаки этой аристократіи (Вучичъ, Петроневичъ и др.) успѣли въ 1835 году вырвать нѣкоторыя уступки, которыя вскорѣ показались имъ недостаточными; имъ удалось привлечь на свою сторону Диванъ, и они заставили его признать контроль совѣта, состоявшаго изъ семнадцати членовъ; это сдѣлано было гатти-шерифомъ 24 декабря 1838 года, который, кромѣ того, гарантировалъ сербамъ независимость судебной власти, свободу личности и неприкосновенность собственности. А когда Милошъ вздумалъ силой вернуть себѣ неограниченную власть, то они взялись за оружіе и принудили его отказаться отъ престола (12 іюня 1839 года). Ему

наслѣдовали два его сына, Миланъ (умершій въ томъ же году), а затѣмъ Михаилъ. Послѣдній поспѣшилъ отдѣлаться отъ Вучича и Петроневича, которые должны были удалиться, и агитація возобновилась. Старый Милошъ, поселившійся въ Валахіи, сильно волновался во время восточнаго кризиса 1840 года. Онъ совѣтовалъ вызвать всеобщее возстаніе румынскаго, сербскаго и болгарскаго населенія. Въ Константинополѣ боялись, чтобы сынъ его не увлекся проектами отца или не былъ замѣщенъ имъ на сербскомъ престолѣ. Противники Обреновичей склонили Порту къ новому перевороту, поддержанному также вѣнскимъ кабинетомъ. Вучичъ и его партизаны снова появились въ Сербіи, изгнали Михаила (августъ 1842 года) и заставили скупщину избрать на его мѣсто молодого Александра, внука Кара-Георгія. Петербургскій кабинетъ, правда, потребовалъ повторенія выборовъ, а когда новые выборы оказались неблагопріятными для Обреновичей (іюнь 1843 г.), то онъ затѣялъ заговоръ съ цѣлью низверженія Александра (1844). Но послѣдній все-таки сохранилъ власть, а русское вліяніе на время было уничтожено въ Бѣлградѣ.

Возрожденіе Болгаріи. — Освобожденіе Сербіи вывело изъ равновѣсія Болгарію, которая, благодаря славянской пропагандѣ, начала понемногу выходить изъ своего подавленнаго состоянія и, въ свою очередь, робко стремиться къ завоеванію свободы. Мы видѣли въ другомъ мѣстѣ этого сочиненія [1]), какъ этотъ народъ началъ вспоминать свое прошлое и мечтать о лучшемъ будущемъ. Послѣ монаха Паисія, написавшаго болгарскую исторію, и епископа Софронія (умершаго въ 1815 году), возродившаго болгарскій языкъ, самое благотворное вліяніе на Болгарію оказалъ русскій, Венелинъ, изданіемъ своего важнаго труда о древнихъ и новыхъ болгарахъ. Болгары помогали греческому движенію, основывали среднія учебныя заведенія (какъ, напр., школа въ Габровѣ, открытая въ 1835 году) и посредствомъ школы и книги вырабатывали себѣ новый духъ и національную литературу. А съ 1844 г. появились у нихъ и газеты. Особенную популярность началъ пріобрѣтать среди нихъ агитаторъ Раковскій, который былъ въ одно и то же время поэтомъ, историкомъ, лингвистомъ и этнографомъ. Болгарская нація начала приходить къ національному самосознанію. Если она не раньше стала требовать признанія своихъ правъ съ оружіемъ въ рукахъ, то произошло это потому, что ея умственное возрожденіе совершилось очень поздно. Съ другой стороны, это объясняется тѣмъ, что юная Болгарія, находившаяся на весьма близкомъ разстояніи отъ Константинополя и постоянно переполненная турецкими войсками, не могда сдѣлать малѣйшаго движенія, не рискуя навлечь на себя самую суровую репрессію, а сѣверная Болгарія, какъ область по преимуществу равнинная, совершенно не годилась для партизанской войны, какъ Сербія или Греція. Русская армія, проникшая въ эту страну въ 1828 году, подняла духъ болгаръ, которые привѣтствовали ее и оказывали ей всевозможныя услуги. И такимъ образомъ, этотъ народъ, нѣкогда отличавшійся крайней робостью, теперь уже не такъ страшился, какъ прежде, при мысли о возстаніи противъ своихъ мусульманскихъ повелителей. Это ясно обнаружилось въ 1841 году, когда болгары, доведенные до отчаянія вымогательствами и притѣсненіями одного паши и тайно подстрекаемые русскимъ правительствомъ, отважились на открытое возмущеніе. Правда,

---

[1]) См. томъ II, 108—110.—Пробужденіе Болгаріи начинается со времени походовъ русскихъ войскъ въ Болгарію (1788—1792 гг.), а особенно съ возстанія Пасванъ-Оглу, который сталъ въ Болгаріи во главѣ движенія „старыхъ турокъ" противъ реформъ Селима III. Въ войскѣ Пасванъ-Оглу было много болгаръ, особенно „гайдуковъ".

это движеніе было легко подавлено, а возстаніе потоплено въ крови, но болгарскіе патріоты не потеряли надежды, и революціонная пропаганда, сдѣлавшая возможной эту первую попытку, продолжалась съ большей энергіей, чѣмъ прежде.

4) **Румынскія княжества. Молдавія и Валахія съ 1821 до 1829 года.**— Въ Румыніи національное чувство проявилось въ 1821 году въ возстаніи Теодора Владимиреско, который потребовалъ отъ Порты возвращенія княжествамъ ихъ старинныхъ правъ и дарованія имъ „конституціи, соотвѣтствующей демократическимъ традиціямъ древнихъ учрежденій". Это движеніе не стояло ни въ какой связи съ попыткой гетериста Ипсиланти, имѣвшаго, главнымъ образомъ, въ виду освобожденія Греціи. Владимиреско даже открыто высказался противъ фанаріотовъ. Онъ хотѣлъ, чтобы они были исключены изъ состава администраціи и чтобы румынамъ представлены были не только избирательныя права, но и возможность выбирать въ господари туземцевъ. Онъ не замедлилъ поэтому сблизиться съ турками, чтобы выступить противъ Ипсиланти, которой въ концѣ-концовъ отдѣлался отъ него посредствомъ преступленія. Румынское населеніе, которое оплакивало смерть Владимиреско (и которое и въ настоящее время продолжаетъ видѣть въ немъ героя и мученика), не оказало никакой помощи греческимъ инсургентамъ. Поэтому Порта въ награду за ихъ вѣрность, фактически вернула румынамъ въ 1822 году административную автономію, которой они пользовались до возстанія. Въ Бухарестъ и въ Яссы посланы были новые господари, на этотъ разъ взятые не изъ константинопольскихъ грековъ, а изъ туземныхъ бояръ (Григорій Гика и Іоаннъ Стурдза). Мало-по-малу въ княжествахъ возстановилось спокойствіе и явилась возможность приступить къ осуществленію нѣкоторыхъ общеполезныхъ предпріятій. Но оккупація обѣихъ провинцій турецкими войсками не прекратилась. Поэтому Россія не переставала протестовать противъ нарушенія трактатовъ, которые предоставляли ей протекторатъ надъ княжествами; и Высокая Порта, какъ мы видѣли выше, должна была дать ей полное удовлетвореніе Аккерманскимъ договоромъ (8 октября 1826 года).

Въ силу этого договора, господари должны были отнынѣ выбираться мѣстными диванами изъ среды туземныхъ бояръ и утверждаться султаномъ; они назначались на семь лѣтъ и были переизбираемы; они подлежали удаленію отъ должности только въ случаѣ тяжкой провинности и съ согласія русскаго правительства. Эти господари имѣли право облагать населеніе налогами и повинностями согласно постановленіямъ гатти-шерифа 1802 года, считаясь при этомъ *съ представленіями* не только сюзеренной державы, но и *державы-покровительницы.* Княжествамъ предоставлялась полная свобода торговли съ нѣкоторыми ограниченіями, вызываемыми, съ одной стороны, необходимыми поставками для Порты, а съ другой— продовольствованіемъ населенія. Наконецъ, для того чтобы уничтожить слѣды послѣднихъ безпорядковъ и улучшить положеніе княжествъ въ административномъ отношеніи, обѣщана была выработка и примѣненіе къ каждому изъ нихъ въ самомъ непродолжительномъ времени общаго регламента.

Для выработки этого статута собрались въ 1827 году два комитета, составленные каждый изъ четырехъ членовъ (изъ коихъ двое назначены были Россіей и двое господаремъ). Но труды этихъ комитетовъ, совершавшіеся подъ контролемъ и надзоромъ русскаго генеральнаго консула, не были еще доведены до конца, когда императоръ Николай объявилъ Турціи войну (7 мая 1828 года). Начиная съ этого момента, провинціи эти ли-

шаются самостоятельной администраціи; занятыя русскими войсками, онѣ, въ управленіи графа Палена, а затѣмъ генерала Золтушина, подверглись страшнѣйшимъ притѣсненіямъ, при чемъ съ ними обращались какъ съ завоеванной страной. Для смягченія этихъ ужасовъ понадобился Адріанопольскій трактатъ, который почти совсѣмъ отмѣнилъ и безъ того сильно уменьшенныя права Порты на Дунайскія княжества (14 сентября 1829 года).

Въ силу этой конвенціи господари назначались уже не на семь лѣтъ, а пожизненно. Губернаторы смежныхъ турецкихъ провинцій лишены были права вмѣшиваться въ какой бы то ни было формѣ въ дѣла обоихъ княжествъ. Граница княжествъ опредѣлялась русломъ Дуная вплоть до слiянія его съ Прутомъ. Порта уступала Валахіи всѣ города, которыми она владѣла на лѣвомъ берегу рѣки (Журжево, Браиловъ, Калафатъ и т. д.). Мусульмане, жившіе въ княжествахъ, должны были выѣхать оттуда. Княжества освобождались отъ обязанности снабжать съѣстными припасами Константинополь, турецкія крѣпости и арсеналы; уплата дани султану должна была начаться лишь черезъ два года послѣ выступленія изъ княжествъ русскихъ войскъ. Наконецъ, господари получали право набирать милицію, необходимую для защиты страны и для полицейской службы, равно какъ для надзора за соблюденіемъ санитарныхъ правилъ относительно пріѣзжающихъ въ страну иностранцевъ.

Русская оккупація и органическій регламентъ 1831 года.—Такимъ образомъ, Дунайскія княжества были совершенно освобождены отъ турецкаго владычества,—но не отъ русскаго. Царскія войска продолжали занимать страну, которой отъ царскаго имени въ продолженіе пяти лѣтъ управлялъ Киселевъ. Если бы это зависѣло только отъ воли русскаго императора, то Молдавія и Валахія навѣрно были бы окончательно присоединены къ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ вассальныхъ провинцій. Въ 1830 и 1831 году онъ далъ понять румынамъ, что готовъ согласиться на административное соединеніе обоихъ княжествъ, котораго они такъ страстно желали, если новое государство предложитъ корону одному изъ русскихъ великихъ князей. А черезъ годъ (1833 г.), ободренный трактатомъ въ Ункіаръ-Скелесси, онъ предложилъ Портѣ уступить ему княжества въ обмѣнъ за военную контрибуцію, которую она ему еще не выплатила. Но сопротивленіе Франціи, Англіи и Австріи не позволило ему добиться отъ султана этой новой уступки. Вмѣшательство вѣнскаго кабинета повело даже къ заключенію договора 29 января 1834 года, въ силу котораго русскіе должны были въ концѣ-концовъ эвакуировать обѣ провинціи.

Обѣщанный въ 1826 году органическій регламентъ былъ выработанъ трудами Киселева, который, испросивши предварительно одобренія въ С.-Петербургѣ, для формы предложилъ его на обсужденіе двухъ генеральныхъ собраній, съѣхавшихся въ Бухарестѣ и Яссахъ въ 1831 году. Однако, эти собранія, членовъ которыхъ назначилъ самъ Киселевъ, приняли регламентъ не безъ сопротивленія. Послѣдніе трактаты давали румынской націи основаніе думать, что она располагаетъ полной свободой въ дѣлахъ внутренняго управленія. Но смѣльчаки, рѣшившіеся возражать, были силою принуждены къ молчанію, а одинъ изъ нихъ былъ даже высланъ въ Россію. И, такимъ образомъ, навязанный иностранцами статутъ сдѣлался въ Валахіи и Молдавіи государственнымъ закономъ. Онъ предоставлялъ боярамъ, мѣстному дворянству, іерархическая организація и военный характеръ котораго напоминали русское дворянство, подавляющее преобладаніе въ управленіи страной. Бояре, изъ среды которыхъ исключительно могли выбираться господари и депутаты, только

одни и пользовались также активнымъ избирательнымъ правомъ. Они были свободны отъ налоговъ; всѣ общественныя повинности ложились на мелкихъ собственниковъ *(moşnani)* и на крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, прикрѣпленныхъ еще къ землѣ въ качествѣ крѣпостныхъ. Въ каждомъ изъ княжествъ законодательная власть и контроль надъ дѣйствіями администраціи принадлежали общему собранію, избираемому на пять лѣтъ. Но господарь имѣлъ право отсрочить засѣданія собранія или вовсе его распустить; а такъ какъ, кромѣ того, онъ составлялъ избирательные списки почти по собственному усмотрѣнію, то ему нетрудно было придавать національному представительству такую физіономію, которая соотвѣтствовала его личной политикѣ.

Русское вліяніе и господари. — Русское правительство имѣло среди румынскихъ бояръ много друзей и вѣрныхъ слугъ. Тѣмъ не менѣе, оно не хотѣло предоставить имъ права свободно выбрать господарей, которые должны были взять въ свои руки кормило правленія по отъѣздѣ Киселева. Трактатъ 29 января 1834 года гласилъ, что „на этотъ только разъ“ князья будутъ назначены по обоюдному соглашенію царя и султана. Это значило, что они будутъ назначены первымъ изъ этихъ двухъ монарховъ, такъ какъ султанъ ни въ чемъ не могъ тогда отказать царю. И дѣйствительно, новые господари, Михаилъ Стурдза (въ Молдавіи) и Александръ Гика (въ Валахіи), фактически были просто русскими намѣстниками; они заботились гораздо больше о своемъ обогащеніи путемъ вымогательствъ, на которыя покровительствующая имъ держава готова была смотрѣть сквозь пальцы, чѣмъ о вѣрномъ служеніи интересамъ подвластнаго имъ населенія, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они рисковали разгнѣвать Россію и испортить свое положеніе. Ловкій дипломатъ Стурдза сумѣлъ съ успѣхомъ лавировать между національной партіей и иностраннымъ вліяніемъ, и ему удалось удержаться у власти до 1848 года. Не такъ счастливъ былъ Гика, человѣкъ слабаго и нерѣшительнаго характера. Благодаря его соучастію и вопреки мнѣнію общаго собранія, распущеннаго въ 1837 году, органическій регламентъ былъ еще ухудшенъ прибавкой новыхъ статей, которыя придали старымъ декретамъ Киселева характеръ государственныхъ законовъ и поставили измѣненіе статута въ зависимость отъ согласія державы-покровительницы. Съ этого момента патріоты (Кампинеано, Телейеско, Бальческо, Филиппеско и другіе) стали дѣятельно стремиться къ его низверженію. Имъ не удалось достигнуть своей цѣли. Но онъ погубилъ себя помощью, оказанной Портѣ въ подавленіи болгарскаго возстанія 1841 г., которое тайно поддерживалось Россіей. Петербургскій кабинетъ не могъ простить ему этого противодѣйствія русской политикѣ. Вскорѣ онъ принужденъ былъ отказаться отъ власти (октябрь 1842 года), а на его мѣсто господаремъ избранъ былъ другой протеже царя, Георгій Бибеско.

Развитіе національной идеи въ Румыніи. — Румынская нація съ нетерпѣніемъ ждала того момента, когда она въ состояніи будетъ не только разорвать послѣднія узы, связывавшія ее еще съ Турціей, но и освободиться отъ русской опеки. Самые популярные румынскіе ораторы и писатели доказывали ей, что она должна стремиться къ полной независимости; они требовали, чтобы Молдавія и Валахія, населеніе которыхъ принадлежитъ къ одной и той же расѣ, говоритъ на одномъ и томъ же языкѣ и имѣетъ одинаковые интересы, слились въ одно государство. Болѣе того, они мечтали о созданіи великаго румынскаго отечества и о присоединеніи къ нему тѣхъ провинцій, которыя находились въ рукахъ Австріи и Россіи (Трансильванія, Буковина, Бессарабія). Въ вопросахъ вну-

тренней политики они требовали освобожденія крѣпостныхъ, отмѣнены всѣхъ привилегій и установленія дѣйствительно свободнаго и демократическаго режима. Народное просвѣщеніе, дѣлавшее съ 1821 года все большіе успѣхи, и видимо растущее матеріальное благосостояніе все болѣе усиливали и окрыляли народную партію. *Филармоническое общество*, основанное Кампинеано, сдѣлалось съ 1835 года главнымъ центромъ литературной и политической пропаганды въ княжествахъ. Подъ его вліяніемъ основано было много новыхъ школъ. Въ Бухарестѣ былъ открытъ національный театръ. Періодическая печать начала играть значительную роль въ этомъ городѣ и даже въ Яссахъ. *Румынскій Курьеръ*, подъ редакторствомъ Эліада, „стремился подъ видомъ реформы языка развить національное сознаніе и ненависть къ панславизму. Николай Бальческо и Лавріани въ *Историческомъ Обозрѣніи Дакіи*, а Когальничеано въ *Румынскомъ Архивѣ* напоминали читающей публикѣ великія національныя традиціи и набрасывали картину древнихъ учрежденій". Образовались тайныя общества, имѣвшія цѣлью подготовленіе, а въ случаѣ надобности, и практическое выполненіе переворота. Неудача сдѣланной въ концѣ 1840 года попытки низвергнуть Александра Гику нисколько не обезкуражила націоналистовъ и либераловъ. Николай Бальческо, Джонъ Гика и майоръ Телль основали въ 1844 году *Союзъ братьевъ*, который, подобно своему предшественнику, поставилъ себѣ цѣлью возстановленіе національнаго единства и древней демократической формы правленія. Вліяніе французскаго языка, французской литературы и прессы, давно уже бывшее въ княжествахъ довольно сильнымъ, также повышало духъ румынскихъ патріотовъ. Большинство изъ нихъ ждало изъ Парижа поддержки и сигнала. Ниже мы увидимъ, что послѣ февральскихъ событій 1848 года они не хотѣли больше держаться выжидательной политики и открыто воззвали къ революціонному праву.

Глава V.

Испанія и Португалія.

1814—1847.

I.—Реставрація въ Испаніи.

Возстановленіе абсолютизма. — Фердинандъ VII вернулся въ Испанію [1]) съ твердымъ намѣреніемъ возстановить старый порядокъ, если только народъ позволитъ ему это,—и народъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ короля. За конституцію 1812 года стояла лишь ничтожная горсть образованныхъ; придворная же знать, почти все духовенство, большинство генераловъ, невѣжественная и фанатичная чернь — словомъ, почти вся Испанія желала господина.

Сначала Фердинандъ VII занялъ выжидательное положеніе и старался ладить съ кортесами, пока не почувствуетъ себя въ силахъ одолѣть ихъ; но оваціи, сдѣланныя ему въ Хиронѣ, Реусѣ, Таррагонѣ и Сарагоссѣ, показали ему, что онъ можетъ на все дерзать. Въ Валенсіи депутатъ Моцо де Росалесъ сравнилъ шестилѣтіе, истекшее со времени отъѣзда короля, съ анархическими сатурналіями, которыми персы каждый разъ ознаменовывали дни, слѣдовавшіе за смертью ихъ царя, „дабы опытъ бѣдствій, которыя обрушивались на нихъ въ это время, заставлялъ ихъ быть болѣе вѣрными новому государю“. Либеральные депутаты прозвали тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые измѣнили дѣлу свободы, *персами*, — но *персы* имѣли за себя короля и народъ. 4 мая 1814 года Фердинандъ объявилъ конституцію и декреты кортесовъ недѣйствительными, „какъ если бы эти факты никогда не совершились и могли быть стерты временемъ“.

Въ ночь съ 10 на 11 мая генералъ Эгіа, генералъ-капитанъ Новой Кастиліи, арестовалъ въ Мадридѣ вождей либеральной партіи. 13 мая Фердинандъ торжественно вступилъ въ свою столицу. Онъ былъ самодержавнымъ королемъ.

И тутъ началась бѣшеная реакція. Возстановлены были старые Совѣты—Кастильскій, Вестъ-Индскій, Финансовый, Военный и Совѣтъ орденовъ. Возстановлена была инквизиція и созданъ спеціальный знакъ отличія для инквизиторовъ. 14 апрѣля 1815 года король посѣтилъ инквизиціонный трибуналъ, принялъ участіе въ его совѣщаніяхъ, подписалъ его приговоры, осмотрѣлъ его тюрьмы и ужиналъ въ зданіи инквизиціи. Іезуиты съ тріумфомъ вернулись въ Испанію. Монастыри были снова отперты, имъ возвращено ихъ имущество и покупщики

[1]) См. т. I, стр. 140 и сл.

монастырскихъ имуществъ ограблены безъ вознагражденія. На печать былъ надѣтъ намордникъ, личная свобода попиралась беззастѣнчиво.

Свои именины, день св. Фернандо — 30 мая 1814 года—Фердинандъ отпраздновалъ изгнаніемъ изъ предѣловъ королевства всѣхъ испанцевъ, признавшихъ власть короля Жозефа. Тюрьмы наполнились либеральными депутатами. 15 декабря 1815 года онъ велѣлъ подать себѣ ихъ обвинительные акты и на поляхъ собственноручно написалъ мѣру наказанія для каждаго изъ 51 обвиняемыхъ. Это были славнѣйшіе изъ представителей страны.

Бывшихъ друзей Годоя постигла не лучшая участь, чѣмъ приверженцевъ короля Жозефа. Фердинандъ VII заставилъ своего отца подтвердить отреченіе, подписанное имъ 19 марта 1808 года. Онъ требовалъ, чтобы Карлъ IV разстался съ Годоемъ, и приказалъ своему римскому послу слѣдить за обоими: въ архивѣ Алкалы де-Генаресъ хранятся копіи писемъ Годоя, королевы и Пепа Тудо, перехваченныхъ агентомъ Фердинанда VII.

А Фердинандъ тѣмъ временемъ разыгривалъ изъ себя падишаха, давалъ аудіенціи всякому желающему и ночью, переодѣтый, расхаживалъ по улицамъ Мадрида. Послѣобѣденные часы онъ любилъ проводить въ монастырѣ *Decalzas reales;* монахини потчевали его сластями, а онъ расплачивался за угощеніе пошлыми анекдотами.

Камарилья. — Король имѣлъ свой кружокъ приближенныхъ: русскій посолъ Татищевъ, нунцій Гравина, каноники Остолаца и Эскоикизъ, герцоги Инфантадо и Алагонъ. Бывшій уличный комиссіонеръ Антоніо Угарте былъ его фактотумомъ, бывшій водовозъ Педро Кольядо—его шутомъ. Эти люди распоряжались всѣмъ въ Испаніи, но король, вѣчно опасаясь, чтобы кто-нибудь не взялъ власти надъ нимъ, часто мѣнялъ своихъ фаворитовъ. Иные изъ его министровъ сохраняли свой портфель не болѣе какъ 27 дней, а двое получили отставку даже черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ своего назначенія. Маканацъ былъ арестованъ въ своемъ собственномъ домѣ самимъ королемъ. Министръ полиціи Эчаварри нашелъ приказъ о своемъ изгнаніи по возвращеніи домой изъ дворца, гдѣ весело провелъ вечеръ съ королемъ.

Казалось, власть находится въ рукахъ умалишенныхъ. Въ одинъ прекрасный день вице-губернаторы Валенсіи, Севильи и Кадикса получили предписаніе арестовать генералъ-капитановъ этихъ городовъ, разстрѣлять ихъ и занять ихъ мѣсто. Ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился привести въ исполненіе столь странный приказъ. Видя, что дѣло открылось, военный министръ заявилъ, что здѣсь произошло предательство, и обѣщалъ награду за открытіе того, кто такъ дерзко поддѣлалъ королевскіе приказы. Писецъ, чьей рукой были написаны послѣдніе, былъ найденъ, преданъ суду, оправданъ и тотчасъ же въ награду получилъ отъ короля пенсію въ 4.000 реаловъ.

Общіе интересы Испаніи были обезпечены не болѣе, чѣмъ личная свобода гражданъ. Фердинандъ тратилъ безъ счета, забиралъ у министровъ деньги, украденныя ими изъ кассы ихъ вѣдомствъ, и помѣщалъ свои капиталы за границей. Когда, однажды, морской министръ купилъ въ Россіи шесть кораблей и три фрегата, то по прибытіи этой флотиліи въ Кадиксъ оказалось, что только одинъ корабль и одинъ фрегатъ пригодны для плаванія, и экспедиціонный корпусъ, который долженъ былъ отправиться въ Америку, не могъ отплыть.

На Вѣнскомъ конгрессѣ Испанія была представлена лишь однимъ ничтожнымъ министромъ. Ей предложено было вернуть Оливенцу Португаліи, и она даже не могла добиться возвращенія Пармы ин-

фанту Карлу-Людовику, который долженъ былъ удовольствоваться Лукксимъ княжествомъ и рентою въ 500.000 фр.

Первые заговоры.— Этотъ нелѣпый режимъ не замедлилъ возбудить въ Испаніи глубокое недовольство, выразившееся въ успѣхахъ масонства и въ многочисленныхъ военныхъ заговорахъ. Въ 1818 г. генералъ Порліеръ провозгласилъ въ Коруньѣ конституцію, былъ побѣжденъ и приговоренъ къ смерти. Въ 1816 году четыре человѣка заплатили жизнью за болѣе или менѣе доказанное участіе въ заговорѣ противъ короля. Въ 1817 году Ласи и Миланъ—двое ветерановъ войны за независимость—безуспѣшно пытались возмутить Каталонію. Въ 1819 году открытъ былъ новый заговоръ въ Валенсіи; Эліо лично арестовалъ заговорщиковъ и въ тотъ же день отправилъ на висѣлицу тринадцать изъ нихъ. Едва было подавлено возстаніе въ Валенсіи, какъ вспыхнулъ мятежъ въ Кадиксѣ во главѣ съ Кирогой, котораго Ла Бисбаль тотчасъ и бросилъ въ тюрьму.

Второй и третій браки Фердинанда VII.— Одно время возникла было надежда, что характеръ короля смягчится. Фердинандъ, овдовѣвшій въ 1807 году, 28 сентября 1816 года женился на доньѣ Маріи-Изабеллѣ португальской; сначала она какъ будто пріобрѣла нѣкоторое вліяніе надъ нимъ, но вскорѣ онъ вернулся къ своему безпорядочному образу жизни. Начались скандальныя сцены между нимъ и королевою; ихъ ребенокъ, принцесса Астурійская, родившійся 21 августа 1817 г., умеръ 9 января 1818 г., и сама королева 26 декабря этого же года умерла отъ чахотки. 20 сентября 1819 года Фердинандъ вступилъ въ третій бракъ съ Маріей-Іозефой-Амаліей саксонской, не сумѣвшей нисколько подчинить его своему вліянію. Вѣроятнымъ наслѣдникомъ престола оставался Донъ Карлосъ. Казалось, Испанія была навѣки обречена въ жертву деспотизму.

II.—Революція 1820 года. Кортесы.

Революція.— Сигналъ къ возстанію подалъ вестъ-индскій экспедиціонный корпусъ, все еще стоявшій лагеремъ въ окрестностяхъ Кадикса; это было послѣдствіемъ агитаціи американскихъ агентовъ и эмиссаровъ либеральной партіи.

1 января 1820 года одинъ молодой офицеръ, донъ Рафаэль де Ріего, провозгласилъ конституцію въ Ласъ Кабецасъ де-Санъ Хуанъ; вскорѣ съ нимъ въ Санъ-Фернандо соединился полковникъ Кирога. Но монархическіе генералы сумѣли удержаться въ Кадиксѣ. Ріего тщетно пытался поднять Андалузію, и лишь съ 45 чел. достигъ границъ Эстрамадуры. Все казалось потеряннымъ, когда одно за другимъ пришли извѣстія, что Корунья, Ферроль, Виго, Сарагосса и Барселона высказались за конституцію и что Мина вступилъ въ Пампелуну. 3 марта Фердинандъ VII послалъ Ла Бисбаля въ Андалузію и издалъ манифестъ, гдѣ въ неопредѣленной формѣ говорилъ о созывѣ кортесовъ. Прибывъ въ Оканью, Ла Бисбаль тотчасъ перешелъ на сторону революціи. Тогда король напечаталъ въ офиціальной *Газетѣ* декретъ о созывѣ кортесовъ (7 марта). Когда декретъ сталъ извѣстенъ, Мадридъ вдругъ наполнился буйной толпой, крики и угрозы которой Фердинандъ могъ слышать въ своемъ дворцѣ. Онъ велѣлъ возвѣстить народу, что принимаетъ конституцію. Опьяненные радостью мадридцы носили по улицамъ текстъ конституціи и разграбили зданіе инквизиціи. 9 марта, подъ угрозой новаго бунта, Фердинандъ возстановилъ *ayuntamiento* 1814 года, присягнулъ на вѣрность конституціи и созвалъ временную хунту подъ предсѣдательствомъ толедскаго архіепископа. Первымъ дѣйствіемъ хунты было упраздненіе инквизиціи (9 марта) и совѣтовъ (12 марта). Фердинандъ VII изъявилъ готовность

добросовѣстно соблюдать конституцію. Испанцы думали, что революція кончена и что она „потребовала лишь шести лѣтъ терпѣнія, одного дня истолкованія и двухъ дней празднованія“.

Временная хунта. — Съ 9 марта по 9 іюля 1820 года временная хунта съ замѣчательной энергіей и дѣловитостью правила Испаніей. Она возстановила *аудіенціи* и муниципалитеты въ ихъ конституціонныхъ функціяхъ, организовала милицію, назначила новыхъ пословъ и вернула изъ изгнанія высланныхъ въ 1814 году сторонниковъ короля Жозефа *(josefinos)*. Къ сожалѣнію, и она не обошлась безъ насильственныхъ мѣропріятій: виновники кадикскаго пронунсіаменто были сдѣланы генералъ-майорами, каждый испанецъ долженъ былъ присягнуть на вѣрность конституціи, священникамъ предписано было съ церковной каѳедры объяснять ее прихожанамъ.

Фердинандъ VII ласково встрѣтилъ своихъ министровъ Герреросъ, Аргэльесъ, и Канга Аргэльесъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, куда онъ ихъ бросилъ, но его обращеніе въ либерализмъ не было искреннимъ. Въ Мадридѣ разыгрались два монархическихъ заговора, и народъ былъ убѣжденъ въ причастности къ нимъ короля. Въ кафѐ Лоренсини и въ *Fontana de oro* образовались клубы.

Кортесы 1820 года. — Кортесы открылись 9 іюля и смѣло принялись за работу; но очень скоро возникъ расколъ между дѣятелями 1812 года *(doceañistas)*, доктринерами либеральной партіи, и молодыми депутатами, вышедшими изъ масонскихъ ложъ, въ чьихъ глазахъ конституція 1812 года являлась лишь исходной точкою.

Кортесы объявили 69 депутатовъ-*персовъ*, предавшихъ свободу въ 1814 году, лишенными всѣхъ гражданскихъ правъ и разрѣшили сторонникамъ короля Жозефа вернуться въ Мадридъ, упразднили майораты и военные ордена и возстановили въ законной силѣ университетскія программы 1807 года. Но порядокъ не разъ былъ нарушенъ. Ріего былъ встрѣченъ въ театрѣ пѣніемъ революціоннаго гимна *Tragala*, министры сочли необходимымъ смѣстить его, и мадридская чернь возстала въ его защиту. Раздосадованный король уѣхалъ въ Эскуріалъ и подготовилъ тамъ переворотъ. 16 ноября къ Донъ Гаспару Вигодету, генералъ-капитану Новой Кастиліи, явился Донъ Хозэ Карвахаль, назначенный королемъ на его мѣсто. Такъ какъ на королевскомъ приказѣ не было подписи министра, то Вигодетъ отказался повиноваться. Объ этомъ дѣлѣ скоро узнали въ Мадридѣ. Постоянная делегація кортесовъ и муниципалитетъ пригласили короля вернуться въ Мадридъ. Онъ дѣйствительно вернулся 21 ноября, но толпа встрѣтила его бранью и угрозами, такъ что онъ долженъ былъ въ бѣшенствѣ уйти съ балкона дворца въ свои комнаты.

Партіи обозначались все яснѣй и яснѣй. Умѣренные сдѣлали безуспѣшную попытку сблизиться съ радикалами, предложивъ Ріего постъ генералъ-капитана Арагоніи. Радикалы основали клубъ Мальтійскаго креста и тайное общество „Сыновъ Падильи“ [1]), распѣвали *Tralaga* и поднимали бунты въ Мурсіи и Мадридѣ.

Въ виду этой буйной крамолы духовенство рѣшительно выступило противъ конституціи, епископы принялись отлучать либераловъ, монахъ Сирило Аламеда основалъ клерикальный журналъ *Ламанчскій часовой*. Въ январѣ 1821 года въ Галисіи образовался анти-революціонный комитетъ подъ названіемъ „апостольской хунты“. Два монархическихъ заговора въ Мадридѣ потерпѣли неудачу, но второй изъ нихъ былъ затѣянъ гвардіей; король снова подвергся оскорбленіямъ со сто-

---

[1]) Падилья — испанскій національный герой, вождь мятежа кастильскихъ городовъ противъ Карла V, казненный въ 1521 году.

Прим. перев.

роны народа и пожаловался кортесамъ на министерство, не умѣющее охранять достоинство короны. Министры подали въ отставку и король, не желая вручать власть радикаламъ, образовалъ дѣловое министерство, являвшееся копіей предыдущаго и пользовавшееся еще меньшимъ авторитетомъ.

Сессіи кортесовъ въ 1821 году. — Кортесы имѣли въ 1821 году двѣ сессіи. Они прилагали всѣ усилія къ тому, чтобы поощрить усердіе своихъ сторонниковъ и обуздать своихъ враговъ репрессивными мѣрами. Ріего и Кирогѣ были назначены пенсіи по 80.000 реаловъ. Десятинные сборы были уменьшены наполовину, духовныя лица, уличенныя въ томъ, что проповѣдовали возстаніе, объявлены подлежащими ссылкѣ. Кортесы провели также нѣсколько важныхъ реформъ. Бюджетъ былъ разумно упорядоченъ, изданъ законъ о народномъ образованіи, установившій программы государственныхъ и частныхъ школъ и сохранившій за государствомъ исключительное право давать ученыя степени. Въ каждомъ селѣ о 100 очаговъ должна быть устроена начальная школа; среднее образованіе даютъ областные университеты, высшее — десять главныхъ университетовъ Испаніи и 22—Вестъ-Индіи. Сверхъ того, законъ предписывалъ основать восемь спеціальныхъ школъ и учредить верховную учебную дирекцію.

Въ свою чрезвычайную сессію кортесы раздѣлили испанскую территорію на 52 провинціи, вотировали законы о милиціи и флотѣ, издали уголовное уложеніе и преобразовали организацію общественнаго призрѣнія.

Но всѣ эти важныя мѣропріятія были безсильны смирить неистовство партій. Печать съ каждымъ днемъ становилась все болѣе буйной, число политическихъ обществъ все возрастало. Абсолютисты группировались вокругъ клубовъ „Зачатія“ и „Ангела-истребителя“; либералы носили кольцо—эмблему „Друзей конституціи“. Ежедневно происходили мятежныя вспышки на улицахъ Мадрида, Барселоны, Сарагоссы, Гренады, Кадикса и Севильи. Ріего былъ вторично смѣщенъ; мадридскіе радикалы носили его портретъ по городу и были остановлены только штыками регулярной арміи на улицѣ Пляттеріасъ (18 сентября 1821 г.). Мѣсяцъ спустя (24 октября) друзья Ріего пропѣли *Tragala* подъ окнами мадридскаго генералъ-капитана. По провинціямъ шныряли роялистскія банды. Мѣстныя власти не знали, какъ держаться: абсолютисты угрожали имъ, радикалы зорко слѣдили за каждымъ ихъ шагомъ, правительство не оказывало имъ нужной поддержки. Они требовали своей отставки и суда надъ собою, и въ однихъ мѣстахъ были устраняемы мятежниками, въ другихъ—капризъ толпы насильно заставлялъ ихъ оставаться въ должности.

Кортесы 1822 года. — Въ 1822 году должны были быть произведены новые выборы въ кортесы. Радикалы пріобрѣли большинство и выбрали президентомъ кортесовъ Ріего. Король поручилъ составленіе кабинета мудрому Мартинецу де ла Роса.

Въ провинціяхъ уже начиналась гражданская война. Крестьяне дрались съ милиціей, милиція—съ арміей, различныя части арміи—другъ съ другомъ. 21 іюля вождь одной каталонской банды, по прозвищу „Траппистъ“, овладѣлъ Сео-де Урхель и захватилъ здѣсь шестьдесятъ пушекъ. 30 іюня, при закрытіи обыкновенной сессіи кортесовъ, бунтъ королевской гвардіи едва не вызвалъ революціи въ Мадридѣ. Семь дней мятежъ держалъ Фердинанда въ плѣну; въ душѣ онъ желалъ успѣха повстанцамъ, но не рѣшался обнаружить это. Въ концѣ-концовъ мадридская милиція, предводимая Морильо, возстановила порядокъ, но эти событія произвели сильное впечатлѣніе за границей: жизнь короля казалась въ опасности,

и возникла мысль объ иноземномъ вмѣшательствѣ.

Король почти мѣсяцъ употребилъ на составленіе радикальнаго кабинета. Новые министры тратили время на пустяки. А тѣмъ временемъ абсолютисты учредили регентство въ Сео де Урхель и послали своихъ представителей на Веронскій конгрессъ. Баронъ Эролесъ издалъ первое воззваніе къ патріотизму фанатиковъ-фуэристовъ.

Гражданская война съ самаго начала приняла свирѣпый характеръ. Жители Мекиненцы перебили весь гарнизонъ. Мина разрушилъ до основанія многолюдное мѣстечко Кастельфульитъ. Кортесы уже всецѣло отдались заботѣ о поддержаніи войны. Они постановили произвести воинскій наборъ въ 30.000 человѣкъ, призвать къ оружію 20.000 ополченцевъ и закупить 8.000 лошадей. Они преслѣдовали мятежныхъ прелатовъ и чиновниковъ, но ихъ моральный авторитетъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ, и они держались лишь путемъ воззваній къ наиболѣе крайней части либеральной партіи.

Будь Испанія предоставлена самой себѣ, она несомнѣнно пережила бы страшный кризисъ, а затѣмъ свобода и прогрессъ восторжествовали бы въ ней. Вмѣшательство Франціи еще на десять лѣтъ ввергло ее въ абсолютизмъ.

III. — Вмѣшательство Франціи и монархическая реакція.

Веронскій конгрессъ. — Вмѣшательство Франціи въ испанскія осложненія было дѣломъ французской клерикальной партіи. Его не желали ни Людовикъ XVIII, ни Вильель. Но въ то время какъ Вильель стремился къ миру, оба французскихъ делегата на Веронскомъ конгрессѣ—Шатобріанъ и Монморанси — хотѣли войны. Въ первомъ же засѣданіи конгресса (20 октября 1822 г.) Монморанси, понукаемый императоромъ Александромъ, предложилъ вмѣшательство Франціи въ испанскія дѣла. Вильель не скрылъ своего неудовольствія противъ Монморанси, который въ виду этого принужденъ былъ оставить постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но видя, что вся клерикальная партія желаетъ войны, Вильель въ концѣ-концовъ покорился, чтобы остаться министромъ.

Объявленіе войны.—Безразсудство испанскаго кабинета скоро сдѣлало войну неизбѣжной. 5 января 1823 года въ Мадридѣ были получены угрожающія ноты Пруссіи, Австріи и Россіи и нота французскаго министерства, составленная въ гораздо болѣе умѣренныхъ выраженіяхъ и позволявшая еще надѣяться на возможность мирнаго соглашенія. 9 января донъ Эваристо Санъ Мигэль отвѣтилъ всѣмъ четыремъ дворамъ, что Испанія намѣрена сохранить свою конституцію. Кортесы горячо привѣтствовали заявленіе Санъ Мигэля, и на слѣдующій день, 10 января прусскій, австрійскій и русскій послы покинули Мадридъ. Вильель сдѣлалъ еще одну попытку, но его предложенія не достигли успѣха, и война стала неизбѣжною.

Кортесы и король. — Либералы были увѣрены въ побѣдѣ. Для отраженія чужеземнаго нашествія было сформировано пять армій, и такъ какъ представлялось возможнымъ, что Мадридъ будетъ занятъ непріятелемъ, то кортесы уполномочили министровъ перенести правительство въ какой-нибудь другой городъ полуострова.

Это постановленіе взбѣсило Фердинанда; онъ отказался утвердить его и въ день закрытія чрезвычайной сессіи кортесовъ (19 февраля) отрѣшилъ отъ должности всѣхъ министровъ. На этотъ беззаконный актъ либералы отвѣчали возстаніемъ, и до Фердинанда доносились крики толпы: „Смерть королю! Смерть тирану!“ Струсивъ, онъ вернулъ министровъ, и, когда возобновились засѣданія кортесовъ (1 марта), онъ изъявилъ готовность подчиниться закону.

20 марта онъ безъ сопротивленія былъ увезенъ изъ Мадрида и 11 апрѣля прибылъ въ Севилью. Между тѣмъ французская армія уже перешла Бидассоа (7 апрѣля).

Война съ Франціей.—Главнокомандующій французской арміи, герцогъ Ангулемскій, употребилъ шесть мѣсяцевъ на то, чтобы пройти Испанію отъ Ируна до Кадикса (7 апрѣля—1 октября 1823). Онъ нигдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія. Бальестеросъ бѣжалъ до Валенсіи, Ла Бисбаль передалъ командованіе генералу Кастельдосріусу, который отступилъ въ Эстрамадуру, Мадридъ сдался 19 мая, и 26-го того же мѣсяца возстановленный Кастильскій совѣтъ назначилъ регентство, первой заботой котораго было—всецѣло возстановить режимъ, существовавшій 7 марта 1820 г.

Въ началѣ іюня генералъ Плясенсія былъ разбитъ Бурмономъ и Бордессуломъ у Деспенья Перроса, и 17.000 французовъ вторглись въ Андалузію. Охваченные паникой кортесы постановили перенести правительство въ Кадиксъ. Фердинандъ категорически отказался послѣдовать за ними туда; чтобы сломить его сопротивленіе, кортесы объявили его помѣшаннымъ, назначили временными правителями донъ Каіетано Вальдеса, донъ Габріэля Сискара и донъ Гаспара Вигодета и засѣдали непрерывно до отъѣзда короля, который безпрекословно далъ увезти себя. Это засѣданіе продолжалось тридцать три часа. Кортесы послѣдовали за королемъ въ Кадиксъ, 15 іюня возобновили здѣсь свои засѣданія и въ этотъ же день возстановили Фердинанда во всѣхъ его конституціонныхъ правахъ.

Война продолжалась, и либералы терпѣли неудачу за неудачей. Бальестеросъ отступилъ отъ Валенсіи въ Мурсію, затѣмъ къ Аликанте и Гренадѣ, 28 іюля далъ сраженіе при Кампильо де Арена и 4 августа призналъ мадридское регентство. Въ Галисіи Морильо капитулировалъ 10 іюля, и, когда вслѣдъ затѣмъ, 27 августа, сдался генералъ Росельо, — вся эта область очутилась во власти абсолютистовъ.

Въ Каталоніи энергія Мины была парализована недостаточностью его силъ. Онъ могъ противопоставить Монсею и бандамъ барона Эролеса едва 8.000 человѣкъ. Онъ заботился о томъ, чтобы непріятель не прорвалъ его, пытался вторгнуться во французскую Серданью и совершилъ черезъ горы знаменитое отступленіе, приведшее его въ Таррагону, но измѣна Мансо, пораженіе генераловъ Фернандеца и Санъ Мигэля и капитуляція Фигераса (26 сентября) привели къ подчиненію Каталоніи, исключая Барселоны, въ которой Мина отбивался до 1 ноября.

Между тѣмъ уже сказывались признаки бѣшеной реакціи. „Очистительныя хунты“ выдавали свидѣтельства о вѣрности роялизму и подвергали аресту тысячи гражданъ; чернь, подстрекаемая духовенствомъ, нападала на тюрьмы и избивала заключенныхъ. Приказомъ изъ Андухара герцогъ Ангулемскій запретилъ отнынѣ подвергать кого бы то ни было аресту безъ разрѣшенія французскихъ властей. Онъ спасъ жизнь множеству людей, но зато мадридскіе правители стали смотрѣть на него, какъ на якобинца.

Кадиксъ находился въ отчаянномъ положеніи. И тутъ Ріего предложилъ моремъ отправиться въ Малагу, соединить корпусы Цаіаса и Бальестероса, призвать къ себѣ гарнизоны Эстрамадуры и напасть на французовъ съ тыла. Его предложеніе было принято министрами. Ріего отплылъ 17 августа; ему удалось увлечь войска Цаіаса, но аванпосты Бальестероса у Пріего встрѣтили его выстрѣлами. Добившись свиданія съ генераломъ, онъ пустилъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить его слѣдовать за собою, хотѣлъ даже арестовать его, но Бальесте-

росъ былъ освобожденъ своими солдатами, и Ріего принужденъ былъ удалиться съ нѣсколькими батальонами, которые остались ему вѣрны. На обратномъ пути онъ подвергся нападеніямъ въ Хаэнѣ, Манчѣ, Реалѣ и Ходарѣ, такъ что въ концѣ-концовъ при немъ осталось всего три офицера; 15 сентября онъ былъ предательски захваченъ въ Аркильосѣ и 7 ноября казненъ.

Между тѣмъ участь Кадикса была рѣшена. Взятіе Трокадеро (31 августа) и форта Санти Петри (20 сентября) сдѣлало дальнѣйшую оборону невозможной. „Честнымъ словомъ короля" Фердинандъ обѣщалъ всѣмъ сторонникамъ кортесовъ полную амнистію и сохраненіе ихъ званій и должностей. 1 октября пышно разцвѣченная флагами фелука перевезла короля и его семью въ Пуэрто де Санта Марія. Всю дорогу король бесѣдовалъ съ Вальдесомъ и Алавой, но, сойдя на берегъ, онъ бросилъ имъ взглядъ, настолько полный ненависти и угрозы, что Вальдесъ и Алава поспѣшили укрыться на англійскомъ кораблѣ. Въ первый же день по прибытіи въ Пуэрто Фердинандъ объявилъ недѣйствительными всѣ декреты, изданные правительствомъ кортесовъ съ 7 марта 1826 года, санкціонировалъ всѣ дѣйствія мадридскаго регентства и приговорилъ къ смерти Вальдеса, Сискара и Вигодета. 2 октября онъ издалъ новый указъ, изгонявшій на пятнадцать миль отъ Мадрида и другихъ королевскихъ резиденцій всѣхъ депутатовъ кортесовъ, министровъ, членовъ государственнаго совѣта и кассаціонной палаты, комендантовъ, губернаторовъ, министерскихъ чиновниковъ и офицеровъ милиціи. Декретомъ отъ 6 октября, подписаннымъ въ Лебрихѣ, учреждены были миссіи для обращенія нераскаявшихся либераловъ, а заподозрѣнныя въ либерализмѣ духовныя лица были заточены въ монастыри, извѣстные чрезвычайной строгостью своихъ уставовъ.

13 ноября Фердинандъ торжественно вступилъ въ Мадридъ: онъ ѣхалъ на колесницѣ, влекомый 80 юношами, сопровождаемый добровольцами-роялистами и привѣтствуемый тѣми самыми *majos*, которые шесть мѣсяцевъ назадъ кричали: „смерть тирану!"

Монархическая реакція. Эпоха Каломарде.—Послѣднія десять лѣтъ царствованія Фердинанда VII носятъ въ Испаніи символическое названіе „эпохи Каломарды", по имени министра, который былъ какъ бы воплощеніемъ реакціонной политики. Человѣкъ узкаго и ограниченнаго ума, заклятый врагъ всякой реформы, свободы и просвѣщенія, донъ Тадео Каломарде искалъ поживы своему честолюбію во всѣхъ партіяхъ и, оставаясь всѣми недоволенъ, предалъ ихъ одну за другою. 17 января 1824 года Фердинандъ назначилъ его министромъ, и Каломарде вѣрно служилъ ему до того дня, когда ему показалось, что Донъ Карлоса назавтра ждетъ корона.

Реакція носила въ Испаніи характеръ настоящаго террора. Общество „Ангела-истребителя" и роялисты-добровольцы охотились на либераловъ, тащили ихъ къ позорному столбу, бросали ихъ въ тюрьму, вырывали у нихъ волосы, вываливали въ перьяхъ и разстрѣливали.

Французское правительство предписало своему мадридскому послу положить конецъ этимъ неистовствамъ. Амнистія, о которой Франція предъявила ходатайство 19 февраля 1824 года, была подписана Фердинандомъ лишь 1 мая, а обнародована только 20, чтобы дать время Каломарде сдѣлать еще одну облаву на подозрительныхъ. Какъ ни скудно было по своему объему помилованіе, въ глазахъ монархистовъ оно было уже измѣной.

Трудно понять ихъ раздраженіе, потому что невозможно и представить себѣ болѣе отвратительно-реакціоннаго режима, чѣмъ тотъ, который воцарился съ Фердинандомъ. Очистительныя хунты

продолжали дѣйствовать, военныя коммиссіи осуждали сотни либераловъ, простая принадлежность къ масонской ложѣ каралась смертью. Двѣ попытки къ возстанію привели на эшафотъ 64 человѣка. Университеты оставались закрытыми въ теченіе многихъ мѣсяцевъ, литературныя общества были разсѣяны, поэты заточены въ монастыряхъ, изъ муниципалитетовъ изгнаны послѣдніе выборные члены.

Война съ „недовольными“.—Однако правительство Фердинанда VII уже потому, что оно было формальнымъ правительствомъ, все-таки до извѣстной степени заботилось о сохраненіи общественнаго порядка, и апостолическая партія, по временамъ стѣсняемая въ проявленіяхъ своего фанатизма, возненавидѣла за это короля. Инфантъ Донъ Карлосъ раздѣлялъ ея чувства, и на него она возложила свои надежды.

Фердинандъ смутно чувствовалъ опасность и, казалось, готовъ былъ внять голосу благоразумія и собраться съ духомъ. Донъ Хавіеръ де Бургосъ прислалъ ему изъ Парижа замѣчательную записку о состояніи королевства и цѣлую программу реформъ,—и Фердинандъ не обидѣлся этимъ.

Апостолики, среди которыхъ уже давно царило возбужденіе, 1 ноября 1826 года издали воззваніе къ каталонцамъ. Въ августѣ 1827 года въ Манресѣ образовалась верховная апостолическая хунта, и вся страна закишѣла вооруженными бандами. Хунта увѣряла крестьянъ, что король въ плѣну у масоновъ. Донъ Карлосъ былъ причастенъ къ мятежу. На этотъ разъ Фердинандъ поступилъ такъ, какъ подобало королю. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ министровъ онъ отправился въ Каталонію, вручилъ начальство надъ войсками старому французскому эмигранту графу д'Эспинья, которому и удалось, путемъ энергичныхъ и жестокихъ мѣръ, возстановить порядокъ въ Вичѣ и Манресѣ, и четыре мѣсяца прожилъ въ Барселонѣ (28 ноября 1827 — 28 апрѣля 1828).

Пораженіе недовольныхъ (*los agraviados*) нанесло чувствительный ударъ апостолической партіи. Но впереди ее ждалъ еще болѣе тяжелый ударъ. Королева Амалія саксонская умерла бездѣтною 18 мая 1829 года, и 11 декабря этого же года Фердинандъ вступилъ въ четвертый бракъ — съ Маріей-Христиной Бурбонской, принцессой неаполитанской.

Марія-Христина.—Новой королевѣ было двадцать три года, она была красива, умна и образована. Немудрено, что она очень скоро пріобрѣла весьма благотворное вліяніе на Фердинанда. Въ мартѣ 1830 года начали поговаривать о беременности королевы. 31 марта Фердинандъ обнародовалъ въ официальной *Газетѣ* прагматическую санкцію 1789 года, возстановлявшую въ полномъ объемѣ древнее наслѣдственное право женщинъ. Этотъ законъ, вотированный кортесами, до тѣхъ поръ хранился въ тайнѣ. Гнѣвъ апостоликовъ и радость умѣренныхъ показали королю, гдѣ ему слѣдуетъ искать себѣ опору.

Но почти въ этотъ самый моментъ вспыхнула во Франціи іюльская революція. Испанскіе либералы сдѣлали попытку вернуться въ Испанію съ оружіемъ въ рукахъ, и когда они были разбиты у Эрасо, Урдахса и Веры, Фердинандъ безъ жалости казнилъ всѣхъ плѣнниковъ, захваченныхъ его войсками. Въ слѣдующемъ году генералъ Торрихосъ попытался возмутить Андалузію; онъ былъ разстрѣлянъ вмѣстѣ со своими пятьюдесятью двумя приверженцами.

Будь у Фердинанда сынъ, абсолютная монархія вѣроятно еще надолго восторжествовала бы въ Испаніи. Но у него были только дочери: Изабелла, родившаяся 10 октября 1830 года, и Марія-Луиза, родившаяся 30 января 1832 года. Итакъ, Фердинандъ VII долженъ былъ

позаботиться о томъ, чтобы найти защитника трону Изабеллы II.

Въ августѣ 1832 года король заболѣлъ, и 17 сентября его положеніе сдѣлалось безнадежнымъ. И Христина, и Донъ Карлосъ думали, что наступилъ рѣшительный моментъ. Фердинандъ на смертномъ одрѣ отмѣнилъ декретъ отъ 19 марта 1830 года, почему всѣ и рѣшили, что корона переходитъ къ Донъ Карлосу. Но противъ всѣхъ ожиданій король справился съ кризисомъ, который едва не унесъ его въ могилу. Королева воспрянула духомъ, а нѣсколько молодыхъ аристократовъ предоставили свои шпаги въ ея распоряженіе. 22 сентября инфанта Луиза-Карлота и ея мужъ, инфантъ Донъ Франсиско, прибыли въ Мадридъ. Инфанта, говорятъ, не погнушалась даже дать пощечину Каломарде. Она велѣла подать себѣ приказъ объ отмѣнѣ мартовскаго декрета и порвала его собственными руками. Изабелла снова сдѣлалась формальной наслѣдницей престола.

Этой дворцовой революціей и была порождена та междоусобная война, которая отнынѣ волнуетъ Испанію въ теченіе семи лѣтъ. Умѣренные роялисты въ союзѣ съ либералами составили партію *христиносовъ*, прежніе апостолики—партію *карлистовъ*.

Цеа Бермудецъ. — Первымъ результатомъ переворота 22 сентября было паденіе Каломарде. Его мѣсто занялъ испанскій посолъ въ Лондонѣ Цеа Бермудецъ, и 6 октября былъ изданъ декретъ, назначившій королеву регентшей на время болѣзни короля.

Марія-Христина обнаружила въ управленіи большое благоразуміе. Амнистія, открытіе университетовъ, которые оставались запертыми уже два года, образованіе министерства *de fomento*, замѣна свирѣпаго д'Эспинья въ Барселонѣ другимъ лицомъ и очищеніе королевской гвардіи свидѣтельствовали о добрыхъ замыслахъ королевы.

4 января 1833 года Фердинандъ снова взялъ управленіе въ свои руки. Онъ сознавалъ трудность положенія, одобрилъ все, что сдѣлала королева, и публично восхвалялъ ея благоразуміе. Донъ Карлосъ, не поднимая открытаго мятежа, отказывался признать права Изабеллы. Фердинандъ подъ почетнымъ предлогомъ отправилъ своего брата въ Лиссабонъ, увеличилъ составъ арміи на 25.000 человѣкъ и 20 іюня созвалъ кастильскіе кортесы, которые по старинному церемоніалу принесли присягу на вѣрность принцессѣ астурійской.

Фердинандъ VII умеръ 29-го сентября 1833 года, а спустя четыре дня донъ Мануэль Гонзалецъ возмутилъ Талаверу именемъ Донъ Карлоса.

IV.—Регентство Маріи-Христины.

Регентство Маріи-Христины. — Можно съ увѣренностью сказать, что, если бы Донъ Карлосъ въ моментъ кончины Фердинанда VII находился въ Мадридѣ, онъ и занялъ бы престолъ. За него были гранды, духовенство и огромное большинство народа. Карлистская партія имѣла представителей во всѣхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, и 200.000 добровольцевъ готовы были поднять оружіе по первому ея зову. Преимуществомъ Христины было то, что она владѣла Мадридомъ и что въ глазахъ испанцевъ она олицетворяла законную власть. Такъ какъ Донъ Карлосъ выступалъ поборникомъ стараго порядка, то Христинѣ слѣдовало бы рѣшительно усвоить себѣ либеральную политику; но при всемъ своемъ умѣ и при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ, она не обладала ни нужной рѣшимостью, ни достаточной энергіей, чтобы занять такое положеніе. Она медлила, управляла безъ принциповъ и плана, и этой игрою быстро погубила свою популярность.

Исторія семи лѣтъ отъ смерти Фердинанда VII до изгнанія Христины предста-

вляетъ два параллельныхъ ряда событій, которые сильно вліяли другъ на друга, но которые невозможно изобразить вперемежку, не рискуя запутать разсказъ. Итакъ, мы изложимъ сначала политическую исторію регентства и затѣмъ исторію карлистской войны, называемой въ Испаніи „семилѣтней войною".

Правительница сперва хотѣла оставить у кормила власти Цеа Бермудеца. Донъ Карлосъ былъ объявленъ заговорщикомъ и узурпаторомъ, и его имущество секвестровано. Но Россія, Австрія и Пруссія отказались признать Изабеллу; карлистское возстаніе въ нѣсколько недѣль охватило всю сѣверную Испанію и часть Старой Кастиліи. Тогда правительница рѣшилась сдѣлать шагъ впередъ и призвала въ министерство Мартинеца де ла Роса, пользовавшагося популярностью за свое либеральное прошлое и не слишкомъ пугавшаго дворъ своими умѣренными взглядами (15 января 1834).

Королевскій статутъ. — Элегантный риторъ и любезный философъ, Мартинецъ де ла Роса считалъ себя въ силахъ дать Испаніи окончательную конституцію и, вдохновившись французской хартіей 1814 г., обнародовалъ 10 іюля 1834 года *Королевскій статутъ*. Послѣднимъ учреждались двѣ палаты: верхняя *(Estamento de proceres)*, состоящая изъ грандовъ и извѣстнаго числа членовъ, пожизненно назначаемыхъ королемъ, и нижняя *(Estamento de procuradores)*, представлявшая собою провинціи; обѣ онѣ должны были вотировать бюджетъ и законы, вносимые на ихъ усмотрѣніе короной. Засѣданія палатъ публичны, личность пэровъ и депутатовъ неприкосновенна. Мартинецъ де ла Роса предоставилъ самимъ палатамъ рѣшить вопросъ о способѣ избранія депутатовъ.

Королевскій статутъ представлялъ собою въ общемъ громадный шагъ впередъ, но самосознаніе общества сдѣлало столь быстрые успѣхи со смерти Фердинанда, что созданіе Мартинеца было признано ничѣмъ инымъ, какъ странной и неудобоваримой смѣсью разнородныхъ элементовъ. Съ этихъ поръ за Мартинецомъ упрочилось въ Мадридѣ прозвище пирожника *(pastelero)*.

Кортесы открылись 24 іюля при самыхъ дурныхъ предзнаменованіяхъ. Правда, 22 апрѣля министерство заключило такъ называемый четверной союзъ съ Англіей, Франціей и Португаліей. Но Донъ Карлосъ, изгнанный изъ Португаліи, инкогнито проѣхалъ чрезъ всю Францію и 12 іюля достигъ главной квартиры Цумалакарреги въ Элицондо. Въ Мадридѣ свирѣпствовала холера. Чернь, вѣря нелѣпымъ слухамъ о томъ, будто іезуиты отравили колодцы, разграбила нѣсколько монастырей. Какъ разъ наканунѣ открытія кортесовъ былъ обнаруженъ либеральный заговоръ; многіе эмигрировали. Депутаты обнаружили большую неопытность и очень скоро показали, что вовсе не намѣрены церемониться съ Королевскимъ статутомъ; они представили правительницѣ петицію о правахъ, скопированную съ французской декларацій 1789 года. Испанская казна была почти пуста, а кредитъ былъ подорванъ съ тѣхъ поръ, какъ Фердинандъ VII отказался признать долгъ кортесовъ. Графъ Торено пробавлялся палліативными мѣрами и лишь съ большимъ трудомъ выпросилъ у парижскаго банкира Ардуана авансъ въ 100 милліоновъ франковъ. Сформированіе національной гвардіи дало радикальной партіи точку опоры и еще ухудшило положеніе кабинета, который едва не былъ свергнутъ 15 января 1835 года военнымъ мятежомъ. Генералъ-капитанъ Мадрида былъ убитъ мятежниками; послѣдніе сумѣли добиться почетной капитуляціи и вышли изъ Мадрида съ оружіемъ и знаменами, чтобы соединиться съ сѣверной арміей.

Спустя пять мѣсяцевъ (7 іюня) Мартинецъ де ла Роса, потерявъ всякую надежду на успѣхъ, уступилъ постъ президента совѣта графу Торено. Послѣднему

удалось собрать нѣкоторыя вспомогательныя войска—англійскій легіонъ, французскій иностранный легіонъ и португальскій отрядъ въ 6.000 человѣкъ,—но снова въ разныхъ мѣстахъ полуострова вспыхнули возстанія. Въ Сарагоссѣ мятежники уступили лишь послѣ 48-часового боя. Барселона провозгласила конституцію 1812 года, и газета *El escudo tricolor* поясняла: „Конституція—это значитъ: долой полицію, долой октруа, долой налоги!“ Генералъ Басса, пытавшійся образумить повстанцевъ, былъ убитъ. Бѣшеные бунты залили кровью Таррагону, Валенсію, Мурсію и Майорку.

Среди этого всеобщаго броженія дону Андресъ Боррего и мадридскому генералъ-капитану Кесадѣ пришла несчастная мысль вызвать либеральную демонстрацію. Милиція составила петицію, которую делегаты вручили регентшѣ, жившей въ это время въ Гранхѣ. На слѣдующій день милиціонеры снова начали при оружіи дефилировать по улицамъ, требуя конституціи 1812 года. Кесада, не желавшій идти такъ далеко и возмущенный этой мнимой измѣной, бросился во дворецъ, испросилъ у министровъ неограниченное полномочіе и уже собирался двинуть королевскую гвардію противъ милиціи; но въ это время депутату Бельтрану де Лисъ удалось убѣдить милиціонеровъ мирно разойтись по домамъ. Вмѣсто того, чтобы понять данный ему урокъ, Торено рѣшилъ дѣйствовать строгостью и объявилъ Мадридъ на осадномъ положеніи. Въ отвѣтъ на эти репрессивныя мѣры провинціи возстали одна за другою; Вальядолидъ, Саламанка, Малага, Кадиксъ, Севилья, Гренада, Кордова, Ферроль и Корунья организовали у себя мятежныя хунты и требовали упраздненія монастырей, возвращенія покупателямъ имуществъ, проданныхъ съ 1820 по 1823 г., свободы печати и созванія учредительныхъ кортесовъ. На этотъ разъ уже не могло быть сомнѣнія: всѣ крупные города Испаніи требовали уничтоженія стараго порядка.

Торено рѣшилъ привлечь къ себѣ на помощь дона Хуана Альвареца де Мендизабаль, пользовавшагося репутаціей необыкновенно талантливаго финансиста. Но Мендизабаль отвергъ портфель министра финансовъ и согласился лишь занять мѣсто Торено въ качествѣ президента совѣта (14 сентября 1835).

Мендизабаль.—Первыя дѣйствія новаго министра были энергичны и ловки. Онъ вступилъ въ переговоры съ мятежными хунтами, и ему удалось склонить ихъ къ миру. Лучшіе генералы изъ умѣренной партіи были оставлены въ ихъ должностяхъ, генералъ-капитанами назначены вожди либеральной партіи—Мина, Кирога, Эспиноса, Лопецъ Баньосъ. Королевскій декретъ отъ 11 октября 1835 года упразднилъ всѣ монастыри, сохранивъ только три конгрегаціи: Escolapios, Filipinos и св. Juan di Dio. Былъ объявленъ созывъ ополченія въ 100.000 человѣкъ, національная гвардія была вооружена и основанъ инвалидный домъ. Однако Мендизабаль не рѣшался нарушить Королевскій статутъ и оставался въ хвостѣ либеральной партіи, вмѣсто того чтобы рѣшительно стать во главѣ ея. Онъ добился одобренія кортесами своихъ финансовыхъ мѣропріятій и быстраго вотированія бюджета на 1836 годъ; но умѣренные подали голосъ за прямую и тайную подачу голосовъ. Прогрессисты объявили это измѣною, и Мендизабаль принужденъ былъ распустить кортесы (27 января 1836), не имѣя даже формальнаго избирательнаго закона для предстоящихъ выборовъ, потому что верхняя палата не успѣла ратифицировать новый законъ.

Выборы были произведены среди полной анархіи. Въ Сарагоссѣ и Барселонѣ народъ по тюрьмамъ перерѣзалъ заключенныхъ карлистовъ, Валенсія заставила своего генералъ-капитана подать въ от-

ставку, въ арміи царило повальное неповиновеніе, а Мендизабаль не рѣшался принимать слишкомъ строгія мѣры, боясь утратить свою популярность. Большинство избранныхъ въ палату депутатовъ принадлежало къ лагерю прогрессистовъ, но палата пэровъ сохранила свой консервативный характеръ. На Мендизабаля тотчасъ же посыпались яростныя нападки по поводу его финансовыхъ мѣръ, а также продажи имуществъ духовенства. Чтобы восторжествовать надъ своими врагами, онъ задумалъ опереться въ своей либеральной политикѣ на могущественную поддержку Франціи, но это вызвало со стороны оппозиціи такіе бѣшеные протесты, что Людовикъ-Филиппъ поспѣшилъ отказаться отъ всякой мысли о вмѣшательствѣ. Мендизабаль, уже имѣвшій противъ себя карлистовъ, радикаловъ и часть кортесовъ, въ довершеніе еще оскорбилъ правительницу, которая и замѣнила его вождемъ умѣренныхъ, Истурицомъ (15 мая 1836).

Едва вступивъ во власть, Истурицъ сдѣлался мишенью для нападокъ прогрессивной партіи. Одну минуту онъ намѣревался перевезти правительницу и королеву въ сѣверную армію и открыть кортесы въ Бургосѣ подъ защитою ста баталіоновъ; но этотъ планъ разбился о мелочное сопротивленіе инфанта Донъ Франсиско. Либералы возстали; Арагонія, Эстрамадура и Андалузія требовали конституціи 1812 года; 3 августа вспыхнулъ страшный мятежъ. Истурицъ ждалъ спасенія уже только отъ Франціи, какъ вдругъ противъ него высказалась и королевская гвардія.

Бунтъ въ Гранхѣ.—12 августа, въ одиннадцать часовъ вечера, весь гарнизонъ Гранхи выстроился предъ дворцомъ съ кликами: „да здравствуетъ конституція 1812 года! да здравствуетъ королева!“ Христина согласилась принять депутацію возставшихъ солдатъ и послѣ долгаго и мужественнаго сопротивленія приказала обнародовать конституцію. Дѣло было уже, казалось, улажено; но тутъ министерство прислало въ Гранху военнаго министра, генерала Мендеца Виго, съ порученіемъ вернуть солдатъ на путь долга. Это вызвало новый, и гораздо болѣе грозный, мятежъ; Христина снова уступила и призвала къ кормилу правленія прогрессиста дона Хозэ-Марія Калатраву. Генералъ Кесада, бывшій генералъ-капитанъ Мадрида, палъ жертвою народной ненависти.

Военный мятежъ, происшедшій въ Гранхѣ, довелъ правительницу до униженія и отдалъ Испанію въ руки прогрессистовъ. Людовикъ-Филиппъ былъ менѣе, чѣмъ когда либо, склоненъ вмѣшаться, и многіе изъ умѣренныхъ начали смотрѣть на Донъ Карлоса безъ прежняго отвращенія. Испанской свободѣ никогда не грозила столь серьезная опасность, какъ въ эту минуту.

Конституція 1837 года.—Калатрава возстановилъ въ силѣ законы, вотированные кортесами съ 1820 по 1823 г., призвалъ на дѣйствительную службу 50.000 человѣкъ, объявилъ принудительный налогъ въ 200 милліоновъ реаловъ и созвалъ учредительные кортесы, которые и собрались 24 октября. Побѣда Эспартеро въ Лучанѣ какъ будто указывала на то, что карлистская война вступила въ болѣе рѣшительный фазисъ. Кортесы смѣло принялись за работу. Они уничтожили десятинные сборы и сеньеріальныя юрисдикціи и приказали немедленно пустить въ продажу не отчужденныя еще монастырскія имущества. Новая конституція 1837 года благоразумно сохранила за короною ея важнѣйшія прерогативы и раздѣлила законодательную власть между сенатомъ и палатою депутатовъ.

Такимъ образомъ, 1837 годъ, едва не оказавшійся гибельнымъ для конституціоннаго строя, напротивъ обезпечилъ его торжество. Донъ Карлосъ, явившійся 12 сентября предъ Мадридомъ, не осмѣ-

лился вступить въ него. Эспартеро возстановилъ дисциплину, на минуту подорванную военными бунтами, и новые выборы привели въ кортесы консервативное большинство.

Эспартеро и Нарваэцъ.—Но прогрессисты не хотѣли примириться со своимъ пораженіемъ и, не будучи въ силахъ восторжествовать законнымъ путемъ, оказались столь мало патріотичными, что посѣяли раздоръ между двумя лучшими испанскими генералами, Эспартеро и Нарваэцомъ. Послѣдній только что умиротворилъ Ла-Манчу, и правительница поручила ему сформировать резервное войско, которое, дѣйствуя совмѣстно съ сѣверной и каталонской арміями, должно было положить конецъ гражданской войнѣ. Прогрессисты возбудили зависть въ Эспартеро, внушивъ ему взглядъ на Нарваэца, какъ на опаснаго соперника и вѣроятнаго вождя реакціонной партіи. Эспартеро потребовалъ распущенія резервной арміи и отставки Нарваэца; молодой генералъ, оказавшійся противъ воли замѣшаннымъ въ революціонное движеніе, вспыхнувшее въ Севильѣ, долженъ былъ удалиться въ изгнаніе вмѣстѣ со своимъ старымъ другомъ Кордовой. Побѣдители-прогрессисты распустили кортесы, и избиратели послушно выбрали прогрессистское большинство. Почти въ эту самую минуту соглашеніе, заключенное въ Вергарѣ, положило конецъ карлистской войнѣ, и регентша возымѣла надежду, что умѣренная часть бывшей карлистской партіи опезпечитъ за умѣренными рѣшительное большинство. Она никогда не любила прогрессистовъ; теперь она велѣла снова произвести выборы, результатомъ которыхъ и было умѣренное большинство.

Консерваторы вернулись къ власти, обуреваемые фанатическою жаждой мести. Они вернули свѣтскому духовенству его не проданныя имущества, частью возстановили десятину и выказали намѣреніе урѣзать муниципальную автономію. Въ виду этихъ условій прогрессисты обратились къ Эспартеро и сдѣлали его вершителемъ судебъ Испаніи.

Паденіе Христины.—Эспартеро оказалъ неоцѣненныя услуги дѣлу либерализма; его храбрость, твердость и успѣхи сдѣлали его неоспоримымъ вождемъ арміи; вся Испанія привѣтствовала пожалованіе ему регентшею титула „герцога Побѣды". Она надѣялась внушить ему свои идеи, а въ то же время на него разсчитывали и прогрессисты. Но Эспартеро повиновался только своему честолюбію и поощрялъ интриги, пролагавшія ему путь къ власти.

Окруженная раболѣпными царедворцами, которые и не догадывались о стремленіяхъ, волновавшихъ народъ, Христина вмѣстѣ съ королевой Изабеллой покинула Мадридъ и отправилась въ Барселону къ всемогущему Эспартеро, только что водворившему миръ въ Каталоніи. Въ это время всю Испанію волновалъ реакціонный законъ объ Ayuntamientos. Арагонцы смѣло выражали правительницѣ свое неудовольствіе, Эспартеро просилъ ее въ ея собственныхъ интересахъ не санкціонировать закона. Христина подписала законопроектъ, вотированный кортесами, и весьма удивилась, когда на слѣдующій день Эспартеро представилъ ей прошеніе объ отставкѣ.

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ разладъ между регентшей и Эспартеро держалъ всю Испанію въ напряженномъ состояніи. Христина съ непостижимымъ упорствомъ настаивала на сохраненіи непопулярнаго закона, но и прогрессисты предъявляли непріемлемыя требованія. Барселона возстала, регентша и ея дочь покинули городъ и, скрываясь, почти какъ бѣглянки, уѣхали на торговомъ суднѣ въ Валенсію. Въ Мадридѣ вспыхнуло возстаніе. Прогрессивныя хунты возникли даже по деревнямъ. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ пало два министерства. Христина

предложила Эспартеро постъ президента совѣта съ правомъ самому избрать себѣ товарищей. Эспартеро потребовалъ, чтобы королева раздѣлила власть съ соправителями, которыхъ онъ назначитъ. На этотъ разъ Христина отказалась и, ввѣривъ своихъ дочерей чести и патріотизму Эспартеро, отреклась отъ власти. 17 октября она отплыла во Францію, увозя самую горькую досаду на прогрессистовъ.

V.—Семилѣтняя война.

Между тѣмъ какъ Испанія, такимъ образомъ, не безъ страданій пріучалась къ политической жизни, гражданская война продолжала изнурять ее непрерывно. Фердинандъ VII умеръ 29 сентября 1833 г. и 1 октября Донъ Карлосъ принялъ титулъ короля. Донъ Карлосъ былъ человѣкъ недаровитый, еще болѣе самовластный и менѣе разсудительный, чѣмъ Фердинандъ; но онъ воплощалъ въ себѣ монархическую и религіозную традицію, онъ былъ королемъ духовенства и знати. На его сторонѣ несомнѣнно были симпатіи большинства народа, а Христина имѣла то преимущество, что первая захватила власть: она владѣла Мадридомъ и арміей, ее поддерживали всѣ либералы, тогда какъ за Донъ Карлоса готовы были поднять оружіе только наиболѣе рьяные абсолютисты. Оцѣпенѣвшій народъ оставался безмолвнымъ зрителемъ борьбы и по окончаніи ея покорился тому, кому судьба даровала побѣду.

Обѣ стороны обладали лишь незначительными средствами, и борьба въ сущности была лишь долгой партизанской войной, въ которой христиносы и карлисты соперничали въ выносливости, безумной храбрости и, надо признаться, варварской жестокости. Война кончилась вслѣдствіе усталости обѣихъ сторонъ; въ одинъ прекрасный день карлисты убѣдились въ ничтожности претендента и отказались драться. Война кончилась, когда они этого захотѣли; фактически не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ, но вмѣстѣ съ претендентомъ исчезъ и старый порядокъ.

Въ карлистской войнѣ можно видѣть также одно громадное фуэристское возстаніе противъ кастильской централизаціи. Кастильскія области остались почти чужды ей; здѣсь дѣйствовало лишь нѣсколько шаекъ, предводимыхъ грабителями, какъ Миръ, Орехита, Эль Лечеро, Пеко, Рома, Палильосъ. Нѣсколько набѣговъ сдѣлали также Горостиди въ Галисіи и Мерино въ Старой Кастиліи; но въ общемъ здѣсь не произошло ничего серьезнаго. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло въ Васконгадѣ, Наваррѣ, Арагоніи, Каталоніи и Валенсіи. Въ этихъ провинціяхъ только крупные города остались вѣрны либеральной партіи, а сельское населеніе и небольшіе города стали на сторону Донъ Карлоса, потому что видѣли въ немъ защитника вѣры и надѣялись, что съ его воцареніемъ будутъ утверждены или возстановлены ихъ *фуэросъ*.

Война разыгралась преимущественно на двухъ театрахъ — въ Васконгадѣ и въ горной странѣ, расположенной къ югу отъ Эбро и извѣстной подъ именемъ Маэстразго. Донъ Томасъ де Цумалакарреги въ Васконгадѣ, Кабрера въ Маэстразго организовали силы карлистовъ и располагали контингентомъ въ 70.000 человѣкъ.

Эту войну можно раздѣлить на три періода. Въ первый обѣ стороны организуются, набираютъ свои арміи, очищаютъ и укрѣпляютъ свою территорію. Во второй карлисты переходятъ въ наступленіе и одно время близки къ побѣдѣ. Въ третій періодъ измѣна подрываетъ ихъ успѣхи, и карлизмъ терпитъ крушеніе, побѣжденный вялостью своихъ собственныхъ приверженцевъ.

Первый періодъ (1832—36).—4 октября 1833 года Бильбао провозгласилъ коро-

лемъ Донъ Карлоса, и возстаніе очень быстро охватило всю сѣверную Испанію. Священникъ Мерино съ 11.000 человѣкъ дошелъ до Гальяпагара, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Мадрида. Смерть карлистскаго генерала Сантоса Ладрона и взятіе Виторіи и Бильбао генераломъ Серсфильдомъ, казалось, готовы были уже погасить мятежъ, но Цумалакарреги принялъ начальство надъ всѣми карлистскими отрядами (27 января 1834), нашелъ въ Орбаисетѣ пушку, ружья и 50.000 патроновъ и двинулъ своихъ помощниковъ Ля-Торре и Цабалу на Бильбао, который былъ однако спасенъ героическимъ сопротивленіемъ Эспартеро. Въ мартѣ 1834 года положеніе либераловъ стало настолько критическимъ, что ихъ главнокомандующій Вальдесъ вышелъ въ отставку.

Мадридское правительство употребляло величайшія усилія, чтобы замирить Васконгадъ. Кесада пытался склонить Цумалакарреги на сторону конституціонной партіи; это ему не удалось, онъ далъ нѣсколько сраженій съ сомнительнымъ исходомъ и въ концѣ-концовъ уступилъ командованіе Родилю (9 іюля 1834). Родиль располагалъ 45.000 человѣкъ, но прибытіе Донъ Карлоса въ главную квартиру Цумалакарреги (12 іюля) и пораженіе христиносовъ при Ласъ Пеньясъ де Санъ Фаусто и Алегріи сдѣлали положеніе Родиля чрезвычайно опаснымъ. 30 октября Мина принялъ начальство надъ сѣверной арміей. Новый военачальникъ, пользовавшійся большой популярностью въ этомъ краю, обратился съ ловкимъ манифестомъ къ наварцамъ, сдѣлалъ попытку организовать вольные отряды, укрѣпилъ линію Эбро и Нижнюю Наварру и одержалъ небольшія побѣды при Мендоцѣ и Аркихасъ, но не видя дѣятельной поддержки со стороны правительства, подалъ въ отставку (апрѣль 1835). Вальдесъ снова сталъ во главѣ арміи; послѣдняя терпѣла ударъ за ударомъ: Вальдесъ былъ разбитъ при Эулатѣ, его помощники Ораа и Эспартеро побѣждены при Ларраицарѣ и Дескаргѣ, либеральные гарнизоны Толозы, Вергары, Эйбара и Дуранго принуждены сдаться. Почти весь Васконгадъ перешелъ въ руки карлистовъ, и Цумалакарреги осадилъ Бильбао 14 батальонами. Смертельно раненный передъ крѣпостью (14 іюня 1835), онъ былъ замѣненъ генераломъ Эрасо, который превратилъ осаду въ блокаду. Смѣнившій Вальдеса во главѣ сѣверной арміи донъ Фернандецъ де Кордова одержалъ надъ карлистами блестящую побѣду при Мендигорріи (16 іюля). Эрасо долженъ былъ снять осаду Бильбао, и во время его отступленія Эспартеро разбилъ его у Арригорріагѣ. Вслѣдъ затѣмъ Эспартеро отважно прошелъ чрезъ всю Бискайю и утвердился въ Виторіи. Взятіе Эстельи Кордовою (16 октября) блестяще закончило наваррскую кампанію.

Но тутъ на Эбро явился новый врагъ. Кабрера, бывшій семинаристъ въ Таррагонѣ, снялъ сутану и отдалъ на службу карлизму свой пламенный фанатизмъ, свою безпощадную рѣшимость и организаторскій талантъ. Сначала онъ служилъ подъ начальствомъ Карнисеро, а затѣмъ устроилъ дѣло такъ, что послѣдній былъ посланъ въ Наварру. Карнисеро былъ взятъ въ плѣнъ христиносами въ Мирандѣ и казненъ, и Кабрера сдѣлался единственнымъ вождемъ карлистовъ въ Маэстразго. Поддерживаемый духовенствомъ и привлекая крестьянъ соблазномъ добычи, онъ занялъ важныя позиціи въ горахъ, укрѣпился здѣсь и въ концѣ 1835 года былъ уже достаточно силенъ, чтобы предпринять осаду Алканьица. Въ началѣ 1836 г. генералъ христиносовъ Ногерасъ, выведенный изъ себя непрерывными нападеніями Кабреры, съ варварской жестокостью разстрѣлялъ старую мать партизана; въ отвѣтъ на это безпримѣрное звѣрство Кабрера казнилъ жену полковника Фонтиверосъ и тридцать другихъ

своихъ плѣнницъ, женъ либеральныхъ офицеровъ.

Второй періодъ (1836—1837).—Дважды отразивъ генерала Кордову, который пытался прорвать ихъ линіи къ сѣверу отъ Виторіи, карлисты энергично перешли въ наступленіе. Они отрядили двѣ экспедиціи: въ Кастилію и на Бильбао.

Во главѣ кастильской экспедиціи былъ поставленъ генералъ Базиліо Гомецъ, выступившій изъ Амурріо 26 іюня 1836 года съ 2.000 человѣкъ, 150 лошадьми и 2 горными орудіями. Онъ занялъ послѣдовательно Овіедо, Сантъ-Яго и Леонъ; угрожаемый корпусомъ Эспартеро, онъ прошелъ вдоль Сіерра Гвадаррама, вышелъ ущельемъ Хадраки, гдѣ разбилъ отрядъ королевской гвардіи, и на минуту занялъ Кордову. Будучи вынужденъ очистить послѣднюю, онъ снова поднялся къ Альмадену, перешелъ Таго по Алькантарскому мосту (2 ноября) и сталъ очень серьезно грозить Мадриду; но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что отдѣлился отъ Кабреры, съ трудомъ отступившаго въ Арагонію, и потому принужденъ былъ повернуть на Андалузію. Министерство рѣшилось теперь ввѣрить командованіе войсками, отряженными въ погоню за Гомецомъ, молодому генералу, который своей энергіей и дѣловитостью стяжалъ уже легендарную извѣстность въ арміи. Въ девятнадцать дней донъ Рамонъ Нарваэцъ прошелъ со своимъ войскомъ 150 миль, догналъ-таки Гомеца и оттѣснилъ его къ Осунѣ (24 ноября). Но генералъ Алаиксъ, помощникъ Нарваэца и другъ Эспартеро, отказался пустить въ дѣло свою дивизію; Гомецъ ускользнулъ, и Нарваэцъ, вмѣсто ожидаемыхъ наградъ, получилъ приказъ о ссылкѣ. Онъ палъ жертвою зависти Эспартеро. Дѣло въ томъ, что генералы, служившіе въ войскѣ, посланномъ въ Перу, образовали между собою нѣчто въ родѣ массонскаго союза и были извѣстны въ публикѣ подъ именемъ *ayacuchos*; и вотъ Алаиксъ и Эспартеро принадлежали къ этому союзу, а Нарваэцъ нѣтъ. Эспартеро видѣлъ въ немъ соперника, и Алаиксъ, помѣшавъ окончательному торжеству Нарваэца, угодилъ могущественному начальнику сѣверной арміи.

Вторая осада Бильбао длилась съ 20 октября по 25 декабря 1835 года. Городъ, защищаемый небольшимъ гарнизономъ и милиціей, отразилъ три штурма и устоялъ противъ бомбардировки. Однако онъ неминуемо палъ бы, если бы Эспартеро не двинулся къ нему на помощь.

Сначала Эспартеро былъ разбитъ карлистами на мосту Кастреханы; тогда онъ отступилъ къ Португалете, перешелъ Нервіонъ и напалъ на карлистскіе окопы у Лучаны (24 декабря). Исходъ сраженія оставался сомнительнымъ до 11 часовъ вечера; тутъ Эспартеро, больной желчными камнями, оставилъ постель, сѣлъ на коня и ринулся со своими солдатами въ новый штурмъ, который и далъ ему побѣду. Бильбао былъ освобожденъ, и королева даровала Эспартеро титулъ графа Лучана.

Борьба продолжалась въ Каталоніи безъ выдающихся событій. Марото, посланный донъ Карлосомъ, чтобы дисциплинировать каталонскія банды, былъ разбитъ при всѣхъ своихъ встрѣчахъ съ либералами и принужденъ отступить во Францію. Кабрера продолжалъ укрѣпляться въ Маэстразго и занялъ сильную позицію при Кантавіеха, который и сдѣлалъ центромъ своего лагеря. Кампанія 1837 года началась съ наступательнаго движенія христиносовъ. Въ первые дни марта Эспартеро, Эвансъ и Серсфильдъ двинулись изъ Бильбао, Санъ-Себастіана и Пампелуны съ намѣреніемъ прогнать карлистовъ до самаго Эбро. Эспартеро занялъ Дуранго, Эвансъ, цѣною тяжкихъ жертвъ, добрался до Гернани, но Серсфильдъ, задержанный въ Ирурцунѣ снѣжной метелью, вернулся въ Пампелуну, а его отступленіе заставило и обоихъ его това-

рищей вернуться на ихъ прежнія позиціи. Въ маѣ Эспартеро высадился въ Санъ-Себастіанѣ и ему удалось достигнуть Пампелуны, куда онъ 3 іюня вступилъ съ 29 батальонами.

14 мая Донъ Карлосъ покинулъ Наварру съ прекрасной арміей въ 12.000 человѣкъ и 1.700 коней и двинулся въ Каталонію. Христиносы дали ему занять Гуэска и Барбастро, не сумѣли воспользоваться критическимъ положеніемъ, въ которое на минуту попала небольшая карлистская армія по недостатку припасовъ, и Донъ Карлосъ, къ которому подоспѣлъ Кабрера, перешелъ Эбро у Черты. Но, вмѣсто того, чтобы прямо идти на Мадридъ, какъ желалъ Кабрера, Донъ Карлосъ потерялъ два мѣсяца въ Валенсіи, былъ разбитъ у Чивы и двинулся къ Мадриду лишь въ началѣ сентября. Такимъ образомъ, онъ не имѣлъ возможности дѣйствовать за одно съ корпусомъ Царатіэги, который 23 іюля перешелъ Эбро, 10 августа дошелъ до Ласъ Роцаса, въ четырехъ миляхъ отъ Мадрида, и принужденъ былъ отступить до Вальядолида (18 сентября). Между тѣмъ, Донъ Карлосъ утромъ 12 сентября достигъ Арганды, лежащей близъ самаго Мадрида. Онъ ожидалъ, что весь городъ выйдетъ ему навстрѣчу; удивленный и встревоженный враждебнымъ поведеніемъ мадридцевъ, онъ не рѣшался штурмовать городъ и ждалъ весь день, „чтобы Господь обратилъ ихъ сердца". Регентша нашла себѣ защитниковъ, проѣхала съ королевой Изабеллой по рядамъ войска въ открытой коляскѣ и была восторженно привѣтствована имъ. Ночью Донъ Карлосъ снялся съ лагеря и передвинулся въ Чилоечесъ, чтобы отпраздновать здѣсь день Скорбящей Божьей Матери, патронессы его арміи. Во время праздника Эспартеро прочно утвердился въ Алкала де Генаресъ и отрѣзалъ ему путь къ Мадриду (17 сентября). Еще разъ сразившись у Аранцуэки, карлистская армія двинулась обратно на сѣверъ, подобрала Царатіеги въ Роа и перешла назадъ Эбро (15 октября). Съ этого момента карлистская партія была морально побѣждена.

Оставленный Донъ Карлосомъ въ Каталоніи Урбицтондо тщетно пытался пріучить къ дисциплинѣ каталонскихъ солдатъ — „настоящихъ бандитовъ, способныхъ развѣ обезславить дѣло, которому они будто бы служатъ". Тристани совершалъ такія жестокости, что въ концѣ-концовъ вся провинція возстала противъ него. Одинъ Кабрера продолжалъ держаться въ Маэстразго и простиралъ свои наѣзды до Гуэрта въ Валенсіи.

Третій періодъ (1838—1840).—Въ 1838 году карлисты еще разъ сдѣлали попытку занять Кастилію, но Базиліо Гомецу и Негри удалось только пройти чрезъ эту провинцію, не овладѣвъ въ ней ни однимъ сильнымъ опорнымъ пунктомъ, и они принуждены были вернуться въ Бискайю.

Въ карлистскомъ лагерѣ царили сильнѣйшіе раздоры. Ближайшіе совѣтники претендента находили, что онъ слишкомъ снисходителенъ къ либераламъ, и требовали систематическаго преслѣдованія *черныхъ* (negros). Генералы Эліо, Царатіеги и Гомецъ казались имъ недостаточно благонадежными; они настояли на возвращеніи Марото, уже нѣсколько лѣтъ жившаго во Франціи и убѣдили претендента назначить его главнокомандующимъ.

Въ то время какъ на глазахъ сѣверной карлистской арміи Эспартеро очищалъ Бальмаседу и занималъ Пеньясерраду, графъ Эспинья былъ разбитъ въ Каталоніи генералъ-капитаномъ Мееромъ, а Кабаньеро, сдѣлавъ неудачную попытку врасплохъ захватить Сарагоссу, потерялъ здѣсь 200 человѣкъ убитыми и 700 плѣнными; зато Кабрера заставилъ генерала Ораа, „лысаго волка", какъ онъ его называлъ, снять осаду Морельи, истребилъ 29 сентября три либеральныхъ баталіона у Маэльи и разстрѣлялъ 250

плѣнныхъ. Въ отместку чернь въ Сарагоссѣ и Валенсіи перебила плѣнныхъ карлистовъ, находившихся подъ стражей въ этихъ двухъ городахъ. Генералъ-капитанъ Валенсіи, донъ Нарсисо Лопецъ, пытавшійся защитить ихъ противъ разъяреннаго народа, былъ убитъ.

По отъѣздѣ Донъ Карлоса Ла Манча осталась наводненной разбойниками. Дону Рамону Нарваэцу было поручено очистить отъ нихъ страну; онъ собралъ, вооружилъ и обучилъ меньше чѣмъ въ три мѣсяца 15.000-ное войско и меньше чѣмъ въ два мѣсяца совершенно подавилъ возстаніе. Регентша хотѣла назначить его начальникомъ резервной арміи въ 40.000 человѣкъ; но, какъ мы видѣли, этому воспрепятствовала зависть Эспартеро.

Раздоры въ карлистскомъ лагерѣ больше способствовали торжеству либераловъ, чѣмъ побѣды ихъ военачальниковъ. Марото очень скоро сдѣлался врагомъ камарильи Донъ Карлоса и, чтобы обезопасить себя противъ ея козней, въ февралѣ 1839 года безъ суда велѣлъ разстрѣлять генераловъ Гарсію, Санца и Гергея. Донъ Карлосъ въ первую минуту объявилъ его бунтовщикомъ и измѣнникомъ, но такъ какъ армія была за Марото, то претендентъ вступилъ съ нимъ въ переговоры и въ концѣ-концовъ даровалъ ему амнистію. Такимъ образомъ, апостолическая партія была обезглавлена: Донъ Карлосъ уже не былъ хозяиномъ въ своемъ собственномъ лагерѣ.

Марото пытался энергично вести войну, но всѣ его встрѣчи съ христиносами оканчивались для него неудачно. Эспартеро снова занялъ Ордунью и Дуранго, въ которомъ долгое время находился дворъ Донъ Карлоса. Донъ Діего Леонъ разбилъ карлистовъ у Беласкоаина. Обѣ стороны желали мира, и Марото вступилъ въ переговоры съ Эспартеро. Онъ тщетно пытался положить конецъ войнѣ путемъ женитьбы сына Донъ Карлоса на королевѣ Изабеллѣ и тщетно ходатайствовалъ о сохраненіи *фуэросъ* въ полномъ объемѣ. Послѣ новаго свиданія съ Донъ Карлосомъ (27 августа) онъ 29 августа 1839 года подписалъ Вергарское соглашеніе, положившее конецъ гражданской войнѣ. Донъ Карлосъ уѣхалъ во Францію, гдѣ, по распоряженію Людовика-Филиппа, былъ водворенъ въ Буржѣ.

Кабрера, располагавшій еще пѣхотнымъ войскомъ въ 22.000 чел., 2.100 коней и 108 орудіями, рѣшилъ держаться до полнаго истощенія; чтобы одолѣть его, приходилось начинать новую кампанію. Она продолжалась пять мѣсяцевъ (февраль—іюль 1840), и *кабесилья* перешелъ французскую границу (8 іюля) лишь послѣ того, какъ потерялъ одну за другою всѣ свои крѣпости.

VI.—Испанія съ 1840 по 1847 г.

Регентство Эспартеро.—Эспартеро, вождь прогрессистовъ и умиротворитель Испаніи, былъ въ 1848 году самымъ популярнымъ человѣкомъ на всемъ полуостровѣ. Назначенный послѣ отъѣзда Христины президентомъ совѣта, онъ возстановилъ порядокъ въ странѣ и энергично развилъ иностранную политику Испаніи. Въ результатѣ кортесы 1841 г. избрали его регентомъ.

Но взявъ въ руки бразды правленія, Эспартеро тотчасъ предался бездѣйствію, и умѣренные задумали воспользоваться раздорами среди прогрессистовъ и вялостью регента. Въ сентябрѣ О'Доннель, Пикеро и Монтесъ де Ока сдѣлали попытку возмутить войска противъ регента. 7 октября Конча вторгся во дворецъ съ цѣлью похитить молодую королеву и былъ остановленъ только мужественной твердостью дворцовой стражи.

Эспартеро сурово подавилъ эти попытки къ возстанію. Три генерала и нѣсколько офицеровъ были разстрѣлены; въ виду того, что въ Васконгадѣ возстаніе носило фуэристскую окраску, фуэросъ были

отмѣнены и кастильскія таможни перенесены на французскую границу. Эспартеро раздражилъ испанцевъ своею чрезмѣрною строгостью; въ то же время онъ возстановилъ противъ себя Англію, отказавшись уступить ей Аннобонъ и Фернандо-По, и оскорбилъ Францію, потребовавъ очищенія госпиталя, который она устроила на Балеарскихъ островахъ для своихъ африканскихъ больныхъ.

Сессія кортесовъ 1842 года была ознаменована еще большими разногласіями, чѣмъ сессія 1841 года. 28 мая кортесы оставили министерство въ меньшинствѣ. Эспартеро потратилъ два мѣсяца на составленіе новаго кабинета, президентомъ котораго долженъ былъ стать, по приказанію регента, генералъ Родиль. Яростное раздраженіе партій обнаружилось по поводу торговаго договора съ Англіей, который собирался заключить Эспартеро; умѣренные и каталонцы воспользовались невѣжествомъ народа, чтобы выставить прогрессистовъ измѣнниками, а договоръ— плодомъ британскаго коварства. 13 іюля въ Барселонѣ вспыхнулъ страшный мятежъ; генералъ-капитанъ Ван-Галенъ принужденъ былъ очистить городъ (16 іюля), и послѣ шестинедѣльныхъ безплодныхъ переговоровъ Эспартеро приказалъ бомбардировать Барселону. Четыреста домовъ были сожжены. Испанія не простила регенту этой звѣрской экзекуціи.

Правленіе Эспартеро приняло характеръ военной диктатуры. Казалось, Испаніи грозила опасность попасть въ руки *Ayacuchos*, и недовольство сдѣлалось столь всеобщимъ, что многіе изъ прогрессистовъ перешли на сторону умѣренныхъ. Министерство распустило кортесы, но новые выборы доставили ему лишь 70 голосовъ. Родиль долженъ былъ уступить свое мѣсто депутату Лопецу, который враждебно относился къ военной власти. Лопецъ въ свою очередь принужденъ былъ удалиться вслѣдствіе вражды къ нему Эспартеро, и 20 мая 1843 года третій кабинетъ, во главѣ съ президентомъ сената дономъ Альварецомъ Бесеррой, снова распустилъ кортесы. На слѣдующій день всѣ газеты дали грозный лозунгъ: союзъ всѣхъ испанцевъ для борьбы съ англо-айакучами.

Паденіе Эспартеро.— Не дожидаясь новыхъ выборовъ, умѣренные подъ предводительствомъ О'Доннеля и Нарваэца открыли войну противъ регента. 27 мая донъ Хуанъ Примъ поднялъ въ Реусѣ знамя возстанія; Аликанте, Картагена, Мурсія, Вальядолидъ и Севилья высказались противъ Эспартеро. 27 іюня Нарваэцъ, высадившись въ Грао, предложилъ валенсійцамъ свою шпагу на помощь противъ „разрушителя Барселоны". Онъ отправился изъ Валенсіи въ Теруэль и началъ здѣсь формировать войско. Теперь Эспартеро рѣшилъ оставить Мадридъ; но вмѣсто того, чтобы идти противъ Нарваэца и сжать его между своимъ войскомъ и войсками Сеонана и Цурбано, занимавшими Сарагоссу, регентъ направился къ Севильѣ. Путь къ Мадриду былъ открытъ. Нарваэцъ быстро двинулся къ столицѣ и въ виду ея соединился съ генераломъ партіи умѣренныхъ Аципироцомъ, шедшимъ изъ Вальядолида. Сеонанъ кинулся въ погоню за нимъ и встрѣтилъ его 22 іюля у Торрехонъ де Ардоцѣ; но все его войско перешло въ лагерь Нарваэца, и послѣдній 23 іюля въ 11 часовъ вечера вступилъ въ Мадридъ. 27 іюля военный министръ генералъ Серрано, далъ знать Эспартеро, осаждавшему Севилью, что Мадридъ находится во власти Нарваэца и что если онъ станетъ продолжать военныя дѣйствія, онъ будетъ признанъ измѣнникомъ. Сначала Эспартеро, располагавшій еще десятью тысячами человѣкъ, думалъ идти на Мадридъ; но его солдаты стали толпами дезертировать, Кадиксъ высказался противъ него, и 30 іюля, обратившись къ народу съ тщетнымъ протестомъ противъ совершившихся событій,

несчастный герцогъ Побѣды сѣлъ со своими приверженцами на англійскій корабль *Малабаръ*.

Пораженіе прогрессистовъ. — Коалиція, свергшая Эспартеро, состояла въ большинствѣ изъ прогрессистовъ; но ея вождь, Нарваэцъ, былъ всецѣло преданъ реакціонной партіи, и народъ, утомленный тринадцатилѣтней смутой, былъ, казалось, готовъ отдаться партіи умѣренныхъ.

Девять мѣсяцевъ прогрессисты боролись съ Нарваэцомъ и постепенно утратили всѣ свои преимущества. 8 ноября кортесы, гдѣ умѣренные составляли подавляющее большинство, объявили Изабеллу II совершеннолѣтней. Изабелла опять назначила президентомъ министерства прогрессиста—Олоцагу (24 ноября). Шесть дней спустя Олоцага уже не видѣлъ другого выхода, какъ распустить кортесы. Онъ убѣдилъ въ этомъ королеву, но вмѣсто того, чтобы тотчасъ привести въ исполненіе декретъ, далъ время *камарильѣ* переубѣдить королеву. Тринадцатилѣтней дѣвочкѣ внушили, что распущеніе кортесовъ было бы съ ея стороны неблагодарностью и что Олоцага выманилъ у нея согласіе хитростью. Изабелла не постѣснилась даже обвинить Олоцагу въ желаніи прибѣгнуть къ насилію надъ нею. Опальный министръ бѣжалъ въ Англію и былъ замѣненъ дономъ Луисъ Гонцалецъ Браво, который быстро усвоилъ себѣ реакціонную политику. Во всей Испаніи было объявлено осадное положеніе, установленъ строжайшій надзоръ надъ прессой, многіе прогрессистскіе депутаты были брошены въ тюрьму, королева Христина вернулась въ Испанію, ея бракъ съ дономъ Фердинандо Муньоцъ былъ офиціально объявленъ, и Изабелла даровала мужу своей матери титулъ герцога Ріанцаресъ.

Но Браво былъ только статистомъ, въ дѣйствительности же главою правительства являлся донъ Рамонъ Нарваэцъ. 2 мая 1844 года Нарваэцъ, пожалованный въ герцоги Валенсіи, рѣшился принять постъ министра-президента. Реакція восторжествовала.

Иные изъ консерваторовъ желали возстановить въ силѣ Королевскій статутъ, вернуть духовенству его недвижимыя имущества и снова ввести десятину. Нарваэцъ понялъ, что такъ далеко не слѣдуетъ идти. Онъ распустилъ кортесы, добился на новыхъ выборахъ сильнаго умѣреннаго большинства и безпощадно подавлялъ всякую попытку возстанія или пронунсіаменто.

Три важныхъ дѣла поглощали вниманіе кортесовъ: реформа конституціи 1837 г., возстановленіе дипломатическихъ сношеній со св. Престоломъ и бракъ королевы. Конституція была передѣлана въ монархическомъ духѣ. Отношенія съ куріей медленно улучшались цѣною опасныхъ уступокъ со стороны министерства. Но вопросъ о замужествѣ королевы принялъ размѣры европейскаго событія.

Бракъ королевы и инфанты. — Австрія желала выдать испанскую королеву за сына Донъ Карлоса, Англія — за одного изъ Кобургскихъ принцевъ, Франція — за Орлеанскаго принца; неаполитанскій король предлагалъ своего сына, графа Трапани. Чтобы выпутаться изъ всѣхъ этихъ трудностей, Марія-Христина предложила выдать королеву за ея кузена Донъ Франсиско де Асисъ, сына инфанта Донъ Франсиско де Паула. Правда, молодой принцъ былъ хворъ и тщедушенъ и Изабелла относилась къ нему съ явнымъ отвращеніемъ; но Людовикъ-Филиппъ высказался въ его пользу. Герцогъ Монпансье собирался жениться на инфантѣ Луизѣ-Фернандѣ, и французскій король разсчитывалъ, что въ концѣ-концовъ, если Изабелла умретъ бездѣтною, испанская корона достанется его внукамъ. Нарваэцъ, отказавшійся содѣйствовать планамъ французской партіи, подалъ въ отставку, и подъ эгидою ультра-консер-

вативнаго министерства, съ Истурицомъ во главѣ, 10 октября 1846 года состоялось два бракосочетанія: Изабеллы II съ Донъ Франсиско и Луизы-Фернанды съ герцогомъ Монпансье.

Разладъ между королемъ и королевой обнаружился очень скоро. Изабелла приблизила къ себѣ молодого генерала Серрано, чрезъ котораго власть снова перешла къ прогрессистамъ. Эспартеро вернулся въ Испанію и былъ назначенъ пожизненнымъ сенаторомъ; но Марія-Христина покинула королевство, и умѣренные произвели такое давленіе на королеву, что она рѣшилась снова призвать Нарваэца (3 октября 1847). Для управленія Испаніей нужны были дарованія и способности, которыхъ Изабелла не имѣла. Она была добра и милосердна, и еще теперь ея имя очень популярно въ Испаніи; но она не обладала ни политическимъ умомъ, ни волею, и до своего паденія являлась игрушкою въ рукахъ честолюбцевъ, оспаривавшихъ другъ у друга ея милость.

Литература и науки въ Испаніи при Фердинандѣ VII.—Врагъ всякой умственной культуры, Фердинандъ VII предоставилъ университеты ихъ собственнымъ силамъ, уничтожилъ конкурсы на соисканіе каѳедръ, удалилъ лучшихъ профессоровъ и полицейскимъ путемъ закрылъ литературныя общества.

Въ теченіе краткаго конституціоннаго періода въ Мадридѣ возникло множество журналовъ, но за недостаткомъ читателей всѣ они превратились въ политическія газеты. Кортесы преобразовали университеты, но только на бумагѣ, и либеральный коллежъ Санъ Матео, основанный въ Мадридѣ Листой, былъ закрытъ на слѣдующій день послѣ пріѣзда герцога Ангулемскаго.

Вторая половина царствованія Фердинанда VII была нѣсколько менѣе безплодна. На сценѣ явилось нѣсколько хорошихъ испанскихъ комедій. Въ этотъ періодъ начали пріобрѣтать извѣстность Бретонъ де лосъ Герреросъ—испанскій Скрибъ—и Хиль-и-Царате.

Кинтана, бѣжавшій въ Эстрамадуру, издалъ еще нѣсколько поэмъ. Въ мадридской академіи *El Mirto* были прочитаны первые стихи Вентура де ла Вега, Патрисіо де ля Эскосура и Хозэ де Эспронседа.

Болѣе, чѣмъ поэзіи, царствованіе Фердинанда VII благопріятствовало научной литературѣ. Испанская академія издала *Fuéro Juzgo*, Историческая академія—*Siete partidas* и „Юридическія сочиненія Альфонса X“, нѣсколько томовъ *España sagrada* и „Архитектуру въ Испаніи“ Льягуно-и-Амирола. Бофаруль издалъ своихъ „Графовъ Барселонскихъ“, Аматъ—„Церковную исторію“, Наваррете—„Собраніе путешествій“, Конде—„Исторію арабовъ“, Антоніо Гонцалецъ—„Испанскіе соборы“, Клеменсинъ—„Похвальное слово королевѣ Изабеллѣ католической“.

Точныя науки имѣли не много представителей. Донъ Маріано Лагаска былъ замѣчательнымъ ботаникомъ и въ теченіе четверти вѣка пользовался европейской извѣстностью; но въ 1823 году севильская чернь разграбила его коллекцію и сожгла его рукописи. Лагаска прожилъ въ изгнаніи до 1831 года.

Романтизмъ въ Испаніи.—Первая часть царствованія Изабеллы II была ознаменована чрезвычайно любопытнымъ литературнымъ движеніемъ. Французскій романтизмъ нашелъ въ Испаніи тѣмъ болѣе подготовленную почву, что въ новой школѣ Испанія видѣла—и не безъ основанія—проявленіе своего собственнаго духа.

Возникло нѣсколько литературныхъ журналовъ. Месонеро Романосъ печаталъ здѣсь свои прелестныя „Мадридскія сцены“, Ларра—свои „Письма бѣднаго болтуна“. Первыми апостолами литературной реформы были Мартинецъ де ля Роса, Августинъ Дюранъ и Анхело де

Сааведра. Драма Сааведры „Донъ Альфонсо, или Власть судьбы" воскресила старую кастильскую драму во всей ея пышности. Одновременно съ Мадридомъ и въ Барселонѣ возникла литературная школа, представителями которой были поэтъ и музыкальный критикъ Пабло Пиферреръ, фольклористъ Мила-и-Фонтанальсъ и поэты Арибо и Кадрадо.

Вскорѣ явились на сценѣ лучшія комедіи Бретонъ де лосъ Геррероса: *Марцелла, Умри и увидишь, Все въ этомъ мірѣ шутка.* Вентура де ля Вега поставилъ *Донъ Фернандо д'Антекера, Смерть Цезаря* и прелестную комедію *Свѣтскій человѣкъ.* Хиль-и-Царате написалъ свои драмы *Гуцманъ вѣрный* и *Карлъ II* и комедію нравовъ *Годъ послѣ брака.* Въ 1836 году рекрутъ изъ Леганеса, донъ Антоніо Гарсія Гутьеррецъ, сразу выказалъ себя въ своей драмѣ *Трубадуръ* блестящимъ версификаторомъ и замѣчательнымъ драматургомъ. Въ 1837 году Хуанъ-Эухеніо Гарцембушъ поставилъ одну изъ классическихъ пьесъ испанской сцены, *Теруэльскихъ любовниковъ,* а въ слѣдующемъ году—*Донью Менсію.* Донъ Хозэ Цоррилья, лирическій, эпическій и драматическій поэтъ, съ большимъ успѣхомъ поставилъ одну за другою пьесы: *Сапожникъ и король* (1840), *Санчо Гарсія* (1842) и *Донъ Хуанъ Теноріо* (1844).

Основаніе мадридскаго *Лицея* (1837) обезпечило лирическимъ поэтамъ доброжелательную аудиторію. Рядомъ съ маркизомъ де Молинсъ, Пасторомъ Діацомъ и Габріэлемъ Гарсіей Тассара появляются новыя крупныя имена. Кампоаморъ издаетъ свои *Цвѣты и ласки*, донья Каролина Коронадо—свою граціозную повѣсть *Amor de amores*, Эспронседа – свои *пѣсни, разсказы въ стихахъ* и безпорядочную поэму *Міръ—дьяволъ*, изобилующую великолѣпными частями, каковы ея *Фантастическое введеніе* и неподражаемая *Пѣсня къ Терезѣ.* Поэзія занимаетъ въ Испаніи первенствующее положеніе и съ нея обязательно начинаетъ всякій политическій дѣятель.

По важности и обилію съ нею соперничаетъ только періодическая печать. Донъ Серафинъ Эстебанецъ Кальдеронъ пишетъ свои *Андалузскія сцены.* Донъ Антоніо Марія Сеговіа пріобрѣтаетъ широкую извѣстность своими ѣдкими пародіями. Въ 1836 году Месонеро Романосъ начинаетъ издавать *Живописный еженедѣльникъ,* первый испанскій иллюстрированный журналъ. Мадрацо украшаетъ своими литографіями журналъ *Артистъ,* Ферреръ дель Ріо издаетъ *Лабиринтъ,* донъ Модесто Лафуэнте—*Fray Gerundio.* Политическія газеты—*Пчела, Національный Вѣстникъ, Кормчій*—начинаютъ съ грѣхомъ пополамъ воспитывать политическое сознаніе народа, и хотя большинство этихъ писателей весьма поверхностны, хотя эта литература часто подражательна и беретъ больше блескомъ формы, чѣмъ серьезностью идей,—во всякомъ случаѣ, это яркое возрожденіе испанской литературы уже само по себѣ доказываетъ, что свобода принесла пользу странѣ и что испанцы не проиграли, купивъ ее цѣною страданій.

VII.—Португалія съ 1814 по 1847.

Португалія въ 1815 году.—Англія спасла Португалію, но заставила ее дорого заплатить за эту услугу. Съ 1807 до 1814 г. народонаселеніе Португаліи убавилось на милліонъ человѣкъ, а невѣжество народа еще увеличилось—вещь, казавшаяся невозможной: на тысячу новобранцевъ оказывался едва одинъ, умѣвшій читать и писать. Между тѣмъ расходы двора, несмотря на отсутствіе короля, оставались тѣ же; они поглощали ежегодно 260 контосъ де реисъ (1.444.560 франковъ), и ежегодный дефицитъ возросъ до 2.000 контосъ.

Португальцы надѣялись, что съ водвореніемъ всеобщаго мира дворъ вер-

нется въ Лиссабонъ; но Іоаннъ VI очень хорошо чувствовалъ себя въ Ріо. Онъ зналъ, что съ его возвращеніемъ въ Лиссабонъ Бразилія объявитъ себя независимой и что Португалія останется ему вѣрна, хотя бы онъ жилъ и въ Ріо. Онъ приглашалъ знатныя португальскія фамиліи переселяться въ Бразилію.

Революція 1820 года.—Возстаніе, усмиренное въ 1817 году лордомъ Бересфордомъ, снова вспыхнуло 24 августа 1820 г. въ Опорто. Гарнизонъ, предводимый своими офицерами, образовалъ мятежную хунту. 29 августа Лиссабонъ примкнулъ къ возстанію. 9 сентября регентство созвало кортесы, которые употребили четыре мѣсяца на выработку плана новой конституціи, сходной съ испанской конституціей 1812 года. Феодальный строй былъ отмѣненъ, инквизиція упразднена, администрація преобразована, церковныя имущества пущены въ продажу и королю предложено вернуться въ Лиссабонъ править на основаніи конституціи.

Возвращеніе. Іоанна VI въ Португалію.—Іоаннъ VI вернулся въ Португалію въ іюнѣ 1821 года. Ближайшимъ послѣдствіемъ его возвращенія было освобожденіе Бразилии, провозгласившей императоромъ Донъ Педро (августъ 1822).

Между тѣмъ кортесы возстановили противъ себя Европу своими якобинскими стремленіями и Англію — расторженіемъ торговаго договора 1810 года. На новую конституцію никто не обращалъ вниманія. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ открытія регулярной сессіи кортесовъ, какъ графъ Амаранте поднялъ Тразъос-Монтесъ противъ конституціи. Абсолютисты сосредоточили свои силы въ Сантаремѣ (май 1823). Іоаннъ VI очистилъ Лиссабонъ. Гражданская война казалась неминуемой, но кортесы, видя себя морально изолированными, сами разошлись, и Іоаннъ VI, по совѣту Пальмеллы, назначилъ хунту для составленія хартіи ограниченной монархіи. Іоаннъ VI охотно помирился бы съ ролью конституціоннаго короля; но королева и инфантъ Донъ Мигуэль не хотѣли слышать объ умаленіи прерогативъ короны. 30 апрѣля 1824 года Донъ Мигуэль овладѣлъ дворцомъ, изгналъ Пальмеллу и сталъ править именемъ своего отца, котораго будто бы освободилъ отъ тираніи либераловъ. Но Іоаннъ VI, боявшійся жены и сына еще больше, нежели революціонеровъ, бѣжалъ на англійскомъ суднѣ (9 мая). Онъ вернулся во дворецъ Келюзъ лишь послѣ того, какъ Донъ Мигуэль удалился въ изгнаніе. Созванные старымъ порядкомъ кортесы уничтожили все созданное революцией, и Португалія снова впала въ анархію. Народъ былъ до того суевѣренъ, что многіе крестьяне ждали возвращенія Донъ Себастіана, убитаго въ Африкѣ въ 1578 г.

Донъ Педро.—Смерть Іоанна VI (мартъ 1826) вовлекла королевство въ новый кризисъ. Регентша Изабелла-Марія провозгласила королемъ бразильскаго императора Донъ Педро.

Если бы Донъ Педро отрекся въ пользу своего брата Донъ Мигуэля, какъ этого всѣ ожидали, то Португалія отдѣлалась бы одной перемѣной на престолѣ. Но Донъ Педро вздумалъ проявить себя цѣлымъ рядомъ чрезвычайныхъ мѣръ. Въ качествѣ короля онъ даровалъ Португаліи хартію, затѣмъ отказался отъ престола въ пользу своей дочери Доньи Маріи да Глоріа и, наконецъ, чтобы примирить всѣ партіи, обручилъ свою семилѣтнюю дочь со своимъ братомъ Донъ Мигуэлемъ, которому было 24 года.

Португалія дала провозгласить хартію (іюль 1826), Донъ Мигуэль призналъ ее и даже чрезъ повѣреннаго обручился въ Вѣнѣ со своей племянницей, но въ Португаліи сама собою вспыхнула война между либералами и абсолютистами. Одно время англичане пытались поддержать либераловъ и продлить изгнаніе Донъ Мигуэля, но Донъ Педро настаивалъ на сво-

емъ планѣ и 3 іюля 1827 года назначилъ Донъ Мигуэля своимъ намѣстникомъ въ Португаліи. 22 февраля слѣдующаго года Донъ Мигуэль прибылъ въ Лиссабонъ и въ іюнѣ абсолютисты провозгласили его королемъ; почти въ тотъ же самый моментъ Донъ Педро пожаловалъ ему титулъ регента и прислалъ Донью Марію въ Португалію.

Донъ Мигуэль. — Прибывъ въ Гибралтаръ, Донья Марія узнала о захватѣ престола ея дядею и уѣхала въ Англію.

Наступившая теперь монархическая реакція носила чрезвычайно отталкивающій характеръ. Видную роль въ ней играло духовенство; оно подстраивало чудеса, чтобы возбуждать фанатизмъ народа, и неотвязно подстрекало короля покончить съ либералами. „Справиться съ ними,— говорилъ придворный проповѣдникъ Іоао,—можно тремя способами: вѣшая ихъ, моря ихъ голодомъ въ тюрьмѣ или давъ имъ яду, да, яду, государь!"

Одинъ изъ центровъ сопротивленія образовался на Азорскихъ островахъ, гдѣ эскадрѣ Донъ Мигуэля не удалось высадить войска (1829). Тѣмъ не менѣе, претендентъ вѣроятно сохранилъ бы корону, если бы іюльская революція въ Парижѣ не лишила его драгоцѣннаго союзника въ лицѣ Карла X. Донъ Мигуэль неосторожно возстановилъ противъ себя правительство Людовика-Филиппа, результатомъ чего было появленіе адмирала Руссена съ эскадрою на Таго (11 іюля 1831). Почти въ ту же минуту Донъ Педро, вынужденный отречься отъ бразильской короны, прибылъ въ Европу, чтобы лично отстаивать права Доньи Маріи.

Донъ Педро организовалъ свое правительство на Азорскихъ островахъ. Онъ обнародовалъ рядъ реформъ и, получивъ субсидіи и подкрѣпленія отъ Франціи и Англіи, отплылъ въ Португалію.

Опорто открылъ ему свои ворота (9 іюля 1832), но затѣмъ Донъ Педро впродолженіе цѣлаго года не достигъ никакихъ успѣховъ. Наконецъ, 5 іюля 1833 года побѣда либеральнаго флота у мыса св. Винцента дала возможность небольшому конституціонному отряду занять Альгарвію, а вскорѣ затѣмъ и Лиссабонъ, эвакуированный мигуэлистами. Сраженія при Альмостерѣ (18 февраля 1834) и Ассейсейрѣ (16 мая), заключеніе четверного союза и вступленіе испанскаго войска въ Португалію заставили Донъ Мигуэля подписать соглашеніе въ Эворамонте (27 мая) и отплыть въ Геную. Такимъ образомъ, оба претендента принуждены были искать помощи у чужеземцевъ. Народъ мало интересовался борьбою и, будучи предоставленъ самому себѣ, остался бы вѣренъ самодержавному королю.

Кортесы собрались въ августѣ 1834 года и еще утвердили за Донъ Педро титулъ и права регента; но ему оставалось жить уже всего нѣсколько дней. Донья Марія, объявленная совершеннолѣтней, 20 сентября присягнула на вѣрность конституціи, а четыре дня спустя Донъ Педро умеръ во дворцѣ Келюзъ, „въ залѣ Донъ Кихота", не лелѣя даже иллюзіи, что оставляетъ Португалію свободной и умиротворенной. Въ январѣ 1835 года Донья Марія вышла замужъ за герцога Лейхтенбергскаго, сына принца Евгенія. 26 марта того же года онъ умеръ отъ ангины, и 9 апрѣля 1836 года Марія вышла замужъ за принца Фердинанда-Августа Саксенъ-Кобургъ-Готскаго.

Мусинго.—Реформы, проведенныя Донъ Педро и его министромъ Мусинго, упразднили старый режимъ въ Португаліи. До 1834 года наиболѣе обезпеченная часть государственныхъ доходовъ дѣлилась между короной, фидальго, майоратами и церковью; земельная рента помѣщика достигала иногда четверти валового дохода съ земли. Духовенство насчитывало до 30.000 человѣкъ и получало дохода 33.336.000 франковъ; монастырей насчитывалось 534, и въ нихъ двѣнадцать тысячъ монаховъ и монахинь. Военные ор-

дена кормили 3.000 чиновниковъ и насчитывали 653 командорства. Бюрократія правила на восточный ладъ; капитао-моръ былъ настоящимъ кади: онъ набиралъ солдатъ въ армію и дѣвушекъ въ свой сераль. Бóльшая часть земель оставалась не обработанной, скотоводство стояло еще на такой первобытной ступени, что крестьяне не умѣли даже дѣлать масла и сыра. Хлѣба населенію хватало лишь на треть года, а чтобы прожить остальное время, ждали бразильскаго золота.

Мусинго да Сильвеира задался цѣлью убѣдить португальцевъ, что истинная Бразилія находится у нихъ подъ рукою и что необходимо подѣлить земли „мертвой руки" и пустить ихъ въ обработку. Его смѣлыя преобразованія больше способствовали искорененію мигуэлизма, чѣмъ всѣ усилія Европы и арміи Донъ Педро. Онъ отмѣнилъ десятину, феодальные налоги и монополіи, закрылъ мужскіе монастыри, запретилъ женщинамъ давать монашескій обѣтъ, пустилъ въ обращеніе монастырскія земли, ограничилъ майоратное право, сбавилъ наполовину поземельную подать, уничтожилъ наслѣдственную передачу должностей и отдѣлилъ судебныя функціи отъ административныхъ.

Всѣ эти реформы были произведены слишкомъ быстро, чтобы не вызвать глубокой смуты; португальцы еще не созрѣли для политической жизни и вносили въ нее больше страсти, чѣмъ разсудительности.

По мнѣнію однихъ, пора было положить конецъ революціи: всѣ желательные результаты достигнуты, хартія, которую обнародовалъ Донъ Педро въ 1826 году, даровала странѣ всѣ законныя реформы. Для другихъ эта сверху пожалованная хартія являлась лишь даромъ деспотизма; освобожденная нація должна отвергнуть ее и возстановить конституцію, вотированную кортесами 1822 года. Къ революціонной партіи примкнули абсолютисты, не желавшіе ни конституціи 1822 года, ни хартіи 1829. Абсолютистамъ сочувствовали духовенство, часть національной гвардіи и населеніе Лиссабона.

Сентябрьская революція.—Въ сентябрѣ 1836 года, въ то время, какъ въ Урикѣ возникло движеніе въ пользу Донъ Мигуэля, лиссабонская чернь возстала на защиту конституціи 1822 года. Король и королева должны были согласиться на образованіе прогрессистскаго министерства, въ которое вошли графъ Луміаресъ и виконтъ Са да Бандеира. Королева, блѣдная отъ волненія, должна была выйти на балконъ дворца и съ отвращеніемъ выслушать привѣтствія толпы.

Она приняла конституцію лишь подъ давленіемъ мятежа. Дважды—въ ноябрѣ 1836 и въ мартѣ 1838 года—она пыталась свергнуть это иго. Энергія Мануэля Пассоса парализовала первую попытку, извѣстную въ португальской исторіи подъ названіемъ Белемскаго покушенія *(a Belemzada)*. Въ 1837 году министры снова восторжествовали надъ дворцовыми интригами, но генералы возмутили армію, и въ концѣ концовъ парламентъ преобразовалъ конституцію 1822 года въ монархическомъ духѣ.

Коста Кабраль.—Шесть лѣтъ „септембристы" удерживали въ своихъ рукахъ власть, несмотря на рядъ мятежей и пронунсіаменто, несмотря на безпрестанную смѣну министерствъ. Но въ январѣ 1842 года гарнизонъ Опорто провозгласилъ хартію 1826 года, и одинъ изъ министровъ, Коста Кабраль, своимъ присутствіемъ поощрилъ мятежъ. Мѣсяцъ спустя хартія была возстановлена, и Коста Кабраль, пожалованный въ графы Томаръ, назначенъ министромъ-президентомъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ былъ настоящимъ диктаторомъ.

Вторая гражданская война. — Въ маѣ 1846 года во всей Португаліи вспыхнуло страшное возстаніе противъ бюрократическаго правленія Кабраля. Крестьянинъ,

которому либеральныя идеи все еще оставались совершенно непонятными, возмутился, когда его захотѣли хоронить на кладбищахъ „подъ открытымъ небомъ, какъ собаку". Возстаніе охватило всю страну; потребовалось бы 100.000 человѣкъ, чтобы подавить его. Мигуэлисты и септембристы одновременно взялись за оружіе; тѣ и другіе выражали намѣреніе перемѣнить династію. Салданья тщетно пытался спасти послѣднюю; понадобилось вмѣшательство Англіи, чтобы одолѣть мятежную хунту въ Опорто; городъ сдался лишь въ іюнѣ 1847 года. Это возстаніе было не послѣднимъ. Португаліи понадобилось не меньше времени, чѣмъ Испаніи, чтобы завершить свое политическое воспитаніе.

Глава VI.

Революція 1830 года во Франціи.

I. — Послѣднее либеральное министерство.

Министерство Мартиньяка. — Министерство, образовавшееся 4 января 1828 года, вступило во власть при довольно неблагопріятныхъ условіяхъ. Оно не могло разсчитывать ни на расположеніе короля, ни на сплоченное большинство въ палатѣ. Въ первомъ же засѣданіи совѣта Карлъ X ясно выразилъ свои желанія: „Его система была моей системой“, сказалъ онъ, говоря о Вильелѣ, „и я надѣюсь, что вы будете по возможности сообразоваться съ нею“. Что же касается палаты, то 170 либеральныхъ депутатовъ и 70 крайнихъ, составлявшіе большинство противъ Вильеля и его политики, помимо своей общей ненависти къ ниспровергнутому министру, не могли имѣть и фактически не имѣли ни одной общей идеи, ни одного общаго интереса. Правая и правый центръ, у которыхъ министерство естественно должно было искать себѣ поддержки, насчитывали всего 130 депутатовъ. Мартиньякъ и его товарищи разсчитывали найти среди либераловъ недостававшее число депутатовъ, которое бы вмѣстѣ съ правымъ центромъ образовало большинство, и такимъ образомъ политика новаго кабинета приближалась къ политикѣ Деказа.

Мартиньякъ не носилъ званія президента совѣта, хотя фактически управлялъ министерствомъ; въ глазахъ общества онъ являлся обыкновеннымъ чиновникомъ, какъ бы подручнымъ Вильеля. Онъ еще ничѣмъ не отличился. Во время имперіи онъ былъ адвокатомъ въ Бордо, а при второй реставраціи сталъ судьей. Сдѣлавшись съ 1821 года депутатомъ, онъ былъ рѣшительнымъ сторонникомъ войны съ Испаніей, такъ же какъ и выдачи милліарда въ вознагражденіе эмигрантамъ. Вильель назначилъ его однимъ изъ директоровъ вѣдомства государственныхъ имуществъ. Но несмотря на то, что онъ былъ сотрудникомъ Вильеля, Мартиньякъ не заразился его увлеченіями. Онъ отличался возвышеннымъ духомъ, умѣренностью, благородствомъ и искреннимъ желаніемъ сблизить народъ съ королемъ. Онъ хотѣлъ, какъ онъ заявилъ въ опубликованной имъ въ *Монитёръ* политической программѣ новаго министерства, „заставить уважать достоинство короны и авторитетъ короля, обезпечить законное и свободное исполненіе хартіи, управлять министерствомъ въ нераздѣльныхъ интересахъ трона и гражданъ“. Этимъ онъ напоминалъ Ришелье, на котораго вообще походилъ по натурѣ, если не считать честолюбія послѣдняго. Но всѣ его качества до вре-

мени оставались подъ спудомъ: онъ проявилъ ихъ, лишь вступивъ во власть.

Возвращеніе къ либеральной политикѣ.— Первыя мѣры, принятыя министерствомъ, свидѣтельствовали о его намѣреніи слѣдовать либеральной политикѣ. Дирекція общей полиціи, этотъ пережитокъ министерства полиціи временъ имперіи, была упразднена, и префектъ полиціи Делаво, человѣкъ вполнѣ преданный Конгрегаціи, смѣщенъ. Гораздо болѣе знаменательнымъ актомъ было учрежденіе, ордонансомъ отъ 22 января, комиссіи, уполномоченной „обсудить мѣропріятія, какихъ можетъ потребовать распространеніе дѣйствія государственныхъ законовъ на преподаваніе въ низшихъ духовныхъ семинаріяхъ“. Подборъ членовъ комиссіи, составленной изъ епископовъ, пэровъ и депутатовъ всѣхъ партій, свидѣтельствовалъ объ искреннемъ стремленіи къ справедливости, одушевлявшемъ министерство. Но учрежденіе комиссіи говорило также о желаніи заставить всѣхъ, даже іезуитовъ, относиться съ уваженіемъ къ закону. Наконецъ, народное просвѣщеніе было изъято изъ министерства церковныхъ дѣлъ и передано специальному департаменту, во главѣ котораго былъ поставленъ Ватимениль. Въ то же время въ Сорбоннѣ снова были разрѣшены запрещенные Вильелемъ курсы Гизо и Вильмэна.

Какъ только открылась сессія и Руайэ-Колларъ, избранный въ семи округахъ, былъ назначенъ королемъ въ президенты, провѣрка полномочій дала либераламъ поводъ къ цѣлому ряду враждебныхъ манифестацій противъ Вильеля. Они протестовали противъ давленія, произведеннаго во многихъ мѣстахъ префектами. Эти дебаты побудили Мартиньяка представить палатамъ программу прямодушной политики, которой онъ намѣревался слѣдовать. „Мы поставимъ добросовѣстность,—сказалъ онъ,—на первый планъ въ ряду обязанностей, налагаемыхъ на всѣхъ агентовъ администраціи; ибо для насъ, министровъ короля, взятое нами на себя полномочіе, точно такъ же какъ и для васъ—ваше, есть завѣтъ прямоты, честности и французской чести“.

Но либералы отнюдь не были склонны ограничиться пустыми протестами противъ политики Вильеля. Они хотѣли офиціально уличить его въ нечестности, многіе требовали даже, чтобы противъ него возбуждено было судебное преслѣдованіе. Для посрамленія его они воспользовались отвѣтнымъ адресомъ на тронную рѣчь; этотъ адресъ былъ принятъ большинствомъ 34 голосовъ, при чемъ Мартиньякъ воздержался отъ голосованія, не желая быть „ни обвинителемъ, ни защитникомъ павшаго правительства“. „Франція,—говорилось въ адресѣ,—требуетъ только, чтобы ваши слуги не препятствовали народу пользоваться вашими благодѣяніями. Въ своихъ жалобахъ она обвиняетъ только плачевную систему, слишкомъ часто превращающую эти благодѣянія въ иллюзіи. Благодаря Вашему Величеству духъ раздора исчезъ навсегда. Освобожденная своимъ королемъ Франція видитъ одну изъ главныхъ своихъ гарантій въ мощномъ охранительномъ авторитетѣ, принадлежащемъ вашей коронѣ“. Король, крайне раздраженный обвиненіемъ, направленнымъ противъ его любимаго министра, сумѣлъ однако скрыть свою досаду.

Что же касается ходатайства о преданіи суду, то оно было, спустя три мѣсяца, представлено Лабей де Помпьеромъ: Вильель обвинялся здѣсь въ государственной измѣнѣ и лихоимствѣ. Спеціально избранная комиссія высказалась за открытие судебнаго слѣдствія по указаннымъ обвинительнымъ пунктамъ. Но этотъ докладъ не обсуждался, потому что сессія была закрыта тотчасъ по принятіи бюджета.

Законы объ избирательныхъ спискахъ и о печати.—Дополнительные выборы, об-

условленные нѣсколькими кассаціями и перебаллотировками, разумѣется, только поощрили Мартиньяка упорно слѣдовать либеральной политикѣ: изъ пятидесяти одного голоса сорокъ досталось либераламъ. Вильеля это побудило бы принять мѣры къ усиленію вліянія администраціи на выборы; Мартиньякъ, напротивъ, внесъ проектъ закона о способѣ составленія избирательныхъ списковъ, долженствовавшій дать избирателямъ широкія гарантіи противъ произвола представителей центральной власти: въ каждой коммунѣ избирательный списокъ расклеивается съ 15 августа по 1 января, къ каковому сроку онъ долженъ быть окончательно составленъ; каждое лицо, поименованное въ спискѣ, имѣетъ право требовать внесенія или устраненія одного избирателя, неправильно пропущеннаго или неправильно включеннаго въ списокъ. Этотъ законъ, принятый въ палатѣ большинствомъ 150 голосовъ, прошелъ также и чрезъ палату пэровъ, несмотря на фанатическую оппозицію членовъ, введенныхъ въ эту палату Вильелемъ.

То же случилось и съ новымъ закономъ о печати и періодическихъ изданіяхъ, выработаннымъ Порталисомъ. Этотъ законъ отмѣнялъ всякую монополію, предварительное разрѣшеніе, предварительную цензуру, процессы за направленіе; онъ сохранялъ систему залоговъ и изъялъ постановленіе приговоровъ о проступкахъ по дѣламъ печати изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ. Усилія одной части лѣвой и всей крайней правой провалить проектъ разбились о прямодушіе и краснорѣчіе Мартиньяка, котораго Бенжамэнъ Констанъ зло назвалъ „стыдливымъ конституціоналистомъ“, но которому Руайэ-Колларъ по окончаніи преній сказалъ: „Франція гордится вами“.

Іюньскіе ордонансы.—Если законъ о печати только отчасти удовлетворилъ либераловъ, то мѣры, принятыя противъ неразрѣшенныхъ конгрегацій и церковныхъ учебныхъ заведеній, встрѣтили полное ихъ одобреніе, точно такъ же, какъ и одобреніе всѣхъ галликанцевъ школы Монлозье и всѣхъ, кому надоѣло завѣдомое постоянное вмѣшательство духовенства въ дѣла государственнаго управленія. Мартиньякъ почти силою добился ратификаціи королемъ ордонансовъ 16 іюня. Его поддержалъ при этомъ епископъ бовескій, монсиньоръ Фетріе, преемникъ на посту министра исповѣданій аббата Фрейсину, уволеннаго въ то время, когда былъ возбужденъ вопросъ о преданіи суду министерства Вильеля.

Первый ордонансъ подчинялъ низшія семинаріи вѣдѣнію университета; директора и профессора должны были давать письменныя удостовѣренія въ томъ, что не принадлежатъ ни къ какой изъ неразрѣшенныхъ конгрегацій. Ордонансъ былъ контрасигнированъ Порталисомъ. Онъ былъ направленъ прямо противъ іезуитовъ. Второй ордонансъ заявлялъ, что низшія семинаріи, организованныя во время имперіи для подготовки церковно-служителей, уклонились отъ своего первоначальнаго назначенія. Онъ ограничивалъ число учениковъ, которые могутъ быть въ нихъ приняты, двадцатью тысячами, учредилъ 8.000 стипендій по 500 франковъ взамѣнъ платы иностранныхъ учениковъ, до сихъ поръ составлявшей главный источникъ доходовъ низшихъ семинарій. Нѣсколько дней спустя палата одобрила эти ордонансы, принявъ громаднымъ большинствомъ голосовъ предложеніе о передачѣ на усмотрѣніе министровъ петицій, касающихся репрессій противъ іезуитовъ.

Часть епископовъ съ архіепископомъ тулузскимъ, кардиналомъ Клермонъ-Тоннеромъ во главѣ, возстала противъ того, что конгрегаціонистскія газеты называли „гоненіемъ“. Въ *Запискѣ французскихъ епископовъ къ королю,* составленной архіепископомъ парижскимъ, епископы, торжественно свидѣтельствуя королю

свою покорность, заявляли однако, что совѣсть не позволяетъ имъ принять вновь изданныя распоряженія, въ особенности тѣ, согласно которымъ директора низшихъ семинарій должны быть утверждены въ должности гражданской властью и члены неразрѣшенныхъ конгрегацій не могутъ занимать въ семинаріяхъ никакихъ должностей. Правительство ухитрилось получить отъ папы грамоту, въ которой послѣдній заявлялъ, что не усматриваетъ въ ордонансахъ никакого посягательства на права епископовъ и отнюдь не имѣетъ намѣренія навязывать французскому правительству конгрегаціи, не признанныя законами королевства.

Оппозиція роялистовъ и либераловъ.— Тѣмъ не менѣе, ордонансы вызвали сильное недовольство противъ Мартиньяка со стороны очень многихъ депутатовъ правой. Онъ долженъ былъ теперь отказаться отъ надежды составить при ихъ помощи большинство. Принятіе бюджета, непосредственно предшествовавшее закрытію сессіи, было его послѣднимъ успѣхомъ. Отнынѣ онъ вынужденъ былъ искать свою главную поддержку у либераловъ. Однако среди нихъ оказалось слишкомъ много неблагоразумныхъ и нетерпѣливыхъ людей, не желавшихъ и слышать о тѣхъ осторожныхъ компромиссахъ, на которые готовъ былъ идти Мартиньякъ. Недовольные изъ среды лѣвой и правой составляли почти большинство, и существованіе министерства зависѣло теперь отъ коалиціи, аналогичной той, которая низвергла Вильеля. При первой неудачѣ въ палатѣ, кабинетъ долженъ былъ пасть, потому что король, конечно, не оказалъ бы никакой поддержки министрамъ, не пользовавшимся его симпатіей. Отставка Ферронэ, принужденнаго вслѣдствіе болѣзни покинуть постъ министра иностранныхъ дѣлъ, показалась Карлу X удобнымъ поводомъ къ тому, чтобы сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ министерствѣ, именно ввести въ него своего человѣка, князя Полиньяка, бывшаго тогда посломъ въ Лондонѣ. Онъ призвалъ князя въ Парижъ, и только угроза со стороны Мартиньяка и Порталиса выйти въ отставку заставила короля на время отказаться отъ своего плана. Портфель иностранныхъ дѣлъ временно былъ ввѣренъ Порталису.

Сессія 1829 года. — Слушая тронную рѣчь короля, которою была открыта сессія 1829 года, никому не могло придти въ голову, что Карлъ X относится съ неизмѣнной враждой къ либеральнымъ идеямъ. Въ этой рѣчи король выражалъ свою радость по поводу упроченной за Греціей независимости, указывалъ на освобожденіе французской печати, выражалъ удовольствіе по поводу благоразумной твердости, съ которой приводились въ исполненіе всесторонне - соображенные ордонансы 16 іюня. Затѣмъ онъ намѣтилъ вопросы, подлежащіе разсмотрѣнію палаты, и въ числѣ важнѣйшихъ назвалъ выработку закона объ организаціи муниципальнаго и департаментскаго управленія, который долженъ обезпечить общинамъ справедливое участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, затрогивающихъ ихъ интересы. Благо Франціи, говорилось въ концѣ рѣчи, должно заключаться въ искреннемъ единеніи королевской власти со свободою, которая обезпечена хартіей. Палата призывалась сдѣлать это единеніе болѣе тѣснымъ и прочнымъ: „Вы исполните эту прекрасную миссію, какъ вѣрноподданные и лояльные французы, и вашимъ стараніямъ равно обезпечены и помощь вашего короля, и признательность націи". Рѣчь была принята съ горячимъ одобреніемъ. Президентомъ палаты снова былъ выбранъ Руайе-Колларъ.

Однако инцидентъ, случившійся при обсужденіи адреса въ палатѣ пэровъ, ясно обнаружилъ тайные замыслы Карла X. Князь Полиньякъ, нѣкогда страстно возставшій противъ хартіи, счелъ нужнымъ

заявить, что „по его мнѣнію, французскія государственныя учрежденія во всѣхъ отношеніяхъ примиряютъ силу и достоинство трона съ разумной независимостью націи; поэтому онъ поступилъ согласно со своей совѣстью и убѣжденіями, принявъ на себя долгъ содѣйствовать сохраненію этихъ учрежденій". Это было первымъ шагомъ по пути къ министерской кандидатурѣ и какъ бы исповѣдью, предназначенной задобрить общественное мнѣніе. Въ дѣйствительности же она встревожила общество. Не менѣе опаснымъ показалось то обстоятельство, что во время вотированія адреса въ палатѣ депутатовъ почти вся правая воздержалась отъ голосованія, хотя текстъ адреса заключалъ въ себѣ только выраженіе благодарности королю.

Законопроекты о коммунальномъ и департаментскомъ управленіи.—9 февраля Мартиньякъ внесъ два законопроекта—о коммунальномъ и департаментскомъ управленіи. До сихъ поръ, по системѣ, установленной во время имперіи, всѣ генеральные совѣты, какъ окружные, такъ и муниципальные, назначались правительствомъ, которое держало ихъ подъ строгой опекой. Мартиньякъ считалъ необходимымъ привлечь народъ къ управленію его собственными дѣлами и полагалъ, что коммунальныя и департаментскія собранія послужатъ своего рода школой для сформированія новаго поколѣнія политическихъ дѣятелей, способныхъ участвовать въ общественномъ управленіи. Прямое назначеніе властью короля проектъ замѣнялъ, исключая должности мэровъ, избраніемъ въ частныхъ избирательныхъ коллегіяхъ.

Оба проекта, сначала очень одобрительно принятые депутатами лѣвой, показались имъ слишкомъ мало либеральными, когда дѣло дошло до преній. Себастіани, докладчикъ проекта о департаментскихъ собраніяхъ, предложилъ, по совѣту Гизо, важныя и разумныя поправки и требовалъ въ частности, чтобы всѣ парламентскіе избиратели de jure являлись членами департаментскихъ и коммунальныхъ избирательныхъ коллегій. Далѣе, онъ предлагалъ упразднить окружные совѣты. Мартиньякъ отказался принять эти поправки, можетъ быть въ надеждѣ снова привлечь на свою сторону многочисленныхъ роялистовъ, которые, несмотря на то, что при Людовикѣ XVIII они настоятельно требовали выборной системы для организаціи совѣтовъ, теперь принципіально отвергали ее, какъ институтъ революціонный и способный ослабить авторитетъ короля. „Демократія, — сказалъ Бурдоннэ,—только и ждетъ результатовъ вашихъ совѣщаній, чтобы захватить въ свои руки все". Мартиньякъ отказался идти на сдѣлку еще и потому, что король, котораго онъ едва уломалъ принять его проекты, безъ сомнѣнія, не согласился бы ни на какую новую уступку. Но его старанія были тщетны. Вопреки требованію министра, палата рѣшила поставить на обсужденіе департаментскій законъ раньше муниципальнаго и затѣмъ вотировала упраздненіе окружныхъ совѣтовъ. Результатъ голосованія былъ объявленъ среди сильнѣйшаго волненія. Министры оставили залу. Часъ спустя они вернулись съ заявленіемъ, что оба проекта взяты обратно. „Вѣдь я говорилъ вамъ, — воскликнулъ Карлъ X, когда Мартиньякъ пришелъ испросить у него согласіе на эту крайнюю мѣру,—съ этимъ народомъ ничего не сдѣлаешь".

Отставка министерства Мартиньяка.—Неудача, постигшая министровъ, вызвала въ королѣ чувство живѣйшаго удовлетворенія, и онъ не медля принялся подыскивать имъ замѣстителей. Онъ удерживалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока будетъ принятъ бюджетъ на 1830 годъ. Однако, не дождавшись даже закрытія сессіи, онъ призвалъ въ Парижъ князя Полиньяка, котораго намѣревался сдѣлать главою своего новаго министерства, такого мини-

стерства, какого желало его сердце. Со времени злополучной неудачи Мартиньяка у всѣхъ зародилось предчувствіе, что готовится нѣчто важное, и это тревожное чувство было даже во всеуслышаніе высказано съ трибуны генераломъ Ламаркомъ: „Тысячи зловѣщихъ слуховъ циркулируютъ въ столицѣ и возбуждаютъ смятеніе въ департаментахъ. Боятся новой репрессіи, считаютъ возможными тѣ нарушенія хартіи..., какой-нибудь изъ тѣхъ государственныхъ переворотовъ, которыми намъ грозятъ нѣкоторые павшіе министры, сѣющіе смуту, чтобы снова захватить власть. Уцѣлѣвъ въ столькихъ кораблекрушеніяхъ, мы не желаемъ болѣе испытывать Провидѣнія. Печальный опытъ научилъ насъ, что народы также умѣютъ производить перевороты". При характерѣ Карла X подобныя слова должны были только еще болѣе раздражить его противъ либераловъ и расположить къ крайнимъ мѣрамъ.

II. — Революція 1830 года.

Министерство Полиньяка.—Сессія закрылась 31 іюля. 8 августа королевскій ордонансъ опредѣлилъ составъ новаго министерства: министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ князь Полиньякъ, военнымъ—предатель 1815 г. Бурмонъ, морскимъ — адмиралъ де Риньи, внутреннихъ дѣлъ—Ля Бурдоннэ, юстиціи—Курвуазье, духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (эти два вѣдомства снова были соединены въ одно министерство)—Монбель, финансовъ—Шаброль. Послѣдній согласился принять портфель лишь по настоянію короля. Несмотря на то, что онъ былъ сотрудникомъ Вильеля, онъ понималъ, какую большую ошибку сдѣлало правительство. „Если бы г. Мартиньякъ жилъ въ Китаѣ,—сказалъ онъ князю Полиньяку,—слѣдовало бы снарядить флотъ спеціально для того, чтобы привезти его оттуда".

Всѣ понимали важность рѣшенія, принятаго Карломъ X. Меттернихъ писалъ 13 августа: „Перемѣна министерства имѣетъ капитальное значеніе. Всѣ новые министры — роялисты чистой воды. Да и вообще это событіе носитъ характеръ контръ-революціи". Таково было общее впечатлѣніе: французы, всѣ безъ различія партій, увидѣли въ этомъ рѣшеніи попытку контръ-революціи. Газеты, роялизмъ которыхъ стоялъ внѣ подозрѣній, тотчасъ же напали на новое министерство въ необыкновенно страстныхъ выраженіяхъ. Бертэнъ писалъ въ *Journal des Débats:* „Итакъ, снова порвана связь любви и довѣрія, соединявшая народъ съ государемъ. Опять дворъ съ его закоренѣлой злопамятностью, эмиграція съ ея предразсудками, духовенство съ его ненавистью къ свободѣ стали между Франціей и королемъ". Задавшись вопросомъ, что сдѣлаютъ министры, чтобы устоять противъ ненависти, которую способны навлечь на нихъ самыя ихъ имена, Бертэнъ продолжаетъ: „Будутъ ли они искать опоры въ силѣ штыковъ? Но штыки стали понятливы: они знаютъ и уважаютъ законъ... Хартія обладаетъ теперь престижемъ, о который разобьются всѣ усилія деспотизма. Народъ уплачиваетъ закону милліардъ, а приказы министра не вынудятъ у него и двухъ милліоновъ. Несчастная Франція! Несчастный король!" „Кобленцъ! Ватерлоо! 1815! — вотъ три принципа этого министерства", писалъ онъ въ другой разъ. „Давите и крутите его сколько хотите,—вы не выжмете изъ него ничего кромѣ униженій, бѣдствій и опасностей!" За эти статьи Бертэнъ въ первой инстанціи былъ приговоренъ къ штрафу въ 500 фр. и шестимѣсячному тюремному заключенію; однако по аппеляціи его оправдали. Но адмиралъ де Риньи, назначенный министромъ безъ предварительнаго запроса о его согласіи, подалъ въ отставку, чтобы не сидѣть рядомъ съ Бурмономъ, и даже герцогъ Ангулемскій

сказалъ одному близкому человѣку: „Это— антреприза, а я ихъ не люблю; онѣ никогда не приносили намъ счастія".

Безпокойство Франціи вполнѣ оправдывалось прошлымъ Полиньяка и нѣкоторыхъ его сотрудниковъ.

Князь Жюль де Полиньякъ былъ сыномъ подруги Маріи-Антуанеты; самая его фамилія была непопулярна со времени революціи. Будучи замѣшанъ въ заговорѣ Кадудаля и осужденъ на смерть, онъ спасся отъ казни благодаря вмѣшательству Жозефины. Въ 1815 году онъ заявилъ протестъ противъ Хартіи и долго отказывался присягнуть на вѣрность ей. Связанный тѣсной дружбою съ графомъ Артуа, онъ былъ при Людовикѣ XVIII однимъ изъ членовъ котеріи, дѣйствовавшей въ павильонѣ Марсанъ, а при Карлѣ X—однимъ изъ иниціаторовъ наиболѣе непопулярныхъ мѣръ, между прочимъ—закона о правѣ старшинства. Бывши посломъ въ Лондонѣ, онъ выказалъ себя довольно ловкимъ дипломатомъ. Это былъ человѣкъ недалекаго ума, самонадѣянный, очень склонный къ мистицизму, почти иллюминатъ; онъ былъ убѣжденъ, что получаетъ внушенія непосредственно отъ Св. Дѣвы, которая явилась ему и пригласила его спасти Францію. Его недавнія заявленія въ пользу Хартіи, сдѣланныя въ палатѣ пэровъ, не убѣдили никого и не изгладили воспоминанія о его предшествующемъ отказѣ присягнуть на вѣрность ей.

Ля Бурдоннэ всегда выказывалъ себя пламеннымъ ультра-роялистомъ, ожесточеннымъ врагомъ революціи и отъявленнымъ сторонникомъ всякихъ реакціонныхъ мѣръ. Что же касается Бурмона, то никто не забылъ ни его измѣны въ 1815 году, ни того, какъ утромъ того самаго дня, когда предстояло сраженіе при Шарлеруа, онъ бросилъ свою дивизію передъ лицомъ непріятеля и перешелъ въ прусскую армію.

Либералы готовятся къ сопротивленію.— Орлеанская партія.—Предвидя скорое готовящееся... неніе, либералы рѣшили организовать самооборону и законное противодѣйствіе исключительнымъ мѣрамъ. Движеніе началось въ Бретани, гдѣ была основана *лига сопротивленія*, ставившая себѣ задачей массовый отказъ отъ платежа незаконныхъ общественныхъ повинностей. Члены лиги устроили складчину съ цѣлью вознаграждать другъ друга за расходы, которые навлечетъ на нихъ отказъ въ уплатѣ налоговъ. Совершенно такая же лига образовалась въ Лотарингіи. Газеты горячо привѣтствовали эти попытки; привлеченныя къ суду, онѣ были осуждены, но только за оскорбительныя нападки на министровъ. Съ другой стороны, общество *Aide-toi, le Ciel t'aidera* („Смѣлымъ Богъ владѣетъ") разрасталось, и рядомъ съ первыми его основателями — либералами и конституціоналистами, какъ Гизо и герцогъ Брольи—въ него вступаютъ теперь болѣе активные элементы—республиканцы, напримѣръ, Жуберъ, Годфруа Кавеньякъ, Бастидъ. Многочисленныя развѣтвленія этого общества въ провинціи давали ему большую силу. Общественное мнѣніе энергично высказывалось противъ министерства. Поѣздка Лафайетта по департаментамъ Роны и Изера превратилась въ своего рода тріумфальное шествіе, потому что онъ являлся въ глазахъ народа какъ бы олицетвореніемъ Великой революціи и свободы. Часть политическихъ дѣятелей уже сознавала, что конституціонный режимъ несовмѣстимъ съ легитимной монархіей, и помышляла о перемѣнѣ династіи. Исторія Англіи была тогда въ модѣ: готовясь не платить податей, французы думали о Гэмпденѣ и, подготовляя воцареніе герцога Орлеанскаго, вспоминали Вильгельма Оранскаго. Еще въ 1815 году, во время Ста дней, Фушэ сдѣлалъ попытку организовать орлеанскую партію. Ее составили въ 1829 году Талейранъ и баронъ Луи при содѣйствіи Тьера и Минье. 3 января 1830 года начала выходить новая газета *le Na-*

tional, подъ редакціей Армана Карреля; она замѣнила *le Constitutionnel* и должна была служить органомъ новой партіи. Паденіе Стюартовъ сдѣлалось одною изъ ежедневныхъ темъ газеты, восхвалявшей *консервативную революцію* 1688 года, которая смѣнила лица, не тронувъ учрежденій.

Съ своей стороны, роялистская печать не только не старалась умѣренностью тона разсѣять безпокойство страны, но требовала отъ министровъ крайнихъ мѣръ и обсуждала всевозможные проекты репрессалій. Она настаивала на необходимости распустить палату и закрыть либеральныя общества и рекомендовала путемъ указа установить новую избирательную систему, даже объявить диктатуру.

Бездѣйствіе министерства. Открытіе сессіи. — Между тѣмъ министерство ничего не дѣлало, точно изумляясь возбужденію, вызванному имъ въ странѣ. По выраженію Гизо, оно боялось самого себя и своей репутаціи. Въ немъ произошли нѣкоторыя перемѣны еще до того, какъ оно явилось передъ палатою. Мѣсто де Риньи занялъ д'Оссэ, Ля Бурдоннэ съ досады подалъ въ отставку въ тотъ же день, какъ Полиньякъ былъ назначенъ президентомъ совѣта, и министромъ внутреннихъ дѣлъ сталъ Монбель, а портфель народнаго просвѣщенія получилъ Гэрнонъ-Ранвилль. Между министрами царило полное разномысліе. Полиньяку былъ по душѣ планъ — управлять безъ палаты и измѣнить путемъ указовъ законы о выборахъ и о печати; напротивъ, Гэрнонъ-Ранвилль заявлялъ, что это былъ бы „крайне насильственный государственный переворотъ... и нарушеніе клятвы, что такой поступокъ не приличенъ ни для короля, ни для честныхъ министровъ".

Рѣшено было созвать палаты на 2 марта. Король былъ чрезвычайно раздраженъ. Когда онъ показалъ герцогинѣ Гонто-Биронъ, гувернанткѣ своихъ дѣтей, черновикъ тронной рѣчи и она нашла послѣднюю слишкомъ суровой, онъ отвѣчалъ ей: „Они этого заслужили. Всюду, и особенно въ Парижѣ, возникаютъ интриги противъ моей власти. Клянусь вамъ, я не могу вынести этого; доходитъ до того, что бросилъ бы все и ушелъ бы".

„Пэры королевства, депутаты департаментовъ, — говорилъ король, — я не сомнѣваюсь въ вашей готовности споспѣшествовать моимъ благимъ намѣреніямъ и отвергнуть коварныя внушенія злонамѣренныхъ лицъ. Если преступныя козни воздвигнутъ на пути моего правительства препятствія, которыхъ я не хочу предвидѣть, я почерпну силу для того, чтобы преодолѣть ихъ, въ моей рѣшимости поддержать общественное спокойствіе, въ справедливомъ довѣріи французовъ и въ любви, которую они всегда выказывали своему королю".

Адресъ 221. Отсрочка сессіи палаты. — 18 марта президентъ палаты Руайе-Колларъ представилъ королю адресъ, принятый палатою большинствомъ 221 голоса противъ 181. Его составили Руайе-Колларъ и Гизо при содѣйствіи Этьенна. Ихъ цѣль была — въ самой почтительной формѣ высказать королю всю правду. „Ей нелегко проникнуть въ кабинетъ короля, — сказалъ Гизо съ трибуны; — постараемся же, чтобы она дошла туда не слабой и блѣдной; постараемся, чтобы такъ же трудно было не узнать ея, какъ и не увидѣть лойяльности нашихъ чувствъ".

„При единодушной любви и уваженіи, которыми окружаетъ васъ вашъ народъ, — гласилъ адресъ, — обнаруживается въ умахъ живѣйшая тревога, смущающая покой, который начала вкушать Франція... Наша совѣсть, наша честь, вѣрность, на которую мы присягнули вамъ и которую вѣчно будемъ сохранять, налагаютъ на насъ обязанность раскрыть предъ вами причины этой тревоги. Государь, Хартія, которою мы обязаны мудрости вашего августѣйшаго предшественника и которую ваше величество твердо

рѣшили упрочить на благо королевству, формально признаетъ за страною право на участіе въ обсужденіи государственныхъ нуждъ. Постоянное сотрудничество политическаго сознанія вашего правительства съ волею вашего народа она поставляетъ непререкаемымъ условіемъ правильнаго хода государственной жизни. Государь, наша вѣрность и преданность заставляютъ насъ сказать вамъ, что это сотрудничество не существуетъ. Руководящей идеей администраціи является теперь несправедливое недовѣріе къ чувствамъ и разуму Франціи... Пусть высокая мудрость вашего величества разсудитъ тѣхъ, кто не умѣетъ разглядѣть миролюбія и вѣрности этого народа, съ насъ, дерзающими съ глубокимъ убѣжденіемъ повергнуть предъ вами выраженіе скорби цѣлаго народа, которому дороги уваженіе и довѣріе его короля".

Такимъ образомъ, на угрозы Карла X палата отвѣчала просьбою объ отставкѣ министровъ. На слѣдующій день, 19 марта, въ обѣихъ палатахъ былъ прочитанъ королевскій указъ, которымъ сессія палатъ отсрочивалась до 1 сентября. Это была какъ бы прелюдія къ распущенію палатъ, которое дѣйствительно было уже категорически рѣшено. Всѣмъ стало ясно, что надо ждать самыхъ безумныхъ экспериментовъ.

„А! вы отсрочиваете сессію,—сказалъ Талейранъ одному изъ министровъ;—въ такомъ случаѣ я покупаю себѣ помѣстье въ Швейцаріи".

Распущеніе палаты. — Но недостаточно было отсрочить сессію и подготовлять распущеніе палаты: надо было принять мѣры противъ вѣроятнаго сопротивленія со стороны либераловъ,—и д'Оссэ потребовалъ, чтобы правительство увѣрилось въ преданности войска. Полиньякъ счелъ эту предосторожность излишней. Между тѣмъ либералы организовались, не теряя минуты. Ихъ первой минифестаціей былъ грандіозный банкетъ на 700 кувертовъ, устроенный 1 апрѣля въ „Vendanges de Bourgogne". Одилонъ Барро, главный организаторъ партіи, произнесъ тостъ въ честь 221 депутата, отказавшихъ правительству въ помощи, и громогласно заявилъ, что „въ борьбѣ между закономъ и произволомъ побѣда не можетъ быть сомнительна".

14 апрѣля Полиньякъ представилъ королю секретный докладъ, гдѣ, признавая, что представительное правленіе вошло въ нравы французскаго народа, онъ заявлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что для упроченія этого порядка можетъ понадобиться нѣкоторое легкое и временное *уклоненіе.* 21-го рѣшено было распустить палату вопреки мнѣнію Курвуазье и Шаброля, въ виду чего эти два министра вышли въ отставку. Ихъ примѣру послѣдовалъ бы и д'Оссэ, если бы не вмѣшательство герцога Ангулемскаго, доказавшаго ему необходимость его присутствія въ данный моментъ, когда заканчивались приготовленія къ экспедиціи противъ алжирскаго дея.

Министерство пополнилось лишь почти мѣсяцъ спустя. Министромъ юстиціи былъ назначенъ Шантелозъ, первый президентъ гренобльской палаты; учредили новое министерство общественныхъ работъ и портфель его вручили Капеллю, префекту Сены-и-Уазы, извѣстному своей ловкостью въ дѣлахъ выборовъ. Наконецъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто Монбеля, принявшаго портфель финансовъ, сдѣланъ былъ Пейроннэ. Назначеніе Пейроннэ, ставшаго еще рѣшительнѣе и грубѣе прежняго, показывало, что правительство рѣшило не отступать и предъ крайними мѣрами. Всѣ эти перемѣщенія Полиньякъ произвелъ, не спрашивая мнѣнія своихъ коллегъ.

16 мая былъ обнародованъ указъ о распущеніи палаты. Избиратели по округамъ созывались на 23 іюня, по департаментамъ—на 3 іюля; палата должна была собраться 3 августа. Эта мѣра вызвала

сильную тревогу даже въ людяхъ, беззавѣтно преданныхъ династіи. „Монархія,—писалъ Вильель,—производитъ на меня впечатлѣніе крѣпости, подъ которую во всѣхъ направленіяхъ подведены мины и контръ-мины, такъ что довольно малѣйшей искры, чтобы взорвать ее". Сальванди на балу у герцога Орлеанскаго повторилъ знаменитое изреченіе: „Мы танцуемъ на вулканѣ". Король сдѣлалъ еще ту ошибку, что самъ вмѣшался въ борьбу, опубликовавъ 13 іюня заявленіе, въ которомъ выражалъ твердое желаніе сохранить Хартію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и защищать права короны: „Избиратели, спѣшите сходиться въ ваши собранія. Этого требуетъ вашъ король; васъ зоветъ отецъ. Исполните вашъ долгъ, я сумѣю исполнить свой".

По мѣрѣ приближенія срока выборовъ, безпокойство усиливалось. Успѣхъ либераловъ, превосходно дисциплинированныхъ, былъ заранѣе ясенъ для всѣхъ, исключая короля и Полиньяка. Естественно, что министръ не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы предотвратить пораженіе. *Le Globe* очень мѣтко характеризовалъ его словами, что „лично министръ обладаетъ большой рѣшимостью, но не знаетъ, къ чему ее примѣнить". Австрійскій посолъ Аппоньи писалъ Меттерниху: „Это—Мильтоновъ рай безумныхъ; ихъ состояніе жалко, но они все время чувствуютъ себя превосходно".

Выборы.—Лозунгомъ либераловъ было переизбраніе 221. 23 іюня выборы, хотя и произведенные, если можно такъ выразиться, аристократической частью выборщиковъ, дали 57 министерскихъ депутатовъ и 140 оппозиціонныхъ. Не менѣе сильное пораженіе потерпѣло министерство на выборахъ 7 и 19 іюля (послѣдніе произведены были въ двадцати департаментахъ, гдѣ они не состоялись во-время вслѣдствіе враждебнаго настроенія избирателей). Изъ тѣхъ 221 снова были выбраны 202; оппозиція насчитывала 270 голосовъ, министерская партія въ палатѣ сократилась до 145. Извѣстіе о взятіи Алжира, сообщенное 9-го по телеграфу, не оказало никакого вліянія на исходъ выборовъ.

Зато оно сильно повліяло, и самымъ пагубнымъ образомъ, на рѣшенія, къ которымъ пришли король и его министры. Они думали, что успѣхъ французскаго оружія позволитъ имъ навязать странѣ свою волю. Вильель еще въ тотъ же день, 9 іюля, предвидѣлъ опасность. „Очень вѣроятно,—писалъ онъ,—что министры вовлекутъ несчастнаго короля и страну въ плохо подготовленные, плохо задуманные и плохо осуществляемые перевороты и тѣмъ нанесутъ тяжелый ударъ принципу легитимизма, нашей чести и нашему благосостоянію". Королю слѣдовало пойти на уступки, дать отставку министрамъ; эта уступка удовлетворила бы большинство либераловъ, которые начинали уже сами опасаться послѣдствій борьбы и своей побѣды. Наиболѣе самовластные государи, особенно царь чрезъ своего посла Поццо ди Борго и чрезъ французскаго посла Мортемара, склоняли короля къ примирительнымъ мѣрамъ. Но небогатый мыслями Карлъ X былъ упрямъ. „Уступки погубили Людовика XVI,—говорилъ онъ.—Мнѣ остается только сѣсть на лошадь либо въ телѣгу".

Ордонансы. — 29 іюня министры обсуждали вопросъ о томъ, какъ можетъ быть использована ст. 14 Хартіи: „Король является верховнымъ главою государства. Онъ командуетъ сухопутными и морскими силами, объявляетъ войну, заключаетъ мирные, союзные и торговые договоры, замѣщаетъ по своему выбору всѣ административные должности и издаетъ *распоряженія и указы, нужные для осуществленія законовъ и безопасности государства*". 7 іюля рѣшено было истолковать текстъ Хартіи путемъ ордонансовъ, именно—кассировать выборы и из-

дать новые законы о выборахъ и о печати. Возражалъ одинъ Гернонъ-Ранвилль, назвавшій эти мѣры беззаконными; однако въ воскресенье 25 іюля въ Сен-Клу онъ подписалъ ордонансы, какъ и д'Оссэ, который наканунѣ, при чтеніи ихъ текста, выработаннаго Шантелозомъ, также выразилъ свое неодобреніе. Самъ король, хотя былъ искренно убѣжденъ въ правомѣрности и законности своего рѣшенія, подъ конецъ, прежде чѣмъ подписать, на минуту призадумался. „Чѣмъ больше я думаю объ этомъ,— сказалъ онъ,—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что иначе поступить невозможно". Д'Оссэ оглянулъ стѣны, и на вопросъ Полиньяка: „Что вы ищите?" отвѣчалъ: „Портретъ Страффорда".

Ордонансы, хранившіеся въ строгой тайнѣ, появились 26-го въ *Монитёръ*. Ихъ было четыре.

Первымъ уничтожалась свобода печати и возстановлялся режимъ предварительныхъ разрѣшеній, причемъ разрѣшеніе всегда могло быть взято назадъ и должно было возобновляться чрезъ каждые три мѣсяца.

Второй ордонансъ объявлялъ палату распущенной.

Третій представлялъ собою избирательный законъ. Число депутатовъ было опредѣлено въ 258. Составъ выборныхъ коллегій былъ измѣненъ, число избирателей было сокращено на три четверти. Палата лишалась права вносить поправки.

Четвертый созывалъ избирателей на 6 и 13 сентября и назначалъ открытіе сессіи палатъ на 28 сентября.

На случай мятежа не было принято никакихъ мѣръ предосторожности; правительство совершенно положилось на завѣренія префекта полиціи Манжена, заявившаго, что Парижъ и не пикнетъ. Полиньякъ тѣмъ легче повѣрилъ этому, что считалъ—и не безъ основанія—массу народа равнодушной къ выборной системѣ и удовлетворенной огромнымъ ростомъ матеріальнаго благосостоянія. Одна буржуазія была задѣта ордонансами, — и правительство не думало ни о томъ, что она можетъ прибѣгнуть къ оружію, ни о томъ, что она найдетъ союзниковъ въ рабочей средѣ. Въ виду этого, власть имѣла подъ рукою, въ Парижѣ и Версали, лишь 14.000 человѣкъ и не сдѣлала никакихъ распоряженій о быстрой доставкѣ въ столицу, въ случаѣ надобности, 25.000, собранныхъ о ту пору въ Люневильскомъ лагерѣ, и кавалерійской дивизіи изъ Сентъ-Омера. Карлъ X съ спокойной увѣренностью уѣхалъ на охоту въ Рамбуйлье.

26 іюля: законное сопротивленіе.—Ордонансы, появившіеся 26-го утромъ въ *Монитёръ*, сдѣлались извѣстны публикѣ лишь днемъ. На биржѣ рента упала на 6 франковъ. Группа журналистовъ, собравшись въ бюро газеты *Constitutionnel* рѣшила обнародовать протестъ, который и былъ составленъ Тьеромъ въ чрезвычайно энергическихъ выраженіяхъ: „Дѣйствіе правового порядка прервано, начался режимъ насилія. Правительство нарушило законность и тѣмъ освободило насъ отъ обязанности повиноваться. Мы попытаемся выпускать газеты, не испрашивая навязаннаго намъ разрѣшенія. Правительство утратило характеръ законности, обязывающій къ повиновенію. Мы станемъ оказывать ему сопротивленіе въ сферѣ нашей дѣятельности; дѣло Франціи рѣшить—до какого предѣла слѣдуетъ ей довести свое сопротивленіе". Составивъ протестъ, Тьеръ прочиталъ его и затѣмъ сказалъ: „Вы понимаете, тутъ не годится коллективная подпись. Подъ такой бумажкой нужны не подписи, а гóловы; вотъ моя!" — и онъ подписался первымъ.

Состоялось и нѣсколько собраній депутатовъ, не приведшія, однако, ни къ какому рѣшенію. Здѣсь постановлено было не выходить изъ предѣловъ законности

Депутаты приняли участіе въ революціи лишь тогда, когда убѣдились въ несомнѣнномъ успѣхѣ возстанія.

Больше мужества обнаружила магистратура. По ходатайству *Temps, Journal du commerce, Journal de Paris* и *Courrier français*, судъ первой инстанціи, гдѣ предсѣдательствовалъ Дебеллеймъ, и коммерческій судъ подъ предсѣдательствомъ Ганнерона обязали типографщиковъ, у которыхъ печатались эти газеты, набрать и выпустить очередные номера „въ виду того, что ордонансъ отъ 25-го числа, какъ противорѣчащій Хартіи, не можетъ быть обязателенъ ни для священной и неприкосновенной особы короля, ни для гражданъ, на права которыхъ онъ посягаетъ".

Вечеромъ 26-го произошла манифестація въ Палэ-Роялѣ. Кричали: „Да здравствуетъ Хартія! Долой министровъ!" Полиньякъ, проѣзжавшій въ каретѣ по бульварамъ, едва спасся отъ толпы.

27 іюля: начало вооруженнаго сопротивленія.—27-го утромъ наборщики типографій, остававшихся въ большинствѣ закрытыми, разсѣялись по улицамъ и увлекли за собою толпы всевозможныхъ рабочихъ. Здѣсь вслухъ читали и страстно обсуждали ордонансы, протестъ журналистовъ и статьи изъ газетъ, сумѣвшихъ выпустить свои нумера,—*Globe, National* и *Temps*. Къ типографіи *Temps,* помѣщавшейся на улицѣ Ришелье, явился полицейскій комиссаръ, чтобы сломать печатные станки. Бодъ заперъ ворота. „Въ силу ордонансовъ, — сказалъ онъ комиссару,—вы хотите разбить наши станки, я же въ силу закона требую, чтобы вы ихъ не трогали". Комиссаръ долженъ былъ вытребовать слесаря, на обязанности котораго лежало заклепывать кандалы каторжниковъ, такъ какъ вольные слесаря отказывались по его требованію вскрыть замокъ.

Затѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что командующимъ войсками въ Парижѣ назначенъ Мармонъ. Это былъ наиболѣе непопулярный изъ генераловъ: Эссонская измѣна въ 1814 году еще не была забыта. Мармонъ, открыто порицавшій ордонансы, съ отчаяніемъ принялъ ввѣренный ему постъ. Своимъ офицерамъ онъ далъ самыя умѣренныя приказанія: „Стрѣляйте не прежде, какъ мятежники начнутъ перестрѣлку, и подъ перестрѣлкой я разумѣю, по меньшей мѣрѣ, пятьдесятъ ружейныхъ выстрѣловъ".

Между тѣмъ, народъ началъ строить баррикады. Вечеромъ войска взяли баррикады, воздвигнутыя на улицѣ Saint-Honoré. Произошло кровопролитіе. Всюду раздались крики о мести. Толпа разбивала фонари, поджигала заставы, начала рубить деревья на бульварахъ. Полиньякъ объявилъ осадное положеніе въ Парижѣ. Но въ то же время онъ писалъ Карлу X въ Сен-Клу: „Мой долгъ—сказать королю, что наперекоръ окружающимъ, которые стараются напугать его тревожными извѣстіями, я убѣдительно прошу его вѣрить лишь мнѣ и моимъ донесеніямъ. Мы легко справимся съ преувеличеннымъ ропотомъ, который въ сущности представляетъ собою лишь простой бунтъ. Если мои предположенія ошибочны, я отдаю Вашему Величеству на отсѣченіе мою голову". Карлъ X долженъ былъ исполнить просьбу своего министра. По словамъ очевидца—герцогини Гонто-Биронъ-, „король тщательно заботился о томъ, чтобы не казаться встревоженнымъ: ни одна часть дневного расписанія, ни одна привычка не нарушалась—ни короткая прогулка послѣ обѣда на террасѣ, гдѣ играли королевскія дѣти, ни партія виста за столикомъ какъ разъ противъ большого балкона, откуда все время видны были пожары въ Парижѣ и слышенъ былъ набатъ".

28 іюля: трехцвѣтное знамя.—Въ ночь съ 27 на 28-ое мятежъ организовался подъ руководствомъ бывшихъ военныхъ, карбонаріевъ и горсти энергичныхъ рес-

Э. Делакруа.

28 іюля 1830 г.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

публиканцевъ, состоявшей изъ студентовъ и рабочихъ во главѣ съ ученикомъ Политехнической школы, Годфруа Каваньякомъ. Къ нимъ примкнула часть бывшихъ національныхъ гвардейцевъ, сохранившихъ свое оружіе. Впрочемъ, уличную войну было нетрудно организовать. Въ извилистыхъ улицахъ тогдашняго Парижа артиллерія была совершенно безполезна, да и войска были вооружены не многимъ лучше повстанцевъ. Утромъ 28-го улицы были пересѣчены сотнями баррикадъ, сооруженными изъ булыжника, опрокинутыхъ телѣгъ, мебели, бочекъ, срубленныхъ деревьевъ. Мятежники заняли арсеналъ, думу, Соборъ Богоматери; на башняхъ развѣвалось трехцвѣтное знамя, набатъ гудѣлъ, не умолкая. Восточная часть Парижа была всецѣло въ рукахъ повстанцевъ.

Мармонъ написалъ королю: „Это уже не бунтъ, а революція. Необходимо, чтобы Ваше Величество немедля приняли мѣры къ умиротворенію народа. Честь короны еще можетъ быть спасена; завтра, боюсь, будетъ поздно". Король не отвѣчалъ. Между тѣмъ министры были вынуждены бѣжать изъ своихъ квартиръ и скрыться въ Тюильри.

Около 11 часовъ Мармонъ сдѣлалъ попытку перейти въ наступленіе. Двинуты были четыре колонны на Бастилію и думу. Войска взяли баррикады подъ убійственнымъ огнемъ и осыпаемыя всевозможными предметами изъ оконъ и съ крышъ. Но лишь только войска прошли, народъ снова овладѣлъ баррикадами. Въ три часа Мармонъ, все болѣе теряя самообладаніе, отозвалъ войска, чтобы сосредоточить ихъ въ Луврѣ, который онъ хотѣлъ превратить какъ бы въ цитадель. Тутъ онъ снова написалъ къ Карлу X по требованію явившихся къ нему представителей отъ депутатовъ, Казимира Перье, Жерара, Лобо и Могэна. На площади Побѣды одинъ полкъ перешелъ къ мятежникамъ. Изъ 8.000 человѣкъ, которыми Мармонъ располагалъ до сихъ поръ, онъ потерялъ уже 2.500. Изъ Сен-Клу ему отвѣчали: „Держаться, и ждать до завтра приказаній".

29 іюля: взятіе Лувра; отмѣна ордонансовъ.—29-го утромъ прибыло изъ Версали подкрѣпленіе въ 1.500 человѣкъ. Но войска умирали съ голода и жажды, а повстанцы занимали уже и западную часть столицы на лѣвомъ берегу и Палэ-Рояль, грозя дворцу Инвалидовъ. На ихъ сторону перешли еще два полка, и Мармонъ оказался запертымъ въ Луврѣ и Тюильри. Парижане съ Saint-Germain-l'Auxerrois открыли жаркую пальбу по швейцарцамъ, стоявшимъ за колоннадой. Въ моментъ смѣны перваго батальона швейцарцевъ, когда колоннада на минуту опустѣла, осаждающіе овладѣли ею; швейцарцы, застигнутые врасплохъ на дворѣ Лувра, подъ вліяніемъ неотступнаго воспоминанія о 10 августѣ, бросились бѣжать чрезъ площадь Карусели и Тюильри къ Елисейскимъ полямъ, увлекая за собою остальныя войска, которыя Мармону удалось собрать лишь у заставы Звѣзды. На Тюильри было поднято трехцвѣтное знамя; народъ, только что разграбившій дворецъ архіепископа, здѣсь показалъ примѣръ удивительной честности.

Въ Сен-Клу Семонвилю и д'Аргу удалось, наконецъ, проникнуть къ королю. Съ помощью Витролля и д'Оссэ они раскрыли предъ нимъ всю истину. Мортемаръ, французскій посолъ въ Петербургѣ, еще со вчерашняго дня тщетно пытался уяснить ему положеніе дѣлъ. Онъ призналъ очевидное лишь тогда, когда назначенный на мѣсто Мармона герцогъ Ангулемскій, произведя смотръ остаткамъ войска въ Булони, заявилъ, что Парижъ окончательно потерянъ. Въ три часа Карлъ X подписалъ указъ объ отмѣнѣ ордонансовъ. Мортемару поручено было образовать министерство, въ которое должны были войти Казимиръ

Перье и генералъ Жераръ. Въ шесть часовъ Витролль, д'Аргу и Семонвиль отправились въ Парижъ, чтобы сообщить объ этихъ мѣропріятіяхъ,—и всѣхъ ихъ ждалъ одинъ отвѣтъ: „Поздно!"

Паденіе династіи; орлеанисты.—Послѣ взятія Тюильри депутатамъ уже нечего было бояться выступить открыто. Собравшись въ большомъ числѣ у Лафитта, они рѣшили взять на себя руководство побѣдоносной революціей. Лафайету поручено было командованіе вооруженной силою и учреждена муниципальная комиссія, на которую возложены были административныя функціи и забота о снабженіи города съѣстными припасами; въ нее вошли Лафиттъ, Казимиръ Перье, Лобо, Могэнъ, Шоненъ и Пюираво. Это было настоящее временное правительство; благодаря генералу Жерару, оно располагало тѣми полками, которые перешли на сторону народа.

Д'Аргу явился сначала въ думу, гдѣ нашелъ Лафайета, который только что смѣнилъ неизвѣстнаго субъекта, называвшаго себя генераломъ Дюбургомъ и фактически весь день полновластно распоряжавшагося въ думѣ. Лафайетъ послалъ д'Аргу къ Лафитту, у котораго засѣдало около 40 депутатовъ, въ томъ числѣ Тьеръ, Минье, герцогъ Брольи и Беранже. Лафиттъ заявилъ ему, что перемѣна династіи сдѣлалась неизбѣжной, и, хотя и пообѣщалъ ему не принимать окончательнаго рѣшенія до завтра, сталъ вмѣстѣ съ Тьеромъ и Минье подготовлять воцареніе герцога Орлеанскаго. Онъ написалъ послѣднему, что ему остается выборъ лишь между престоломъ и изгнаніемъ, а Тьеръ написалъ манифестъ, который 30-го утромъ былъ расклеенъ на улицахъ Парижа. „Карлъ X уже не можетъ вернуться въ Парижъ: онъ пролилъ народную кровь. Учрежденіе республики возбудило бы среди насъ ужасные раздоры; оно поссорило бы насъ съ Европою. Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи. Герцогъ Орлеанскій не сражался противъ насъ. Герцогъ Орлеанскій былъ при Жемаппѣ. Герцогъ Орлеанскій—король-гражданинъ. Герцогъ Орлеанскій носилъ въ сраженіи трехцвѣтный значекъ. Герцогъ Орлеанскій одинъ еще имѣетъ право носить его; другихъ цвѣтовъ мы не желаемъ. Герцогъ Орлеанскій еще не высказался. Онъ ждетъ изъявленія нашей воли. Выскажемъ же ее, и онъ приметъ Хартію въ томъ видѣ, какъ мы всегда желали ее имѣть. Ему вручитъ корону французскій народъ".

Въ то же время, по иниціативѣ Лафитта, было рѣшено, чтобы находящіеся въ Парижѣ депутаты собрались на засѣданіе въ Бурбонскомъ дворцѣ. Лафиттъ чувствовалъ, что, только быстро дѣйствуя, можно безъ труда провести кандидатуру герцога Орлеанскаго, потому что въ думѣ господствовали республиканцы и надо было не дать имъ времени организоваться.

Герцогъ Орлеанскій—намѣстникъ. — Депутаты рѣшили провозгласить герцога Орлеанскаго намѣстникомъ королевства. Онъ до сихъ поръ благоразумно оставался вдали отъ Парижа, сначала въ Нейльи, потомъ въ Рэнси. Прибывъ въ Парижъ ночью съ 30 на 31-е, онъ утромъ принялъ депутацію палаты, согласился на предложеніе быть намѣстникомъ и вмѣстѣ съ Дюпэномъ и Себастіани составилъ прокламацію, гдѣ заявлялъ, что „не колеблясь явился раздѣлить опасность съ героическимъ населеніемъ Парижа", и возвѣщалъ, что палаты соберутся для обсужденія „мѣръ, при помощи которыхъ могли бы быть обезпечены законный правопорядокъ и неприкосновенность народныхъ правъ..." „Отнынѣ,—говорилось въ заключеніи,—Хартія не будетъ пустымъ звукомъ".

Но народъ еще не выпустилъ оружія изъ своихъ рукъ, и потому рѣшенія палаты только въ томъ случаѣ могли получить силу, если бы они по крайней

мѣрѣ съ виду были одобрены народомъ. Рѣшено было добыть эту ратификацію въ думѣ. Герцогъ верхомъ поѣхалъ туда среди баррикадъ, которыя почти всѣ еще были цѣлы. По пути его встрѣчали криками: „Да здравствуетъ свобода! Долой Бурбоновъ!“ Въ толпѣ преобладало враждебное настроеніе. Одной театральной сцены оказалось достаточно, чтобы измѣнить это настроеніе: герцогъ появился на балконѣ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, а Лафайетъ вышелъ за нимъ и обнялъ его. Тотчасъ со всѣхъ сторонъ раздались рукоплесканія. Герцогу Орлеанскому больше нечего было бояться Парижа.

Отреченіе Карла X; изгнаніе.—Тотчасъ по своемъ пріѣздѣ въ Парижъ, герцогъ Орлеанскій написалъ Карлу X слѣдующую записку:

„Если среди этой ужасной смуты мнѣ пришлось бы принять званіе, котораго я никогда не добивался, да будетъ Ваше Величество увѣрено, что я приму власть, какова бы она ни была, не иначе, какъ временно, и единственно въ интересахъ нашего дома; симъ формально обязываю себя въ этомъ предъ Вашимъ Величествомъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта записка не была передана Карлу X въ Сен-Клу. Ночью герцогиня Беррійская, охваченная паническимъ страхомъ, умолила короля покинуть Сен-Клу, и въ два часа утра дворъ выѣхалъ въ Тріанонъ, а отсюда отправился въ Рамбуйлье. Здѣсь Карлъ X 1 августа подписалъ указъ о назначеніи герцога Орлеанскаго намѣстникомъ королевства и одобрилъ созывъ палатъ на 3 августа.

2 августа онъ, какъ и сынъ его, герцогъ Ангулемскій, отреклись отъ престола въ пользу его внука, герцога Бордосскаго. Генералъ Фуассакъ-Лятуръ, который долженъ былъ вручить эти акты Филиппу Орлеанскому, не могъ добиться аудіенціи у него, и 3-го Лафайетъ, по настоянію намѣстника, организовалъ походъ парижскаго населенія на Рамбуйлье. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы заставить Карла X удалиться изъ предѣловъ Франціи. Трое комиссаровъ — Шоненъ, Одилонъ Барро и маршалъ Мэзонъ— были посланы впередъ съ порученіемъ настращать стараго короля, оградить его отъ покушеній на его жизнь и проводить его до границы. Они справились на славу. 14 августа Карлъ X покинулъ Францію, отплывъ изъ Шербурга въ Англію на двухъ американскихъ корабляхъ. Герцогъ Орлеанскій уже семь дней назадъ сталъ французскимъ королемъ Луи-Филиппомъ I.

Пересмотръ Хартіи; избраніе Луи-Филиппа. — Муниципальная комиссія передала свои полномочія намѣстнику, который поспѣшилъ составить себѣ министерство. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Гизо, иностранныхъ дѣлъ—маршалъ Журданъ, народнаго просвѣщенія—Биньонъ, военнымъ—генералъ Жераръ, морскимъ—адмиралъ де Риньи, юстиціи—Дюпонъ (отъ Ёра). Палата собралась 3 августа; явилось всего 252 депутата. Герцогъ Орлеанскій присутствовалъ на засѣданіи, сидя на табуретѣ по правую руку отъ пустого трона. Въ своей рѣчи онъ изъяснилъ, какъ, въ виду опасности, грозившей общественному порядку, онъ принялъ отъ палаты званіе намѣстника. Онъ указывалъ задачи, предлежащія депутатамъ: сформированіе національной гвардіи, примѣненіе суда присяжныхъ въ дѣлахъ печати, организація муниципальнаго и департаментскаго управленія, пересмотръ „столь возмутительно истолкованной“ ст. 14-й Хартіи. Затѣмъ онъ прибавилъ, что актъ отреченія Карла X и дофина будетъ сообщенъ палатамъ, какъ только онѣ сформируются. О герцогѣ Бордосскомъ, въ пользу котораго формально было составлено отреченіе, онъ не упомянулъ ни словомъ.

Палата, избравъ своимъ президентомъ

Казимира Перье, занялась пересмотромъ Хартіи. Бераръ представилъ планъ пересмотра, который, однако, показался слишкомъ радикальнымъ и который вслѣдствіе этого былъ передѣланъ Гизо и герцогомъ Брольи. Въ концѣ-концовъ ограничились слѣдующими поправками: уничтожена была статья, въ силу которой католицизмъ признавался государственной религіей, и статья 14-я измѣнена такимъ образомъ, что король отнынѣ не могъ ни кассировать законовъ, ни пріостанавливать ихъ дѣйствіе. Право иниціативы принадлежитъ обѣимъ палатамъ, засѣданія верхней палаты должны быть публичными, возрастъ, дающій право быть избираемымъ, понижается до 30 лѣтъ, возрастъ выборщика до 25. Подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія и въ виду энергическихъ манифестацій, рѣшились уничтожить наслѣдственное пэрство и признать недѣйствительными всѣ назначенія въ пэры, состоявшіяся при Карлѣ X. Наконецъ, уничтожено было предисловіе Хартіи, „потому что оно оскорбляетъ суверенитетъ націи, какъ бы жалуя французамъ тѣ права, которыя принадлежатъ имъ по существу". Отнынѣ Хартія являлась договоромъ между французскимъ народомъ и свободно избраннымъ имъ государемъ, который, при вступленіи на престолъ обязанъ былъ въ присутствіи палатъ клятвенно обязаться уважать народныя права и добросовѣстно соблюдать конституціонные законы. 7 августа эти поправки были приняты большинствомъ 219 голосовъ противъ 33. Въ предисловіи заявлялось, что „такъ какъ изъ-за нарушенія Хартіи, король Карлъ X и всѣ члены старшей вѣтви королевскаго дома въ настоящую минуту покидаютъ французскую территорію, то престолъ фактически и юридически свободенъ, и неотложно необходимо позаботиться о его замѣщеніи".

Подъ условіемъ принятія названныхъ поправокъ палата призвала на престолъ герцога Орлеанскаго и его мужскихъ потомковъ въ порядкѣ первородства. Предложеніе о созывѣ новой палаты, спеціально уполномоченной на избраніе короля, и другое предложеніе, имѣвшее въ виду подвергнуть Хартію ратификаціи народа, были отвергнуты. Только одинъ депутатъ, Корманенъ, заявилъ, что палата не имѣетъ учредительныхъ полномочій, и подалъ въ отставку. Не дожидаясь вотума палаты пэровъ, представили новую Хартію герцогу Орлеанскому, который ее и принялъ.

9 августа Филиппъ Орлеанскій явился въ палату, чтобы присягнуть на вѣрность конституціонной Хартіи. „Въ присутствіи Бога,—сказалъ онъ,—клянусь свято соблюдать конституціонную Хартію съ измѣненіями, изложенными въ декларацій, управлять лишь чрезъ посредство законовъ, каждому строго воздавать по его праву и во всѣхъ дѣлахъ руководиться единственно интересами, благоденствіемъ и славою французскаго народа". Затѣмъ онъ подписалъ Хартію, послѣ чего четверо маршаловъ вручили ему королевскія регаліи. Отнынѣ онъ назывался: Луи-Филиппъ I, король французскій.

Іюльская революція была политической нечаянностью. Дѣйствительно, въ странѣ не было глубокаго недовольства. Съ матеріальной точки зрѣнія, періодъ реставраціи былъ для Франціи счастливымъ временемъ. Земледѣліе и промышленность достигли небывалаго расцвѣта. Разумное финансовое управленіе дало возможность народу вынести огромное податное бремя, обусловленное военными неудачами въ эпоху имперіи, причемъ налоги не тяготили населенія, и бюджетъ почти ежегодно сводился съ превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Правда, реставраціи приходилось расплачиваться за тѣ условія, при которыхъ она совершилась,—патріоты еще не забыли 1814 и 1815 гг. Но національное самолюбіе было

нѣсколько разъ удовлетворено: въ Греціи, въ Алжирѣ и даже во время злополучной испанской экспедиціи слава озарила новое французское знамя. По отношенію къ иноземнымъ державамъ Людовикъ XVIII и Карлъ X даже въ періодъ оккупаціи всегда умѣли сохранять достоинство, подобающее властелинамъ великаго народа. А долгія пререканія о печати и выборахъ все время интересовали лишь малую часть народа—буржуазію. Крестьянство и рабочее населеніе городовъ, исключая Парижа и нѣсколькихъ большихъ городовъ, относились равнодушно къ большинству вопросовъ, волновавшихъ палаты. Даже въ средѣ буржуазіи многихъ пугала возможность революціи, и еще послѣ изданія ордонансовъ, во вторникъ, можно было небольшими уступками остановить движеніе. Всему виною были ослѣпленіе Полиньяка и упрямство короля. При тѣхъ условіяхъ, гдѣ Карлъ X потерялъ корону, Людовикъ XVIII потерялъ бы только министерство.

Глава VII.

Царство Польское.

Возстаніе.

1815—1846.

I.—Польша эпохи конгресса.

Іюльская революція во Франціи, такъ сильно отозвавшаяся во всей Европѣ, потрясла и Польшу; но, въ то время какъ въ Нидерландахъ результаты ея выразились въ образованіи новаго королевства—Бельгіи, на востокѣ Европы она въ концѣ концовъ явилась виновницей исчезновенія Царства Польскаго. Чтобы уяснить себѣ событія, обагрявшія эту страну кровью съ сентября 1830 по сентябрь 1831 г., намъ нужно вернуться къ самому началу новаго польскаго государства.

Польша послѣ уничтоженія великаго герцогства Варшавскаго.—Государство, основанное Наполеономъ, не пережило уничтоженія великой арміи. Поляки были безсильны защитить его именно вслѣдствіе того, что большинство національныхъ силъ погибло во время военныхъ неудачъ въ Россіи, а то небольшое количество ихъ, которое осталось, должно было, подъ предводительствомъ Іосифа Понятовскаго, слѣдовать за французами въ ихъ отступленіи. 18-го февраля 1813 года русскимъ оставалось только появиться подъ воротами Варшавы, чтобы вступить въ нее. Остальные города древней Польши—Данцигъ, Замостье, Модлинъ—пали въ свою очередь; послѣдній изъ нихъ палъ 25-го декабря 1813 года [1]). Тѣ поляки, которые строили надежду на возстановленіе своей родины на Франціи и на удачахъ Наполеона, были жестоко обмануты; очистилось поле для тѣхъ, кто основывалъ тѣ же надежды на Россіи и на великодушіи Александра [2]). Главою этой партіи былъ все еще князь Адамъ Чарторыйскій, бывшій министръ царя, но который, по повелѣнію сейма 1812 года, долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ чиновъ и должностей, занимаемыхъ имъ въ Россійской имперіи [3]). Какъ только военное счастье измѣнило Наполеону, онъ попытался возобновить переговоры съ Александромъ, начатые въ декабрѣ 1806 года и продолжавшіеся въ 1809 и въ 1811 годахъ, среди самыхъ критическихъ событій въ Европѣ.

6-го декабря 1812 года онъ писалъ царю: „Если вы вступите въ Польшу побѣдителемъ, то вернетесь ли вы къ вашимъ старымъ планамъ касательно этой страны? Покоряя страну, захотите ли вы

[1]) См. выше, т. II, стр. 20 и слѣд.
[2]) См. выше, т. II, стр. 26 и слѣд.
[3]) См. выше, т. II, стр. 20 и 26.

покорить сердца?“ Отвѣтъ былъ полученъ имъ только въ письмѣ отъ 13-го января 1813 года. Царь не отказывался отъ своихъ „излюбленныхъ плановъ“, но ссылался на тѣ препятствія, съ которыми должно, безъ сомнѣнія, встрѣтиться его стремленіе къ возстановленію Польши. „Имѣйте довѣріе“, говорилъ онъ. И прибавлялъ: „Все, что сдѣлаютъ поляки съ цѣлью помочь моимъ успѣхамъ, будетъ въ то же время сдѣлано ими и для осуществленія ихъ собственныхъ надеждъ“. Онъ требовалъ, чтобы великое герцогство, еще существовавшее въ эту минуту, заключило форменный союзъ съ Россіей, и чтобы поляки доказали этимъ „передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили на меня все свое упованіе“. Поляки не смогли или не захотѣли содѣйствовать успѣхамъ Россіи. Великое герцогство пало само собою. Александръ, въ свою очередь, въ трактатахъ, которые онъ подписывалъ съ Пруссіей (Калишъ, Бреславль), повидимому, пересталъ думать о Польшѣ, оказавшейся ненужной или враждебной. Чарторыйскій въ письмахъ и во время свиданія съ царемъ 25-го іюня защищалъ снова передъ нимъ интересы своихъ соотечественниковъ. Если армія Понятовскаго, увѣрялъ онъ, не соединилась съ русскими, то потому, что генералы Александра не сдѣлали ничего для достиженія этого. „Когда хотятъ склонить на свою сторону какую-нибудь народность Кавказа или какого-нибудь персидскаго шаха, то даютъ себѣ болѣе труда, чѣмъ это было сдѣлано для того, чтобы овладѣть княземъ Понятовскимъ и его арміей“; ему отказали въ перемиріи; допустили австрійцевъ напасть на линію сообщенія между нимъ и Россіей. Чарторыйскій умолялъ царя не уступать Пруссіи и Австріи ни пяди польской территоріи. Трактатъ, подписанный въ Теплицѣ (9-го сентбря 1813 года) этими двумя державами и Россіей, долженъ былъ положить конецъ надеждамъ Чарторыйскаго, включая въ условія раздѣлъ великаго герцогства между тремя державами. 19-го октября [1]) Понятовскій погибъ въ волнахъ Эльстера. Царь дозволилъ, по крайней мѣрѣ, устроить герою пышные похороны въ присутствіи русскихъ и польскихъ войскъ. Послѣднія въ походѣ 1814 года упорно шли подъ знаменами Наполеона. Во время измѣны Мармона единственно вѣрными въ его корпусѣ остались поляки. Во время своего перваго отреченія въ Фонтенебло Наполеонъ приказалъ включить слѣдующую статью въ пользу поляковъ: свободное возвращеніе на родину „съ сохраненіемъ оружія и имущества, въ качествѣ свидѣтельства объ ихъ почтенныхъ заслугахъ“, съ сохраненіемъ знаковъ отличія и пенсій, присвоенныхъ этимъ знакамъ отличія (11-го апрѣля 1814 г.).

Александръ продолжалъ выказывать знаки уваженія и симпатіи польскимъ войскамъ. На одно изъ писемъ Костюшко онъ отвѣтилъ герою Мацѣевицы: „Я надѣюсь осуществить возрожденіе вашего храбраго и почтеннаго народа... Я взялъ на себя эту священную обязанность... Еще немного, и поляки мудрымъ и благоразумнымъ поведеніемъ вернутъ себѣ родину и имя“. Генералу Домбровскому, главѣ и сердцу знаменитыхъ „легіоновъ“, просившему у него разрѣшенія вернуться въ Польшу съ отважными остатками этихъ легіоновъ, онъ отвѣтилъ, что они вступятъ туда одновременно съ русскими войсками. Главнокомандующимъ польскими войсками онъ назначилъ своего брата Константина. Онъ принялъ въ Сенъ-Дени представленную Константиномъ депутацію, посланную къ нему отъ 12 польскихъ генераловъ и 600 польскихъ офицеровъ. Онъ согласился на всѣ ихъ просьбы: на сформированіе „арміи Варшавскаго герцогства“; на удержаніе каждымъ изъ полковъ своего мундира и своего на-

---

[1]) См. выше, т. II, стр. 194.

именованія; на удержаніе каждымъ военнымъ своего чина; на поддержку деньгами, припасами и фуражемъ. Онъ изъявилъ согласіе на образованіе въ Парижѣ комитета изъ шести польскихъ генераловъ съ цѣлью работы надъ реорганизацiей войскъ, и на отправку еще трехъ генераловъ въ Лондонъ, въ Берлинъ и въ Австрію для веденія тамъ переговоровъ о возвращеніи на родину плѣнныхъ поляковъ. Онъ даровалъ магнатамъ, служившимъ при Наполеонѣ, снятiе секвестра съ ихъ имѣній въ Польшѣ и въ Россіи.

Польскія войска, возстановленныя такимъ образомъ, отправились на Востокъ черезъ Нанси, посѣтили въ этомъ городѣ часовню Bon-Secours, въ которой покоились останки короля Станислава Лещинскаго, и оставили въ часовнѣ надпись, прославлявшую великодушiе Александра.

Мало-по-малу обнаруживались уже тѣ препятствія, которыя предвидѣлъ царь: зависть державъ [1]), противодѣйствіе барона Штейна и всей національной нѣмецкой партіи, недовольство русскихъ, питавшихъ злобу противъ поляковъ за сожженіе Смоленска и Москвы и приходившихъ въ негодованіе при мысли о возвращеніи наслѣдственнымъ врагамъ Литвы и Червонной Руси, при мысли о возстановленіи Польши въ нѣдрахъ Россійской имперіи, и особенно Польши автономной, съ конституціоннымъ устройствомъ, въ то время какъ ея побѣдители продолжали бы существовать при самодержавномъ режимѣ. Мы уже знаемъ, какъ Александръ, несмотря на поддержку, встрѣченную имъ въ королѣ Пруссіи, столкнулся съ непреклоннымъ сопротивленіемъ Англіи, Австріи и даже Франціи [2]). Онъ долженъ былъ отказаться отъ мечты о Польшѣ, всецѣло объединенной подъ его скипетромъ, какъ конституціоннаго короля. Несчастная страна подверглась новому раздѣлу: образовалась Польша австрiйская, Польша прусская, Польша русская и сверхъ того крошечная независимая Польша-Краковская республика.

Мы знаемъ, что русская Польша была новостью, ибо, во время раздѣловъ 1772, 1793 и 1795 гг., Россія взяла въ качествѣ своей доли однѣ литовскія и червонно-русскія территоріи.

Такъ было образовано новое Царство Польское, получившее названіе „царства эпохи конгресса". Въ итогѣ это было наполеоновское великое герцогство, за исключеніемъ провинцій Познани и Гнѣзна, отданныхъ Пруссіи (около 810.000 душъ), галицiйскихъ земель, отданныхъ Австріи (около 1.500.000 душъ) [1]), и Кракова и его пригородовъ (около 61.000 душъ).

Во время преній по поводу польско-саксонскаго вопроса, когда послѣдній едва не разжегъ снова европейской войны, главнокомандующій польскими войсками, великій князь Константинъ въ декабрѣ 1814 года обратился къ нимъ со слѣдующимъ воинственнымъ воззваніемъ: „Его Величество императоръ Александръ, вашъ могущественный покровитель, призываетъ васъ. Соберитесь подъ его знамена. Пусть рука ваша возьмется за оружіе на защиту вашего отечества и сохраненіе вашего политическаго существованія... Тѣ самые вожди, которые въ теченіе двадцати лѣтъ вели васъ по полю чести, укажутъ вамъ снова путь... Императоръ умѣетъ цѣнить вашу храбрость... Высокіе военные подвиги отличили васъ въ борьбѣ, цѣли которой вамъ были чужды. Теперь же, когда

1) См. въ *Recueil des traités* Анґеберга обмѣнъ нотами между царемъ и Кэстльри.

2) См. выше, стр. 3, 11 и слѣд., 20, 30.

1) Изъ прежней австрійской Польши Александръ удержалъ только округъ Замостье. Въ возвратъ Австріи была включена восточная Галиція, которая была уступлена Наполеономъ Россіи въ 1809 г., и населеніе которой по происхожденію, языку и вѣроисповѣданію было чисто-русскимъ.

ваши усилія посвящены только служенію вашему отечеству, вы будете непобѣдимы". Эти смѣлыя слова, въ которыхъ новая власть признавала всѣ доблести Польши, могли заставить позабыть старыя распри русскихъ съ поляками. Они показываютъ, что если Александру и не удалось сохранить Польшу во всей ея цѣлости, то въ своемъ стремленіи къ этому онъ доходилъ до предѣловъ возможнаго и почти до войны.

Польская конституція.—Вѣнскіе трактаты [1]) заключаютъ въ себѣ слѣдующее условіе, введенное, очевидно, подъ давленіемъ Александра: „Поляки, подчиненные договаривающимся сторонамъ, получатъ учрежденія, обезпечивающія имъ охрану ихъ народности, сообразно съ тѣми формами политической жизни, которыя каждое правительство, которому они принадлежатъ, сочтетъ нужнымъ имъ даровать". Намѣренія Александра выражены еще яснѣе въ другой статьѣ тѣхъ же трактатовъ: „Е. И. В. оставляетъ за собой право даровать этому государству, пользующемуся особымъ управленіемъ, такое внутреннее расширеніе, какое онъ сочтетъ нужнымъ". Это было формальное обѣщаніе автономіи и, быть можетъ, распространенія на Востокъ. Александръ не дождался подписанія этихъ трактатовъ и 30 апрѣля объявилъ Островскому, президенту сената въ Варшавѣ, объ образованіи „Царства Польскаго" и о дарованіи конституціи. Тогда среди поляковъ возникло всеобщее и столь глубокое чувство благодарности, что старый Костюшко писалъ императору, предлагая „посвятить остатокъ своей жизни службѣ Его Величества" [2]).

25 мая, въ воззваніи къ полякамъ Александръ объявлялъ имъ объ образованіи Царства Польскаго и о введеніи конституціи. 20-го іюня гражданскія и военныя власти были приглашены сначала въ варшавскій *Замокъ*, а затѣмъ въ соборъ св. Іоанна, гдѣ были прочитаны отреченіе короля саксонскаго отъ великогерцогской короны (деликатное вниманіе къ польскому лоялизму) и манифестъ Александра о конституціи. Была принесена присяга конституціи и „королю". Повсюду были подняты бѣлый орелъ и національные польскіе цвѣта. Былъ отслуженъ молебенъ со включеніемъ *Salvum fac imperatorem et regem*. Затѣмъ, на равнинѣ Волѣ былъ произведенъ большой смотръ польскимъ войскамъ, которыя при крикахъ: *Да здравствуетъ нашъ король Александръ!* также принесли присягу. Въ общемъ, поляки могли быть благодарны царю: онъ обезпечивалъ имъ автономію, конституцію, національное войско подъ національнымъ знаменемъ и національное образованіе въ университетахъ Варшавы, Вильна и Кракова.

Принципъ конституціи былъ провозглашенъ. Оставалось выработать ея постановленія. Для этой цѣли Александръ еще въ Парижѣ назначилъ комитетъ изъ пяти членовъ [1]). 27 ноября конституція была подписана императоромъ въ Варшавѣ. Она заключала въ себѣ 165 статей, раздѣленныхъ на 7 главъ. Вотъ главнѣйшія изъ ея постановленій: Царство Польское навсегда присоединяется къ Россійской

---

[1]) Трактатъ 3 мая 1815 г. между Россіей и Австріей, ст. 6; трактатъ отъ того же числа между Россіей и Пруссіей, ст. 3; та же статья образуетъ § 1 *Заключительнаго Акта* 9 іюня 1815 г., благодаря которой онъ вошелъ въ европейское международное право.

[2]) Вѣна, 10 Іюня 1815 г. Три дня спустя въ письмѣ къ Чарторыйскому старый воинъ начинаетъ дѣлать оговорки по поводу „маленькаго кусочка территоріи, носящаго громкое названіе Царства Польскаго", требовать возврата восточныхъ воеводствъ, безпокоиться русскимъ вмѣшательствомъ въ польскую администрацію. Несмотря на это, онъ прибавляетъ: „Я сохраню до самой смерти чувство справедливой благодарности къ государю за то, что онъ воскресилъ имя Польши".—Костюшко умеръ въ Солотурнѣ въ 1817 г. Тѣло его было перевезено въ Краковъ.

[1]) Островскій, президентъ сената; Матушевичъ, министръ финансовъ великаго герцогства; сенаторъ Замойскій; статскіе совѣтники Линовскій и Грабовскій.

имперіи и подчиняется одному съ ней порядку престолонаслѣдія. Король представленъ въ Варшавѣ *намѣстникомъ* (или вице-королемъ), каковымъ можетъ быть только членъ королевско-императорской фамиліи или полякъ. Католицизмъ — господствующая религія; но широкая терпимость и равноправіе обезпечены и за другими культами. Обезпечивается свобода печати; но особый законъ будетъ принятъ для предупрежденія злоупотребленій ею. Обезпечивается свобода личности. Всѣ акты совершаются на польскомъ языкѣ. Всѣ должности предоставляются полякамъ. Король, особа священная и неприкосновенная, имѣетъ власть исполнительную и часть законодательной. Учреждается Государственный совѣтъ. Существуетъ Сеймъ, который созывается разъ въ два года и засѣдаетъ въ теченіе тридцати дней. Онъ заключаетъ въ себѣ Сенатъ, въ которомъ засѣдаютъ члены королевско-императорскаго дома, епископы, вельможи, каштеляны, назначаемые королемъ пожизненно, и Палату депутатовъ, въ которую 77 депутатовъ выбираются сеймиками или шляхетскими собраніями, а 51—общинами. Депутаты отправляютъ свои обязанности въ теченіе 6 лѣтъ, и каждые два года должны быть избираемы вновь въ количествѣ одной трети. Для сенаторовъ требуется цензъ въ 2.000 польскихъ флориновъ (флоринъ=60 сантимовъ), для депутатовъ—въ 100 флориновъ. Остальныя постановленія касаются провинціальныхъ и муниципальныхъ учрежденій, дворянскихъ собраній, судебной организаціи; есть мировые судьи, но нѣтъ суда присяжныхъ.

Осуществленіе конституціи.—Должность намѣстника, дававшая право на титулъ *Высочества*, была ввѣрена Александромъ ветерану инсуррекціоннымъ и наполеоновскихъ войнъ, генералу Заіончку [1]). Адамъ Чарторыйскій надѣялся получить эту должность: онъ не утѣшился назначеніемъ его простымъ членомъ Государственнаго совѣта. Государственный совѣтъ принималъ форму либо *Административнаго совѣта*, либо *общаго собранія* подъ предсѣдательствомъ короля или *намѣстника*, или *первоприсутствующаго члена*. Административный совѣтъ состоялъ изъ шестерыхъ министровъ, почти всѣхъ бывшихъ министрами великаго герцогства Варшавскаго [1]).—Наряду съ совѣтомъ находится *императорскій полномочный комиссаръ:* этотъ важный постъ былъ порученъ Новосильцеву, члену бывшаго „Комитета общественнаго спасенія“ при Александрѣ. Высшее командованіе войсками было поручено великому князю Константину. Фактически въ управленіи находилось всего двое русскихъ: великій князь и Новосильцевъ; но одинъ въ качествѣ брата государя, другой благодаря своему характеру и уму, а оба они въ виду преклоннаго возраста и слабохарактерности намѣстника, а также и офиціальнаго устраненія Чарторыйскаго, занимали господствующее положеніе.

Великій князь Константинъ и польская армія.—Въ 1815 г. великому князю было тридцать шесть лѣтъ. Онъ былъ точнымъ портретомъ своего отца Павла I: въ физическомъ отношеніи,—благодаря нѣсколько курносому носу; въ моральномъ,—благодаря нраву причудливому, свирѣпому и грубому, но съ запасомъ великодушія, съ проблесками рыцарства. Онъ участвовалъ въ большихъ войнахъ, въ

---

[1]) Родился въ 1752 г., умеръ въ 1826 г. Въ 1815 году ему было 63 года, и онъ былъ нѣсколько надломленъ и слабъ волею. Онъ участвовалъ въ польскихъ войнахъ 1793 и 1794 гг.; получилъ бригаднаго генерала въ итальянской арміи, дивизіоннаго — въ египетской кампаніи; участвовалъ во всѣхъ битвахъ съ 1805 по 1807 гг.; въ походѣ 1812 года получилъ переломъ обѣихъ ногъ и остался русскимъ плѣнникомъ.

[1]) То были: Игнатій Соболевскій, первый министръ; историкъ Матушевичъ, министръ финансовъ; Мостовскій, министръ внутреннихъ дѣлъ; Станиславъ Потоцкій,—народнаго просвѣщенія и культовъ; Ѳома Вавржецкій, министръ юстиціи; Віельгорскій,—военный.

швейцарскомъ походѣ Суворова, въ битвѣ подъ Аустерлицемъ и въ тяжелыхъ походахъ 1813 и 1814 гг. Не менѣе отца любилъ онъ всѣ мелочи казарменной жизни и былъ неравнодушенъ къ парадамъ. Хотя онъ и былъ ученикомъ Жомини, но остался „капраломъ“. Получивъ отъ царя приказаніе реорганизовать сначала польскую (позже литовскую) армію, онъ предался этому дѣлу всей душой, внося въ него серьезныя техническія знанія, терпѣливый и упорный трудъ, вставая лѣтомъ въ пять, а зимою въ шесть часовъ утра, но портя все дѣло излишнею мелочностью и узостью ума. Онъ ввелъ въ польскихъ войскахъ тѣсные мундиры, короткіе кафтаны, панталоны въ обтяжку, такъ что солдатъ еле могъ двигаться, и вдобавокъ къ этому костюму много кожаной амуниціи и высокіе султаны. Онъ сократилъ до восьми лѣтъ воинскую повинность, что позволило ему значительно увеличить число отбывавшихъ ее. Онъ создалъ артиллерію изъ пушекъ и пороху, привезенныхъ изъ Россіи. Онъ устроилъ въ арсеналахъ Варшавы склады новыхъ ружей. Онъ создалъ школу подпрапорщиковъ для набора офицеровъ. Въ дѣйствительности онъ добросовѣстно потрудился надъ созданіемъ арміи возстанія 1831 г. Онъ принималъ такъ близко къ сердцу свою роль защитника польской территоріи, что въ виду русской крѣпости Тирасполя вооружилъ крѣпость Бобруйскъ.

За такой своеобразный польскій патріотизмъ поляки должны были бы его обожать. Онъ заставилъ себя ненавидѣть за мелочный деспотизмъ, за постоянное вмѣшательство въ гражданское управленіе, за подчеркиваемое презрѣніе къ конституціи. „Все, что является правиломъ, формою, закономъ,—писалъ Чарторыйскій государю,—поносится и осмѣивается... Онъ хочетъ во что бы то ни стало ввести въ арміи удары палками, и приговорилъ вчера къ этому наказанію, не обращая вниманія на единодушныя представленія комитета“ (1814). Между тѣмъ, солдаты, которыхъ онъ наказывалъ палками, служили въ арміяхъ французской республики и Наполеона. За неудачное ученье онъ наносилъ кровныя обиды офицерамъ и генераламъ. Вскорѣ число офицерскихъ отставокъ и солдатскихъ побѣговъ увеличилось. Офицеры и унтеръ-офицеры прибѣгали къ самоубійству. Среди жестокостей у него бывали проблески рыцарскаго великодушія. Однажды, оскорбивъ офицеровъ, онъ раскаялся, вернулъ ихъ и предложилъ имъ удовлетвореніе оружіемъ. Не лучше, впрочемъ, относился онъ и къ статскимъ, призывая къ себѣ и журя префектовъ и городскихъ головъ, подвергая аресту варшавскаго городского голову, наказывая палками мѣщанина, обвиняемаго въ укрывательствѣ вора.

Этотъ свирѣпый нравъ смягчился нѣсколько, когда, послѣ развода съ первою супругой, принцессой Кобургской, онъ женился 12 мая 1820 года на Іоаннѣ Грудзинской, принадлежавшей къ старинной дворянской польской фамиліи. Свадьба, состоявшаяся два мѣсяца спустя послѣ развода, была совершена почти тайно въ замковой часовнѣ. Но слухи о ней тотчасъ же распространились по городу, и при выходѣ изъ дворца новобрачные нашли толпу народа, осыпавшую ихъ привѣтствіями и благословеніями. Поляки были польщены и въ то же время успокоены, надѣясь найти защитницу въ молодой супругѣ князя. Въ самомъ дѣлѣ, Іоанна Грудзинская, морганатическая, но законная супруга великаго князя, получившая вскорѣ титулъ княгини Ловичской, возымѣла на него огромное вліяніе; это было зрѣлище „льва, укрощеннаго голубкою“. Она иногда говаривала ему: „Константинъ, надо сначала подумать, а потомъ уже дѣйствовать; ты же поступаешь какъ разъ наоборотъ“. Онъ былъ самымъ нѣжнымъ, самымъ покорнымъ, самымъ послушнымъ мужемъ. Она сознавала свое вліяніе: развѣ онъ не далъ ей самаго яркаго доказа-

тельства въ этомъ, отрекшись, ради женитьбы на ней, отъ россійскаго престола? Своимъ вліяніемъ она пользовалась въ интересахъ родины, такъ же какъ и, разумѣется, въ интересахъ мужа. Она не могла однако измѣнить настолько нравъ послѣдняго, чтобы его способы дѣйствія не остались важнымъ препятствіемъ для правильной работы конституціи.

Первый сеймъ (1818).—25 марта 1818 г. Александръ прибылъ въ Варшаву предсѣдательствовать на первомъ изъ двухгодичныхъ сеймовъ, предусмотрѣнныхъ конституціей. Онъ самъ сочинилъ тронную рѣчь, противясь всѣмъ критикамъ, которымъ подвергалъ ее трусливый патріотизмъ его русскихъ совѣтчиковъ. 27-го сенаторы и депутаты собрались въ Замкѣ въ сенатской залѣ. Въ числѣ депутатовъ, странная вещь, былъ великій князь Константинъ, только что избранный предмѣстьемъ Прагой. „Король" *по-французски* произнесъ тронную рѣчь, въ которой выразилъ надежды, возлагаемыя имъ на конституцію, и въ которой русскіе отмѣтили слѣдующее мѣсто: „Вы дали мнѣ возможность показать моей странѣ, что́ я давно уже для нея готовлю, когда элементы столь важнаго дѣла достигнутъ необходимаго развитія" [1]). Затѣмъ Александръ далъ общія указанія по поводу законодательныхъ работъ, которыя надлежало выполнить: утвердить финансы государства; провести принципы конституціи во всѣ отрасли управленія; организовать судебную часть; пересмотрѣть гражданское и уголовное законодательства; наконецъ, вотировать „законы, имѣющіе цѣлью охрану самыхъ драгоцѣнныхъ благъ: безопасность вашей личности, безопасность вашей собственности и свободу вашихъ мнѣній". Пренія по поводу конституціи длились всего одинъ мѣсяцъ. Представленіе бюджета пришлось отложить, такъ какъ доходы и повинности государства были еще плохо извѣстны. Проектъ уголовнаго уложенія былъ принятъ; но законопроектъ о женитьбѣ, стремившійся измѣнить Кодексъ Наполеона въ смыслѣ уничтоженія развода, былъ отвергнутъ. Хотя императоръ и сильно стоялъ за этотъ проектъ, но закрылъ сессію рѣчью, общій смыслъ которой заключенъ въ первой фразѣ: „Вы оправдали мои ожиданія", и въ слѣдующей фразѣ, намекающей на отвергнутый проектъ: „Свободно избранные, вы должны свободно и рѣшать". Во всей Европѣ не было въ то время главы парламентскаго государства, который выказалъ бы столько корректности въ этой роли, какъ конституціонный король Польши, самодержецъ всей Россіи.

Къ несчастью, Александръ не былъ такимъ человѣкомъ, которому долго могла нравиться эта роль; въ силу тѣхъ же причинъ, которыя заставили его навязать Россіи режимъ Аракчеевщины и обскурантизма, онъ долженъ былъ скомпрометтировать и свое дѣло въ Польшѣ. Съ другой стороны, его подданные на Вислѣ были еще далеки отъ окончанія своего политическаго воспитанія. Сверхъ того, пробужденіе національнаго чувства, поддерживаемое тайными обществами, заставляло поляковъ находить невыносимою власть чужестраннаго государя. Они не отказались ни отъ мысли получить обратно части своей территоріи, уступленныя Австріи и Пруссіи, ни отъ требованія, чтобы Александръ уступилъ имъ—съ рискомъ поднять противъ себя русское общественное мнѣніе — Литву и „воеводства" Червонной Руси, не бывшія польскими ни по происхожденію, ни по языку, ни по вѣроисповѣданію.

---

[1]) Изъ разсказа, переданнаго въ то время старымъ княземъ Орловымъ оріенталисту Ханыкову (*Историческій Вѣстникъ* 1897 г.), можно видѣть, какое безпокойство овладѣло великимъ княземъ Константиномъ и нѣкоторыми русскими дворянами при мысли о предполагаемомъ введеніи конституціи въ Россіи. Ср. франц. *Temps* отъ 28 іюля 1897 г.

Выборы 1819 г. для частичнаго обновленія палаты депутатовъ проходили на частныхъ сеймахъ среди рѣзкой критики правительства и горячей полемики въ газетѣ *Бѣлый орелъ*; было нѣсколько случаевъ враждебныхъ выборовъ, какъ избраніе Бонавентуры Нѣмоевскаго, братъ котораго Винцентъ былъ уже депутатомъ отъ Калиша.

Второй сеймъ (1820). — Когда 13 сентября 1820 г. открылся второй сеймъ, то въ рѣчи Александра, произнесенной при открытіи, было замѣтно вновь вліяніе госпожи Криденеръ—въ общихъ мѣстахъ о христіанской морали и вліяніе Меттерниха—въ намекахъ на „пробужденіе духа зла“ въ Европѣ. Съ своей стороны, высказали менѣе покорности и представители націи. Въ адресѣ сейма былъ намекъ на провинціи, отдѣленныя отъ королевства. Винцентъ Нѣмоевскій произноситъ рѣчь, которую находятъ столь рѣзкой, что предсѣдатель лишаетъ его участія въ засѣданіи. Проектъ правительства объ уголовномъ процессѣ, уничтожавшій присяжныхъ наполеоновскаго Кодекса, отвергнутъ большинствомъ 117 голосовъ противъ 3. Раздраженіе Александра было очень велико. Оно отозвалось на его рѣчи при закрытіи сейма 13 октября. Онъ оставлялъ на совѣсть депутатовъ и общественнаго мнѣнія поразмыслить надъ тѣмъ, не „отдалили ли они дѣла возстановленія“ своей родины, „увлеченные иллюзіями, слишкомъ обычными въ наши дни“. Сверхъ того, первому министру было поручено ознакомить поляковъ со слѣдующимъ взглядомъ Александра: будучи авторомъ конституціи, онъ одинъ имѣлъ право на ея толкованіе. Это былъ тезисъ Карла X въ іюлѣ 1830 года.

Послѣ отъѣзда Александра борьба между министрами и общественнымъ мнѣніемъ обострилась. Лелевель, профессоръ виленскаго университета, открылъ тамъ свой курсъ всеобщей исторіи; первыя стихотворенія Мицкевича воспламенили юношество; университеты Вильна, Варшавы и Кракова, какъ и германскіе, стали очагами національнаго духа. Новосильцевъ требовалъ преслѣдованія студентовъ. Великій князь ввелъ для нихъ особый мундиръ. Цензура свирѣпствовала по отношенію къ книгамъ и къ театру почти съ такою же яростью, какъ и въ Россіи. Наконецъ, конституція была нарушена открыто: не стало болѣе ни выборовъ, ни созывовъ сейма. Новосильцевъ нападалъ на Чарторыйскаго, подозрѣваемаго въ томъ, что онъ былъ черезчуръ ярымъ полякомъ. Князь пробовалъ противиться; но въ 1823 г. онъ подалъ въ отставку отъ всѣхъ занимаемыхъ должностей. Человѣкъ, добившійся отъ Александра автономіи и конституціи, удалялся въ частную жизнь. Съ нимъ вмѣстѣ, казалось, уходила самая душа королевства.

Тайныя общества въ Польшѣ. — Наиболѣе горячіе изъ поляковъ группировались въ тайныя общества. Самое значительное изъ нихъ было *Національное масонское общество*, превратившееся впослѣдствіи въ *Національное патріотическое общество*. Оно было основано учениками Домбровскаго [1]), княземъ Яблоновскимъ, полковниками Кржижановскимъ и Прондзинскимъ. Отставной маіоръ Лукасинскій пропагандировалъ его въ арміи. Духъ этого общества виденъ изъ слѣдующихъ словъ устава: „Какъ велика твоя ложа? — Границами ей служатъ высокія горы, два моря и двѣ большія рѣки“. Таковы, именно, были границы древней Польши. Общество, основанное въ Варшавѣ, вскорѣ распространилось за предѣлы королевства на польскіе центры трехъ сосѣднихъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлахъ Польши. Во главѣ общества стоялъ *центральный комитетъ*; общество раздѣлялось на ложи пер-

---

[1]) Онъ умеръ въ 1818 г., предсказывая, что Польша воскреснетъ вскорѣ съ конституціей 3 мая 1791 г. и съ границами 1772 г.

вой степени и ложи второй степени. Въ послѣднихъ даваемыя клятвы были опредѣленнѣе, а языкъ рѣзче. Члены одной ложи не знали ни членовъ другихъ ложъ, ни членовъ центральнаго комитета, кромѣ одного довѣреннаго на каждую ложу второй степени. Общество, такимъ образомъ, было почти неуловимо. Немногіе отдѣльные аресты не давали никакихъ свѣдѣній относительно общей организаціи. Одинъ изъ арестованныхъ офицеровъ, Дзвонковскій, перерѣзалъ себѣ горло прежде, чѣмъ былъ подвергнутъ допросу. Лукашинскій и нѣкоторые другіе влачили жизнь по тюрьмамъ до 1824 г., когда были приговорены къ заключенію въ крѣпости. *Филареты*—общество, возникшее среди виленскихъ студентовъ—имѣло дѣло съ Новосильцевымъ; одинъ изъ его членовъ, Занъ, былъ сосланъ въ Сибирь. Другіе, какъ Адамъ Мицкевицъ, были заключены въ тюрьму въ Вильнѣ, затѣмъ высланы въ города Россійской имперіи. *Національное патріотическое общество* пережило эти преслѣдованія. Оно вступило въ сношенія съ русскимъ *Южнымъ Обществомъ*; но, несмотря на тайныя совѣщанія, имѣвшія мѣсто въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Тульчинѣ, оно не дало склонить себя на цареубійственные планы, ни противъ великаго князя Константина, ни противъ императора. Сверхъ того, его члены были не вполнѣ согласны по вопросу о республикѣ или монархіи. Они сошлись только въ идеѣ единой польской отчизны, возстановленной во всей ея цѣлости.

Третій сеймъ (1825). — Выборы въ третій сеймъ были произведены еще въ 1822 г. Александръ не рѣшался его созывать. 3 февраля 1825 г. онъ издалъ въ Царскомъ Селѣ указъ, уничтожающій публичность засѣданій сейма, за исключеніемъ перваго засѣданія—въ день открытія и послѣдняго — въ день закрытія сейма. Выборы братьевъ Нѣмоевскихъ были уничтожены; они были избраны снова; тогда у Калишскаго воеводства было отнято право избирать депутатовъ. Послѣ этихъ новыхъ нарушеній конституціи, 13 мая Александръ лично открылъ сеймъ. Винцентъ Нѣмоевскій, пріѣхавшій, чтобы занять на немъ свое мѣсто, былъ арестованъ у заставы Варшавы. Въ тронной рѣчи Александръ заявилъ, что, откладывая открытіе сейма, онъ хотѣлъ этимъ самымъ дать время мнѣніямъ установиться, а страстямъ — улечься. Февральскій указъ имѣлъ цѣлью подавить „зародышъ смутъ". Сеймъ принялъ всѣ проекты правительства почти безъ преній.

Въ рѣчи при закрытіи сейма (13 іюня) король могъ сказать: „Я поспѣшилъ принять всѣ поправки, вами внесенныя... Вы приняли всѣ законопроекты, предложенные мною на ваше обсужденіе". Онъ открыто радовался „обоюдному согласію". Въ дѣйствительности же, конституція умерла. Работы сейма перестали интересовать поляковъ, даже его собственныхъ членовъ. Вся общественная жизнь, всѣ народныя надежды отлетѣли отъ парламента и пріютились въ тайныхъ обществахъ.

Царь Николай, король Польскій.—Смерть Александра оставила Польшу въ такомъ же глубокомъ волненіи, какъ и Россію. Однако мы видѣли, что поляки не принимали участія въ томъ возмущеніи, которымъ въ Россіи было отмѣчено начало царствованія Николая. Поэтому *слѣдственная комиссія*, учрежденная въ Варшавѣ по образцу петербургской, составленная, впрочемъ, почти исключительно изъ поляковъ, и находившаяся подъ вліяніемъ польскихъ чувствъ великаго князя Константина и княгини Ловичской, вмѣсто тысячи обвиняемыхъ, какъ то было въ петербургской, арестовала всего на всего восемь человѣкъ [1]). Дѣло о нихъ тянулось еще въ 1829 году.

[1]) Между прочимъ, Кржижановскаго, графа Станислава Солтыка, графа Залусскаго, Маевскаго, бывшаго нѣкоторое время главою Общества Храмовниковъ, и т. д.

25 декабря 1825 г., т.-е. какъ разъ наканунѣ битвы на Сенатской площади, Николай издалъ воззваніе къ своимъ польскимъ подданнымъ. Въ немъ есть слѣдующая фраза: „Учрежденія, данныя вамъ славной памяти императоромъ и королемъ Александромъ I, останутся безъ перемѣнъ. Я обѣщаю и клянусь передъ Богомъ соблюдать конституціонную хартію“.

Въ 1826 г. умеръ старый Заіончекъ, и великій князь Константинъ соединилъ въ своихъ рукахъ обѣ должности—и намѣстника, и главнокомандующаго. Сверхъ того, новый король поручилъ ему командованіе русскими военными силами въ „восьми воеводствахъ“. Первая изъ этихъ мѣръ могла заставить поляковъ опасаться еще болѣе суроваго режима; вторая была способна заставить ихъ повѣрить въ присоединеніе „восьми воеводствъ“.

Въ 1828 г. русская армія выступила въ походъ противъ турокъ, съ цѣлью обезпечить освобожденіе Греціи. Неужели польская армія не раздѣлитъ съ нею опасностей и успѣховъ въ борьбѣ противъ оттомановъ, наслѣдственныхъ враговъ обѣихъ великихъ славянскихъ націй? Ничто не могло бы лучше способствовать разсѣянію недоразумѣній между русскими и поляками, ничто не могло лучше примирить ихъ въ общей славѣ. Польская армія страстно желала принять участіе въ этой войнѣ. Повидимому, этому воспротивился великій князь. Полный казарменной мелочности, но, въ сущности, вовсе не военный, онъ не любилъ войны: „Она портитъ арміи“, говаривалъ онъ. Какъ могъ царь, бывшій двадцатью годами моложе брата, и обязанный его отреченію отъ престола своею императорской короной, какъ могъ онъ предписать ему свою волю? Быть можетъ также, убѣжденный въ вѣрности своей польской арміи, царь оставилъ ее для защиты западной границы на случай нападенія со стороны Австріи. Какъ бы то ни было, но недовольство, ощущенное польскою арміей вслѣдствіе ея вынужденнаго бездѣйствія, сыграло большую роль въ послѣдующихъ событіяхъ.

Николай, подобно Александру и Константину, любилъ поляковъ, но, какъ и они, любилъ ихъ по-своему. Онъ намѣревался уважать конституцію, бывшую дѣломъ его брата и благодѣтеля Александра.

Несмотря на свои инстинкты автократа, онъ чувствовалъ себя способнымъ выполнять по совѣсти дѣло конституціоннаго правителя. Онъ рѣшилъ пріѣхать въ Варшаву короноваться польскимъ королемъ. По приказу царя, Константинъ долженъ былъ поторопить съ окончаніемъ процесса, возбужденнаго противъ участниковъ тайныхъ обществъ: всѣ обвиняемые были оправданы, за исключеніемъ одного, приговореннаго къ исправительному наказанію за неоткрытіе русскаго заговора. Нѣсколько сотенъ политическихъ заключенныхъ были выпущены на свободу. Новый король могъ совершить свой въѣздъ въ столицу (1829 г.). Но въ эту минуту Константинъ пожелалъ отложить этотъ въѣздъ. Онъ смутно предчувствовалъ опасность, которая во взволнованной Польшѣ угрожала ему и его брату. Полиція не могла сообщить ничего точнаго. Она не знала объ эволюціи, происшедшей въ нѣдрахъ тайныхъ обществъ, такъ какъ она почти не знала объ ихъ существованіи.

Между тѣмъ изъ массы недовольныхъ выдѣлились двѣ большія партіи: *бѣлые*, т.-е. умѣренные, конституціоналисты, подраздѣлялись на *дипломатовъ*, считавшихъ въ своихъ рядахъ Чарторыйскаго и аристократію, и на *членовъ оппозиціи*, каковыми были Нѣмоевскіе; *красные*, т.-е. передовые, республиканцы, раздѣлялись на *академиковъ*, какъ профессоръ Лелевель, и *воиновъ*. *Воины*, почти все офицеры или бывшіе офицеры, были людьми дѣйствія, рѣшившимися не отступать

ни передъ терроромъ, ни передъ цареубійствомъ. Въ декабрѣ 1828 г. Высоцкій, Заливскій, Іосифъ и Адамъ Гуровскіе, Дзялынскій, Бернардъ Потоцкій образовали тайный кружокъ среди тайныхъ обществъ. Въ январѣ 1829 года они обсуждали вопросъ, не слѣдуетъ ли воспользоваться для возстанія польской арміи переходомъ русскихъ войскъ въ Турцію. Нѣкоторые колебались: такимъ образомъ можно было помѣшать освобожденію Греціи. Когда заговорщики были увѣдомлены о проектѣ коронаціи, Высоцкій сказалъ: „Намъ первымъ надлежитъ составить программу празднества". Дзялынскій хотѣлъ воспользоваться случаемъ и убить всѣхъ: императора, императрицу и великихъ князей. Адамъ Гуровскій, говоря о царѣ, воскликнулъ: „Богъ предаетъ его намъ!" Высоцкій вызвался нанести ударъ. Эти планы были отложены вслѣдствіе желанія столковаться съ депутатами, имѣвшими прибыть на коронацію, и надежды подготовить возстаніе по всей остальной Польшѣ: отсюда путешествіе Дзялынскаго въ Берлинъ, Бернарда Потоцкаго въ Вѣну и т. д. Нѣсколько неосторожныхъ словъ дошли до слуха великаго князя: онъ приказалъ арестовать двухъ офицеровъ, произносившихъ угрозы, но вскорѣ отпустилъ ихъ, какъ говорившихъ исключительно подъ вліяніемъ вина. Его жена, знавшая многое черезъ родныхъ, предупреждала его остерегаться и не допускать близко къ царю ни одного поляка. Она совѣтовала созвать сеймъ: великій князь этому воспротивился.

Уже императоръ проѣзжалъ черезъ Литву: тамъ его встрѣтилъ ледяной пріемъ; однако прочитавъ проповѣдь виленскимъ студентамъ, онъ приказалъ освободить всѣхъ ихъ товарищей. Въ Варшавѣ пріемъ былъ лучше; но здѣсь все выглядѣло по-польски; въ городѣ, расцвѣченномъ флагами, русскіе цвѣта были видны только на общественныхъ зданіяхъ; аристократія для пріема „короля" подняла національные цвѣта. Николай сдѣлалъ смотръ войскамъ, процессія которыхъ была великолѣпна, и возбудила народный энтузіазмъ; но и армія, и энтузіазмъ были чисто польскіе. 24 мая была совершена церемонія коронованія; она обошлась безъ инцидентовъ; но *члены оппозиціи* попытались представить императору адресъ, подписанный 16 депутатами Калишскаго воеводства; въ немъ они просили освобожденія Винцента Нѣмоевскаго. Императоръ отказался его принять. Онъ отказался также и отъ общей амнистіи, которую ранѣе проектировалъ, и даровалъ только отдѣльныя милости. 28-го былъ устроенъ большой праздникъ для народа, собраннаго вокругъ огромныхъ столовъ и сотни фонтановъ, бившихъ виномъ, пивомъ и водкою. Покидая брата Константина, Николай поздравилъ его съ блестящимъ положеніемъ военнаго дѣла: „Польская армія — недосягаемый образецъ", сказалъ онъ ему. Затѣмъ царь прибавилъ: „Но не черезчуръ ли ты тяжелъ, не черезчуръ ли требователенъ и строгъ?" Въ качествѣ польскаго короля царь имѣлъ еще другіе поводы быть довольнымъ: въ первый разъ за много вѣковъ страна благоденствовала. Она покрылась заводами и фабриками; населеніе королевства увеличилось съ 2.715.000 жителей до 4 милліоновъ; населеніе Варшавы возросло съ 80.000 до 150.000, доходы государства—съ 12 милліоновъ до 40 милліоновъ марокъ.

Четвертый сеймъ (1830).—Николай назначилъ на 28 мая 1830 года созывъ четвертаго сейма. Константинъ продолжалъ высказываться противъ созыва. Онъ говорилъ: „Языки снова заработаютъ, и придется ихъ урѣзывать". Императоръ прибылъ 20 мая въ Варшаву. Министръ внутреннихъ дѣлъ, для обезпеченія себѣ на сеймѣ большинства, представилъ ему списокъ 60 депутатовъ, которымъ надо было пожаловать пенсіи, знаки отличія и другія милости. Николай возсталъ противъ

этого съ негодованіемъ. Ни рѣчь при открытіи, ни рѣчь при закрытіи сейма, произнесенныя *по-французски*, не представляли собою ничего особеннаго. Въ числѣ проектовъ, предложенныхъ сейму, находился снова проектъ наполеоновскаго развода, такъ какъ Николай, подобно Александру, считалъ себя обязаннымъ настаивать на католической точкѣ зрѣнія. Проектъ былъ отвергнутъ. Царь, повидимому, не былъ этимъ огорченъ такъ, какъ былъ въ подобномъ же случаѣ огорченъ его братъ Александръ. Рѣшительно, онъ лучше понималъ свою роль конституціоннаго государя. Взамѣнъ этого, онъ былъ оскорбленъ враждебнымъ отношеніемъ къ нему парламента и населенія, подчеркиваніемъ польскихъ цвѣтовъ въ туалетахъ женщинъ, слишкомъ многочисленными отказами отъ присутствія на балу, данномъ въ его честь. Онъ сказалъ: „Это, можетъ быть, и патріотично, но это совсѣмъ невѣжливо". Однако, прощаясь съ Константиномъ, онъ сказалъ ему: „Я чувствую, что я—польскій король; и рано или поздно кончу, надѣюсь, тѣмъ, что заставлю моихъ польскихъ подданныхъ полюбить меня, покоряя ихъ благодѣяніями". Между тѣмъ возбужденіе умовъ въ сторону свободы и территоріальнаго распространенія все росло, а призведенія Мицкевича „*Конрадъ Валленродъ*" (1828) и *Польская Мать* (1830) дышали ненавистью къ „москалю".

II.—Польское возстаніе.

Приготовленія къ возстанію.—Въ августѣ мѣсяцѣ 1830 года въ Варшаву дошли слухи „о трехъ славныхъ іюльскихъ дняхъ" въ Парижѣ. Видъ трехцвѣтнаго знамени, поднятаго на французскомъ консульствѣ, еще болѣе усилилъ возбужденіе. Дамы демонстративно надѣли трехцвѣтныя ленты. Языки „заработали". Полиція произвела нѣсколько арестовъ; Константинъ приказалъ всѣхъ освободить. Революціонныя силы группировались, главнымъ образомъ, вокругъ Лелевеля (студенты), Высоцкаго (подпрапорщики) и Заливскаго, если не всѣхъ болѣе экзальтированнаго, то всѣхъ болѣе неосторожнаго. 12 августа у него было собраніе. Немедленность возстанія нѣсколько отсрочилась, благодаря необходимости привлечь на свою сторону какое-нибудь громкое военное имя, такъ какъ генераловъ сдерживало чувство лояльности къ государю, а также и нежеланіе компрометтировать себя наряду съ безумцами. Не болѣе того удалось склонить на свою сторону и крупныхъ лицъ гражданскаго міра. Тутъ снова взялись за пропаганду; приняли систему *карбонаріевъ*, съ организаціей на отдѣльныя ложи; особенно настойчиво обращались къ арміи. Вскорѣ весь польскій гарнизонъ Варшавы со всѣми его офицерами былъ въ заговорѣ; въ Люблинѣ—генералъ Петръ Урбанскій; въ Замостьѣ — подполковникъ Пашковичъ. Въ сентябрѣ—новое собраніе: на немъ склонили къ примиренію Высоцкаго и Заливскаго, бывшихъ до того времени во враждебныхъ отношеніяхъ другъ къ другу; оба были избраны въ руководители движенія. Послѣднее охватило дворянъ, женщинъ, рабочія корпораціи, студентовъ и профессоровъ университета, большинство членовъ сейма, нѣсколькихъ генераловъ, кончая чиновниками польскихъ министерствъ. Заливскій мечталъ объ одновременномъ возстаніи по всей Польшѣ, о войнѣ противъ трехъ сѣверныхъ державъ, объ обращеніи къ Европѣ и, главнымъ образомъ, къ Франціи. Высоцкій, болѣе практическій, думалъ только о возстаніи въ Варшавѣ, которое должно было начаться убійствомъ великаго князя и захватомъ русскихъ казармъ. Этотъ планъ былъ принятъ. Выполненіе его было назначено на 20 октября. Но въ этотъ день, равно какъ и въ послѣдующіе, Константинъ, предупрежденный женою, не выходилъ изъ дворца Бельведера. Противни-

ки запаслись терпѣніемъ, окончательно склонивъ на свою сторону генераловъ Хлопицкаго, Станислава Потоцкаго, Круковецкаго, Шембека. Вдругъ появился угрожающій манифестъ царя по отношенію къ бельгійской революціи. Узнали, что польская армія предназначается стать авангардомъ русской арміи, и что послѣдняя займетъ Польшу. Такимъ образомъ польская армія, которой было отказано въ участіи въ походѣ за освобожденіе Греціи, была осуждена на подавленіе свободы въ Бельгіи и во Франціи! Это ускорило кризисъ; авангардъ долженъ былъ обернуться противъ главнаго корпуса и парализовать такимъ образомъ европейскую контръ-революцію. Возстаніе было окончательно назначено на 29 ноября. Заговорщики располагали въ Варшавѣ 10 тысячами польскихъ солдатъ противъ приблизительно 7.000 русскихъ, изъ которыхъ многіе были уроженцами Литвы, Волыни и т. д. Въ день 28-го правительство, обезпокоенное вызывающимъ поведеніемъ варшавянъ, приказало повсюду удвоить патрули. День 29-го прошелъ спокойно съ внѣшней стороны, но Заливскій обходилъ казармы и кофейни, сообщая пароль. Высоцкому онъ сказалъ: „Завтра Польша будетъ свободна“.

Возстаніе. — Въ сѣверныхъ странахъ въ ноябрѣ ночь наступаетъ рано. Въ 6 часовъ вечера Высоцкій вошелъ въ школу подпрапорщиковъ и сказалъ имъ: „Братья! часъ свободы пробилъ“. Ему отвѣчали криками: *Да здравствуетъ Польша!* Онъ прибавилъ, что русскіе убиваютъ уже въ городѣ, и что надо торопиться. Въ это же время пѣхотные полки вооружались втихомолку въ казармахъ, такъ же какъ и студенты въ Лазенковскомъ лѣсу. Высоцкій со 150-ью подпрапорщиками атаковалъ казарму гвардейскихъ улановъ, между тѣмъ какъ четырнадцать заговорщиковъ побѣжали къ Бельведеру. Они нашли рѣшетки дворца отпертыми преданными людьми. Въ ту самую минуту, какъ они готовились захватить великаго князя, оберъ-полицеймейстеръ Любовицкій, пришедшій съ раппортомъ, испустилъ крикъ тревоги и упалъ, проколотый штыками. Константинъ успѣлъ убѣжать въ халатѣ и спрятался въ какомъ-то тайникѣ. Заговорщики не посмѣли проникнуть къ княгинѣ Ловичской. Взамѣнъ этого они убили генерала Жандра. Такимъ образомъ ударъ, занесенный надъ Бельведеромъ, пролетѣлъ мимо, въ то время какъ Высоцкій потерпѣлъ неудачу у казармы улановъ. Вскорѣ онъ получилъ въ подкрѣпленіе 2.000 студентовъ и толпу рабочихъ. Дорогою онъ приказалъ убить польскихъ генераловъ Гаука, Новицкаго, Трембицкаго и др., виновныхъ въ вѣрности своей присягѣ. Русскіе полки могли бы подавить возстаніе въ самомъ началѣ; но, отрѣзанные въ своихъ казармахъ, не получая никакихъ извѣстій и никакихъ приказаній отъ великаго князя, они бездѣйствовали. Съ тѣми изъ нихъ, кто отважился выйти на улицу, завязался бой. Большинство польскихъ полковъ сдерживались еще своими командирами. Одинъ изъ нихъ, Зимирскій, увлекъ даже за собою охотниковъ польской гвардіи, защищалъ во главѣ ихъ Краковское предмѣстье и двинулся вслѣдъ за великимъ княземъ, которому удалось бѣжать за городъ. Ночью Константинъ призвалъ къ себѣ русскіе полки, и въ два часа утра Варшава была совершенно свободна. Княгиня также послѣдовала за мужемъ. Константинъ, во время всѣхъ этихъ критическихъ событій, занималъ самое странное положеніе. Когда ему обѣщали вѣрную побѣду надъ мятежниками, онъ вдругъ сказалъ: „Вы можете ошибиться: польскія войска — лучшія въ Европѣ, и ничто, ручаюсь, не въ силахъ противостоять солдатамъ, мною воспитаннымъ“. Ему предложили взять городъ обратно; отвѣтъ былъ еще болѣе странный: „Я не хочу вмѣшиваться въ эту польскую распрю“. На его взглядъ, дѣло

должно было быть улажено Польшей и ея королемъ.

Отъѣздъ великаго князя.— Переворотъ былъ совершенъ *красными;* они не сумѣли охранить его отъ крайностей. Русскіе генералы были пощажены; но шесть польскихъ генераловъ были убиты. Что оставалось дѣлать *бѣлымъ*, партіи Чарторыйскаго и такъ называемой Калишской *оппозиціи?* Кабинетъ былъ расшатанъ убійствомъ военнаго министра Гаука. Оставался Любецкій, министръ финансовъ. Заливскій, предупредивъ его, что будетъ за нимъ зорко слѣдить, оставилъ его на посту. Командованіе войсками онъ предложилъ старому генералу Хлопицкому, ветерану наполеоновской арміи [1]), который отказался принять это званіе отъ „мятежниковъ", но принялъ его отъ Административнаго совѣта.

На министра финансовъ были возложены самыя трудныя дѣла: добиться удаленія великаго князя; охранять среди анархіи законность и конституцію. Кризисъ онъ понималъ слѣдующимъ образомъ: „Это Николай, король польскій, ведетъ войну съ императоромъ всероссійскимъ". Или: „Королю польскому были сдѣланы заявленія; какъ только они будутъ приняты, все пойдетъ снова какъ слѣдуетъ, согласно конституціи". 30 ноября онъ собралъ Административный совѣтъ. Послѣдній, въ своемъ воззваніи, опредѣлилъ переворотъ, какъ событіе „столь же прискорбное, сколь и неожиданное". Онъ дѣлалъ видъ, что исполняетъ свои обязанности именемъ польскаго короля. Но 30 ноября образовался *Патріотическій клубъ,* который потребовалъ обновленія Совѣта и ввелъ туда новыхъ членовъ (Владислава Островскаго, Малаховскаго, Лелевеля), оставивъ, однако, Любецкаго.

Однимъ изъ послѣдствій отъѣзда великаго князя изъ Варшавы было то, что въ 24 часа революція разлилась по всему королевству. Князь самъ находился въ большой опасности, окруженный польскими войсками, готовыми его покинуть, и русскими полками, деморализованными и голодными. Онъ поспѣшилъ принять уполномоченныхъ, которыхъ прислалъ къ нему Административный совѣтъ, отказался что-либо обѣщать именемъ брата, но согласился отослать отъ себя польскіе полки, согласился не вызывать русскихъ войскъ изъ Литвы и перейти черезъ Вислу съ тѣмъ войскомъ, которое у него было подъ рукой, съ условіемъ, чтобы его не тревожили во время отступленія, и чтобы его снабдили припасами. Во время отступленія, встрѣчая польскихъ солдатъ, стремившихся присоединиться къ возставшей арміи, онъ призывалъ ихъ къ порядку, производилъ имъ мелочный осмотръ, рекомендовалъ не забывать его добрыхъ совѣтовъ, повторяя безпрестанно: „Это мои дѣти; вѣдь это я обучилъ ихъ военнымъ упражненіямъ". Офицерамъ онъ говорилъ: „Я болѣе полякъ, чѣмъ вы. Я женатъ на полькѣ. Я такъ долго говорилъ на вашемъ языкѣ, что съ трудомъ изъясняюсь теперь по-русски". Послѣ Вислы былъ перейденъ и Бугъ. Позже, когда начались военныя дѣйствія, и когда главнокомандующій Дибичъ пригласилъ присутствовать на нихъ великаго князя, то онъ при видѣ русской кавалеріи, отброшенной польскими уланами, не могъ удержаться, ударилъ въ ладоши и воскликнулъ: „Браво, дѣти мои! Польскіе солдаты—первые солдаты въ мірѣ". Онъ выказалъ такое удовольствіе по поводу неудачи Дибича, напѣвая подъ

---

[1]) Хлопицкій участвовалъ въ войнахъ за польскую независимость въ 1792—1794 гг., затѣмъ, вмѣстѣ съ легіонами Домбровскаго, участвовалъ въ итальянскихъ походахъ при Наполеонѣ. Въ Сарагоссѣ онъ получилъ бригаду. Въ 1812 г., призванный въ великую армію, въ Россію, онъ былъ раненъ подъ Смоленскомъ. Присоединенный къ Россіи въ 1814 г., онъ былъ произведенъ Александромъ въ дивизіонные генералы. Но, не будучи въ состояніи столковаться съ великимъ княземъ, жилъ въ уединеніи отъ 1818—1830 гг.

его окнами пѣсню: „Нѣтъ, Польша еще не умерла!“, что маршалъ попросилъ императора отозвать великаго князя. Тѣмъ не менѣе Константинъ былъ пораженъ въ самое сердце тѣмъ, что онъ называлъ неблагодарностью поляковъ. Въ такомъ состояніи онъ сдѣлался особенно доступенъ для приступовъ холеры, которую русская армія возила за собою. На пути въ Петербургъ онъ долженъ былъ остановиться въ Витебскѣ, гдѣ и умеръ 27 іюня 1831 г. Его послѣднія слова, обращенныя къ княгинѣ Ловичской, были: „Скажи императору, что умирая я умоляю его простить полякамъ“.

Польское правительство. — 4 декабря 1830 г. временное правительство было окончательно сформировано изъ семи членовъ [1]), среди которыхъ преобладалъ *бѣлый* элементъ. Любецкій и Хлопицкій были также *бѣлые*. Въ итогѣ *красные* упустили дѣло изъ своихъ рукъ, но наблюдали за правительствомъ при помощи своего *Патріотическаго клуба*. Хлопицкій отдѣлался отъ Высоцкаго, пославъ его начальствовать полкомъ, и отъ Заливскаго, поручивъ ему организовать возстаніе на границѣ Курляндіи и Литвы. Подпрапорщики, которыхъ Хлопицкій хотѣлъ сначала предать военному суду, образовали совмѣстно со студентами „почетный легіонъ“. 5 декабря Хлопицкій послѣ смотра войскамъ, на который онъ явился въ мундирѣ наполеоновскихъ войнъ, совершилъ родъ государственнаго переворота. Онъ вошелъ въ залъ Совѣта, упрекнулъ совѣтниковъ въ пустыхъ разсужденіяхъ, въ насиліяхъ клубовъ, въ недисциплинированности арміи, объявилъ Совѣтъ распущеннымъ и своею собственною властью провозгласилъ себя *диктаторомъ*. Онъ былъ въ то время очень популяренъ и среди *красныхъ*, и среди *бѣлыхъ*, ибо первые воображали, что онъ доведетъ войну до крайнихъ предѣловъ, вторые же были убѣждены, что онъ устроитъ примиреніе Польши съ ея королемъ. Онъ старался успокоить Австрію и Пруссію, обязавшись уважать ихъ границы. Любецкаго и Езерскаго онъ послалъ въ Петербургъ для переговоровъ. За исключеніемъ требованія „восьми воеводствъ“, данныя имъ инструкціи были довольно разумны: они должны были ходатайствовать передъ королемъ о соблюденіи конституціи, о свободѣ и гласности обсужденій сейма, о вотированіи налоговъ парламентомъ и объ охранѣ королевства исключительно польскими войсками.

Переговоры въ Петербургѣ; воззваніе къ Европѣ.—Чего можно было ожидать отъ Николая? 15 декабря послѣ парада онъ объявилъ своимъ войскамъ о „преступленіи“ поляковъ, прибавивъ однако: „Когда вы выступите противъ поляковъ, не забывайте, что вы—братья одной крови“. Онъ выказалъ большую холодность Бургуэну, французскому повѣренному въ дѣлахъ, и отдалъ приказъ Дибичу о мобилизаціи русской арміи. 17 декабря онъ обратился къ полякамъ съ возваніемъ, въ которомъ клеймилъ „отвратительное покушеніе“ 29 ноября; требовалъ, чтобы они послушались „отеческихъ совѣтовъ“ и „приказаній своего короля“, приглашая польскую армію слѣдовать примѣру „храбраго отряда конныхъ охотниковъ“. Когда эти факты стали извѣстны въ Варшавѣ, то возбудили сильное раздраженіе въ клубахъ. Адамъ Чарторыйскій счелъ себя обязаннымъ стать во главѣ депутаціи сейма, только что созваннаго, и пришелъ требовать объясненій у Хлопицкаго. Послѣдній высокомѣрно отказалъ въ нихъ, заявляя, что онъ намѣревался „управлять именемъ конституціоннаго короля“. Сеймъ, оскорбленный, отнялъ диктатуру у Хлопицкаго, но затѣмъ, въ виду протеста народа и арміи, возвратилъ ее, но назна-

[1]) Князя Адама Чарторыйскаго, Михаила Кохановскаго, графа Луи Паца, Леона Дембовскаго, Юліана Нѣмцевича (воина, поэта и романиста), профессора Лелевеля, Владислава Островскаго.

чилъ ему въ качествѣ помощниковъ двухъ комиссаровъ. Зато онъ добился пріостановки засѣданій сейма. Въ Петербургѣ Любецкій и Островскій были приняты сначала министромъ иностранныхъ дѣлъ Нессельроде, который высмѣялъ столь неразумное въ данный моментъ требованіе, какъ требованіе „восьми воеводствъ". Императоръ, когда они были допущены къ нему, повторилъ то, что говорилось въ воззваніи отъ 17 декабря. Его воззваніе къ русскому народу отъ 24-го, въ которомъ онъ клеймилъ подданныхъ, „осмѣлившихся диктовать условія своему законному государю", окончательно лишило ихъ всякой надежды.

Оставалась Европа, къ которой варшавскій сеймъ и обратился съ манифестомъ, ссылаясь на трактаты 1815 г. Но Николай уже обезпечилъ себѣ путемъ пунктовъ договора о взаимной гарантіи, соучастіе Австріи и Пруссіи. Англія временъ Пальмерстона не была расположена ссориться съ Россіей изъ-за мелкихъ кліентовъ своей торговли, каковыми были поляки. Во Франціи мнѣнія раздѣлились. Передовая партія ссылалась на двадцатилѣтнее братство оружія съ Польшей, на славную память Домбровскаго и Понятовскаго, на необходимость, въ интересахъ Европы, не дать погибнуть свободной націи. Партія, которая въ національно-французскихъ интересахъ надѣялась остановить революцію во Франціи и въ Европѣ, очутилась у власти 13 марта 1831 г., вмѣстѣ съ Казимиромъ Перье. Тогда Николай, отказавшись на время отъ высокомѣрнаго предубѣжденія противъ Іюльской монархіи, послалъ вѣрительныя грамоты Pozzo di Borgo, своему послу въ Парижѣ, и далъ знать, что онъ былъ бы радъ имѣть посломъ въ Петербургѣ господина де-Мортемара. Послѣдній получилъ инструкцію, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло будетъ касаться Польши, опираться исключительно на текстъ трактатовъ 1815 года.

Объявленіе низложенія Николая. — Передъ Польшей вставалъ тотъ же вопросъ, что и передъ Франціей: желательно ли остановить революцію, замкнувшись въ конституціонныхъ предѣлахъ, или же довести ее до крайности, т.-е. броситься въ войну сначала съ Россіей, а потомъ съ Австріей и Пруссіей? Въ Варшавѣ не могло образоваться, какъ въ Парижѣ, правительства сопротивленія. Партія дѣйствія, находившаяся въ сношеніяхъ съ Лаффитомъ и съ франко-польскимъ комитетомъ въ Парижѣ, насчитывала въ сеймѣ двѣ трети голосовъ. Когда были получены первыя извѣстія о неудачѣ переговоровъ въ Петербургѣ, сеймъ только что собрался на засѣданіе. Хлопицкій нарисовалъ передъ нимъ мрачную картину общаго положенія Европы; онъ видѣлъ спасеніе только въ примиреніи съ Николаемъ: „Онъ вашъ король, вы ему присягали". Сеймъ отнялъ диктатуру у Хлопицкаго. Онъ хотѣлъ оставить ему командованіе арміей; Хлопицкій отвѣтилъ, что намѣренъ служить только простымъ солдатомъ. 20-го командованіе было поручено князю Радзивиллу, черезчуръ престарѣлому и не имѣвшему никакого военнаго опыта. Затѣмъ депутатъ Романъ Солтыкъ предложилъ провозгласить Николая и его наслѣдниковъ лишенными польскаго престола и освободить отъ присяги на вѣрность ему не только поляковъ въ королевствѣ, но и ихъ „братьевъ" въ восьми воеводствахъ. Сверхъ того, онъ предложилъ объявить войну Австріи и Пруссіи и не покладать оружія до побѣды или до общей гибели. Солтыкъ смѣшивалъ, безъ сомнѣнія, варшавскій сеймъ съ французскимъ Національнымъ Конвентомъ 1793 года. Огромность этихъ предложеній сначала испугала собраніе. Но 25-го, когда пріѣхалъ Езерскій и подтвердилъ, что Николай даруетъ полякамъ только одно прощеніе, поднялись крики ярости; въ одну минуту былъ составленъ актъ низ-

ложенія и былъ принятъ членами сейма единогласно, начиная съ Чарторыйскаго, предсѣдателя сената.

Этимъ постановленіемъ сеймъ лишилъ себя всякаго права ссылаться передъ Европой на текстъ вѣнскихъ трактатовъ. Мортемаръ, проѣзжавшій черезъ Польшу, встрѣтилъ въ лѣсу эмиссаровъ польскаго правительства, заявившихъ ему о намѣреніи сейма вотировать низложеніе короля. Онъ предупредилъ ихъ, что на его помощь они могутъ разсчитывать только въ цѣляхъ примиренія націи съ королемъ. Когда по его пріѣздѣ въ Петербургъ вѣсть о низложеніи подтвердилась, то его роль должна была ограничиться простыми разговорами съ царскими министрами. Поляки поставили себя внѣ европейскаго права. Имъ оставалось только испытать счастье своего оружія.

Военныя силы Польши.—На другой день послѣ ноябрьскаго возстанія 1830 года польская армія заключала въ себѣ 23.800 человѣкъ пѣхоты, 6.800 кавалеристовъ и 108 артиллерійскихъ орудій. Правительство развило необыкновенную дѣятельность: оно призывало запасныхъ, объявляло наборъ рекрутовъ, зачисляло въ полки поляковъ, прибѣгавшихъ изъ австрійскихъ, прусскихъ и русскихъ земель, поощряло образованіе вольныхъ партизанскихъ кавалерійскихъ отрядовъ, равно какъ и отрядовъ косцовъ. Послѣдніе послѣ первыхъ побѣдъ должны были обмѣнить свои косы на ружья, захваченныя у непріятеля. Въ мартѣ 1831 г. было 57.924 человѣка пѣхоты, 18.272 человѣка регулярной кавалеріи, 3.000 волонтеровъ: итого 79.000 человѣкъ при 158 орудіяхъ. Въ сентябрѣ общая цифра, сильно уменьшившаяся послѣ первыхъ битвъ, поднялась до 80.821 человѣка. Это былъ максимумъ тѣхъ усилій и тѣхъ жертвъ, которыя могло принести государство, имѣвшее 4 милліона жителей, противъ имперіи съ 60-милліоннымъ населеніемъ.

Русскіе могли съ самаго начала выставить 86.000 человѣкъ пѣхоты, 28.000 человѣкъ кавалеріи, въ общемъ 114.000 солдатъ при 356 орудіяхъ, не считая гарнизоновъ и мѣстной артиллеріи. Несмотря на первыя неудачи, у нихъ было въ іюлѣ 1831 г. болѣе 86.000 человѣкъ. То былъ моментъ, когда обѣ враждебныя арміи были почти равны численно. Во всякомъ случаѣ то, что осталось отъ польской арміи, сформированной Наполеономъ и великимъ княземъ, словно потонуло въ массѣ рекрутовъ, храбрыхъ, но безъ военнаго образованія, между тѣмъ какъ у русскихъ были почти исключительно испытанныя войска. Сверхъ того, во всѣ моменты войны русскіе сохраняли двойное превосходство въ кавалеріи и тройное въ артиллеріи. Наконецъ, ни одинъ изъ польскихъ главнокомандующихъ не можетъ быть сравниваемъ въ знаніи тактики ни съ Дибичемъ, ни съ Паскевичемъ, нанесшимъ послѣдній ударъ польскому дѣлу.

Битвы подъ Варшавой: Гроховъ, Прага.—Въ январѣ 1831 г. фельдмаршалъ Дибичъ, получившій прозвище Забалканскаго за свой переходъ двумя годами раньше черезъ Балканы, прибылъ въ генеральный штабъ русской арміи въ Бѣлостокѣ и обратился къ солдатамъ со слѣдующимъ воззваніемъ: „Русскій штыкъ докажетъ полякамъ, что ихъ измѣна такъ же безсильна, какъ и преступна“. 5-го февраля, зная, что приготовленія поляковъ далеко не закончены, онъ перешелъ границу пятью колоннами, рѣшившись идти прямо на Варшаву. Его воззваніе „къ польскимъ воинамъ“ съ приглашеніемъ покинуть національное знамя, и воззваніе царя къ русскому народу, въ которомъ онъ называлъ безуміемъ и измѣною актъ низложенія, были прочтены въ собраніи сейма и возбудили тамъ живѣйшее негодованіе. Зима позволяла русскимъ переправляться черезъ потоки по льду. Поляки были сосредоточены частью вправо отъ нихъ, близъ Минска и Калушина, частью влѣ-

во, близъ Остроленки и Пултуска. Противъ 100 тысячъ русскихъ ихъ было всего 47 тысячъ. Дибичъ разсчитывалъ пройти между обѣими массами поляковъ и направиться къ Прагѣ. Пораженіе польской кавалеріи при Калушинѣ повлекло за собой отступленіе всей арміи къ Прагѣ. Розенъ и Паленъ пустились слишкомъ далеко за ними въ погоню, и главнокомандующій Радзивиллъ возымѣлъ надежду разбить отдѣльно эти двѣ русскія дивизіи, заманивши ихъ въ лѣса и болота Грохова.

19 февраля началась первая битва при Гроховѣ. Паленъ выступилъ раньше Розена, не нашелъ достаточно мѣста, для того чтобы развернуть свои войска, видѣлъ, какъ они были разбиты 40 пушками Шембека, потерялъ два знамени и двѣ батареи. Получивъ подкрѣпленіе, онъ заставилъ отступить въ свою очередь поляковъ, но не могъ отнять у нихъ ольховую рощу, служившую имъ какъ бы засадой. 20-го бой возобновился: Розенъ также потерпѣлъ пораженіе при атакѣ ольховой рощи и потерялъ 2.000 человѣкъ. Дибичъ, подоспѣвшій къ нему, былъ того мнѣнія, что надо подождать корпуса Скаковскаго. 24-го русскіе взяли Бяловенку; 25-го Круковецкій отнялъ ее у нихъ обратно. Русскіе съ ожесточеніемъ напали на ольховый лѣсъ. Хлопицкій былъ серьезно раненъ, и его исчезновеніе лишило защиту руководителя. Русская артиллерія проявила подавляющее превосходство въ количествѣ и въ быстротѣ стрѣльбы. Затѣмъ русская кавалерія массою обрушилась на польскія позиціи, была встрѣчена въ упоръ огнемъ пѣхоты и атакована съ фланга Кицкимъ. Здѣсь былъ совершенно уничтоженъ полкъ кирасировъ *Принца - Альберта*. Эта блестящая защита обезпечила лишь отступленіе поляковъ къ укрѣпленіямъ Праги. Они оставили на мѣстѣ 10.000 человѣкъ, а русскіе 8.000. Битва была, быть можетъ, проиграна поляками; но они съ честью помѣрялись силами съ цвѣтомъ императорскихъ войскъ. Они могли снова возстановить силы въ Варшавѣ, въ то время какъ русскіе стояли на бивуакахъ на открытомъ воздухѣ въ суровую зиму, нуждаясь въ припасахъ, умирая отъ холеры.

Въ виду того, что главнокомандующій Радзивиллъ обнаружилъ полнѣйшую военную неспособность, сеймъ замѣнилъ его Скржинецкимъ, который обѣщалъ „спасти національную честь“ и „устроить большую могилу для противной арміи“. Тѣмъ не менѣе онъ прибѣгъ къ политической системѣ Хлопицкаго и попробовалъ завязать переговоры съ Дибичемъ. 26-го русская пѣхота силою размѣстилась въ предмѣстьѣ Прагѣ. Дибичъ не сдѣлалъ попытки перейти черезъ Вислу или сжечь большой мостъ. Онъ ожидалъ предложеній капитуляціи. Но такъ какъ ихъ не послѣдовало, то рѣшилъ расположиться на зимнія квартиры. Онъ заставилъ войска отступить и размѣстилъ ихъ по деревнямъ: въ деревнѣ Ваверѣ находился генералъ Гейсмаръ; въ Дембе-Вильке — Розенъ. Въ это время подъ вліяніемъ клубовъ сеймъ рѣшилъ пропагандировать возстаніе въ сосѣднихъ странахъ; онъ послалъ корпусъ Дверницкаго въ Подолію и Волынь, — а корпусъ Сѣравскаго—въ Люблинское воеводство.

Наступательное движеніе поляковъ: Ваверъ, Дембе - Вильке, Игане (мартъ—апрѣль).—Прондзинскій, начальникъ главнаго штаба польской арміи, узнавъ, что Дибичъ дѣлаетъ приготовленія въ Карцевѣ для переправы черезъ Вислу, рѣшилъ попытать сильную диверсію. Онъ попробовалъ склонить Скржинецкаго на свой планъ, заключавшійся въ томъ, чтобы захватить русскихъ на зимнихъ квартирахъ и уничтожить поодиночкѣ отдѣльные корпуса. Скржинецкій потерялъ 15 дней на размышленіе; только въ ночь съ 30-го на 31-ое марта польская армія перешла черезъ мостъ, соединяющій Варшаву съ Прагой. 31-го корпусъ

Гейсмара былъ первый захваченъ въ Ваверѣ и разсѣянъ менѣе чѣмъ въ часъ времени, потерявъ два знамени, двѣ пушки и двѣ тысячи человѣкъ плѣнными. Послѣ полудня поляки напали на Розена въ Дембе-Вильке. Деревня была взята, русская пѣхота была опрокинута блестящею атакой кавалеріи, предводимой Скаржинскимъ. Розенъ едва не попалъ въ плѣнъ. Его лѣвое крыло было уничтожено, но правое могло отступить подъ прикрытіемъ ночи. 1-го апрѣля оно было преслѣдуемо до Калушина и потеряло три знамени. Прондзинскій торопилъ главнокомандующаго воспользоваться разгромомъ русской арміи и захватить самого Дибича. Но Скржинецкій потерялъ пять дней, затѣмъ двинулся очень медленно и встрѣтилъ 10-го апрѣля въ Игане русскихъ Розена, уже сильно подкрѣпленныхъ и подъ прикрытіемъ двухъ батарей. Батареи были взяты и отняты вновь, атаки русской кавалеріи были отброшены, и польская пѣхота, не прибѣгая къ стрѣльбѣ, взяла деревню съ помощью однихъ штыковъ. Русскіе потеряли 1.000 человѣкъ выбывшими изъ строя и 2.000 плѣнными. Результатъ этого блестящаго одиннадцатидневнаго похода заключался въ томъ, что поляки помѣшали переходу черезъ Вислу подъ Карцевымъ и заставили русскихъ потерять 16 тысячъ человѣкъ, 10 знаменъ и 30 пушекъ. Результатъ былъ бы еще рѣшительнѣе, если бы Скржинецкій не испортилъ плановъ начальника главнаго штаба своею медлительностью. Тѣмъ не менѣе съ этой минуты онъ прославился великимъ полководцемъ.

Битва при Остроленкѣ (май).— Русская гвардія подъ начальствомъ Бистрома и великаго князя Михаила была расположена между Бугомъ и Наревомъ въ деревняхъ вокругъ Остроленки. Надо было помѣшать Дибичу соединиться съ нею. Скржинецкій послалъ 8.000 человѣкъ остановить и задержать фельдмаршала; самъ же онъ съ 40.000 перешелъ черезъ Бугъ тайкомъ и расположился въ Сѣроцкѣ. Великій князь и Бистромъ, очень обезпокоенные, поспѣшили отступить: поляки заняли Остроленку и преслѣдовали русскихъ въ направленіи къ Бѣлостоку. 15-го мая русская гвардія и корпусъ Дибича соединились и могли выставить 70 тысячъ русскихъ противъ 40 тысячъ поляковъ. Они вернулись къ Остроленкѣ, взяли вновь этотъ городъ и начали переходить черезъ Наревъ. Чтобы помѣшать имъ, Скржинецкій далъ 26-го мая кровавое сраженіе, но долженъ былъ уступить превосходству артиллеріи и отступилъ сначала къ Пултуску, а затѣмъ къ Варшавѣ.

Между тѣмъ, первыя польскія побѣды повлекли за собою въ ту минуту, какъ затихало возстаніе въ Подоліи и Волыни, возстаніе въ Литвѣ. Генералы Хлаповскій, Гелгудъ, Дембинскій, посланные для поддержки этого возстанія, не сумѣвъ захватить Вильно, вскорѣ должны были отступить.

Дибичъ замѣненъ Паскевичемъ: переходъ черезъ Вислу (іюль). — Императоръ былъ очень недоволенъ Дибичемъ, обѣщавшимъ ему вступить въ Варшаву въ концѣ февраля. 9-го іюня князь Орловъ былъ посланъ къ Дибичу съ предложеніемъ подать въ отставку. „Я сдѣлаю это завтра", отвѣчалъ маршалъ. На другой день онъ умеръ отъ холеры. Его преемникомъ былъ Паскевичъ Эриванскій. Онъ прибылъ, предшествуемый блестящею и прочною военною славой. Начальникомъ главнаго штаба былъ у него Толь. Противъ 50.000 человѣкъ и 142 пушекъ Скржинецкаго, ослабленнаго корпусами, посланными въ Литву, онъ располагалъ 86.000 человѣкъ и 438 орудіями. Онъ рѣшилъ во что бы то ни стало перейти черезъ Вислу, разсчитывая на то, что лѣвый берегъ, менѣе опустошенный, чѣмъ правый, позволитъ ему прокормить армію, и что Варшаву легче взять съ запада (Чисте

и Воля), чѣмъ съ востока (Прага). Скржинецкій, утверждая, что „никогда нельзя помѣшать врагу перейти черезъ рѣку“, не сдѣлалъ ничего, чтобы помѣшать этому переходу, напасть на русскую армію, раздѣленную Вислой на двѣ части, или чтобы остановить ея движеніе по лѣвому берегу. 8-го іюля Паскевичъ занялъ Плоцкъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что хочетъ произвести въ этомъ пунктѣ переправу черезъ рѣку; но въ это время Паленъ при помощи понтоновъ, присланныхъ черезъ Пруссію, устроилъ мосты въ Осѣцкѣ. 19-го армія перешла черезъ рѣку.

Паника и убійства въ Варшавѣ. — Уже 20-го іюня при извѣстіи о пораженіи, которое потерпѣлъ генералъ Янковскій, въ Варшавѣ разразился бунтъ. Правительство, уступая ропоту черни, приказало арестовать этого генерала, а также и его тестя генерала Бутковскаго, и еще нѣсколькихъ генераловъ и полковниковъ, камергера Фашо, служившаго полицейскимъ при Константинѣ и жену русскаго генерала Базанову. Они были заключены въ варшавскій замокъ. Волненіе вспыхнуло снова, когда было получено извѣстіе о переходѣ русской арміи черезъ Вислу. Скржинецкій былъ принужденъ подать въ отставку, и польскія войска остались безъ начальника, между тѣмъ какъ гражданское правительство было безсильно поддержать порядокъ въ городѣ. Клубисты воспользовались этимъ для организаціи убійствъ по тюрьмамъ. 15-го августа народъ отбросилъ національную гвардію, охранявшую замокъ, и убилъ тамъ Янковскаго, Бутковскаго, Фашо, еще нѣсколькихъ генераловъ и Базанову. Убійства продолжались и по другимъ тюрьмамъ. Число жертвъ достигло 33.

16-го августа генералъ Круковецкій послѣ тщетныхъ попытокъ успокоить чернь объявилъ себя губернаторомъ города. Утвержденный въ этой должности „Исполнительнымъ комитетомъ“, онъ разсѣялъ сборища съ помощью войскъ, призванныхъ изъ арміи, арестовалъ клубистовъ закрылъ помѣщеніе *Патріотическаго Общества* и началъ производить разслѣдованіе. Правительство подало въ отставку. Собрался сеймъ. Онъ назначилъ главнокомандующимъ Дембинскаго. Послѣдній продолжалъ слѣдствіе, учредилъ военный судъ, упрекалъ Круковецкаго въ бездѣйствіи, а Лелевеля—въ участіи въ безпорядкахъ. Всѣ возстали противъ него. Его обвинили въ стремленіи къ диктатурѣ и въ желаніи предать Варшаву русскимъ. Сеймъ учредилъ новое правительство изъ пяти членовъ и замѣнилъ Дембинскаго Круковецкимъ. Послѣдній предалъ казни четырехъ изъ убійцъ 15-го августа.

Осада Варшавы (августъ—сентябрь).— 19-го августа русская армія расположилась въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Варшавы. Городу угрожалъ со стороны предмѣстья Воли центръ непріятельскихъ силъ; со стороны Праги—Розенъ и войска праваго берега. На военномъ совѣтѣ, который держали польскіе генералы, Круковецкій предложилъ дать битву передъ Волей со всѣми польскими силами; Уминскій—ограничиться защитой города, но захватить обратно территоріи праваго берега; Дембинскій—избавить столицу отъ ужасовъ осады и перейти въ Литву съ правительствомъ и съ арміей. Кончили тѣмъ, что остановились на предложеніи Уминскаго: рѣшено было противиться Паскевичу изъ-за небольшихъ укрѣпленій, прикрывавшихъ подступы къ городу; Лубенскій съ 3.000 всадниковъ долженъ былъ занять Плоцкое воеводство; Рамориноⁱ[1]) съ 20.000 человѣкъ долженъ былъ атаковать русскихъ на правомъ берегу. Эта разбросанность арміи была большою ошибкою: въ Минскомъ воеводствѣ уже были значительныя силы подъ предводи-

[1]) Итальянецъ, родившійся въ Женевѣ въ 1792 г. Его считали побочнымъ сыномъ Ланна. Онъ участвовалъ въ битвѣ при Ваграмѣ въ качествѣ солдата, а въ походѣ противъ Россіи былъ артиллерійскимъ капитаномъ.

тельствомъ Хржановскаго, который не могъ уничтожить даже нѣсколькихъ тысячъ русскихъ подъ начальствомъ Головина; Раморино, преслѣдуя Головина и Розена, въ минуту крайней опасности долженъ былъ очутиться близъ Брестъ-Литовска въ 35 миляхъ отъ Варшавы.

Съ западной стороны Варшава была защищена двумя линіями укрѣпленій: въ 600 метрахъ отъ фортификацій тянулся цѣлый рядъ укрѣпленій, шедшихъ отъ укрѣпленнаго предмѣстья Чисте до деревни Мокотова; въ 1.600 метрахъ—второй рядъ укрѣпленій, опирающійся на деревню и фортъ Волю и укрѣпленную деревню Раковечъ. Первую линію защищалъ Дембинскій, вторую Бемъ. Главнокомандующій Круковецкій, испуганный положеніемъ, сдѣлалъ попытку завязать тайные переговоры съ Паскевичемъ. Послѣдній предложилъ полякамъ амнистію съ гарантіей на будущее время; но о „восьми воеводствахъ“ не могло быть и рѣчи, и амнистія не должна была распространяться на возставшихъ литовцевъ, на которыхъ царь смотрѣлъ, какъ на русскихъ подданныхъ, и вслѣдствіе этого не заслуживавшихъ никакого снисхожденія. Эти предложенія были переданы польскому правительству и были съ негодованіемъ отвергнуты. Круковецкій отвѣтилъ маршалу, что поляки „взялись за оружіе для завоеванія независимости въ тѣхъ предѣлахъ, которые нѣкогда отдѣляли ихъ отъ Россіи“. Такимъ образомъ, находясь наканунѣ потери самой Варшавы, поляки настаивали на обратномъ требованіи Литвы и Червонной Руси.

Польская армія насчитывала въ Варшавѣ 50.000 человѣкъ, изъ которыхъ 15.000 приходилось на долю національной гвардіи. Въ то время, какъ поляки ослабили себя неосторожными диверсіями, Паскевичъ собралъ вокругъ себя всѣ разсѣянные дотолѣ корпуса Крейца, Головина и Рюдигера. Онъ располагалъ болѣе чѣмъ 78.000 человѣкъ и свыше чѣмъ 400 орудіями. Паленъ долженъ былъ вести атаку слѣва, Шаховской—въ центрѣ, великій князь Михаилъ съ гвардіей — справа; Крейцъ и кавалерія составляли резервы. Бемъ извѣстилъ Варшаву, что онъ не будетъ въ состояніи продержаться на своихъ позиціяхъ долѣе двадцати четырехъ часовъ, „послѣ чего,—сказалъ онъ,—мы будемъ всѣ или убиты, или взяты въ плѣнъ“.

6-го сентября на разсвѣтѣ русская артиллерія открыла страшный огонь по передовымъ редутамъ. Они были взяты въ штыки русской пѣхотой, такъ же какъ Раковечъ и другія деревни. Воля была почти окружена. Генералъ Сованскій, защищавшій ее, на требованіе сдаться отвѣтилъ русскимъ: „Одно изъ вашихъ ядеръ лишило меня ноги подъ Бородиномъ, и я болѣе не въ состояніи сдѣлать ни одного шага назадъ“. Когда деревня была взята приступомъ, бой продолжался въ церкви; Сованскій былъ убитъ у подножія алтаря; Высоцкій, будучи раненъ, сорвалъ зубами повязку, наложенную на раны хирургами.

Наступательное движеніе, произведенное защитниками второй линіи и города подъ начальствомъ Дембинскаго и Круковецкаго, потерпѣло неудачу; русскіе, уже сильно окопались въ укрѣпленіяхъ первой линіи. Самъ главнокомандующій устроился въ Волѣ. Всю ночь съ 6-го на 7-е сентября русская артиллерія бомбардировала вторую линію: польская артиллерія, терпя недостатокъ въ огнестрѣльныхъ снарядахъ, отвѣчала лишь изрѣдка.

Паденіе Варшавы. — 7-го сентября въ три часа утра Прондзинскій явился передъ русскими аванпостами съ письмомъ отъ Круковецкаго, въ которомъ изъявлялась покорность арміи и націи „законному государю“. Паскевичъ въ виду ускоренія переговоровъ пригласилъ польскаго главнокомандующаго прибыть къ нему. Круковецкій въ сопровожденіи Прондзинскаго прибылъ въ 8 часовъ утра, но,

указавъ на то, что „полное“ подчиненіе, требуемое Паскевичемъ, слишкомъ унизительно, онъ заявилъ, что не уполномоченъ сеймомъ. „Остановимся на этомъ“, отвѣтилъ маршалъ, вынимая часы: „черезъ часъ я произведу атаку“. Между тѣмъ время шло; въ полдень сеймъ собрался на засѣданіе; раздались крики негодованія; требовали отставки министровъ; Островскій и Винцентъ Нѣмоевскій говорили о возбужденіи преслѣдованія противъ Круковецкаго, о выходѣ къ укрѣпленіямъ съ массами поднятаго народа; Романъ Солтыкъ восклицалъ: „Мы можемъ погибнуть, но унизиться—никогда. Мы исполнили нашъ долгъ членовъ сейма; исполнимъ же теперь нашъ долгъ солдатъ“. Бомбардировка возобновилась въ половинѣ второго по приказу Паскевича, засѣданіе пришлось пріостановить, и сеймъ разошелся до четырехъ часовъ.

200 пушечныхъ жерлъ гремѣли противъ городскихъ укрѣпленій; польская артиллерія едва имъ отвѣчала. Русская армія сформировалась въ три колонны и обрисовала свое движеніе атаки, при чемъ гвардія и кавалерія оставались въ резервѣ. Штыковая атака, руководимая генераломъ Уминскимъ, была отбита русскою картечью. Въ четыре часа русскіе, имѣя впереди барабанщиковъ и военные хоры, атаковали сразу всѣ внѣшнія укрѣпленія и взяли ихъ въ штыки. Ничто болѣе не защищало Варшаву, кромѣ низкой ограды, походившей на простую таможенную заставу для взиманія пошлинъ.

Прондзинскій явился тогда къ русскимъ съ заявленіемъ, что Круковецкій получилъ, наконецъ, отъ сейма достаточныя полномочія. Паскевичъ, раненный въ руку во время сраженія, отказался сначала остановиться, убѣжденный въ томъ, что поляки хотятъ только выиграть время, чтобы призвать къ себѣ 20.000 человѣкъ Раморино. Однако онъ послалъ въ городъ начальника своего главнаго штаба Берга съ двумя другими офицерами. Будучи приведены въ Замокъ, они цѣлый часъ ожидали тамъ Круковецкаго. Послѣдній, протянувъ еще нѣкоторое время, наконецъ, рѣшился подписать капитуляцію. Но тутъ вмѣшался сеймъ и предложилъ другія условія. Круковецкій въ качествѣ члена правительства подалъ въ отставку. Во время этихъ уловокъ онъ приказалъ переправить черезъ Вислу 32.000 человѣкъ польской арміи, сказавъ депутатамъ: „Спасайте Варшаву... Мой долгъ спасти армію“.

Бергъ и русскіе офицеры напрасно искали по городу, съ кѣмъ можно было бы вести переговоры. Потерявъ терпѣніе, они назначили осаду города на четыре часа утра. Малаховскій взялъ на себя написать маршалу заявленіе о томъ, что въ пять часовъ ворота будутъ открыты русскимъ, и ввѣрялъ ему городъ, отнынѣ беззащитный. Итакъ, Варшава пала безъ капитуляціи, которой никто за нее не подписывалъ.

8-го сентября въ 5 часовъ русскіе заняли посты, арсеналы и магазины. Въ 10 часовъ маршалъ Паскевичъ торжественно вступилъ въ городъ. Онъ написалъ царю: „Ваше Величество, Варшава у Вашихъ ногъ“.

Въ этотъ день польская армія была сосредоточена около Плоцка, сильно уменьшенная бѣгствами. Подъ начальствомъ Рыбинскаго 20.000 человѣкъ съ 92 орудіями перешли черезъ границу и сложили оружіе на прусской территоріи. Росицкій и Каминскій увели съ собою 10.000 человѣкъ въ Краковъ, а Раморино—15.000 человѣкъ въ австрійскую Галицію. Осталось всего на всего 10.000 солдатъ, запертыхъ въ Плоцкѣ, Модлинѣ и Замостьѣ. Въ теченіе октября они сдались русскимъ. Польша пала; не было болѣе ни королевства, ни арміи. Политическое твореніе Александра и военное созданіе Константина были одинаково уничтожены. Но сопротивленіе Польши обезпечило по крайней мѣрѣ спасеніе па-

рижской и бельгійской революціи, ибо въ то время, какъ Паскевичъ совершалъ свой переходъ черезъ Вислу, французская армія могла вступить въ Бельгію, прогнать голландскія войска и обезпечить такимъ образомъ независимость новаго королевства. Сверхъ того, Европа могла констатировать, что ни въ одной войнѣ въ предѣлахъ собственнаго государства Николай не могъ выставить болѣе 114.000 солдатъ. Съ этой минуты престижъ русскаго самодержавія, этого кошмара либеральной Европы, исчезъ. Замѣтимъ, что отъ разгрома Польши Россія теряла почти столько же, сколько и Польша: парламентскій опытъ, испробованный въ Варшавѣ, отодвинулъ на долгіе годы всякую возможность подобнаго же опыта въ Петербургѣ. Самодержавіе одержало побѣду въ Варшавѣ въ сентябрѣ 1831 года, какъ и въ Петербургѣ въ декабрѣ 1825. Итакъ, вырастала пропасть между западной Европой, повсюду конституціонной или стремящейся къ этому, и Европой восточной, вновь подпавшей принципу автократіи.

Польша въ эпоху эмиграціи.—Генералы, тысячи польскихъ офицеровъ и солдатъ, бѣжавшихъ въ Швейцарію, во Францію, въ Англію, принятыхъ и какъ бы усыновленныхъ государствами съ свободнымъ устройствомъ, образовали съ этихъ поръ страшную силу въ общей революціи. Они будутъ встрѣчаться повсюду, гдѣ надо будетъ поддерживать борьбу за свободу, хорошо или плохо понятую: въ возстаніяхъ въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, въ революціяхъ Италіи, Германіи, Венгріи, Румыніи. Во Францію, гдѣ палаты вотировали вспомогательные фонды для эмигрантовъ, гдѣ для ихъ дѣтей создали въ Батиньолѣ польскую школу (1842), эмигранты прибывали въ большомъ количествѣ. Мицкевичъ написалъ для нихъ *Книгу польскаго странника*; онъ воспламенялъ ихъ своими стихами; отъ 1840 г. до 1844 г., занимая лекторскую каѳедру въ Collège de France, онъ вмѣстѣ съ Кине и Мишле будетъ проповѣдывать народныя революціи и возстанія. Церковь и кладбище Монморанси должны были принимать останки польскихъ героевъ, ораторовъ и поэтовъ.

Польша подъ гнетомъ царя.—Николай, когда Польша очутилась „у его ногъ", рѣшилъ, сохраняя для нея имя королевства, а для себя титулъ короля, уничтожить все, что могло бы поддерживать „иллюзіи о независимой Польшѣ", и все, что могло бы содѣйствовать ея возникновенію. Вопреки амнистіи, провозглашенной 6-го ноября, но заключавшей въ себѣ множество исключеній, избранная часть націи была терроризована конфискаціями имуществъ, ссылками въ Сибирь и высылками цѣлыхъ семействъ. Конституція, дарованная Александромъ, была уничтожена: коронованіе короля должно было совершаться въ Петербургѣ одновременно съ коронованіемъ царя. Министерства были уничтожены и замѣнены управленіями и комиссіями, подвѣдомственными различнымъ русскимъ министерствамъ; Административный совѣтъ былъ сведенъ не болѣе, какъ на собраніе директоровъ подъ предсѣдательствомъ *намѣстника*; Варшавскій университетъ былъ лишенъ юридическаго факультета; Національная библіотека была перенесена въ Петербургъ; польская армія была распущена, и части ея были разсѣяны по русскимъ полкамъ; охрана королевства была поручена общимъ силамъ имперіи; вся русская организація: система налоговъ, судопроизводство, денежная система были мало-по-малу введены въ королевствѣ; польскіе ордена были сохранены только, какъ русскіе ордена, и раздавались наиболѣе преданнымъ слугамъ самодержавія; памятникъ, который долженъ былъ быть поставленъ Іосифу Понятовскому, былъ замѣненъ памятникомъ въ честь Паскевича. Въ 1844 году старинныя историческія воеводства были переименованы

въ 5 губерній: Варшавскую, Радомскую, Люблинскую, Плоцкую, Модлинскую. Въ 1833 году попытка Заливскаго поднять Люблинское воеводство окончилась разстрѣляніями и казнями черезъ повѣшеніе. Въ октябрѣ 1835 года Николай, показывая варшавскимъ дворянамъ новую цитадель, предупредилъ ихъ, что при малѣйшемъ мятежѣ городъ будетъ разгромленъ и уничтоженъ. Русская Польша была такъ жестоко подавлена, что даже во время критическаго 1848 года она не тронулась.

Литва и Червонная Русь подъ русскимъ владычествомъ. — Въ тѣхъ странахъ, на присоединеніе которыхъ къ своему королевству поляки разсчитывали, и гдѣ польская культура и языкъ являются въ дѣйствительности удѣломъ нѣкогда правившихъ классовъ, была предпринята систематическая борьба съ цѣлью уничтоженія въ нихъ полонизма. Дѣло шло о русификаціи Литвы, объ уподобленіи царской Россіи Руси нѣкогда польской. Университетъ въ Вильнѣ былъ уничтоженъ, польскій языкъ изгнанъ изо всѣхъ школъ, изо всѣхъ административныхъ и судебныхъ актовъ. Римской уніи православные крестьяне Червонной Руси подчинились въ XVII вѣкѣ только подъ вліяніемъ жесточайшихъ насилій; теперь подобныя же насилія были пущены въ дѣло, чтобы заставить ихъ отъ нея отказаться. Ихъ принудили стать снова православными, чтобы полнѣе чувствовать себя русскими. Духовенство, монахи и католическія монахини были изгнаны изъ страны. Въ Литвѣ, странѣ глубоко католической, удовольствовались тѣмъ, что наблюдали очень строго за жителями, исправляя ихъ, какъ польское духовенство, энцикликами Григорія XVI. Въ Литвѣ и въ Червонной Руси польскимъ было мелкое дворянство, Съ октября 1831 года оно было предметомъ всяческихъ строгостей со стороны властей. Былъ произведенъ строгій пересмотръ его правъ, и многіе дворяне были выключены и переведены въ классъ однодворцевъ, или свободныхъ крестьянъ. Равнымъ образомъ былъ произведенъ пересмотръ повинностей, которыя требовались дворянами съ крестьянъ. Земледѣлецъ выигралъ при этомъ все, что потеряли его прежніе хозяева. Это было для него какъ бы преддверіемъ эмансипаціи 1861 г. Не было ничего упущено, чтобы привести пана къ освобожденію его отъ своей недвижимости и чтобы послѣднія перешли въ руки его крестьянъ или русскихъ, жившихъ въ имперіи. Восточныя „воеводства“, которыхъ такъ жадно добивались поляки, сдѣлались офиціально „юго-западными губерніями“.

Впрочемъ, Пруссія и Австрія работали съ тѣмъ же жаромъ надъ денаціонализаціей своихъ польскихъ территорій. 13 марта 1833 года берлинское правительство давало инструкціи для выкупа польскихъ земель и перепродажи ихъ покупателямъ германскаго происхожденія. Франкфутскій сеймъ угрожающе выступилъ передъ швейцарской федераціей, приглашая ее наблюдать за польскими эмигрантами. Согласіе трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, проявившееся во время подавленія польскаго возстанія, окрѣпло на развалинахъ Польши. Оно проявилось особенно въ конвенціи въ Мюнхенъ—Грецѣ (8-го сентября 1833 г.), въ силу которой всѣ три двора обязывались помогать другъ другу 3.500-ми человѣкъ въ случаѣ польскаго движенія, разрѣшали въ операціяхъ противъ поляковъ обоюдный захватъ другъ у друга территоріи и обязывались выдавать другъ другу агитаторовъ.

Уничтоженіе Краковской республики. — Между тѣмъ посреди этихъ трехъ порабощенныхъ частей Польши продолжала существовать маленькая независимая Польша—республика Краковъ, которую трактаты 1815 г. надѣлили конституціей, сеймомъ и *правительствующимъ сена-*

томъ. Вмѣстѣ со своимъ университетомъ она оставалась какъ бы цитаделью національной литературы, языка, мысли и надеждъ. Часто была она также убѣжищемъ политическихъ бѣглецовъ—главной квартирой, гдѣ обдумывались вооруженныя попытки противъ сосѣднихъ территорій. По національному духу или по слабости сенатъ позволилъ себя скомпрометтировать болѣе, чѣмъ то позволяли ему его международныя обязательства. Бывали минуты, когда эмигранты замѣняли его въ направленіи его политики. Онъ получалъ строгія предупрежденія, мотивируемыя (въ февралѣ 1828 года) присутствіемъ иностранныхъ поляковъ, пріютомъ, даваемымъ то солдатамъ Раморино, то отрядамъ Заливскаго. Въ февралѣ 1836 года отъ него потребовали изгнанія польскихъ эмигрантовъ; онъ подвергся оккупаціи войсками трехъ державъ, существенному измѣненію статута, исключенію нежелательныхъ элементовъ изъ сейма. Представители трехъ дворовъ съ тѣхъ поръ не переставали требовать измѣненій въ конституціи или въ личномъ составѣ, и эти требованія подкрѣплялись военными оккупаціями.

Въ 1846 году произошло польское движеніе противъ императорской власти въ восточной Галиціи, русской по населенію и православной по религіи, за исключеніемъ дворянства, бывшаго польскимъ по языку. Императорской власти стоило только предоставить крестьянамъ свободу дѣйствія относительно дворянъ,—и крестьянское возстаніе обагрило кровью всю страну. Въ январѣ 1846 года Краковъ, снова наполненный бѣглецами, видѣлъ, какъ законныя власти были замѣнены „національнымъ правительствомъ Польской республики". Оно состояло изъ семи членовъ, выбранныхъ отъ трехъ Польшъ: отъ польской эмиграціи, отъ свободнаго города Кракова и отъ Литвы. Во главѣ его—Луи Горжковскій, Иванъ Тыссовскій, Александръ Гржегоржевскій. Оно заявляетъ міру, что „часъ возстанія пробилъ". Атака австрійскихъ силъ сначала отброшена. Затѣмъ австрійцы занимаютъ городъ и цитадель, но вскорѣ прогнаны оттуда (20 февраля); возстаніе распространяется по западной Галиціи, въ то время, какъ восточная охвачена русинскимъ крестьянскимъ движеніемъ. Въ прусской Познани вспыхиваютъ безпорядки. Наконецъ соединенныя силы трехъ державъ подавляютъ возстаніе и вступаютъ въ Краковъ (мартъ). Протесты со стороны Франціи и Англіи со ссылками на Вѣнскій трактатъ нѣсколько отсрочиваютъ роковую развязку. Но трактатъ, заключенный въ Вѣнѣ 6 ноября 1846 года между тремя сѣверными державами, „имѣя въ виду, что Краковъ, очевидно, черезчуръ слабая политическая организація для того, чтобы противиться безпрестаннымъ интригамъ польскихъ эмигрантовъ, которые держатъ этотъ свободный городъ въ моральномъ подчиненіи", санкціонировалъ уничтоженіе маленькой республики и присоединеніе ея территоріи къ австрійской имперіи. Съ этой минуты не осталось ни одного кусочка независимой Польши.

Глава VIII.

Возстаніе въ Бельгіи.

Бельгійское королевство.

1814—1847.

I.—Соединеніе Голландіи съ Бельгіею.

Тотчасъ послѣ крушенія Наполеоновской имперіи четыре союзныя державы—Австрія, Россія, Пруссія и Англія—рѣшили поставить Францію въ такое положеніе, чтобы она не могла снова взволновать или подчинить себѣ Европу [1]). Въ числѣ мѣръ, направленныхъ къ этой цѣли, на первый планъ было поставлено сформированіе сильнаго государства на сѣверо-восточной границѣ Франціи, которое могло бы держать ее въ уздѣ. Эта мысль была не нова: не говоря уже о далекомъ прошломъ, когда бургундскіе герцоги, а за ними Габсбурги, сосредоточивали подъ своей властью всю „Фландрію",—во время коалиціи 1805 года однимъ итальянскимъ аббатомъ по имени Піатоли былъ составленъ проектъ образованія особаго королевства Обѣихъ Бельгій подъ властью одного изъ принцевъ Оранскаго дома, и этотъ проектъ встрѣтилъ сочувствіе со стороны петербургскаго и лондонскаго дворовъ. Въ 1814 году эта мысль была снова поставлена на очередь, и лордъ Кэстльри 1 марта въ Шомонѣ предложилъ союзникамъ соединить Голландію съ Бельгіей. Такъ возникла злополучная комбинація, построенная на апріорныхъ принципахъ вопреки историческому опыту и заранѣе обреченная рухнуть подъ давленіемъ тѣхъ самыхъ антиномій, которыя она тщилась примирить.

Основаніе Нидерландскаго королевства.—Въ общихъ чертахъ эта комбинація была намѣчена въ первомъ Парижскомъ трактатѣ (30 мая 1814). По ст. 6-ой Голландія, „поставленная подъ верховенство Оранскаго дома", должна получить „территоріальное приращеніе", а двумя отдѣльными секретными статьями былъ опредѣленъ приблизительный размѣръ этой прирѣзки на пространствѣ между моремъ, Франціей и Маасомъ и даже между Маасомъ и Рейномъ (ст. 3 и 4). Три недѣли спустя уполномоченные четырехъ союзныхъ державъ, собравшись въ Лондонѣ на конференцію, опредѣлили основныя условія соединенія Голландіи съ Бельгіей; починъ этого дѣла взялъ на себя лордъ Кланкарти, а принца Оранскаго, носившаго тогда титулъ „владѣтельнаго князя Нидерландовъ", рѣше-

[1]) См. выше, гл. I.

но было просить объ одобреніи этого плана, съ тѣмъ, чтобы онъ возможно либеральнымъ путемъ осуществилъ „амальгаму" обоихъ государствъ (20—21 іюня 1814). Эти условія были изложены въ восьми статьяхъ; Вильгельмъ Оранскій принялъ ихъ въ Гаагѣ 21 іюля, но обществу они сдѣлались извѣстны лишь въ серединѣ слѣдующаго года. Общій ихъ смыслъ сводился къ слѣдующему: Голландія и присоединяемыя къ ней территоріи составятъ одно государство, „управляемое той конституціей, которая установлена въ Голландіи", съ необходимыми измѣненіями; бельгійскія провинціи должны быть „приличнымъ образомъ" представлены въ Генеральныхъ штатахъ и будутъ отнынѣ дѣлить съ голландскими провинціями тяготы и преимущества. Въ изъявленіе своей благодарности за добрыя услуги Англіи Вильгельмъ поспѣшилъ тѣснѣе связать себя съ нею посредствомъ Лондонскаго договора: Англія возвращала Голландіи колоніи, отнятыя ею у послѣдней съ 1 января 1803 года, исключая мыса Доброй Надежды въ Африкѣ, Демерара, Эссеквибо и Бербиса въ Америкѣ; такъ какъ Цейлонъ былъ уступленъ въ 1802 году, то въ итогѣ оказывалось, что Голландія отказалась отъ всѣхъ своихъ заморскихъ владѣній за исключеніемъ Зондскихъ островов (13 августа 1814). Уплативъ такимъ образомъ Англіи за трудъ и обезпечивъ себѣ дружеское расположеніе Австріи и Франціи поддержкою ихъ требованій на Вѣнскомъ конгрессѣ противъ Россіи и Пруссіи, принцъ Оранскій отважился наконецъ присвоить себѣ титулъ, о которомъ давно мечталъ, и 16 марта 1815 года, въ ту самую минуту, когда возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы грозило Европѣ новыми бурями, онъ провозгласилъ себя „нидерландскимъ королемъ". Мѣсяцъ спустя онъ, въ качествѣ „короля", примкнулъ къ лигѣ противъ Наполеона, и державы косвенно признали за нимъ королевскій титулъ, утвердивъ его вступленіе въ лигу подъ этимъ титуломъ. Различные второстепенные вопросы касательно новаго королевства были разрѣшены нѣсколькими соглашеніями, заключенными барономъ Гагерномъ и барономъ Спаномъ, представителями Вильгельма Оранскаго на Вѣнскомъ конгрессѣ, и его лондонскимъ посланникомъ; таковъ былъ актъ отъ 19 мая 1815 года, въ силу котораго Россіи было присуждено вознагражденіе за ея военныя издержки въ формѣ русскаго займа въ 50 милліоновъ флориновъ, который долженъ былъ быть заключенъ въ Голландіи и который брали на свой счетъ Англія и Нидерланды. Четырьмя договорами, заключенными въ Вѣнѣ 31 мая 1815 года съ Австріей, Англіей, Россіей и Пруссіей и внесенными затѣмъ въ окончательный актъ конгресса, было офиціально провозглашено существованіе и опредѣлены границы Нидерландскаго королевства; оно обнимало старыя голландскія и бельгійскія провинціи, люттихское епископство и великое герцогство Люксембургское: въ силу германской федеральной конституціи (отъ 8 іюня 1815) нидерландскій король входилъ въ составъ германской федераціи отъ великаго герцогства Люксембургскаго, которое было уступлено ему въ личную собственность взамѣнъ его нассаускихъ владѣній (Дилленбургъ, Зигенъ, Дицъ, Гадамаръ). Границы королевства были исправлены послѣ сраженія при Ватерлоо и паденія Наполеона вторымъ Парижскимъ трактатомъ (20 ноября 1815): здѣсь къ Нидерландамъ были присоединены территоріи Филиппвиль и Маріенбургъ и герцогство Бульонское, послѣднее время входившія въ составъ Франціи. Наконецъ, дополнительными договорами 1816—17 гг. (особенно договоромъ съ Пруссіей отъ 26 іюня 1816 г.) и франкфуртскимъ территоріальнымъ рецессомъ отъ 20 іюля 1819 г. эти установленія

были дополнены и окончательно опредѣленъ территоріальный составъ Нидерландскаго королевства.

II.—Правленіе Вильгельма I и бельгійцы.

Вильгельма I тотчасъ по вступленіи на престолъ ждали большія затрудненія. Правда, въ первую минуту энтузіазма бельгійцы восторженно привѣтствовали своего государя и сомкнулись вокругъ него для борьбы съ Наполеономъ; но когда имъ стали точнѣе извѣстны условія ихъ соединенія съ голландцами, когда они поняли, что съ ихъ страною поступили какъ съ пустошью и что она признана лишь „придаткомъ“ нидерландской территоріи, когда они почувствовали, что ихъ не только прикрѣпили, но и подчинили народу, разнившемуся отъ нихъ нравами, интересами и вѣрованіями,—тогда они понемногу опомнились отъ своего восторга и горько задумались надъ своей участью. Въ сущности они никогда не представляли собою націи, а вѣковое порабощеніе испанцамъ и австрійцамъ было плохой подготовкою къ независимости; но революціонныя потрясенія пробудили въ нихъ сознаніе своей индивидуальности, и они радостно привѣтствовали прокламацію, въ которой генералъ Бюловъ сулилъ имъ самостоятельность (февраль 1814). Они не заслуживали презрѣнія подкупленныхъ Голландіей публицистовъ, которые позднѣе называли ихъ страну „открытой колоніей всѣхъ державъ“ и „собраніемъ областей, гдѣ послѣдовательно паслись всѣ кони Европы“. Въ 1815 году это былъ народъ, отупѣвшій отъ тяжкихъ испытаній, но уже готовый воспринять идеи свободы и національной автономіи. Отсюда эта глухая тревога, овладѣвшая ими съ самаго начала царствованія Вильгельма Оранскаго, и глухая оппозиція его правленію, не замедлившая проявиться.

Вильгельмъ I не сумѣлъ разсѣять это общее недовольство. Его простота и привѣтливость не искупали его врожденной недовѣрчивости и разсудочности; его либеральныя стремленія очень скоро были подавлены его ретроградными предразсудками; онъ безпрестанно колебался между желаніемъ помириться со своими подданными и страхомъ выказать слабость; кромѣ того, убѣжденный въ превосходствѣ и даже непогрѣшимости своего ума, онъ водворилъ режимъ личнаго и самовластнаго управленія, режимъ тѣмъ болѣе невыносимый для бельгійцевъ, что Вильгельмъ не постѣснился придать ему вполнѣ голландскій и протестантскій характеръ. Въ придворномъ кругу считали, что старшій сынъ короля, носившій оффиціально титулъ принца Оранскаго и вскорѣ женившійся на русской великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ, питаетъ особую привязанность къ Бельгіи; онъ былъ здѣсь очень популяренъ, но стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ. Министры, которыми окружалъ себя Вильгельмъ I, были почти безъ исключенія голландцы и стремились упрочить верховенство за сѣверными провинціями; притомъ, выдающіеся дѣятели первыхъ лѣтъ—баронъ Гогендорпъ, Фалькъ, Ванъ Нагель, Рулль — не могли долго ладить съ королемъ, который, самое большее, справлялся объ ихъ мнѣніи и часто принималъ важныя рѣшенія безъ ихъ вѣдома; постепенно они уступили мѣсто совѣтникамъ безусловно послушнымъ и покладливымъ, вродѣ министра юстиціи Ванъ Манена, служившаго и измѣнившаго послѣдовательно нѣсколькимъ режимамъ до Вильгельма I и справедливо прозваннаго „злымъ геніемъ короля“, или вродѣ министра внутреннихъ дѣлъ Ванъ Гоббельсхроя, или статсъ-секретаря Ванъ Стрефкерка, котораго сравнивали съ колоколомъ, безмолвнымъ или издающимъ звукъ по волѣ господина. Такимъ образомъ всѣ безтактныя мѣры

и необдуманные декреты, на которые жаловались бельгійцы, исходили непосредственно отъ Вильгельма I, и на него въ значительной мѣрѣ падаетъ отвѣтственность за тѣ политическія, экономическія и религіозныя столкновенія, которыя роковымъ образомъ подвигли ихъ на мятежъ.

Политическія столкновенія.— Конституція 1815 года.—Немедленно послѣ обращенія Нидерландовъ въ королевство особой комиссіи поручено было пересмотрѣть „основной“ законъ, принятый Соединенными провинціями въ мартѣ 1814 года, и внести въ него необходимыя поправки для согласованія съ новымъ порядкомъ вещей (22 апрѣля 1815). Президентомъ комиссіи былъ Гисбертъ Карель ванъ Гогендорпъ, членами—одиннадцать голландцевъ и одиннадцать бельгійцевъ, всѣ по назначенію короля; въ ихъ числѣ были люди способные и умѣренно-прогрессивнаго образа мыслей (Ванъ деръ Дюинъ де Масдамъ и Жандебіенъ), были и завзятые реакціонеры (графы Мероде-Вестерлоо и Тіеннесъ) и, наконецъ, радикалы (Леклеркъ и Дотренжъ). Въ комиссіи возникли горячіе споры, особенно по вопросу объ отвѣтственности министровъ, на чемъ безуспѣшно настаивали либералы; по вопросу о выборѣ столицы для королевства, при чемъ голландцы предлагали Амстердамъ, бельгійцы—Брюссель, а въ концѣ концовъ рѣшено было вовсе не упоминать о столицѣ; главное же—по вопросу объ организаціи представительства: наперекоръ Гогендорпу, желавшему сохранить единую палату подъ исконнымъ названіемъ Генеральныхъ штатовъ, рѣшено было учредить двѣ палаты, изъ коихъ первую должны составлять 40—60 членовъ, назначаемыхъ пожизненно королемъ, вторую же—избираемые провинціальными штатами депутаты въ числѣ 55 голландцевъ и 55 бельгійцевъ. Жандебіенъ безуспѣшно возставалъ противъ этого уравненія числа депутатовъ, указывая на то, что въ Бельгіи больше трехъ милліоновъ жителей, тогда какъ въ Соединенныхъ провинціяхъ—меньше двухъ милліоновъ. Ванъ Маненъ отвѣчалъ ему, что Голландія уже два вѣка представляетъ собою автономное и независимое государство и что она не согласится подчиниться первенству бельгійцевъ; Гогендорпъ заявилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что необходимо принять въ расчетъ благосостояніе и культурный уровень обѣихъ странъ и что къ тому же, разъ уже за основаніе принимать число жителей, то нельзя игнорировать и милліонное народонаселеніе нидерландскихъ колоній. Вопросъ дѣйствительно былъ весьма щекотливый, и нельзя не признать, что Голландія справедливо могла требовать себѣ въ Генеральныхъ штатахъ по крайней мѣрѣ столько же мѣстъ, сколько получали провинціи, только-что включенныя въ ея составъ. Антагонизмъ между голландцами и бельгійцами обнаружился и по поводу другихъ вопросовъ, напримѣръ, при обсужденіи параграфовъ, касавшихся религіи: бельгійскіе клерикалы считали невозможнымъ согласиться на равное покровительство всѣмъ культамъ, установленное Лондонскимъ протоколомъ (іюнь 1814), и, когда оно было въ принципѣ принято, фанатическое духовенство объявило его несовмѣстимымъ съ существованіемъ католической религіи. Несмотря на всѣ эти затрудненія, пересмотръ конституціи былъ законченъ въ іюлѣ 1815 года; оставалось только народнымъ представителямъ санкціонировать его.

„Основной законъ“ Нидерландскаго королевства устанавливалъ лишь ничтожныя гарантіи противъ самовластія государя: предоставленіе послѣднему права назначать членовъ первой палаты и неотвѣтственность министровъ шли въ разрѣзъ съ истинными принципами конституціонной монархіи. Бюджетъ утверждался Генеральными штатами, но онъ дѣлился на чрезвычайный, обсуждаемый

ежегодно, и обыкновенный, вотируемый сразу на десять лѣтъ; это дѣлало невозможнымъ всякій дѣйствительный контроль въ области финансовъ. Генеральные штаты могли отвергать законопроекты, но не имѣли права вносить въ нихъ поправки. Несмѣняемость судей была обѣщана, но лишь въ будущемъ, и вовсе не упоминалось о судѣ присяжныхъ, къ которому бельгійцы привыкли въ эпоху французскаго владычества и который былъ упраздненъ простымъ указомъ въ ноябрѣ 1814 года. Свобода печати была выговорена въ конституціи, однако при этомъ не отмѣнили необыкновенно суровый указъ, изданный 20 апрѣля 1815 года въ опаснѣйшій моментъ войны съ Наполеономъ и каравшій извѣстные проступки по дѣламъ печати клейменіемъ, десятилѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ въ 10.000 фр. Такимъ образомъ, въ этомъ „основномъ законѣ“ было немало недостатковъ и пробѣловъ, особенно чувствительныхъ для бельгійцевъ, которыхъ сверхъ того раздражали узаконенія по вопросамъ о парламентскомъ представительствѣ и свободѣ культовъ.

Ихъ недовольство проявилось тотчасъ же, когда имъ пришлось высказать свое мнѣніе о поправкахъ, выработанныхъ комиссіей. Въ то время, какъ голландскіе Генеральные штаты единогласно утвердили новую конституцію, бельгійскіе нотабли, созванные въ Брюсселѣ 18 августа 1815 года, не убоялись отвергнуть ее: изъ 1323 вотировавшихъ 796 высказалось противъ принятія Хартіи, и только 527 за нее. Это произвело тѣмъ большій эффектъ, что король не ожидалъ подобнаго противодѣйствія. Въ первую минуту онъ обнаружилъ и безпокойство, и досаду, но быстро оправился и вышелъ изъ затрудненія путемъ произвольнаго рѣшенія: онъ зачислилъ какъ бы принявшими конституцію 280 нотаблей, не явившихся на собраніе въ Брюссель, призналъ недѣйствительными около ста враждебныхъ вотумовъ подъ тѣмъ предлогомъ, что они были незаконно мотивированы, и объявилъ конституцію принятой (24 августа 1815). Такимъ образомъ онъ обошелъ волю бельгійцевъ и навязалъ имъ рядъ пунктовъ, которые они отвергли крупнымъ большинствомъ. Съ этихъ поръ „основной законъ“ Нидерландскаго королевства, и самъ по себѣ протившій бельгійцамъ своими законоположеніями въ области избирательнаго права, законодательства и суда, казался имъ сверхъ того — въ виду способа, которымъ онъ былъ установленъ — „политическимъ подлогомъ“ и узаконеннымъ беззаконіемъ въ ущербъ ихъ правамъ.

Неравномѣрное распредѣленіе власти между сѣверной и южной частями Нидерландовъ.—Такъ какъ политическій строй королевства организовали голландцы, то все оказалось наилучше приноровленнымъ къ ихъ частнымъ интересамъ. Главные органы правительства и администраціи имѣли свое пребываніе на сѣверѣ, а статья 98-ая конституціи, въ силу которой Генеральные штаты должны были собираться поочередно то въ одномъ изъ голландскихъ, то въ одномъ изъ бельгійскихъ городовъ, обусловливала лишь кратковременное переселеніе двора, министровъ и Государственнаго совѣта на югъ; во время этой кочевки канцеляріи оставались въ Гаагѣ, и чиновники, переѣзжая въ Брюссель, считались командированными за предѣлы своего законнаго мѣстопребыванія и получали прогоны и суточныя, какъ если бы они находились за границей. Въ моментъ революціи 1830 г. бельгійцы взапуски подсчитывали тѣ государственныя учрежденія, которыя находились на сѣверѣ, — и оказывалось: въ Гаагѣ—всѣ министерства, государственный контроль, верховный дворянскій совѣтъ и бо́льшая часть важнѣйшихъ административныхъ вѣдомствъ, включая и горное, несмотря на то, что въ Голландіи

не было ни рудниковъ, ни копей; въ Гагѣ и Амстердамѣ — канцеляріи обоихъ орденовъ—военнаго ордена Вильгельма и ордена нидерландскаго Льва; въ Утрехтѣ—монетный дворъ и верховный военный судъ, въ Лейденѣ—инвалидный домъ, въ Бредѣ—военная школа. Въ южныхъ провинціяхъ не было ни одного сколько-нибудь важнаго государственнаго учрежденія. Въ 1830 году оставалось еще опредѣлить мѣсто, гдѣ должна была находиться кассаціонная палата, и вотъ декретомъ отъ 21 іюня 1830 г. для этого избрана была Гаага; между тѣмъ число гражданскихъ и торговыхъ тяжбъ въ Голландіи безконечно уступало числу подобныхъ тяжбъ въ Бельгіи: за десятилѣтній періодъ 1820—1830 гг. въ Брюсселѣ поступило 6.352 аппеляціи, въ Люттихѣ — 3082, а въ Гаагѣ—всего 1.940. При такихъ условіяхъ не удивительно, что бельгійцы протестовали противъ подчиненной роли, которая была имъ отведена. Притомъ, голландцы не ограничились тѣмъ, что помѣстили всѣ органы власти у себя: они всецѣло присвоили ихъ себѣ, оставляя своимъ южнымъ соотечественникамъ лишь ничтожную часть гражданскихъ и военныхъ должностей. Организуя въ 1815 году свое первое министерство, Вильгельмъ I ввелъ въ него лишь одного бельгійца, герцога Урселя, по вѣдомству *Waterstaat*'а и общественныхъ работъ. Такъ же дѣйствовалъ онъ и въ дальнѣйшемъ, и высшія должности предоставлялись почти исключительно голландцамъ. Когда въ 1819 году герцогъ Урсель оставилъ департаментъ *Waterstaat*'а, его ставленники въ южныхъ провинціяхъ—бельгійскіе инженеры—были замѣнены голландцами; директоромъ банка, учрежденнаго въ 1825 г. въ Брюсселѣ, былъ назначенъ голландецъ; въ 1829 году въ числѣ 15 министровъ и статсъ-секретарей было 3 бельгійцевъ, въ числѣ 14 начальниковъ административныхъ вѣдомствъ и секретарей—1, въ числѣ 20 оберъ-секретарей и регистраторовъ—также 1, и т. п. Въ иныхъ министерствахъ на весь штатъ приходилось по 2 — 3 бельгійца, а въ военномъ и морскомъ не было ни одного. То же неравенство царило и въ арміи: Бенжаменъ Констанъ писалъ въ 1817 г., что на 32 генералъ-лейтенанта — бельгійцевъ только 6, на 53 генералъ-майора — 10. Позднѣе Нотомбъ на основаніи армейскихъ списковъ за 1830 г. вычислилъ, что офицеровъ-голландцевъ было почти 2.000, бельгійцевъ — 147, и что высшіе чины, за немногими исключеніями, принадлежали всѣ голландцамъ. Только въ колоніальной арміи численный перевѣсъ былъ на сторонѣ бельгійцевъ, платившихъ здѣсь дань кровью; подъ тропиками они могли разсчитывать на повышеніе, въ которомъ имъ отказывали дома. Нидерландскіе офицеры подчасъ демонстративно высказывали бельгійскимъ самое обидное презрѣніе; такъ, когда Карлъ Плетинксъ, служившій раньше во французской арміи, а потомъ въ Остъ-Индіи, по слабости здоровья вынужденъ былъ вернуться въ Европу, съ великимъ трудомъ добившись чина подпоручика,—полковникъ его полка принялъ его очень грубо и сказалъ: „Вотъ первый брабантецъ, котораго мнѣ навязываютъ!“ Разгнѣванный Плетинксъ подалъ въ отставку: онъ станетъ однимъ изъ вождей революціи 1830 года.

Старанія ввести голландское законодательство и офиціальный языкъ.—Положивъ конецъ французскому владычеству въ Нидерландахъ, король Вильгельмъ рѣшилъ истребить всѣ его слѣды. Кодексъ Наполеона былъ признанъ дурнымъ и опаснымъ единственно по причинѣ его французскаго происхожденія и несмотря на то, что бельгійцы къ нему привыкли; Вильгельмъ не желалъ, чтобы суды его королевства руководились приговорами парижской кассаціонной палаты. Уже въ 1814 году явилось нѣсколько постановленій, обнаружившихъ его намѣреніе примѣнять всюду старое голландское пра

во; таково было постановленіе отъ 21 августа, узаконившее битье палками въ арміи; таковы указы отъ 6 ноября, уничтожившіе гласность уголовнаго судопроизводства и упразднившіе судъ присяжныхъ. Затѣмъ былъ выработанъ проектъ реформы гражданскаго уложенія; при обсужденіи этого проекта въ палатѣ въ 1821 году два бельгійскихъ оратора— Дотренжъ и Рейфенъ—обратили на себя общее вниманіе вѣскостью своихъ доводовъ въ пользу французскихъ законовъ; проектъ былъ оставленъ, и правительство ограничилось измѣненіемъ ряда статей Наполеонова Кодекса и изданіемъ его голландскаго перевода, полнаго неясностей и нелѣпостей. Еще меньше успѣха имѣлъ проектъ уголовнаго уложенія, составленный въ 1827 году; правда, въ немъ были странныя вещи: онъ предлагалъ, напримѣръ, возстановить повѣшеніе, клеймленіе, сѣченіе и другія средневѣковыя кары. Этотъ сколокъ съ уголовнаго уложенія Карла V былъ встрѣченъ такимъ всеобщимъ осужденіемъ, что правительство отказалось отъ своего дѣтища, даже не представивъ его на обсужденіе Генеральныхъ штатовъ. Однако впечатлѣніе осталось, и бельгійцы причислили эти покушенія злой изобрѣтательности къ прочимъ пунктамъ своего обвинительнаго акта противъ голландцевъ.

Не менѣе задѣвали ихъ и попытки короля установить національный языкъ. Въ эпоху французскаго владычества правомъ законности пользовался одинъ французскій языкъ; указъ, изданный въ октябрѣ 1814 года, возстановилъ свободное пользованіе тѣми языками, какіе раньше были дозволены австрійцами. Но эта реформа казалась Вильгельму I недостаточной; и вотъ 15 сентября 1819 года онъ сдѣлалъ обязательнымъ для всякаго желающаго занимать общественную должность, знаніе *національнаго языка*, иными словами—голландскаго, который мало отличается отъ фламандскаго; для усвоенія этого языка былъ данъ пятнадцатилѣтній срокъ. Это постановленіе, усиленное еще другимъ указомъ, отъ октября 1822 г., было крайне непріятно бельгійцамъ и особенно валлонцамъ, и правительство сочло благоразумнымъ въ 1829 и 1830 г. отказаться отъ своего намѣренія на этотъ счетъ.

Законы о печати.—Конституція 1815 г. гласила, что „такъ какъ просвѣщеніе всего удобнѣе распространяется путемъ печати“, то каждый можетъ пользоваться печатнымъ станкомъ, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія (ст. 227). Но эта юридическая свобода далеко не соблюдалась на дѣлѣ, и голландское правительство не разъ беззастѣнчиво примѣняло карательныя мѣры, установленныя указомъ отъ 20 апрѣля 1815 года за распространеніе слуховъ и свѣдѣній, способныхъ возбудить смуту или тревогу въ обществѣ: въ силу этого указа, изданнаго въ качествѣ временной мѣры во время войны съ Наполеономъ, проступки по дѣламъ печати карались, смотря по своей важности, выставленіемъ у позорнаго столба, лишеніемъ правъ, клеймленіемъ, тюремнымъ заключеніемъ въ теченіе 1—6 лѣтъ, штрафомъ въ 100 — 10.000 фр. и даже краткосрочными каторжными работами; эти дѣла вѣдалъ особый чрезвычайный судъ. Указъ 20 апрѣля 1815 года былъ дополненъ закономъ 28 сентября 1816 г., извѣстнымъ подъ названіемъ закона 500 флориновъ: онъ каралъ штрафомъ въ 500 флориновъ на первый разъ и тюремнымъ заключеніемъ на 1—3 года въ повторномъ случаѣ всѣхъ, кто путемъ печати задѣлъ или оскорбилъ личный характеръ иностраннаго государя или принца, оспаривалъ или заподозрѣвалъ законность ихъ династіи, въ оскорбительныхъ выраженіяхъ критиковалъ ихъ дѣйствія, и пр. При помощи этихъ указовъ нетрудно было справляться со всѣми дѣйствительными и мнимыми уклоненіями печати, особенно бельгійской. Въ 1817 г.

аббатъ Фере и Корнель де Мооръ—одинъ какъ авторъ, другой какъ издатель ряда статей, появившихся въ *Бельгійскомъ Зрителѣ* — на основаніи указа 20 апрѣля 1815 года подверглись преслѣдованію за оскорбленіе конституціонныхъ властей; ихъ судила специальная комиссія, и Фере былъ приговоренъ къ двухлѣтнему тюремному заключенію, а Мооръ—къ уплатѣ штрафа и судебныхъ издержекъ. Въ 1818 г. особымъ закономъ отмѣнена была специальная форма судопроизводства, установленная въ 1815 г., но и онъ оставилъ въ силѣ странныя формулы и карательныя узаконенія стараго указа, которыя теперь столь же неукоснительно стали примѣняться обыкновенными судами. Однимъ изъ знаменитѣйшихъ процессовъ по дѣламъ печати былъ процессъ Вандерстратена, обвиненнаго въ томъ, что онъ порицалъ правительство въ своемъ сочиненіи *О современномъ состояніи Нидерландскаго королевства*, изданномъ въ въ 1819 году. Штрафъ въ 3.000 флориновъ, къ которому его приговорили, былъ покрытъ добровольной общественной подпиской. Спустя три года Вандерстратенъ былъ снова привлеченъ къ суду и присужденъ къ тюремному заключенію, какъ редакторъ газеты *Другъ короля и отечества*. Множество бельгійскихъ газетъ подверглись въ этотъ періодъ суровымъ карамъ, немало ихъ и погибло благодаря репрессіямъ, напримѣръ, *Наблюдатель*.

Столкновенія на экономической почвѣ. — Голландскій долгъ.—Если унія съ Голландіей тяготила бельгійцевъ съ политической точки зрѣнія, то и въ экономическомъ отношеніи они чувствовали себя не менѣе обиженными. По расчету, сдѣланному въ 1831 году лондонской конференціей, долговыя обязательства Бельгіи до ея соединенія съ Голландіей представляли собою ренту въ 2.750.000 флориновъ, т.-е. около 100 милл. флор. капитала (считая по исключительному проценту 2,5 со 100). Государственный долгъ Голландіи былъ несравненно больше. Наполеонъ, присоединивъ Голландію въ 1810 г., и не мечталъ покрыть этотъ долгъ, а приказалъ сократить его на двѣ трети. Вильгельмъ I въ 1814 году не пожелалъ санкціонировать это банкротство и придумалъ весьма сложную систему, при помощи которой надѣялся удовлетворить кредиторовъ государства: старый долгъ былъ раздѣленъ на *активный* (одна треть) и *отсроченный* (тѣ двѣ трети, которыя вычеркнула французская имперія); за дополнительный взносъ въ 100 флориновъ на каждый листъ ренты въ 45 флориновъ, владѣлецъ получалъ право: 1) на 2.000 флор. капитала по *активному* долгу, приносившія 2,5%, т.-е. 50 флор.; 2) на 4.000 флор. капитала по *отсроченному* долгу, которые въ данный моментъ не приносили процентовъ, но должны были путемъ ежегодныхъ тиражей перечисляться изъ отсроченнаго долга въ активный. Результатомъ этой обременительной комбинаціи было то, что въ 1815 году надъ Голландіей тяготѣлъ активный долгъ въ 573 милл. флор. съ лишнимъ и отсроченный долгъ въ 1 милліардъ 150 милл. И вотъ, на основаніи договора о восьми статьяхъ и конституціи 1815 года, половина этого огромнаго долга легла на Бельгію. Мало того: такъ какъ ежегодные дефициты были очень велики, то этотъ долгъ непрерывно возрасталъ, несмотря на усилія амортизаціонной кассы, учрежденной въ 1816 году; въ 1820 г. активный долгъ равнялся уже 626 милл., отсроченный—1 милліарду 166 милл.; въ 1830 г. государство должно было уплатить своимъ кредиторамъ на 10 милл. флориновъ больше, чѣмъ въ 1815 г. Это нелѣпое употребленіе народныхъ денегъ навлекало тяжелые упреки на короля, присвоившаго себѣ по „основному закону“ верховное руководство государственными финансами и вмѣстѣ съ тѣмъ лишившаго Генеральные штаты, благодаря вотированію бюджета сразу на десять лѣтъ, всякой возможности

контролировать его дѣйствія; когда онъ въ 1822 году основалъ крупный финансовый органъ — амортизаціонный синдикатъ, долженствовавшій дать ему бо́льшую свободу дѣйствій и изыскивать средства на покрытіе цѣлаго ряда расходовъ, отчасти секретныхъ,—бельгійцы справедливо были возмущены этими тайными манипуляціями.

Торговая политика и система налоговъ.— Для покрытія все возрастающихъ нуждъ казны приходилось безпрестанно изыскивать новыя статьи дохода. Главными средствами для этого служили два источника: таможенныя пошлины и налоги. Между тѣмъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ интересы голландцевъ были діаметрально противоположны интересамъ бельгійцевъ: голландцамъ, какъ народу преимущественно торговому, была необходима свобода торговли, тогда какъ бельгійцы, занимавшіеся больше земледѣліемъ и промышленностью, требовали покровительственнаго тарифа; съ другой стороны, нѣкоторые налоги по самой своей природѣ главной тяжестью ложились либо на сѣверныя, либо на южныя провинціи. Вынужденный, такимъ образомъ, выбирать между недовольствомъ той или другой половины своихъ подданныхъ—голландцевъ или бельгійцевъ, Вильгельмъ I былъ въ крайнемъ затрудненіи. Сначала онъ постарался задобрить бельгійцевъ: тарифъ отъ 3 октября 1816 года обложилъ довольно крупными пошлинами всѣ товары иноземнаго происхожденія, какъ при ввозѣ, такъ и при вывозѣ, и значительно повысилъ грузовую пошлину съ иностранныхъ судовъ сравнительно съ отечественными; нѣсколькими законами, изданными въ 1819 году, эти мѣропріятія, невыгодныя для сѣверныхъ провинцій, были еще упрочены. Но въ 1821 году картина мѣняется: тронутый жалобами, доходившими до него каждый день, король рѣшилъ измѣнить свою торговую политику и преобразовать систему налоговъ. Генеральнымъ штатамъ былъ представленъ законопроектъ, устанавливавшій *maximum* пошлинъ, которыя должны быть взимаемы съ иностранныхъ товаровъ (отъ 3 до 6%, смотря по товару); притомъ пошлиной облагались лишь тѣ товары, которые являлись прямой конкурренціей отечественнымъ продуктамъ. Правда, на нужды извѣстныхъ отраслей промышленности ассигновалось 1 милл. 300.000 флориновъ, но этотъ секретный фондъ, который долженъ былъ идти преимущественно на поддержку бельгійской индустріи, далеко не могъ вознаградить ее за ущербъ, причиняемый ей пониженіемъ тарифа. Мало того: правительственный проектъ вводилъ два новыхъ налога, которые должны были пасть спеціально на бельгійцевъ: налогъ на хлѣбный помолъ и убой скота, иными словами—на хлѣбъ и мясо, т.-е. на два главныхъ предмета потребленія Бельгіи, гдѣ народъ питался почти исключительно хлѣбомъ. При обсужденіи этого законопроекта во второй палатѣ Генеральныхъ штатовъ было произнесено нѣсколько блестящихъ рѣчей; Дотренжъ и Рейфенъ энергично отстаивали здѣсь интересы своихъ соотечественниковъ, доказывая прежде всего въ принципѣ пагубность свободнаго обмѣна и затѣмъ несправедливость налоговъ на помолъ и убой, способныхъ къ тому же стать источникомъ множества ненавистныхъ притѣсненій. Ставя вопросъ прямо, въ его подлинномъ видѣ, оба оратора указывали на пропасть, которую создастъ новый законъ, и на взаимную ненависть, которую онъ вызоветъ между населеніемъ южныхъ и населеніемъ сѣверныхъ провинцій; „теперь рѣшайте, сѣверные сограждане,—воскликнулъ Дотренжъ, — и если вы спокойно обсудили свое рѣшеніе, вамъ остается лишь завершить нынче ночью братоубійство старой, честной Бельгіи!“ Это пророческое воззваніе пробудило энергію бельгійскихъ депутатовъ; на этотъ разъ они почти всѣ набрались смѣлости и подали

голосъ противъ проекта; но сѣверные депутаты, вотировавшие за него, оказались въ перевѣсѣ, и онъ былъ принятъ большинствомъ 55 голосовъ противъ 51. Эти специальные законы 1822 года довершили организацію новаго строя, гибельно отзывавшагося на южныхъ провинціяхъ. Нѣсколько измѣненій въ таможенной системѣ, произведенныхъ въ слѣдовавшие затѣмъ годы, и отмѣна нѣкоторыхъ покровительственныхъ пошлинъ мало помогли дѣлу; бельгійцы не переставали заявлять страстные протесты и возставать противъ ненавистныхъ имъ налоговъ на помолъ и убой; этой агитаціей въ значительной степени и былъ подготовленъ дальнѣйшій разрывъ, и когда правительство накануне революціи согласилось наконецъ отмѣнить эти два налога, было уже слишкомъ поздно: оно уже не вызвало этимъ признательности.

Религіозныя столкновенія.—Католическая оппозиція и процессъ епископа гентскаго.— Религіозный вопросъ представлялъ еще больше трудностей для рѣшенія, чѣмъ всѣ предыдущіе, такъ какъ король по темпераменту и убѣжденію былъ склоненъ бороться противъ клерикальныхъ тенденцій и такъ какъ въ Бельгіи существовала ультра-католическая партія, крайне нетерпимая и *à priori* враждебная государю-протестанту. Договоръ о восьми статьяхъ установилъ равенство всѣхъ исповѣданій передъ закономъ: это была одна изъ наиболѣе либеральныхъ и наиболѣе достойныхъ похвалы статей въ нидерландской конституціи. Между тѣмъ именно ею была обусловлена систематическая оппозиція со стороны бельгійскаго духовенства. Въ 1814 году послѣднее обратилось къ монархамъ, собравшимся въ Вѣнѣ, съ запиской, въ которой требовало возстановленія десятины и „нерушимаго утвержденія“ католической религіи во всѣхъ преимуществахъ, которыми она пользовалась до французскаго нашествія. Въ іюлѣ и августѣ 1815 года нѣсколькими епископами составлены были *пастырскіе наказы*, въ которыхъ они протестовали противъ свободы культовъ и противъ допущенія ко всѣмъ званіямъ и должностямъ людей любого исповѣданія; они де не желаютъ одобрить „этотъ пагубный принципъ, безусловно противный духу католической вѣры: что всѣ религіи равно хороши“. Поведеніе епископовъ сильно повліяло на бельгійскихъ нотаблей, подавшихъ голосъ противъ конституціи. Вильгельмъ I, объявляя послѣднюю принятой, съ гнѣвомъ отозвался „объ этихъ людяхъ, отъ которыхъ общество вправѣ было ждать примѣра евангельской терпимости и любви“. Съ этого момента началась открытая война. Умѣренные изъ среды духовенства, какъ, напримѣръ, Меанъ (ставшій вскорѣ архіепископомъ мехельнскимъ), присягнули на вѣрность конституціи, но радикалы отказались. Наиболѣе извѣстнымъ и запальчивымъ изъ послѣднихъ былъ Морисъ Брольи, епископъ гентскій. Умный и талантливый вельможа, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ крайне упрямъ и обладалъ желѣзной волей; несмотря на то, что своимъ епископскимъ саномъ онъ былъ обязанъ Наполеону, онъ не убоялся затѣять борьбу съ императоромъ въ защиту прерогативъ св Престола и поплатился за свою оппозицію трехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Столь же неукротимымъ онъ высказалъ себя въ своемъ мятежѣ противъ нидерландскаго короля: онъ былъ главнымъ авторомъ изданнаго въ 1815 году *Jugement doctrinal*, гдѣ всякая присяга на вѣрность конституціи клеймилась какъ измѣна важнѣйшимъ интересамъ религіи; затѣмъ онъ началъ держать себя по отношенію къ правительству высокомѣрно и недовѣрчиво. Тогда король велѣлъ вызвать его въ брюссельскій ассизный судъ, и когда епископъ, отрицая свою подсудность свѣтской власти, отказался явиться, судъ, по приказанію короля, приговорилъ его заочно къ ссылкѣ (9 октября 1817).

Чтобы уклониться отъ кары, Брольи бѣжалъ во Францію, и въ отместку правительство велѣло наклеить плакатъ съ его именемъ на огромномъ столбѣ межъ двухъ преступниковъ, выставленныхъ у позорнаго столба на главной площади Гента въ базарный день. Этотъ грубый пріемъ не замедлилъ принести свои плоды: онъ доставилъ изгнанному епископу множество симпатій. Это обнаружилось въ 1821 году во время суда надъ гентскими генеральными викаріями, обвиненными въ сношеніяхъ со своимъ епископомъ и въ обнародованіи его пастырскихъ посланій: они были оправданы при радостныхъ кликахъ населенія.

Законы о народномъ образованіи.—Смерть Мориса Брольи въ изгнаніи не положила конца конфликту, и законы 1825 года о народномъ образованіи дали бельгійскимъ католикамъ поводъ къ новому возмущенію. Статья 226-ая основного закона заявляла, что „народное образованіе является предметомъ постоянныхъ заботъ правительства". Духовенство съ самаго начала нападало на эту статью, вручавшую руководство народнымъ просвѣщеніемъ государю-протестанту; оно сокрушалось по поводу введенія кальвинистскаго духа и нидерландскаго языка въ три университета, основанные въ 1816 г. (въ Люттихѣ, Лувенѣ и Гентѣ), и еще больше взволновалось оно въ 1825 году, когда былъ поднятъ вопросъ о реформѣ средняго и низшаго образованія. Дѣло въ томъ, что короля начало безпокоить тайное вліяніе, которое оказывали іезуиты на среднюю и начальную школу, и онъ задумалъ преобразовать эти школы такъ, чтобы уравновѣсить это вліяніе, дать юнымъ бельгійцамъ преподавателей, свободныхъ отъ всякой фанатической страсти, и путемъ реформы богословскаго образованія создать на будущее время болѣе просвѣщенное и болѣе либеральное духовенство. Съ этой тройной цѣлью и были выработаны указы, изданные въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ 1825 г. Указомъ 14 іюня было воспрещено основывать какія бы то ни было латинскія школы, коллежи или атенеи безъ формальнаго разрѣшенія департамента внутреннихъ дѣлъ; изъ существующихъ школъ тѣ, которыя не утверждены правительствомъ, должны быть закрыты; въ то же время съ цѣлью повысить низкій уровень образованія духовныхъ лицъ долженъ быть созданъ при одномъ изъ южныхъ университетовъ *философскій коллежъ*. Указъ отъ 11 іюля запретилъ принимать въ епископскія семинаріи лицъ, не прошедшихъ курсъ философскаго коллежа. Наконецъ, 14 августа король распорядился не допускать ни въ гражданскую, ни въ церковную службу лицъ, прошедшихъ университетскій или богословскій курсъ внѣ королевства, ибо, гласилъ эдиктъ, можно опасаться, что въ иностранныхъ школахъ молодымъ людямъ „внушаются начала, идущія въ разрѣзъ съ нашими національными учрежденіями". Вслѣдъ за установленіемъ этихъ правилъ, изъ которыхъ иныя напоминаютъ указы Іосифа II, король приказалъ закрыть множество школъ, особенно тѣ, которыя были открыты братьями Христіанскаго ученія, игнорантинцами или тайными іезуитами въ Динанѣ, Намюрѣ, Люттихѣ и Турнэ. Когда въ декабрѣ 1825 года бельгійскіе клерикалы въ Генеральныхъ штатахъ ополчились противъ новыхъ мѣропріятій короля, правительству удалось привлечь на помощь себѣ либераловъ, какъ Дотренжа и Рейфена; эти два оратора, которые, впрочемъ, скоро перейдутъ въ голландскій лагерь и примутъ званіе членовъ Государственнаго совѣта, осыпали „сумасбродовъ" ѣдкими сарказмами, и министры Ванъ Маненъ, директоръ департамента католическаго культа Губо и Ванъ Гоббельсхрой одержали полную побѣду. Однако во время этихъ преній обнаружился тревожный симптомъ, на который въ ту минуту не обратили вниманія: одинъ изъ клерикальныхъ коново-

довъ, де Герлахъ, выводилъ свободу преподаванія изъ другихъ вольностей и тѣмъ перенесъ борьбу на такую арену, которая представляла серьезную опасность для правительства.

Конкордатъ 1827 года. — Король, довольный своей побѣдой, рѣшилъ задобрить бельгійское духовенство нѣкоторыми уступками. Уже два или три года онъ велъ переговоры съ римской куріей о заключеніи конкордата, сходнаго съ французскимъ, подъ сѣнью котораго бельгійскія провинціи жили съ 1801 по 1815 г. Графъ Селль, назначенный посланникомъ въ Римъ, успѣшно довелъ до конца эти деликатные переговоры, и 18 іюня 1827 г. было заключено соглашеніе: къ пяти епископскимъ каѳедрамъ, уже существовавшимъ въ королевствѣ, было прибавлено еще три (Брюгге, Амстердамъ и Герцогенбушъ); епископъ или архіепископъ избирается капитуломъ по списку, составленному имъ предварительно, и утверждается папою, при чемъ король вправѣ вычеркнуть изъ списка неугодныхъ ему кандидатовъ. При извѣстіи о заключеніи конкордата бельгійскіе католики принялись славословить короля Вильгельма и многіе депутаты безпрекословно вотировали бюджетъ, чтобы выразить королю свою признательность. Но это настроеніе было недолговѣчно. Когда папа буллою отъ 17 августа заявилъ, что преподаваніе въ семинаріяхъ всецѣло подчинено власти епископовъ, король въ циркулярѣ къ губернаторамъ провинцій ограничилъ это право епископовъ, и исполненіе конкордата было пріостановлено. Агитація клерикаловъ тотчасъ возобновилась съ удвоенной силой.

Въ 1828 году многообразные неудобства, съ которыми сопряжена была унія между Голландіей и Бельгіей, стали очевидны для всѣхъ. Со всевозможныхъ точекъ зрѣнія и въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни между нуждами и желаніями обѣихъ народностей обнаруживался глубочайшій контрастъ. Король Вильгельмъ не сумѣлъ слить оба народа воедино: изъ столь разнородныхъ элементовъ нельзя создать націи; чтобы достигнуть объединенія, по крайней мѣрѣ внѣшняго, ему пришлось подвести Бельгію подъ голландскій уровень; онъ долженъ былъ организовать такое правительство, которое было, по выраженію Герлаха, „Голландіей, въ дѣйствіи“. Этотъ режимъ съ каждымъ днемъ становился все болѣе ненавистнымъ и несноснымъ для бельгійцевъ; онъ неминуемо долженъ былъ рухнуть въ самомъ скоромъ времени.

III.—Революція 1830 года.

Бельгійскія партіи. — Одно обстоятельство способствовало сохраненію голландскаго владычества—именно, дѣленіе бельгійцевъ на двѣ крупныхъ партіи, ненавидѣвшихъ одна другую и энергично борющихся еще донынѣ: *либеральной* и *клерикальной*, или *католической*. Почти всѣ бельгійцы были католиками, но въ то время какъ одни изъ нихъ боялись могущества духовенства и вдохновлялись принципами французской революціи, другіе во всеуслышаніе выражали самыя нетерпимыя и ретроградныя убѣжденія. Либералы говорили устами Дотренжа въ декабрѣ 1825 года: „Государь, защитите насъ отъ іезуитовъ, но освободите насъ отъ налога за помолъ!“ напротивъ, клерикалы на все смотрѣли глазами поповъ и мечтали объ упроченіи за католицизмомъ привилегій государственной церкви. Между публицистомъ Луи Поттеромъ или адвокатомъ Жандебьеномъ, передовыми либералами, и де Герлахомъ или де Секюсомъ, ораторами клерикальной партіи, лежала бездна. Отъ правительства зависѣло оставить ее открытой и парализовать бельгійскую оппозицію путемъ дробленія ея; дебаты по поводу законовъ о народномъ образованіи показали, что эта политика легко осуществима и что небольшими

уступками можно привлечь часть либераловъ на сторону власти. Но Вильгельмъ I не умѣлъ или не желалъ этого видѣть; онъ не отказался ни отъ одного пункта своей политической, экономической и религiозной программы; онъ не далъ серьезныхъ ручательствъ ни либераламъ, ни клерикаламъ, и въ концѣ концовъ объединилъ противъ себя тѣхъ и другихъ. Умѣренные, вродѣ Сильвена ванъ де Вейера, Ж.-Б. Нотомба, виконта Вилена XIV или адвоката Лебо, явились посредниками между обѣими партiями и увѣщевали ихъ забыть взаимныя предубѣжденiя и обиды, чтобы сообща требовать удовлетворенiя своихъ общихъ жалобъ. Герлахъ далъ лозунгъ *союза*, объявивъ неразрывно связанными свободу культовъ, свободу печати и свободу обученiя; бельгiйцы приняли эту доктрину, и съ 1828 г. они группируются въ одну партiю подъ однимъ знаменемъ—свободы совѣсти, слова и преподаванiя.

Бельгiйскiй союзъ и правительство (1828—1830). — Располагая теперь крупною силою, оппозицiя быстро распространила свои идеи среди городского и сельскаго населенiя южныхъ провинцiй; было организовано повсемѣстное петицiонное движенiе, въ газетахъ велась энергичная полемика, съ парламентской трибуны раздавались пламенныя рѣчи. Провинцiальные штаты Люттиха, Намюра и Геннегау обратились къ королю съ петицiями объ отмѣнѣ налоговъ за помолъ и убой; когда же Вильгельмъ вздумалъ придать дѣлу такой видъ, будто считаетъ ихъ поступокъ противозаконнымъ, вся страна прикрыла собою провинцiальные штаты, наводнивъ палату челобитными. Въ послѣднiе мѣсяцы 1828 года было собрано болѣе 70.000 подписей; здѣсь были между прочимъ имена графовъ Мародъ и виконта Вилена XIV изъ Брюсселя, маркиза Родригеца и Адольфа Бартельса изъ Гента, графа Утремона и Шарля Рожье изъ Люттиха. Требовалось извѣстное мужество, чтобы подписать такую петицiю, потому что правительство тайно слѣдило за тѣмъ, что оно называло „происками, направленными къ нарушенiю общественнаго спокойствiя", и самъ король въ iюнѣ 1829 г., обращаясь къ люттихскому муниципалитету, заявилъ, что поведенiе петицiонеровъ „подло". Эта несчастная фраза не только не остановила порыва, но еще усилила его: во Фландрiи былъ учрежденъ орденъ *Подлости;* члены его получили медаль, на которой изображена была раскрытая книга—намекъ на право петицiй, выговоренное въ конституцiи, и начертаны слѣдующiя слова: „вѣрны до подлости". Петицiи, обошедшiя всю Бельгiю, были покрыты въ 1829 году 360.000 подписей, и движенiе охватило всѣ классы общества—дворянство и буржуазiю, промышленные и торговые круги, горожанъ и сельское населенiе.

Рядомъ съ петицiоннымъ движенiемъ шла страстная агитацiя въ печати. Ванъ де Вейеръ, Нотомбъ, Дюкпетiо, Жоттранъ и особенно Луи Поттеръ въ *Нидерландскомъ курьерѣ* и *Бельгiйцѣ*, Бартельсъ въ гентскомъ *Католикѣ*, Лебо и Ш. Рожье въ люттихскомъ *Политикѣ*, другiе—въ *Маасскомъ курьерѣ* указывали на несправедливости правительства и защищали противъ него интересы бельгiйцевъ. *Маасскiй курьеръ* началъ въ 1828 году печатать рядъ статистическихъ матерiаловъ, гдѣ на основанiи точныхъ цифръ доказывалось, что всѣ видныя должности и званiя захвачены голландцами. Луи Поттеръ, мечтавшiй о роли бельгiйскаго О'Коннеля, помѣстилъ въ *Нидерландскомъ курьерѣ* два письма, которыя привели министерство въ ярость: „Донынѣ,—писалъ онъ,—травили iезуитовъ, теперь давайте срамить, безчестить, преслѣдовать министерскую клику!" Преданный суду за эти подстрекательства, онъ былъ приговоренъ къ полуторагодичному тюремному заключенiю и штрафу въ 100 флориновъ; но этотъ процессъ далъ ему случай публично вы-

разить жалобы бельгійскаго народа, и изъ тюремной камеры онъ продолжалъ атаковать правительство своими памфлетами; разосланный имъ во всѣ независимыя газеты адресъ, гдѣ онъ требовалъ „свободы во всемъ для всѣхъ“, жадно читался публикой, такъ же какъ и другія аналогичныя его писанія; на время онъ сталъ кумиромъ своихъ соотечественниковъ. Король Вильгельмъ I, обезпокоенный вліяніемъ, которое пріобрѣла оппозиціонная или, вѣрнѣе, „союзная“ печать, основалъ для самозащиты спеціальный органъ въ Брюсселѣ, *le National*, и во главѣ его поставилъ человѣка съ запятнанной репутаціей, родомъ итальянца, дважды осужденнаго во Франціи за подлоги и побывавшаго въ тулонской тюрьмѣ, циничнаго памфлетиста, способнаго все написать и все сдѣлать, — Либри-Баньяно. Чрезъ посредство этой газеты король разсчитывалъ покрыть позоромъ своихъ противниковъ; но онъ достигъ какъ разъ противоположнаго результата. Брань Либри-Баньяно и его бѣшеныя заявленія вродѣ того, что „на бельгійцевъ надо надѣть намордникъ, какъ на собакъ“, больше повредили, чѣмъ пособили защищаемому имъ дѣлу, и когда *Нидерландскій курьеръ* раздобылъ и напечаталъ у себя три секретныхъ указа, которыми король жаловалъ своему защитнику въ общей сложности 85.000 флориновъ изъ промышленнаго фонда,—это вызвало всеобщее негодованіе. Притомъ, выступленіе на арену Либри-Баньяно не устрашило публицистовъ „союза“. Въ прославившемся посланіи къ Генеральнымъ штатамъ король возвѣстилъ, что вскорѣ имъ представленъ будетъ проектъ новаго закона о печати, и безъ обиняковъ выразилъ все свое неудовольствіе; пользуясь случаемъ изложить „свое личное мнѣніе“ о дѣятельности правительства, онъ не постѣснился выставить свою власть неотвѣтственной: „Мы никогда не желали, — говорилось здѣсь,—неограниченно пользоваться правами нашего дома и ограничили ихъ *по нашему собственному побужденію*“. (11 декабря 1829). Въ то же время министръ юстиціи Ванъ Маненъ разослалъ своимъ подчиненнымъ циркуляръ, гдѣ требовалъ, чтобы они въ сорокъ восемь часовъ выразили согласіе съ принципами, изложенными въ королевскомъ посланіи. Этотъ актъ произвола немедленно произвелъ свое дѣйствіе: *Маасскій курьеръ* заявилъ, что посланіе представляетъ собою „манифестъ деспотизма противъ свободы“, а Поттеръ написалъ *Письмо Демофила къ королю*, гдѣ принципу суверенитета короны противопоставилъ принципъ суверенитета Хартіи и приходилъ къ заключенію, что, разъ король отвергъ конституцію, бельгійцы могутъ со своей стороны снова признать себя независимыми. Вскорѣ затѣмъ тотъ же Поттеръ вмѣстѣ съ нѣсколькими журналистами напечаталъ проектъ національной подписки съ цѣлью вознагражденія чиновниковъ, лишенныхъ должности по почетному обвиненію; тогда правительство рѣшило затѣять новый процессъ,—и Поттеръ былъ приговоренъ къ изгнанію на восемь лѣтъ, его корреспондентъ Тилемансъ и редакторъ *Католика* Бартельсъ—на семь, типографъ Неве, у котораго печаталась эта газета, — на пять (апрѣль 1830). Эта безсильная жестокость, разумѣется, только усилила злобу бельгійцевъ.

Тѣмъ временемъ оживилась дѣятельность оппозиціи въ Генеральныхъ штатахъ. Тщетно король отмѣнилъ нѣсколько ненавистныхъ мѣръ и обѣщалъ ввести въ дѣйствіе конкордатъ,—бельгійцы не желали мириться; вскорѣ они одержали даже неожиданную побѣду. Это случилось въ декабрѣ 1829 года во время обсужденія годичнаго и другого—десятилѣтняго бюджета: де Селль, де Брукеръ и Сюрлэ де Шокье произнесли рядъ блестящихъ рѣчей, и слова: „до удовлетворенія требованій—ни одного су!“ послужили лозунгомъ объединенія; кончи-

лось тѣмъ, что десятилѣтній бюджетъ, устанавливавшій пути и средства финансовой политики, былъ отвергнутъ во второй палатѣ большинствомъ 55 противъ 52 голосовъ. Королю пришлось удовольствоваться временнымъ бюджетомъ на годъ, принятымъ единогласно и отмѣнившимъ налогъ за помолъ. Это было тяжелое пораженіе, притомъ первое крупное пораженіе, понесенное Вильгельмомъ I въ Генеральныхъ штатахъ; онъ не скрывалъ своего гнѣва и смѣстилъ шесть сановниковъ, голосовавшихъ съ оппозиціей. Мало-по-малу между голландцами и бельгійцами дошло до настоящихъ враждебныхъ дѣйствій. Когда 18 мая 1830 года Генеральнымъ штатамъ были представлены два доклада на голландскомъ языкѣ, вопреки обычаю не разобранныхъ по-французски, одинъ изъ бельгійскихъ депутатовъ, Бартелеми, пригрозилъ своимъ сѣвернымъ коллегамъ поголовной отставкой южныхъ депутатовъ. Съ середины 1830 года весьма рѣзко стало намѣчаться сепаратистское движеніе.

Бельгійское возстаніе (августъ—октябрь 1830).—Въ такомъ возбужденномъ настроеніи застали общество извѣстія объ іюльской революціи въ Парижѣ. Это событіе не замедлило отразиться въ Брюсселѣ. Здѣсь въ августѣ должны были состояться большія празднества по случаю промышленной выставки; особенно пышное торжество готовилось на 24 августа, въ 59-ую годовщину рожденія короля. Заклятые враги правительства, въ томъ числѣ особенно адвокатъ Александръ Жандебіенъ, мечтавшій тогда о присоединеніи Бельгіи къ Франціи, рѣшили воспользоваться брюссельскими празднествами, чтобы вызвать возмущеніе. Король Вильгельмъ, пріѣхавъ въ Брюссель въ половинѣ августа, не придалъ никакой важности общему возбужденію и отвергъ просьбу генерала Биландта, губернатора южнаго Брабанта, о присылкѣ военнаго подкрѣпленія. Въ виду смѣлыхъ афишъ оппозиціи, возвѣщавшихъ программу возстанія: „Понедѣльникъ 23 августа—фейерверкъ, вторникъ 24-го—иллюминація, среда 25-го—революція“, власти ограничились тѣмъ, что отмѣнили иллюминацію 24 августа; но онѣ разрѣшили поставить на слѣдующій день оперу Скриба и Обера „*Нѣмая изъ Портичи*“, которая до тѣхъ поръ была запрещена и сюжетъ которой (мятежъ неаполитанца Мазаніелло противъ испанцевъ) неминуемо долженъ былъ дать публикѣ поводъ къ революціонной манифестаціи.

25 августа послѣ представленія этой оперы вспыхнулъ страшный мятежъ; толпа двинулась къ редакціи газеты *National* и къ дому министра Ванъ Манена, и подожгла ихъ; на слѣдующій день грабежи и пожары возобновились, а 27-го было поднято трехцвѣтное брабантское знамя (красно-желто-черное). За бунтомъ черни послѣдовали болѣе систематическія дѣйствія дворянства и буржуазіи; шайки поджигателей исчезли, и барономъ Гоогворстомъ и Карломъ Плетинксомъ была организована гражданская стража. Однако для нидерландскаго короля еще ничего не было потеряно: совѣщаніе бельгійскихъ нотаблей, собравшееся въ брюссельской ратушѣ, рѣшило только отправить къ нему пять делегатовъ (въ томъ числѣ Жандебіена) съ почтительнѣйшей просьбою выслушать жалобы бельгійскаго народа, отставить Ванъ Манена и созвать Генеральные штаты. Вильгельмъ I обнаружилъ, по обыкновенію, крайнюю нерѣшительность: колеблясь между желаніемъ наказать бунтовщиковъ и желаніемъ уладить дѣло мягкостью, онъ позволилъ своему старшему сыну, принцу Оранскому, отправиться въ Брюссель, не давъ ему однако никакого полномочія; естественно, что миротворная миссія принца потерпѣла полную неудачу: онъ былъ холодно принятъ и въ безплодныхъ переговорахъ только подорвалъ свою

популярность (1—3 сентября). Въ то же время король отпустилъ бельгійскихъ делегатовъ съ уклончивымъ отвѣтомъ. Правда, 3 сентября возвѣщена была отставка Ванъ Манена и вскорѣ созваны Генеральные штаты на экстренную сессію въ Гаагѣ. Но эти уступки явились слишкомъ поздно: партія возстанія съ каждымъ днемъ усиливалась въ южныхъ провинціяхъ; Шарль Рожье привелъ въ Брюссель отрядъ въ 300 человѣкъ, набранный въ Люттихѣ, и образовался комитетъ общественнаго спасенія, куда вошли Жандебіенъ, Ванъ де Вейеръ и Феликсъ Меродъ. Съ другой стороны, голландцы негодовали; они требовали репрессій, и арнгеймская газета говорила: „Къ оружію! Кровь мятежниковъ—не братская кровь!“ Когда Генеральные штаты собрались въ Гаагѣ, бельгійскіе депутаты подверглись оскорбленіямъ на улицахъ, и въ самомъ собраніи къ нимъ отнеслись пренебрежительно; тогда Герлахъ осмѣлился воскликнуть отъ ихъ лица, что если палата не обратитъ вниманія на ихъ ходатайства, то они не останутся праздными и равнодушными зрителями гибели своей родины. Спустя нѣсколько дней случились непоправимыя событія: принцу Фридриху, второму сыну короля, приказано было вступить въ Брюссель съ войскомъ въ 10.000 чел., и брюссельцы подъ руководствомъ Карла Плетинкса и нѣсколькихъ другихъ энергичныхъ вождей (Дюкпетіо, Эверарь, Грегуаръ и др.), взявшихъ на себя функціи комитета общественнаго спасенія, принялись ожесточенно защищаться; съ 21 по 26 сентября шла битва въ предмѣстьяхъ и на улицахъ города; осаждающимъ не помогло и то, что они послѣдовательно захватили Дюкпетіо, Эверара и Плетинкса, въ то время, когда послѣдніе одинъ за другимъ выступали парламентерами: сопротивленіе продолжалось съ тѣмъ же героизмомъ, и въ ночь съ 26 на 27 сентября принцъ Фридрихъ ретировался, а въ освобожденномъ городѣ власть перешла *къ временному правительству*, составившемуся изъ Эмиля Гоогворста, Рожье, Феликса Мерода, Жандебіена и Ванъ де Вейера; 28-го въ этотъ комитетъ съ торжествомъ вступилъ Луи Поттеръ, вернувшійся изъ Франціи.

Неудача принца Фридриха имѣла рѣшающее значеніе. Кровь павшихъ брюссельцевъ, которымъ воздвигнутъ былъ общій мавзолей на „Площади мучениковъ“, освятила дѣло революціи и сдѣлала безповоротнымъ разрывъ между бельгійцами и голландцами. Южныя провинціи возстали; бельгійскіе солдаты, состоявшіе на королевской службѣ, въ огромномъ большинствѣ оставлялись при воинскихъ частяхъ въ предѣлахъ своей провинціи, сообразно принятой въ королевствѣ системѣ помѣстныхъ наборовъ: и вотъ они всюду побратались съ повстанцами, разстроили полки, возбудили смуту въ гарнизонахъ, — и въ нѣсколько дней вся Бельгія была свободна, если не считать трехъ или четырехъ крѣпостей. 4 октября временное правительство заявило, что бельгійскія провинціи, „насильственно оторгнутыя Голландіей“, составляютъ независимое государство и что имѣетъ быть созванъ національный конгрессъ. Послѣдняя попытка, сдѣланная принцемъ Оранскимъ въ октябрѣ съ цѣлью вернуть Бельгію,—попытка, впрочемъ, столь же двоедушная, какъ и первая, кончилась ничѣмъ, заставивъ его только выслушать такой гордый отвѣтъ: „Революцію произвелъ народъ; народъ же прогналъ голландцевъ съ бельгійской почвы: онъ одинъ, а не принцъ Оранскій, и стоитъ во главѣ движенія, которое обезпечило его независимость и упрочитъ его политическое единство“. Вильгельмъ I измѣнилъ своимъ примирительнымъ обѣщаніямъ, призвавъ назадъ Ванъ Манена и ввѣривъ военное командованіе въ Антверпенѣ воинственному генералу Шассе. Временное правительство послало нѣсколько тысячъ

добровольцевъ съ порученіемъ возмутить этотъ городъ; Шассе принужденъ былъ очистить Антверпенъ, но подвергъ его бомбардировкѣ изъ цитадели (27 октября). Въ началѣ ноября независимость Бельгіи была фактически обезпечена; по горсти голландцевъ оставалось еще только въ Люксембургѣ и въ антверпенской цитадели.

Бельгійскій національный конгрессъ.—10 ноября 1830 г. торжественно открылся въ Брюсселѣ національный конгрессъ, созванный временнымъ правительствомъ. Онъ состоялъ изъ двухсотъ депутатовъ въ возрастѣ не ниже 25 лѣтъ, избранныхъ непосредственно гражданами, причемъ избирателемъ могъ быть 1) всякій бельгіецъ, или натурализованный, или осѣдло живущій въ Бельгіи шесть лѣтъ, 2) въ возрастѣ не ниже 25 лѣтъ, 3) подъ условіемъ податного ценза, который былъ различенъ въ разныхъ мѣстахъ и отъ котораго освобождали извѣстные гражданскіе и военные чины. На конгрессѣ были представлены всѣ классы общества; *католиковъ и либераловъ* оказалось почти равное число. Луи Поттеръ, старѣйшій по лѣтамъ членъ временнаго правительства, открылъ конгрессъ рѣчью, въ которой напомнилъ гнетъ голландцевъ, оправдывалъ революцію и изложилъ сдѣланное донынѣ временнымъ правительствомъ. Конгрессу предстояло упрочить независимость Бельгіи и довершить ея національное возрожденіе. На слѣдующій день конгрессъ сформировалъ свое бюро. Кандидатомъ католиковъ на постъ президента былъ Герлахъ, но онъ отказался поставить свое имя на баллотировку, и по третьему голосованію избранъ былъ 106 голосами баронъ Сюрлэ де Шокье изъ Люттиха. Это былъ умѣренный либералъ, человѣкъ 63 лѣтъ, лишенный всякаго честолюбія и благодаря своему привѣтливому характеру какъ нельзя лучше способный поддержать принципы „союза“. 12 ноября временное правительство сложило съ себя власть и до поры снова приняло ее по просьбѣ конгресса; этотъ актъ снисхожденія не понравился Поттеру, который требовалъ, чтобы временному правительству была предоставлена *законная* верховная власть; онъ подалъ въ отставку и удалился во Францію. Избавившись отъ этого неспокойнаго человѣка, конгрессъ принялся за работу. Онъ началъ съ того, что 18 ноября вотировалъ независимость Бельгіи, „не нарушая однако отношеній Люксембурга къ германской федераціи“: надо было не задѣть самолюбія европейскихъ державъ. Затѣмъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о формѣ правленія. Комиссія для составленія проекта конституціи, избранная въ октябрѣ, высказалась за монархію, на что Поттеръ замѣтилъ: „Не стоило проливать кровь изъ-за такого пустяка“. Послѣ бурныхъ преній, въ которыхъ особенно выдвинулся Нотомбъ, конгрессъ большинствомъ 174 противъ 13 голосовъ принялъ представительную монархію, а два дня спустя постановилъ навсегда устранить отъ бельгійскаго престола Нассаускій домъ (22—24 ноября). Послѣ этого онъ могъ не спѣша заняться выработкой отдѣльныхъ статей конституціи. Она была закончена и обнародована 7 февраля. По этой хартіи исполнительная власть принадлежитъ наслѣдственному королю, личность котораго неприкосновенна, и отвѣтственнымъ министрамъ, которыхъ назначаетъ и смѣняетъ король; королю предоставляется право распускать палаты подъ условіемъ назначенія новыхъ выборовъ въ сорокадневный срокъ. Законодательная власть принадлежитъ совмѣстно королю, палатѣ представителей, избираемыхъ на четыре года непосредственно гражданами, платящими не менѣе 20 флориновъ въ годъ податей, и сенату, члены котораго въ количествѣ вдвое меньшемъ избираются на 8 лѣтъ изъ числа лицъ не моложе 40 лѣтъ и платящихъ не менѣе 2000 флориновъ прямого налога. Судеб-

ная власть осуществляется пожизненными судьями, а въ области уголовныхъ и политическихъ дѣлъ — судомъ присяжныхъ. Вторая глава („Бельгийцы и ихъ права") содержала множество очень либеральныхъ пунктовъ, устанавливавшихъ свободу культовъ, обученія, печати, безусловное право образованія союзовъ и представленія петиций. Новый основной законъ былъ утвержденъ единогласно; для вступленія его въ дѣйствіе требовалось еще только согласіе Европы.

IV. — Бельгийское королевство (1830—1847).

Европа и бельгийская революція: лондонская конференція.—Событія, совершавшіяся въ Бельгіи, уже нѣсколько мѣсяцевъ занимали вниманіе державъ. Онѣ создали Нидерландское королевство; положеніе великаго герцогства Люксембургскаго между Вильгельмомъ I, бельгійцами и Германіей было крайне щекотливо; наконецъ, Нассаускій домъ былъ въ родствѣ съ русскимъ и прусскимъ царствующими домами. Вмѣшательство Европы казалось неизбѣжнымъ. Съ другой стороны, Франція, создавшая іюльскую монархію, не скрывала своихъ симпатій къ бельгійской революціи, и Англія не безъ удовольствія предвидѣла разложеніе Нидерландскаго королевства, лишь бы это событіе не принесло выгоды Франціи. Совсѣмъ другіе замыслы питала меттерниховская Австрія, но она была всецѣло поглощена итальянскими дѣлами. Оставались Россія и Пруссія; первая, можетъ быть, поддержала бы Вильгельма I, если бы ея не парализовало польское возстаніе; Пруссія же не рѣшалась дѣйствовать одна, да и категорическое предупрежденіе графа Молэ, что французы вступятъ въ Бельгію съ юга, лишь только пруссаки вторгнутся въ нее съ сѣвера, сразу подкосило ихъ воинственные замыслы. Такимъ образомъ, вооруженное вмѣшательство было невозможно, и приходилось улаживать вопросъ дипломатическимъ путемъ. По просьбѣ нидерландскаго короля, въ октябрѣ 1830 г. въ Лондонѣ собралась конференція посланниковъ пяти великихъ державъ; 4 ноября она предложила перемиріе, которое вскорѣ и было принято обѣими сторонами. Вильгельмъ I надѣялся, что его союзники поддержатъ созданную ими же „политическую систему". Но онъ жестоко ошибся. Всеобщее возбужденіе, обуревавшее Европу со времени іюльской революціи, принудило сѣверныхъ государей отказаться отъ принциповъ Священнаго союза, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Бельгіи,— и 20 декабря 1830 г. лондонская конференція объявила нидерландское королевство уничтоженнымъ.

Между тѣмъ Голландія съ негодованіемъ указывала на то, „какъ подрывается устойчивость всѣхъ троновъ", а бельгійскій конгрессъ заявлялъ притязаніе на лѣвый берегъ Шельды, на Лимбургъ и Люксембургъ. Конференція слѣдующимъ образомъ рѣшила эти вопросы въ своихъ протоколахъ отъ 20 и 27 января 1831 г.: Голландія возвращается къ своимъ границамъ 1790 года, а остальныя части Нидерландскаго королевства, исключая великаго герцогства Люксембургскаго, входятъ въ составъ Бельгіи; послѣдняя становится „навсегда нейтральною" и должна взять на себя около половины внѣшнихъ долговъ уничтоженнаго королевства. Эти постановленія были, въ территоріальномъ и финансовомъ отношеніяхъ, невыгодны для Бельгіи; и дѣйствительно, Вильгельмъ I принялъ ихъ, а брюссельскій конгрессъ заявилъ противъ нихъ протестъ.

Выборъ короля.—Бельгійцы думали, что смогутъ внушительнѣе торговаться съ Европою, когда выберутъ себѣ короля. Съ декабря было выставлено нѣсколько кандидатуръ; не считая принца Оранскаго, чье имя вопреки конституціи дерзнулъ назвать одинъ только депутатъ, Маклаганъ, всего больше вниманія привлекали

къ себѣ три соперника: Оттонъ Баварскій, второй сынъ короля Людвига; герцогъ Лейхтенбергскій, сынъ Евгенія Богарнэ, и герцогъ Немурскій, младшій сынъ Луи-Филиппа. Баварскій принцъ былъ устраненъ въ виду его юности, и на аренѣ остались только два соискателя: герцоги Лейхтенбергскій и Немурскій. Но перваго ни за что не хотѣла Франція по причинѣ его бонапартистскихъ связей, а кандидатуры второго она не могла допустить изъ страха возбудить противъ себя европейскую войну. Тѣмъ не менѣе конгрессъ выбралъ герцога Немурскаго 97 голосами, тогда какъ Лейхтенбергскій получилъ 74, эрцгерцогъ Карлъ—21 (3 февраля 1831). Но Луи-Филиппъ подавилъ въ себѣ отцовское чувство и отвергъ корону, предложенную его сыну. Тогда конгрессъ рѣшилъ впредь до нахожденія другого кандидата избрать регента, и 24 февраля исправляющимъ должность таковою былъ выбранъ баронъ Сюрлэ де Шокье.

Регентство не лучше обезпечило миръ странѣ, нежели временное правительство: одинъ за другимъ вспыхнули заговоры въ пользу Оранскаго дома—въ Гентѣ, Брюсселѣ, Антверпенѣ; не были организованы ни финансы, ни армія. Зато министрамъ иностранныхъ дѣлъ—Ванъ де Вейеру, потомъ Лебо—посчастливилось открыть будущаго бельгійскаго короля. Это былъ принцъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, тогда 41 года отъ роду, нѣмецъ родомъ, акклиматизированный въ Англіи благодаря своему браку съ принцессой Шарлоттой (ум. въ 1817 г.), космополитъ по своимъ вкусамъ, бродяжничеству вдоль и поперекъ Европы и родственнымъ связямъ со многими царствующими домами. За него говорило то, что онъ былъ и способенъ, и энергиченъ, и по душѣ большинству государей. Избраніе его въ короли конгрессомъ (4 іюня 1831 г.) значительно подвинуло къ рѣшенію бельгійскій вопросъ.

Восемнадцать статей и двадцать четыре статьи (іюнь—ноябрь 1831). — Леопольдъ не сразу принялъ предложенную ему корону. Онъ только-что отклонилъ корону Греціи, потому что послѣдняя казалась ему недостаточно обширнымъ государствомъ, и на бельгійскій престолъ онъ соглашался вступить лишь съ одобренія Европы и предварительнаго уговора съ нею на возможно выгодныхъ для него условіяхъ. Чтобы удовлетворить его, лондонская конференція выработала договоръ о 18 статьяхъ (26 іюня 1831): основныя начала, изложенныя въ январьскихъ протоколахъ, были подтверждены, но съ весьма осязательными измѣненіями: такъ, было рѣшено, что по вопросу о Люксембургѣ будутъ начаты отдѣльные переговоры, что Голландія и Бельгія могутъ обмѣняться взаимно захваченными клиньями земли и что долгъ будетъ подѣленъ сообразно его происхожденію. Когда конгрессъ утвердилъ эти 18 статей, Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій выѣхалъ изъ Лондона и 21 іюля, при восторженныхъ кликахъ, былъ торжественно провозглашенъ въ Брюсселѣ королемъ.

Но эта радость длилась недолго: 2 августа Бельгія была потрясена извѣстіемъ, что голландское войско перешло границу. Раздраженный уступками, которыя были сдѣланы Леопольду, Вильгельмъ I рѣшилъ прибѣгнуть къ оружію, чтобы добиться уничтоженія 18 статей. Эта десятидневная кампанія (2—12 августа 1831) явилась для бельгійцевъ, разбитыхъ во всѣхъ стычкахъ, страшнымъ униженіемъ и имѣла для нихъ тяжелыя послѣдствія; правда, призванное ими на помощь французское войско безъ боя заставило голландцевъ отступить, но Европа жестко отнеслась къ побѣжденнымъ и, когда они вздумали сослаться на іюньскія 18 статей, она въ отвѣтъ предписала имъ новыя 24 статьи отъ октября 1831 года: Бельгіи предоставлялась лишь часть Люксембурга въ обмѣнъ части Лимбурга;

Шельда объявлена свободной подъ условіемъ уплаты извѣстныхъ пошлинъ Голландіи, раздѣлъ государственнаго долга произведенъ обременительнымъ для Бельгіи образомъ. Бельгійскія палаты сначала было возстали противъ этихъ тяжелыхъ условій, но въ первыхъ числахъ ноября дали согласіе, понявъ, какую опасность можетъ навлечь на страну это ихъ сопротивленіе волѣ Европы. Зато договоръ о 24 статьяхъ, заключенный въ Лондонѣ 15 ноября и ратификованный послѣдовательно Франціей, Англіей, Австріей, Пруссіей и Россіей (ноябрь 1831—май 1832), гарантировалъ новое королевство противъ нападеній со стороны Голландіи и обезпечилъ ему долговѣчность.

Окончательное устройство Бельгійскаго королевства.—Бельгійцы думали, что договоромъ 15 ноября 1831 года ихъ конфликтъ съ голландцами законченъ. Но Вильгельмъ I, ободренный результатомъ своихъ военныхъ успѣховъ, рѣшилъ продолжать борьбу въ надеждѣ еще на бо́льшія выгоды и, когда ему предложили очистить Антверпенъ,—отказался. Державы поняли, что его придется силою принудить къ этому, но такъ какъ онѣ не могли столковаться насчетъ способовъ воздѣйствія, то Франція и Англія рѣшили дѣйствовать однѣ. Ихъ флоты блокировали берега Нидерландскаго королевства, и французское войско подъ командою маршала Жерара осадило антверпенскую цитадель; послѣдняя сдалась послѣ трехнедѣльнаго сопротивленія, и гарнизонъ ея былъ взятъ въ плѣнъ (декабрь 1832). Голландію, разумѣется, очень скоро начала стѣснять блокада ея береговъ, и она предложила миръ; соглашеніе, заключенное въ Лондонѣ 21 мая 1833 года, возстановило ея дружескія отношенія съ Франціей и Великобританіей и прекратило военныя дѣйствія между нею и Бельгіей; Шельда и Маасъ впредь до заключенія окончательнаго договора были объявлены безусловно открытыми для торговли. Вопросъ о навигаціи по Маасу былъ въ подробностяхъ урегулированъ соглашеніемъ между Бельгіей и Голландіей, заключеннымъ 18 ноября въ Цонговенѣ (въ Лимбургѣ). Будучи довольна этими временными порядками и видя, что голландскій король не имѣетъ охоты мѣнять ихъ на что-нибудь другое, лондонская конференція закрылась, не давъ полной санкціи сдѣланному ею.

Лишь 14 марта 1838 года Вильгельмъ I заявилъ, что принимаетъ 24 статьи. Договоръ 1831 года былъ для него несравненно выгоднѣе, нежели порядокъ, установленный въ 1833 году, и бельгійцы пришли въ сильное волненіе, узнавъ, что они должны отказаться отъ неправильно удержанныхъ ими земель въ Лимбургѣ и Люксембургѣ и отъ льготъ, которыми они издавна пользовались фактически. Но этого требовали державы; лишь съ трудомъ удалось министру иностранныхъ дѣлъ Тею добиться облегченія нѣкоторыхъ условій, особенно пункта о раздѣлѣ долговъ: договоръ, заключенный въ Лондонѣ 19 апрѣля 1839 года между Голландіей и Бельгіей, возложилъ на послѣднюю только ренту въ 5 милл. флориновъ. Окончательный договоръ, заключенный Бельгіей въ Гаагѣ 5 ноября 1842 года съ сыномъ и преемникомъ Вильгельма I (вступившимъ на престолъ въ 1840 г.), уладивъ всѣ разногласія по вопросамъ о границѣ между обоими королевствами, о навигаціи по ихъ рѣкамъ и объ ихъ финансовыхъ обязательствахъ, ознаменовалъ собою ихъ окончательное примиреніе. И только съ этого момента Бельгійское королевство можетъ считаться вполнѣ организованнымъ.

Бельгія съ 1831 по 1847 г.—Первая половина царствованія Леопольда I была для Бельгіи эпохою сосредоточенія силъ. По окончаніи своей борьбы съ Голландіей новое государство принимало лишь ничтожное участіе въ международныхъ дѣлахъ: въ восточномъ вопросѣ и въ исторіи испанскихъ браковъ, гдѣ одинъ

изъ Кобурговъ домогался руки Изабеллы, Леопольдъ I держался крайне осторожно, руководясь прежде всего заботою о сохраненіи всеобщаго мира. Торговые договоры, заключенные въ 1844 г. съ государствами нѣмецкаго Zollverein'а, въ 1845 г.— съ Франціей и въ 1846 г.—съ Голландіей, упрочили его сердечныя отношенія къ сосѣдямъ, съ которыми его уже раньше связывали узы родства или дружбы: Леопольдъ I приходился дядей англійской королевѣ Викторіи и принцу Альберту, равно какъ и мужу португальской королевы, и, женившись въ 1832 г. на Луизѣ Орлеанской, сталъ зятемъ Луи-Филиппа; кромѣ того, онъ находился въ прекрасныхъ личныхъ отношеніяхъ съ прусской королевской семьей; его громадная опытность и замѣчательное знаніе людей придавали большую цѣнность его совѣтамъ и обезпечивали ему сравнительно большое вліяніе на судьбы Европы.

Внутри онъ старался организовать и укрѣпить свое королевство; армія была предметомъ его особенныхъ заботъ и съ помощью Ш. Брукера, а потомъ генерала Эвена онъ сумѣлъ довести ее до внушительныхъ размѣровъ: въ 1847 году она насчитывала болѣе 100.000 чел. на военномъ положеніи и опиралась на крупный резервъ. Правительство поощряло промышленность и торговлю и съ 1834 года провело цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ. Къ несчастію, казна была истощена, а парламентскія субсидіи не могли предотвратить банкротства банка, которое случилось въ 1839 году: это была ахиллесова пята правительства, дѣятельность котораго во всѣхъ остальныхъ сферахъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Народное образованіе значительно развилось. Въ области высшаго образованія два государственныхъ университета—въ Гентѣ и Люттихѣ — выдерживали конкуренцію двухъ свободныхъ университетовъ—католическаго въ Лувенѣ и либеральнаго въ Брюсселѣ; для средняго существовало множество коллежей и атенеевъ, наконецъ начальному образованію былъ данъ новый толчокъ къ развитію.

Правленіе Леопольда быстро стяжало себѣ популярность, и король сумѣлъ упрочить за собою пріобрѣтенныя имъ симпатіи. По мѣрѣ возможности онъ держалъ себя убѣжденнымъ *уніонистомъ*, стараясь соединять въ своихъ министерствахъ католиковъ и либераловъ и держать въ равновѣсіи обѣ эти партіи; и до 1840 г. эта политика ему удавалась: таковы были кабинеты Мюленара, генерала Гоблэ, де Тея. Но потомъ, когда всякая внѣшняя опасность исчезла, партійный антагонизмъ началъ выступать рѣзче: послѣ либеральнаго кабинета Лебо въ 1840 г. Леопольдъ I тщетно пытался снова образовать *смѣшанныя* министерства вродѣ кабинета Нотомба или Ванъ де Вейера; законъ 1842 г. о начальномъ обученіи, ввѣрившій преподаваніе закона Божія въ школахъ церкви подъ надзоромъ государства, обострилъ вражду между католиками и либералами, и отъ системы объединенія силъ пришлось отказаться. Образованное въ 1846 г. католическое министерство де Тея пало въ слѣдующемъ году подъ ударами либеральнаго *союза*, и король призвалъ къ власти Ш. Рожье съ однороднымъ либеральнымъ кабинетомъ. Съ этого момента благодаря корректности короля начинается для Бельгіи эра парламентскаго правленія, гдѣ либералы и католики смѣняютъ другъ друга во власти, какъ виги и тори въ Англіи. И это является, можетъ быть, главнымъ событіемъ въ политической исторіи Бельгіи за данный періодъ.

Глава IX.

Францiя.

Iюльская монархiя.

1830—1847.

Луи-Филиппъ.—Луи-Филиппу, котораго 219 депутатовъ, представлявшихъ около 100.000 избирателей, провозгласили королемъ французовъ, въ 1830 году было пятьдесятъ семь лѣтъ. Сынъ Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Орлеанскаго, прозваннаго во время великой французской революцiи Филиппомъ-Эгалитэ, онъ сначала носилъ титулъ герцога Шартрскаго.

Въ 1789 году ему не исполнилось еще даже шестнадцати лѣтъ; слишкомъ юный для того, чтобы играть какую-нибудь политическую роль, онъ при первыхъ же слухахъ о начавшейся войнѣ поспѣшилъ принять начальство надъ ему же принадлежавшимъ драгунскимъ полкомъ; онъ участвовалъ въ сраженiяхъ при Вальми, Жемаппѣ и Неервинденѣ, обнаруживши при этомъ замѣчательную храбрость. Послѣ измѣны Дюмурье герцогъ Шартрскiй, котораго народная молва признавала сообщникомъ вѣроломнаго генерала, покинулъ французскую армiю, чтобы спастись отъ грозившаго ему наказанiя, но отказался поднять оружiе противъ своего отечества.

Ненавидимый своими родственниками и всѣми эмигрантами, онъ уѣхалъ въ Швейцарiю, гдѣ жилъ уроками, которые онъ давалъ въ Рейхенауской гимназiи; послѣ путешествiя по Европѣ и Сѣверной Америкѣ, Луи-Филиппъ поселился въ Англiи и жилъ въ Твикнемѣ на пенсiю (50.000 франковъ), выдававшуюся ему британскимъ правительствомъ. Его протестъ противъ казни герцога Энгiенскаго подготовилъ почву для примиренiя его съ Бурбонами. Въ 1809 году онъ въ Палермо вступилъ въ бракъ съ Марiей-Амалiей, дочерью неаполитанскаго эксъ-короля Фердинанда. Вернувшись послѣ первой реставрацiи во Францiю, онъ добился отъ Людовика XVIII возвращенiя ему всѣхъ имуществъ, которыя принадлежали его семейству и которыя не были еще проданы, но не получилъ титула королевскаго высочества. Во время Ста дней онъ бѣжалъ въ Англiю и, несмотря на настоянiя гентскаго двора, держался въ сторонѣ отъ него.

Но Бурбоны не очень-то сердились на него по этому поводу. Карлъ X при своемъ вступленiи на престолъ пожаловалъ Луи-Филиппу титулъ, въ которомъ ему отказывалъ Людовикъ XVIII, и утвердилъ въ законѣ о цивильномъ листѣ противозаконные указы, предоставившiе герцогу Орлеанскому имущества, на которыя по-

О. Верне.

Луи Филиппъ и его сыновья.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

слѣдній не имѣлъ ровно никакого права. А между тѣмъ онъ велъ себя почти такъ же, какъ и во время Ста дней; не выступая въ качествѣ открытой оппозиціи, онъ заперся въ Пале-Роялѣ и принималъ у себя вожаковъ либеральной партіи: генерала Фуа, банкира Жака Лаффита, Дюпонъ де л'Эра, Тьера и даже самого Беранже. Сыновей своихъ онъ посылалъ въ гимназію Генриха IV; это доставило ему извѣстную популярность въ средѣ буржуазіи, весьма польщенной тѣмъ, что ея дѣти сидятъ рядомъ съ принцами крови. Его простота, скромная и полная достоинства жизнь, его семейныя добродѣтели окончательно завоевали ему симпатіи общества; привѣтливый, добродушный, охотникъ покалякать со встрѣчными, онъ любилъ прогуливаться по улицамъ Парижа одинъ съ зонтикомъ подъ мышкой; при этомъ онъ отличался способностью находить кстати мѣткое слово, которое скоро становилось ходячимъ.

Согласившись принять званіе намѣстника королевства, онъ отправился въ городскую ратушу, гдѣ онъ велѣлъ доложить о себѣ, какъ о „національномъ гвардейцѣ, который пришелъ повидаться съ своимъ бывшимъ генераломъ", Лафайетомъ. Даже сдѣлавшись королемъ, онъ въ первое время продолжалъ свои прогулки по Парижу, останавливался поболтать съ рабочими, пожать имъ руку и выпить съ ними стаканъ вина. Поселившись въ Тюильри, онъ началъ задавать тамъ празднества, которыя вначалѣ носили чисто мѣщанскій характеръ; иногда королева, окруженная родственниками и фрейлинами, принимала посѣтителей, не разставаясь съ иголкой. Омнибусы могли въѣзжать во дворъ Тюильрійскаго дворца, а мундиръ офицера національной гвардіи открывалъ своему обладателю свободный доступъ въ „Замокъ". Все это нравилось богатымъ буржуа, которыхъ Луи-Филиппъ привлекалъ къ себѣ, ловко играя на стрункѣ ихъ тщеславія — любви къ миру и матеріальному благосостоянію.

А между тѣмъ король обладалъ цѣльнымъ и твердымъ характеромъ, необычайнымъ упорствомъ и властолюбіемъ. Хотя престолъ достался ему благодаря революціи, онъ въ глубинѣ души не могъ однако примириться съ мыслью о томъ, что національное представительство должно пользоваться такой же властью, какъ и корона. Принципъ „король царствуетъ, но не управляетъ" былъ ему такъ же ненавистенъ, какъ и Карлу X. Охотно щеголяя при случаѣ титуломъ „короля-гражданина", онъ вмѣстѣ со многими „доктринерами" и своими совѣтниками склоненъ былъ полагать, что іюльская революція должна была ограничиться перемѣной личности монарха и частичнымъ обновленіемъ правительственнаго персонала, но не должна была имѣть другихъ политическихъ послѣдствій. По мнѣнію Луи-Филиппа, за исключеніемъ легкихъ измѣненій въ Хартіи, ни въ какихъ реформахъ режимъ, созданный Бурбонами въ 1815 году, не нуждался, а страна должна была чувствовать себя вполнѣ удовлетворенной, если вліяніе и господство родовой аристократіи будетъ замѣнено вліяніемъ и господствомъ денежной аристократіи.

Если въ первые годы своего царствованія Луи-Филиппъ и скрывалъ свои завѣтныя мысли, то тѣмъ не менѣе онъ систематически и упорно стремился къ установленію системы личнаго правленія, имѣющаго цѣлью сохраненіе установленнаго порядка. Его упорство увѣнчалось успѣхомъ, но эта побѣда, едва намѣтившаяся въ 1837 году и окончательно достигнутая въ 1840 году, далась ему не безъ борьбы. Такимъ образомъ царствованіе Луи-Филиппа дѣлится какъ бы на двѣ части: героическій періодъ конфликтовъ, продолжающійся до 1840 года, и затѣмъ періодъ полнаго внѣшняго спокойствія, характеризующійся торжествомъ личной

и упорно консервативной политики Луи-Филиппа и продолжавшійся вплоть до катастрофы 1848 года.

I.—Героическій періодъ.

Противники Луи-Филиппа.—Королю приходилось вести борьбу съ противниками двоякаго рода: во-первыхъ, съ *легитимистами*, а во-вторыхъ, съ *республиканцами*.

Для легитимистовъ Луи-Филиппъ являлся *узурпаторомъ*, который измѣннически похитивъ корону у герцога Бордоскаго, имѣвшаго право на престолъ благодаря двойному отреченію—Карла X и герцога Ангулемскаго въ Рамбулье. Эта партія, не имѣвшая многихъ сторонниковъ, рекрутировалась среди парижской аристократіи, а въ провинціи среди сельскаго дворянства, и почти вездѣ открыто поддерживалась духовенствомъ; сильнѣе всего легитимисты были въ Вандеѣ, гдѣ масса крестьянъ оставалась вѣрна легитимной монархіи. Это была партія салоновъ и исповѣдальни, способная на закулисныя интриги, на безплодную парламентскую оппозицію, пожалуй, на дѣтскіе, романтическіе заговоры, но не угрожавшая узурпатору какой-нибудь серьезной опасностью, такъ какъ въ Парижѣ легитимисты никогда не посмѣли бы выйти на улицу, а если бы они и отважились на это, то вся страна поднялась бы противъ нихъ, какъ одинъ человѣкъ.

Гораздо болѣе опасной была для Луи-Филиппа республиканская партія. Она не располагала такими финансовыми средствами, какъ легитимисты, но зато она насчитывала въ своихъ рядахъ рѣшительныхъ политическихъ дѣятелей; она доставила іюльской революціи первыхъ солдатъ и самыхъ энергичныхъ бойцовъ. Входившая въ ея составъ рѣшительная молодежь, мало дорожившая своей жизнью, не только не держалась въ сторонѣ отъ народа, какъ это дѣлали легитимисты, съ презрѣніемъ относившіеся къ черни, но шла къ рабочимъ и старалась слиться съ ними. Многіе изъ нихъ раньше принадлежали къ карбонаріямъ и прекрасно понимали все важное значеніе тайныхъ обществъ, въ которыя объединялись во всѣхъ странахъ противники существующаго режима.

Французскіе республиканцы организовали цѣлый рядъ тайныхъ обществъ: „Друзей народа“, „Правъ человѣка“, „Семействъ“, „Временъ года“ въ Парижѣ и „Мютюелистовъ“ (обществъ взаимопомощи) въ Ліонѣ. Правительство закрывало эти общества и возбуждало противъ ихъ основателей судебныя преслѣдованія, но на мѣсто одного распущеннаго общества немедленно возникало новое. Самымъ грознымъ изъ этихъ обществъ было общество „Правъ Человѣка“; оно организовало большія возстанія въ Парижѣ и въ Ліонѣ въ іюнѣ 1832 г. и въ апрѣлѣ 1834 г. По своей организаціи оно напоминало карбонаріевъ; оно дѣлилось на секціи, состоявшія изъ двадцати человѣкъ и имѣвшія каждая своего начальника и его помощника; совокупность извѣстнаго числа секцій составляла „серію“.

Подобно легитимистамъ, республиканцы смотрѣли на Луи-Филиппа, какъ на узурпатора. Палата, вручившая ему корону, во-первыхъ, была тогда не въ полномъ составѣ и до того была распущена Карломъ X, а во-вторыхъ, не получила отъ избирателей полномочія назначить короля; она дарила то, что ей вовсе не принадлежало, а Луи-Филиппъ въ глазахъ республиканцевъ являлся избранникомъ не Франціи и даже не тѣхъ 100.000 избирателей, которые составляли „легальную страну“, а какихъ-нибудь 219 политикановъ. Безспорно, король совершилъ огромную ошибку, не предложивши своего избранія на утвержденіе народа, который на другой день послѣ революціи навѣрно привѣтствовалъ бы его выборъ единогласно.

Кромѣ того, республиканцы въ концѣ

концовъ примирились бы съ сохраненіемъ монархіи, если бы эта монархія попыталась быть „лучшей изъ республикъ", какъ это обѣщано было народу въ городской ратушѣ; они не выказали бы особенной требовательности въ вопросѣ объ этикеткѣ, если бы имъ сдѣланы были уступки по существу. Первоначально ихъ требованія не шли дальше предоставленія избирательнаго права возможно большему числу французскихъ гражданъ, отмѣны наслѣдственнаго пэрства, возвращенія націи права выбирать членовъ верхней палаты, муниципальныхъ и департаментскихъ совѣтовъ. И только впослѣдствіи республиканцы внесли въ свою програму требованіе всеобщаго избирательнаго права.

Бонапартистская партія не существовала при жизни герцога Рейхштадтскаго, имя котораго было упомянуто въ городской ратушѣ только какъ-то мимоходомъ. Лица, занимавшія при Имперіи высокіе посты, поспѣшили послѣдовать примѣру маршаловъ и большей частью примкнули къ Луи-Филиппу, когда убѣдились, что они получатъ отъ него тѣ же выгоды, на какія они могли разсчитывать въ случаѣ возстановленія имперіи. Что же касается рядовыхъ бонапартистовъ, оставленныхъ на произволъ судьбы и лишенныхъ всякаго руководства, то одни изъ нихъ, какъ и во время Реставраціи, шли за республиканцами и вмѣстѣ съ ними боролись противъ іюльской монархіи, а другіе совершенно не вмѣшивались въ политическую жизнь вплоть до того момента, когда принцъ Луи-Наполеонъ, сдѣлавшійся наслѣдникомъ наполеоновскихъ претензій, приступилъ къ организаціи бонапартистской партіи.

Правительственныя партіи. Первое министерство.—Между людьми, доставившими престолъ Луи-Филиппу, далеко не существовало полнаго политическаго единомыслія. Одни, приближавшіеся къ республиканцамъ, настаивали на необходимости реформаторской и демократической политики и составили такъ называемую *партію движенія*. Когда въ различныхъ странахъ Европы вспыхнули вызванныя іюльской революціей возстанія, то дѣятели этой партіи потребовали, чтобы Франція, вѣрная своей революціонной традиціи, выступила защитницей народовъ противъ монарховъ. Лаффитъ, Лафайетъ и Одилонъ Барро были самыми выдающимися представителями этого политическаго направленія.

Но Луи-Филиппъ не симпатизировалъ такой политической программѣ. Напротивъ, онъ всѣми силами старался успокоить европейскихъ монарховъ и заставить ихъ возможно скорѣе забыть о томъ, что онъ получилъ свою корону благодаря бунту; всѣ его симпатіи были на сторонѣ дѣятелей *партіи сопротивленія*, которые вмѣстѣ съ Гизо, герцогомъ Бройлемъ и Казимиромъ Перье, полагали, что революція закончена 9 августа. Тѣмъ не менѣе король не рѣшился сразу открыто порвать съ крайними либералами; онъ нуждался въ укрѣпленіи своей власти и въ нѣкоторомъ успокоеніи волновавшагося Парижа.

Поэтому первое министерство іюльской монархіи, сформированное съ такимъ расчетомъ, чтобы дать удовлетвореніе всѣмъ направленіямъ, содѣйствовавшимъ вступленію Луи-Филиппа на престолъ, состояло изъ самыхъ пестрыхъ элементовъ. Какъ на это вѣрно было указано [1]), въ лицѣ этого кабинета мы имѣемъ дѣло съ „длинной афишей, на которой проставленъ былъ безъ указанія спеціальныхъ ролей цѣлый рядъ всевозможныхъ именъ какъ бы для того, чтобы дать всему обществу гарантіи и надежды". Въ министерствѣ фигурировали бокъ о бокъ Лаффитъ, Дюпонъ де л'Эръ, Биньонъ, генералъ Жераръ, Молэ, баронъ Луи, Себастіани, Казимиръ Перье, Дюпенъ, Гизо и герцогъ

1) Bardoux. *La bourgeoisie française.*

Бройль. Главное командованіе всей національной гвардіей королевства поручено было Лафайету, а Сенская префектура—Одилону Барро. Само собою разумѣется, что при такомъ пестромъ составѣ министерство это было недолговѣчно, и въ ноябрѣ изъ него вышли всѣ представители партіи сопротивленія вслѣдствіе волненій, вызванныхъ въ Парижѣ процессомъ министровъ Карла X.

Процессъ министровъ. — Изъ числа министровъ, подписавшихъ іюльскіе ордонансы, четверо, а именно Полиньякъ, Пейроннэ, Шантелозъ и Гернонъ-Ранвиль, были схвачены и посажены въ Венсенскій фортъ. Въ концѣ сентября палата постановила предать ихъ суду; по мнѣнію многихъ іюльскихъ бойцовъ, соучастники Карла X заслуживали смертной казни, но Луи-Филиппъ, чувствовавшій отвращеніе къ кровавымъ мѣрамъ, и масса выдающихся дѣятелей въ палатахъ и въ странѣ хотѣли избѣжать этой ненужной мести. Еще въ августѣ Викторъ де Траси внесъ въ парламентъ предложеніе объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія; 8 октября это предложеніе было возобновлено Кератри и поддержано Лафайетомъ. Палата почти единогласно вотировала адресъ, въ которомъ она предлагала королю „взять на себя благодѣтельную иниціативу этой реформы“, а Луи-Филиппъ заявилъ, что высказанное ему пожеланіе давно уже составляетъ предметъ его задушевныхъ мечтаній. Такъ какъ министерство предвидѣло, что это предложеніе возбудитъ въ Парижѣ страшное негодованіе, то оно 10 октября провело законъ, назначавшій пенсіи семьямъ іюльскихъ жертвъ и открывавшій Домъ Инвалидовъ для раненыхъ.

Но эти мѣры не оказали никакого дѣйствія. Рабочіе предмѣстій, возбужденные зажигательными рѣчами, двинулись 17 октября въ городъ съ криками: „Смерть министрамъ!“ и дошли до Пале-Рояля; 18 октября тысяча вооруженныхъ людей напали на Венсенскій фортъ, угрожая захватить заключенныхъ тамъ министровъ, но находившійся тамъ генералъ Домениль заявилъ, что если они ворвутся въ ворота, то онъ прикажетъ взорвать фортъ на воздухъ. На слѣдующій день Одилонъ Барро издалъ прокламацію, въ которой призывалъ народъ къ спокойствію, но въ то же время называлъ неумѣстнымъ предложеніе, направленное къ отмѣнѣ смертной казни. А когда министры, принадлежавшіе къ партіи сопротивленія, хотѣли потребовать увольненія сенскаго префекта, то Лафайетъ и Дюпонъ де л'Эръ тоже начали угрожать выходомъ въ отставку.

Луи-Филиппъ еще не считалъ себя настолько сильнымъ, чтобы обойтись безъ ихъ поддержки; съ другой стороны, онъ полагалъ, что самымъ вѣрнымъ средствомъ для скорѣйшаго ослабленія партіи движенія будетъ предоставленіе всей власти исключительно представителямъ этой партіи; поэтому онъ рѣшилъ разстаться съ герцогомъ Бройлемъ, Молэ, Дюпеномъ, Гизо и Казиміромъ Перье,—и 3 ноября Лаффитъ составилъ новый кабинетъ, въ который вошли Монталиве, маршалъ Мезонъ, а черезъ нѣкоторое время Сультъ и д'Аргу. Новый кабинетъ отличался не болѣе однороднымъ составомъ чѣмъ предшествовавшій, но ничтожество коллегъ обезпечивало Лаффиту и Дюпонъ де л'Эру преобладающее вліяніе въ министерствѣ.

Процессъ министровъ начался 15 декабря передъ палатой пэровъ, превращенной въ верховный судъ; онъ продолжался до 21 декабря. Въ эти дни народное волненіе вокругъ Люксембургскаго дворца не прекращалось; особенно велика была опасность 20, 21 и 22 декабря. Приговоръ, по которому министры осуждались на вѣчное тюремное заключеніе, привелъ народную массу въ крайнее негодованіе, такъ что 22 декабря пришлось поставить на ноги всю париж-

скую національную гвардію и весь парижскій гарнизонъ. Воспитанники Политехнической школы и студенты расхаживали по всему городу, рекомендуя народу спокойствіе; эти увѣщанія, твердое и сдержанное поведеніе войска, увѣренность агитаторовъ въ томъ, что всякая попытка вооруженнаго возстанія приведетъ лишь къ безполезному побоищу, — все это дало возможность избѣжать кровопролитнаго столкновенія.

Счастливый исходъ этого дѣла долженъ быть, казалось бы, укрѣпить положеніе либераловъ въ правительствѣ. Но, когда опасность миновала, и министры Карла X были спасены, реакція не сочла нужнымъ дольше церемониться съ представителями партіи движенія. Въ то время, какъ король въ открытомъ письмѣ благодарилъ Лафайета за поданный имъ во время процесса „примѣръ мужества, патріотизма и уваженія къ законамъ", палата, обсуждавшая законъ объ организаціи національной гвардіи, 24 декабря постановила упразднить званіе коменданта всей національной гвардіи Франціи, принадлежавшее Лафайету. Это рѣшеніе палаты глубоко оскорбило Лафайета, и онъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, даже не дожидаясь передачи закона на разсмотрѣніе верхней палаты. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ въ отставку Дюпонъ де л'Эръ, такъ что Лаффитъ остался единственнымъ представителемъ партіи движенія въ министерствѣ.

Антиклерикальная реакція. — Въ этой атмосферѣ всеобщей сумятицы и своего рода правительственной анархіи, порождаемой господствомъ разногласій между министрами и королемъ, партизаны старшей линіи Бурбоновъ, такъ называемые *карлисты*, начали поднимать голову. 14 февраля 1831 года они устроили въ самомъ центрѣ Парижа манифестацію по случаю годовщины смерти герцога Беррійскаго; въ церкви Сенъ - Жерменъ л'Оксеруа отслужена была панихида; въ пользу солдатъ королевской гвардіи, раненыхъ во время іюльскихъ дней, собирались деньги. Не успѣла кончиться церковная служба, какъ явилась толпа, состоявшая главнымъ образомъ изъ буржуа. Въ присутствіи національныхъ гвардейцевъ, стоявшихъ въ сторонѣ въ качествѣ хладнокровныхъ зрителей, церковь и домъ священника были разграблены во мгновеніе ока. Затѣмъ толпа бросилась къ архіерейскому дому, который на этотъ разъ удалось отстоять; но на слѣдующій день, въ виду недостаточности предохранительныхъ мѣръ, домъ архіепископа былъ разграбленъ до основанія, а одно время можно было даже опасаться за участь собора Парижской Богоматери.

Эти событія разбудили всю ненависть народа къ Бурбонамъ и повлекли за собой настоящій взрывъ ярости противъ духовенства. Вся злоба, которая накопилась противъ конгрегацій въ теченіе предшествовавшаго режима, теперь вырвалась наружу. Такъ какъ духовенство объявило себя солидарнымъ съ легитимной монархіей, то мѣщанская монархія приняла антиклерикальный и вольтеріанскій характеръ. Въ Лиллѣ, Перпиньянѣ, Нимѣ, Дижонѣ и Арлѣ произошли безпорядки, аналогичные парижскимъ: кресты миссій срубались, а священники подвергались публичнымъ оскорбленіямъ. Въ Парижѣ лиліи была соскоблены со всѣхъ памятниковъ и даже съ государственнаго герба, а Луи-Филиппъ не рѣшался публично показываются на литургіи.

Эти безпорядки нашли отголосокъ въ палатѣ. Гизо обвинялъ правительство въ томъ, что оно вступило въ союзъ съ бунтовщиками. Правда, что нѣкоторые члены правительства вели себя чрезвычайно странно; Тьеръ, занимавшій тогда постъ помощника государственнаго секретаря, находился въ толпѣ передъ домомъ архіепископа и уговаривалъ національныхъ гвардейцевъ не вмѣшиваться

въ это дѣло, а министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве въ прокламаціи, опубликованной 16 февраля, находилъ, что чувство негодованія, толкнувшее народъ къ безпорядкамъ, вызвано было, „къ сожалѣнію, основательными мотивами". Но чтобы дать удовлетвореніе партіи сопротивленія, онъ уволилъ сенскаго префекта, Одилона Барро, и префекта полиціи, Бо́да. Такимъ образомъ либералы постепенно теряли въ правительствѣ одну позицію за другой; окончательно потеряли они власть благодаря осложненіямъ во внѣшней политикѣ.

Паденіе министерства Лаффита.—Вопреки мнѣнію Лаффита, король въ началѣ февраля не разрѣшилъ своему сыну, герцогу Немурскому, принять бельгійскую корону, предложенную ему брюссельскимъ конгрессомъ; точно такъ же онъ отказался вмѣшаться въ пользу Польши. Тѣмъ временемъ въ Романьѣ вспыхнуло возстаніе противъ папы, и Австрія собиралась послать туда свои войска. Лаффитъ, который 1 декабря произнесъ въ палатѣ большую рѣчь и при этомъ воскликнулъ, что „Франція не допуститъ нарушенія принципа невмѣшательства", заявилъ, что „если австрійцы займутъ Модену, то война возможна; если они вступятъ въ Папскія владѣнія, то она вѣроятна, а если они нападутъ на Пьемонтъ, то война несомнѣнна". На это Меттернихъ отвѣтилъ: „Мы двинемъ войска во всѣ тѣ пункты, гдѣ произойдетъ возстаніе. Если это вмѣшательство должно вызвать войну, ну что-же! мы не остановимся и передъ войной". Луи-Филиппъ отказался поднять брошенную ему перчатку, и Лаффитъ подалъ прошеніе объ отставкѣ.

Законодательная дѣятельность министерства Лаффита.—Въ министерство Лаффита приняты были три важные закона, дополнявшіе Хартію; законъ муниципальный, законъ избирательный и законъ объ организаціи національной гвардіи.

Муниципальный законъ обсуждался съ 29 января по 17 февраля 1831 года. Право выбирать муниципальныхъ совѣтниковъ предоставлено было особому избирательному корпусу, составленному изъ крупнѣйшихъ плательщиковъ налоговъ; къ нимъ присоединены были лица, удовлетворявшія условіямъ образовательнаго ценза (*capacitaires*), какъ, напримѣръ, врачи, адвокаты, нотаріусы, чиновники въ отставкѣ и т. п. Муниципальные совѣтники, изъ среды которыхъ правительство назначало мэра, выбирались на шесть лѣтъ. Эта организація отчасти построена была по тому плану, который въ 1829 году предложенъ былъ Мартиньякомъ; новый муниципальный законъ былъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ наполеоновской системой, при господствѣ которой муниципальные совѣты назначались центральной властью.

Законъ объ организаціи національной гвардіи обсуждался очень долго; разсмотрѣніе его началось въ декабрѣ 1830 года, а окончательно онъ былъ принятъ только 5 марта 1831 года. Учреждаемая, какъ гласилъ первый параграфъ, для защиты конституціонной монархіи, Хартіи и санкціонированныхъ ею правъ, національная гвардія состояла изъ всѣхъ французовъ, платящихъ прямые налоги и могущихъ экипироваться на собственныя средства. Она дѣлилась на легіоны и сама выбирала своихъ офицеровъ; только высшіе офицеры назначались королемъ по списку изъ десяти кандидатовъ представленному національной гвардіей. Она имѣла отборныя роты (гренадеръ и стрѣлковъ) и артиллерію. Въ Парижѣ она замѣняла лейбъ-гвардію и отправляла гарнизонную службу наравнѣ съ линейными войсками.

Такъ какъ обязанность имѣть собственную обмундировку устраняла народный элементъ, то національная гвардія состояла почти исключительно изъ фабрикантовъ, рантье, лавочниковъ и чиновниковъ: это была не національная, а бур-

жуазная гвардія. Въ теченіе долгаго времени она оставалась всецѣло преданной Іюльской монархіи; она мужественно проливала свою кровь за Луи-Филиппа и потеряла свыше 2.000 человѣкъ только при подавленіи возстаній 1832 и 1834 годовъ. Король всегда смотрѣлъ на національную гвардію, какъ на свою вѣрнѣйшую опору; поэтому онъ старался всячески угодить ей, принималъ въ Тюильри ея офицеровъ и раздавалъ кресты направо и налѣво; онъ часто устраивалъ ей смотры и (по крайней мѣрѣ до 1840 года) считался съ тѣми возгласами, которые раздавались изъ рядовъ проходившихъ передъ нимъ легіоновъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ нихъ серьезное выраженіе общественнаго мнѣнія.

Избирательный законъ былъ принятъ 9 марта 1831 года палатой, а 15 апрѣля пэрами. Двойные вотумы были отмѣнены, цензъ пониженъ: для депутатовъ съ 1.000 до 500 франковъ, а для избирателей—съ 300 до 200 франковъ. Слѣдуетъ замѣтить, что при этомъ правительство обнаружило больше либерализма, чѣмъ палата; такъ, оно предлагало (и безрезультатно) предоставить избирательное право безъ цензовыхъ ограниченій генеральнымъ совѣтникамъ, мэрамъ и ихъ товарищамъ, должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства, адвокатамъ, нотаріусамъ и стряпчимъ, врачамъ, профессорамъ и приватъ-доцентамъ различныхъ факультетовъ, преподавателямъ Collège de France, музея и высшихъ государственныхъ учебныхъ заведеній. Палата согласилась только понизить для этихъ лицъ цензъ до 100 франковъ. Эта реформа увеличила число избирателей съ 94.000 до 188.000 человѣкъ (на тридцать милліоновъ французовъ), и только эти 188.000 крупныхъ плательщиковъ составляли „легальную страну“ (*pays légal*). Умственная аристократія была отстранена отъ участія въ политической жизни страны, а власть попала въ руки денежныхъ мѣшковъ, и въ продолженіе цѣлыхъ восемнадцати лѣтъ руководство судьбами Франціи принадлежало плутократіи.

Переходъ власти къ партіи сопротивленія.—Общественное мнѣніе благопріятно отнеслось къ выходу Лаффита въ отставку; помимо того, что общество боялось войны, ему надоѣли господствовавшій безпорядокъ и не прекращавшіяся шумныя манифестаціи. Съ іюля 1830 года мятежъ принялъ характеръ хронической болѣзни; особенно бурно прошли первые дни марта. Прежде всего толпы рабочихъ явились въ Пале-Рояль требовать „работы или хлѣба“; 9 марта въ русскомъ посольствѣ были выбиты стекла по поводу польскаго возстанія; 10 и 12 марта были устроены новыя манифестаціи съ криками: „Война Россіи!“ Дѣла пріостановились; отпущенный для воспособленія торговлѣ и промышленности кредитъ въ 30 милліоновъ ни къ чему не послужилъ; трехпроцентная государственная рента упала до 52 франковъ, а пятипроцентная до 82; государственное казначейство не было обезпечено необходимыми рессурсами даже на пятнадцать дней; банкротства слѣдовали одни за другими; самъ Лаффитъ принужденъ былъ ликвидировать свой банкъ.

Этому состоянію анархіи необходимо было положить конецъ, и даже крайніе либералы прекрасно это сознавали.

„Во Франціи есть правительство,—писалъ Арманъ Каррель,—но о немъ ничего почти не слышно, его не видно, и почти никто даже не знаетъ, гдѣ оно находится“. Буржуазія хотѣла имѣть твердое и сильное правительство, и 13 марта она получила министерство Казиміра Перье. Власть такимъ образомъ окончательно перешла въ руки партіи сопротивленія.

Министерство состояло изъ Казиміра Перье (президентъ совѣта и министръ внутреннихъ дѣлъ), Монталиве, барона Луи, Барта, адмирала де Риньи, д'Аргу, Сульта и Себастіани.

Казимиръ Перье.—Казимиру Перье было тогда пятьдесятъ три года; банкирская фирма, основанная еще во время Имперіи, доставила ему огромное состояніе. Будучи депутатомъ Парижа при Реставраціи, онъ въ теченіе долгаго времени являлся однимъ изъ вождей либеральной оппозиціи; къ концу царствованія Карла X онъ сблизился съ правительствомъ; при обсужденіи адреса 221 онъ воздержался отъ голосованія и, хотя послѣ побѣды инсургентовъ онъ вошелъ въ составъ муниципальной комиссіи, искренно жалѣлъ о паденіи легитимной монархіи. Обладая яснымъ, точнымъ и практическимъ умомъ и энергическимъ характеромъ, онъ отличался кромѣ того твердостью и крайнимъ властолюбіемъ. Онъ умѣлъ повелѣвать и требовалъ строгаго, почти безпрекословнаго повиновенія своимъ приказаніямъ. При этомъ онъ отличался властными и жесткими манерами и рѣзкимъ тономъ, доходившимъ порою до нахальства; такъ, напримѣръ, однажды въ палатѣ онъ крикнулъ своему коллегѣ по министерству, д'Аргу, собиравшемуся начать рѣчь: „Ici, d'Argout!"

Онъ принялъ власть съ твердымъ намѣреніемъ возстановить авторитетъ правительства, при чемъ онъ согласился войти въ министерство только послѣ того, какъ увѣрился, что никто не посмѣетъ мѣшать ему и что въ правительствѣ будетъ господствовать одна только воля, а именно его собственная. Онъ хотѣлъ дѣйствительно быть первымъ министромъ парламентской монархіи и готовъ было взять на себя полную отвѣтственность за дѣйствія кабинета, лишь бы только всѣ рѣшенія исходили отъ него. Ничто не должно было дѣлаться—и дѣйствительно, не дѣлалось въ различныхъ министерствахъ — безъ его вѣдома. Съ самимъ Луи-Филиппомъ онъ велъ себя точно такимъ же деспотическимъ образомъ; ни одна депеша не могла передаваться королю раньше, чѣмъ съ ней не ознакомится министръ; ни одно сообщеніе монарха не должно было появляться въ *Монитерѣ* прежде, чѣмъ его не одобритъ первый министръ.

Какъ выразился про него Арманъ Каррель, „онъ мужественно выказывалъ твердое желаніе взять на себя все, какъ руководство дѣлами, такъ и ненависть недовольныхъ". Онъ полагалъ, что для возстановленія правительственнаго авторитета и возвращенія правительству его прежней силы достаточно *захотѣть*, что принятіе репрессивныхъ мѣръ совершенно излишне и что для подавленія анархіи необходимо только примѣнять существующіе законы. Въ палатѣ онъ слѣдующимъ образомъ формулировалъ свою программу: „Іюльская революція имѣла цѣлью установленіе свободнаго, но правильнаго правительства. Поэтому наше правительство ни во внутренней, ни во внѣшней политикѣ не должно отличаться насильственнымъ характеромъ. Всякое обращеніе къ силѣ внутри страны и всякое подстрекательство иностранныхъ народовъ къ возстанію является нарушеніемъ этого принципа. Такова основная мысль и правило нашей внутренней и внѣшней политики". И дальше: „Франція хотѣла, чтобы монархія была національной, но она вовсе не хотѣла, чтобы королевская власть была безсильной".

Первыя же мѣры Казимира Перье ясно показали, что онъ намѣренъ держаться политики ежовыхъ рукавицъ. Предлагая палатѣ принять законъ противъ вооруженныхъ скопищъ, онъ въ то же время рѣзко напалъ на тѣ общества, которыя заявляютъ претензію „заполнить пробѣлы въ дѣятельности правительства", а въ особенности на „Національную Ассоціацію", основанную въ Мецѣ, а затѣмъ въ Парижѣ подъ предлогомъ борьбы съ Бурбонами. Онъ запретилъ чиновникамъ принимать въ ней участіе и для примѣра уволилъ нѣкоторыхъ видныхъ сановниковъ, какъ напримѣръ, адъютанта ко-

роля, Александра Делаборда, и начальника военныхъ силъ въ западныхъ департаментахъ, генерала Ламарка. Затѣмъ, желая имѣть въ палатѣ такое же послушное большинство, какимъ было министерство, онъ распустилъ ее 31 мая; съ цинической откровенностью онъ заявилъ, что хочетъ оказать давленіе на выборы. „Правительство не должно остаться нейтральнымъ во время выборовъ,—писалъ онъ префектамъ;—оно не желаетъ, чтобы администрація обнаружила бо́льшую нейтральность, чѣмъ оно само".

Министръ получилъ желательное для него большинство, но ему не удалось помѣшать избранію вожаковъ оппозиціи: генерала Ламарка, Араго, Одилона Барро, Лаффита, Могена, а во время избранія президента палаты правительственный кандидатъ побѣдилъ Лаффита только большинствомъ пяти голосовъ.

Волненія въ Ліонѣ и Греноблѣ. — При всей своей энергіи Казиміръ Перье не могъ уничтожить послѣдствій экономическаго кризиса, который вызванъ былъ, во-первыхъ, революціонными потрясеніями, а во-вторыхъ, новыми условіями промышленнаго развитія. Заграничная конкурренція и заминка въ дѣлахъ побудила ліонскихъ фабрикантовъ понизить заработную плату ткачей шелка, такъ называемыхъ *canuts,* до такихъ размѣровъ, при которыхъ имъ грозила голодная смерть (такъ, нѣкоторыя категоріи рабочихъ получали 18 су,—30 копеекъ, за 15—16-часовой рабочій день). Ліонскій префектъ, Бувье-Дюмоларъ, котораго рабочіе просили вмѣшаться, убѣдилъ совѣщаніе, устроенное изъ делегатовъ отъ хозяевъ и рабочихъ, согласиться на компромиссъ и установить минимальный тарифъ заработной платы, но многіе фабриканты отказались принять этотъ тарифъ. 21 ноября рабочіе спустились изъ предмѣстья Краснаго Креста (*Croix-Rousse*) съ чернымъ знаменемъ, на которомъ красовалась знаменитая надпись: „Жить работая или умереть въ бою" (*Vivre en travaillant ou mourir en combattant*). Между войсками и демонстрантами началась стычка; національная гвардія отказалась дѣйствовать противъ инсургентовъ, и послѣ двухдневнаго сраженія трехтысячный гарнизонъ принужденъ былъ выступить изъ города. Рабочіе немедленно прекратили враждебныя дѣйствія; возстаніе совершенно не носило политическаго характера, а префектъ остался даже въ городѣ, гдѣ старался привести фабрикантовъ и рабочихъ къ взаимному соглашенію: за это онъ былъ уволенъ въ отставку. 3 декабря герцогъ Орлеанскій и маршалъ Сультъ вступили въ городъ во главѣ 36.000 солдатъ, не только не встрѣтивши никакого сопротивленія, но даже привѣтствуемые народной массой. Рабочій тарифъ былъ отмѣненъ, а національная гвардія распущена; но никакимъ преслѣдованіямъ инсургенты не подвергались, а правительство раздало нуждающимся довольно щедрыя пособія.

Черезъ три мѣсяца въ Греноблѣ вспыхнули безпорядки, также не имѣвшіе политическаго характера; вызваны они были безтактнымъ поведеніемъ грубаго префекта, Мориса Дюваля, запретившаго маскарадный балъ. Префектъ, не обратившись къ толпѣ съ законнымъ требованіемъ разойтись, приказалъ двумъ ротамъ 35-го линейнаго полка атаковать сборище. Даже прокурорскій надзоръ былъ возмущенъ и распорядился произвести слѣдствіе по этому дѣлу. Желая успокоить населеніе, дивизіонный командиръ, генералъ Гюло, перевелъ 35-й полкъ въ другой городъ, но Казиміръ Перье не хотѣлъ допустить, чтобы префектъ могъ считаться виновнымъ, и приказалъ возвратить полкъ въ Гренобль. Въ результатѣ между штатскими и военными возгорѣлась смертельная вражда, выражавшаяся въ безчисленномъ множествѣ дуэлей, и черезъ два мѣсяца министру пришлось для избѣжанія серьезныхъ вол-

неній отозвать и 35-й полкъ, и префекта.

Заговоры и оппозиція въ Парижѣ. — Порядокъ на парижскихъ улицахъ былъ почти возстановленъ. Заговоръ, приведшій къ покушенію на соборъ Парижской Богоматери (4 января 1832 года), оказался не чѣмъ инымъ, какъ смѣхотворной и шумной манифестаціей нѣсколькихъ малоизвѣстныхъ роялистовъ, которые взобрались на соборную колокольню и ударили въ набатъ, надѣясь такимъ образомъ поднять Парижъ и низвергнуть узурпатора. Не болѣе опаснымъ оказался и заговоръ улицы Пруверъ, раскрытый черезъ мѣсяцъ. Легитимистскій агентъ, сапожникъ Понселе, задумалъ захватить короля и королевское семейство въ Тюильри во время бала въ ночь съ 1 на 2-е февраля; съ этою цѣлью онъ навербовалъ отъ двухъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Главные заговорщики были арестованы въ тотъ моментъ, когда они пировали въ ожиданіи сигнала.

Зато отчаянная борьба правительства съ прессой не прекращалась; *Caricature*, *Tribune*, *Globe*, *Némésis* и *National* вели противъ министерства и короля рѣзкую и систематическую кампанію. Конфискаціи, временное задержаніе номеровъ, судебныя преслѣдованія—ничего не помогало; при этомъ въ большинствѣ случаевъ присяжные выносили привлеченнымъ къ суду журналистамъ оправдательные приговоры.

Въ палатѣ оппозиція также не прекращалась. Цивильный листъ былъ установленъ въ размѣрѣ двѣнадцати милліоновъ франковъ вмѣсто четырнадцати, предложенныхъ комиссіей, и вмѣсто восемнадцати милліоновъ, которыхъ требовалъ король. Монталиве, нечаянно употребившій выраженіе „подданные“, былъ прерванъ криками: „Къ порядку министра! Пусть онъ возьметъ обратно свои слова! Теперь нѣтъ болѣе подданныхъ!“ Казимиру Перье приходилось все время быть на сторожѣ. Внезапное появленіе холеры, объявившейся въ Парижѣ 26 марта и въ три мѣсяца унесшей около двадцати тысячъ жертвъ, и ужасъ, нагнанный на всѣхъ грозной эпидеміей, внесли временное успокоеніе въ борьбу страстей, такъ какъ большинство депутатовъ бѣжало изъ столицы. Сопровождая герцога Орлеанскаго, Казимиръ Перье посѣтилъ городскую больницу (Hôtel-Dieu) и заразился этой болѣзнью; прохворавши пять недѣль, онъ скончался 16 мая.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Казимиръ Перье сдѣлался президентомъ совѣта, Гизо писалъ Баранту: „Вотъ іюльская революція и разрѣзана на-двое; на правительственную партію и оппозиціонную партію“. Этими словами онъ заранѣе характеризовалъ дѣятельность Казимира Перье, каждый актъ котораго являлся какъ бы утвержденіемъ, что новая монархія хочетъ жить и жить долго. До него она имѣла видъ смиреннаго просителя, умолявшаго о снисхожденіи; Казимиръ Перье придалъ ей аллюры воинствующаго правительства. И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда со сцены сошелъ первый дѣйствительный министръ Іюльской монархіи, ей предстояло выдержать самыя яростныя нападенія своихъ противниковъ.

Вандейское возстаніе.—Въ ночь на 28-е апрѣля 1832 года пароходъ *Carlo Alberto* высадилъ въ небольшой бухтѣ Марсельскаго рейда герцогиню Беррійскую и нѣсколько вѣрныхъ ея сторонниковъ. Она явилась во Францію требовать короны для своего сына, герцога Бордоскаго; романтически настроенная и мужественная женщина, она мечтала о роялистическомъ возвращеніи съ острова Эльбы, объ эпическомъ походѣ черезъ всю Францію, поднятую ея героизмомъ, въ Парижъ, являвшійся конечнымъ пунктомъ ея стремленій, и о возстановленіи легитимной монархіи. Она настолько увѣрена была въ успѣхѣ, что заранѣе приготовила новую конституцію.

Т. Лоренсъ.

Герцогиня Беррійская.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°

Попытка поднять возстаніе въ Марсели окончилась жалкой неудачей, но герцогиня не пала духомъ и, отказавшись сѣсть обратно на пароходъ, рѣшила отправиться въ Вандею, гдѣ, по ея мнѣнію, еще сильна была роялистическая вѣра; съ поразительной смѣлостью она проѣхала южную Францію и даже въѣхала въ Бордо въ открытой коляскѣ. Добравшись такимъ образомъ до замка Плассакъ, она оттуда обратилась къ вандейцамъ съ воззваніемъ, приглашая ихъ возстать съ оружіемъ въ рукахъ 24 мая. Но роялистамъ удалось набрать только нѣсколько сотъ инсургентовъ; послѣ двухъ стычекъ, одной у Шена, а другой у замка Пенисьеръ, они были разбиты и разсѣяны. Герцогиня Беррійская съ трудомъ добралась до Нанта; въ продолженіе пяти мѣсяцевъ она скрывалась у дѣвицы Дегиньи, но была выдана полиціи выкрестомъ Дейцемъ. Правительство не выказало ни благородства, ни мужества; оно не рѣшилось ни выслать ее изъ предѣловъ Франціи, ни отдать ее подъ судъ; оно посадило ее въ цитадель Блэ и держало ее тамъ до тѣхъ поръ, пока оно не сочло ее обезчещенной, а слѣдовательно, политически безвредной, благодаря рожденію дѣвочки и сдѣланному ею признанію, что она вступила въ тайный бракъ съ графомъ Гекторомъ Луккези ди Палли, камергеромъ неаполитанскаго короля.

Республиканскія возстанія.—Въ тотъ самый день, когда вандейская вспышка приходила къ концу, въ Парижѣ разразилось болѣе грозное возстаніе. Оно было экспромтомъ начато и организовано 5 іюня республиканцами по поводу похоронъ генерала Ламарка. Солдатъ наполеоновской арміи, изгнанный въ 1815 году за участіе въ подавленіи вандейскаго возстанія, возвратившійся во Францію въ 1818 году, избранный въ 1828 году депутатомъ отъ Ландскаго департамента, Ламаркъ прославился своимъ либерализмомъ. Онъ съ энтузіазмомъ встрѣтилъ іюльскую революцію, но недовольный мирной политикой новой монархіи, онъ снова занялъ мѣсто въ рядахъ оппозиціи.

Члены тайныхъ обществъ рѣшили, что похороны генерала Ламарка, на которые ожидалось громадное стеченіе народа, могутъ представить удобный поводъ для возстанія; къ нимъ присоединились въ значительномъ числѣ польскіе и итальянскіе эмигранты. Возстаніе началось стычкой между народомъ и муниципальными гвардейцами у Аустерлицкаго моста; кварталы Тампль, Сенъ-Мартэнъ, Сенъ-Дени и Бастильская площадь быстро покрылись баррикадами. Въ ночь съ 5 на 6-е іюня инсургенты, достигшіе площади Побѣдъ, одно время могли съ увѣренностью разсчитывать на успѣхъ. Но въ дѣйствительности ихъ преждевременная попытка обречена была на неудачу; рабочіе не откликнулись на призывъ инсургентовъ; буржуазія была раздражена только противъ бунтовщиковъ, а національная гвардія оказала энергическую поддержку линейнымъ войскамъ, которыми командовалъ генералъ Лобо.

„Какъ только пробили сборъ,—писала своему брату дочь одного лавочника,—мы закрыли магазинъ. Папа одѣлся, чтобы отправиться къ своему батальону на площадь *Petits-Pères*. Онъ поцѣловалъ маму и меня со словами: „Нужно разъ навсегда покончить съ этими негодяями". Никогда я не видѣла его въ такомъ ужасномъ гнѣвѣ". Утромъ 6 іюня инсургенты были отброшены къ улицѣ Сенъ-Мерри; человѣкъ шестьдесятъ изъ нихъ подъ начальствомъ Жанна, одного изъ украшенныхъ орденомъ іюльскихъ бойцовъ, были загнаны въ переулокъ у монастыря Сенъ-Мерри, гдѣ они героически защищались до четырехъ часовъ вечера.

Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Но когда кассаціонный судъ объявилъ незаконнымъ превышеніемъ власти смертный приговоръ, вынесенный воен-

нымъ судомъ, то правительство отмѣнило указъ, коимъ установлено было осадное положенiе. Сенскiй ассизный судъ вынесъ только шесть обвинительныхъ приговоровъ противъ инсургентовъ, взятыхъ съ оружiемъ въ рукахъ, при чемъ наиболѣе тяжкое наказанiе понесъ Жаннъ, приговоренный къ ссылкѣ.

Эта неудача не обезкуражила республиканцевъ, которые начали готовиться къ дальнѣйшей борьбѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Правительство, съ своей стороны, старалось разрушить тайныя общества, въ которыхъ группировались его противники. Въ февралѣ 1834 года министерство Тьера—Гизо предложило паламъ проектъ закона, спецiально направленнаго противъ общества „Правъ человѣка“, которое, чтобы обойти законъ, запрещавшiй составлять общества болѣе, чѣмъ изъ двадцати человѣкъ, дѣлилось на секцiи, число членовъ которыхъ не достигало двадцати. При обсужденiи этого закона произошли бурныя сцены; Вьеннэ объявилъ этотъ законъ необходимымъ „для обузданiя тигра анархiи“; депутаты лѣвой и легитимисты тщетно возставали противъ принятiя этого закона, который, по признанiю самого Тьера, давалъ полный просторъ административному произволу, но который тотъ же Тьеръ признавалъ безусловно необходимымъ. Законъ былъ принятъ 25 марта 1834 года; отнынѣ всякое общество, каковъ бы ни былъ его характеръ и каково бы ни было число его членовъ, должно было представлять свой уставъ на утвержденiе правительства и не могло быть основано безъ правительственнаго разрѣшенiя; дѣла о нарушенiяхъ этого закона передавались на разсмотрѣнiе исправительныхъ судовъ, при чемъ наказанiю подвергались не только вожаки общества, но и простые его члены.

Едва лишь былъ принятъ этотъ законъ, какъ въ Лiонѣ, въ различныхъ провинцiальныхъ городахъ и, наконецъ, въ Парижѣ вспыхнули новыя республиканскiя возстанiя. Это были апрѣльскiе бунты 1834 года.

Въ Лiонѣ инсуррекцiя носила въ одно и то же время политическiй и экономическiй характеръ. Послѣ возстанiя 1832 года республиканцы повели активную пропаганду среди рабочихъ, а общество „Правъ человѣка“ навербовало въ Лiонѣ множество сторонниковъ; кромѣ того они сплотили рабочихъ въ общество взаимопомощи (*Mutuellistes*). Въ началѣ февраля, когда нѣкоторые фабриканты рѣшили понизить заработную плату, „Мютюэлисты“ отвѣтили на эту несправедливость стачкой; противъ стачечниковъ возбуждено было судебное преслѣдованiе за нарушенiе закона о коалицiяхъ. Этотъ процессъ послужилъ сигналомъ къ возстанiю, продолжавшемуся отъ 9 до 13 февраля; побѣда осталась за правительствомъ.

Кромѣ того безпорядки произошли въ Сентъ-Этьенѣ, Греноблѣ, Марсели, Перпиньянѣ, Оксеррѣ, Шалонѣ-на-Сонѣ, Эпиналѣ, Пуатье и Клермонъ-Ферранѣ.

13 апрѣля, когда въ Парижѣ получено было извѣстiе о лiонскомъ возстанiи, республиканцы начали воздвигать баррикады въ лабиринтѣ узкихъ уличекъ вокругъ церкви Сенъ-Мерри. Тьеръ приказалъ немедленно арестовать около ста наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества „Правъ человѣка“, и такимъ образомъ возстанiе лишилось своихъ вождей; сорокъ тысячъ человѣкъ готовы были двинуться въ бой. Къ утру 14 апрѣля инсургенты потеряли всѣ свои позицiи, и возстанiе закончилось ужасающей бойней. Когда одинъ офицеръ былъ раненъ подъ окнами дома № 12 на Транснонэнской улицѣ, то его солдаты ворвались въ этотъ домъ и перерѣзали всѣхъ находившихся тамъ людей, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей.

Послѣдняя вспышка имѣла мѣсто 16-го апрѣля въ Люневилѣ, гдѣ три вахмистра тщетно пытались возмутить своихъ кирасиръ.

Гоненія на республиканцевъ. Апрѣльскій процессъ.—Республиканскія попытки были чистымъ безуміемъ; онѣ способны были только оттолкнуть массу населенія отъ республиканскихъ идей и вызвать со стороны правительства новыя репрессивныя мѣры. Прежде всего правительство провело законъ, грозившій суровыми наказаніями за храненіе оружія или боевыхъ запасовъ и усилило строгости по отношенію къ печати. Правда, оно не щадило ея и до тѣхъ поръ: съ іюля 1830 г. по сентябрь 1834 года имѣли мѣсто не меньше 520 процессовъ по дѣламъ печати, журналисты были приговорены къ 106 годамъ тюремнаго заключенія, а газеты заплатили больше 400.000 франковъ штрафа. Одна „Трибуна“ (*La Tribune*), самая вліятельная и самая рѣзкая изъ республиканскихъ газетъ, привлекалась къ суду 111 разъ, уплатила 157.000 франковъ штрафа, а ея сотрудники въ общей сложности были приговорены въ двадцать пріемовъ къ 49 годамъ тюремнаго заключенія. „Насіональ“, газета Армана Карреля, также перешедшая на сторону республиканской партіи, подвергалась со стороны правительства не лучшему обращенію.

Правительство, которое одно время вмѣстѣ съ маршаломъ Жераромъ думало было даровать амнистію лицамъ, арестованнымъ за участіе въ различныхъ возстаніяхъ, въ концѣ концовъ предало ихъ суду, но только не ассизному суду съ участіемъ присяжныхъ, которымъ оно не довѣряло, а суду палаты пэровъ, превращенной въ Верховный судъ для сужденія дѣлъ о преступленіяхъ противъ государственной безопасности. Всѣ отдѣльныя дѣла были соединены въ одинъ „процессъ-монстръ“ подъ тѣмъ предлогомъ, что между ліонскими, парижскими и люневильскими событіями существуетъ-дескать тѣсная связь. Это былъ такъ называемый процессъ „апрѣльскихъ подсудимыхъ“; изъ 2.000 арестованныхъ 164 человѣка были преданы суду.

Процессъ начался 5 марта 1835 года, то-есть больше чѣмъ годъ спустя послѣ разсматриваемыхъ событій, а послѣдніе приговоры были вынесены только 23 января 1836 года. Судъ выслушалъ 4.000 свидѣтелей и разсмотрѣлъ 17.000 документовъ; процессъ сопровождался цѣлымъ рядомъ рѣзкихъ инцидентовъ. Президентъ палаты пэровъ, Пакье, произвольно рѣшилъ допустить къ защитѣ только адвокатовъ; тогда значительное число подсудимыхъ отказалось защищаться, а другіе отказались отвѣчать на вопросы и даже являться на засѣданія суда. Однако обвиняемые по ліонскому дѣлу въ большинствѣ согласились принимать участіе въ судебныхъ преніяхъ; тогда палата постановила раздѣлить дѣло, что вызвало новые скандалы. 12 іюля двадцать восемь обвиняемыхъ по парижскому дѣлу, въ томъ числѣ Годфруа Кавеньякъ и Арманъ Марра, бѣжали изъ тюрьмы Сентъ-Пелажи. Пэры приговорили многихъ подсудимыхъ къ тюремному заключенію или ссылкѣ; впрочемъ, всѣ эти приговоры были погашены общей амнистіей политическихъ заключенныхъ, объявленной по случаю бракосочетанія герцога Орлеанскаго 8 мая 1836 г.

Послѣднія усилія республиканцевъ. Покушенія.—Одно время республиканцы надѣялись еще воспользоваться въ интересахъ своей партіи министерскимъ кризисомъ, который тянулся около двухъ мѣсяцевъ послѣ паденія кабинета Молэ въ въ 1839 году. 12 мая Барбесъ и Бланки попытались овладѣть префектурой полиціи и зданіемъ судебныхъ учрежденій; Барбесъ располагалъ при этомъ не больше чѣмъ сотней членовъ общества „Временъ года“; эта попытка закончилась на улицѣ Гренета. Барбесъ и Бланки были арестованы и приговорены къ смертной казни, но наказаніе было смягчено для нихъ королемъ. Парижъ остался спокоенъ.

Нѣсколько фанатиковъ и порочныхъ людей, имѣвшихъ наглость объявлять о

своей принадлежности къ партіямъ, которыя отвергали ихъ съ отвращеніемъ, пытались убить Луи-Филиппа. Въ періодъ 1835—1846 гг. на жизнь короля произведено было шесть покушеній, и кромѣ того масса заговоровъ было заблаговременно раскрыто полиціей. Изъ всѣхъ этихъ покушеній самымъ ужаснымъ и единственнымъ, имѣвшимъ политическія послѣдствія, было покушеніе Фіески, устроившаго въ своей квартирѣ на бульварѣ Тампль адскую машину, которая 28 іюля 1835 года, во время смотра національной гвардіи, поразила сорокъ человѣкъ.

Сентябрьскіе законы. — На это преступленіе палаты отвѣтили „сентябрьскими законами". Этихъ законовъ издано было три: законъ объ ассизныхъ судахъ, о присяжныхъ засѣдателяхъ и о печати.

Законъ объ ассизныхъ судахъ давалъ министру юстиціи право учреждать столько ассизныхъ судовъ, сколько онъ признаетъ необходимымъ для сужденія дѣлъ о лицахъ, виновныхъ въ покушеніяхъ противъ государственной безопасности. Въ случаѣ, если подсудимые станутъ производить шумъ или откажутся являться на засѣданія суда, послѣдній могъ разбирать дѣло въ отсутствіе обвиняемыхъ.

Законъ о присяжныхъ засѣдателяхъ вводилъ тайное голосованіе и уменьшалъ число голосовъ, требовавшихся для обвинительнаго приговора, съ 8 до 7-ми.

Законъ о печати возвращалъ прессу къ худшимъ днямъ Реставраціи. Размѣръ залоговъ былъ увеличенъ; оскорбленіе особы монарха и нападки на основы государственнаго строя карались тюремнымъ заключеніемъ и штрафомъ отъ 10.000 до 50.000 франковъ. Воспрещено было касаться имени и власти короля при обсужденіи дѣйствій правительства, открыто называть себя республиканцемъ или говорить о возстановленіи легитимной монархіи; воспрещено было обнародовать списки присяжныхъ, печатать отчеты по процессамъ о диффамаціи и открывать подписку для уплаты штрафовъ по политическимъ процессамъ; воспрещено было оспаривать принципъ *власти, собственности и семьи*. Для рисунковъ, эмблемъ, гравюръ, карикатуръ и театральныхъ пьесъ возстановлена была цензура и система предварительнаго разрѣшенія.

Законъ о печати направленъ былъ главнымъ образомъ противъ легитимистовъ и республиканцевъ. Первыми его жертвами явились „La Quotidienne", „Le Charivari" и „Le Réformateur". Издатель „Реформатора" поплатился трехмѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ и 6.000-нымъ штрафомъ только за то, что онъ напомнилъ про слова Лафайета въ Учредительномъ собраніи: „Когда правительство нарушаетъ права народа, то возстаніе составляетъ для всякаго народа священнѣйшую изъ обязанностей". Употребленное Кергорлеемъ слово „узурпаторъ" стоило издателю „Ежедневной Газеты" четырехмѣсячнаго тюремнаго заключенія и 2000 франковъ штрафа. Легитимистская пресса, располагавшая громадными капиталами, могла пережить эти преслѣдованія, но республиканская печать сильно пострадала отъ этого режима, а „Трибуна" и „Реформаторъ" прекратили свое существованіе.

Бонапартистскія попытки. — Въ томъ же 1836 году началась бонапартистская пропаганда. Герцогъ Рейхштадтскій скончался въ 1832 году, и съ этого момента бонапартистскимъ претендентомъ сдѣлался принцъ Луи-Наполеонъ, сынъ голландскаго короля и Гортензіи Богарнэ, усыновленный Наполеономъ на случай отсутствія у него законнаго потомства. Выросши въ Швейцаріи въ замкѣ Арененбергъ на берегу Констанцскаго озера, онъ одно время служилъ артиллерійскимъ капитаномъ въ швейцарской арміи. Луи-Наполеонъ серьезно относился къ своему званію претендента, онъ напечаталъ „Политическія мечтанія" и выработалъ проектъ республиканско-имперской кон-

ституціи. Происходившія во Франціи волненія внушили ему мысль, что Іюльская монархія не успѣла пустить въ странѣ глубокихъ корней, и разсчитывая на энтузіазмъ, который, по его мнѣнію, должно было возбудить имя великаго императора, онъ сдѣлалъ въ Страсбургѣ попытку произвести государственный переворотъ; 30 октября 1836 года ему удалось увлечь за собой 1-й и 3-й артиллерійскіе полки, но онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со своими соумышленниками въ казармахъ 46-го пѣхотнаго полка.

Правительство привезло его въ Парижъ, а затѣмъ выслало его въ Соединенные Штаты; его сообщники, преданные суду присяжныхъ въ Страсбургѣ, были оправданы въ виду отсутствія главнаго обвиняемаго.

Тѣмъ не менѣе министерство было непріятно удивлено этимъ оправдательнымъ приговоромъ и въ январѣ 1837 года внесло въ палату проектъ закона, по которому военнослужащіе и штатскіе, замѣшанные въ одномъ и томъ же преступленіи, должны были судиться отдѣльно, первые—военными судами, а вторые—судомъ присяжныхъ (loi de disjonction). Противъ этого законопроекта выступили въ одно и то же время Беррье и сторонникъ династіи Дюпенъ—и проектъ былъ отклоненъ.

Спустя четыре года принцъ Луи-Наполеонъ вздумалъ воспользоваться тѣмъ броженіемъ, которое вызвано было во Франціи восточнымъ вопросомъ и оскорбленіемъ, нанесеннымъ французскому самолюбію державами, подписавшими Лондонскій трактатъ, и вторично попытался проникнуть во Францію. 6 августа 1840 года онъ высадился въ Вимрэ и пытался возмутить гарнизонъ Булони; но на этотъ разъ его попытка закончилась еще болѣе плачевнымъ фіаско, чѣмъ въ Страсбургѣ. Претендентъ былъ арестованъ и преданъ суду пэровъ, которые приговорили его къ пожизненному тюремному заключенію; посаженный въ крѣпость Гамъ, онъ бѣжалъ оттуда 25 мая 1846 года.

Эти двѣ попытки принца Луи-Наполеона не вызвали въ обществѣ никакого волненія и произвели просто смѣхотворное впечатлѣніе; а между тѣмъ бонапартистское настроеніе и воспоминанія объ Имперіи всегда были сильны въ странѣ. Да и само правительство Луи-Филиппа дѣлало все отъ него зависящее для того, чтобы пробудить эти чувства; самъ король неоднократно бралъ на себя иниціативу бонапартистскихъ манифестацій, разсчитывая (и на время этотъ расчетъ былъ вѣренъ) пріобрѣсти себѣ такимъ образомъ нѣкоторую популярность.

Такъ, напримѣръ, статуя императора, сброшенная въ 1815 году, была снова торжественно водворена въ 1833 году на вершину Вандомской колонны. А за три мѣсяца до Булоньской попытки правительство Іюльской монархіи сдѣлало еще болѣе рѣшительный шагъ въ этомъ направленіи. 12 мая 1840 года оно потребовало у парламента милліонъ франковъ для того, чтобы перевезти прахъ Наполеона во Францію; это неожиданное предложеніе встрѣчено было съ энтузіазмомъ, который дошелъ до апогея, когда прахъ императора былъ привезенъ въ Парижъ. Къ вырытію останковъ приступлено было 15 октября подъ наблюденіемъ сына короля Луи-Филиппа, принца Жуанвильскаго, посланнаго на островъ Св. Елены съ фрегатомъ „Le Belle Poule“ и небольшой эскадрой. 15 декабря прахъ императора торжественно прибылъ въ Парижъ, гдѣ его встрѣтила огромная толпа съ плачемъ и бурнымъ ликованіемъ. Король, окруженный всей семьей и принцессами, въ глубокомъ траурѣ принялъ тѣло „отъ имени Франціи“ въ Домѣ Инвалидовъ; его возвращеніе въ Тюильри было сплошной оваціей, въ продолженіе которой никто не вспомнилъ о племянникѣ императора.

Министерства съ 1830 до 1840 года.—Въ періодъ 1832—1840 гг. парламентъ служилъ ареной ожесточенной борьбы партій; министерства умирали почти съ такой же легкостью, съ какой вспыхивали бунты. По смерти Казимира Перье кабинетъ остался безъ президента; 11 октября 1832 года онъ былъ составленъ заново. Президентомъ совѣта сдѣлался военный министръ Сультъ; портфель иностранныхъ дѣлъ получилъ герцогъ Бройль, народнаго просвѣщенія—Гизо, а внутреннихъ дѣлъ—Тьеръ, при чемъ послѣдніе три министра играли дѣйствительно руководящую роль въ правительствѣ.

Министерство 11 октября, составъ котораго измѣнялся пять разъ, просуществовало до февраля 1836 года. Герцогъ Бройль вышелъ изъ кабинета въ мартѣ 1834 года; отставка его вызвана была вопросомъ о выплатѣ вознагражденія Соединеннымъ Штатамъ за убытки, причиненные американской торговлѣ континентальной системой (Франція должна была эту сумму Соединеннымъ Штатамъ еще со временъ Имперіи). Въ іюлѣ 1834 года подалъ въ отставку Сультъ, побѣжденный интригами Гизо и Тьера, которые терпѣть его не могли. Его преемникъ, маршалъ Жераръ, согласился принять постъ президента совѣта только послѣ того, какъ ему дано было обѣщаніе помиловать лицъ, арестованныхъ за ліонскія и парижскія возстанія; но когда рѣшено было предать ихъ суду, то онъ въ свою очередь вышелъ въ отставку (29 октября 1834 года).

4 ноября 1834 года подалъ въ отставку весь кабинетъ. Составилось такъ называемое „министерство трехъ дней", павшее подъ насмѣшками публики, и прежній кабинетъ вернулся ко власти съ маршаломъ Мортье въ качествѣ президента совѣта; послѣдній, совершенно не умѣвшій говорить съ парламентской трибуны, уступилъ постъ президента совѣта герцогу Бройлю 12 марта 1835 года. 5 февраля ко всеобщему удивленію министерство осталось въ меньшинствѣ по вопросу о конверсіи государственной ренты (оно требовало отсрочки этой мѣры).

Министерство 11 октября, помимо репрессивныхъ законовъ, закона объ ассоціаціяхъ, сентябрьскихъ законовъ, первое выдвинуло вопросъ объ укрѣпленіи Парижа (въ 1833 году) и въ томъ же году провело законъ о департаментской организаціи и законъ о народномъ образованіи [1]).

Цѣльность и долговѣчность кабинета 11 октября объяснялась присутствіемъ въ его средѣ трехъ главныхъ вожаковъ партіи сопротивленія: Тьера, Гизо и Бройля. Но герцогъ Бройль, человѣкъ довольно деспотическаго и весьма независимаго характера, былъ несимпатиченъ Луи-Филиппу, который съ каждымъ днемъ все сильнѣе стремился къ личной власти. Тьеръ и Гизо хотѣли каждый съ своей стороны занять постъ президента совѣта, и соперничество ихъ честолюбій не давало уже возможности ввести ихъ въ составъ одного и того же министерства. Сверхъ того, они совершенно различно понимали конституціонный режимъ; отличаясь въ равной степени деспотическимъ характеромъ, они расходились въ томъ отношеніи, что Тьеръ былъ рѣшительнымъ партизаномъ парламентской теоріи, по которой король долженъ стоять внѣ правительства. Ему приписывается изобрѣтеніе извѣстной формулы: „Король царствуетъ, но не управляетъ". Въ этомъ отношеніи Гизо готовъ былъ сдѣлать Луи-Филиппу самыя широкія уступки, и поэтому онъ въ концѣ концовъ и взялъ верхъ надъ Тьеромъ; между королемъ и его министромъ царствовало съ 1840 года полное согласіе. „Это мой ротъ", говаривалъ Луи-Филиппъ про Гизо.

Соперничество обоихъ честолюбцевъ нашло отголосокъ въ палатѣ. Большин-

---

[1]) Смотри ниже главу X: *Гражданскія и военныя учрежденія Франціи отъ 1815 до 1847 года.*

Л. Бонна.

А. Тьеръ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ство раздѣлилось на *правый центръ* съ Гизо и доктринерами, на *лѣвый центръ* съ Тьеромъ и на незначительную группу, руководимую Дюпеномъ,—*среднюю партію,* занимавшую промежуточное положеніе между обоими центрами. Оппозицію составляли: либеральная лѣвая, руководимая Одилономъ Барро, носившая почти республиканскій характеръ, несмотря на свое названіе *династической лѣвой,* и *легитимистская правая,* ораторомъ которой былъ Беррье. Господствовавшіе среди большинства раздоры и личная политика короля вызвали цѣлый рядъ министерскихъ кризисовъ; Франція имѣла не меньше шести кабинетовъ съ 22 февраля 1836 года, когда составилось первое министерство Тьера, до 29 октября 1840 года, когда составилось министерство Сульта-Гизо, сохранявшее власть въ продолженіе послѣднихъ семи лѣтъ царствованія Луи-Филиппа.

Тьеръ.—Тьеръ дебютировалъ въ качествѣ журналиста въ газетѣ „le Constitutionnel". Въ 1823—1827 гг. онъ выпустилъ „Исторію французской революціи", доставившую ему громкую извѣстность. Посѣщая герцога Орлеанскаго, яраго либерала, онъ вмѣстѣ съ Каррелемъ и Минье основалъ въ 1830 г. газету „Насіональ" *(le National).* Когда изданы были іюльскіе ордонансы Карла X, Тьеръ составилъ и первый подписалъ протестъ журналистовъ, а когда онъ увѣрился въ побѣдѣ революціи, то онъ опять-таки первый выдвинулъ кандидатуру герцога Орлеанскаго и поспѣшилъ за нимъ въ Нэйи; въ награду за свое усердіе онъ получилъ постъ помощника государственнаго секретаря въ министерствѣ финансовъ, въ кабинетѣ Лаффита. Онъ сумѣлъ умѣрить свой либерализмъ настолько, что могъ сохранить свою должность въ кабинетѣ Казимира Перье. По смерти послѣдняго онъ, по желанію короля, получилъ принадлежавшій покойнику портфель внутреннихъ дѣлъ, хотя ему было въ то время только тридцать пять лѣтъ. Онъ выказалъ по отношенію къ противникамъ режима такую же энергію, какъ и его предшественникъ, и во время апрѣльскаго возстанія 1834 года его видѣли верхомъ на конѣ рядомъ съ генераломъ Бюжо, бригада котораго атаковала баррикады. Сентябрьскіе законы были дѣломъ его рукъ.

Тьеръ обладалъ необыкновенной хитростью, чисто итальянской гибкостью, утонченной ловкостью, живымъ и яснымъ умомъ, необыкновенной трудоспособностью, рѣдкимъ даромъ приспособленія, неутомимой энергіей и сверхъ того необычайнымъ властолюбіемъ. Ламартинъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенной противъ Тьера, когда послѣдній въ 1840 году вторично занялъ постъ президента совѣта, съ поразительной выпуклостью охарактеризовалъ эту преобладающую страсть министра. „Вами движетъ,—сказалъ онъ,—безпокойная, ревнивая, неутолимая страсть, которую ничто не въ силахъ удовлетворить и которая ни съ кѣмъ не хочетъ ничего раздѣлить... Это — страсть къ власти, страсть управлять, управлять одному, управлять всегда, управлять съ большинствомъ, управлять съ меньшинствомъ, какъ сейчасъ; управлять со всѣми и противъ всѣхъ; царствовать одному, царствовать всегда, царствовать во что бы то ни стало!"

Первое министерство Тьера было недолговѣчно. Будучи сторонникомъ энергичной внѣшней политики, онъ хотѣлъ послать въ Испанію французскую армію для того, чтобы поддержать испанскихъ либераловъ противъ карлистовъ. Но король воспротивился этому плану вмѣшательства въ испанскія дѣла, и 25 августа 1836 года Тьеръ подалъ въ отставку.

Молэ и личное правленіе короля.—Такимъ образомъ паденіе Тьера было актомъ личной политики короля; точно такой же характеръ носило назначеніе новаго президента совѣта министровъ, Молэ (6 сентября 1836 года). Молэ получилъ порт-

фель иностранныхъ дѣлъ; главнымъ сотрудникомъ его былъ Гизо. Молэ, бывшій однимъ изъ фаворитовъ Наполеона, который сдѣлалъ его префектомъ, членомъ Государственнаго совѣта, начальникомъ инженернаго вѣдомства и министромъ юстиціи, поступилъ впослѣдствіи на службу къ Людовику XVIII и занималъ постъ морского министра въ кабинетѣ герцога Ришелье. Съ 1822 года онъ въ палатѣ пэровъ примкнулъ къ оппозиціи. Въ 1830 г. Лаффитъ пригласилъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Весьма образованный и замѣчательно интеллигентный человѣкъ, обладавшій твердымъ и умѣреннымъ характеромъ, равно далекимъ отъ догматической жестокости Гизо и отъ оппортунизма Тьера, онъ имѣлъ въ глазахъ Луи-Филиппа то неоцѣнимое преимущество, что обнаруживалъ полную готовность служить его личнымъ взглядамъ и былъ убѣжденнымъ сторонникомъ вліянія короля на политическія дѣла. Такъ какъ новый министръ не представлялъ ни одной изъ существовавшихъ въ палатѣ группъ, то онъ сразу былъ встрѣченъ съ недовѣріемъ.

Послѣ страсбургскаго покушенія принца Луи-Наполеона Молэ не могъ провести закона о „раздѣленіи". Эта неудача, затѣмъ дурной пріемъ, оказанный палатой закону о назначеніи удѣла герцогу Немурскому, отсутствіе солидарности между Молэ и Гизо—все это привело въ апрѣлѣ 1837 года къ распаденію министерства. Но король снова поручилъ Молэ составить кабинетъ, въ который вошли Барто, Монталиве и Сальванди.

Коалиція. — Такимъ образомъ парламентъ очутился лицомъ къ лицу не съ новымъ министерствомъ, а съ новой политической системой, такъ какъ становилось ясно, что Луи-Филиппъ намѣренъ управлять съ помощью палатъ, но не посредствомъ палатъ. Такъ какъ Молэ надѣялся, что новые выборы доставятъ ему покорное большинство, то палата депутатовъ была распущена 3 октября, но на самомъ дѣлѣ онъ получилъ незначительное большинство въ нѣсколько голосовъ.

И вотъ начался конфликтъ, подобный тому конфликту, который проявился въ 1815—1816 гг. между Людовикомъ XVIII, Ришелье и „Безпримѣрной Палатой", и возобновилась борьба между теоріей преобладанія палаты и теоріей преобладанія короля. Въ печати „парламентская" доктрина была формулирована въ 1838 году Дювержье де Гораномъ, бывшимъ сторонникомъ партіи сопротивленія, въ его книгѣ: „О принципахъ представительнаго образа правленія и объ ихъ практическомъ примѣненіи" (*Des principes du gouvernement représentatif et de leur application*). „Если только выборы не являются какой-нибудь фикціей,—говорилъ онъ,—то необходимо предоставить законно опрошенной націи преобладающій голосъ"; „парламенту должно принадлежать *послѣднее слово*". „Замѣна личнаго управленія парламентскимъ режимомъ" — такъ гласилъ лозунгъ, который Дювержье де Горанъ далъ оппозиціи.

Оппозиція обнимала династическую лѣвую, лѣвый центръ и доктринеровъ праваго центра; вожди этихъ группъ: Одилонъ Барро, Тьеръ и Гизо, сблизились и составили *коалицію* противъ „министерства двора". Послѣ нѣсколькихъ маловажныхъ стычекъ въ теченіе сессій 1838 г. коалиція дала министерству генеральное сраженіе въ январѣ 1839 года при обсужденіи адреса. Въ комиссіи, которой поручено было составленіе этого адреса, Тьеръ, Гизо и Дювержье де Горанъ предложили редакцію, нѣкоторыми мѣстами напоминавшую адресъ 221-го, поданный Карлу X. Послѣднія фразы въ особенности направлены были прямо противъ короля: „Мы глубоко убѣждены въ томъ, Ваше Величество, что только тѣсное согласіе властей, сдерживаемыхъ въ опредѣленныхъ конституціей границахъ, способно обезпечить безопасность страны и

силу Вашего правительства. Твердая и искусная администрація, опирающаяся на благородныя чувства, отстаивающая во внѣшнихъ дѣлахъ достоинство Вашего престола и покрывающая его во внутреннихъ дѣлахъ своею отвѣтственностью, представляетъ вѣрнѣйшій залогъ того содѣйствія, которое мы съ такой охотой готовы Вамъ оказать". Такимъ образомъ политика короля совершенно опредѣленно названа была антиконституціонной; наконецъ, въ послѣднемъ параграфѣ проекта министерству выражалось рѣшительное порицаніе.

Пренія по поводу этого адреса продолжались въ палатѣ двѣнадцать дней; было произнесено 128 рѣчей, такъ какъ каждый параграфъ въ отдѣльности вызывалъ ожесточенные споры. Тьеръ, Гизо и Одилонъ Барро съ крайней рѣзкостью напали на президента совѣта, который не поддавался и выказалъ поразительное хладнокровіе. Когда дѣло дошло до окончательнаго голосованія, то за министерство подано было 221, а за коалицію 203 голосовъ. Молэ съ честью вышелъ изъ этой жаркой схватки, но, находя большинство въ 13 голосовъ слишкомъ незначительнымъ, онъ подалъ въ отставку.

Луи-Филиппъ попытался составить министерство во главѣ съ маршаломъ Сультомъ, но когда эта попытка не удалась, снова пригласилъ Молэ и рѣшился распустить палату. Избиратели должны были рѣшить споръ между теоріей личнаго управленія и теоріей парламентскаго верховенства. Отдѣльные избирательные комитеты, организованные лѣвой, лѣвымъ центромъ и правымъ центромъ, фактически дѣйствовали подъ руководствомъ единаго комитета, а именно тріумвирата, составленнаго изъ Гизо, Тьера и Одилона Барро. Легитимистскіе и республиканскіе комитеты изъ ненависти къ Луи-Филиппу поддерживали кандидатовъ коалиціи. По предложенію Гизо, префекты были предупреждены, что коалиція будетъ безпощадна ко всѣмъ тѣмъ, кто будетъ съ ней бороться. 6 марта оппозиція выиграла 45 мѣстъ, а 8 марта Молэ вручилъ королю просьбу объ отставкѣ. И кое-кто началъ уже понимать, что, въ сущности говоря, ударъ нанесенъ не только министрамъ, но и самому королю.

Второе министерство Тьера; восточныя дѣла.—Но коалиція отличалась слишкомъ пестрымъ составомъ и потому была недолговѣчна; какъ только министерство было низвергнуто, среди руководителей оппозиціи, получившихъ возможность раздѣлить между собою власть, начались раздоры. Гизо хотѣлъ получить или портфель иностранныхъ дѣлъ, или министерство внутреннихъ дѣлъ, или же постъ президента палаты, а Тьеръ и Одилонъ Барро хотѣли предоставить ему только министерство народнаго просвѣщенія. Въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ никакъ не удавалось составить кабинетъ, и понадобилась сдѣланная Барбесомъ попытка возстанія, для того чтобы 12 мая Франція получила наконецъ министерство.

Президентомъ кабинета назначенъ былъ Сультъ, и въ него не вошелъ ни одинъ изъ вожаковъ коалиціи. Послѣдніе не получили даже президентскаго мѣста въ палатѣ, которое было предоставлено ліонскому депутату Созе, присоединившемуся къ Іюльской монархіи легитимисту, остававшемуся на этой должности вплоть до революціи 1848 года. Гизо назначенъ былъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ; такимъ образомъ для Тьера открывалось свободное мѣсто на случай министерскаго кризиса, такъ какъ Одилонъ Барро казался человѣкомъ слишкомъ крайнихъ мнѣній для того, чтобы король могъ когда-нибудь поручить ему составить министерство.

Это съ особенной ясностью обнаружилось, когда палата безъ преній, молчаливымъ вотомъ, отклонила новое требованіе субсидіи для герцога Немурскаго, послѣ

чего Сультъ 20 февраля 1840 года вышелъ въ отставку. 1 марта Тьеръ сдѣлался президентомъ совѣта министровъ. Можно было бы подумать, что король рѣшилъ лояльно примѣнять систему парламентскаго режима, такъ какъ Тьеръ являлся вождемъ того большинства, которое отвергло требованіе субсидіи; но въ дѣйствительности Луи-Филиппъ и не думалъ отказываться отъ политики личнаго управленія, какъ это съ величайшей ясностью доказало его поведеніе въ восточномъ вопросѣ.

Лондонскій трактатъ (15 іюля 1840 г.), который показывалъ, что европейскія державы намѣрены уладить конфликтъ между Турціей и Египтомъ помимо Франціи, возбудилъ въ Парижѣ крайнее волненіе. „Этотъ трактатъ,—писалъ *Journal des Débats,* — есть наглая выходка, которую Франція не должна снести; ея честь ей этого не позволяетъ". Эти слова выражали общее настроеніе. Тьеръ хотѣлъ, чтобы французское правительство взяло воинственный тонъ, и король вначалѣ какъ будто склонялся къ такому же рѣшенію. Были призваны запасные; предписано было сформировать двѣнадцать новыхъ пѣхотныхъ полковъ, десять стрѣлковыхъ батальоновъ и шесть кавалерійскихъ полковъ; численность флотскаго экипажа должна была увеличиться на десять тысячъ человѣкъ; приступлено было къ вооруженію двадцати семи новыхъ кораблей. Не дожидаясь созыва палатъ, правительство указомъ отъ 13 сентября открыло кредитъ въ 100 милліоновъ франковъ на возведеніе вокругъ Парижа непрерывнаго вала и ряда отдѣльныхъ фортовъ. Страна страстно слѣдила за этими военными приготовленіями и уже ждала реванша за 1815 годъ. Извѣстіе о бомбардировкѣ Бейрута довело возбужденіе до апогея. Въ виду этого наканунѣ открытія палатъ Тьеръ представилъ королю проектъ тронной рѣчи, въ которой говорилось о возможности войны и требовался кредитъ на вооруженіе пятисотъ тысячъ человѣкъ. Король отклонилъ этотъ проектъ, такъ какъ рѣшительно не хотѣлъ войны, и Тьеръ подалъ въ отставку.

Въ министерствѣ, составившемся 29-го октября, постъ президента совѣта принадлежалъ Сульту. Но настоящимъ главой правительства долженъ былъ явиться министръ иностранныхъ дѣлъ Гизо, отозванный изъ Лондона. Король остановилъ свой выборъ на Гизо потому, что онъ держался одного взгляда съ нимъ самимъ, а именно, что изъ-за желанія сохранить Сирію за Мегметомъ-Али не стòитъ впутывать Францію въ европейскую войну.

Результаты десяти лѣтъ царствованія.— 29 октября 1840 года начинается второй періодъ царствованія Луи-Филиппа. Результаты истекшихъ десяти лѣтъ приблизительно таковы:

Іюльская монархія устояла противъ всѣхъ революціонныхъ возстаній, подобно тому какъ король спасся отъ всѣхъ покушеній на его жизнь. Монархія привела своихъ противниковъ въ состояніе полнаго безсилія—по крайней мѣрѣ на время; она была искренно признана Франціей, во-первыхъ, потому, что она доказала свою устойчивость (серьезное достоинство въ глазахъ народа, отличающагося твердой привязанностью къ существующему), во-вторыхъ, потому, что, несмотря на всѣ волненія, общее благосостояніе не переставало повышаться. Монархія приняла цѣлый рядъ серьезныхъ мѣръ для содѣйствія экономическому развитію. Съ первыхъ дней царствованія Луи-Филиппа правительство заботилось о развитіи и улучшеніи путей сообщенія; въ 1836 году принятъ былъ законъ о проселочныхъ дорогахъ. Тьеръ обнаружилъ въ этомъ вопросѣ такой же пылъ, какой онъ проявилъ въ борьбѣ противъ постройки желѣзныхъ дорогъ. Въ этомъ послѣднемъ вопросѣ министерство Молэ натолкнулось на неразумный скептицизмъ и духъ ру-

тины и не могло провести въ парламентѣ закона о государственной постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, несмотря на очевидный интересъ, который сулила странѣ эта система и на который министерство указывало. Тѣмъ не менѣе въ 1837 году ему удалось настоять въ принципѣ на проведеніи шести большихъ желѣзнодорожныхъ линій.

Хотя страна не придавала особенно важнаго значенія постоянной алжирской экспедиціи и не обращала надлежащаго вниманія на происходившія тамъ безпрерывныя военныя дѣйствія, тѣмъ не менѣе нѣкоторые героическіе эпизоды, нѣкоторыя молодецкія дѣла, какъ напримѣръ, штурмъ Константины, льстили національному самолюбію. Наслѣдный принцъ, герцогъ Орлеанскій, и братъ его, герцогъ Омальскій, раздѣлявшіе опасности съ солдатами, пріобрѣли себѣ этимъ значительную популярность. Французская армія кромѣ того вписала славныя страницы въ свою исторію при осадѣ Антверпена, подъ Лиссабономъ и Веракруцемъ.

Отмѣна наслѣдственнаго пэрства, законы о муниципальныхъ и генеральныхъ совѣтахъ и о народномъ образованіи до извѣстной степени дали удовлетвореніе умѣренному либерализму большей части буржуазіи.

Вопросъ объ избирательной реформѣ. — Но страна начинала уже требовать болѣе серьезныхъ уступокъ; извѣстная часть общества признавала необходимой реформу палаты и преобразованіе избирательной системы. Въ палатѣ 1837 года чиновники составляли свыше трети депутатовъ, среди которыхъ насчитывалось 96 должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, 50 служащихъ въ администраціи, 47 генераловъ, 9 королевскихъ адъютантовъ или чиновниковъ придворнаго вѣдомства и 4 дипломата. Помимо того, что эти депутаты не исполняли своихъ обязанностей, за которыя государство продолжало все-таки уплачивать имъ жалованье, общественное мнѣніе могло съ полнымъ основаніемъ сомнѣваться въ ихъ независимости по отношенію къ правительству.

Поэтому въ апрѣлѣ 1840 года депутатъ правой, нѣкій Ремильи, внесъ въ палату предложеніе, клонившееся къ тому, чтобы ограничить число депутатовъ-чиновниковъ и не допускать ихъ повышенія по службѣ. Это предложеніе было отклонено по требованію министерства Тьера. Но публика уже заинтересовалась этимъ вопросомъ и требовала распространенія избирательнаго права на лицъ, удовлетворяющихъ условіямъ образовательнаго ценза (*capacités*).

10 іюня 1840 года въ XII парижскомъ округѣ состоялся первый реформистскій банкетъ; 14 іюня часть національной гвардіи, проходя мимо короля, кричала: *Да здравствуетъ реформа!* А 31-го августа офицеры національной гвардіи организовали въ Шатильонѣ банкетъ, на которомъ присутствовало около шести тысячъ человѣкъ. Такія же манифестаціи произошли въ Лиможѣ, Турѣ, Оксеррѣ, Тулузѣ, Мулэнѣ, Лиллѣ, Мецѣ, Руанѣ, Марсели, Дижонѣ, Греноблѣ, Бургѣ и Перпиньянѣ. Всѣ эти событія свидѣтельствовали о глубокомъ движеніи, на которое предусмотрительное министерство, желающее управлять, т.-е. руководить и дисциплинировать общественное мнѣніе, должно было бы обратить серьезное вниманіе. Если бы министерство Гизо правильно понимало свои обязанности и защищало дѣйствительные интересы короля и страны, то оно обязано было бы позаботиться о рѣшеніи основного вопроса тогдашней политической жизни, а именно избирательной реформы.

II.—Періодъ личнаго управленія.

Гизо. — Въ разсматриваемый моментъ Гизо было пятьдесятъ три года. Въ эпоху Имперіи и Реставраціи онъ былъ либе-

раломъ: но его прямолинейный умъ возвелъ въ закостенѣвшія догмы тѣ либеральные взгляды, которые онъ воспринялъ въ эпоху Деказа, въ періодъ популярности доктринеровъ и дѣятельности общества „Богъ-то Богъ, да самъ не будь плохъ“ (*Aide-toi, le ciel t'aidera*). Съ тѣхъ поръ много воды утекло, общественное сознаніе сдѣлало огромный шагъ впередъ, пониманіе свободнаго общежитія значительно расширилось, число людей, интересующихся политическими вопросами, возросло въ сильнѣйшей пропорціи, цѣлые общественные классы проснулись къ политической жизни,—но Гизо, застывшій на тѣхъ взглядахъ, которые онъ усвоилъ въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, знать ни о чемъ не хотѣлъ да и не могъ. Онъ былъ недалекъ отъ того, чтобы считать Хартію 1814 года при условіи точнаго ея примѣненія идеальной конституцией; по его мнѣнію, нѣкоторыхъ детальныхъ улучшеній было вполнѣ достаточно для того, чтобы превратить эту Хартію въ совершеннѣйшее твореніе, а іюльская революція и дала-дескать возможность произвести эти частичныя поправки. Притомъ, на его взглядъ, парламентъ въ своей реформаторской дѣятельности заходилъ еще слишкомъ далеко, и если бы это зависѣло лично отъ него, то званіе пэра, напримѣръ, осталось бы наслѣдственнымъ.

По его мнѣнію, съ измѣненіемъ Хартіи дѣло революціи было завершено, и всякая дальнѣйшая реформа представлялась ему опасной химерой. Поэтому онъ съ самаго начала примкнулъ къ партіи сопротивленія. Съ точки зрѣнія Гизо, задача правительства должна была ограничиться сохраненіемъ существующаго, охраной порядка во внутренней политикѣ и мира во внѣшней—а слѣдовательно, созданіемъ условій, обезпечивающихъ развитіе національнаго богатства. Именно эту программу онъ и началъ примѣнять съ 1840 года и именно такое опредѣленіе онъ далъ своей политикѣ съ перваго же засѣданія палаты.

Единственно мудрая политика сводится, по его словамъ, къ „сохраненію мира всегда и повсюду“. „Повѣрьте мнѣ, господа, не будемъ говорить нашему отечеству о завоеваніи новыхъ территорій, о великихъ войнахъ и о великомъ отмщеніи за прежнія обиды. Пусть только Франція процвѣтаетъ, пусть она будетъ свободной, богатой, умной и спокойной, и намъ не придется жаловаться на недостаточное ея вліяніе въ мірѣ“. Точно такъ же смотрѣлъ на вещи и Луи-Филиппъ. Гизо не подвергался вліянію короля и не игралъ роли послушнаго исполнителя личной политики и воли Луи-Филиппа; и если въ продолженіе семи лѣтъ могло казаться, что онъ является покорнымъ слугой монарха, то лишь потому, что между министромъ и королемъ существовало полное единомысліе.

Система подкуповъ. — Въ продолженіе семи лѣтъ палаты шли за Гизо, и такъ какъ министерство всегда имѣло за собой большинство, то по виду Франція вступила въ полосу парламентскаго режима. Но это большинство состояло изъ чиновниковъ, которыхъ правительство держало въ своихъ рукахъ жалованьемъ, выплачиваемымъ изъ государственнаго казначейства, и надеждой на повышеніе по службѣ; а система крупныхъ концессій и привлеченія къ участію въ государственныхъ подрядахъ давала возможность склонить на сторону правительства 30 или 40 депутатовъ, необходимыхъ для составленія министерскаго большинства.

Въ странѣ тѣ же самые пріемы обезпечивали правительственнымъ кандидатамъ голоса избирателей. Гизо, отличавшійся скрупулезной честностью въ частныхъ дѣлахъ, возвелъ подкупъ въ государственную систему. Это зло растлило всю администрацію, а въ послѣдніе годы царствованія обнаруживались позорнѣйшіе скандалы. Одновременно съ разобла-

П. Бодри.

Ф. Гизо.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

ченіемъ лихоимства и хищеній въ Рошфорскомъ морскомъ арсеналѣ и въ главномъ военномъ интендантствѣ, общество въ маѣ 1841 года узнало, что пэръ Франціи, президентъ одной изъ палатъ кассаціоннаго суда, Тестъ, министръ общественныхъ работъ въ кабинетѣ 29 октября, продалъ за 100.000 франковъ концессію на Гуэнанскія соляныя копи, причемъ роль посредника въ этой сдѣлкѣ игралъ другой пэръ Франціи, генералъ Кюбьеръ, дважды занимавшій постъ военнаго министра. Эмиль Жирардэнъ, не будучи за это привлеченъ къ суду, обвинялъ министра внутреннихъ дѣлъ Дюшателя въ томъ, что онъ продалъ за 100.000 франковъ въ пользу министерской газеты „Эпоха" привилегію на открытіе третьяго лирическаго театра и обѣщалъ разнымъ лицамъ доставить званіе пэра за 80.000 франковъ. Самъ Гизо въ январѣ 1848 года призналъ въ палатѣ, что нѣкій господинъ Пти для полученія должности уѣзднаго казначея въ Корбейлѣ долженъ былъ, по соглашенію съ правительствомъ, купить за ренту размѣромъ въ 6.000 франковъ отставку старшаго совѣтника контрольной палаты, а освободившееся такимъ образомъ мѣсто пошло на вознагражденіе за оказанныя министерству услуги.

Министерство и оппозиція. Внѣшняя политика.—Гизо пользовался своимъ вліяніемъ на палату для того, чтобы не допускать никакихъ политическихъ реформъ; онъ упорно держался политики *statu quo*. „Послушать васъ,—говорилъ Ламартинъ въ 1842 году,—то весь геній политическихъ дѣятелей заключается въ одномъ только пріемѣ: твердо стать на позицію, которую доставила имъ случайность или революція, и оставаться на ней въ полной неподвижности, упорно сопротивляясь дальнѣйшему поступательному движенію. И если дѣйствительно въ этомъ состоитъ геній государственнаго человѣка, облеченнаго правительственной властью, то для этого совсѣмъ не нужны государственные люди; на это способна и тумба!"

Эта политика косности въ концѣ концовъ надоѣла даже вѣрнымъ министерству консерваторамъ, и послѣ выборовъ 1846 года среди нихъ составилась прогрессистская партія. Одинъ изъ депутатовъ, всегда поддерживавшихъ Гизо, резюмируя дѣятельность министра въ 1847 г., въ слѣдующихъ словахъ формулировалъ свое заключеніе: „Что сдѣлано въ теченіе семи лѣтъ? Ничего, ничего, ничего!"

Оппозиція, состоявшая изъ легитимистской правой и различныхъ группъ лѣвой, направила главное свое нападеніе на внѣшнюю политику кабинета и на его отношеніе къ вопросу о союзѣ съ Англіей—съ одной стороны, и на вопросъ объ избирательной и парламентской реформѣ въ области внутренней политики—съ другой стороны.

Іюльская монархія съ первыхъ же дней своего существованія искала союза съ Англіей. Луи-Филиппъ полагалъ, что въ интересахъ достойнаго отпора деспотическимъ монархіямъ Франція должна сойтись съ той страной, политическое устройство которой приближается къ французскому государственному строю; этими соображеніями объясняется поѣздка Талейрана въ Лондонъ въ сентябрѣ 1830 года и заключеніе четверного союза съ Португаліей и Испаніей въ 1834 году. Но въ 1836 году между Англіей и Франціей наступило нѣкоторое охлажденіе вслѣдствіе отказа Луи-Филиппа вмѣшаться силой оружія въ испанскія дѣла. Извѣстно далѣе, какое негодованіе вызвано было поведеніемъ Пальмерстона по отношенію къ Франціи въ египетскомъ вопросѣ. Но король и Гизо, вопреки національному чувству, рѣшились тѣмъ не менѣе снова сблизиться съ Англіей и возстановить такъ называемое „сердечное согласіе" (*entente cordiale*) между обѣими странами. Возможно, что эта политика была не хуже всякой другой, но стремясь къ сер-

дечному согласію, слѣдовало бы все-таки тщательно охранять достоинство, честь и интересы Франціи; а между тѣмъ въ двухъ случаяхъ министерство не достаточно заботилось объ этомъ достоинствѣ и интересахъ.

Во-первыхъ, по поводу права осмотра кораблей. На Вѣнскомъ конгрессѣ Англія въ принципѣ добилась отмѣны торговли неграми; кромѣ того она требовала предоставленія военнымъ кораблямъ всѣхъ національностей права осматривать коммерческія суда на африканскомъ берегу. Формально всѣ государства пользовались въ данномъ случаѣ какъ будто равными правами, но фактически численное превосходство англійскаго флота превращало право осмотра въ своего рода право общаго надзора Англіи надъ торговыми флотами всѣхъ государствъ, — право, крайне стѣснительное для торговли. Правительство Реставраціи упорно отказывалось признать право осмотра; напротивъ, Іюльская монархія въ 1831 году согласилась подписать конвенцію, возобновленную въ 1833 году. Примѣненія ея на практикѣ связано было съ такими злоупотребленіями, что со всѣхъ сторонъ раздались самые рѣзкіе протесты. Это не помѣшало Гизо 20 декабря 1841 года возобновить договоръ и согласиться даже на болѣе тяжелыя условія, по которымъ право осмотра отнынѣ могло примѣняться не только на африканскомъ берегу, но на всемъ Атлантическомъ океанѣ.

Къ счастью, для вступленія договора въ законную силу требовалось согласіе палаты. Гизо старался оправдать его постановленія гуманитарными соображеніями, но ему не удалось убѣдить палату, которая не только отказалась утвердить послѣдній договоръ, но и осудила договоры 1831 и 1833 годовъ и пригласила министерство ихъ расторгнуть. Это рѣшеніе было однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Гизо распустить палату немедленно послѣ принятія бюджета въ іюнѣ 1842 года. Новые выборы доставили ему болѣе послушное большинство, какъ это не замедлило обнаружиться въ 1844 году во время дѣла Притчарда.

Въ сентябрѣ 1842 года обстоятельства сложились такъ, что адмиралу Дюпти-Туару пришлось объявить Таити и острова Товарищества состоящими подъ французскимъ протекторатомъ. Вслѣдствіе подстрекательства Притчарда, англійскаго аптекаря-миссіонера, давно уже проживавшаго на Таити и облеченнаго званіемъ консула, королева Помаре, воспользовавшись отсутствіемъ французской эскадры, приказала снять знамя протектората. По своемъ возвращеніи адмиралъ Дюпти-Туаръ, возмущенный оскорбленіемъ, нанесеннымъ французскому флагу, по собственной иниціативѣ вступилъ во владѣніе островомъ. Извѣстіе объ этомъ происшествіи вызвало въ Лондонѣ крайнее негодованіе. Англійское правительство потребовало отъ Гизо, чтобы онъ выразилъ порицаніе поведенію адмирала, а въ *Монитёрѣ* опубликована была нота, указывавшая, что на Таити посланъ приказъ возстановить тамъ просто французскій протекторатъ. Публика отвѣтила на эту мѣру поднесеніемъ адмиралу Дюпти-Туару почетной шпаги, а чрезъ нѣсколько дней Ламартинъ при рукоплесканіяхъ всей Франціи заявилъ, что онъ понимаетъ необходимость мира, но что Франціи нуженъ „миръ достойный и прочный, миръ французскій, а не англійскій". Не успѣлъ закончиться этотъ инцидентъ, какъ разгорѣлось второе дѣло Притчарда, во время котораго французское правительство выказало еще большее холопство передъ угрозами Англіи.

Такъ какъ Притчардъ продолжалъ интриговать при дворѣ королевы Помаре, то на Таити вспыхнуло возстаніе туземцевъ, стоившее жизни нѣсколькимъ французскимъ матросамъ. Тогда лейтенантъ д'Обиньи приказалъ арестовать миссіонера и продержать его въ теченіе де-

вяти дней въ тюрьмѣ. Овладѣвшій англичанами гнѣвъ не поддается описанію; министръ Пиль заговорилъ въ палатѣ общинъ о „грубомъ оскорбленіи, сопровождавшемся величайшей низостью“; англійская пресса требовала, чтобы французское правительство извинилось и чтобы офицеръ, осмѣлившійся наложить руку на Притчарда, понесъ примѣрное наказаніе. Эти выходки глубоко задѣли французское патріотическое чувство; Гизо заявилъ въ палатѣ пэровъ, что онъ „намѣренъ защитить честь французскаго флота“. А между тѣмъ черезъ нѣсколько дней въ адресованной лондонскому кабинету депешѣ онъ не только „не колебался выразить правительству Ея Британскаго Величества свое сожалѣніе и порицаніе“ обстоятельствъ, сопровождавшихъ арестъ Притчарда, но сверхъ того предлагалъ „справедливое вознагражденіе за убытки и страданія, которыя должно было претерпѣть сказанное лицо“.

Въ то же время и опять-таки для того, чтобы не раздражить Англію, правительство подписало въ Танжерѣ съ марокскимъ султаномъ, армія котораго была на голову разбита генераломъ Бюжо при Пслѣ, договоръ, по которому Франція не получала никакихъ выгодныхъ уступокъ, даже военной контрибуціи. „Франція настолько богата,—сказалъ Гизо,—что она можетъ заплатить за свою славу“. Тщетно при обсужденіи адреса въ 1845 году нѣкоторые депутаты, въ томъ числѣ такіе безусловно преданные династіи люди, какъ Дюпенъ и Дюфоръ, предлагали поправку, въ которой выражалось сожалѣніе по поводу „не вызывавшейся необходимостью уступки“. Нашлось большинство, готовое покрыть министерство и объявить себя „вполнѣ удовлетвореннымъ“ его объясненіями. Собственно говоря, большинство это не превышало восьми голосовъ, причемъ въ голосованіи приняли участіе девять министровъ. Въ виду этого Гизо и его коллеги по кабинету заговорили было о выходѣ въ отставку, но ихъ рѣшимость не устояла и двухъ сутокъ противъ убѣдительныхъ совѣтовъ Луи-Филиппа.

Избирательная реформа. — Зато какъ только въ палатѣ поднималась рѣчь о парламентской или объ избирательной реформѣ, то за министерство каждый разъ высказывалось гораздо болѣе компактное большинство. Но партизаны реформы, ничуть не смущаясь своими постоянными пораженіями, ежегодно въ періодъ 1844—1848 гг. упорно вносили все новые и новые проекты. Въ области парламентской реформы они требовали признанія несовмѣстимости между занятіемъ нѣкоторыхъ должностей и депутатскимъ мандатомъ, а для обезпеченія независимости депутатовъ-чиновниковъ они предлагали прекратить повышеніе такихъ депутатовъ по службѣ въ продолженіе всего срока депутатскихъ полномочій (предложеніе Моро-Балланжа въ 1841 году, Гонерона въ 1842 г., Сáда въ 1843 г., Ремюза въ 1845, 1846 и 1847 гг.).

Въ области избирательной реформы они выдвигали слѣдующія требованія: предоставленія избирательнаго права такъ называемымъ *capacitaires*, или лицамъ, удовлетворяющимъ условіямъ образовательнаго ценза (гражданамъ, внесеннымъ въ списки присяжныхъ, какъ предлагалъ Дюко въ 1842 году, или лицамъ, имѣющимъ ученую степень, нотаріусамъ, офицерамъ національной гвардіи, гласнымъ городскихъ думъ, какъ этого требовали Кремье въ 1845 г., Дювержье де Гораннъ въ 1847 г.), или пониженія избирательнаго ценза до 100 франковъ. Въ концѣ концовъ люди, получившіе названіе *радикаловъ*, какъ Ледрю-Ролленъ и Араго, начали требовать всеобщаго избирательнаго права.

Гизо и Дюшатель отвергли всѣ эти предложенія, въ томъ числѣ и распространеніе избирательнаго права на лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ образовательнаго ценза, хотя эта мѣра увели-

чила избирательный корпусъ не больше, чѣмъ на какихъ-нибудь пятнадцать тысячъ человѣкъ. „Исполняйте необходимыя дѣла, естественно выдвигаемыя теченіемъ времени,—говорилъ Гизо,—и отклоняйте всѣ вопросы, которые легкомысленно и безъ всякой надобности стараются вамъ навязать“. По его мнѣнію, во Франціи не было больше 180.000 человѣкъ, „способныхъ разумно и независимо осуществлять политическую власть; при этомъ каждый имѣетъ возможность трудиться, составить себѣ состояніе и такимъ образомъ сдѣлаться избирателемъ. Легендарное выраженіе „*Обогащайтесь*!“ котораго Гизо никогда не произносилъ, по существу совершенно вѣрно передаетъ его взглядъ на вопросъ объ избирательной реформѣ.

Банкеты.—Съ 1847 года оппозиція, въ которую входили искренніе сторонники династіи, отчаявшись добиться какихъ бы то ни было уступокъ отъ министерства и отъ палаты, рѣшила вызвать широкое движеніе общественнаго мнѣнія. Иниціативу кампаніи въ пользу реформы взялъ на себя членъ династической оппозиціи, Одилонъ Барро, которому помогали въ этомъ дѣлѣ Тьеръ, Дювержье де Гораннъ, Ремюза и другіе. Республиканцы не замедлили присоединиться къ этому движенію. Рѣшено было организовать сборъ подписей подъ огромной петиціей на банкетахъ, на которыхъ ораторы, главнымъ образомъ изъ числа депутатовъ, доказывали необходимость избирательной реформы.

10 іюля 1847 года въ Парижѣ въ Шато-Ружъ состоялся первый изъ этихъ банкетовъ. 18 іюля въ Маконѣ Ламартинъ подвергъ рѣзкой критикѣ господствовавшій режимъ и предсказалъ близость революціи. „Если монархія, — сказалъ онъ, — обманетъ тѣ надежды, которыя страна въ 1830 году связывала не столько съ ея сущностью, сколько съ ея именемъ, если она станетъ окружать себя избирательной аристократіей, вмѣсто того чтобы раствориться во всемъ народѣ, если она будетъ принижать насъ до позорнаго растлѣнія, ...то, будьте увѣрены, эта монархія падетъ не въ крови, какъ монархія 1789 года, а попадетъ въ ею же вырытую яму. И послѣ того, какъ вы присутствовали при революціяхъ, совершенныхъ во имя свободы, и контръ-революціяхъ, совершенныхъ во имя славы, вы увидите революцію возмущенной общественной совѣсти и революцію презрѣнія“.

Первый толчокъ былъ данъ, и вскорѣ на банкетахъ, которые начапи организовываться по всей странѣ, недовольные заговорили не только о вопросахъ избирательной реформы. Какъ сказалъ Паньеръ въ Шартрѣ, дѣло шло о „возобновленіи того, что не было доведено до конца въ іюлѣ“,—о „замѣнѣ безконтрольной и неотвѣтственной системы личнаго управленія такимъ режимомъ, при которомъ страна сама управляла бы собственными судьбами“. Даже въ самой королевской семьѣ находились люди, сознававшіе, что правительство совершило рядъ тяжкихъ ошибокъ и что страна находится наканунѣ серьезныхъ событій.

„Министровъ у насъ теперь, собственно говоря, нѣтъ,—писалъ принцъ Жуанвильскій герцогу Немурскому 7 ноября 1847 года: – ихъ отвѣтственность фактически не существуетъ; всѣ дѣла восходятъ къ самому королю. Наше внутреннее состояніе незавидно... Въ области внѣшней политики мы тоже не можемъ похвалиться особенно блестящимъ положеніемъ. Передъ палатами мы находимся въ самомъ скверномъ положеніи. Во всемъ этомъ виноватъ только король, который совершенно исказилъ наши конституціонныя учрежденія... Будущее нѣсколько страшитъ меня, но не стараться заглянуть въ него выше моихъ силъ“.

Только герцогъ Орлеанскій способенъ былъ бы раскрыть королю глаза на дѣйствительное положеніе вещей. Но, къ несчастью для династіи, онъ погибъ тра-

гической смертью, разбившись на смерть во время прогулки въ каретѣ 13 іюля 1842 года. Значительная популярность, которую онъ сумѣлъ пріобрѣсти, извѣстная привязанность его къ идеямъ свободы, надежда на счастливое царствованіе—все это могло бы внушить странѣ нѣкоторое терпѣніе; а теперь передъ обществомъ открывалась слѣдующая перспектива: малолѣтній принцъ и регентство самаго непопулярнаго изъ членовъ королевской семьи герцога Немурскаго.

Новыя партіи. Католическая партія.—Во Франціи сложились двѣ новыя партіи, которыя послѣ паденія Іюльской монархіи начали оспаривать другъ у друга руководящую роль въ новомъ правительствѣ, а именно католическая партія и соціалистическая партія.

Послѣ іюльской революціи наступила очень рѣзкая, но непродолжительная антиклерикальная реакція; во всякомъ случаѣ эти событія послужили для духовенства полезнымъ урокомъ, по крайней мѣрѣ, въ разсматриваемый періодъ. Оно въ общемъ поняло невозможность возвращенія къ прошлому и возстановленія привилегированной корпораціи клира, поняло тѣмъ легче, что въ огромномъ большинствѣ оно рекрутировалось изъ народа. Нѣкоторые изъ членовъ духовенства сообразили также, что связывать дѣло церкви съ судьбой какой-нибудь династіи и примыкать къ какой-либо опредѣленной формѣ правленія было крупнѣйшей ошибкой; они начали приходить къ той мысли, что необходимо искать опоры въ основномъ элементѣ государственной жизни, то-есть въ народныхъ массахъ. А такъ какъ народъ требовалъ свободнаго режима, то и духовенство должно было сдѣлаться либеральнымъ; вмѣсто того, чтобы враждебно выступать противъ тѣхъ принциповъ, на которыхъ покоилась организація новой Франціи, необходимо было приспособиться къ этимъ принципамъ и использовать ихъ съ наибольшей выгодой для католической церкви; вмѣсто привилегій необходимо было требовать отъ правительства только свободы.

Иниціатива этой новой тактики принадлежала бывшимъ легитимистамъ. Ламеннэ, одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ абсолютизма, превратившійся въ столь же яраго защитника свободы, подалъ первый сигналъ изданіемъ газеты „Будущность“ (*L'Avenir*), первый номеръ которой вышелъ въ свѣтъ 18 ноября 1830 года. Главными сотрудниками этой газеты были Монталамберъ и Лакордэръ; ихъ программа была формулирована Ламеннэ въ одномъ изъ его писемъ къ Монталамберу слѣдующимъ образомъ: „Освободить религію отъ рабскаго подчиненія правительствамъ... и завоевать вольности, гражданскія вольности, конечной цѣлью которыхъ является свобода духа“. Въ области внутренней политики партія требовала отдѣленія церкви отъ государства и свободы преподаванія; въ области внѣшней политики она требовала освобожденія Бельгіи, Польши и Италіи. „Будущность“ перестала выходить въ 1832 году, послѣ того какъ папа осудилъ нѣкоторыя излагаемыя ею доктрины. Кстати, другой характерной чертой либерально-католической партіи былъ полный ея отказъ отъ галликанскихъ ученій и отъ идеи національной церкви и открытое признаніе ультрамонтанства.

Почти всѣ свои усилія партія направила на завоеваніе свободы преподаванія. Такъ какъ свобода преподаванія была обѣщана Хартіей, то католики требовали, чтобы имъ предоставлено было право свободно открывать католическія школы, и рѣзко нападали на монополію университета; какъ тогда замѣчали, „борьба между церковью и государствомъ измѣнила свой характеръ: она превратилась въ борьбу между епископомъ и университетомъ“. Вначалѣ Монталамберъ и Лакордэръ играли въ этой борьбѣ главную

роль; въ 1831 году они открыли первоначальную школу, не испросивши предварительнаго разрѣшенія; школа была закрыта, а виновные преданы суду пэровъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Монталамберъ, и приговорены къ штрафу въ 100 франковъ.

Поразительный успѣхъ проповѣдей Лакордэра въ соборѣ Парижской Богоматери увеличилъ силы партіи. Съ 1840 года нападки противъ университета въ клерикальныхъ газетахъ *L'Ami de la Religion*, *La Gazette de France*, *L'Univers* (въ которой началъ писать Вейо) начали принимать все болѣе рѣзкій характеръ. Католическіе памфлеты, въ родѣ *Университетской монополіи* каноника Дегаре, вызывали въ противномъ лагерѣ вполнѣ основательное негодованіе. Однако правительство сдѣлало католикамъ нѣкоторыя уступки въ законопроектѣ о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ; этотъ проектъ, внесенный въ палату въ 1834 году, но не обсуждавшійся ею, попрежнему оставлялъ частныя школы подъ контролемъ университета, но отмѣнялъ систему предварительнаго разрѣшенія.

Университетъ нашелъ краснорѣчивыхъ и страстныхъ защитниковъ въ видѣ герцога Бройля, Кузена и Тьера—въ парламентѣ, Мишлэ и Эдгара Кинэ — въ *Collège de France*.

Либералы снова открыли походъ противъ іезуитовъ. Въ 1845 году Тьеръ интерпеллировалъ по этому поводу правительство, а палата единогласно вотировала резолюцію, приглашавшую министерство „слѣдить за точнымъ исполненіемъ государственныхъ законовъ". По соглашенію съ папой, переговоры съ которымъ велъ Росси, новиціаты были распущены, а іезуитскія заведенія закрыты по указу 6 іюля 1845 года. Эта мѣра не имѣла особеннаго значенія, такъ какъ она ничуть не помѣшала одной части французской буржуазіи воспитывать своихъ дочерей въ монастыряхъ, а сыновей въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Соціалистическая партія.—Другая, менѣе значительная часть буржуазіи увлеклась новыми соціальными ученіями и пошла за проповѣдниками общественнаго преобразованія. Въ эпоху Реставраціи Сенъ-Симонъ издалъ „Катехизисъ промышленниковъ" и „Новое христіанство"; тронутый нищетой низшихъ классовъ, онъ нашелъ противъ нея средство во „всеобщей ассоціаціи, основанной на любви", и формулировалъ знаменитый принципъ: „Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ". Эксцентричныя выходки нѣкоторыхъ его послѣдователей (впрочемъ, выдающихся въ умственномъ отношеніи людей), устроившихъ фаланстеръ въ Менильмонтанѣ [1]) подъ руководствомъ „отца" Анфантена, вызвали въ 1832 году преслѣдованіе за организацію противозаконнаго сообщества и процессъ, закончившійся осужденіемъ и разсѣяніемъ его членовъ. Сенъ-симонистская пропаганда посредствомъ лекцій и газетъ („Le Globe" и „Le Producteur") не вызвала никакого движенія въ обществѣ, и менильмонтанское семейство сошло со сцены подъ взрывъ всеобщаго смѣха.

Хотя нѣкоторыя лица приписывали первое ліонское возстаніе отчасти пропагандѣ сенъ-симонистскихъ идей, но въ дѣйствительности сенъ-симонисты никакимъ вліяніемъ на рабочихъ не пользовались. То же самое можно сказать о послѣдователяхъ Фурье. Первая французская соціалистическая партія сложилась, помимо всякаго вліянія теоретиковъ, путемъ раскола въ республиканской партіи. При основаніи общества „Правъ человѣка" Годфруа Кавеньякъ, перепечатывая въ качествѣ программы новаго общества „Декларацію правъ человѣка и гражданина" 1793 года, для опредѣленія собственности

---

[1]) Одинъ изъ кварталовъ XX парижскаго округа.
Прим. перев.

принялъ не формулу Конвента, а формулу Робеспьера: „Собственность есть право каждаго гражданина на пользованіе той частью благъ, которая обезпечивается ему закономъ“. Тогда тѣ республиканцы, которые признавали собственность естественнымъ правомъ, отдѣлились отъ него.

Въ 1832 году соціальная партія, состоявшая главнымъ образомъ изъ ремесленниковъ, заявила, что она имѣетъ въ виду „не столько политическую перемѣну, сколько соціальное переустройство“; цѣлью партіи являлось „равномѣрное распредѣленіе общественныхъ повинностей и выгодъ, полное установленіе царства равенства“. Эта партія, принимавшая участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ, приняла въ 1839 году названіе *коммунистической* партіи. Ея программа отличалась еще неопредѣленностью, а доктрина нуждалась еще въ точной формулировкѣ.

Въ томъ же самомъ году Луи Бланъ, вышедшій изъ сенъ-симонистской школы, напечаталъ свою брошюру объ „Организаціи труда“. Во Франціи существовала доктрина безъ партизановъ и партія безъ докрины; Луи Бланъ далъ этой партіи доктрину. Онъ объявилъ, что каждый человѣкъ имѣетъ „право на трудъ“ и что общество обязано обезпечить каждому гражданину возможность найти работу. Государство, являющееся представителемъ общества, должно на свой счетъ основать *національныя мастерскія*, гдѣ рабочіе сами руководили бы работами и дѣлили бы между собою прибыль отъ предпріятія; такимъ образомъ была бы осуществлена сенъ-симонистская формула: прекращеніе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Въ 1840 году по поводу одной стачки Араго впервые заговорилъ въ палатѣ о необходимости организаціи труда, для того чтобы положить конецъ бѣдствіямъ фабричныхъ рабочихъ, а 24 мая депутатація отъ тысячи рабочихъ явилась въ обсерваторію благодарить его и предложить ему „свою признательность и поддержку“. Газета „Реформа“ (*La Réforme*), основанная Луи Бланомъ въ 1843 году, сдѣлалась органомъ новой партіи, первымъ депутатомъ которой было Ледрю-Ролленъ. Партія присоединилась къ кампаніи въ пользу избирательной реформы, но для нея дѣло шло не о простомъ расширеніи избирательнаго корпуса: она хотѣла добиться *всеобщаго избирательнаго права*, какъ орудія къ совершенію соціальнаго преобразованія. Ледрю-Ролленъ въ 1841 году, обращаясь къ избирателямъ Манса, говорилъ въ своемъ profession de foi: „Движеніе черезъ политическій вопросъ къ соціальной реформѣ — таковъ путь, характеризующій демократическую партію“.

Важное значеніе новой партіи, съ которой сами французы были мало знакомы, не ускользнуло зато отъ вниманія иностранцевъ, и нѣмецъ Штейнъ писалъ въ 1842 году: „Времена чисто политическихъ движеній во Франціи миновали; будущая революція не можетъ уже быть иной, какъ революціей соціальной“.

Глава X.

Гражданскія и военныя учрежденія Франціи.

1814—1847.

Съ конституціонной точки зрѣнія между Имперіей и Реставраціей съ ея „октроированной“ хартіей, а затѣмъ между Реставраціей и Іюльской монархіей съ ея „принятой“ хартіей—существуютъ глубокія различія. Этого нельзя въ такой же степени сказать съ точки зрѣнія гражданскихъ и военныхъ учрежденій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ частичныхъ поправокъ, учрежденія Имперіи пережили ея паденіе. Вся административная и судебная іерархія, военная организація, гражданское и торговое законодательство, организація народнаго образованія въ періодъ 1814—1847 гг. и даже въ настоящее время ведутъ свое начало отъ эпохи Наполеона I. Въ общемъ можно сказать, что въ 1814 и въ 1830 году дважды измѣнились скорѣе стремленія общества, чѣмъ формы учрежденій.

I.—Административныя учрежденія.

Центральная администрація. — Хартія 1814 года, замѣнившая сенатъ палатой пэровъ и законодательный корпусъ—палатой депутатовъ, ни словомъ не упоминала о *Государственномъ совѣтѣ* и о *министерствахъ.* И точно такъ же поступила хартія 1830 года. Обѣ хартіи, само собою разумѣется, предоставляли королю, какъ главѣ исполнительной власти, право назначенія и увольненія своихъ министровъ, равно какъ и право опредѣлять ихъ число и кругъ вѣдомства посредствомъ простыхъ указовъ. Изъ двѣнадцати министровъ, существовавшихъ къ концу Имперіи, Людовикъ XVIII первоначально сохранилъ только шестерыхъ: канцлера (министра юстиціи), министровъ и государственныхъ секретарей иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, военнаго и морского. Но эта первоначальная организація вскорѣ подверглась измѣненіямъ. Людовикъ XVIII и Карлъ X послѣдовательно возстановили бывшее министерство королевскаго двора, уничтоженное въ 1827 году; министерство полиціи, просуществовавшее только три года (1815—1818); министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (1824), преобразованное послѣ 1830 года въ министерство народнаго просвѣщенія; наконецъ, министерство торговли и промышленности (ministère du commerce et des manufactures) (1828), раздѣленное на два вѣдомства въ 1839 году.

Наряду съ министрами, носившими названіе „государственныхъ секретарей“ и

фактически завѣдывавшими какимъ-нибудь опредѣленнымъ „департаментомъ“, Людовикъ XVIII сталъ назначать „государственныхъ министровъ“,—званіе, которое было отмѣнено въ 1830 году и возстановлено въ 1842 году. Эти государственные министры фактически никакого участія въ веденіи дѣлъ не принимали. Они входили только вмѣстѣ съ принцами, государственными секретарями и различными лицами въ нѣкоторые совѣты, которыми окружали себя Людовикъ XVIII, Карлъ X и Луи-Филиппъ для совѣщанія обо всѣхъ вопросахъ, касавшихся высшей администраціи, общей полиціи и государственной безопасности (*Верховный совѣтъ* 1814 г.; *Тайный совѣтъ* 1815 г., отмѣненный въ 1830 и возстановленный въ 1842 году; *Государственный совѣтъ*).

Центральная администрація дополнялась *Государственнымъ совѣтомъ*. Этотъ совѣтъ, игравшій, какъ извѣстно, такую огромную роль въ эпоху Консульства и Имперіи, совершенно не упоминался въ октроированной Людовикомъ XVIII хартіи. Этимъ самымъ онъ терялъ свой конституціонный характеръ и свои законодательныя прерогативы. Онъ остался, да и не могъ не остаться простымъ правительственнымъ совѣтомъ, дававшимъ только „заключенія“, которымъ король могъ и не слѣдовать. Такимъ образомъ, значеніе его сильно сократилось, а организацію его не приходилось больше регулировать законодательнымъ порядкомъ; для этого достаточно было королевскихъ указовъ. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ отвѣчали министры всѣмъ тѣмъ, кто оспаривалъ законный характеръ Государственнаго совѣта.

Государственный совѣтъ первоначально состоялъ изъ министровъ—государственныхъ секретарей, изъ государственныхъ министровъ, двадцати пяти штатныхъ совѣтниковъ и пятидесяти докладчиковъ (іюньскій указъ 1814 года). Онъ раздѣлялся на пять *комитетовъ:* законодательный, финансовый, внутреннихъ дѣлъ, торговый и судебный. Послѣдній комитетъ, подобно бывшему „Тяжебному совѣту“ (Conseil des parties), отличался особымъ характеромъ: мы еще встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о судебной организаціи. Задача остальныхъ комитетовъ заключалась въ выработкѣ законопроектовъ и регламентовъ, „касающихся предметовъ, входившихъ въ кругъ ихъ вѣдомства“. Кромѣ того, они, въ формѣ приказовъ, вѣдали всѣ административныя дѣла мѣстнаго или личнаго характера, не относящіяся къ области юридическихъ конфликтовъ.—Послѣ Ста дней и при Іюльской монархіи число членовъ Государственнаго совѣта, докладчиковъ и аудиторовъ (институтъ, учрежденный въ 1824 г.), равно какъ распредѣленіе ихъ по отдѣльнымъ комитетамъ, нѣсколько разъ измѣнилось (указы отъ августа 1815 г., августа 1824 г., ноября 1828 г., сентября 1839 г.). Указъ 1839 г. учреждалъ пять *административныхъ* комитетовъ: законодательный (соотвѣтствовавшій юридическимъ, вѣроисповѣднымъ и иностраннымъ дѣламъ), военный и морской, внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, финансовый и, наконецъ, комитетъ торговли, земледѣлія и общественныхъ работъ, не считая комитета судебнаго *(спорныхъ дѣлъ)*, который все болѣе и болѣе пріобрѣталъ своеобразный характеръ и который указомъ опредѣленно отдѣлялся отъ остальныхъ. Законъ 19 іюля 1845 года подтвердилъ бо́льшую часть постановленій указа 1839 года и такимъ образомъ вернулъ Государственному совѣту ту законодательную основу, которой ему не доставало.

Департаментская администрація.—Система, установленная закономъ 28 плювіоза VIII года, закономъ, который ввелъ въ каждомъ департаментѣ префекта, совѣтъ префектуры и департаментскій генеральный совѣтъ, а въ каждомъ коммуналь-

номъ округѣ супрефекта и окружной совѣтъ,—эта система не претерпѣла въ эпоху Реставраціи никакихъ существенныхъ измѣненій. Согласно статьѣ 14-ой хартіи, предоставлявшей главѣ государства право назначенія „на всѣ должности по государственной администраціи", *всѣ* члены департаментской администраціи назначались королемъ, подобно тому какъ прежде они назначались императоромъ. Въ то время система эта представляла нѣкоторыя положительныя стороны. Заинтересованный въ хорошей постановкѣ департаментской администраціи, король назначалъ на должность префектовъ компетентныхъ людей, которые въ теченіе долгаго времени оставлялись имъ на своихъ мѣстахъ и такимъ образомъ успѣвали основательно ознакомиться съ потребностями ввѣренныхъ имъ округовъ. Генеральные и окружные совѣты занимались мѣстными дѣлами, а не политикой. Тѣмъ не менѣе департаментская организація подвергалась во время Реставраціи многочисленнымъ нападкамъ.

Въ первый разъ требованія реформъ послышались въ концѣ 1815 года изъ устъ Виллеля, говорившаго отъ имени правой. Въ угоду ей правительство 9 апрѣля 1817 года отмѣнило должность супрефектовъ въ главныхъ городахъ департаментовъ (безспорно, совершенно безполезную) и генеральныхъ секретарей префектуры,—должность, которая была возстановлена 1 августа 1820 года. Сдѣлавшись министромъ, Виллель въ свою очередь внесъ въ февралѣ 1821 года довольно сложный законопроектъ, обставлявшій нѣкоторыми гарантіями вербовку генеральныхъ совѣтовъ. Обсужденіе этого законопроекта, вызвавшаго рѣзкую критику со стороны либераловъ, было отложено на неопредѣленное время. Министерство Мартиньяка представило два другихъ проекта: первый, съ которымъ мы встрѣтимся ниже, касался организаціи коммунъ, а второй—организаціи генеральныхъ и окружныхъ совѣтовъ (февраль 1829 г.). Отнынѣ члены этихъ совѣтовъ должны были *выбираться*, но весьма ограниченнымъ числомъ избирателей. Проектъ подвергся нападкамъ съ двухъ сторонъ: правая усматривала въ немъ опасную уступку выборному началу, а лѣвая критиковала его за то, что онъ отводилъ этому началу крайне недостаточное мѣсто. Докладъ относительно этого проекта, прочитанный въ палатѣ депутатовъ Себастіани, спуталъ все построеніе закона: онъ требовалъ уничтоженія округовъ, безполезность которыхъ признана была уже конституціей III года, и предлагалъ болѣе широкую избирательную систему, чѣмъ та, которая устанавливалась проектомъ. Послѣ продолжительныхъ и бурныхъ дебатовъ палата, благодаря воздержанію правой, приняла предложеніе объ уничтоженіи окружныхъ совѣтовъ (8 апрѣля). А черезъ часъ Мартиньякъ отъ имени короля взялъ обратно оба законопроекта.

Революція 1830 года привела къ власти ту партію, которая въ продолженіе 15 лѣтъ боролась за организацію этихъ учрежденій на болѣе свободныхъ началахъ. И дѣйствительно, принятая Луи-Филиппомъ хартія обѣщала, между прочимъ, „преобразованіе департаментскихъ и муниципальныхъ учрежденій на основѣ выборной системы" (ст. 69). Во исполненіе этого обѣщанія правительство въ 1831 году внесло нѣсколько законопроектовъ относительно муниципальнаго устройства и департаментской администраціи. Проектъ относительно департаментской „организаціи" былъ принятъ палатами въ 1833 году. Онъ сохранялъ всю организацію, установленную закономъ 28 плювіоза, въ томъ числѣ и округа, которые авторами проекта, пока они были въ оппозиціи, признавались излишними. Но теперь генеральные и окружные совѣтники должны были *выбираться*. Выборы производились избира-

тельной коллегіей, составленной изъ крупнѣйшихъ плательщиковъ кантона; пассивнымъ избирательнымъ правомъ пользовались только лица, платившія въ департаментѣ 200 или 150 франковъ прямыхъ налоговъ. Такимъ образомъ цензитарный режимъ и при мѣстныхъ выборахъ свирѣпствовалъ въ такой же степени, какъ и при законодательныхъ.

Законъ 1833 года не вносилъ измѣненій *въ кругъ вѣдомства* генеральныхъ или окружныхъ совѣтовъ. Палатамъ былъ предложенъ другой законопроектъ, который былъ вотированъ только въ 1838 г. послѣ многочисленныхъ мытарствъ. Законъ 1838 года значительно расширялъ кругъ вопросовъ, которые призваны были рѣшать департаментскія собранія; но онъ не предоставлялъ имъ никакого дѣйствительнаго контроля надъ администраціей префекта. Въ то время относились еще враждебно къ административной *децентрализаціи*, на которую, между прочимъ, съ величайшей энергіей нападалъ Тьеръ. Такимъ образомъ, законъ подвергался критикѣ съ двухъ сторонъ: по мнѣнію однихъ, онъ предоставлялъ слишкомъ много власти выборнымъ чиновникамъ; для другихъ „1838 годъ являлся вторымъ изданіемъ VIII года". Истина была посрединѣ между обоими крайними мнѣніями.

Муниципальная администрація.—Исторія муниципальной администраціи, которую мы для большей ясности должны были отдѣлить отъ исторіи департаментской администраціи, прошла при Реставраціи и Іюльской монархіи черезъ тѣ же этапы и колебанія.

Благодаря неудачѣ, постигшей оба проекта Виллеля и Мартиньяка, законъ 28 плювіоза безъ всякихъ измѣненій оставался въ силѣ во все продолженіе Реставраціи. Вслѣдствіе этого мэры, товарищи мэровъ и даже муниципальные совѣтники назначались королемъ или его представителемъ, префектомъ,—и такимъ образомъ, муниципалитеты находились въ тѣснѣйшей зависимости отъ центральной власти. Проектъ Мартиньяка относительно муниципальнаго устройства оставлялъ за администраціей право назначенія мэровъ и ихъ товарищей, въ которыхъ онъ прежде всего видѣлъ агентовъ исполнительной власти, но допускалъ избраніе муниципальныхъ совѣтниковъ. Мы уже знаемъ, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ проектъ этотъ не дошелъ до обсужденія.

Съ нѣкоторыми измѣненіями онъ снова появился на сцену во время Іюльской монархіи и сдѣлался закономъ 21 марта 1831 года. По этому закону, остававшемуся въ силѣ до 1848 года, муниципальные совѣтники выбирались на шесть лѣтъ спеціальнымъ избирательнымъ корпусомъ, составленнымъ изъ крупнѣйшихъ плательщиковъ каждой коммуны и изъ различныхъ категорій чиновниковъ. Мэры и товарищи мэровъ назначались на три года королемъ или префектомъ, но непремѣнно изъ среды членовъ муниципальнаго совѣта.—Въ 1837 году принятъ былъ второй законопроектъ, расширявшій кругъ вѣдомства муниципальныхъ совѣтовъ. — Парижъ и Сенскій департаментъ получили особое административное и муниципальное устройство по закону 20 апрѣля 1834 года.

Спеціальные административные органы.— Бóльшая часть спеціальныхъ административныхъ органовъ, созданныхъ Консульствомъ и получившихъ дальнѣйшее развитіе во время Имперіи, остались въ силѣ безъ всякихъ измѣненій. Такъ, напримѣръ, обстояло дѣло съ департаментомъ *прямыхъ налоговъ*, на который возложена была обязанность слѣдить за правильнымъ поступленіемъ четырехъ прямыхъ налоговъ (поземельный, личный и движимый, налогъ на окна и двери, патентный сборъ) и многочисленныхъ аналогичныхъ сборовъ.—„Управленіе соединенныхъ пошлинъ" и таможенное

управленіе, первоначально объединенныя въ одно учрежденіе подъ названіемъ „Общаго управленія косвенныхъ налоговъ“ (май 1814 г.), снова были раздѣлены Наполеономъ и составили, какъ и прежде (до 1851 года), два отдѣльныхъ департамента—*косвенныхъ налоговъ* и *таможенныхъ сборовъ*.—Департаменты *гербовыхъ сборовъ, государственныхъ имуществъ, мостовъ и дорогъ, горный, судостроительный* (персоналъ послѣднихъ трехъ все время рекрутировался въ Политехнической школѣ) остались безъ замѣтныхъ измѣненій.—Организація лѣсного вѣдомства, установленная Консульствомъ, была подтверждена „Лѣснымъ Уставомъ“ (Code Forestier), который въ 1827 году былъ прибавленъ къ пяти кодексамъ Наполеона, а въ 1829 году она была дополнена открытіемъ Лѣсного института въ Нанси.

II.—Судебныя учрежденія.

Обыкновенные суды (гражданскіе и уголовные).—Въ области гражданскаго и уголовнаго судопроизводства хартія 1814 г. цѣликомъ оставила въ силѣ дѣйствовавшую при Имперіи систему. Впрочемъ, въ хартіи старый монархическій принципъ былъ высказанъ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ въ сенатусъ-консультѣ отъ 28 флореаля XII года: „Всякая судебная власть исходитъ отъ короля“ (ст. 57), а этотъ принципъ въ одномъ изъ своихъ важнѣйшихъ послѣдствій отрицаетъ принципъ раздѣленія властей. Хартія отрицала его и въ другомъ отношеніи, а именно, когда она заявляла, что только *назначенные королемъ* судьи признаются несмѣняемыми (ст. 58). Такимъ образомъ, судьи, назначенные при прежнемъ режимѣ, не пользовались правомъ несмѣняемости, если только они не были снова утверждены въ своей должности королемъ. Король даровалъ имъ эту новую инвеституру, но онъ воспользовался ею, чтобы устранить нѣкоторыхъ судей отъ занимаемыхъ ими мѣстъ. „Безподобная“ палата хотѣла пойти еще дальше. Несмотря на усилія Ройе-Коллара, она въ ноябрѣ 1815 года вотировала временную пріостановку несмѣняемости судей. Но менѣе ослѣпленные страстью пэры отвергли это новое покушеніе на принципъ.

За исключеніемъ этого пункта, всѣ судебныя учрежденія Имперіи были сохранены: кассаціонный судъ, аппеляціонные суды, обыкновенные трибуналы (окружные суды), коммерческіе суды, мировые судьи (ст. 59—61). Институты присяжныхъ (ст. 65) и кандидатовъ на судебныя должности (аудиторовъ, замѣняющихъ дѣйствительныхъ членовъ суда) также были сохранены. Но хартія отняла у короля право учреждать исключительныя комиссіи и трибуналы, такъ какъ „никто не можетъ быть лишенъ своихъ естественныхъ судей“ (ст. 62—63); а слѣдовательно были отмѣнены спеціальные суды, спеціальные таможенные трибуналы и превотальныя таможенныя палаты.

Во время Іюльской монархіи правительство, дѣлая видъ, что уважаетъ принципъ несмѣняемости судей, принялось обходить его съ гораздо большей ловкостью. Оно ограничивалось тѣмъ, что стало требовать отъ нихъ присяги на вѣрность „королю французовъ“, какъ и отъ всѣхъ другихъ чиновниковъ. Довольно значительное число судей отказалось исполнить это требованіе и такимъ образомъ „очистка“ совершилась сама собой. Впослѣдствіи въ судебной организаціи произведены были нѣкоторыя детальныя измѣненія. Институтъ кандидатовъ на судебныя должности, подозрѣваемыхъ въ недостаткѣ независимости по отношенію къ исполнительной власти, былъ упраздненъ (10 декабря 1830 года). Сверхштатные судьи были допущены, въ случаѣ надобности, къ исполненію прокурорскихъ

функцій (20 декабря 1830 г.). Наконецъ, тремя законами послѣдовательно расширена была компетенція въ послѣдней инстанціи окружныхъ судовъ (апрѣль 1838 г.), мировыхъ судей (май 1838 г.) и коммерчесскихъ судовъ (мартъ 1840 г.).

Исключительные суды. — Наряду съ обыкновенными репрессивными судами въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи, какъ и во время Имперіи, дѣйствовали также исключительные суды.

Первоначально хартія 1814 года сохранила въ принципѣ *верховный судъ*; но вмѣсто того, чтобы придать ему организацію, независимую отъ законодательныхъ собраній, она сдѣлала ту ошибку, что предоставила прерогативы верховнаго суда палатѣ пэровъ. Палата пэровъ должна была вѣдать всѣ дѣла о государственной измѣнѣ и о покушеніяхъ противъ государственной безопасности, равно какъ всѣ преступленія, совершенныя ея членами [1]). Хартія 1830 года (ст. 28—29) оставила за верхней палатой эти функціи. Какъ извѣстно, главные процессы, разсматривавшіеся этимъ политическимъ судилищемъ, это были процессъ маршала Нея въ 1815 году и процессъ министровъ Карла X въ 1830 году.

Хартія 1814 года допускала также возстановленіе военныхъ „превотальныхъ“ судовъ, „если такое возстановленіе признано будетъ необходимымъ“ (ст. 63). Оно признано было необходимымъ послѣ Ста дней, и особый законъ учредилъ въ каждомъ департаментѣ по *превотальному суду* (декабрь 1815 года). Этотъ судъ состоялъ изъ президента и четырехъ судей изъ мѣстнаго гражданскаго трибунала, а въ качествѣ слѣдователя къ нему присоединялся *прево*, назначенный изъ среды офицеровъ сухопутной или морской арміи, имѣющихъ чинъ не ниже полковника. Онъ вѣдалъ всѣ преступленія, способныя повести къ тяжкому нарушенію общественнаго порядка: незаконное употребленіе вооруженной силы, погромы, грабежи, мятежныя сборища, призывы къ ниспроверженію правительства и т. п. Приговоры его не подлежали ни аппеляціи, ни кассаціи и должны были приводиться въ исполненіе въ двадцать четыре часа. — Такъ какъ законъ 1815 года носилъ временный характеръ и продленъ не былъ, то превотальные суды исчезли въ 1817 году, а вѣдавшіяся ими преступленія перешли въ вѣдѣніе суда присяжныхъ или *военныхъ* судовъ.

Послѣдніе, существованіе коихъ оправдывается соображеніями высшаго порядка, дѣйствовали во всѣ времена. Ни Реставрація, ни Іюльская монархія не коснулись различныхъ военныхъ трибуналовъ, существовавшихъ при Имперіи. Впрочемъ, правительство Карла X нѣсколько разъ (въ 1827, 1829 г.) требовало упрощенія ихъ процедуры и выработки военно-судебнаго устава. Но событія 1830 года помѣшали осуществленію этихъ намѣреній. И только въ 1855 году этотъ вопросъ снова поставленъ былъ на очередь.

Реформа уголовнаго судопроизводства, Уложенія о наказаніяхъ и тюремная реформа.—Гражданское судопроизводство не испытало за этотъ періодъ никакихъ существенныхъ измѣненій [1]). Напротивъ, въ области уголовнаго судопроизводства мы наблюдаемъ цѣлый рядъ полезныхъ улучшеній.—Прежде всего преобразованъ былъ способъ составленія списковъ присяжныхъ; прежде эти списки составлялись такимъ образомъ, что естественно возникало подозрѣніе относительно независи-

---

[1]) Ст. 33 и 34. — На эту послѣднюю статью ссылался Ней, требуя суда палаты пэровъ.

[1]) Слѣдуетъ указать на расширеніе (въ 1837 г.) правъ кассаціоннаго суда въ томъ отношеніи, что рѣшенія его съ *юридической* стороны получили обязательную силу въ случаѣ вторичнаго разсмотрѣнія того же дѣла въ кассаціонномъ порядкѣ. — Хартія 1814 года предоставила членамъ кассаціоннаго суда право несмѣняемости.

мости назначаемыхъ присяжныхъ, а противъ этого способа давно уже раздавались критическія замѣчанія. Принятая палатами новая система дала въ этомъ отношеніи величайшія гарантіи (въ смыслѣ безпристрастія) и обществу, и подсудимымъ (законы 2 мая 1827 года и 2 іюля 1828 года).—Въ 1832 году послѣ общаго пересмотра Устава уголовнаго судопроизводства и Уложенія о наказаніяхъ жюри получило новое право, а именно право *самостоятельно* признавать наличность *смягчающихъ вину обстоятельствъ*, что необходимо влекло за собой смягченіе наказанія. Кромѣ того для обвиненія требовалось большинство двухъ третей голосовъ. Наконецъ, въ 1835 г. открытое голосованіе, сохраненное уставомъ 1808 года для присяжныхъ, замѣнено было *закрытой* баллотировкой, но при этомъ возстановлено было правило, по которому для обвиненія достаточно абсолютнаго большинства голосовъ.

Уложеніе о наказаніяхъ, которое слишкомъ еще было пропитано духомъ уголовнаго ордонанса 1670 года, получило множество поправокъ. Общая конфискація отмѣнена была хартіей 1814 года (ст. 66). Зато въ виду того, что случаи кражи священныхъ сосудовъ изъ церквей сильно умножились (въ теченіе четырехъ лѣтъ 440 кражъ), Карлъ X счелъ нужнымъ потребовать усиленія наказаній за преступленія этого рода, а особенно въ случаѣ оскверненія святыхъ даровъ. Съ этой цѣлью онъ провелъ въ парламентѣ такъ называемый „законъ о святотатствѣ“, который отчасти возстановлялъ старое преступленіе „оскорбленіе божественнаго величества“ (1826 г.). Этотъ законъ, никогда въ дѣйствительности не примѣнявшійся, былъ отмѣненъ въ 1830 году. — Новый законъ 28 апрѣля 1832 года отмѣнилъ вслѣдъ затѣмъ выставленіе у позорнаго столба, клеймленіе, отсѣченіе кисти у отцеубійцъ передъ казнью. Смертная казнь, полной отмѣны которой требовали тогда Ламартинъ и Дестю де Траси, была замѣнена другимъ наказаніемъ въ двѣнадцати случаяхъ, въ которыхъ она назначалась по Уложенію 1808 года. Кромѣ того введена была новая классификація наказаній по двумъ различнымъ категоріямъ: для преступленій уголовнаго характера и для политическихъ преступленій. И, наконецъ, къ моменту революціи 1848 года основные элементы реформы пенитенціарнаго режима были уже подготовлены.

Въ послѣднемъ отношеніи дѣло оставалось въ теченіе долгаго времени при старыхъ ложныхъ порядкахъ, то-есть при такой отвратительно организованной тюремной системѣ, при которой тюремные смотрители эксплуатировали заключенныхъ, послѣдніе получали недостаточную и нездоровую пищу, а отправляемые въ лазаретъ больные помѣщались по трое и по четверо на одной кровати. Людовикъ XVIII, тронутый такимъ плачевнымъ положеніемъ вещей, основалъ „Королевское Тюремное Общество“, которому удалось достигнуть нѣкоторыхъ *матеріальныхъ* улучшеній (1819—1829 гг.). — Въ эпоху Іюльской монархіи вниманіе реформаторовъ направилось также и въ сторону *моральныхъ* улучшеній. Опытъ, произведенный въ Америкѣ, въ аубѐрнской (Auburn) и филадельфійской исправительныхъ тюрьмахъ, доказалъ, что смѣшеніе заключенныхъ разныхъ категорій служитъ источникомъ развращенія. А отсюда оставался одинъ только шагъ къ тому, чтобы потребовать отдѣленія различныхъ разрядовъ заключенныхъ, а затѣмъ и изолированія ихъ въ *одиночныхъ камерахъ*. Въ 1838 году префектъ Сенскаго департамента примѣнилъ одиночную систему къ „Малой Рокетской“ тюрьмѣ, въ которой содержались малолѣтніе преступники: случаи рецидива уменьшились въ десять разъ. Правительство, убѣдившись въ преимуществахъ этой системы, внесло законопроектъ, обнимавшій полное пре-

образованіе пенитенціарной системы. Послѣ многочисленныхъ проволочекъ проектъ этотъ, въ переработанномъ и исправленномъ видѣ, принятъ былъ палатой депутатовъ въ 1847 году. Онъ долженъ былъ поступить уже въ палату пэровъ, когда разразились событія 1848 года.

Административные суды. — Реставрація сохранила всѣ административные суды первой Имперіи, въ томъ числѣ „Государственный контроль" (Cour des comptes), компетенція котораго была расширена въ 1843 году, и „Государственный совѣтъ", исторія котораго — съ юридической стороны — нуждается въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ.

Въ 1806 году при Государственномъ совѣтѣ учреждена была специальная „тяжебная комиссія", которая должна была относительно каждаго дѣла подготовлять доклады, утверждаемые затѣмъ общимъ собраніемъ совѣта. Въ эпоху Реставраціи эта система подверглась живѣйшимъ нападкамъ, а въ 1828 году административная юрисдикція испытала кризисъ, повлекшій за собой нѣкоторыя реформы (февраль и мартъ 1832 года). До тѣхъ поръ засѣданія происходили при закрытыхъ дверяхъ, съ этого же времени они сдѣлались публичными; судопроизводство, бывшее раньше исключительно письменнымъ, сдѣлалось устнымъ; на докладчиковъ Государственнаго совѣта возложены были функціи прокуроровъ, до того совершенно отсутствовавшихъ. Всѣ эти реформы имѣли цѣлью придать административному судилищу нѣсколько болѣе „юридическій" характеръ; но Государственный совѣтъ попрежнему не имѣлъ никакой *собственной* власти. Его судебныя рѣшенія, обсуждавшіяся на общихъ засѣданіяхъ, попрежнему сохранили характеръ „мнѣній", сообщавшихся королю, который и постановлялъ окончательное рѣшеніе. Многіе депутаты пытались тогда (но безуспѣшно) добиться предоставленія права выносить окончательныя рѣшенія по спорнымъ юридическимъ вопросамъ спеціальному судебному учрежденію, облеченному самостоятельной властью. Послѣ продолжительныхъ и часто прерывавшихся преній законъ 1845 года отклонилъ предложенную реформу.

На обязанности Государственнаго совѣта лежала подача королю мнѣній не только по вопросамъ административной юрисдикціи, но и въ области *конфликтовъ съ судебной властью* относительно предѣловъ вѣдомства [1]. Въ этомъ чувствовалась нѣкоторая ненормальность, которую депутаты критиковали еще въ 1840 г., но которая была устранена только въ 1848 году.

III. Военныя учрежденія.

Армія въ эпоху Реставраціи.—Въ началѣ своего царствованія Людовику XVIII пришлось сильно сократить численный составъ французской арміи. Съ одной стороны, онъ вынуждался къ этому мирнымъ договоромъ, требованіями союзниковъ и тогдашнимъ состояніемъ французскихъ финансовъ; съ другой стороны, онъ чувствовалъ недовѣріе къ бывшимъ наполеоновскимъ солдатамъ. Въ то самое время, когда изъ за-рейнскихъ гарнизоновъ и нѣмецкаго плѣна возвратилось на родину 300.000 человѣкъ, раздраженныхъ заключеніемъ постыднаго мира, пять королевскихъ указовъ (12 мая 1814 года) установили наличный составъ арміи въ 200.000 солдатъ и опредѣлили число полковъ каждаго рода оружія, которые рѣшено было сохранить. Пришлось отставить массу офицеровъ, низведенныхъ на половинное жалованье („demi-solde").

Вмѣстѣ съ тѣмъ Людовикъ XVIII зачислилъ обратно въ кадры съ повышеніемъ старыхъ роялистскихъ офицеровъ,

---

[1]) Ордонансъ 1 іюня 1828 года, остающійся въ силѣ и донынѣ, указываетъ тѣ случаи, въ которыхъ вопросъ объ этихъ конфликтахъ можетъ подниматься.

въ свое время вышедшихъ въ отставку, возстановилъ королевскую гвардію (*Compagnies rouges, Gardes du corps, Cent-Suisses*), частію отданную подъ команду бывшихъ эмигрантовъ. Милости, которыми осыпались эти послѣдніе, страшно раздражали бывшихъ офицеровъ Имперіи, особенно тѣхъ, которые состояли на половинномъ окладѣ. Не проходило почти ни одной недѣли, чтобы между ними и лейбъ-гвардейцами не состоялась какая-нибудь дуэль. — Людовикъ XVIII не погнушался также прибѣгнуть къ помощи *швейцарскихъ* наемниковъ, изъ которыхъ онъ навербовалъ четыре полка, два линейныхъ и два гвардейскихъ. Изъ остатковъ восьми иностранныхъ корпусовъ, набранныхъ Наполеономъ во время Ста дней, онъ составилъ одинъ корпусъ подъ названіемъ „корпуса Гогенлоэ“.

Въ то же время съ цѣлью привлечь симпатіи народа, который столько пострадалъ отъ *конскрипцій*, хартія 1814 года провозгласила ея отмѣну (ст. 12). Король думалъ, что путемъ вербовки добровольцевъ возможно будетъ обезпечить комплектованіе полковъ или, какъ тогда говорили, избѣгая всякихъ воспоминаній объ Имперіи, „департаментскихъ легіоновъ“. Надежды короля быстро были разбиты. Въ 1817 году военный министръ Гувіонъ Сенъ-Сиръ поставилъ ему на видъ, что Франціи необходимо имѣть лучше организованную и болѣе многочисленную армію, и добился отъ него разрѣшенія представить палатамъ законопроектъ о рекрутскомъ наборѣ.

Законъ 1818 года и реорганизація арміи.—Гувіонъ Сенъ-Сиръ хотѣлъ достигнуть троякаго результата: 1) составить дѣйствительную армію посредствомъ регулярныхъ наборовъ; 2) обезпечить ей *резервъ* въ интересахъ финансовой экономіи; 3) установить правила для производства въ чины офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Для осуществленія этого плана онъ предлагалъ сохранить систему добровольной вербовки для отборныхъ корпусовъ и спеціальныхъ родовъ оружія, но дополнять недостающій контингентъ ежегоднымъ наборомъ 40.000 человѣкъ *по жребію* (изъ этой цифры должны были вычитаться волонтеры). Лица, вынувшія „хорошіе номера“, освобождались отъ военной службы навсегда. Остальные же должны были находиться на *дѣйствительной* службѣ шесть лѣтъ, послѣ чего они на шесть лѣтъ зачислялись въ *ветераны* и въ продолженіе этого времени могли быть снова призваны подъ знамена. Эта система давала возможность въ случаѣ надобности поставить на военную ногу 480.000 человѣкъ. Было допущено замѣстительство. Производство въ чины было установлено въ такой формѣ, что, хотя королю предоставлялась полная свобода выбора, тѣмъ не менѣе третья часть чиновъ должна была доставаться на долю унтеръ-офицеровъ.

Этотъ проектъ встрѣтилъ враждебный пріемъ со стороны гвардіи, ярымъ защитникомъ которой выступилъ Монлозье, и со стороны ультра-роялистовъ, которые напали на него за то, что онъ составляетъ якобы замаскированное возвращеніе къ конскрипціи и, обставляя извѣстными правилами производство офицеровъ, ограничиваетъ королевскую прерогативу.—Комиссія палаты депутатовъ согласилась однако съ принципомъ принудительнаго набора, допустила установленіе мирнаго состава арміи въ 240.000 человѣкъ, но сократила продолжительность „ветеранства“ до четырехъ лѣтъ, а унтеръ-офицерамъ оставила только третью часть мѣстъ подпоручиковъ. Въ такомъ измѣненномъ видѣ законъ прошелъ 10 марта 1818 года. Въ теченіе долгаго времени онъ носилъ названіе „закона Гувіона Сенъ-Сира“, по имени своего автора.— Въ 1824 году де Дама добился его измѣненія въ смыслѣ усиленія дѣйствительной арміи. „Ветеранство“, давшее самые неважные результаты, было

отмѣнено, ежегодный наборъ установленъ въ 60.000 человѣкъ, а пребываніе на дѣйствительной службѣ продлено до 8 лѣтъ.—Оба эти закона дали возможность Гувіону Сенъ-Сиру и его преемникамъ возстановить французскую армію.

Съ другой стороны, Гувіонъ Сенъ-Сиръ преобразовалъ Флешскую и Сенъ-Сирскую школы, основалъ полковыя школы, учредилъ спеціальный генеральный штабъ, упорядочилъ положеніе офицеровъ, упрочилъ интендантскій корпусъ, учрежденный въ 1817 году (указы 6 и 10 мая 1818 г.).—При Карлѣ X особенное вниманіе обращено было на артиллерію, которая была реорганизована; артиллерійскіе полки сформированы были изъ батарей троякаго рода: пѣшихъ, горныхъ и конныхъ. Послѣднія, отличавшіяся большой подвижностью, могли не отставать отъ кавалеріи при ея эволюціяхъ.

Національная гвардія въ эпоху Реставраціи. — Бурбоны не забыли національной гвардіи, которая встрѣтила ихъ бурными привѣтствіями при возвращеніи ихъ во Францію и первая прицѣпила бѣлую кокарду. Людовикъ XVIII осыпалъ почестями ея офицеровъ и ввелъ въ ихъ среду нѣкоторыхъ представителей старой знати. Онъ назначилъ брата своего графа д'Артуа главнокомандующимъ всей національной гвардіи, сохранивши, впрочемъ, ея подвластность министру внутреннихъ дѣлъ. Эта двойственность начальствъ, часто сталкивавшихся между собою, вносила въ дѣло нѣкоторое разстройство. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ департаментахъ національная гвардія состояла сплошь изъ людей, принадлежавшихъ къ одной партіи. Это было опаснымъ явленіемъ, такъ какъ при случаѣ національная гвардія могла послужить столько же общественному порядку, сколько народнымъ или мѣстнымъ страстямъ.

Гувіонъ Сенъ-Сиръ старался прекратить такое ненормальное положеніе вещей. Несмотря на энергическую оппозицію королевскаго брата, который обвинялъ его въ дезорганизаціи монархіи, онъ добился упраздненія штабовъ и главнаго управленія. Префектамъ, супрефектамъ и мэрамъ возвращены были ихъ прежнія права и поручено было сформировать національную гвардію изъ гражданъ, платящихъ наивысшіе налоги, независимо отъ ихъ политическихъ убѣжденій. Но право назначенія офицеровъ оставалось за королемъ, тогда какъ либералы требовали, чтобы офицеры національной гвардіи выбирались. „Король сознавалъ необходимость остаться полнымъ господиномъ силы, которую нужно было или направлять, или уничтожить" (Дарестъ). Несмотря на всѣ эти мѣры предосторожности, парижская національная гвардія проникласъ либеральнымъ духомъ, и въ 1828 году во время смотра, сдѣланнаго ей лично Карломъ X (29 апрѣля), она кричала: „Да здравствуетъ Хартія! долой Виллеля!" Послѣ этого она была распущена, но въ 1830 году снова появилась—въ рядахъ инсургентовъ.

Армія во время Іюльской монархіи. — Съ Іюльской монархіей и Алжирскими войнами наступаетъ новый періодъ въ исторіи французской арміи. Рекрутскій наборъ, подготовка офицеровъ, организація кадровъ и сформированіе спеціальныхъ корпусовъ (въ особенности для Алжиріи)— таковы главные пункты, на которые направлена была дѣятельность маршала Сульта и его преемниковъ.

Въ мартѣ 1832 года принятъ былъ новый законъ о рекрутскомъ наборѣ; этотъ законъ, который явился открытымъ возвращеніемъ къ системѣ конскрипціи, довелъ ежегодно призываемый контингентъ до 80.000 человѣкъ, а продолжительность военной службы—до семи лѣтъ. Нижнимъ чинамъ разрѣшалось оставаться на сверхсрочной службѣ на срокъ отъ 2 до 5 лѣтъ, причемъ имъ назначалось большое жалованье. Такимъ образомъ, на

бумагѣ численность арміи доведена была до 560.000 человѣкъ; но въ мирное время подъ знаменами находилась только часть людей, остальные же увольнялись въ отпускъ.

Двумя другими законами (апрѣль 1832 г. и май 1834 г.) регламентировано было *производство* офицеровъ и, какъ это обѣщала Хартія, ихъ *состояніе*, съ соблюденіемъ различія между чиномъ и должностью. *Чинъ* становится собственностью офицера, которой онъ можетъ быть лишенъ только въ опредѣленныхъ случаяхъ и не иначе какъ по судебному приговору; напротивъ, *должность* остается въ полномъ распоряженіи правительства.

Преобразованіе наличнаго состава коснулось главнымъ образомъ спеціальныхъ родовъ оружія. Королевская гвардія была упразднена, а швейцарскіе полки распущены. „Корпусъ Гогенлоэ“ цѣликомъ былъ принятъ во французское подданство и превращенъ въ 21-ый пѣхотный полкъ. Но въ 1831 году пришлось принять на французскую службу множество иностранныхъ эмигрантовъ (итальянцевъ, испанцевъ, нѣмцевъ, поляковъ), изгнанныхъ событіями изъ своего отечества: изъ нихъ сформированы были „иностранные легіоны“. Одинъ изъ нихъ въ 1835 году былъ уступленъ Испаніи, а другой отправленъ въ Алжирію, гдѣ и остался.— Въ Алжиріи указомъ 1 октября 1830 года созданъ былъ первый батальонъ *зуавовъ* (названіе, заимствованное у кабильскаго племени „зуауа“). Первоначально зуавы набирались среди туземцевъ, французовъ и иностранцевъ. Но съ 1841 года туземцы уступаютъ мѣсто французамъ, а сами идутъ на комплектованіе „туземныхъ стрѣлковъ“ (впослѣдствіи получившихъ названіе *алжирскихъ* стрѣлковъ) и „спаги“. Кромѣ того для Алжиріи были организованы: „африканскіе егеря“; батальоны „легкой пѣхоты“ (зефиры), составлявшіеся изъ рекрутовъ, подвергшихся до поступленія своего на службу нѣсколькимъ наказаніямъ по суду; и „дисциплинарныя роты“, составленныя изъ солдатъ, осужденныхъ военными судами за тяжкіе проступки по службѣ.— Во Франціи герцогъ Орлеанскій сформировалъ въ 1838 году корпусъ „Венсенскихъ стрѣлковъ“, вооруженныхъ карабиномъ, который былъ изобрѣтенъ въ 1826 году подпоручикомъ Дельвинемъ, а впослѣдствіи усовершенствованъ Минье. По смерти ихъ основателя (1842 г.) „Венсенскіе стрѣлки“ получили названіе „Орлеанскихъ егерей“.

Національная гвардія во время Іюльской монархіи.—У Луи-Филиппа не было королевской гвардіи. Ему замѣняла ее національная гвардія, которая помогла ему взойти на престолъ. Онъ вернулъ національной гвардіи право выбирать унтеръ-офицеровъ и офицеровъ до чина поручика включительно, оставивши за собой право назначать капитановъ и высшихъ офицеровъ по списку изъ десяти кандидатовъ. Зато король обязалъ національныхъ гвардейцевъ имѣть собственный мундиръ, что ограничило пополненіе ея рядовъ однимъ буржуазнымъ классомъ, въ которомъ новая династія нашла свою главную опору. Въ случаѣ опасности часть національной гвардіи могла быть *мобилизована*. Сначала парижская національная гвардія служила орудіемъ для подавленія возстаній, какъ напримѣръ, въ 1832 и 1834 году; но затѣмъ мало-по-малу она, какъ и въ 1828 году, прониклась стремленіями къ реформѣ и въ февралѣ 1848 года отказалась выступить противъ инсургентовъ. Ея отпаденіе окончательно побудило Луи-Филиппа отречься отъ престола.

Кромѣ того, въ столицѣ порядокъ охранялся спеціальнымъ корпусомъ, состоявшимъ изъ 3.000 человѣкъ (пѣхотинцевъ и кавалеристовъ) и носившимъ названіе „муниципальной гвардіи“.

Флотъ. — Боевая сила французскаго флота подверглась въ эпоху Реставраціи такимъ же сокращеніямъ, какъ и числен-

ность сухопутной арміи. Морскіе батальоны, организованные Наполеономъ, сначала были упразднены. Въ 1822 году они были возстановлены подъ названіемъ „линейнаго экипажа“, а затѣмъ раздѣлены на пять дивизій соотвѣтственно пяти морскимъ префектурамъ: Шербургской, Брестской, Лоріанской, Рошфорской и Тулонской. Въ составъ ихъ входили марсовые, рулевые, канониры, фузильеры, машинисты и кочегары. Никакихъ измѣненій не было произведено ни въ способѣ ихъ вербовки, обезпечивавшейся „морской записью“, ни въ кадрахъ офицеровъ, производство которыхъ было регламентировано особымъ закономъ, изданнымъ въ апрѣлѣ 1832 года. Эти офицеры рекрутировались среди бывшихъ воспитанниковъ Политехнической школы или *Морской школы* (основанной въ 1816 году въ Брестѣ), среди старшихъ штурмановъ, сдавшихъ особый экзаменъ, и среди „помощниковъ“ [1]), имѣющихъ дипломъ капитана дальняго плаванія торговаго флота. Для подготовки штурмановъ основаны были три штурманскія школы въ Брестѣ, Рошфорѣ и Тулонѣ (1819).

Изъ вспомогательныхъ морскихъ войскъ слѣдуетъ указать: *морскую артиллерію*, которая была учреждена въ 1822 году и для которой была основана спеціальная школа въ Шербургѣ въ 1844 году; морскія исправительныя роты, устроенныя въ 1824 году и, наконецъ, *морскую пѣхоту*, учрежденную въ 1831 году.

IV. Гражданское и торговое законодательство.

Въ основѣ гражданскаго и торговаго законодательства попрежнему продолжали лежать кодексы, опубликованные Наполеономъ. Хартія 1814 года (ст. 68) вполнѣ опредѣленно высказывалась въ смыслѣ сохраненія ихъ въ силѣ. Но во время Реставраціи и Іюльской монархіи сюда внесены были нѣкоторыя частичныя измѣненія, внушенныя однимъ желаніемъ въ извѣстныхъ пунктахъ возстановить дореволюціонное законодательство, а другія—необходимостью слѣдовать за движеніемъ вѣка.

Законы относительно дворянства и эмигрантовъ.—Съ соціальной точки зрѣнія реакція противъ эгалитарнаго духа Кодекса Наполеона проявилась еще при самомъ Наполеонѣ, который въ 1808 году создалъ имперское дворянство. Людовикъ XVIII вернулъ старому дворянству его титулы и оставилъ за собой право „возводить въ дворянство кого ему угодно“ (Хартія, ст. 71). Онъ сохранилъ *майораты* и побуждалъ къ учрежденію новыхъ, тогда какъ Іюльская монархія, напротивъ, отмѣнила ихъ на будущее время въ 1835 г. Ихъ насчитывалось тогда 440.

Людовикъ XVIII съ такимъ же интересомъ относился къ *эмигрантамъ*. Въ августѣ 1814 года онъ отмѣнилъ эту кличку со всѣми вытекавшими изъ нея невыгодными послѣдствіями и объявилъ, что возвратитъ бывшимъ эмигрантамъ тѣ ихъ имущества, которыя не были къ тому времени отчуждены. 13 сентября палатѣ депутатовъ предложенъ былъ составленный въ этомъ смыслѣ законопроектъ. За невозвращенныя имущества эмигрантовъ предполагалось вознаградить деньгами въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ ихъ цѣнности; эта мѣра была справедлива и способна гарантировать владѣльцевъ „національныхъ имуществъ“ отъ новыхъ нападокъ. Хотя вопросъ этотъ осложнился примѣсью партійнаго духа, но законъ былъ принятъ 3 декабря 1814 года. Доходъ съ конфискованныхъ имуществъ, вычисленный для 1790 года, опредѣленъ былъ въ 30 милліоновъ. Такимъ образомъ пришлось выпустить на 30 милліоновъ государственной ренты, что, при расчетѣ 3 на сто, даетъ капи-

[1]) Auxiliaires — офицеры торговаго флота, временно употребляющіеся на государственныхъ судахъ.

талъ приблизительно въ миллiардъ франковъ („миллiардъ эмигрантовъ"). Только въ 1825 году министерство Виллеля потребовало отъ палатъ принятiя этого кредита, обѣщая ликвидировать расчеты въ теченiе пяти лѣтъ. Но на этотъ разъ проектъ вызвалъ гораздо болѣе рѣшительную критику, чѣмъ въ 1814 году. Прадтъ, Лаббэ де Помпьеръ и генералъ Фуа стали даже защищать то положенiе, что конфискацiя имущества эмигрантовъ была вполнѣ законной мѣрой. На это Лабурдоннэ и Дюплесси де Гренеданъ отвѣчали, что эмигранты, ограбленные революцiонными собранiями, не лишились права собственности на свои имущества и что они должны не *получить вознагражденiе*, а быть *возстановлены въ своихъ правахъ*. Министерство снова очутилось между двухъ огней. Надлежащiй тонъ данъ былъ Виллелемъ, который въ концѣ концовъ добился принятiя своего проекта съ легкими поправками. — Въ дѣйствительности роздано было не 30, а 26 миллiоновъ ренты, которые (по курсу 75 франковъ) представляли капиталъ въ 625 миллiоновъ, т.-е. меньше отпущеннаго кредита.

Законы о рабствѣ въ колонiяхъ и объ иностранцахъ. — Рабство въ колонiяхъ, возстановленное Консульствомъ, и работорговля также занимали вниманiе палатъ эпохи Реставрацiи и Iюльской монархiи. — На Вѣнскомъ конгрессѣ Англiи удалось добиться принципiальной декларацiи въ пользу отмѣны *работорговли;* но этотъ принципъ еще нужно было осуществить на практикѣ. Во время Ста дней Наполеонъ провозгласилъ немедленную отмѣну работорговли (29 марта 1815 года); она была снова вотирована въ 1817 и 1828 году.—Но отмѣна работорговли еще не влекла за собой отмѣну *рабства* въ колонiяхъ. Iюльская монархiя ограничилась облегченiемъ отпуска рабовъ на волю (iюль 1832 года), предоставленiемъ свободнымъ цвѣтнокожимъ гражданскихъ правъ въ полномъ объемѣ (апрѣль 1833 года), возстановленiемъ стараго принципа, въ силу котораго всякiй рабъ, привезенный во Францiю, становится свободнымъ съ момента вступленiя своего на французскую почву, и, наконецъ, регламентированiемъ общаго положенiя рабовъ въ смыслѣ нѣкотораго его смягченiя (iюль 1845 и августъ 1847 года); всѣ эти мѣры были недостаточны, но онѣ подготовляли почву для предстоящей отмѣны рабства въ колонiяхъ (27 апрѣля 1848 года).

Бóльшую благосклонность Реставрацiя обнаружила по отношенiю къ *иностранцамъ*. Въ политическихъ и фискальныхъ цѣляхъ она почти совершенно отказалась отъ принципа *взаимности*, провозглашеннаго Кодексомъ Наполеона (ст. 11), принципа, въ силу котораго иностранцы могли пользоваться во Францiи только такими правами, которыми французъ могъ пользоваться въ ихъ странѣ, а именно въ области наслѣдованiя (ст. 726, 912). Такимъ образомъ тѣ иностранцы, нацiональное законодательство которыхъ неблагопрiятно относилось къ французамъ, не имѣли никакой охоты селиться во Францiи и прiобрѣтать тамъ недвижимую собственность. Съ цѣлью привлечь иностранцевъ во Францiю законъ 14 iюля 1819 года, крайне неточно называемый „закономъ объ отмѣнѣ права казны на наслѣдство иностранца и налога на наслѣдство иностранцевъ" (droits *d'aubaine* et de *détraction*), объявилъ статьи 726 и 912 отмѣненными. Отнынѣ иностранцы могли наслѣдовать во Францiи даже при отсутствiи условiя взаимности, а Францiя лишилась такимъ образомъ могучаго средства добиваться улучшенiя участи своихъ подданныхъ въ менѣе рыцарскихъ странахъ.

Законы относительно семьи. — Въ 1816 году Бональдъ въ интересахъ укрѣпленiя семейныхъ устоевъ предложилъ запретить *разводъ*, разрѣшенный во Францiи

закономъ 20 сентября 1792 года. Это предложенiе, сдѣлавшееся закономъ 8 мая, принято было обѣими палатами почти единогласно (199 голосами противъ 22 въ палатѣ депутатовъ и 113 голосами противъ 10 въ палатѣ пэровъ).

Въ 1826 году правительство Карла X, недостаточно знакомое съ настроенiемъ общественнаго мнѣнiя, попыталось возстановить въ законодательствѣ *право первородства*, отмѣненное революцiей. Министръ юстицiи Пейроннэ ловко старался выставить это право въ качествѣ единственнаго средства, способнаго предотвратить дробленiе земельной собственности, столь вредное съ политической, экономической и сельскохозяйственной точки зрѣнiя. Этотъ проектъ вызвалъ самую рѣзкую критику. Даже правая раздѣлилась по этому вопросу. Послѣ продолжительныхъ и блестящихъ дебатовъ палата пэровъ отвергла законопроектъ (8 апрѣля) и приняла только предложенiе второстепеннаго значенiя, относившееся къ учрежденiю субституцiй. „Въ Парижѣ зажгли иллюминацiю, какъ по случаю одержанной побѣды, и палата пэровъ прiобрѣла популярность, которой она не искала“ (Дарестъ). — Впрочемъ, законъ *о субституцiяхъ* (17 мая), облегчавшiй этотъ способъ распоряженiя своимъ имуществомъ, позволялъ создавать для старшихъ сыновей привилегированное положенiе; и право первородства могло бы пройти черезъ эту полуоткрытую дверь, если бы оно не встрѣтило непреодолимаго препятствiя въ нравахъ французскаго общества [1]).

Различные законы. — Iюльская монархiя почти не пробовала вносить измѣненiй въ Кодексъ Наполеона, въ которомъ нетронутыми оставались такiе устарѣлые институты, какъ гражданская смерть. Слѣдуетъ, впрочемъ, указать на законъ 30 iюня 1838 года объ *умалишенныхъ*, который обезпечилъ этимъ несчастнымъ защиту, далъ возможность провѣрять состоянiе ихъ здоровья и установилъ нѣкоторыя мѣры противъ незаконнаго заключенiя въ сумасшедшiе дома: этотъ законъ имѣлъ одновременно и благотворительный, и полицейскiй характеръ. — Законъ, изданный въ апрѣлѣ 1832 года, ограничилъ — въ *гражданскихъ* дѣлахъ — *заключенiе въ тюрьму за долги*, которое давало возможность населять несостоятельными должниками знаменитую тюрьму Клиши безъ всякой пользы для ихъ кредиторовъ.—Въ iюлѣ 1833 года и въ маѣ 1841 года приняты были два закона, которыми и въ настоящее время регулируется *экспропрiацiя* частной собственности въ общественныхъ интересахъ. — Наконецъ, въ Торговый уставъ внесенъ былъ цѣлый рядъ существенныхъ улучшенiй. Такъ напримѣръ, законодательство *о банкротствѣ* было кореннымъ образомъ преобразовано закономъ 28 мая 1838 года (выработаннымъ въ 1827 году). Большая часть постановленiй этого закона, внесеннаго въ Торговый уставъ, осталась въ силѣ и до настоящаго времени.

V.—Народное просвѣщенiе.

Университетъ въ эпоху Реставрацiи и Iюльской монархiи. — При вступленiи на престолъ Людовикъ XVIII очутился лицомъ къ лицу съ той созданной Наполеономъ колоссальной организацiей, которой дано было названiе „Университета“. По своему происхожденiю отъ Имперiи она была антипатична роялистамъ; ея деспотическая монополiя дѣлала ее антипатичной въ глазахъ либераловъ, а ея рацiоналистическiя тенденцiи возбуждали непрiязнь католиковъ, которые сверхъ того нападали на нее за неудачный составъ. Въ виду всего этого можно было ожидать въ скоромъ времени ея упраздненiя. И дѣйствительно, въ февралѣ

[1]) Законъ 17 мая 1826 года былъ отмѣненъ 7 мая 1849 года.

1815 года королевскимъ указомъ единый и нераздѣльный Университетъ Наполеона замѣненъ былъ семнадцатью областными университетами, напоминавшими прежніе университеты, но оставшимися въ вѣдомствѣ центральной администраціи народнаго просвѣщенія. — Во время Ста дней Наполеонъ возстановилъ организацію Университета на старыхъ основаніяхъ.

Людовикъ XVIII, возвратившись во Францію, измѣнилъ свое мнѣніе. Императорскій Университетъ служилъ въ рукахъ своего основателя орудіемъ управленія; при условіи перемѣнъ въ персоналѣ и измѣненія тенденцій онъ могъ сослужить такую же службу и легитимной монархіи. Этими соображеніями объясняется происхожденіе указа отъ 15 августа 1815 года, указа, который свидѣтельствовалъ о поворотѣ во мнѣніи правительства и вызвалъ нѣкоторое изумленіе: „Организація *академій* временно сохраняется въ прежнемъ видѣ". Этимъ же объясняется цѣлый рядъ мѣропріятій, посредствомъ которыхъ король старался удержать „Безпримѣрную палату" отъ крайностей и подготовить переходъ къ „королевскому" Университету. Должности главнаго ректора (grand-maître), канцлера и казначея, а также совѣтъ Университета были упразднены, но замѣнены комиссіей изъ пяти членовъ, поставленной подъ начальство министра внутреннихъ дѣлъ. Эта „Комиссія народнаго просвѣщенія", во главѣ которой стоялъ Ройе-Колларъ, пользовалась въ продолженіе пяти лѣтъ настоящей диктаторской властью, причемъ дѣйствія ея совершенно не говорили о стремленіи къ компромиссу, котораго хотѣло правительство. Краснорѣчивые памфлеты Ламеннэ, рѣзкія ругательства Шатобріана и нападки Бенжамена Констана—ничто не могло остановить эту Комиссію. Когда Ройе-Колларъ, измученный той борьбой, которую ему приходилось выдерживать, подалъ въ отставку отъ занимаемаго имъ мѣста президента Комиссіи (1817 г), то существованіе Университета было обезпечено. Онъ долженъ былъ снова получить свое первоначальное устройство и даже занять болѣе опредѣленное положеніе среди органовъ центральной власти, чѣмъ во время Имперіи.

Комиссія народнаго просвѣщенія сначала была замѣнена „Королевскимъ Совѣтомъ народнаго просвѣщенія", президентъ котораго (какъ нѣкогда „le grand maître") облеченъ былъ особой властью, сносился съ правительствомъ, подписывалъ дипломы и пр. Два другіе члена Совѣта пользовались прежними правами канцлера и казначея, а третій былъ ректоромъ парижской Академіи (ноябрь 1820 года). Затѣмъ права президента получаютъ болѣе устойчивый и опредѣленный характеръ: онъ становится помощникомъ государственнаго секретаря (февраль 1821 г.). Въ то же время членамъ преподавательскаго персонала вмѣняется въ обязанность „положить въ основу преподаванія принципы религіи, монархіи и легитимизма"; это та же формула Имперіи, доведенная до своего логическаго конца. Въ 1822 году эволюція эта достигаетъ своего завершенія: Университету возвращается его названіе и должность ректора, *grand maître*, который получаетъ обратно права, установленныя декретомъ 1808 года. Въ августѣ 1824 года „grand maître" становится „министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія". И такимъ образомъ Университетъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ ряду государственныхъ учрежденій; онъ становится отраслью центральной власти и—въ большей степени, чѣмъ когда-либо—орудіемъ управленія.

Первымъ „ректоромъ Университета" и министромъ народнаго просвѣщенія былъ его высокопреосвященство *monseigneur* Фрейссину, епископъ Гермополисскій. Во время его управленія Университетомъ,

послѣдній до извѣстной степени былъ подчиненъ власти духовенства; но при министерствѣ Мартиньяка онъ началъ высвобождаться изъ подъ этой опеки, и тогда со всѣхъ сторонъ раздались крики противъ его монополіи. Событія 1830 года, приведшія ко власти многихъ „универсантовъ“, довершили это отдѣленіе Университета отъ церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ новая хартія должна была обѣщать свободу преподаванія (ст. 69). Правда, исполненіе этого обѣщанія всегда откладывалось въ долгій ящикъ, и несмотря на энергическія требованія, Луи-Филиппъ такъ и не сдержалъ его.

Высшее образованіе. — Въ новомъ университетѣ, какъ и въ старомъ, продолжали существовать три разряда образованія: высшее, среднее и низшее.

Высшее образованіе давалось факультетами: богословскимъ, юридическимъ, медицинскимъ, естественнымъ (sciences) и филологическимъ (lettres). Изъ этихъ факультетовъ процвѣтали только юридическій, насчитывавшій въ 1814 году 3.000 воспитанниковъ, и медицинскій, имѣвшій 1.200 слушателей. Естественный и филологическій факультеты, почти не имѣвшіе слушателей, являлись въ большинствѣ случаевъ простыми экзаменаціонными комиссіями. Въ 1816 году Людовикъ XVIII закрылъ 20 отдѣленій этихъ двухъ факультетовъ, и никто отъ этого ничего не потерялъ. Высшая Нормальная школа, помѣщавшаяся тогда на Почтовой улицѣ (rue des Postes) въ бывшей семинаріи „отцовъ Святаго Духа“, была реорганизована въ декабрѣ 1815 года. Профессорамъ ея, прежде называвшимся „репетиторами“, а теперь получившимъ названіе „maîtres de conférences“ (лекторы), поручено было вести свое преподаваніе независимо отъ преподаванія, дававшагося факультетами. Кругъ предметовъ, преподававшихся на юридическихъ факультетахъ, былъ расширенъ (мартъ 1819 года).

Эти реформы, составлявшія дѣло рукъ Ройе-Коллара, прошли не безъ нѣкоторыхъ преній. Въ 1819 году произошло особенно много студенческихъ волненій. Это бросило на университетъ нѣкоторую тѣнь, и когда Ройе-Колларъ удалился въ отставку, наступила реакція. Одинъ за другимъ были закрыты: курсъ Виктора Кузэна въ Сорбоннѣ (1821); юридическій факультетъ въ Греноблѣ (1821), вскорѣ возстановленный епископомъ Фрейссину; Нормальная школа (1822); новые курсы, учрежденные на юридическихъ факультетахъ,—факультетахъ, которые Корбьеръ хотѣлъ закрыть всѣ сразу (сентябрь 1822 г.); парижскій медицинскій факультетъ, снова открытый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ при *новомъ составѣ* профессоровъ (ноябрь 1822 г.), и наконецъ курсъ исторіи, читавшійся Гизо въ Сорбоннѣ (1825).

Въ 1826 году эра строгостей, повидимому, закончилась. Основанъ былъ подъ названіемъ „Подготовительной школы“ эмбріонъ Нормальной школы, въ видѣ придатка къ Лицею Людовика Великаго (9 марта). Ватимениль возстановилъ на нѣкоторыхъ юридическихъ факультетахъ закрытые курсы и возвратилъ Кузэну и Гизо отнятыя у нихъ каѳедры; но онъ не могъ оживить провинціальные факультеты, которые, если не считать Монпелье и Тулузы, влачили жалкое существованіе въ атмосферѣ полнаго общественнаго безучастія.

При Іюльской монархіи Нормальная школа получила свое прежнее названіе (августъ 1830 г.), а развитію ея данъ былъ новый толчокъ [1]). Затѣмъ началась громкая борьба между двумя враждебными направленіями: Гизо и Кузена, желавшихъ основать въ провинціи четыре или пять крупныхъ центровъ научнаго преподаванія,—съ одной стороны, и Виль-

[1]) См. регламенты 18 февраля 1834 г. и 19 апрѣля 1836 г. Въ 1847 г. Нормальная школа была переведена на Ульмскую улицу.

мена и Сальванди, старавшихся чрезмѣрно увеличить число естественныхъ и филологическихъ факультетовъ и превратить ихъ въ „комиссіи для выдачи дипломовъ на званіе баккалавра“, — съ другой стороны. Вся исторія высшаго образованія за періодъ 1836—1847 гг. сводится къ открытію этихъ въ большинствѣ случаевъ безполезныхъ учебныхъ заведеній. И революція 1848 года подоспѣла весьма кстати, чтобы остановить этотъ широкій потокъ. Къ сожалѣнію, она пріостановила и другіе проекты Сальванди, внесенные въ 1847 году и задуманные въ лучшемъ духѣ. Въ этихъ проектахъ заключался цѣлый планъ преобразованія университетскаго преподаванія права, естественныхъ наукъ, медицины и литературы,—преобразованія, которому суждено было осуществиться только въ наши дни; а безъ событій 1848 года оно, быть можетъ, произошло бы пятьюдесятью годами раньше.

Среднее образованіе. — Реставрація совершенно не занималась среднимъ образованіемъ, постановка котораго осталась такой же, какой она была во время Имперіи. Императорскіе *лицеи* получили просто названіе *королевскихъ коллежей*, названіе, которое они сохранили вплоть до 1848 года. Что же касается программы среднихъ учебныхъ заведеній, то преподаванію Закона Божія было отведено гораздо больше мѣста, преподаваніе философіи ограничено было только изученіемъ логики, а исторія начала проходиться только въ низшихъ классахъ.

Наряду съ государственными (университетскими) средними учебными заведеніями и внѣ ихъ стали развиваться духовныя среднія школы. Какъ извѣстно, на основаніи декрета 1808 года *частныя* учебныя заведенія подлежали разрѣшенію и надзору Университета. Дѣйствіе этого правила не распространялось на „малыя семинаріи“, которыя епископы имѣли право основывать въ своихъ епархіяхъ для подготовки будущихъ священниковъ. Эти малыя семинаріи pooткрывались повсюду, и съ теченіемъ времени количество ихъ воспитанниковъ сильно увеличилось, причемъ только часть этихъ учениковъ впослѣдствіи становились членами духовнаго сословія [1]). На дѣлѣ эти малыя семинаріи получили характеръ настоящихъ среднихъ учебныхъ заведеній, изъ коихъ нѣкоторыя, вдобавокъ, находились въ завѣдываніи іезуитовъ.

Общественное мнѣніе въ то время еще не свыклось съ идеей свободы преподаванія, вызываемой одновременно и уваженіемъ къ правамъ семьи, и заботой о прогрессѣ науки. Въ быстромъ развитіи малыхъ семинарій публика не хотѣла замѣчать и не замѣчала ничего другого, кромѣ посягательства на монополію королевскаго университета; со всѣхъ сторонъ раздавались требованія, чтобы правительство вмѣшалось въ это дѣло [2]). 16 іюня 1828 года Мартиньякъ заставилъ Карла X подписать два указа. Одинъ изъ нихъ ограничивалъ число воспитанниковъ малыхъ семинарій 20.000 и, между прочимъ, требовалъ, чтобы назначаемые епископами ректоры и директоры представлялись на утвержденіе короля. Второй подчинялъ малыя семинаріи университетскому режиму и требовалъ отъ всѣхъ профессоровъ семинарій присяги въ томъ, что они не принадлежатъ къ недозволеннымъ конгрегаціямъ. Такимъ образомъ, монополія университета была усилена. Тогда стали замѣчать, что эта монополія, которая была опасна при Наполеонѣ, осталась столь же опасной и при Карлѣ X, и въ умахъ совершился поворотъ. Указы 16 іюня подверглись нападкамъ въ палатѣ депутатовъ, какъ противорѣчащій Хартіи актъ нетерпимости, а епископы за-

[1]) Въ 1827 году малыя семинаріи насчитывали 50.000 учениковъ, а королевскіе и частные коллежи—63.000.

[2]) О той роли, которую въ этомъ движеніи сыгралъ Монлозье, см. ниже, въ главѣ XXI.

явили, что не могутъ имъ подчиниться (августъ 1828 года). Чтобы принудить ихъ къ подчиненію, король долженъ былъ обратиться къ авторитету папы.

Дѣло свободы преподаванія сдѣлало большой шагъ впередъ. На этотъ разъ католики требовали ея съ такой же энергіей, какъ и „либералы"; и Луи-Филиппъ, каково бы ни было на этотъ счетъ его личное мнѣніе, счелъ политичнымъ обѣщать ее въ хартіи. Гизо искренне попытался осуществить это обѣщаніе на практикѣ. Въ 1835 году онъ внесъ законопроектъ, имѣвшій цѣлью обезпечить—если не свободу преподаванія вообще—то, по крайней мѣрѣ, свободу средняго образованія. Этотъ проектъ, принятый палатой депутатовъ, не былъ внесенъ въ палату пэровъ, а правительство, поддерживаемое, повидимому, цензитарной буржуазіей, намѣрено было уклониться отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Тогда открыта была энергическая кампанія. Монталамберъ и Лакордэръ, противъ которыхъ возбуждено было преслѣдованіе за открытіе вольной школы, выступили передъ палатой пэровъ съ краснорѣчивой защитой своего дѣла. Въ 1841 году Вильмэнъ представилъ новый проектъ, который не увѣнчался успѣхомъ. Въ 1844 году повторилась та же неудача. И вплоть до конца Іюльской монархіи установленный Наполеономъ режимъ оставался въ полной силѣ.

Низшее образованіе.—Низшее образованіе, которымъ Наполеонъ мало интересовался, получило свое всестороннее устройство въ періодъ 1815—1835 гг.

Въ 1816 году Людовикъ XVIII учредилъ въ каждомъ кантонѣ для надзора за народнымъ образованіемъ „благотворительный комитетъ", въ который входили старѣйшій по возрасту священникъ и мировой судья. Всякій человѣкъ, желавшій открыть школу, долженъ былъ имѣть свидѣтельство о добропорядочномъ поведеніи и обладать спеціальнымъ дипломомъ, быть *представленъ* мэромъ и священникомъ коммуны, *утвержденъ* благотворительнымъ комитетомъ и наконецъ, *назначенъ* ректоромъ [1]). Народные учителя, обязавшіеся заниматься педагогической дѣятельностью въ теченіе десяти лѣтъ, освобождались отъ военной службы (законъ 1818 года). Для подготовки народныхъ учителей правительство Реставраціи открыло въ нѣсколькихъ мѣстахъ „низшія нормальныя школы", но для пополненія ихъ кадровъ оно главнымъ образомъ разсчитывало на монашескіе ордена [2]).

Чтобы получить право на занятіе педагогической дѣятельностью, учитель или учительница изъ членовъ монашескихъ орденовъ не нуждались въ дипломахъ, выданныхъ ректоромъ; для нихъ признавалось достаточнымъ выданное пріоромъ ордена отпускное свидѣтельство (lettre d'obédience).

Эта рудиментарная организація давала самые неважные результаты. Въ 1833 г. 7.000—8.000 коммунъ не имѣли народныхъ школъ. Въ это-то время Гизо провелъ законъ 22 іюня 1833 года, который создалъ во Франціи народное образованіе. По этому закону каждая коммуна обязана была содержать свѣтскую или конгрегаціонистскую школу на свои собственныя средства или сообща съ сосѣдними коммунами. При каждой школѣ состоялъ коммунальный наблюдательный комитетъ, а въ главномъ городѣ округа (уѣзда) окружный комитетъ. Учителя народныхъ школъ *представлялись* муниципальнымъ совѣтомъ согласно мнѣнію коммунальнаго комитета, *назначались* окружнымъ комитетомъ и *опредѣлялись на службу* министромъ. Они должны были представить свидѣтельство о нравственности,

---

[1]) Въ період 1824—1830 гг. право назначенія *католическихъ* учителей было предоставлено „департаментскому комитету", состоявшему подъ предсѣдательствомъ епископа.

[2]) О развитіи конгрегацій въ эту эпоху см. ниже главу XX.

выданное мэромъ ихъ коммуны, и обладать свидѣтельствомъ на званіе народнаго учителя низшей или высшей степени. Только народныя учительницы изъ монахинь могли представить вмѣсто этого свидѣтельства свое отпускное свидѣтельство. Кромѣ того законъ предоставлялъ народнымъ учителямъ квартиру, жалованье и пенсію. Онъ не установлялъ ни *обязательнаго посѣщенія* школы, которое было бы преждевременнымъ, ни *безплатности* образованія, которая весьма благоразумно предоставлена была только нуждающимся.—Указомъ 1835 года учрежденъ былъ институтъ *инспекторовъ* народныхъ школъ, по крайней мѣрѣ, по одному на округъ.

Спеціальныя учебныя заведенія; Институтъ.—Кромѣ того сохраненъ или созданъ былъ цѣлый рядъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, стоявшихъ внѣ Университета. *Политехническая школа,* одно время закрытая, потому что господствовавшій въ ней духъ внушалъ правительству опасенія, вплоть до 1830 года находилась въ завѣдываніи министерства внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ передана была въ военное вѣдомство.—Въ 1819 году получили болѣе полное устройство *Школа изящныхъ искусствъ* и *Консерваторія искусствъ и ремеслъ. Школа грамотъ* (L'Ecole des Chartes), задача которой заключается въ изученіи національныхъ древностей, основана была въ 1821 г. и преобразована въ 1829 и 1846 годахъ. *Центральная школа искусствъ и мануфактуръ*, обязанная своимъ основаніемъ частной иниціативѣ и предназначенная для подготовки гражданскихъ инженеровъ, основана была Лаваллэ въ 1829 году. Вскорѣ послѣ этого герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ побудилъ правительство устроить въ Анжерѣ и Шалонѣ на Марнѣ двѣ *Школы искусствъ и ремеслъ* (1832). *Французская школа въ Аѳинахъ* основана была Сальванди для изученія греческаго языка и древностей.

Что касается *Французскаго Института* (L'Institut de France), то его организація послужила предметомъ двухъ важныхъ указовъ. Первый, изданный въ мартѣ 1816 года, раздѣлилъ его на четыре *Академіи:* 1) Французскую академію и Королевскія академіи, 2) надписей и изящной литературы, 3) естественныхъ наукъ, 4) изящныхъ искусствъ. Второй указъ, изданный въ октябрѣ 1832 года по докладу Гизо, возстановилъ Академію моральныхъ и политическихъ наукъ, закрытую первымъ консуломъ въ 1803 году. Такимъ образомъ, Институтъ получилъ свое окончательное устройство и снова сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не переставалъ быть, а именно синтетическимъ выраженіемъ французской научной мысли.

Глава XI.

Французская литература.

1815—1847.

Исторія литературы отъ 1815 до 1847 г. можетъ быть съ полнымъ основаніемъ раздѣлена на два періода: отъ 1815 до 1830 и отъ 1830 до 1847 года. Въ первомъ періодѣ романтизмъ зарождается, развивается и завоевываетъ симпатіи публики; во второмъ—онъ сохраняетъ свое вліяніе и, повидимому, пользуется даже безспорнымъ господствомъ, но начинаетъ уже измѣняться, осложняться примѣсью постороннихъ элементовъ и обнаруживать симптомы упадка. Помимо романтическаго движенія намъ придется при обзорѣ этой эпохи считаться также съ извѣстнымъ числомъ писателей, никогда не подвергавшихся его вліянію и продолжавшихъ традиціи французской литературы съ тѣми измѣненіями, которыя естественно обусловливались распространеніемъ знаній, развитіемъ науки и возникновеніемъ новыхъ взглядовъ.

I.—Отъ 1815 до 1830 г.

Романтизмъ.— Романтизмъ характеризуется преобладаніемъ въ литературныхъ произведеніяхъ чувствительности и воображенія надъ разсудкомъ и наблюденіемъ.

Отсюда слѣдуетъ, что романтизмъ вовсе не составляетъ совершенно новаго явленія и вовсе не возникаетъ впервые во Франціи въ 1815 году. Романтическіе или аналогичные романтизму періоды замѣчались во Франціи неоднократно и до XIX столѣтія.

Романтики 20-хъ годовъ не ошибались въ своихъ симпатіяхъ къ средневѣковью, такъ какъ литература, а въ особенности поэтическая литература среднихъ вѣковъ отличается отсутствіемъ наблюденія и разсудочнаго элемента и является главнымъ образомъ литературой чувствительности и воображенія, лишенной изящной формы.

Но они ошибались въ своемъ увлеченіи Ронсаромъ и его школой, такъ какъ литературныя произведенія Плеяды, не отличавшіяся особенной наблюдательностью или разсудочностью, только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ могутъ похвалиться глубокой чувствительностью или свободнымъ и оригинальнымъ воображеніемъ; въ общемъ это—литература умнаго подражанія, и въ этомъ отношеніи она уже содержитъ въ себѣ, если не всю французскую классическую литературу, то весьма важный элементъ и основной жанръ этой литературы.

Ихъ увлеченіе литературой эпохи Людовика XIII имѣло свое основаніе, такъ

какъ въ этой литературѣ преобладаетъ воображеніе, часто блестящее и фантастическое, и чувствительность слабая, но милая и граціозная, не проникнутая разсудочными элементами, которыхъ эта литература почти не знала, и наблюденіемъ дѣйствительности, о которой она мало заботилась.

Они были правы въ своемъ отвращеніи къ школѣ 60-хъ годовъ XVII вѣка и къ XVIII вѣку, такъ какъ эта школа отличалась рѣзко выраженнымъ раціоналистическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ реалистическимъ характеромъ, а XVIII вѣкъ, хотя и не столь реалистическій, довелъ до крайности (по крайней мѣрѣ, до появленія Руссо) резонерство, стараясь все доказать, разъяснить, обосновать, принося въ жертву этому стремленію почти всякій элементъ чувствительности и страшась воображенія, какъ безумства.

Противъ этой-то душевной сухости горячо и даже съ увлеченіемъ выступили около 1800 года нѣкоторые великіе умы, около 1815 года многіе блестящіе литераторы и около 1830 года масса посредственныхъ писателей. Они были, впрочемъ, правы, ибо, какъ мы видѣли, внѣ политической и философской литературы, литература въ собственномъ смыслѣ слова обнаруживала въ началѣ XIX столѣтія явные признаки истощенія.

Съ одной стороны, она всецѣло предалась подражанію—и вслѣдъ за классиками XVII вѣка, подражавшими древнимъ писателямъ, и за классиками XVIII вѣка, копировавшими классиковъ 60-хъ годовъ XVII вѣка, она подражала классикамъ XVIII столѣтія, удлиняя, такимъ образомъ, до невѣроятныхъ предѣловъ цѣпь подражаній; съ другой стороны, она погрузилась въ разработку мелкихъ жанровъ и ихъ подраздѣленій, описательнаго, эпистолярнаго, эпиграмматическаго, анекдотическаго и всякихъ иныхъ жанровъ, требующихъ посредственнаго воображенія и минимальной чувствительности.

Какъ мы видѣли (въ главѣ IX перваго тома) это возрожденіе литературы вызвано было госпожой Сталь, а осуществлено Шатобріаномъ.

Шатобріанъ родился 4 сентября 1768 г. въ Сенъ-Мало. Онъ прожилъ революціонную эпоху среди рѣзкихъ переходовъ отъ активности къ бездѣятельности, отъ надежды къ отчаянію, сражался въ арміи Кондэ, объѣхалъ Америку, прозябалъ въ Англіи и работалъ всюду. Въ 1800 г. онъ вернулся во Францію, куда онъ привезъ съ собой съ чужбины „Опытъ о революціяхъ“, представляющій блестящій хаосъ глубокихъ или ребяческихъ идей и противорѣчивыхъ замѣчаній. Но при составленіи или переработкѣ этого труда мысль Шатобріана созрѣла; къ 1800 г. она окончательно сложилась. Бороться съ философіей XVIII вѣка и вытекшими изъ нея литературными взглядами; возстановить христіанскую религію въ виду той художественной красоты, которая ей присуща и которую она внушаетъ людямъ; не насилуя своего чувства, и въ душевномъ общеніи съ другими людьми, черпать въ своемъ сердцѣ глубокія и искреннія настроенія; отдаваться свободному полету воображенія, не заботясь о правилахъ и не прибѣгая къ подражанію; чтобы доставлять пищу своему воображенію, смотрѣть открытыми глазами на міръ и его естественную красоту, изучать исторію и проникаться специфической красотой отдѣльныхъ эпохъ, различныхъ расъ и цивилизацій—такова была программа, поставленная себѣ Шатобріаномъ и почти цѣликомъ имъ выполненная.

Онъ началъ съ поэтическихъ романовъ, составлявшихъ лишь отдѣльныя части задуманной имъ великой работы. *Atala* и *René* имѣютъ самостоятельную цѣнность; они проникнуты паѳосомъ, отличаются великолѣпной и безпредѣльной широтой и богатымъ, блестящимъ и гармоническимъ стилемъ, о которомъ сочиненія Руссо даютъ лишь слабое понятіе.

Эти произведенія имѣли симптоматическое значеніе: они, какъ это замѣтилъ Мореллэ, руководимый предразсудками послѣдователя XVIII вѣка, предвѣщали появленіе человѣка, желавшаго доказать, какъ прекрасна христіанская религія и какъ богата художественными красотами глубокая меланхолія раненаго и неумиротвореннаго сердца. Затѣмъ Шатобріанъ выпустилъ свою великую книгу, являвшуюся религіознымъ, литературнымъ и художественнымъ манифестомъ и содержавшую чудный рядъ краснорѣчивыхъ размышленій.

„Геній христіанства“.—Въ этомъ произведеніи Шатобріанъ старался показать, какое вліяніе христіанство оказало не только на умы и нравственность, но и на чувствованія людей и на эстетическія проявленія. Онъ доказывалъ, что даже классическая литература проникнута была христіанскимъ духомъ, которому она обязана лучшими своими сторонами, и что она напрасно пыталась отъ него отдѣлаться; по его мнѣнію, имѣвшій въ данномъ случаѣ мѣсто разладъ между художникомъ и вѣрующимъ былъ явленіемъ чисто внѣшняго свойства, но тѣмъ болѣе досаднымъ; слѣдовало покончить съ этимъ разладомъ, христіанинъ долженъ былъ писать въ христіанскомъ духѣ, французъ во французскомъ, а слѣдовательно, писатели должны были отказаться отъ обезьяничанья и отъ привычки скрывать отъ читателя свои интимныя чувства; такимъ образомъ, возможно было бы создать личную, то-есть искреннюю и могучую по своей искренности и оригинальности литературу, которая въ конечномъ счетѣ была бы той же классической литературой, но только безъ специфическаго притворства, составлявшаго лицемѣріе, а слѣдовательно, и слабость. Философъ, критикъ, разсказчикъ, эстетикъ и эпическій поэтъ въ одномъ и томъ же произведеніи, нѣсколько цвѣтистый, слишкомъ многорѣчивый, съ одинаковой охотой прибѣгавшій къ серьезнымъ и слабымъ аргументамъ, нѣсколько безпорядочный, но богатый идеями и неистощимый въ замѣчаніяхъ, онъ давалъ одновременно наставленія, доказательства, примѣры и образцы въ подтвержденіе своихъ взглядовъ.

Теперь ему оставалось представить широкій и поражающій воображеніе образчикъ новаго искусства. Это онъ и попытался сдѣлать въ своихъ „Мученикахъ“ (*Les Martyrs*), христіанской эпопеѣ въ прозѣ. Въ этомъ произведеніи Шатобріанъ далъ рядъ блестящихъ картинъ изъ жизни древняго язычества, первобытнаго христіанства, цивилизованнаго и варварскаго міра, Греціи и Рима и изобразилъ чувства искренняго языческаго жреца, новаго христіанина, греческаго философа и кельтской жрицы. Все это было окружено великолѣпной рамкой германскихъ и галльскихъ лѣсовъ, Греческаго и Неаполитанскаго морей, Аркадіи и Колизея. Никогда еще ни одинъ писатель не говорилъ болѣе пышнымъ языкомъ и не владѣлъ имъ съ большимъ благородствомъ, силой, легкостью и изяществомъ. Сначала совершенно сбитое съ толку, общественное мнѣніе опомнилось, пришло въ себя и зачислило „Мучениковъ“ или, по крайней мѣрѣ, первую половину этого произведенія въ ряды шедевровъ французской фантазіи и французскаго стиля.

Остальныя сочиненія Шатобріана, не будучи уже такими литературными памятниками, какъ „Мученики“, тѣмъ не менѣе отличаются весьма крупными художественными достоинствами. Въ „Les Natchez“, сочиненіи нѣсколько монотонномъ, но содержащемъ нѣкоторые замѣчательные или прелестные эпизоды, описывается дикая природа Америки; въ „L'Itinéraire de Paris à Jérusalem“—Востокъ, а въ „Mémoires d'outre-tombe“, крайне невыдержанномъ сочиненіи, въ которомъ безпорядочно смѣшаны всѣ

положительныя и всѣ отрицательныя стороны его ума и сердца, изображаются самъ авторъ и его эпоха. Этотъ великій человѣкъ, политическую жизнь котораго и навѣянныя ею сочиненія мы совершенно оставляемъ въ сторонѣ, создалъ французскій романтизмъ. Онъ сдѣлалъ даже больше, и помимо романтизма немного можно насчитать крупныхъ проявленій французскаго генія въ XIX столѣтіи, которыя такъ или иначе не были связаны съ Шатобріаномъ и не напоминали одной изъ многообразныхъ сторонъ этого обширнаго, сложнаго и могучаго генія.

Ламартинъ.—Шатобріанъ былъ великимъ поэтомъ въ прозѣ. Ламартинъ далъ Франціи Шатобріана - стихотворца, то-есть истиннаго поэта, котораго страна дожидалась въ теченіе цѣлаго столѣтія. Онъ былъ не столь великъ, какъ Шатобріанъ, но престижъ стихотворной формы такъ силенъ, что онъ добился болѣе безспорнаго успѣха. Сначала въ своихъ „Размышленіяхъ“ и „Новыхъ размышленіяхъ“ Ламартинъ выступилъ въ качествѣ элегическаго поэта, но самаго нѣжнаго, самаго чистаго и самаго возвышеннаго изъ элегическихъ поэтовъ всѣхъ временъ. Проникнутый нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ религіознымъ настроеніемъ, онъ сочинялъ любовныя стихотворенія, меланхолическія и пылкія, ласкающія и цѣломудренныя, написанныя съ такимъ тактомъ и искренностью чувства, что можно было подумать, будто до него поэты не воспѣвали любви; да это и было почти вѣрно.

Достигши болѣе зрѣлаго возраста, Ламартинъ началъ выражать двойное чувство любви къ природѣ и любви къ Богу въ гимнахъ, отличавшихся такимъ богатствомъ, полнотой и, слѣдовало бы сказать, силой оркестровки, на которыя его нельзя было бы считать способнымъ и которыя обнаружили новую, блестящую сторону его прекраснаго генія („Harmonies poétiques“). Впослѣдствіи въ поэмахъ совершенно новаго жанра, частью эпическихъ, частью лирическихъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, одна (*Yocelyn*) представляетъ почти безукоризненный шедевръ, а другая, тяжелая и скучная (*La chute d'un ange*), содержитъ все же лучшіе стихи Ламартина, онъ пытался широкими штрихами обрисовать нѣкоторыя эпохи въ развитіи человѣчества (въ первой современную, а во второй доисторическую эпоху), и набросать въ то же время эскизъ своей философіи, цѣликомъ сотканной изъ чувствъ, но проникнутой самымъ рѣшительнымъ, непобѣдимымъ и вполнѣ естественнымъ идеализмомъ.

Оставаясь поэтомъ до конца своей жизни (*Recueillements*) и даже въ глубокой старости способный взять трогательный и прелестный тонъ мужественной меланхоліи въ „La Vigne et la Maison“, Ламартинъ во вторую половину своей жизни извѣстенъ, какъ великій политическій ораторъ и историкъ, не вполнѣ надежный, но обладавшій даромъ художественнаго изложенія и замѣчательнымъ риторическимъ стилемъ, какъ напр., въ „Исторіи жирондистовъ“. Онъ не создалъ школы, хотя и вызвалъ множество подражаній. Это доказываетъ, что писателю можно подражать, но что невозможно усвоить „переливы и звукъ его голоса“ настолько, чтобы вызвать хотя бы отчасти впечатлѣніе иллюзіи, а ни одинъ писатель въ мірѣ не отличался болѣе рѣзко выраженной индивидуальностью, чѣмъ Ламартинъ.

Онъ оставилъ неизгладимый слѣдъ въ памяти людей, во-первыхъ, потому что онъ обладалъ геніемъ, а во-вторыхъ, потому что опредѣленная индивидуальность составляетъ вѣрный путь къ универсальности, а для того чтобы быть универсальнымъ, необходимо обладать такой богатой природой, въ которой всѣ люди могли бы узнавать отраженіе своей собственной природы, доведенной до высо-

Ф. П. С. Жерар.

А. Ламартин.

Т-во Бр. А. и И. Гранат и К°.

кой степени совершенства. Такимъ образомъ Ламартинъ осуществилъ идеалъ, начертанный Шатобріаномъ; въ достаточной мѣрѣ невѣжественный, неспособный къ подражанію, не зная другихъ импульсовъ, кромѣ естественной игры богато одареннаго ума, крайне развитой и владѣвшей имъ чувствительности и сильнаго воображенія, котораго онъ не старался сдерживать, всегда искренній и оригинальный безъ малѣйшихъ усилій, онъ былъ тѣмъ новѣйшимъ поэтомъ, о которомъ мечталъ авторъ „Генія христіанства“, отчасти осуществившій эту мечту на свой манеръ. Это не значитъ, что Шатобріанъ любилъ Ламартина; но это ничего не измѣняетъ въ дѣйствительномъ положеніи вещей; личная антипатія не имѣетъ никакого отношенія къ вопросамъ теоріи.

Альфредъ де Виньи.—Почти одновременно съ Ламартиномъ Альфредъ де Виньи обнаружилъ талантъ великаго поэта, и поэта новаго времени. Отличаясь не столь счастливымъ характеромъ и геніемъ, какъ Ламартинъ, проникнутый меланхоліей отчаянія, мизантропъ и пессимистъ, яростный и холодный въ одно и то же время, онъ получилъ отъ природы, на которую онъ такъ сильно жаловался, самыя блестящія поэтическія дарованія. Онъ обладалъ болѣе опредѣленной и глубокой философской мыслью, чѣмъ Ламартинъ, и искусствомъ (лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ отдававшимъ искусственностью) выражать ее въ осязательныхъ, весьма сильныхъ и новыхъ образахъ, то-есть умѣлъ превращать философскую идею въ поэтическую; а эта поэтическая идея отличалась такой живостью и яркостью, такимъ богатствомъ содержанія, что естественно становилась символомъ, „организованной идеей“, имѣющей свой центръ, свои развѣтвленія и представлявшей гармоническую связь отдѣльныхъ частей.

Выражать философскія идеи въ ясныхъ поэтическихъ символахъ—въ этомъ преимущественно и заключался его талантъ, какъ это обнаруживается въ „Eloa“, „Moïse“, „Bouteuille à la mer“, „Maison du Berger“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это видно въ „Frégate la Sérieuse“ или „Samson“ и въ другихъ произведеніяхъ, онъ обладалъ колоритностью, рельефностью и силой рисунка, которыя сами по себѣ уже ставили его выше обыкновенныхъ, такъ называемыхъ талантливыхъ поэтовъ. Не будучи столь же сильнымъ въ области прозы, онъ оставилъ историческій романъ „Сенъ-Марсъ“, нѣкоторыя части котораго написаны съ необыкновеннымъ талантомъ, и въ особенности сборникъ повѣстей, озаглавленный „Servitude et grandeur militaires“, написанныхъ съ такимъ чувствомъ, а часто даже съ такимъ трагическимъ величіемъ, что эти разсказы, насквозь проникнутые жалостью къ страдающему человѣчеству, врѣзываются въ память, почти какъ личныя несчастія.

Удивительная судьба постигла Виньи. Почитаемый, но поставленный во второй рядъ или, во всякомъ случаѣ, нѣсколько ниже перваго во мнѣніи современниковъ—благодаря присущему его произведеніямъ и отсутствовавшему у другихъ философскому элементу, который смущалъ читателей и скорѣе отталкивалъ ихъ, чѣмъ привлекалъ, и благодаря несоотвѣтствію этой пессимистической философіи тенденціямъ эпохи,—онъ неожиданно сдѣлался любимымъ писателемъ послѣдовавшихъ поколѣній, которыя, съ одной стороны, настроены болѣе философски (дѣйствительно или въ своемъ воображеніи) и требуютъ отъ поэта философской системы и которыя, съ другой стороны, по многимъ причинамъ склоняются къ болѣе или менѣе пессимистическому міровоззрѣнію. Какъ бы тамъ ни было, Виньи всегда останется великимъ поэтомъ, быть можетъ, не очень плодовитымъ, но импонирующимъ нѣсколько презрительнымъ высокомѣріемъ своей мысли, могучей кра-

сотой воображенія и совершенствомъ формы въ большей части его произведеній.

Викторъ Гюго. — Такъ какъ литературная дѣятельность Виктора Гюго продолжалась болѣе шестидесяти лѣтъ, то онъ принадлежитъ и къ разсматриваемому періоду, и къ послѣдующему. Здѣсь мы коснемся только той роли, которую онъ игралъ до 1830 года.

Не отличаясь такой сильной мыслью, какъ Шатобріанъ, Ламартинъ и Виньи, Викторъ Гюго сначала обратилъ на себя вниманіе публики изяществомъ и красотой стиля, который всегда, впрочемъ, оставался его главнымъ достоинствомъ. Далеко превосходя гибкостью всѣхъ своихъ соперниковъ, будучи настоящимъ виртуозомъ слога, онъ могъ по желанію говорить языкомъ среднихъ вѣковъ, вызывавшимъ мысль о Востокѣ, дававшимъ понятіе о Ренессансѣ или переносившимъ читателя въ первую половину XVII столѣтія. Онъ сочинялъ оды въ духѣ Малерба, баллады, восточные мотивы или эпическія и лирическія пьесы.

Современники удивлялись этой разносторонности его таланта; она свидѣтельствовала о способности художника слѣдовать за вѣкомъ во всѣхъ его изгибахъ, никогда рѣзко не выставляя собственной индивидуальности и всегда выражая ходячую мысль общества на языкѣ, свойственномъ ему одному. Его ловкость и умѣнье шутя разрѣшать затрудненія, самому создавать и побѣждать ихъ, какъ бы для удовольствія и развлеченія, его знаніе цвѣтовъ, его глубокое проникновеніе въ природу матеріальныхъ вещей, его ритмическій инстинктъ, настолько прочный, что въ этомъ отношеніи его могъ превзойти или сравняться съ нимъ только Лафонтэнъ, — таковы были поразительныя дарованія этого человѣка, которыя онъ обнаружилъ съ первыхъ же шаговъ своей литературной дѣятельности, которыя онъ сохранилъ навсегда и которыя почти до конца маскировали банальность его мыслей, условность его чувствъ и почти полное отсутствіе ума.

А пока что Гюго, хотя и изумлявшій первыхъ своихъ читателей, очаровывалъ ихъ своими лирическими стихотвореніями или своими цвѣтистыми, обаятельными, причудливыми, краснорѣчивыми и музыкальными драматическими произведеніями, напоминавшими оперы, передѣланныя въ трагедіи. Публика задавала себѣ вопросъ, не родился ли геній, равный Шекспиру, но еще не опредѣлившійся, или же блестящій риторъ, которому суждено безслѣдно исчезнуть, какъ только испарится пылъ молодости и сгоритъ сверкающій фейерверкъ возбужденнаго воображенія.

Но романтики въ собственномъ смыслѣ слова признали въ Гюго своего главу, такъ какъ они инстинктивно чувствовали, что ихъ главой долженъ быть виртуозъ по преимуществу, что выставленная Шатобріаномъ замѣчательная программа трудно выполнима по своей широтѣ и что въ данный моментъ необходима не истинная, великая и справедливая реакція противъ черствости литературы начала XIX вѣка, а реакція бросающаяся въ глаза, дѣйствующая на массу и прельщающая широкую публику и способная противопоставить элегантной трезвенности десятыхъ годовъ XIX столѣтія фантастическую форму и пышность выраженій.

Театръ. — Наконецъ, трагедія окончательно измѣнилась. Имѣемъ ли мы дѣло съ простымъ видоизмѣненіемъ въ лицѣ Казимира Делавиня, который ограничился употребленіемъ болѣе яркаго стиля и введеніемъ лирическаго оттѣнка, отмѣченнаго уступкой новымъ вкусамъ; или съ формально болѣе глубокимъ измѣненіемъ въ лицѣ Виктора Гюго, который распрощался съ теоріей единствъ, не доходя, впрочемъ, до свободы англійскаго и испанскаго театра, и который любилъ смѣсь или контрастъ комическаго и трагическаго; или съ дѣйствительной рево-

П. Ж. Беранже.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°

люціей въ лицѣ Александра Дюма, который, вернувшись къ исторической драмѣ въ прозѣ (драма Лемерсье, *Pinto*, была почти единственнымъ образцомъ въ этомъ родѣ), рѣшительно отодвинулъ въ прошлое корректную, холодную, нѣсколько тягучую и нѣсколько пустую трагедію въ стихахъ, — мы видимъ, что драматическое искусство принимало болѣе современный, живой, страстный, а также болѣе вульгарный характеръ, приспособлялось къ новой, болѣе широкой и простой публикѣ, не знавшей правилъ, древнихъ образцовъ и исторіи, публикѣ, которая умѣла чутьемъ разбираться въ истинныхъ и основныхъ качествахъ драмы, но главнымъ образомъ требовала, чтобы пьеса ее заинтересовывала и волновала.

„Сицилійская вечерня“ (1819) и „Паріа“ (1821) Казимира Делавиня, „Кромвель“ Гюго и „Предисловіе къ Кромвелю“, этотъ манифестъ романтическаго театра (1827); „Маріонъ Делормъ“ Гюго (1829); „Генрихъ III и его дворъ“ (1829) Дюма отвѣчали на различные запросы публики и соотвѣтствовали новымъ условіямъ драматическаго искусства, въ то время какъ нѣкоторые новые опыты акклиматизаціи Шекспира („Отелло“ Виньи, 1829 года) способствовали эмансипаціонному движенію и освящали блестящимъ примѣромъ неуравновѣшенность новаторовъ.

Комедія отчасти находилась въ состояніи застоя, какъ это было довольно естественно въ періодъ столь высокихъ литературныхъ претензій. Однако Казимиръ Делавинь, который нѣсколько ошибочно считалъ себя трагикомъ, но при своемъ остроуміи и наблюдательности чувствовалъ себя гораздо свободнѣе въ области комедіи, далъ одну за другой цѣлый рядъ пьесъ въ этомъ жанрѣ, какъ „Комедіанты“ (1820), „Школа старцевъ“, превосходная драматическая комедія (1823) и „Принцесса Аврелія“, пикантная и граціозная романтическая комедія, написанная подъ нѣкоторымъ вліяніемъ „Don Sanche“ Корнеля (1829). Въ сравненіи съ комедіей Колэнъ д'Арлевиля или Пикара пьесы Делавиня составляютъ большой шагъ впередъ и, можно сказать, почти ренессансъ. Во всякомъ случаѣ это очень важное явленіе въ исторіи французской комедіи, на которое до сихъ поръ не всегда обращали достаточно вниманія.

Внѣ рамокъ романтическаго движенія періодъ 1815—1830 гг. выдвинулъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ произведеній, которыя въ такой же, а пожалуй, и въ большей степени, чѣмъ сочиненія романтиковъ, представляютъ характерныя проявленія французскаго духа, разсматриваемаго въ своей специфической послѣдовательности и въ своемъ естественномъ развитіи. Даже въ области поэзіи, гдѣ первое мѣсто принадлежитъ названнымъ выше писателямъ, не слѣдуетъ забывать человѣка выдающагося ума и искусства, способнаго при этомъ на сильное выраженіе чувства, мастера въ своей ограниченной области, который производитъ впечатлѣніе поэта XVIII вѣка, случайно затесавшагося въ XIX столѣтіе.

Жанъ Беранже. — Никто не былъ настолько человѣкомъ своего времени, способнымъ въ такой степени раздѣлять всѣ его политическія страсти, склонности и предразсудки, и никто не стоялъ такъ далеко отъ своей эпохи съ точки зрѣнія литературныхъ идей и модныхъ вкусовъ, какъ Беранже. Прямой наслѣдникъ сатирическихъ и эпиграмматическихъ поэтовъ предыдущаго поколѣнія, поклонникъ „славнаго Панара“, шансонетнаго пѣвца средины XVIII вѣка, страстно привязанный къ Парни, онъ началъ съ 1812 года сочинять сатирическія пѣсенки, проникнутыя веселой язвительностью, остроуміемъ и хитростью, полныя намековъ и недоговоренностей, блещущія тонкой и тщательной отдѣлкой. Люди, не любящіе этихъ пѣсенокъ, говорили: „Быть можетъ, ихъ слѣдовало бы послушать въ пѣніи“; но

съ большинствомъ изъ этихъ шансонетокъ и какъ разъ съ лучшими дѣло обстоитъ совершенно наоборотъ. Ихъ отличительная черта заключается не въ увлекательной горячности, а въ коварномъ лукавствѣ и язвительной насмѣшкѣ, на половину скрытой, но тѣмъ не менѣе прямо бьющей въ цѣль. Онѣ хороши именно при вдумчивомъ и внимательномъ чтенiи, если читатель способенъ внимательно относиться къ читаемому и самъ обладаетъ остроумiемъ, и проходятъ незамѣтно мимо поля зрѣнiя человѣка, привыкшаго къ лиризму и къ громкому треску; или же ихъ слѣдуетъ медленно *декламировать* (а не пѣть) человѣку, мастерски владѣющему дикцiей и способному обратить вниманiе слушателей на изящныя тонкости, умные намеки и рѣдкiе перлы удачныхъ выраженiй. Такимъ именно образомъ необходимо читать или декламировать „Le vieux grenier“, „Le bon vieillard“, „La bonne vieille“, „Le Roi d'Yvetot“, „Le vieil habit“, „Les Gueux“, которые въ своемъ жанрѣ представляютъ маленькiе шедевры.

Здѣсь, по нашему мнѣнiю, выясняется настоящiй Беранже, „добрый поэтикъ“, какъ онъ самъ про себя выражался, человѣкъ поразительнаго ума, недоступный пониманiю глупцовъ. Для послѣднихъ онъ сдѣлалъ нѣчто, а пожалуй, даже и много, сказавши съ притворнымъ простосердечiемъ, составлявшимъ одинъ изъ его любимыхъ грѣховъ, что „въ хорошемъ сборникѣ пѣсенъ непремѣнно должно быть нѣсколько скверныхъ стихотворенiй“. Онъ составлялъ народныя пѣсенки, то игривыя, то антирелигiозныя, нѣсколько простоватыя и даже нѣсколько грубоватыя, написанныя тяжеловато, но сверкающiя все-таки блестками истиннаго остроумiя, которое никогда не оставляло Беранже. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ патрiотическихъ стихотворенiяхъ онъ поднялъ шансонетку на высоту оды; въ этой области Беранже, не будучи лирическимъ поэтомъ въ собственномъ смыслѣ слова, достигъ большого успѣха. „Les Enfants de la France“, „Le Cinq mai“, а въ особенности замѣчательныя „Souvenirs du Peuple“ составляютъ произведенiя, которымъ не хватаетъ силы, но которыя отличаются глубокимъ чувствомъ, удачными и мѣткими выраженiями, неподдѣльной эмоцiей и замѣчательно чистымъ, точнымъ и искреннимъ языкомъ.

Беранже, который вдобавокъ, какъ это видно изъ его переписки, былъ безкорыстнымъ, мягкосердечнымъ, добродушнымъ и благороднымъ человѣкомъ, былъ предметомъ преклоненiя со стороны двухъ поколѣнiй отъ 1815 приблизительно до 1850 года; а затѣмъ, какъ это часто бываетъ съ людьми, слава которыхъ основана главнымъ образомъ на популярности, онъ впалъ въ полную немилость у поколѣнiя, выступившаго на сцену послѣ его смерти. Между этими двумя крайностями должно найтись почетное мѣсто для умнаго человѣка, симпатичнаго и талантливаго поэта—и потомство несомнѣнно отведетъ ему это мѣсто.

Но литературныя группы, оставшiяся, какъ до, такъ и послѣ 1830 года, въ сторонѣ отъ романтическаго движенiя, состоятъ главнымъ образомъ изъ прозаиковъ. Эпоха Реставрацiи, характеризующаяся блестящимъ развитiемъ всѣхъ отраслей французской литературы, выдвинула цѣлый рядъ историковъ, философовъ, ораторовъ и выдающихся журналистовъ.

Исторiя.—Историческая наука сдѣлала значительный шагъ впередъ, въ томъ числѣ и въ методологическомъ отношенiи, благодаря цѣлому ряду причинъ. Не слѣдуетъ, между прочимъ, забывать, что серьезное влiянiе оказалъ на это развитiе Шатобрiанъ, воскресившiй въ своихъ сочиненiяхъ жизнь далекихъ историческихъ эпохъ. Въ этомъ же направленiи дѣйствовали свѣжiя еще воспоминанiя о великихъ историческихъ потрясенiяхъ XVIII

и начала XIX вѣка; наконецъ, сильный толчокъ развитію исторической науки данъ былъ сочиненіями Вико и Гердера, поднявшихъ исторію на высоту философіи.

Трудолюбивый и проницательный Симондъ де Сисмонди, родившійся историкомъ и пріученный своимъ юношескими путешествіями по Франціи, Швейцаріи, Англіи и Италіи къ сравнительному изученію различныхъ народовъ и цивилизацій, въ 1815—1840 годахъ написалъ свою обширную „Исторію французовъ“,—первое сочиненіе, въ которомъ историкъ занялся изученіемъ не столько жизни королей, сколько самого народа, и старался установить послѣдовательную связь умственныхъ, нравственныхъ, религіозныхъ и экономическихъ явленій; этотъ крупный, цѣнный и прекрасный трудъ занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ среди произведеній этого рода, если бы его авторъ обладалъ бóльшимъ литературнымъ талантомъ.

Мы не станемъ упоминать здѣсь многихъ спеціальныхъ сочиненій Сисмонди по политической экономіи; но „Опытъ о литературахъ южной Европы“, особенно богатый свѣдѣніями относительно Италіи и годящійся для справокъ даже въ настоящее время, показываетъ, что Сисмонди былъ такимъ же хорошимъ историкомъ литературы, какъ и политическимъ историкомъ.

Огюстэнъ Тьерри былъ геніальнымъ человѣкомъ. Пристрастившись къ исторіи благодаря прочтенію „Мучениковъ“ Шатобріана, онъ далъ 1825 году знаменитую „Исторію завоеванія Англіи норманами“, которая хронологически является первымъ изъ шедевровъ исторической науки въ томъ смыслѣ, въ какомъ она понимается въ настоящее время, и „Письма объ исторіи Франціи“ или, какъ онъ озаглавилъ ихъ въ одномъ послѣдующемъ изданіи „Введеніе въ исторію Франціи“, — сочиненіе, представляющее какъ бы краснорѣчивую программу методовъ, которымъ должна слѣдовать новая историческая наука. Впослѣдствіи, лишившись зрѣнія, но не потерявши изъ-за этого своего пыла, онъ издалъ „Разсказы изъ временъ Меровинговъ“, „Опытъ по исторіи третьяго сословія“ и цѣлый рядъ другихъ произведеній, свидѣтельствующихъ о широкой эрудиціи автора, полныхъ глубокихъ мыслей и написанныхъ блестящимъ стилемъ. Огюстэнъ Тьерри считается отцомъ новѣйшей исторіи, а также самымъ оригинальнымъ, страстнымъ и увлекательнымъ изъ писателей, оказавшихъ вліяніе на развитіе историческихъ изслѣдованій во Франціи.

Братъ его, Амедей Тьерри, одновременно съ Огюстэномъ выступившій на то же поприще, если и не достигъ такой же извѣстности, то во всякомъ случаѣ завоевалъ себѣ заслуженное почетное положеніе своей „Исторіей галловъ вплоть до полнаго подчиненія Галліи римскому владычеству“ и дальнѣйшимъ продолженіемъ этого крупнаго труда подъ заглавіемъ „Исторія Галліи во время римскаго владычества“. Историческая наука многимъ ему обязана, а потомство охотно объединяетъ хотя и неодинаково славныя имена обоихъ братьевъ.

Въ теченіе разсматриваемаго періода возникли вспомогательныя историческія науки, расширившія и обогатившія область историческихъ изслѣдованій, какъ, напримѣръ, *египтологія*, *ассирологія*, *синологія*, изученіе санскритской литературы, то-есть индусской цивилизаціи, и т. п.

Въ 1795 году во Франціи основана была школа восточныхъ языковъ. Въ продолженіе 1799—1801 гг. Франція занимала Египетъ, и величайшимъ результатомъ этого завоеванія было основаніе „Египетскаго Института“, ученаго общества, задавшагося цѣлью изслѣдовать древнюю страну, сыгравшую такую роль въ исторіи развитія религіи и искусства, и вырвать у нея ея тайны. Шампол-

ліонъ-Фижакъ и Шампполіонъ младшій одновременно принялись за изученіе этой въ то время совершенно еще темной области. Первый опубликовалъ въ 1819 году „Лѣтописи Лагидовъ“ и гораздо позднѣе, въ 1840 году, результаты всѣхъ своихъ работъ по исторіи Египта въ сочиненіи „Древній и новый Египетъ“; второй, младшій изъ двухъ братьевъ, разобралъ знаменитую Розетскую надпись, найденную во время экспедиціи 1798 года, и такимъ образомъ открылъ ключъ къ чтенію іероглифовъ. Въ 1821 году онъ издалъ свой „Мемуаръ о гіератическихъ письменахъ“, а въ 1824 году свою „Іероглифическую систему“.

Отцомъ ассирологіи былъ Сильвестръ де Саси, приступившій въ 1803 году къ изученію клинообразныхъ письменъ древней Персіи. Средневѣковая Персія изучалась тѣмъ же ученымъ, переведшимъ въ 1819 году „Пендъ-Наме“ Ферида, и Гарсэномъ де Тасси, который перевелъ „Языкъ птицъ“ того же Ферида.

Семитическая цивилизація изслѣдовалась и разъяснялась Далэромъ и Кагапомъ, давшими въ 1825 и 1830 годахъ превосходные и точные переводы древнееврейскихъ текстовъ.

Изученіе Индіи начинается еще въ XVIII вѣкѣ. Въ 1770 году Анкетиль-Дюперронъ издалъ свое „Путешествіе въ Великую Индію“, въ 1778 г.—„Восточное Законодательство“ и въ 1798 г.—„Сношенія Индіи съ Европой“. Въ 1790 году Полэнъ де Сенъ-Бартелеми напечаталъ санскритскую грамматику. Антуанъ де Шези занялъ послѣ него каѳедру санскритскаго языка въ *Collège de France* и далъ наукѣ такихъ блестящихъ учениковъ, какъ Ланглуа, Боппа, Лассена и Бюрнуфа. Евгеній Бюрнуфъ издалъ въ 1826 году свой этюдъ о *пали*, одномъ изъ санскритскихъ діалектовъ. Ланглуа опубликовалъ въ 1827 году свои „Литературные памятники Индіи“ или „Очерки санскритской литературы“ и въ 1828 году „Шедевры индійскаго театра“. Въ этюдѣ, посвященномъ періоду 1830—1848 гг., мы еще встрѣтимся съ продолженіемъ этихъ благородныхъ трудовъ, которые съ самаго начала и вплоть до нашихъ дней не переставали глубоко интересовать ученыхъ и значительную часть французской публики.

Философы.—Періодъ 1815—1830 гг. былъ преимущественно временемъ политическихъ философовъ. Жозефъ де Местръ, который въ молодости дебютировалъ „Мыслями о Франціи“ (1796) и въ 1810 году далъ „Опытъ о генетическихъ принципахъ политическихъ конституцій и другихъ человѣческихъ учрежденій“, выпустилъ только въ 1820 году свои „Петербургскіе вечера“ или „Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence“. Появленіе этой книги надѣлало большого шуму и вызвало крупный скандалъ. Въ ней авторъ развивалъ радикальную теорію монархическаго деспотизма и поставленнаго надъ нимъ теократическаго деспотизма. Ученость автора, хотя и не свободная отъ пробѣловъ, неумолимая и грозная логика, не отступавшая ни передъ какими крайними выводами, поразительно сильная способность къ обобщенію и синтезу, рѣзкая и подчасъ жестокая иронія, шутя оскорблявшая общепринятыя идеи и ихъ носителей, выдающійся стилистическій талантъ доставили этой книгѣ тотъ особый родъ популярности, который выражается во всеобщей непопулярности. Жозефъ де Местръ сдѣлался предметомъ общей ненависти.

Этотъ успѣхъ, который онъ предвидѣлъ, котораго онъ желалъ и для достиженія котораго онъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, привело его въ восхищеніе. Потомство, менѣе страстное, чѣмъ современники, ознакомившееся кромѣ того, благодаря опубликованной перепискѣ Жозефа де Местра, съ глубокой и даже восхитительной добротой этого сатанинскаго духа, состоявшаго на службѣ у Бога, и вдобавокъ чуткое къ таланту, отвело по-

четное мѣсто этому обаятельному и сильному теоретику, этому выдающемуся писателю и глубокому политическому философу; можно, впрочемъ, пожалѣть, что онъ слишкомъ увлекся ролью памфлетиста.

Бональдъ, одновременно съ Жозефомъ де Местромъ проповѣдовавшій тѣ же идеи, не имѣлъ ни одной изъ чертъ памфлетиста. Философъ, подобно де Местру, но философъ, логика котораго имѣла скорѣе дѣло съ абстрактными идеями, чѣмъ съ фактами, и, пожалуй, скорѣе даже со словами, чѣмъ съ идеями, отличавшійся умомъ схоластическаго пошиба, по существу въ достаточной степени пустой, но вводившій въ заблужденіе симметрической опредѣленностью своихъ построеній и холодной красотой своего вылощеннаго стиля, онъ внушалъ своимъ современникамъ извѣстное чувство благоговѣнія, а потомкамъ извѣстное чувство уваженія, смѣшаннаго съ боязнью взяться за его чтеніе. Бонадьдъ оставилъ по себѣ лишь воспоминаніе о сильномъ и тонкомъ мыслителѣ, который полагалъ, что мысль имѣетъ самодовлѣющее значеніе и можетъ, развиваясь въ пустотѣ, придти къ важнымъ и практическимъ умозаключеніямъ. „Резонирующій разумъ“, о которомъ столько говорилъ Ипполитъ Тэнъ и который, по его словамъ, составлялъ отличительную черту людей XVIII вѣка, по какой-то странной ироніи судьбы не имѣетъ болѣе типичнаго и яркаго представителя, чѣмъ этотъ ярый врагъ философіи XVIII вѣка.

Балланшъ, также бывшій политическимъ философомъ, принадлежитъ къ той категоріи склонныхъ къ мистицизму умовъ, о появленіи которой уже предупредили насъ „философъ Сенъ-Мартэнъ“ и мягкій мечтатель Азаисъ. Глубоко потрясенный страшными революціонными событіями, отъ которыхъ столько пришлось выстрадать его родному Ліону, и проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, Балланшъ старался открыть провиденціальный смыслъ революціонныхъ переворотовъ въ исторіи человѣчества и пришелъ къ той мысли, что кровавые кризисы являются въ одно и то же время искупленіемъ и испытаніемъ, что человѣчество такимъ путемъ идетъ къ болѣе совершенному состоянію, всегда покупаемому дорогой цѣной, и что послѣдовательный рядъ и совокупность этихъ смертей и возрожденій составляютъ человѣскій „Палингенезисъ“, новое сотвореніе человѣческаго рода; поэтому слѣдуетъ относиться къ этимъ потрясеніямъ, какъ къ закону Провидѣнія, съ благоговѣніемъ и ужасомъ, отнюдь не позволяя себѣ проклинать ихъ и извлекая изъ нихъ новое, болѣе сильное упованіе.

Всѣ эти мечтанія претерпѣвшаго рядъ испытаній и ударовъ оптимизма, всячески изворачивавшагося въ интересахъ самосохраненія, окутаны были блестящими и обольстительными мистическими отступленіями и обернуты кружевомъ аллегорій, символовъ и цѣлой туманной миѳологіи, въ которомъ играючи путалось необузданное воображеніе автора. Въ качествѣ практическаго заключенія Балланшъ рекомендовалъ признать „плебеянизмъ“, эту конечную форму постепенно освободившагося человѣчества, сохранить христіанство, постаравшись примирить его съ новыми идеями и такимъ образомъ довести до конца, быть можетъ, безъ новыхъ искупленій и испытаній палингенезисъ человѣчества. Въ виду такихъ выводовъ Балланша можно и должно считать первымъ по времени изъ тѣхъ „либеральныхъ католиковъ“, которые въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, отъ 1830 до 1848 года, пытались осуществить задачу примиренія традиціоннаго христіанства съ современными идеями. Впрочемъ, насъ онъ интересуетъ только своимъ дѣйствительно рѣдкимъ и не лишеннымъ извѣстной прелести талантомъ поэта-ясновидца.

Въ то же время университетская философія привлекала къ себѣ вниманіе общества краснорѣчіемъ, властными и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельными замашками, дѣйствительной ученостью и новизной, если не идей, то по крайней мѣрѣ, тенденцій Виктора Кузена. Ларомигьеръ былъ послѣднимъ изъ учениковъ Кондильяка, преподававшимъ доктрину учителя съ университетской каѳедры. Послѣ него въ теченіе непродолжительнаго времени въ Сорбоннѣ читалъ лекціи Ройе-Колларъ, не имѣвшій опредѣленной системы, но по инстинкту и съ помощью шотландской философіи внушалъ своимъ слушателямъ спиритуалистическія доктрины.

Но истиннымъ возстановителемъ этихъ идей былъ Кузенъ. Извлекши изъ забвенья Мэна де Бирана, извѣстнаго только нѣсколькимъ знатокамъ; обновивши Декарта, отъ котораго публика отвыкла и котораго она перестала понимать; отправившись въ Германію для бесѣдъ съ Гегелемъ, котораго онъ, быть можетъ, понялъ, но изъ ученія котораго онъ, по крайней мѣрѣ, усвоилъ нѣчто для своихъ лекцій; ознакомившись съ Платономъ, изучая (чего уже давно не дѣлали) исторію философіи, онъ изъ всѣхъ этихъ элементовъ составилъ не систему, а смѣсь высокихъ мыслей, безсвязность которыхъ скрадывалась его краснорѣчіемъ; эта смѣсь, которой Кузенъ далъ имя „эклектизма", въ общемъ направлена была на борьбу съ матеріализмомъ и къ развитію въ умахъ культа долга, безкорыстія и самопожертвованія.

Онъ поставилъ себѣ болѣе или менѣе явную цѣль замѣнить религію ясной, практической и возвышенной философіей, а духовенство — университетомъ. Этимъ объясняются его замашки умственнаго деспота и первосвященника профессоровъ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ его крайній страхъ передъ новыми изслѣдованіями и изысканіями послѣ того, какъ онъ въ царствованіе Луи-Филиппа сдѣлался чѣмъ-то вродѣ grand maître'a философскаго преподаванія, такъ какъ для того, чтобы университетская философія сдѣлалась своего рода религіей, она должна была получить характеръ законченной системы, а ученики должны были ограничиться повтореніемъ словъ учителя, который самъ долженъ былъ застыть на достигнутыхъ результатахъ. Отъ этой любопытной попытки, которая надолго придала университету, даже помимо корпораціи профессоровъ философіи, помимо „Кузеновскаго полка", специфическій, съ тѣхъ поръ исчезнувшій духъ, остались только сочиненія Кузена, подчасъ весьма хорошія, какъ напримѣръ, „Объ истинѣ, добрѣ и красотѣ" (курсъ лекцій, прочитанныхъ въ 1818 и напечатанныхъ въ 1854 году), и сочиненія его ученика Жуффруа („Философскій сборникъ", „Курсъ естественнаго права"). Впослѣдствіи Викторъ Кузенъ, наполовину отказавшись отъ роли владыки и полемиста, замкнулся въ литературную дѣятельность и въ историческія изслѣдованія и напечаталъ цѣлый рядъ этюдовъ изъ исторіи общества въ XVII вѣкѣ (*Madame de Longueville*, *Madame de Sablé*, *Madame de Chevreuse* и т. д.). Въ общемъ онъ далъ сильный и благодѣтельный толчокъ философскимъ изслѣдованіямъ и оставилъ по себѣ память, какъ о крупномъ ученомъ, великомъ ораторѣ и блестящемъ писателѣ.

Ораторы.—Ораторы парламентской трибуны не уступали въ эту эпоху ораторамъ Сорбонны. Генералъ Фуа, Бенжаменъ Констанъ, Манюэль, Камиллъ Жорданъ, министры Деказъ и Мартиньякъ доставляли Франціи зрѣлище ораторскихъ турнировъ, столь же блестящихъ и страстныхъ и, пожалуй, болѣе литературныхъ, чѣмъ во времена революціи. Среди нихъ выдѣлялся могучей чистотой и импозантностью рѣчи, учительскимъ тономъ оракула, а также ѣдкой и презрительной

язвительностью знаменитый Ройе-Колларъ, убѣжденный легитимистъ и закоренѣлый либералъ, формулировавшій въ точныхъ и краснорѣчивыхъ положеніяхъ „философію Хартіи“ и такимъ образомъ вырабатывавшій какъ бы ясную, живую, остроумную и величавую грамматику конституціонной политики.

Этотъ человѣкъ обладалъ столь застывшей доктриной, что за нимъ и руководимой имъ группой осталось прозвище доктринеровъ; онъ импонировалъ и убѣждалъ своей логикой, прозрачностью мысли, а также властностью своего характера, своего тона и всей своей индивидуальности. Онъ остался однимъ изъ величайшихъ представителей французской трибуны и такъ называемой политической философіи. Когда пришлось выбирать между легитимизмомъ и политической свободой, какъ онъ ее понималъ, то онъ сумѣлъ сдѣлать рѣшительный шагъ, а именно онъ, въ качествѣ президента палаты депутатовъ 1830 года, представилъ королю адресъ 321-го, бывшій объявленіемъ войны. Этотъ адресъ выражалъ его мысль и въ то же время разбивалъ его сердце. Послѣ революціи 1830 года Ройе-Колларъ рѣдко выступалъ въ собраніи; его роль была закончена. Онъ скончался въ 1845 году.

Журналисты.—Разсматриваемый періодъ былъ также эпохой расцвѣта политической прессы, отличавшейся въ то время литературными достоинствами. „Journal des Débats“ подъ редакціей братьевъ Бертэнъ, „Contitutionnel“ съ Ланжюинэ, Кошуа-Лемэромъ и Тьеромъ, „Globe“ съ Жуффруа, Амперомъ, Дамирономъ и Дюшателемъ были не столько информаціонными листками, сколько сборниками политической философіи.

Среди всѣхъ этихъ талантливыхъ журналистовъ выдавался Поль-Луи Курье, обладавшій особымъ ироническимъ талантомъ, напоминавшимъ Свифта, и въ 1815—1825 гг. достигшій огромной славы и почти европейской извѣстности. Онъ происходилъ изъ именитой буржуазной семьи, имѣвшей кой-какія отношенія къ дворянству: его отецъ, напримѣръ, непремѣнно хотѣлъ называться Курье де Мере, а юноша готовился къ офицерской карьерѣ въ такую эпоху, когда для вступленія въ корпорацію требовалось болѣе или менѣе несомнѣнное званіе дворянина. Въ 1791 г. онъ поступилъ въ Шалонскую артиллерійскую школу и въ 1793 г. былъ произведенъ въ инженеръ-поручики. Во время Республики и Имперіи онъ былъ офицеромъ, подчасъ смѣлымъ и любившимъ приключенія, часто безпорядочнымъ, мало любившимъ свое ремесло и въ общемъ предпочитавшимъ ему чтеніе греческихъ писателей; мало-по-малу онъ сдѣлался хорошимъ знатокомъ греческой литературы и въ 1809 году окончательно вышелъ въ отставку.

Отъ 1809 до 1815 года онъ со страстью предался чтенію греческихъ авторовъ, далъ прекрасный переводъ „Дафниса и Хлоэ“ Лонгуса и мирно готовился къ вступленію въ Французскую Академію или Академію Надписей или въ ту и другую вмѣстѣ, когда реставрація Бурбоновъ придала его мыслямъ другое направленіе. Изъ своего помѣстья Верецъ въ Турени онъ выпустилъ въ свѣтъ рядъ политическихъ памфлетовъ, нѣсколько тяжеловато составленныхъ, но блещущихъ умомъ, ироніей, разсчитанной дерзостью и искусной язвительностью и написанныхъ классическимъ, точнымъ; сильнымъ и блестящимъ языкомъ. Эти брошюры озаглавлены были: *Петиція къ обѣимъ палатамъ*, *Процессъ Пьера Клавье*, *Простая рѣчь... о пріобрѣтеніи замка Шамборъ*, *Петиція за крестьянъ, которымъ мѣшаютъ плясать*, *Процессъ Поля-Луи Курье и Памфлетъ памфлетовъ*. Другой памфлетъ, пользующійся огромной извѣстностью, касался скорѣе чисто литературныхъ вопросовъ; это—*Письмо къ членамъ Академіи Надписей*, которые не допустили Курье

въ свое общество; но не Курье прилично было въ этомъ ихъ упрекать.

Эти брошюры, дѣлающія честь французскому языку, надѣлали столько же шума, возбудили и удовлетворили столько же страстей, какъ и пѣсни Беранже. До сихъ поръ онѣ съ увлеченіемъ читаются всѣми любителями французскаго остроумія и изящнаго стиля. Полю-Луи Курье не суждено было своими глазами увидѣть іюльскую революцію. Онъ скончался 10 апрѣля 1825 года. Въ то время распространился слухъ, что онъ былъ убитъ своими политическими противниками, но гораздо вѣроятнѣе (какъ это выяснилось впослѣдствіи), что онъ палъ жертвой семейной драмы.

II. — Отъ 1830 до 1847 года.

Говоря о литературѣ этого второго періода, намъ придется сначала разсмотрѣть романтическое движеніе въ послѣдней стадіи его развитія, а затѣмъ коснуться произведеній писателей, оставшихся въ сторонѣ отъ романтизма.

Романтизмъ. Второй фазисъ литературной дѣятельности Виктора Гюго.—Начиная съ 1830 года, Викторъ Гюго, съ одной стороны, продолжалъ писать драматическія произведенія, а съ другой, искалъ новыхъ путей. Изъ его драмъ укажемъ „Le roi s'amuse" въ прозѣ (1832), „Лукреція Борджіа" въ прозѣ (1833), „Марія Тюдоръ" въ прозѣ (1833), „Анджело" въ прозѣ (1835), „Рюи Блазъ" въ стихахъ (1838) и „Бургграфы" въ стихахъ (1843). Въ области поэзіи въ собственномъ смыслѣ этого слова онъ склонялся къ элегіи, къ выраженію своихъ интимныхъ чувствъ, радостей и горестей, словомъ, къ совершенно новому для него роду поэтическихъ произведеній, въ которыхъ въ отличіе отъ прежнихъ его сочиненій чувствительность преобладала надъ воображеніемъ. Къ этому счастливому періоду его творчества, который въ наши дни почему-то отодвигаютъ на второй планъ, не замѣчая, что послѣдній фазисъ писательской дѣятельности Гюго является просто его продолженіемъ и расширеніемъ, относятся „Les Feuilles d'automne" (1831), „Les Chants du Crépuscule" (1835), „Les Voix intérieures" (1837), „Les Rayons et les Ombres" (1840).

Это новое для Гюго настроеніе, анализъ своихъ чувствованій и даже нѣкоторое возбужденіе въ себѣ чувства, размышленіе о событіяхъ своей жизни и окружающей его средѣ, должно было съ наступленіемъ зрѣлости навѣять автору сильное и глубокое чувство его замѣчательныхъ „Contemplations", появившихся къ концу литературной карьеры великаго поэта. Несмотря на нѣкоторую небрежность, спѣшность и на несчастную привычку Гюго не вычеркивать ни одного слова, вылившагося изъ-подъ его пера, форма въ такихъ его произведеніяхъ, какъ „La Tristesse d'Olympia", „Oceano nox", „La vache", „Sunt lacrimae rerum", „La prière pour tous", отличается поразительной красотой и богатствомъ.

Наконецъ, Гюго, начавшій почти въ дѣтскомъ возрастѣ довольно нескладными романами, попыталъ свои силы на большомъ историческомъ романѣ „Соборъ Парижской Богоматери" и сразу увлекъ простую публику захватывающимъ, хотя и нѣсколько вульгарнымъ разсказомъ, и очаровалъ художниковъ, ученыхъ, историковъ и археологовъ обаятельной картиной средневѣковаго Парижа, набросанной яркими красками, съ поразительной живостью и рельефностью. Таковъ былъ Гюго въ періодъ царствованія Луи-Филиппа, продолжая заниматься политикой въ качествѣ пэра Франціи и приберегая для послѣдующей эпохи замѣчательные сюрпризы, о которыхъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. На сцену начали выступать его послѣдователи и молодые соперники, такъ называемое второе поколѣніе романтиковъ.

Л. Э. Лами.

А. де Мюссе.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Альфредъ Мюссе. — Альфредъ Мюссе, который сначала былъ чистымъ романтикомъ, влюбленнымъ, если не въ Востокъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Испанію, Италію и Шекспира, неуравновѣшенный, своенравный, всецѣло отдавшійся полету воображенія, владѣвшаго самимъ авторомъ, изумлялъ, скандализировалъ и очаровывалъ читателей своими произведеніями начала 30-хъ годовъ; а затѣмъ бурныя страсти и пережитыя страданія указали ему его настоящее призваніе лирическаго поэта, изливающаго въ звукахъ голосъ, стоны и крикъ сердца. Онъ воспѣвалъ свою трагическую любовь съ такой искренностью, глубокимъ чувствомъ и страстнымъ краснорѣчіемъ, которыя сдѣлали, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, самаго индивидуальнаго изъ поэтовъ самымъ универсальнымъ; при чтеніи его произведеній каждый читатель можетъ подумать, да и думаетъ въ самомъ дѣлѣ, что Мюссе съ такой силой воспѣлъ его собственныя страданія. „Les Nuits" и „Le Souvenir" составляетъ какъ бы эпопею человѣческихъ страданій, причиняемыхъ любовью, и черезъ тысячу лѣтъ они будутъ такъ же юны и свѣжи, какими они были шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ или какими являются въ настоящее время. Такими они были бы даже и безъ своей формы; а могучая, полная, гармоническая форма, лишенная лишнихъ орнаментовъ и завитковъ, безыскусственная, пылкая и истинно лирическая, едва лишь окрашенная декламаціей (трудно избѣгнуть недостатковъ своей эпохи) даетъ Мюссе право на званіе настоящаго классика и ставитъ его въ ряды великихъ писателей, подобно тому какъ по своему вдохновенію онъ является однимъ изъ величайшихъ французскихъ поэтовъ.

Этого уже, безъ сомнѣнія, достаточно для славы; но въ тѣ минуты, когда Мюссэ не былъ страстнымъ и печальнымъ элегическимъ поэтомъ, онъ былъ любезнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ собесѣдникомъ. Этой чертой характера онъ связанъ съ XVIII вѣкомъ, истинная грація котораго въ эту эпоху отрицанія искусственной любезности была почти совершенно забыта. Мюссэ былъ прелестнымъ разсказчикомъ. „La Confession d'un enfant du siècle" нѣсколько отдаетъ еще напыщенностью, свойственной людямъ 30-хъ годовъ; но его „Разсказы и повѣсти" въ прозѣ написаны легко, просто, безъ прикрасъ, самымъ простымъ и изящнымъ языкомъ.

Наконецъ, драматическія произведенія Мюссе, то съ незамѣтной и остроумной примѣсью шекспировской фантазіи, то въ чисто современномъ духѣ, какъ будто они вышли изъ салона сороковыхъ годовъ и написаны для домашняго театра въ такомъ салонѣ, проникнутыя иногда глубокой психологіей *(Lorenzaccio)*, а иногда могучимъ паѳосомъ, напоминающимъ автора „Ночей" *(Les caprices de Marianne; Il ne faut pas badiner avec l'amour)*, часто написанная въ восхитительно легкомъ духѣ съ любезной и плутоватой граціей, вызывающей мечты о Мариво *(Un caprice, Il ne faut jurer de rien, Il faut qu' une porte soit ouverte ou fermée)*, — эти сочиненія Мюссе представляютъ рѣдкую драгоцѣнность въ нашъ вѣкъ, заваленный драматическими произведеніями, въ которыхъ больше генія, чѣмъ таланта, больше таланта, чѣмъ граціи, и въ особенности больше ремесленной дѣланности, чѣмъ безыскусственности.

Этотъ богато одаренный человѣкъ, который при желаніи проявлялъ столько же вкуса, сколько и вдохновенія, и который при всей живости своего воображенія и экзальтированной чувствительности умѣлъ быть остроумнымъ, слишкомъ рано погубилъ свои замѣчательныя умственныя способности, благодаря своей бурной жизни, и въ теченіе пятнадцати лѣтъ выполнилъ всю отмѣченную нами выше громадную и изящную работу. Онъ не успѣлъ созрѣть. Запасъ его душевныхъ силъ былъ такъ великъ, что его могло

бы хватить на цѣлый рядъ другихъ произведеній, которыя, быть можетъ, не были бы столь же блестящи, какъ предыдущія, но увеличили бы славу автора и обогатили бы французскую литературу. Родившись въ 1810 году и начавши писать въ 1830 г., онъ пересталъ быть самимъ собою около 1845 г. и скончался въ 1857 году.

Теофилъ Готье. — Теофилъ Готье дебютировалъ въ литературѣ одновременно съ Альфредомъ Мюссэ. Онъ былъ по профессіи художникомъ, но слабость зрѣнія заставила его разстаться съ кистью; однако и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ остался исключительно художникомъ. Онъ дебютировалъ поэмами въ романтическомъ духѣ, какъ напримѣръ, *Albertus* и *La Comédie de la mort*, въ которыхъ все, что выходитъ изъ рамокъ описаній, никуда не годится, а вся описательная сторона въ высшей степени замѣчательна. Въ своихъ прозаическихъ и стихотворныхъ замѣткахъ путешественника онъ продолжалъ давать эскизы, офорты, акварели или масляныя картины, большая часть которыхъ написана увлекательно, а нѣкоторыя положительно превосходно.

Наконецъ, въ совершенствѣ овладѣвши своею кистью и рѣзцомъ, Готье вскорѣ послѣ 1848 г. далъ свой шедёвръ въ стихахъ *Emaut et Camées,* гдѣ инструментъ писателя соперничаетъ со всѣми инструментами пластическихъ искусствъ. На такой ступени эта художественная „транспонировка" (выраженіе самого Готье) является настоящимъ чудомъ и какъ бы обогащаетъ литературу новою областью. Такъ какъ всѣ завоеванія, даже тѣ, изъ которыхъ нельзя, повидимому, извлечь особенной пользы, заслуживаютъ уваженія, то мы должны быть благодарны Теофилу Готье за это нововведеніе. „Эмали и Камеи" займутъ свое мѣсто во французской литературѣ, какъ исключительная художественная рѣдкость, обнаруживающая руку выдающагося мастера.

Готье писалъ также романы, отличающіеся такимъ же характеромъ, какъ и другія его произведенія. Таковы, напримѣръ, „Mademoiselle de Maupin" и „Le Capitaine Fracasse", которые при всемъ изяществѣ формы почти совершенно лишены какого-либо содержанія; ихъ можно назвать прекрасными произведеніями или, по крайней мѣрѣ, красивыми работами, такъ какъ авторъ, словно сознавая, что ни событія, ни дѣйствующія лица не представляютъ для читателя почти никакого интереса, пускаетъ въ ходъ всѣ свои техническіе рессурсы. Это посредственныя книги съ роскошными иллюстраціями, а какъ извѣстно, книги обыкновенно иллюстрируются для того, чтобы въ нихъ было хоть какое-нибудь содержаніе. А талантъ иллюстратора былъ великъ.

Готье былъ замѣчательнымъ въ техническомъ отношеніи писателемъ. Любившій архаизмы, подобно всѣмъ великимъ писателямъ, охотно вносившій въ свою рѣчь техническія выраженія (изъ архитектуры, живописи, керамики), съ которыми онъ прекрасно былъ знакомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно образованный, воспитанный въ классическомъ духѣ, такъ же прекрасно знакомый съ обычнымъ языкомъ, какъ и съ техническимъ, зная его даже лучше, чѣмъ кто бы то ни было, владѣя имъ глубже и увѣреннѣе, чѣмъ даже Викторъ Гюго, онъ оставилъ образцы изящнаго стиля, заслуживающіе внимательнаго изученія, причемъ при ближайшемъ разсмотрѣніи они ничего не теряютъ въ своей красотѣ, и въ нихъ не удается найти никакихъ недостатковъ. Его сочиненія въ цѣломъ вызываютъ сильную критику, но отдѣльныя страницы превосходны, а этого достаточно для того, чтобы отвести ему весьма почетное мѣсто во французской литературѣ.

Не слѣдуетъ забывать Огюста Барбье, который стоитъ гораздо ниже Теофила Готье, но въ продолженіе одного года обнаруживалъ блестящій талантъ. Въ

1830 году онъ составилъ нѣсколько сатирическихъ ямбовъ по образцу Андре Шенье, написанныхъ неувѣреннымъ языкомъ, но проникнутыхъ такимъ могучимъ воображеніемъ и яростнымъ движеніемъ, что читатели получали впечатлѣніе словно отъ физическаго толчка. Въ особенности хороши два стихотворенія, „Идолъ", направленный противъ возрождавшагося наполеоновскаго культа, и „На добычу", направленное противъ жадныхъ интригановъ, наперебой расхватывавшихъ теплыя мѣстечки послѣ іюльской революціи; они производятъ особенно сильное впечатлѣніе, если читать ихъ вслухъ съ увлеченіемъ, какъ рѣчь трибуна или проклятіе пророка. Имя человѣка, подписавшаго подобныя строки, не погибаетъ; но талантъ, навѣянный исключительно негодованіемъ и гнѣвомъ, исчезаетъ безслѣдно. Впослѣдствіи Огюстъ Барбье писалъ еще недурные стихи; онъ пережилъ не свою славу, которая за нимъ осталась, а свою популярность. Скончался онъ въ 1882 г.

Можно ли зачислить Ламеннэ въ среду поэтовъ? Его можно бы также отнести къ ораторамъ, а съ нѣкоторой натяжкой и къ философамъ. Въ началѣ своей литературной карьеры Ламеннэ въ цѣломъ рядѣ сочиненій, изъ которыхъ самымъ значительнымъ былъ „Опытъ о религіозномъ индифферентизмѣ", защищалъ тѣ же доктрины, что Жозефъ де Местръ и Бональдъ; затѣмъ, будучи въ душѣ демократомъ, признававшій и раньше, чуть ли не какъ догматъ, принципъ „всеобщаго согласія", глубоко потрясенный іюльской революціей и озабоченный примиреніемъ католической религіи, священнослужителемъ которой онъ былъ, съ новыми идеями, онъ пытался основать либеральный католицизмъ. Когда римская курія осудила его идеи, Ламеннэ не счелъ нужнымъ подчиниться ея рѣшенію, порвалъ со своей церковью и сдѣлался ярымъ демократическимъ писателемъ, распространявшимъ въ жгучихъ памфлетахъ, дышащихъ страстнымъ и волнующимъ лиризмомъ („Слова вѣрующаго", „Народная книга", „О современномъ рабствѣ"), самыя смѣлыя мысли и самыя благородныя и милосердныя чувства. И никто не посмѣлъ ни на минуту заподозрѣть благородство его характера и его суровое безкорыстіе.

Будучи весьма выдающимся писателемъ, доводя до крайности, ослѣплявшей и опьянявшей читателя, присущія ему качества поэта, трибуна и пророка, Ламеннэ оставилъ послѣ себя страницы, составляющія оды или ямбы. Этотъ мятежный и одинокій старецъ далъ великіе образцы искусства. Теперь его мало читаютъ, такъ какъ защищавшееся имъ дѣло не возбуждаетъ уже прежняго страстнаго отношенія, а обычный тонъ его произведеній не таковъ, чтобы вызвать симпатіи публики; но любители высокаго стиля и выдающагося краснорѣчія и въ настоящее время хорошо знаютъ произведенія Ламеннэ, сулящія огромное духовное наслажденіе художникамъ.

Театръ.—Театръ въ разсматриваемую эпоху достигъ блестящаго развитія. Мы уже приводили выше драмы Гюго, которыя за исключеніемъ „Бургграфовъ" всѣ имѣли большой успѣхъ. Казимиръ Делавинь продолжалъ свою блестящую драматическую карьеру, давши намъ „Людовика XI", трагедію въ стихахъ (1832), „Дѣтей Эдуарда", трагедію въ стихахъ (1833), „Донъ Жуана Австрійскаго", историческую комедію въ стихахъ (1835), „Популярность", историческую комедію въ стихахъ (1838) и „Докладчика", комедію-буффъ въ прозѣ (1841).

Понсаръ пытался воскресить Корнелевскую трагедію своей „Лукреціей", которая въ виду начинавшейся реакціи противъ драматическихъ произведеній романтиковъ, а скорѣе просто благодаря своимъ достоинствамъ (вѣдь широкая публика мало интересуется школами)

имѣла въ 1843 году шумный успѣхъ. Съ меньшимъ успѣхомъ авторъ поставилъ впослѣдствіи „Agnès de Méranie“ (1846), „Charlotte Corday“ (1850) и комедію „L'Honneur et l'Argent“ (1853). Мы еще встрѣтимся съ нимъ, когда будемъ говорить о современной литературѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Евгеній Скрибъ, писавшій уже давно, достигъ славы около 1830 года. Родившись въ 1791 году, онъ выпустилъ свои первые драматическіе опыты въ 1811 году. Съ этого момента и вплоть до 1830 года онъ написалъ нѣсколько сотъ пьесъ имѣвшихъ мимолетный успѣхъ. Въ большинствѣ случаевъ это были наскоро написанные водевили, но въ нихъ уже проявлялось то знаніе сцены, которое никогда не покидало автора. Съ 1830 года Скрибъ, увѣрившись въ своихъ силахъ, рискнулъ взяться за серьезныя драматическія вещи. „Bertrand et Raton“ (1833), „La Camaraderie“ (1837), Une chaîne“ (1841), „Bataille de Dames“ (1850)—это были бытовыя комедіи; „Le Verre d'eau“ (1842) и „Адріанна Лекуврёръ“ (1849)—это историческія или анекдотическія комедіи. Этотъ жанръ, какъ мы уже видѣли, былъ извѣстенъ во Франціи и раньше, но въ эпоху Луи-Филиппа онъ достигъ въ лицѣ Делавиня и Скриба своего совершенства и апогея.

Скрибъ былъ поверхностнымъ наблюдателемъ, рѣшительно не способенъ къ психологическому анализу и почти не имѣлъ никакихъ общихъ идей. Но онъ обладалъ мастерскимъ умѣньемъ завязывать интригу, вести все время пьесу съ неослабѣвающимъ интересомъ и остроумно приводить ее къ неожиданной развязкѣ. Сценическая техника не имѣла для него секретовъ, и можно даже сказать, что, онъ ее усовершенствовалъ. Будучи въ этомъ отношеніи ученикомъ Бомарше, онъ въ этомъ только пунктѣ (составляющемъ, впрочемъ, существенную сторону драматическаго искусства) превзошелъ своего учителя. Кромѣ того онъ обладалъ значительнымъ и подъ часъ весьма тонкимъ остроуміемъ, а его діалоги всегда отличаются большой живостью. Онъ впадаетъ въ вульгарность только въ тѣхъ мѣстахъ своихъ пьесъ, которыя выходятъ изъ рамокъ комическаго, но авторъ позаботился о томъ, чтобы такія отступленія встрѣчались весьма рѣдко.

Съ такими способностями можно пойти далеко, и успѣхъ Скриба достигъ поразительныхъ размѣровъ. Онъ сдѣлался европейской знаменительностью. Прибавьте къ этому, что онъ умѣлъ хорошо составлять оперныя либретто и что его имя, какъ либреттиста, стояло на самыхъ знаменитыхъ произведеніяхъ Бойельдье, Обера, Мейербера, Верди, Адама и Галеви („Бѣлая Дама“, „Нѣмая“, „Фра-Діаволо“, „Робертъ Дьяволъ“, „Жидовка“, „Гугеноты“, „Посланница“, „Черное Домино“, „Пророкъ“, „Африканка“).

Потомство, для котораго онъ, впрочемъ, и не думалъ работать, отнеслось къ нему крайне строго. И дѣйствительно, ни одному изъ его сочиненій не суждена была громкая слава. А между тѣмъ онъ добился извѣстной славы, и потомство привѣтствуетъ его, само того не подозрѣвая, въ томъ смыслѣ, что всѣ драматическіе писатели, знающіе технику своего дѣла, изучили ее по Скрибу, и слѣдовательно, до извѣстной степени они обязаны ему своими успѣхами. Онъ помогалъ болѣе крупнымъ людямъ, чѣмъ онъ самъ, да и въ настоящее время онъ состоитъ анонимнымъ сотрудникомъ тѣхъ самыхъ писателей, которые отодвинули его на задній планъ, такъ какъ изъ драматическаго автора онъ, благодаря внимательному чтенію его произведеній сценическими дѣятелями, сдѣлался профессоромъ драматическаго искусства. Объ этой крупной заслугѣ Скриба почему-то забываютъ, а между тѣмъ ее невозможно за нимъ отрицать.

Л. Буланже.

О. Бальзакъ.

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

Изъ прозаиковъ эпохи Луи-Филиппа мы разсмотримъ сначала тѣхъ, которые подверглись вліянію романтизма, а затѣмъ тѣхъ, которые остались въ сторонѣ отъ этого теченія.

Жоржъ Зандъ.—Жоржъ Зандъ, весьма легко поддававшаяся постороннимъ вліяніямъ, сначала выступила въ качествѣ романтика чистой воды (въ 1830 году). Выпущенные ею тогда романы *Лелія*, *Валентина*, *Индіана*, *Жакъ* являлись лирическими поэмами, написанными декламаторскимъ, хотя и прекраснымъ стилемъ; рядомъ съ ними *Новая Элоиза* кажется очень простой и монотонной. Эти романы и теперь читаются со смѣшаннымъ чувствомъ скуки, нетерпѣнія и восхищенія,—вообще съ такимъ чувствомъ, которое весьма рѣдко испытывается при чтеніи литературныхъ произведеній.

Послѣ нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ уже въ болѣе выдержанномъ тонѣ, но съ такимъ же талантомъ, какъ *Андрэ* (1835), *Мопра* (1837), которыя можно признать сочиненіями переходнаго періода, Жоржъ Зандъ около 1848 года начала проявлять двѣ совершенно различныя тенденціи, иногда сливавшіяся въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ. Она писала простыя повѣсти, почти лишенныя романическаго характера, въ которыхъ она изображала деревню, въ особенности Берри, деревенскіе нравы и обычаи, съ искусствомъ пейзажиста и идиллическаго поэта, приводившимъ въ изумленіе и восхищеніе читающую публику (*La Petite Fadette, les Maîtres Sonneurs, la Mare au Diable François le Champi*); то она пыталась излагать въ своихъ романахъ соціалистическія теоріи (*Les Compagnons du tour de France, Le péché de M. Antoine*), а то соединяла вмѣстѣ и идиллію, и политическую пропаганду (Le Meunier d' Angibaut). Наконецъ, въ эпоху Второй Имперіи она въ своихъ романахъ рисовала пріятныя и трогательныя картины буржуазной жизни съ талантомъ, измѣнившимъ ей только на закатѣ дней.

Жоржъ Зандъ обладала чрезвычайно гибкимъ геніемъ, приводившимъ въ восторгъ три поколѣнія, способнымъ понимать и глубоко чувствовать психологію и состояніе духа самыхъ различныхъ людей и, можно сказать, различныхъ цивилизацій, какъ она это доказала своими немногочисленными историческими романами (*Consuelo, les Beaux Messieurs de Boi-Doré*). Она вполнѣ владѣла стилемъ, которому по желанію придавала лирическую, элегическую, идиллическую, нѣжную форму; по своей легкости, мягкости и свѣжести ея стиль производитъ такое же впечатлѣніе, какъ молоко, которое пьешь медленными глотками въ жаркій день подъ густою тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ. Она поражала своей работоспособностью, всегда приводившею къ прекраснымъ результатамъ и нисколько не истощавшею богатаго запаса ея душевныхъ силъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она отличалась тою чрезвычайно рѣдкой и оригинальной чертой, что безъ всякихъ усилій могла по своему желанію, становиться въ положеніе изображаемыхъ ею типовъ. Вотъ почему Жоржъ Зандъ остается однимъ изъ нашихъ величайшихъ романистовъ и писателей и точнымъ свидѣтелемъ перемѣнъ, происходившихъ во вкусахъ публики отъ 1830 до 1870 года.

Бальзакъ. – Бальзакъ, который отличался бо́льшимъ трудолюбіемъ и на всѣхъ произведеніяхъ котораго лежитъ печать труда и давленія энергической воли на непокорную натуру, примыкаетъ къ романтизму по своей любви къ уродливостямъ, къ колоссальнымъ и невѣроятнымъ героямъ, къ чудовищнымъ состояніямъ нажитымъ по одному мановенію руки, къ таинственнымъ заговорамъ. Но тѣмъ не менѣе онъ съ основаніемъ считается отцомъ реализма, который въ пятидесятыхъ годахъ отодвинулъ романтизмъ на задній планъ, благодаря своему точному

наблюденію, сильному психологическому анализу, искусству создавать настоящіе, живые типы, въ которыхъ читатель узнаетъ людей такими, какими онъ видитъ ихъ въ дѣйствительной жизни, и про которыхъ онъ можетъ сказать: „Вотъ человѣческая природа, какой я ее знаю“.

Эта смѣсь противоположныхъ элементовъ въ произведеніяхъ Бальзака не обходится безъ нѣкоторыхъ треній и противорѣчій; но необыкновенная мощь творчества, жизненность дѣйствующихъ лицъ, естественная одушевленность сценъ, точное описаніе матеріальныхъ предметовъ, домовъ, мебели и одежды, сглаживаетъ всѣ недостатки, неестественность невѣроятныхъ положеній и скуку слишкомъ длинныхъ, мелочныхъ и однообразныхъ описаній. Типы Бальзака глубоко врѣзываются въ память; таковы: старый неисправимый распутникъ, баронъ Гюло; эгоистическій и жестокій бреттеръ, Филиппъ Бридо; скупецъ Грандэ; слабовольный отецъ, въ которомъ отцовская любовь становится порокомъ и доводитъ до преступленія, Горіо; честолюбецъ, постепенно заставляющій умолкнуть въ своей душѣ голосъ совѣсти, Растиньякъ; современная интригантка, госпожа Марнэфъ и т. п.

Эти мужчины и женщины, подобно нѣкоторымъ типамъ Шекспира, до сихъ поръ живутъ совершенно реальной жизнью. Бальзакъ обогатилъ французскую литературу своей галлереей типовъ. И если бы его стиль стоялъ на высотѣ его творческой силы, то Бальзакъ занялъ бы мѣсто среди величайшихъ литературныхъ геніевъ. Мы еще прощаемъ ему его крупные недостатки въ этомъ отношеніи; но слѣдуетъ опасаться, что позднѣйшее потомство, считающееся почти только съ техническими достоинствами литературныхъ произведеній, будетъ слишкомъ сильно шокировано недостатками бальзаковскаго стиля и забудетъ одного изъ величайшихъ творцовъ XIX столѣтія.

Какъ на послѣднихъ романтиковъ-прозаиковъ можно указать на Евгенія Сю и Фредерика Сулье, которые въ своихъ многочисленныхъ романахъ, часто остроумныхъ и интересныхъ, но совершенно лишенныхъ настоящаго бытового характера, обнаружили богатую фантазію въ придумываніи событій; конечно, не всѣмъ дана эта способность, но ничего труднаго она не представляетъ.

Александръ Дюма. — Этой фантазіей Александръ Дюма обладалъ въ такой степени, что въ этомъ отношеніи съ нимъ не можетъ сравняться ни одинъ писатель XIX вѣка, да пожалуй, и никакой другой эпохи. Событія, инциденты, осложненія и перипетіи естественно зарождаются у него въ мозгу и какъ бы самопроизвольно складываются въ обширныя захватывающія эпопеи. Ученые никогда не станутъ читать отъ доски до доски „Трехъ Мушкетеровъ“, „Виконта Бражелона“ и „Монте-Кристо“, но масса будетъ ихъ читать всегда и чѣмъ дальше, тѣмъ, кажется, она читаетъ ихъ съ бо́льшимъ интересомъ.

Искусство разсказывать безъ конца, не наскучивая читателю, это далеко не маловажное достоинство, и этимъ искусствомъ Дюма владѣлъ мастерски. Да и его стиль нельзя назвать дурнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ замѣчательно подходитъ къ содержанію разсказа; онъ отличается ясностью, стремительностью, простотой и живостью. Если бы стиль Дюма обладалъ такими качествами, которыя способны были бы остановить на себѣ вниманіе читателя и мѣшали бы читать эти произведенія „на курьерскихъ“, то-есть такъ быстро, какъ развертывается въ нихъ дѣйствіе и какъ они писались, то объ этомъ можно было бы только пожалѣть.

Этотъ плодовитый и легко работавшій авторъ обладалъ большимъ талантомъ драматическаго писателя. Напомнимъ, что именно Дюма, спустя долгое время послѣ появленія драмы „Пинто“, оставшейся

Л. Буланже.

Александръ Дюма (отецъ).

Т-во Бр. А. и И. Гранатъ и К°.

блестящей, но изолированной попыткой, снова ввелъ въ употребленіе и почти изобрѣлъ историческую драму своей пьесой „Генрихъ III и его дворъ“ (1829). Такъ какъ трагедія въ стихахъ начала выходить изъ моды, но драматическія произведенія, написанныя на историческіе сюжеты, не могли прекратить свое существованіе, то не подлежало сомнѣнію, что историческая драма въ прозѣ естественно должна была придти на смѣну оставленной трагедіи. Правда, это было лишь формальной перемѣной; но вѣдь кому-нибудь должно же было придти въ голову сдѣлать первый шагъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ Александромъ Дюма.

Вслѣдъ за первой его драмой появился въ царствованіе Луи-Филиппа цѣлый рядъ другихъ: „Antony“ (современная драма, 1831), „Charles VII chez ses grands vassaux“ (1831), „La Tour de Nesles“ (1832), „Кинъ“ (1836), „Mademoiselle de Belle-Isle“ (историческая комедія, 1839), „Le chevalier de Maison-Rouge“ (1847). Кромѣ того Дюма-отецъ продолжалъ писать во время Второй Имперіи, и ниже мы еще съ нимъ встрѣтимся. Онъ представляетъ любопытный примѣръ естественнаго и какъ бы инстинктивнаго генія, никому не подражавшаго, не слѣдовавшаго никакимъ правиламъ и не создававшимъ для себя никакихъ правилъ, обладавшимъ такой врожденной способностью развлекать, заинтересовывать и увлекать людей, что онъ дѣйствуетъ на нихъ безостановочно, расточительно и увѣренно, какъ стихійная сила природы.

Мы далеко уже отошли отъ романтизма въ собственномъ смыслѣ этого слова съ его программой и установленными имъ новыми правилами. Мы еще сильнѣе удалимся отъ него, говоря о произведеніяхъ Анри Бейля, извѣстнаго подъ именемъ Стендаля.

Стендаль.—Хотя Стендаль въ 1822 году защищалъ „романтицизмъ“, но во-первыхъ, онъ хорошенько не понималъ настоящаго смысла этого слова, а во-вторыхъ, онъ дѣлалъ это въ такую эпоху, когда романтизмъ не успѣлъ еще сложиться и опредѣлиться, какъ это случилось впослѣдствіи. Стендаль не только не былъ романтикомъ, но даже былъ настолько чуждъ своему вѣку, насколько это только возможно, то-есть не вполнѣ. По своимъ нравамъ, настроенію, философскимъ мнѣніямъ, литературному духу и стилю Стендаль былъ человѣкомъ XVIII столѣтія.

Абсолютно недоступный религіозному чувству, сенсуалистъ и сластолюбецъ, сухой и жалкій эпикуреецъ, онъ ничего не видѣлъ въ мірѣ кромѣ „алчной погони за счастьемъ“, но свободный отъ наивнаго оптимизма своихъ учителей и зная, что счастье не для всѣхъ доступно, онъ говорилъ: „Наслаждайся, кто можетъ“. Немудрено, что онъ былъ поклонникомъ „энергіи“, сильнаго и безстрашнаго эгоизма, который пробивается къ солнцу, опрокидывая на своемъ пути всѣ препятствія, хотя бы это были живые люди; фанатикъ силы, какъ Вольтеръ, онъ обожалъ Наполеона I подобно тому, какъ Вольтеръ преклонялся передъ Фридрихомъ II; онъ заходилъ даже дальше, во-первыхъ, по самолюбію и увлеченію, а во-вторыхъ, потому, что онъ не умѣлъ различать очень многихъ вещей; такъ напримѣръ, онъ восхвалялъ, какъ доказательство энергіи, совершаемыя бѣшеными и импульсивными людьми преступленія по страсти, которыя на самомъ дѣлѣ скорѣе являются признакомъ слабости.

Въ общемъ это былъ въ достаточной мѣрѣ грубый и безпокойный человѣкъ, котораго друзья не презирали потому, что находили его смѣшнымъ; онъ былъ дѣйствительно смѣшонъ, но при этомъ въ значительной степени испорченъ; въ извиненіе ему можно сказать, что онъ много выстрадалъ.

Онъ былъ чрезвычайно талантливъ. Такъ какъ характеръ человѣка всегда

оказываетъ сильное вліяніе на его таланты, то неудивительно, что эгоизмъ Стендаля побуждалъ его слишкомъ много говорить о самомъ себѣ; двадцать разъ онъ разсказываетъ о себѣ, своемъ дѣтствѣ, своемъ отцѣ, теткѣ, о своихъ завоеваніяхъ, о непріятныхъ и несимпатичныхъ ему людяхъ, и всѣ эти разсказы однообразны, какъ вѣчно повторяемые разсказы стараго брюзги. Для эгоизма наказаніемъ является не то, что человѣкъ антипатиченъ, а то, что онъ скученъ.

Но онъ въ высокой степени обладалъ двумя достоинствами, крайне рѣдкими въ его время. Онъ умѣлъ правильно смотрѣть на вещи и прекрасно понималъ людей. Это былъ превосходный путешественникъ, производившій великолѣпныя развѣдки въ области психологіи.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны его „Mémoires d'un touriste" и „Le Rouge et le Noir", а также часть его „Chartreuse de Parme". „Записки Туриста" вовсе не написаны туристомъ. Стендаль меньше всего былъ пейзажистомъ; но онъ умѣлъ удачно схватывать моральный, такъ сказать, характеръ страны, области, провинціи или города и характерныя черты населенія, класса, общества или группы. И несмотря на всѣ свои промахи, невѣрное освѣщеніе предмета и на преувеличеніе нѣкоторыхъ деталей, Стендаль указалъ основные, самые цѣнные элементы той науки, которую въ настоящее время называютъ психологіей народовъ.

Еще болѣе замѣчателенъ Стендаль, какъ романистъ. Подобно тому, какъ Бенжаменъ Констанъ описалъ въ „Адольфѣ" человѣка 1815 года, Стендаль въ своемъ „Rouge et Noir" изобразилъ, пожалуй, съ еще большей силой человѣка 30-хъ годовъ. Честолюбивый плебей, не знающій щепетильности, но до нѣкоторой степени благородный изъ гордости, увлеченный примѣрами сильной воли, добивающейся всѣхъ своихъ цѣлей, и деморализованный наполеоновской легендой, бросающійся очертя голову въ свѣтъ съ страшнымъ упорствомъ и яростной жаждой добиться своего, съ примѣсью нѣкоторой робости, и терпящій крушеніе въ пристани благодаря одной изъ тѣхъ слабостей истинной энергіи, которыя называются безполезными преступленіями,— эта сложная и вмѣстѣ съ тѣмъ понятная личность, окруженная нѣсколькими столь же жизненными и болѣе симпатичными женскими фигурами, проводится авторомъ черезъ общество двадцатыхъ годовъ, нѣкоторыя части котораго, какъ напримѣръ, духовенство и аристократическая среда маленькаго городка, описаны съ замѣчательной силой: все это вмѣстѣ составляетъ одинъ изъ самыхъ живыхъ и реальныхъ романовъ французской литературы и одно изъ тѣхъ произведеній, которыя можно читать нѣсколько разъ съ неослабѣвающимъ интересомъ. Менѣе читается другой его романъ „La Chartreuse de Parme", но описаніе знаменитой битвы при Ватерлоо и нѣкоторыя главы, въ которыхъ изображены мелкіе итальянскіе дворы въ 1818 году, представляютъ большой интересъ.

Стендаль, въ свое время стоявшій особнякомъ, долженъ быть по всей справедливости признанъ родоначальникомъ психологическаго романа, выступившимъ въ такую эпоху, когда этотъ литературный жанръ началъ возрождаться во Франціи.

Шарль Нодье.—Мы оставили нѣсколько въ сторонѣ Шарля Нодье, который пользовался извѣстностью и почетомъ во время Реставраціи и умеръ въ 1844 году. Обладая гибкимъ умомъ и сообразительностью, но нѣсколько любившій разбрасываться, натуралистъ, филологъ, поэтъ, романистъ и въ общемъ превосходный человѣкъ, добрый до наивности, отличавшійся простотой, великодушіемъ и столь безыскусственной скромностью, что она не казалась достоинствомъ,

Нодье отъ 1800 до 1830 года написалъ множество сочиненій, какъ-то диссертаціи о сяжкахъ у насѣкомыхъ, унылыя признанія въ духѣ „Вертера", веселыя исповѣди въ духѣ „Фоблаза" и романтическія стихотворенія въ духѣ Оссіана.

Этотъ эклектикъ въ концѣ концовъ сдѣлался оригиналомъ. Онъ превратился въ фантазера-романиста, умѣвшаго въ надлежащей пропорціи сочетать нѣсколько своенравное воображеніе съ крайне остроумнымъ юморомъ. Результатомъ этого настроенія явились „Thérèse Aubert" (1819), „Trilby" (1822), „L'Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux" (1830), во всѣхъ отношеніяхъ прелестная „La Fée aux Miettes" (1832) и многія другія произведенія. Занимая постъ директора Арсенальной библіотеки, Нодье сдѣлался центромъ избраннаго кружка выдающихся людей, куда входили Викторъ Гюго, Мюссе, Сентъ-Бёвъ, братья Дешанъ; а благодаря своимъ обширнымъ знаніямъ, своему вѣрному вкусу, этому качеству умныхъ людей, добродушно-отеческому тону своихъ наставленій, Нодье оказалъ значительное вліяніе на развитіе литературы своего времени.

Такое же вліяніе оказалъ онъ на развитіе французскаго языка. Обладая громадной эрудиціей, будучи любознательнымъ и страстнымъ филологомъ, владѣвшимъ безукоризненной чистоты стилемъ, онъ снова ввелъ въ употребленіе множество словъ и превосходныхъ выраженій, принадлежавшихъ къ сокровищамъ стараго французскаго языка, а романтики, употребляя эти выраженія въ своихъ произведеніяхъ, санкціонировали ихъ. Когда мы подумаемъ о той массѣ крайне цѣнныхъ словъ, которая впала въ опалу въ XVIII вѣкѣ и начала употребляться въ обыденной рѣчи въ XIX столѣтіи, и когда мы вспомнимъ, что большинство романтиковъ читали очень мало, то мы должны приписать эту реставрацію языка Полю-Луи Курье и Нодье, единственнымъ знатокамъ стараго французскаго языка въ періодъ 1815—1830 гг. Этимъ двумъ писателямъ, дѣло которыхъ впослѣдствіи продолжалъ Теофилъ Готье, мы обязаны обогащеніемъ французскаго языка благодаря употреблявшемуся ими вѣрному методу, который заключается въ бережной охранѣ его богатствъ.

Проспeръ Мериме.—Менѣе глубокій, но болѣе умный, чѣмъ Стендаль (къ которому онъ относился по-дружески, то-есть подъ видомъ похвалы строго его осуждалъ), не обладавшій такимъ сильнымъ воображеніемъ, какъ Нодье, но будучи весьма тонкимъ моралистомъ и неподражаемымъ въ своемъ родѣ разсказчикомъ, высокомѣрный и сдержанный Мериме, скрывавшій подъ маской разсчитанной холодности нѣжнее сердце и великодушіе, писалъ шедевры психологическаго анализа и бытовыхъ картинъ — чаще всего въ нѣсколько страницъ спокойнымъ, чистымъ и отдѣланнымъ языкомъ, давая въ разгаръ романтизма примѣръ и образецъ свободнаго отъ лишнихъ украшеній, точнаго и нервнаго стиля.

Его небольшіе романы („Хроника временъ Карла IX", „Коломба", „Карменъ") отличаются логической послѣдовательностью, сжатостью и силой впечатлѣнія, обнаруживающими въ авторѣ великаго художника; его повѣсти (*La Double méprise, La Vénus d'Ille, Le Vase étrusque, L'Enlèvement de la Redoute, Lokis*) представляютъ сжатые, сконцентрированные романы, написанные съ оригинальной силой, увѣренностью и, несмотря на полное отсутствіе заботы о красочности и образности, съ поражающей иногда энергіей стиля, обнаруживающими въ авторѣ мастера писательской техники.

Мериме въ такой же и, быть можетъ, даже въ большей степени, чѣмъ Стендаль, былъ родоначальникомъ психологическаго романа, то-есть настоящаго французскаго романа, если только вѣрно, что французы это по преимуществу мо-

ралисты, умѣющіе писать. Историкъ и археологъ, столь же добросовѣстно относившійся къ своему дѣлу, какъ и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, съ интересомъ изучавшій иностранныя литературы, Мериме оставилъ послѣ себя нѣсколько хорошихъ историческихъ сочиненій и первый познакомилъ французовъ съ русской литературой. Но его вѣчной славой останется то, что онъ былъ первымъ изъ французскихъ „нувеллистовъ", а можетъ быть, и изъ нувеллистовъ вообще.

Историки.—Царствованіе Луи-Филиппа было великой эпохой французскихъ историковъ.

Въ 1824 году Минье опубликовалъ свое мастерское резюме „Исторіи французской революціи". Вскорѣ послѣ этого Тьеръ выпустилъ свою обширную и блестящую „Исторію революціи", за которой должна была послѣдовать медленно подготовлявшаяся и писавшаяся въ продолженіе двадцати лѣтъ „Исторія Консульства и Имперіи", являющаяся образцомъ яснаго и легкаго, несмотря на подавляющее обиліе документовъ, разсказа, а также образцомъ „административной исторіи", исторіи, которая написана государственнымъ дѣятелемъ, знакомымъ со всѣми деталями, рессурсами и слабостями военной державы въ каждый данный моментъ и при всѣхъ обстоятельствахъ, и которая можетъ быть признана настольной книгой государственныхъ людей, подобно тому какъ сочиненія Коммина считались „требникомъ королей".

Гизо, бывшій во время Имперіи профессоромъ Сорбонны, написалъ, въ особенности начиная съ 1820 года, цѣлый рядъ серьезныхъ историческихъ сочиненій, пожалуй, слишкомъ систематическихъ, импонирующихъ своей размѣренностью и строгимъ стилемъ, „Курсъ новѣйшей исторіи", „Общая исторія цивилизаціи въ Европѣ", „Исторія цивилизаціи во Франціи", а послѣ своего паденія составилъ „Мемуары для исторіи моего времени", являющіеся полной парламентской исторіей Франціи отъ 1830 до 1848 года.

Мишле написалъ свою обширную „Исторію Франціи" отъ древнѣйшихъ временъ вплоть до 1815 года. Въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ дарованія историка, поэта, художника, пылкаго оратора, способнаго съ поразительной силой воскрешать исчезнувшіе народы и историческія личности, окутанныя дымкой сѣдой старины; оно написано неравномѣрно, но нѣкоторыя отдѣльныя его части, какъ напримѣръ, вторая половина среднихъ вѣковъ, главы о Жаннѣ д'Аркъ, Людовикѣ XI, Ренессансѣ, могутъ быть смѣло признаны шедеврами и въ научномъ, и въ литературномъ отношеніи. Отрываясь по временамъ отъ своихъ историческихъ занятій, онъ иногда дѣлалъ экскурсіи въ другія области и здѣсь давалъ полный просторъ своимъ поэтическимъ склонностямъ; онъ выказалъ себя настоящимъ поэтомъ въ прозѣ въ своихъ восхитительныхъ книжкахъ, какъ *Птица, Насѣкомое, Море, Гора,* каникулярныхъ работахъ, которыхъ достаточно было бы для того, чтобы доставить славу другому человѣку.

Его коллега по *Collège de France*, мрачный Кинэ, столь же пасмурный, какъ и Мишле, былъ ослѣпительнымъ и обворожительнымъ писателемъ и также поэтомъ, который въ исторіи видѣлъ удобный случай для составленія и построенія поэтическихъ и нѣсколько фантастическихъ системъ; насколько нервный слогъ Мишле казался надломаннымъ и трескучимъ, настолько же слогъ Кинэ катился плавной и звучной струей, красиво распуская легкіе ритмическіе паруса его фразы и поочередно то заставляя читателя желать большей простоты, то примиряя его съ напыщенностью стиля. Впослѣдствіи онъ написалъ двѣ прекрасныя, но совер-

шенно различныя книги, въ которыхъ онъ, не переставая быть ораторомъ, выражался болѣе ясно и просто и, можно сказать, болѣе по-французски.

„La Revolution“ это—книга, полная глубокихъ мыслей, наводящая на размышленія и обнаруживающая въ авторѣ историка-философа, философа, въ которомъ историческая жилка усилилась, и историка, который выработалъ себѣ опредѣленную философію. „La Création“ представляетъ прекрасный этюдъ о вѣроятныхъ переворотахъ, пережитыхъ нашей планетой, и опытъ моральной философіи, извлеченной изъ наблюденія надъ вселенной и изученія ея исторіи. Мысль Кинэ окончательно выяснилась и вылилась въ особенно яркую форму на закатѣ его дней; вмѣстѣ съ тѣмъ его стиль достигъ къ этому времени высшей степени совершенства. Такимъ образомъ, существуетъ въ жизни писателя медленная эволюція, придающая литературной карьерѣ драматическій интересъ.

Изученіе Востока за 1830 — 1848 гг. не только не прекратилось, но даже сдѣлалось болѣе популярнымъ. Египтологія имѣла своими представителями упомянутаго выше Шамполліона-Фижака и кромѣ того Летронна, давшаго въ 1833 г. „Звучащую статую Мемнома съ точки зрѣнія ея отношеній къ Египту и Греціи“, „Сборникъ греческихъ и латинскихъ надписей въ Египтѣ, разсмотрѣнныхъ въ связи съ политической исторіей“ и т. д., и Присъ д'Авена, издавшаго въ 1836 году сборникъ египетскихъ документовъ.

Ассирологія сдѣлала значительные успѣхи благодаря трудамъ французскаго консула въ Моссулѣ, Боттà, открывшаго развалины Ниневіи и дворецъ Хорсабада. Въ это-то время въ Луврскомъ музеѣ появились гигантскіе быки съ человѣческими головами, увѣнчанными тіарой.

Изученіе Персіи было значительно облегчено благодаря сдѣланному Евгеніемъ Бюрнуфомъ переводу *Вендидадъ-Саде*, приписываемаго Зороастру. На семитическую цивилизацію пролитъ былъ новый свѣтъ Мункомъ въ его книгѣ о Палестинѣ (1846), Франкомъ и его этюдомъ о „Каббалѣ, религіозной философіи евреевъ“, „Письмами объ исторіи арабовъ до Магомета“ Фюлжанса де Френеля и „Опытомъ исторіи арабовъ“ Коссена де Персеваля.

Изслѣдованіе индусской литературы энергически велось Евгеніемъ Бюрнуфомъ, который перевелъ *Багавата-Пурана*, и Гарсеномъ де Тасси, написавшимъ „Исторію индусской литературы“. Съ другой стороны, Станиславъ Жюльенъ (переводъ философа Менгъ-Тзеу и т. п.), Теодоръ Пави (переводъ китайскихъ сказокъ), Гулляръ д'Арси (переводъ китайскихъ пѣсенъ и поэмъ) и другіе продолжали и дополняли тѣ изслѣдованія въ области синологіи, которыя съ такимъ блескомъ начаты были во Франціи Гинемъ („Обзоръ китайской литературы“ въ „Запискахъ Академіи Надписей“, т. XXVI, XLII, XLIII) и Абелемъ де Ремюза („Опыты о китайскомъ языкѣ и литературѣ“, 1811; „Записки о китайскихъ книгахъ Королевской Библіотеки“, 1818).

Ораторы.—Ораторами разсматриваемой эпохи были почти тѣ же самые люди, о которыхъ мы упоминали, какъ объ историкахъ: Гизо и Тьеръ, обладавшіе самыми противоположными качествами, словно для того, чтобы доставить зрителю пріятное зрѣлище контрастовъ и параллелей. Первый важный и даже надменный, говорившій размѣренно, серьезно и властно; другой — подвижный, остроумный, повидимому, безпомощный, но въ дѣйствительности отличавшійся поразительнымъ искусствомъ прельщать и покорять своихъ слушателей; оба эти оратора, съ одинаковымъ мастерствомъ способные говорить съ подготовкой или импровизировать и одинаково опасные во время политическихъ преній, придали французской трибунѣ блескъ, котораго она не

знала даже во время Реставраціи и который съ тѣхъ поръ уже къ ней не возвращался.

Наряду съ ними стоялъ Монталамберъ, послѣдователь Ламеннэ, но оставшійся въ нѣдрахъ католической церкви, прекрасный ораторъ въ патетическомъ и сантиментальномъ жанрѣ, умѣвшій при случаѣ быть остроумнымъ и язвительнымъ, написавшій хорошую книгу о „Западныхъ монахахъ“. Уже постарѣвшій Беррье, составившій себѣ извѣстность въ ранней молодости своей защитой въ процессахъ маршала Нея, Ламеннэ и Шатобріана, продолжалъ пылко отстаивать принципы легитимизма съ глубокой страстностью и красотой слова, о которыхъ долго помнили современники.

Изъ другихъ ораторовъ, выступавшихъ не на политической трибунѣ, слѣдуетъ указать на Лакордэра. Своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, не свободнымъ отъ нѣкоторой вульгарности, но глубоко потрясавшимъ умы и сердца слушателей, онъ отчасти вернулъ церковной каѳедрѣ ея былую славу.

Критики.—Въ разсматриваемый періодъ критика насчитывала много представителей, и среди нихъ попадались люди съ крупнымъ талантомъ. Вильменъ отъ 1820 до 1830 года раздѣлялъ въ Сорбоннѣ громкую славу Гизо и Кузена. Во-первыхъ, онъ былъ краснорѣчивъ, а во-вторыхъ, онъ положилъ начало новой критикѣ. Огромные успѣхи исторической науки и историческаго искусства произвели на него сильное впечатлѣніе и оказали на него большое вліяніе. Онъ рѣшилъ тѣсно связать критику съ исторіей и, говоря о писателяхъ, выяснять ихъ отношеніе къ своей странѣ, эпохѣ и окружавшей ихъ средѣ. Этотъ пріемъ обновлялъ литературную критику и придавалъ ей характеръ изслѣдованія, опирающагося на исторію цивилизаціи и являющагося ея продолженіемъ.

Эта программа была слишкомъ прекрасна для того, чтобы Вильменъ могъ осуществить ее въ полномъ видѣ; но достаточно было и того, что онъ выставилъ такую программу и старался имѣть ее въ виду во время своихъ изслѣдованій и лекцій. Это придало преподаванію Вильмена, въ сравненіи съ пріемами его предшественниковъ, менѣе догматическій характеръ, то-есть менѣе произвольный, болѣе реальный, а значитъ, и болѣе живой характеръ. Слушатели до извѣстной степени чувствовали, что они живутъ одной жизнью съ тѣми авторами, о которыхъ говорилъ Вильменъ. Этотъ методъ, доведенный другими критиками до такой высоты, на какую самъ Вильменъ былъ неспособенъ, далъ въ общемъ итогѣ прекрасные результаты и способствовалъ тому синтезу всѣхъ наукъ, который всегда составлялъ тайную, неосуществимую и благодѣтельную мечту человѣческаго ума.

Вильмена замѣнилъ въ симпатіяхъ публики Сенъ-Маркъ Жирардэнъ, гораздо менѣе понятливый и краснорѣчивый, но чрезвычайно остроумный и способный. Жирардэнъ былъ главнымъ образомъ проницательнымъ и изобрѣтательнымъ моралистомъ. Онъ любилъ прослѣживать въ литературѣ какое-нибудь чувство, страсть или предразсудокъ и разъяснять его характеръ и исторію съ помощью искусныхъ сравненій и сопоставленій. Въ такомъ духѣ задуманъ и составленъ его „Курсъ драматической литературы“, который въ сущности представляетъ вовсе не курсъ драматической литературы, а курсъ морали, иллюстрированный массой примѣровъ, взятыхъ главнымъ образомъ изъ драматическихъ произведеній; впрочемъ, это очень хорошая и оригинальная книга, которую и въ настоящее время можно прочесть не безъ пользы.

Слѣдуетъ еще упомянуть Густава Пляншa, критика журнала „Revue des Deux Mondes“; гроза бездарныхъ и даже посредственныхъ авторовъ, завзятый и

нѣсколько узкій консерваторъ, онъ былъ ярымъ защитникомъ классическаго вкуса. Въ свое время онъ сыгралъ не лишнюю и не безславную роль, часто обнаруживая весьма точное и вѣрное эстетическое чутье; его идейная чистота можетъ и теперь быть поставлена въ образецъ, а какъ мы могли убѣдиться изъ обнародованной впослѣдствіи его переписки, онъ скрывалъ подъ грубоватой мужицкой внѣшностью рѣдкую деликатность и даже нѣжность сердца.

Но дѣйствительно великимъ критикомъ этой эпохи былъ Сентъ-Бёвъ; здѣсь мы ограничиваемся только его упоминаніемъ, а такъ какъ онъ началъ пользоваться выдающимся вліяніемъ только въ пятидесятыхъ годахъ, то мы поговоримъ о немъ въ слѣдующемъ томѣ.

Пресса.—Литературная пресса играла въ періодъ 1815—1747 гг. такую же, если не бо́льшую роль, чѣмъ въ XVIII вѣкѣ. „Le Mercure de France" просуществовалъ до 1820 года. Незадолго до того либеральная партія основала „La Minèrve". Въ теченіе своей непродолжительной карьеры эта газета, бывшая главнымъ образомъ политическимъ органомъ, касалась множества литературныхъ и философскихъ вопросовъ, въ общемъ выступая противъ романтиковъ, которые въ это время были или считались реакціонерами. Главными ея сотрудниками были Б. Констанъ, Жэ, Этьенъ, Жуй, Тиссо, Лакретель и другіе.

Органомъ романтиковъ была „La Muse Française". Въ этомъ журналѣ они рекомендовали подражаніе иностранной литературѣ и въ особенности Вальтеръ-Скотту, культивировали любовь къ среднимъ вѣкамъ, религіозное чувство и, само собою разумѣется, меланхолическую сантиментальность. Послѣдняя особенно преобладала въ молодомъ журналѣ романтиковъ. Здѣсь въ подражаніе „Больному юношѣ" Шенье появилась знаменитая серія: „Юная больная", „Больная сестра", „Больная дѣвица", „Умирающая мать", „Больной ребенокъ", такъ что сама редакція въ концѣ концовъ нашла, что этого довольно, и заявила, что „съ этого дня разработка разныхъ агоній надолго изъемлется изъ поэтическаго обихода", а для окончательнаго заключенія этого поэтическаго турнира предложила элегію „Выздоравливающій двоюродный дядюшка". Постоянными сотрудниками этого журнала, просуществовавшаго отъ 1819 до 1822 года, были Викторъ Гюго, Альфредъ де Виньи, Эмиль и Антоній Дешанъ, Шарль Нодье, Гиро, Софья Гэ, ея дочь, Дельфина Гэ (впослѣдствіи мадамъ Жирардэнъ), г-жа Дебордъ-Вальморъ, г-жа Тастю и т. д.

Въ 1826 году основанъ былъ „Фигаро". Эта по внѣшности чисто-литературная газета враждебно относилась къ правительству Реставраціи. Ея сотрудниками были Жюль Жанэнъ, Рокплянъ, Поль Лакруа, Альфонсъ Ройе и другіе. Послѣ іюльской революціи она перешла въ руки Латуша, который привлекъ туда Феликса Піа, Жюля Сандо и Жоржъ Зандъ. Затѣмъ газета прекратила свое существованіе и окончательно возобновилась только въ 1854 году.

Журналъ „La Revue des Deux Mondes", основанный въ 1829 году, временно прекратившійся и возстановленный въ 1831 году Франсуа Бюлозомъ, безразлично принималъ всѣхъ писателей, выдвинувшихся въ той или иной области, и вскорѣ завоевалъ вліятельное положеніе, котораго онъ никогда уже не терялъ. Перечислить его сотрудниковъ это значило бы повторить всѣ названныя въ этой главѣ имена и прибавить къ нимъ еще много другихъ.

„La Revue de Paris", основанный также въ 1829 году докторомъ Верономъ, въ 1831 году перешедшій въ руки Амедея Пишо, а въ 1834 году пріобрѣтенный Бюлозомъ, которому пришлось такимъ образомъ руководить двумя толстыми

журналами, отличался нѣсколько болѣе легкимъ и болѣе исключительнымъ литературно-художественнымъ характеромъ, чѣмъ „Revue des Deux Mondes“. Въ немъ писали Бенжаменъ Констанъ, Ламартинъ, Казимиръ Делавинь, Скрибъ, Александръ Дюма, А. де Виньи, Мюссе, Бальзакъ, Сенъ-Маркъ Жирардэнъ и Сентъ-Бёвъ. Онъ закрылся въ 1844 году.

Въ теченіе періода 1815—1847 гг. почти зародился, развился и склонился къ упадку романтизмъ; создалась и выросла историческая наука въ томъ смыслѣ, въ какомъ она понимается въ настоящее время; произошелъ ренессансъ религіознаго чувства и, вѣроятно, въ видѣ дополненія къ нему ренессансъ спиритуалистической философіи. Въ общемъ это одна изъ величайшихъ эпохъ въ исторіи французской литературы.

Глава XII.

Италія.

1810—1846.

I. — Крушеніе наполеоновскаго владычества и пробужденіе національной идеи.

Послѣдніе годы французскаго владычества въ Италіи [1]) были рѣшительнымъ періодомъ въ исторіи ея національнаго самосознанія. Задушенная арміями Наполеона или убаюканная его обѣщаніями, національная идея съ неотразимой силой внѣдрилась въ умы подъ вліяніемъ его насилій, а его военныя неудачи сообщили ей характеръ осуществимаго идеала. Еще никогда она не находила здѣсь столь многочисленныхъ защитниковъ и не имѣла столь вѣскихъ шансовъ на успѣхъ. Однако она и на этотъ разъ потерпѣла неудачу, потому что, если ей и удалось преодолѣть политическій индифферентизмъ итальянцевъ, то она еще не была въ силахъ побѣдить ихъ вѣковые предразсудки. Но, безплодная въ политическомъ смыслѣ, эта критическая эпоха оказалась плодотворной для итальянцевъ съ моральной точки зрѣнія: они вынесли изъ этого періода ясное сознаніе цѣли, къ которой имъ слѣдовало стремиться, и опасностей, грозившихъ имъ на пути къ этой цѣли.

Первыя противодѣйствія.—Первое противодѣйствіе своему владычеству Наполеонъ встрѣтилъ на югѣ полуострова, и при томъ—со стороны самаго преданнаго изъ своихъ сподвижниковъ. Гордясь своимъ королевскимъ титуломъ, Мюратъ въ то же время чувствовалъ себя униженнымъ необходимостью играть роль приказчика, и въ немъ началась борьба между гордостью монарха и вѣрностью солдата.

Еще серьезнѣе было положеніе дѣлъ въ сѣверной части полуострова, гдѣ французскимъ владычествомъ было порождено глубокое и, повидимому, всеобщее недовольство. Народная масса ставила въ упрекъ французамъ непрерывный ростъ фискальныхъ поборовъ, тяжесть рекрутчины, гекатомбы испанской войны, купцы—континентальную блокаду со всѣми ея стѣсненіями и пріостановку въ торговлѣ, сторонники независимости — отсрочку неизвѣстно на сколько времени осуществленія своихъ надеждъ, дворянство—милости, расточаемыя арміи, духовенство—насилія надъ папой, миланцы—распущенность и высокомѣріе вице-короля Евгенія. Чтобы превратить это недо-

[1]) См. т. I, стр. 262 и слѣд.

вольство въ гнѣвъ и эти смутныя стремленія въ страсти, нуженъ былъ фактъ, который сдѣлалъ бы тяжкое уже и до того иго Наполеона совершенно невыносимымъ. Такимъ фактомъ оказалась русская кампанія, результатами которой были образованіе въ Миланѣ боевыхъ партій и окончательный разрывъ Мюрата съ Наполеономъ.

Пораженія Наполеона и ихъ послѣдствія.— 18 февраля 1812 года 27.000 итальянцевъ—въ томъ числѣ гвардія и отборныя войска—съ бодрымъ духомъ выступили въ Польшу, предварительно весело справивъ карнавалъ въ Миланѣ; въ декабрѣ лишь около тысячи ихъ собралось въ Маріенвердерѣ вокругъ своихъ знаменъ. Такимъ образомъ, Россія поглотила 26.000 человѣкъ, и въ томъ числѣ почти всѣхъ ратниковъ почетной стражи, принадлежавшихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ королевства; эта катастрофа задѣла всѣ классы общества. Ихъ скорбь превратилась въ злобу, когда такими же гекатомбами ознаменовался и слѣдующій годъ: изъ 30.000 человѣкъ, набранныхъ второпяхъ и посланныхъ къ главной нѣмецкой арміи, въ ноябрѣ 1813 года обратно перешли Альпы лишь 3.000; изъ 30.000, нѣсколькими пріемами посланныхъ въ Испанію, въ декабрѣ вернулось 7.000. Въ два года итальянцы принесли въ жертву чуждому имъ дѣлу 60.000 жизней,—цѣлое поколѣніе. Будучи не въ силахъ ускорить гибель Наполеона, они могли по крайней мѣрѣ предвидѣть ее, какъ результатъ его повторныхъ пораженій, и чтобы встрѣтить желанный мигъ во всеоружіи, они начали группироваться, сообразно своимъ желаніямъ и программамъ, въ три главныя партіи.

Первая составилась изъ той части стараго дворянства, которая не поддалась вліянію революціонныхъ идей и не пошла на сдѣлки съ Имперіей. Видя во французскомъ владычествѣ лишь преходящее явленіе и беззаконный порядокъ вещей, она ставила себѣ цѣлью не болѣе и не менѣе, какъ закрыть скобки, открытыя 18 лѣтъ назадъ, т.-е. въ полномъ объемѣ возстановить режимъ, существовавшій въ 1796 г.

Естественнымъ противовѣсомъ этой партіи являлась партія вице-короля, болѣе многочисленная и болѣе просвѣщенная, но зато и болѣе разношерстная. Въ ея составъ входили: бо́льшая часть офицерскаго персонала, которую связывали съ ея вождемъ какъ узы военной вѣрности, такъ и воспоминаніе о совмѣстныхъ побѣдахъ и лишеніяхъ, почти все чиновничество, лично заинтересованное въ сохраненіи существующаго строя, и наконецъ часть той либеральной буржуазіи, которая, особенно въ Романьѣ, образовала умѣренную республиканскую партію. Общая программа этихъ разнородныхъ группъ сводилась къ тому, чтобы сохранить и существующія учрежденія, которыя сами по себѣ гарантировали государству достаточную независимость, и власть вице-короля, всѣ недостатки котораго, проистекавшіе изъ чрезмѣрной преданности Наполеону, должны были исчезнуть съ паденіемъ послѣдняго.

Къ несчастію, ихъ усилія парализовала дѣятельность третьей партіи, которая, стоя между первыми двумя, безсознательно играла въ руку Австріи. Она возникла недавно, называла себя „національною" и распадалась на двѣ особыя группы, объединяемыя лишь общею ненавистью къ вице-королю, котораго онѣ считали слишкомъ слабымъ, и къ австрійскому владычеству, котораго онѣ боялись. Политическимъ вождемъ первой былъ директоръ полиціи Луини, военными—генералы Пино и Леки, идеаломъ—сліяніе всей Италіи съ неаполитанскимъ королевствомъ подъ скипетромъ Мюрата; напротивъ, во вторую вошли знатные молодые миланцы какъ Верри, Конфалоньери, Босси, Порро, Кастильони, раздраженные милостями, которыми Евгеній осыпалъ

офицеровъ, и разсчитывавшіе, что въ независимомъ аристократическомъ государствѣ ихъ ждутъ почести, видныя должности, быть можетъ, даже корона; по своему честолюбію они были склонны вызвать кризисъ, но по своей политической неопытности они не сумѣли бы воспользоваться имъ.

Въ неаполитанскомъ королевствѣ исходъ русской кампаніи вызвалъ такое же глубокое раздраженіе, какъ въ итальянскомъ: тамъ легло до 8.000 неаполитанцевъ. И вотъ чиновники, средній классъ и мелкое дворянство стали группироваться въ тайныя общества, ставившія себѣ цѣлью поддержать любого государя, который согласился бы дать странѣ либеральную конституцію. А недовольство народа осложнялось злобою короля. Мюратъ вернулся изъ Россіи безъ приказанія, уязвленный одной фразою въ *Монитёрѣ*, рѣзко осуждавшей его поспѣшный отъѣздъ изъ арміи. Прибывъ въ свое королевство, онъ увидѣлъ себя между двухъ огней: либералы осаждали его своими требованіями, союзники тянули его на свою сторону. Это испытаніе оказалось ему не по силамъ. Первое время по возвращеніи изъ Россіи онъ, казалось, готовъ былъ дать волю своему озлобленію противъ Наполеона; однако вскорѣ затѣмъ онъ уѣхалъ командовать его конницей подъ Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Одну минуту онъ склонялся на увѣщанія либераловъ, предлагавшихъ поднять противъ Франціи знамя итальянской независимости; однако по его распоряженію былъ предательски схваченъ и разстрѣленъ Мангесомъ вождь калабрійскихъ *карбонаріевъ* Канобіанко (сентябрь 1813). Онъ нѣсколько разъ начиналъ дѣятельные переговоры съ лордомъ Бентинкомъ, начальникомъ англійскихъ силъ въ Сициліи; но они каждый разъ обрывались вслѣдствіе его отказа представить реальныя гарантіи своей вѣрности, которыхъ требовали отъ него. Наконецъ, послѣ долгихъ колебаній онъ заключилъ съ Австріей (11 января 1814) договоръ, по которому онъ обязался оказать союзникамъ вооруженную помощь противъ Наполеона, за что ему гарантировалась его корона; но онъ чрезвычайно медленно подвигался къ Романьѣ, гдѣ его войска должны были образовать лѣвое крыло австрійской арміи Нюжана, и къ тому же не стѣснялся вести переговоры съ Евгеніемъ, которому предлагалъ раздѣлить Италію на два королевства по ту и по эту сторону По.

Кампанія 1813—1814 г. въ Италіи.— Евгеній уже шесть мѣсяцевъ отстаивалъ оружіемъ свои владѣнія. Дѣйствуя на одной изъ второстепенныхъ аренъ европейской войны, онъ несъ на себѣ послѣдствія военныхъ и дипломатическихъ пораженій, какія терпѣлъ его отчимъ. Объявленіе войны Австріей, напавшей на него съ фронта, заставило его отступить отъ Альпъ къ Изонцо (сентябрь 1813); отложеніе Баваріи, грозившей его лѣвому флангу, заставило его отойти къ Эчу (ноябрь), а измѣна Мюрата, обнажившая его правый флангъ, принудила его уйти на линію Минчіо (февраль 1814).

Извѣстіе объ отреченіи Наполеона онъ получилъ въ Мантуѣ. Это событіе возвращало ему свободу дѣйствій: отнынѣ онъ могъ бороться за свою корону и за неприкосновенность своихъ владѣній. Для достиженія этой двойной цѣли онъ заключилъ съ Бельгардомъ въ Скіарино-Риццино (16 апрѣля) перемиріе на слѣдующихъ условіяхъ: французскимъ полкамъ его арміи предоставляется право вернуться во Францію; итальянская армія сохраняетъ свои позиціи вокругъ Мантуи; разрѣшается послать въ Парижъ делегатовъ арміи и правительства для исходатайствованія у союзныхъ государей независимости. Это ходатайство, казалось, имѣло шансы на успѣхъ; изъ всѣхъ королевствъ, созданныхъ Наполеономъ, итальянское одно сохранило особое правительство, частью нетронутую террито-

рію, хорошую военную границу, національную армію и государя, связаннаго узами симпатіи или родства съ нѣсколькими государями, принадлежавшими къ коалиціи; стоило народу лишь сомкнуться вокругъ трона Богарнэ, и онъ добился бы отъ союзниковъ сохраненія существующихъ учрежденій. Но миланцы не поняли этого. Двухъ революцій оказалось достаточно, чтобы превратить независимое государство въ австрійскую провинцію; изъ нихъ одна насильственно замѣнила власть вице-короля временнымъ правительствомъ, другая—это послѣднее чужеземнымъ владычествомъ.

Миланская революція.—Первая изъ этихъ революцій представляетъ собою кровавую драму, разыгравшуюся въ Миланѣ и состоявшую изъ трехъ дѣйствій, героями которыхъ были послѣдовательно общественныя власти, образованный классъ и простонародье. Будучи созванъ на 17 апрѣля для избранія делегаціи, которая должна была отправиться въ Парижъ ходатайствовать за Евгенія, сенатъ, по наущенію австрофиловъ, сдѣлалъ двусмысленное постановленіе, недостаточное, если большинство стояло на сторонѣ Евгенія, и безполезное къ противномъ случаѣ; это была одна изъ тѣхъ полумѣръ, которыя имѣютъ свойство въ минуты кризисовъ лишь создавать новыя ослoжненія.

Сенатъ убѣдился въ этомъ на слѣдующій день, 18-го; ставя ему въ упрекъ его нерѣшительность, крайнія партіи выступили на сцену, чтобы покончить съ режимомъ, въ устраненіи котораго всѣ онѣ были равно заинтересованы. Сторонники Мюрата во главѣ съ Пино, итальянцы-патріоты во главѣ съ Конфалоньери, австрофилы во главѣ съ Гамбараной составили общую петицію, которая, оспаривая законность рѣшеній, принятыхъ сенатомъ, требовала немедленнаго созванія избирательныхъ собраній; и одновременно изъ Новары были вызваны полчища вооруженныхъ крестьянъ, чтобы народной демонстраціей поддержать эти требованія.

Но эти своеобразные союзники пошли гораздо дальше того, что имѣли въ виду призвавшіе ихъ, и вписали мрачную страницу въ исторію наполеоновской Италіи. 20 апрѣля они, подъ командою Конфалоньери, двинулись къ зданію, гдѣ засѣдалъ сенатъ, и сначала осыпали бранью сенаторовъ, преданныхъ вице-королю, а въ концѣ концовъ ворвались въ залу засѣданій и разграбили ее. Въ этотъ моментъ, пользуясь ихъ возбужденіемъ, нѣсколько негодяевъ кинули въ толпу имя Прины, министра финансовъ, въ которомъ народъ давно видѣлъ олицетвореніе фискальнаго гнета; этого оказалось достаточно, чтобы толпа осадила его въ его домѣ, вывела изъ потайного мѣста, куда онъ спрятался, четыре часа волочила по улицамъ и медлено добила зонтиками. Участвовали ли итальянскіе либералы въ этомъ преступленіи, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ, ихъ цѣль была теперь достигнута: распущеніемъ сената они отняли у французской партіи ея политическую силу, убіеніемъ Прины—моральную.

Временное правительство и возстановленіе австрійскаго владычества.—Разрушивъ зданіе, они должны были построить новое—и тутъ-то обнаружилась ихъ неспособность. 21 апрѣля они учредили временное „регентство“, которое должно было подготовить почву для установленія настоящаго правительства. Но осуществить этотъ планъ они могли бы только въ томъ случаѣ, если бы регентство могло опереться на войско и было поддержано народомъ, санкціонировано державами и одобрено Австріей. Но шаги, предпринятые ими во всѣхъ этихъ направленіяхъ, оказались безрезультатными, и пользуясь ихъ стѣсненнымъ положеніемъ, Австрія увѣренно пошла къ своей цѣли; 23 апрѣля ея войска заняли Ман-

тую, 26-го Миланъ; 25 мая Бельгардъ издалъ прокламацію, возвѣщавшую уничтоженіе Итальянскаго королевства; 12 іюня новая прокламація сообщила миланцамъ, что ихъ судьба окончательно опредѣлена Парижскимъ договоромъ и что всѣ провинціи къ сѣверу отъ По безвозвратно вошли въ составъ Австрійской имперіи; такъ какъ итальянская армія была разсѣяна, то о сопротивленіи нечего было и думать, и благородныя, но неловкія усилія итальянскихъ либераловъ имѣли лишь то послѣдствіе, что подготовили путь возстановленію чужеземнаго владычества.

Послѣдняя кампанія Мюрата.—Но въ послѣднюю минуту на защиту независимости Италіи выступилъ тотъ самый человѣкъ, который раньше нанесъ такой ударъ итальянскому національному дѣлу. Неаполитанскій король Мюратъ вернулся въ свою столицу тотчасъ по прекращеніи военныхъ дѣйствій; не заботясь ни о чемъ болѣе, какъ только о сохраненіи своей короны, онъ сначала рѣшилъ прибѣгнуть для этого къ заступничеству той державы, которая гарантировала ему престолъ, и послалъ на Вѣнскій конгрессъ для защиты своихъ интересовъ князя Кампо-Кьяро. Происки Маріи-Каролины Бурбонской и Талейрана, настойчиво домогавшихся его низложенія, встрѣтили отпоръ со стороны Меттерниха, который не дерзалъ нарушить формальный договоръ. Такимъ образомъ, начатые переговоры должны были, повидимому, окончиться къ выгодѣ Мюрата, если бы онъ не совершилъ одного изъ своихъ обычныхъ безразсудствъ и не испортилъ развязки изъ желанія ускорить ее. Получивъ извѣстіе о заключеніи договора отъ 3 января, раздѣлившаго Европу на два лагеря, онъ счелъ войну неминуемой и, желая принять въ ней участіе, чтобы использовать ее въ своихъ интересахъ, онъ заявилъ, что намѣренъ провести свои войска чрезъ папскія владѣнія, отдѣлявшія его отъ остальной Европы. Этимъ онъ далъ Австріи предлогъ тотчасъ мобилизовать ея армію на По. Но въ то самое время, когда онъ такимъ образомъ навлекъ на себя вражду своей недавней покровительницы, онъ снова стяжалъ милость Наполеона, который, готовясь высадиться во Франціи, прислалъ ему свое прощеніе и просьбу о поддержкѣ. Бо́льшаго и не надо было, чтобы онъ рѣшилъ перемѣнить свою политику и лагерь и вознаградить себя войною за неудачу своихъ переговоровъ. Онъ остановился на той мысли, что теперь единственное средство сохранить королевство заключается въ его увеличеніи, что, смѣло перейдя въ наступленіе, онъ можетъ прогнать австрійцевъ съ полуострова и что, воскресивъ идею независимости, онъ подстрекнетъ тѣмъ итальянцевъ къ возстанію въ его пользу. И вотъ 15 марта онъ выступилъ изъ Неаполя съ войскомъ въ 35.000 человѣкъ и безъ труда занялъ Римъ, Тоскану и марки; въ Римини онъ издалъ широковѣщательную прокламацію къ тѣмъ, которыхъ надѣялся сдѣлать своими подданными. „Итальянцы, — говорилось здѣсь,—насталъ часъ, когда должны исполниться судьбы Италіи; Провидѣніе наконецъ призываетъ васъ стать независимымъ народомъ; да раздастся же отъ Альпъ до Сциллійскаго пролива единодушный кличъ: независимость Италіи“. Вначалѣ успѣхъ сопутствовалъ его оружію; встрѣченный въ Романьѣ какъ освободитель, онъ взялъ Чезену, занялъ Болонью и послѣ блестящаго сраженія овладѣлъ Моденою. Но это былъ его послѣдній успѣхъ; передъ нимъ стояло многочисленное войско въ крѣпкомъ лагерѣ позади линіи По, которую онъ безуспѣшно пытался прорвать у Оккіобелло (7 апрѣля); его собственныя войска были плохого качества, разношерстны по составу и недостаточны численно; народонаселеніе его королевства было утомлено войной и прислало ему лишь 500 добро-

вольцевъ вмѣсто тысячъ, которыхъ онъ ждалъ; да сверхъ того, ему еще вредило его французское происхожденіе и память о его былой покорности приказамъ Наполеона. Онъ подвигался впередъ уже колеблющимся шагомъ, когда извѣстіе болѣе важное, нежели всѣ предыдущія, заставило его отступить: англичане готовились напасть на берега его королевства. Онъ долженъ былъ поспѣшно вернуться, чтобы отразить атаки арміи Нейпперга, слѣдовавшаго за нимъ по пятамъ, дать Біанки неудачное сраженіе при Толентино (3 мая), вернуться въ Капую съ арміей, сократившейся благодаря дезертирству до 6.000 человѣкъ, и заключить въ Казаланцѣ съ англійскими и австрійскими генералами военное соглашеніе, которымъ онъ обязывался покинуть свое королевство. Такимъ образомъ, выѣхавъ изъ своей столицы 16 марта какъ освободитель, Мюратъ 9 мая вернулся въ нее побѣжденнымъ, чтобы 20-го изгнанникомъ покинуть ее. Его мѣсто занялъ здѣсь Фердинандъ IV, поспѣшно прибывшій изъ Сициліи.

Его безразсудный походъ стоилъ ему короны, а теперь онъ за новое безразсудство заплатитъ жизнью. Удалившись на Корсику, онъ получилъ здѣсь донесенія, продиктованныя вѣроятно бурбонскимъ министромъ Медичи, гдѣ положеніе дѣлъ изображалось такимъ образомъ, будто подъ Фердинандомъ колеблется почва, всюду царитъ недовольство, и народъ, какъ и армія, готовъ стать подъ его знамя, если онъ самъ явится въ своемъ бывшемъ королевствѣ. Введенный въ заблужденіе этими ложными извѣстіями, онъ попалъ въ ловушку, разставленную ему врагами: 8 октября онъ съ горстью людей высадился въ Пиццо, въ Калабріи. Въ народной памяти надолго сохранилась легенда о его смерти и послѣднихъ минутахъ: онъ былъ тотчасъ окруженъ и схваченъ и преданъ суду военной коммиссіи, которая, учинивъ надъ нимъ судъ единственно для формы, приговорила его къ смерти (13 октября). Онъ умеръ, какъ подобаетъ солдату: залпъ былъ данъ присланнымъ для казни взводомъ по его собственной командѣ.

II.—Реставраціи.

Общій характеръ этого періода.—Теперь, завоевавъ Италію, надо было организовать ее. Многообразныя перестройки, которымъ она подверглась въ послѣднюю четверть вѣка, носили тотъ общій характеръ, что всѣ онѣ являлись исходными пунктами эволюціи, направлявшейся къ тремъ конечнымъ цѣлямъ: территоріальному единству, національной независимости и политической свободѣ. Итальянцы одобрили замыселъ и оцѣнили благіе плоды дѣла, предпринятаго Наполеономъ, — и они упрекали его не за то, что онъ началъ это дѣло, а за то, что бросилъ его, не кончивъ, и что остановилъ ихъ на полудорогѣ къ цѣли, къ которой повелъ ихъ. Поэтому наилучшимъ средствомъ стяжать ихъ довѣріе было—не разстроить это дѣло, а завершить его и упрочить. Властелины Италіи не поняли этого; они круто вернули ее къ той точкѣ, на которой она стояла въ 1789 году: ея единство было разрушено Вѣнскимъ конгрессомъ, независимость принесена въ жертву Австріи и свобода задушена князьями.

Вѣнскій конгрессъ и территоріальное положеніе. — Вѣнскій конгрессъ упростилъ карту Италіи лишь въ двухъ пунктахъ и въ ущербъ двумъ независимымъ государствамъ: Венеціанской республикѣ, населеніе которой не нашло въ себѣ силы даже настолько, чтобы заявить протестъ, и Генуэзской республикѣ, которая устами своего уполномоченнаго въ Вѣнѣ, маркиза Бриньоля, лишній разъ выразила свое отвращеніе къ навязанному ей сардинскому игу.

Австрія и независимость.— Это нескончаемое дробленіе, разбивъ Италію на

мелкія государства, по слабости неспособныя стоять на собственныхъ ногахъ, должно было, какъ въ былое время, сдѣлать ихъ игрушками въ рукахъ той изъ сосѣднихъ державъ, которая пожелала бы подчинить ихъ своему верховенству. Этой державой была Австрія.

Прежде всего она уничтожила въ Ломбардіи и Венеціи тѣ политическія формы, которыя ввелъ въ этихъ провинціяхъ Наполеонъ. Когда по разрушеніи понадобилось строить заново, то вѣнскій дворъ, стремясь и удовлетворить интересы своей политики, и исполнить обѣщанія, которыя онъ далъ своимъ подданнымъ, рѣшилъ образовать изъ своихъ итальянскихъ владѣній особое королевство, но безъ собственнаго знамени и собственнаго войска, съ вице-королемъ, лишеннымъ всякой власти, съ представительными собраніями, которыя правительство составляло бы по своему выбору, и территоріей, лишенной единства благодаря ея дѣленію на два большихъ округа по ту и эту сторону Эча. Въ ново-пріобрѣтенныхъ владѣніяхъ Австріи не осталось ни одного учрежденія, которое какимъ бы то ни было образомъ могло стѣснить ея всемогущество.

Чтобы завершить эту организацію, оставалось лишь распространить ее за предѣлы этого края, т.-е. привести въ покорность итальянскихъ государей. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи связаны съ Габсбургскимъ домомъ узами родства, должны были безъ особеннаго сопротивленія согласиться стать его клієнтами: таковы были Францискъ IV моденскій, Фердинандъ III тосканскій и Марія-Луиза пармская. Первый добровольно отдался подъ покровительство императора Франца II; второй заключилъ съ императоромъ (12-го іюня 1815 г.) союзный договоръ, весьма похожій на отреченіе; наконецъ, Марія-Луиза безъ труда согласилась передать имперскимъ агентамъ управленіе своимъ герцогствомъ. Такимъ образомъ, Австрія пріобрѣла неограниченное господство надъ сѣверной Италіей, которую она къ тому же держала въ страхѣ частью крѣпостями четыреугольника, частью чрезъ посредство Феррары и Пьяченцы, гдѣ она выговорила себѣ право имѣть гарнизоны. На другомъ концѣ полуострова она убѣдила неаполитанскій дворъ, искавшій себѣ покровителя противъ происковъ сторонниковъ Мюрата, заключить съ нею наступательный и оборонительный союзъ, по которому Фердинандъ обязывался всегда поддерживать ея политику, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю. Одинъ только государь — если не считать Пія VII — не поддавался ея вліянію, именно король Викторъ-Эммануилъ I, который, повидимому, предчувствовалъ великую роль, предназначенную Пьемонту. Меттернихъ не брезгалъ никакимъ средствомъ, чтобы подчинить его своимъ видамъ: въ 1814 и 1815 гг. онъ предлагалъ ему союзъ, результатомъ котораго должна была быть уступка верхней Новары; онъ продлилъ до 1816 года военную оккупацію его владѣній, наконецъ онъ тщетно предлагалъ ему вступить въ федеративную итальянскую лигу, которая должна была быть организована на подобіе германской федераціи и гдѣ Австрія должна была играть руководящую роль. Викторъ-Эммануилъ упорно отвергалъ всѣ эти предложенія, вся же остальная Италія казалась лишь придаткомъ имперіи Габсбурговъ.

Государи и абсолютистская реакція. — Ломбардо-Венеція. — Нетрудно было предвидѣть, какой политики станутъ отнынѣ держаться государи въ отношеніи своихъ подданныхъ: ихъ управленіе неминуемо должно было пріобрѣсти ретроградный характеръ. Они всюду силятся истребить до тла всѣ политическія учрежденія и гражданскія реформы, внесенныя въ Италію французскимъ владычествомъ.

Это реакціонное движеніе началось въ Ломбардо-Венеціи, которая первою полу-

чила окончательную организацію. Отъ наполеоновскаго режима Австрія удержала одни беззаконія: она возстановила конскрипцію и сохранила въ полномъ объемѣ существующіе налоги. Ея политическая система характеризовалась всемогуществомъ полиціи, проникавшимъ и въ частную жизнь и поощрявшимъ доносы, раболѣпіемъ чиновниковъ и обезсиленіемъ выборныхъ органовъ или *конгрегацій,* располагавшихъ лишь правомъ представлять заявленія, большею частью чисто платоническимъ; ея административная система характеризовалась учрежденіемъ судовъ, члены которыхъ въ большинствѣ были иностранцами, и введеніемъ въ Ломбардо-Венеціи австрійскихъ уголовнаго и гражданскаго уложеній, изъ которыхъ первое устранило судъ присяжныхъ, второе—гражданскій бракъ; ея экономическая система — установленіемъ таможенныхъ пошлинъ и налоговъ, имѣвшихъ цѣлью сдѣлать итальянскія провинціи данницами австрійской промышленности и австрійской казны. Всѣ эти мѣропріятія уже въ началѣ оккупаціи вызвали всеобщее недовольство, которое могло бы стать опаснымъ, если бы правительство не ослабило его, частью сохранивъ соціальныя реформы, осуществленныя въ предыдущій періодъ; усвоивъ уравнительную политику Наполеона, оно остерегалось прибавлять къ государственному абсолютизму преобладаніе какого-либо привилегированнаго класса: оно не позволяло дворянству искать своихъ старыхъ прерогативъ, духовенству — жить подъ эгидою исключительныхъ законовъ, войску—раздражать населеніе, чиновникамъ—злоупотреблять своей властью. Сравнительная умѣренность этого режима цѣнилась тѣмъ выше, что она представляла полный контрастъ съ самодурствомъ сосѣднихъ государей.

Сардинія.—Изъ нихъ при наилучшихъ предзнаменованіяхъ вступилъ на престолъ, пожалуй, король сардинскій. По свидѣтельству современниковъ, народъ съ небывалымъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ Виктора-Эммануила при его въѣздѣ въ столицу его предковъ (20 мая 1814 г.). Къ несчастію, онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государей, которые ничему не научились и ничего не забыли въ послѣднія двадцать лѣтъ. На другой день по его прибытіи въ Туринъ появился знаменитый указъ отъ 21 мая, который отмѣнилъ всѣ французскіе законы и учрежденія, не удостоивъ ихъ даже упоминанія, и предписалъ „руководствоваться королевскими указами 1770 года, не стѣсняясь никакимъ инымъ закономъ". Съ этого момента въ странѣ воцарился самый необузданный деспотизмъ и полное неравенство. Король, хвалившійся, что „проспалъ двадцать лѣтъ", доходилъ въ своей ненависти къ революціи до того, что собирался закрыть дорогу чрезъ Монъ-Сенисъ и разрушить мостъ чрезъ По, потому что и эта дорога, и этотъ мостъ были дѣломъ рукъ французовъ; онъ такъ любилъ прошлое, что возстановилъ въ должностяхъ чиновниковъ, отставленныхъ въ 1800 году, и воскресилъ учрежденія, уничтоженныя тогда же; онъ былъ до того самовластенъ, что вмѣшивался въ частныя дѣла, раздавая своимъ приверженцамъ *патенты*, дававшіе имъ отсрочку для уплаты долговъ несмотря на протесты ихъ кредиторовъ; наконецъ, онъ такъ уважалъ традицію, что возстановилъ касты, упраздненныя французами: дворянству онъ вернулъ не только посты въ арміи, но и его феодальныя права, десятины, маіораты и фидеикомиссы, духовенству—его земли, его право мертвой руки, его спеціальные суды, равно какъ и книжную цензуру. Съ момента реставраціи Пьемонтъ, казалось, попятился на полвѣка назадъ.

Церковныя владѣнія. — Тѣ же невзгоды грозили сначала и церковнымъ владѣніямъ. Кардиналъ Риварола, замѣщав-

шій Консальви во время его отлучки въ Вѣну, также — указомъ отъ 13 мая 1814 года — вдругъ отмѣнилъ всѣ французскіе законы и возстановилъ тѣ, которые раньше дѣйствовали въ Римѣ; Кодексъ Наполеона былъ устраненъ, свѣтскій штатъ администраціи былъ замѣненъ духовнымъ и стремленіе искоренить все, созданное французами, довело правительство до того, что оно отмѣнило прививку оспы и ночное освѣщеніе Рима. Консальви, назначенный по возвращеніи съ Вѣнскаго конгресса статсъ-секретаремъ, съ успѣхомъ вступилъ на путь болѣе терпимой политики; оставляя въ силѣ главныя административныя злоупотребленія и признавая себя безсильнымъ искоренить все усиливавшееся разбойничество, онъ выступилъ съ блестящими обѣщаніями и занялся особенно выработкой гражданскаго, уголовнаго и торговаго уложеній.

Королевство Обѣихъ Сицилій.—Въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій реакція, казалось, должна была носить особенно рѣзкій характеръ въ виду личныхъ свойствъ государя. Къ счастію, въ 1815 году Фердинандъ IV былъ уже слабъ вслѣдствіе старости, свободенъ отъ внушеній своей жены, свирѣпой Маріи-Каролины, умершей въ 1814 году, стѣсненъ контролемъ державъ и надзоромъ Австріи, подъ опеку которой онъ отдался, и поглощенъ заботою объ уничтоженіи политической автономіи и либеральныхъ учрежденій, которыя онъ принужденъ былъ дать Сициліи. Именно, въ 1812 году, когда этимъ островомъ и ограничивались всѣ его владѣнія, онъ — по настоянію своихъ подданныхъ и предстательству англійскаго комиссара Бентинка, замѣнилъ старыя феодальныя учрежденія либеральной конституціей по образцу англійской, съ двумя палатами и отвѣтственнымъ министерствомъ. Но едва онъ занялъ неаполитанскій престолъ, какъ рѣшилъ при помощи австрійскаго союза возстановить на островѣ свою абсолютную власть и заодно уничтожить административную независимость Сициліи. Объявивъ постоянными налоги, вотированные парламентомъ въ послѣдней сессіи, онъ пересталъ созывать его и принялъ титулъ Фердинанда I, короля *Соединеннаго королевства Обѣихъ Сицилій*. Разъ избавившись отъ этой заботы, онъ сталъ слѣдовать совѣтамъ пословъ, по обыкновенію предался лѣни, старался даже умѣрить пылъ своихъ приверженцевъ и обнаруживалъ свою ненависть къ наполеоновскому режиму лишь тѣмъ, что упорно отказывался посѣщать гулянье Позилиппо, устроенное Мюратомъ. Онъ всецѣло сохранилъ французскіе законы, касавшіеся личныхъ и имущественныхъ правъ, издавъ ихъ въ новой формѣ и съ нѣкоторыми поправками; дворянству онъ не вернулъ ни его феодальныхъ правъ, ни фидеикомиссовъ, духовенству вернулъ только тѣ его владѣнія, которыя оставались непроданными, и подъ тѣмъ условіемъ, чтобы епископы служили интересамъ его короны, донося о заговорахъ, возникающихъ въ предѣлахъ ихъ епархій.

Итакъ, отъ сѣвернаго до южнаго края полуострова одна и та же политика, разнообразная по формѣ, но тождественная по направленію, была предложена державами, навязана Австріей и принята государями; она стремилась превратить Италію въ „географическій терминъ“ и каждое изъ итальянскихъ государствъ — въ дореволюціонную монархію. Окажутся ли народы столь смирными, чтобы покориться этой политикѣ, и столь равнодушными, чтобы усвоить ее? Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣла участь Италіи.

III.—Революціи 1820 и 1821 гг.

Первые симптомы недовольства. — Этотъ вопросъ рѣшился очень скоро. Для того, чтобы народы могли освоиться съ этимъ рѣзкимъ поворотомъ вспять, нужно было

не только навязать имъ снова старыя учрежденія, но и передѣлать ихъ душу. Люди съ благородными и истинно патріотическими убѣжденіями, смотрѣвшіе на диктатуру Наполеона, какъ на переходную ступень къ независимости и свободѣ Италіи, гражданскіе и военные слуги французскаго режима, привыкшіе къ системѣ чинопроизводства, основанной единственно на оцѣнкѣ заслугъ, наконецъ молодые люди, выросшіе подъ эгидою власти, блескъ которой увлекалъ воображеніе, съ неодолимымъ отвращеніемъ несли гнетъ этого примѣнительнаго режима, признававшаго ихъ рачительность ненужной, ихъ стремленія опасными, ихъ жажду дѣятельности предосудительной.—Эти три категоріи недовольныхъ, составлявшія большинство образованнаго общества, поддерживали въ странѣ опасное броженіе.

Тайныя общества. — Раздраженіе, вызванное ретроградной политикой государей, обнаружилось сначала въ той формѣ, въ которой обычно обнаруживается противодѣйствіе правительству въ абсолютныхъ монархіяхъ: образованіемъ тайныхъ обществъ, изъ которыхъ наиболѣе прославилось общество *карбонаріевъ*. Происхожденіе этой секты, зачатки которой одни искали въ далекой древности и которую другіе считали отпрыскомъ франкмасонства, остается до сихъ поръ въ сущности неизвѣстнымъ. Она появляется лишь около 1811 года, уже съ точно опредѣленной цѣлью и многочисленными адептами. Она имѣла тогда наибольшее число членовъ въ среднемъ классѣ, особенно въ Абруццахъ, и ставила себѣ цѣлью прогнать Мюрата, если онъ попрежнему будетъ отказывать своимъ подданнымъ въ конституціи; когда событія 1815 года упразднили эту цѣль, общество карбонаріевъ, казалось, должно было постепенно исчезнуть, но безтактныя преслѣдованія правительства сообщили ему новую жизнь; оно вобрало въ себя весь средній классъ, перешло границы и простерло свои вѣтви въ Романью, герцогства, Пьемонтъ и Ломбардо-Венецію. Въ разныхъ городахъ оно принимало разныя формы и разныя наименованія, но всюду сохраняло ту же организацію въ видѣ *вентъ* изъ двадцати членовъ, окружало свои собранія тою же таинственностью и пріучало своихъ приверженцевъ къ тѣмъ же пріемамъ дѣятельности; всюду оно объединяло въ себѣ всѣхъ недовольныхъ, какова бы ни была ихъ окраска, и тѣмъ лишало себя того единства вѣры и цѣли, которое сдѣлало бы плодотворными его усилія.

Военный бунтъ въ Неаполѣ.—Итакъ, кадры революціи были на лицо; для того, чтобы она вспыхнула, нужно было одно изъ двухъ: или чтобы абсолютная власть высказала нѣкоторую слабость, или чтобы примѣръ какой-нибудь сосѣдней страны показалъ, какъ можно сломить ея сопротивленіе. Этотъ примѣръ подала Испанія,—и ему послѣдовалъ Бурбонскій конный полкъ, стоявшій въ Нолѣ, подъ начальствомъ генерала Гуильельмо Пепе, служившаго офицеромъ у Мюрата и убѣжденнаго карбонарія. 2-го іюля на разсвѣтѣ подпоручики Морелли и Сильвати, подстрекаемые патеромъ Миникини, подали сигналъ къ мятежу; собравъ сотню солдатъ и пройдя по улицамъ города съ крикомъ: „Да здравствуетъ король и конституція!“ они двинулись къ Нолѣ, комендантъ которой, подполковникъ Кончили, карбонарій подобно имъ, открылъ имъ ворота; затѣмъ они направились въ лагерь Монтефорте, гдѣ остановились на нѣкоторое время, чтобы дать срокъ своимъ приверженцамъ присоединяться къ нимъ и выждать такой же мятежной попытки со стороны неаполитанскихъ карбонаріевъ. Успѣхъ возстанія оказался болѣе быстрымъ и всеобщимъ, чѣмъ они сами смѣли надѣяться. Дворъ, повергнутый въ уныніе безсиліемъ генераловъ Караскоса и Нунціанте подвигнуть сво-

ихъ солдатъ къ выступленію противъ мятежниковъ, такъ какъ солдаты были напуганы бѣгствомъ Пепе, который тайно уѣхалъ въ лагерь послѣднихъ, въ концѣ концовъ уступилъ настоянію делегаціи изъ пяти карбонаріевъ, прибывшей во дворецъ и требовавшей изданія конституціоннаго указа въ теченіе двухъ часовъ. 6-го утромъ по приказанію короля въ Неаполѣ была распространена прокламація, содержавшая слѣдующія строки: „Идя навстрѣчу общему желанію народонаселенія Обѣихъ Сицилій имѣть конституціонное правительство, мы выражаемъ на это полное наше согласіе и обѣщаемъ обнародовать основанія новаго строя отнынѣ въ восьмидневный срокъ. 9-го іюля мятежники торжественно вступили въ Неаполь. Во главѣ шелъ Пепе, за нимъ—солдаты изъ лагеря Монтефорте и нѣсколько тысячъ карбонаріевъ съ кокардами трехъ карбонарскихъ цвѣтовъ: краснаго, чернаго и синяго. Подъ неумолчныя рукоплесканія толпы королю представилась депутація; онъ обнялъ Пепе и воздалъ благодарность Богу за то, что ему „суждена еще на старости радость оказать своему королевству такое большое благодѣяніе“. Спустя четыре дня (13-го іюля) Фердинандъ присягнулъ на вѣрность конституціи и послѣ написанной формы присяги добавилъ отъ себя: „Всемогущій Боже, читающій въ сердцахъ и въ будущемъ, если я клянусь неискренно или долженъ нарушить эту присягу, порази меня твоей страшною местью“.

Конституціонное правительство и возстановленіе абсолютной власти.—„Произвести революцію въ Италіи такъ же легко, какъ трудно организовать въ ней новый строй“. Событія, разыгравшіяся въ Неаполѣ въ 1820 году, блестяще подтвердили это наблюденіе итальянскаго историка. Карбонаріямъ понадобилась только одна недѣля, чтобы замѣнить самодержавное правительство конституціоннымъ, а еще десять мѣсяцевъ спустя они безуспѣшно силились справиться съ затрудненіями, которыхъ не умѣли ни предотвратить, ни предвидѣть, и подъ бременемъ которыхъ они въ концѣ концовъ и изнемогутъ.

Первою изъ ошибокъ, которыя погубили ихъ, было то, что вмѣсто національной конституціи, дѣйствовавшей въ Сициліи съ 1812 по 1815 г., они думали навязать ей испанскую конституцію, которую ввелъ у себя Неаполь, принужденный къ этому необходимостью спѣшить. Это ихъ стремленіе пробудило въ сицилійцахъ, равно въ монархистахъ и либералахъ, искони дремавшій въ народѣ инстинктъ независимости. Палермо возсталъ (17—18 іюля 1820), избралъ верховную юнту, немедленно отправившуюся въ Неаполь требовать автономіи и отдѣльнаго короля, и съ необыкновенной стойкостію отразилъ сначала усилія Мессины, высказавшейся противъ него, затѣмъ войско Пепе, присланное на островъ съ порученіемъ вернуть его къ покорности. Для усмиренія его пришлось отправить сюда новую экспедицію подъ начальствомъ Коллетти; мятежъ былъ подавленъ въ началѣ октября, но въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ поглощалъ все вниманіе и всѣ силы правительства.

Между тѣмъ задача, предстоявшая послѣднему, была настолько щекотлива, что сама по себѣ требовала полнаго вниманія: нужно было руководить дебатами въ парламентѣ, собравшемся 20 октября, дать отпоръ притязаніямъ національной гвардіи и карбонаріевъ, осуществить обѣщанныя реформы и въ особенности разстроить старанія Священнаго союза, направленныя къ тому, чтобы заставить короля свергнуть конституцію. Извѣстно, какъ государи австрійскій, прусскій и русскій, собравшись въ Троппау для обсужденія неаполитанскаго вопроса, пригласили Фердинанда (ноябрь 1820) пріѣхать въ Лайбахъ для переговоровъ съ

ними. Такъ какъ конституція запрещала ему выѣзжать изъ предѣловъ королевства, то онъ долженъ былъ просить разрѣшенія у парламента, причемъ обязался защищать на конгрессѣ права своего народа (7 декабря). Несмотря на противодѣйствіе карбонаріевъ, депутаты, забывъ, что этотъ король уже разъ, въ 1799 г., измѣнилъ своей клятвѣ, въ концѣ концовъ дали согласіе на его отъѣздъ, а онъ поклялся остаться вѣрнымъ конституціи и въ случаѣ надобности вернуться, чтобы защищать ее съ оружіемъ въ рукахъ (24 декабря); онъ уѣхалъ, сопутствуемый благословеніями и надеждами народа и оставивъ своего сына правителемъ королевства. Эта вторая ошибка рѣшила участь революціи.

Дѣйствительно, можно было предвидѣть, что король, пользуясь предоставленной ему свободой, предастъ дѣло, которое онъ обязался защищать; именно такъ и случилось. Удивленіе, которое вызывало его непонятное молчаніе въ продолженіе всего января, превратилось въ оцѣпенѣніе, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ верхней Италіи сосредоточена австрійская армія, и въ ярость, когда одно за другимъ были получены письмо Фердинанда (28 января) и требованіе посланниковъ Священнаго союза (9 февраля), откуда явствовало, что державы, признавая созданный неаполитанской революціей режимъ несовмѣстимымъ съ безопасностью сосѣднихъ странъ, рѣшили устранить его вооруженной силою. Была составлена пламенная прокламація, призывавшая народъ встать съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своей свободы, и народъ откликнулся на этотъ призывъ съ небывалымъ одушевленіемъ; всюду шли приготовленія къ борьбѣ.

Энтузіазмъ, съ которымъ народъ начиналъ эту борьбу, казалось, предвѣщалъ ея счастливый исходъ. Существовало, повидимому, только одно средство выиграть ее при всемъ неравенствѣ силъ: нужно было, пользуясь этимъ порывомъ и тѣмъ броженіемъ, которое господствовало въ остальной Италіи, смѣло броситься впередъ и вызвать громадное возстаніе въ сѣверной части полуострова; только смѣло нападая, можно было защититься съ успѣхомъ. Либеральное правительство не поняло этого и благодаря своей робости и нерѣшительности упустило единственную возможность отразить нападеніе австрійцевъ, которою оно располагало. Желая до конца остаться на законной почвѣ, оно заявило, что непріятельскія войска будутъ признаваемы таковыми лишь съ того момента, когда перейдутъ границу, и ограничилось приготовленіями къ оборонѣ. Были сформированы двѣ арміи; одна подъ начальствомъ Караскосы заградила путь къ Риму между Гаэтой и Апеннинами; другая подъ начальствомъ Пепе заняла Абруццы, чрезъ которыя приближалась армія Фримона. Пепе, обманываясь въ качествахъ своего войска, состоявшаго въ большинствѣ изъ необученныхъ рекрутовъ, задумалъ отнять у своихъ противниковъ городъ Ріети, былъ разбитъ передъ этой крѣпостью (7 марта), долженъ былъ покинуть ущелье Антродокко, представлявшее собою настоящія ворота королевства, и, сохранившее благодаря ужасающему дезертирству лишь горсть солдатъ, принужденъ былъ безъ боя отступить въ Неаполь. Теперь возстановленіе Фердинанда въ правахъ абсолютнаго монарха было лишь вопросомъ нѣсколькихъ дней; 23 марта австрійцы вступили въ Неаполь, гдѣ парламентъ разошелся, заявивъ устами Поэріо отъ имени народнаго суверенитета протестъ противъ этого нарушенія международнаго права. Послѣдній актъ драмы разыгрался въ Сициліи, гдѣ мессинцы, подъ руководствомъ генерала Россаролля, рѣшили защищаться; Россаролль потерпѣлъ неудачу въ своемъ предпріятіи и въ первыхъ числахъ апрѣля принужденъ былъ покинуть островъ.

Фердинандъ, близко слѣдовавшій за австрійскими войсками, вступилъ въ свою столицу, куда по его приказанію уже раньше прибылъ министръ полиціи, знаменитый Каноза. Нетрудно было предвидѣть, какой свирѣпой реакціей ознаменуется воцареніе такихъ людей. Что касается политическихъ результатовъ революціи, то они были еще болѣе плачевны, такъ какъ бремя произвола она усугубила всѣми невзгодами порабощенія: національная армія была распущена, и вся неаполитанская территорія занята австрійскими войсками. Такимъ образомъ, первая попытка итальянцевъ завоевать себѣ свободу привела лишь къ тому, что самодержавные государи и поддерживавшая ихъ Австрія сдѣлались сильнѣе, чѣмъ когда-либо.

Революція въ Пьемонтѣ. Ея причины и вожди.—Одну минуту можно было думать, что этотъ порядокъ вещей недолго удержится: знамя карбонаріевъ было снова поднято на сѣверѣ въ ту самую минуту, когда оно было низвергнуто на югѣ Италіи. Пьемонтская революція послѣдовала почти непосредственно за неаполитанской; она длилась меньше и увѣнчалась болѣе мимолетнымъ успѣхомъ, но имѣла большее значеніе какъ по принципамъ, на которые она опиралась, такъ и по возможнымъ ея послѣдствіямъ; она носила столько же національный, сколько либеральный характеръ, была вызвана больше отвращеніемъ къ Австріи, нежели ненавистью къ произволу, и стремилась къ установленію конституціоннаго строя лишь съ цѣлью подготовить образованіе въ верхней Италіи единаго королевства подъ властью Савойскаго дома. Въ виду своеобразныхъ условій, въ которыхъ находился народъ, это движеніе должно было получить въ Пьемонтѣ особенную форму, нѣсколько иную, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Чувства непоколебимой лояльности и вѣрности, одушевлявшія пьемонтцевъ не позволяли имъ возлагать на короля отвѣтственность за бѣдствія, на которыя они жаловались: они во всемъ обвиняли Австрію, уполномоченную Священнаго союза; на основаніи нѣсколькихъ бутадъ короля, повидимому, подтверждавшихъ такое мнѣніе, сложилась легенда, изображавшая его дѣйствующимъ противъ воли, подъ давленіемъ Австріи, и являвшаяся удобнымъ орудіемъ для того, чтобы увлечь народъ въ возстаніе, назначеніемъ котораго было бы не низвергнуть короля, а вернуть ему свободу дѣйствій. Это поняли нѣсколько пылкихъ и смѣлыхъ молодыхъ людей; во главѣ ихъ сталъ Санторре ди Сантароза, который при Наполеонѣ занималъ должность супрефекта, а позднѣе служилъ маіоромъ въ пѣхотѣ и чиновникомъ въ военномъ министерствѣ; вокругъ него группировались многіе его товарищи, какъ полковникъ Санъ Марцано, сынъ министра иностранныхъ дѣлъ, Жьясинто ди Колленьо, Моффа ди Лизіо и Ансальди. Всѣ они разсчитывали на поддержку одного изъ ближайшихъ къ королю людей, герцога Кариньянскаго Карла-Альберта.

Этотъ князь остался для своихъ современниковъ живой загадкой, и одинъ изъ новѣйшихъ его біографовъ не нашелъ для него лучшей характеристики, какъ названіе „итальянскаго Гамлета". Это была натура сложная и неуловимая, полная контрастовъ и странностей. Его характеръ объяснялся его прошлымъ; его главными отличительными чертами были пламенное воображеніе, унаслѣдованное имъ отъ матери, и неисцѣлимая меланхолія, которую породило въ немъ воспоминаніе о его молодыхъ годахъ, протекшихъ въ изгнаніи, среди семейныхъ несчастій, на службѣ человѣка, отнявшаго корону у его родителей. Его міровоззрѣніе сложилось въ лагеряхъ Наполеона, гдѣ, несмотря на свои династическіе предразсудки, онъ усвоилъ себѣ идею новаго государства въ противоположность государству дореволюціоннаго типа. На-

конецъ отчасти его роль опредѣлялась его положеніемъ: въ силу своего происхожденія онъ долженъ былъ унаслѣдовать престолъ, между тѣмъ по возрасту онъ сильно разнился отъ государей, которымъ долженъ былъ наслѣдовать; притомъ, по своей должности генералъ-фельдцейхмейстера онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ частью офицерскаго персонала; неудивительно, что онъ сдѣлался живой антитезой короля, представителемъ новаго порядка вещей, объектомъ надеждъ для всѣхъ недовольныхъ. Если бы онъ смѣло и открыто взялъ на себя эту роль и рѣшительно дѣйствовалъ въ этомъ направленіи, онъ избавилъ бы страну отъ многихъ нападокъ; но онъ не сумѣлъ примирить свои обязанности какъ государя со своими наклонностями какъ гражданина, и его нерѣшительность нанесла непоправимый ущербъ тому дѣлу, которому онъ своей помощью могъ бы доставить торжество.

Военный бунтъ и побѣда революціи.— Давно подготовлявшееся возстаніе началось студенческими волненіями, какія обыкновенно предшествуютъ мятежамъ въ большихъ городахъ; оно вспыхнуло въ тотъ моментъ, когда была подавлена неаполитанская революція, съ которою оно впрочемъ не имѣло никакой прямой связи. Все дѣло было въ томъ, что когда австрійскія войска перешли По, патріоты рѣшили, что дольше нельзя медлить и что необходимо воспользоваться этой благопріятной минутой, чтобы однимъ смѣлымъ ударомъ спасти независимость Италіи. 6 марта вечеромъ вожди заговора явились къ Карлу-Альберту, указали ему на грозящую опасность, подробно изложили ему свой планъ и ушли отъ него въ увѣренности, что всецѣло склонили его на свою сторону. Но на другой день (7 марта) они узнали, что онъ взялъ назадъ свое слово; въ слѣдующіе два дня онъ обнаружилъ такое же непостоянство. Въ уныніи заговорщики рѣшили отсрочить исполненіе своихъ плановъ; но соотвѣтственное распоряженіе, которое они послали своимъ провинціальнымъ друзьямъ, опоздало. 10 марта въ Александріи полковникъ Ансальди и капитанъ Пальма возмутили королевскихъ драгунъ и овладѣли цитаделью; 12-го къ нимъ присоединились легко-конные Пиньероля, которыхъ привели къ нимъ Лизіо и Сантароза, а 13-го—солдаты и студенты изъ Турина подъ предводительствомъ капитана Ферреро; повстанцы подняли трехцвѣтное знамя стараго Итальянскаго королевства и образовали *юнту итальянской федераціи.* Тѣмъ временемъ началось волненіе въ Туринѣ, гдѣ народъ требовалъ введенія испанской конституціи, и нѣсколько офицеровъ-карбонаріевъ овладѣли цитаделью (12 марта). По совѣту своего министра иностранныхъ дѣлъ, только что вернувшагося съ Лайбахскаго конгресса, Викторъ-Эммануилъ не нашелъ другого способа примирить свои обязанности по отношенію къ своимъ союзникамъ и свой долгъ по отношенію къ народу, какъ отречься отъ престола; въ ночь на 13 марта онъ тайно выѣхалъ въ Ниццу, предварительно назначивъ своимъ преемникомъ брата своего Карла-Феликса, находившагося въ это время при моденскомъ дворѣ, и регентомъ королевства — Карла-Альберта. Послѣдній, увлекаемый событіями и увѣщаніями своихъ друзей, рѣшилъ воспользоваться своею властью и стать во главѣ движенія. 13 марта онъ съ балкона своего дворца торжественно провозгласилъ введеніе испанской конституціи, которой присягнулъ на слѣдующій день; почти немедленно затѣмъ онъ образовалъ новое министерство и временную юнту изъ четырехъ членовъ; войска, находившіяся въ провинціяхъ, кромѣ тѣхъ, что стояли въ Савойѣ, Ниццѣ и Новарѣ, признали новый порядокъ вещей, и революція была, казалось, кончена.

Бѣгство Карла-Альберта, австрійское вмѣшательство и возстановленіе абсолютизма.— Новый порядокъ могъ бы укорениться только въ томъ случаѣ, если бы во главѣ его стоялъ энергичный и рѣшительный человѣкъ, который упрочилъ бы его внутри страны, вручивъ власть въ провинціяхъ преданнымъ себѣ людямъ, и оградилъ бы его извнѣ, предупредивъ удачнымъ нападеніемъ вѣроятное вмѣшательство Австріи. Но Карлъ-Альбертъ не былъ такимъ человѣкомъ. Тотчасъ по вступленіи во власть онъ получилъ отъ новаго короля Карла-Феликса письмо, гдѣ послѣдній, категорически отвергая всякую мысль о нововведеніяхъ, направленныхъ къ умаленію королевской власти, приказывалъ ему немедленно ѣхать въ Новару къ генералу Ля Туру, командовавшему тѣми войсками, которыя остались вѣрны абсолютизму. Испугавшись послѣдствій, которыя могло бы имѣть для него явное ослушаніе королевскому приказу, онъ заторопился уѣхать, не заботясь о судьбѣ движенія, котораго являлся представителемъ; ему удалось выбраться вечеромъ 21 марта, при чемъ онъ до послѣдней минуты скрылъ отъ министровъ свое намѣреніе; но вмѣсто того, чтобы остановиться въ Новарѣ, онъ отправился къ Карлу-Феликсу и сдѣлалъ попытку вернуть себѣ его расположеніе, а когда король не пожелалъ его принять, онъ удалился во Флоренцію.

Съ его внезапнымъ отъѣздомъ власть перешла къ наиболѣе энергичнымъ представителямъ революціонной партіи, и прежде всего—къ неукротимому Сантарозѣ, который былъ назначенъ военнымъ министромъ. Помня, съ какою конечной цѣлью было затѣяно движеніе, онъ вздумалъ сразу достигнуть ея вполнѣ, т.-е. вслѣдъ за установленіемъ конституціоннаго строя немедленно объявить войну Австріи. Александрійскія войска, державшіяся по его приказанію наготовѣ, 4-го двинулись къ Новарѣ, гдѣ разсчитывали увлечь за собою оставшіеся вѣрными абсолютизму полки, чтобы совмѣстно пройти Тессинъ. Но когда они подошли къ стѣнамъ города, они увидѣли передъ собою австрійцевъ, которые по просьбѣ генерала Ля Тура пришли къ нему на подмогу. Теперь неравенство силъ было такъ велико, что конституціоналисты не имѣли никакой надежды на успѣхъ; они могли только отступить въ порядкѣ послѣ героической схватки (8 апрѣля). Отнынѣ нечего было и думать о сопротивленіи; въ Туринѣ Сантароза, несмотря на всю свою энергію, принужденъ былъ передать цитадель національной гвардіи и удалиться при извѣстіи о приближеніи генерала Ля Тура, который и вступилъ въ городъ 10 апрѣля. Одинъ за другимъ покорились остальные города и вскорѣ затѣмъ Карлъ-Феликсъ вступилъ въ свою столицу. Эпилогомъ революціи явился рядъ строгихъ мѣръ, какими всюду сопровождалось возстановленіе абсолютизма: образованы были чрезвычайные суды и военныя комиссіи, семьдесятъ три человѣка приговорены къ смерти, сто пять къ каторжнымъ работамъ; къ счастію, вождямъ движенія удалось бѣжать, и только двое низшихъ офицеровъ поплатились за отсутствующихъ, сложивъ головы на эшафотѣ.

Процессы въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ.—Пьемонтская революція отразилась въ Ломбардіи, гдѣ она ускорила давно подготовлявшійся разрывъ между правительствомъ и подданными. Ближайшимъ послѣдствіемъ скряжнической и вмѣстѣ самовластной политики Австріи было сплоченіе въ одну группу всѣхъ, чьи надежды были обмануты или убѣжденія оскорблены ею. Такъ, нѣсколько бывшихъ слугъ Наполеона, каковы Романьози, Пеккіо и Бреме, нѣсколько бывшихъ революціонеровъ, какъ Разори, нѣсколько либеральныхъ вельможъ, какъ Конфалоньери и Порро, и нѣсколько новыхъ людей, какъ поэты Сильвіо Пелли-

ко и Бершэ, соединились въ 1818 году, чтобы совмѣстно издавать газету подъ названіемъ *Conciliatore,* которая открыла походъ противъ Австріи въ области литературы и была запрещена годъ спустя, когда вздумала перенести борьбу на политическое поприще. Послѣ этого редакторы газеты вступили въ ряды карбонарской партіи, достигшей въ это время наибольшаго своего распространенія, и рѣшили открыть болѣе прямую и дѣятельную борьбу во имя своихъ убѣжденій. Удобный поводъ къ этому могли дать неаполитанская и пьемонтская революціи; но онѣ же побудили и австрійское правительство удвоить строгость, чтобы предупредить ихъ агитацію и не допустить возстанія. 13 октября 1820 г. оно арестовало и предало суду спеціальной комиссіи по обвиненію въ карбонарствѣ Сильвіо Пеллико, его друга Марончелли и великаго законовѣда Романьози; Порро и Бершэ успѣли бѣжать. Еще прежде, чѣмъ была рѣшена участь подсудимыхъ, къ нимъ присоединились многіе изъ ихъ друзей; узнавъ, что множество ломбардцевъ принадлежатъ къ пьемонтскимъ карбонарскимъ вентамъ и отправили депутацію къ Карлу-Альберту съ просьбою, чтобы онъ перешелъ границу, Меттернихъ въ декабрѣ 1821 года послѣдовательно арестовалъ Кастилью, его друга маркиза Георга Паллавичино, Конфалоньери и Борсьери. Чтобы вынудить у этихъ двухъ группъ обвиняемыхъ признанія и доказательства, онъ пустилъ въ ходъ одни и тѣ же средства: слѣдствіе велось тайно, свидѣтелей запугивали, у подсудимыхъ старались вырвать признанія угрозами, хитростью или обѣщаніями. Когда Меттернихъ рѣшилъ, что у него достаточно доказательствъ, были произнесены приговоры. Первый изъ нихъ (6 декабря 1821) осудилъ на смерть Сильвіо Пеллико и Марончелли, которымъ императоръ скоро спустя замѣнилъ это наказаніе пятнадцатью и двадцатью годами содержанія въ каторжной тюрьмѣ (carcere duro). 21 января 1824 года послѣ слѣдствія, длившагося почти два года, чрезвычайная комиссія вынесла новыхъ шестнадцать смертныхъ приговоровъ, которые также были замѣнены каторжными работами въ крѣпости Шпильбергъ—навсегда для Конфалоньери и француза Андріана, на двадцать лѣтъ для Босьери, Паллавичино и Кастильи. Какую жизнь вели политическіе преступники въ Шпильбергѣ, какія страданія терпѣли и какимъ подвергались жестокостямъ, это вскорѣ узнала вся Европа изъ книги Сильвіо Пеллико „Мои темницы“.

IV.—Революціонное движеніе въ 1831 г.

Состояніе средней Италіи.—Изъ всѣхъ частей полуострова только въ средней Италіи до сихъ поръ не возникало революціонныхъ движеній. Между тѣмъ недовольство было здѣсь не менѣе сильно, чѣмъ въ сѣверныхъ и южныхъ государствахъ, и правительства обнаруживали тѣ же недостатки. Имъ ставили въ упрекъ прежде всего ихъ необузданный абсолютизмъ; въ Моденѣ Францискъ IV, человѣкъ узкій и съ непомѣрными притязаніями, упорно добивался расширенія своихъ владѣній извнѣ и своей власти внутри; взбѣшенный убійствомъ своего министра полиціи Бесини, онъ учредилъ чрезвычайный трибуналъ для суда надъ карбонаріями, вождю которыхъ и пришлось сложить голову на эшафотѣ, подчинилъ печать строжайшей цензурѣ и представилъ Веронскому конгрессу обширный меморандумъ, направленный противъ конституцій. Правда, онъ такъ же серьезно относился къ своимъ королевскимъ обязанностямъ, какъ и къ своимъ правамъ, и усердно старался поднять матеріальное благосостояніе своего государства путемъ упроченія общественнаго

спокойствія и облегченія податного бремени.—Напротивъ, въ Романьѣ населеніе ничѣмъ не было вознаграждено за потерю своей свободы: папское правительство оказалось и неспособнымъ, и упрямымъ, такъ что правленіе Льва XII (1823—1829) и Пія VIII (1829—1830) было ознаменовано здѣсь лишь новыми строгостями противъ карбонаріевъ и усиленіемъ административной неурядицы; процессы противъ лицъ, дѣйствительно принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ или только подозрѣваемыхъ въ этомъ, слѣдовали непрерывно одинъ за другимъ; въ одинъ годъ (1825) было осужденно 508 человѣкъ; въ одинъ день (23-го мая 1828) было повѣшено въ Равеннѣ семь либераловъ, и ихъ трупы оставлены на висѣлицѣ на двадцать четыре часа.

А тѣмъ временемъ разбойничество приняло такіе размѣры, что правительство должно было унизиться до переговоровъ съ вождями разбойничьихъ шаекъ, нищета до того возросла, что въ Римѣ приходилось по одному неимущему на каждые десять жителей, подати настолько увеличились, что собственники получали едва одинъ процентъ изъ своихъ доходовъ. Состояніе страны грозило серьезной опасностью, которую Шатобріанъ, бывшій тогда французскимъ посломъ въ Римѣ, слѣдующимъ образомъ формулировалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній Порталису: „Если явится какой-нибудь толчокъ извнѣ, или если какой нибудь государь въ сѣверной Италіи дастъ конституцію своимъ подданнымъ, тотчасъ же вспыхнетъ революція, для которой все готово“.

Возстаніе въ Моденѣ и Романьѣ.—Это пророчество, высказанное въ 1829 году, осуществилось годъ спустя, когда іюльская революція подняла духъ недовольныхъ и когда у нихъ явилась надежда найти себѣ подходящаго вождя въ честолюбивомъ герцогѣ моденскомъ. Дѣло въ томъ, что Лафайетъ и его друзья расточали добрыя слова и неопредѣленныя обѣщанія итальянскимъ патріотамъ, бѣжавшимъ въ Парижъ; министръ Лаффитъ провозглашалъ съ трибуны, что „Франція не позволитъ, чтобы принципъ невмѣшательства былъ нарушенъ“, и изъ этого заявленія итальянцы заключили, что имъ нечего бояться Австріи. Съ другой стороны, герцогъ моденскій, сдѣлавъ по совѣту своего министра Канозы неудачную попытку отбить у принца Кариньянскаго право наслѣдія на сардинскій престолъ, соблазнился затѣмъ его примѣромъ, т. е. увлекся мыслью стать во главѣ либеральнаго движенія, которое сдѣлало бы его властелиномъ единаго сѣверно-итальянскаго королевства: преодолѣвъ былую ненависть, онъ чрезъ посредство одной сомнительной и загадочной личности, доктора Мислея, вступилъ въ сношенія съ вождемъ моденскихъ карбонаріевъ, Чиро Менотти, котораго когда-то держалъ въ тюрьмѣ. Переговоры, которые онъ велъ съ этимъ человѣкомъ, сохранялись въ тайнѣ, пока вдругъ были прерваны угрозами Меттерниха, получившаго о нихъ свѣдѣнія; боясь, какъ бы Австрія не свергла его, Францискъ IV приказалъ своимъ бывшимъ союзникамъ остановить подготовляемое ими движеніе, и одного изъ нихъ, Фабрици, даже бросилъ въ тюрьму. Но вопреки его ожиданіямъ, это неожиданное предательство только ускорило ходъ событій. 3 февраля 1831 года въ сумерки въ домѣ Менотти собралось тридцать пять молодыхъ людей, которые въ полночь должны были вооруженными выйти на улицы, провозгласить революцію и открыть ворота провинціальнымъ инсургентамъ. Вдругъ домъ былъ оцѣпленъ батальономъ пѣхоты и послѣ пятичасовой блокады разнесенъ пушечными выстрѣлами. Менотти съ товарищами былъ взятъ, и Францискъ IV, лично руководившій этимъ дѣломъ, собственоручно написалъ къ губернатору Реджіо, прося его о присылкѣ палача.

Но эта побѣда абсолютизма оказалась лишь мимолетной. 4-го февраля по полученіи извѣстія о моденскихъ событіяхъ возстала Болонья; легатъ былъ арестованъ, власть папы объявлена упраздненной, и составлено временное правительство. Движеніе, распространяясь съ быстротою молніи, охватило послѣдовательно города въ Романьѣ, провозгласившіе себя независимыми, Марки, гдѣ ветеранъ первой Имперіи, полковникъ Серконьяни, съ горстью добровольцевъ овладѣлъ Анконою и подступилъ было къ самому Риму, Модену, откуда Францискъ IV былъ изгнанъ на третій день послѣ боя, результатомъ котораго былъ арестъ Менотти, наконецъ Парму, гдѣ населеніе, увлеченное общимъ примѣромъ, заставило свою герцогиню Марію-Луизу удалиться въ изгнаніе (11 февраля). Въ одну недѣлю революція была кончена, и знамя возстанія развѣвалось теперь отъ Пьяченцы до Анконы и отъ Феррары до Ріети.

Австрійское вмѣшательство и подавленіе мятежа.—Мѣсяцъ спустя старый порядокъ былъ возстановленъ во всѣхъ этихъ провинціяхъ, такъ легко добывшихъ себѣ свободу; лишній разъ итальянцы, забывъ уроки 1820 и 1821 гг., предались пагубнымъ иллюзіямъ, и тѣ же ошибки обрекли ихъ на тѣ же разочарованія. Вожди движенія, подсчитывая шансы успѣха, надѣялись на Францію, на Италію и на самихъ себя. Но на французскомъ престолѣ сидѣлъ человѣкъ, относившійся подозрительно къ революціи, въ которой видѣлъ отдаленную опасность для своего дома съ тѣхъ поръ, какъ прибыли, чтобы поддержать ее, двое сыновей Луи Бонапарта, бывшаго голландскаго короля; новый министръ Казимиръ Перье, убѣжденный сторонникъ мирной политики, заявилъ съ трибуны, что „французская кровь принадлежитъ одной Франціи“, и не позволилъ бывшему вождю неаполитанской революціи, Гуильельмо Пепе, поѣхать въ Италію, чтобы стать во главѣ инсургентовъ. Въ Итали Тоскана оставалась неподвижной, несмотря на всѣ старанія Либри вовлечь ее въ движеніе, и заговоръ, возникшій въ Пьемонтѣ, кончился арестомъ тѣхъ лицъ, которыя должны были осуществить его. Наконецъ въ возставшихъ провинціяхъ вожди либеральной партіи обнаружили поразительное непониманіе наличныхъ условій; вмѣсто того, чтобы собрать въ одинъ фокусъ всѣ мятежныя силы, они ограничились тѣмъ, что объединили подъ названіемъ итальянскихъ Соединенныхъ провинцій города, принадлежавшіе къ папскимъ владѣніямъ, причемъ не рѣшились присоединить къ нимъ города Моденскаго герцогства, чтобы не нарушить мнимый принципъ невмѣшательства; въ ту минуту, когда необходимо было прежде всего обезпечить существованіе новаго государства, приготовляя средства, чтобы отразить вѣроятное нападеніе, они занимались больше всего преобразованіемъ администраціи и вотировали законы вмѣсто того, чтобы формировать войска; это сдѣлало неизбѣжнымъ австрійское вмѣшательство, которое и не замедлило воспослѣдовать. Папа Григорій XVI написалъ императору Францу I, прося у него помощи противъ революціи; и вотъ армія Фримона, выступивъ изъ Пьяченцы, возстановила Марію-Луизу въ Пармѣ, безъ труда одолѣла моденское ополченіе, предводимое старымъ генераломъ Цукки, и двинулась къ Болоньѣ, гдѣ съ нею соединился другой корпусъ, прибывшій изъ Феррары (21 марта); встрѣтивъ и разсѣявъ добровольческій отрядъ Арманди въ 7000 человѣкъ, она продвинулась затѣмъ до Римини, гдѣ дала удачное для нея, но славное для ея противниковъ сраженіе (25 марта), и затѣмъ до Анконы, куда бѣжало временное правительство Соединенныхъ провинцій. Такъ какъ отстоять крѣпость было невозможно, то 29-го была подписана капитуляція, въ

силу которой всѣмъ находившимся въ городѣ разрѣшалось безпрепятственно удалиться. Революція была подавлена, и прежніе государи возстановлены всюду. Ихъ возвращеніе сопровождалось репрессіями и вѣроломствами, какъ это повторялось вездѣ при возстановленіи абсолютизма: въ Моденѣ Францискъ IV немедленно по возвращеніи въ свою столицу отправилъ на эшафотъ Чиро Менотти (20 мая 1831) и установилъ въ своихъ владѣніяхъ настоящій терроръ; въ Анконѣ папа призналъ капитуляцію недѣйствительной, и Австрія не соблюла ея: около 100 либераловъ пришлось томиться въ венеціанскихъ тюрьмахъ за услуги, оказанныя ими мятежному правительству.

Движеніе 1831 года увѣнчалось эпилогомъ въ слѣдующемъ году. Во-первыхъ, австрійская оккупація, на которую статсъ-секретарь Григорія XVI, кардиналъ Бернетти, согласился лишь скрѣпя сердце, прекратилась по его просьбѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ; во-вторыхъ, реформы, которыхъ державы просили у папы для его подданныхъ въ знаменитомъ меморандумѣ 10 мая, не были осуществлены, и населеніе Романьи, уже не сдерживаемое присутствіемъ имперскихъ войскъ, начало съ оружіемъ въ рукахъ требовать ихъ исполненія. Въ главныхъ городахъ Легатствъ, особенно въ Чезенѣ и Форли, сформировались городскія ополченія, давшія настоящія битвы швейцарскимъ войскамъ, присылаемымъ для ихъ разоруженія (январь 1832). Для того, чтобы не дать смутѣ распространиться и чтобы предупредить повтореніе прошлогоднихъ событій, понадобилась вторичная австрійская оккупація, которая сама по себѣ имѣла неожиданное послѣдствіе: министръ Казимиръ Перье, желая создать противовѣсъ престижу, который долженъ былъ обезпечить вѣнскому кабинету въ Италіи это вмѣшательство, прислалъ французскій полкъ съ приказаніемъ занять Анкону. Впрочемъ, онъ заявилъ, что оккупируетъ эту крѣпость отъ лица папы, и запретилъ военному губернатору вмѣшиваться во внутреннее управленіе папскихъ владѣній, гдѣ до воцаренія новаго папы продолжало господствовать прежнее беззаконіе.

V.—Умственное движеніе и „Risorgimento".

Всѣ революціонныя движенія въ Италіи съ 1815 по 1832 г. были затѣяны одними и тѣми же лицами, носили тотъ же характеръ и не удались по тѣмъ же причинамъ. Ихъ вызывали тайныя общества, ими руководили старые наполеоновскіе офицеры, ихъ поддерживала либеральная буржуазія; они являлись дѣломъ того поколѣнія, которое познало восторги революціи и сохранило память объ Имперіи. Ихъ исходной точкой было отвращеніе къ господству произвола, ихъ цѣлью—установленіе конституцій, и потому въ нихъ слѣдуетъ видѣть скорѣе выраженіе либеральныхъ тенденцій, нежели національныхъ страстей; Европа боролась съ ними дипломатическимъ оружіемъ, Австрія подавляла ихъ силою, и въ этой двойной борьбѣ они терпѣли крушеніе частью вслѣдствіе неопытности своихъ вождей, не умѣвшихъ столковаться между собою, частью вслѣдствіе равнодушія населенія, не желавшаго поддержать ихъ. Горькій опытъ этихъ трехъ неудачныхъ попытокъ не пропалъ даромъ: между 1830—1840 гг. созрѣло для политической жизни новое поколѣніе, молодое, пылкое, восторженное, тѣмъ болѣе разсудительное, что оно имѣло мало случаевъ тратить свою силу, и тѣмъ болѣе смѣлое въ своей идеологіи, что оно не имѣло случая натыкаться на практическія затрудненія. Изслѣдовать, почему прежнія революціонныя движенія потерпѣли неудачу и какъ обезпечить имъ успѣхъ въ будущемъ, выяснить, какіе

пути могутъ привести Италію къ свободѣ, и какъ надо будетъ организовать ее, чтобы она была счастлива, пропитать народъ идеей національности, жившей до сихъ поръ лишь въ умѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мыслителей, — такова была задача этого поколѣнія, которому революція 1848 года дастъ возможность примѣнить свою теорію на дѣлѣ.

Вызванное и руководимое имъ движеніе обозначаютъ именемъ „Risorgimento“ (возрожденіе).

Революціонеры и реформисты. — Иниціаторовъ этого движенія объединяло то, что они всѣ одинаково осуждали способы дѣйствія, примѣнявшіеся до нихъ; но по исповѣдуемымъ доктринамъ и намѣченной цѣли они естественно дѣлились на двѣ группы и составляли двѣ школы. Одни, болѣе пылкіе по темпераменту и одаренные болѣе живымъ воображеніемъ, видѣли въ Италіи не то, чѣмъ она была, а то, чѣмъ должна была быть, рисовали себѣ ея идеальный образъ согласно политической теоріи или по образцу сосѣднихъ странъ, и для осуществленія этого идеала настойчиво предлагали насильственныя мѣропріятія и радикальныя рѣшенія; другіе, болѣе благоразумные и считавшіеся не столько съ тѣмъ, что́ желательно, сколько съ тѣмъ, что возможно, требовали лишь нѣкоторыхъ улучшеній въ существующемъ порядкѣ вещей и ставили себѣ цѣлью—добиться реформъ безъ революціи. Такимъ образомъ, первые, извѣстные въ исторіи подъ названіемъ „партія Молодой Италіи“, были революціонеры, вторые, называвшіеся тогда „нео-гвельфами“,—реформисты. Три вопроса должны были привлекать ихъ вниманіе и дробить ихъ усилія: вопросъ о территоріальномъ устройствѣ, о политической независимости и о внутренней свободѣ отдѣльныхъ итальянскихъ государствъ.

Революціонеры. Маццини. — Основателемъ и вождемъ Молодой Италіи былъ человѣкъ, котораго его неукротимая энергія, пламенная любовь къ отечеству и героическое самоотреченіе сдѣлали въ глазахъ его соотечественниковъ чистѣйшимъ и благороднѣйшимъ олицетвореніемъ національнаго чувства. Его звали Маццини, и онъ родился въ Генуѣ въ 1809 году; сначала онъ занимался литературою и философіей, потомъ выступилъ на политическое поприще въ качествѣ редактора двухъ газетъ, которыя были одна за другою закрыты, и двадцати одного года по подозрѣнію въ карбонарствѣ долженъ былъ бѣжать изъ родины; онъ остался въ изгнаніи почти до смерти, и его апостольское служеніе длилось сорокъ лѣтъ. На службу дѣлу, которому онъ отдалъ свою жизнь, Маццини принесъ разнообразныя и могучія духовныя качества: упрямую вѣру мистика, глубокую мысль теоретика и нравственный авторитетъ учителя. Его жизнь не разъ была въ опасности, его планы не разъ разлетались въ прахъ, но и въ дни гоненія онъ былъ твердъ и въ дни испытаній не падалъ духомъ; ничто не могло пошатнуть его вѣры въ конечное торжество его идей—ни невзгоды изгнанія, на неудачи его попытокъ; изъ всей его партіи, можетъ быть, только онъ одинъ никогда не отчаявался въ успѣхѣ. Позднѣе Гарибальди въ одномъ знаменитомъ тостѣ скажетъ о немъ: „Онъ одинъ бодрствовалъ, когда всѣ дремали“. Обладая широкимъ и просвѣщеннымъ умомъ, онъ мастерски умѣлъ находить въ философіи и исторіи доводы въ пользу своей мысли и соединять ихъ въ строго-послѣдовательную логическую систему, которую излагалъ съ увлекательной ясностью, языкомъ вполнѣ общедоступнымъ; наконецъ его нравственная чистота и внѣшнія данныя въ такой же степени помогали ему дисциплинировать людей, какъ его систематическій умъ помогалъ ему дисциплинировать идеи; строгая важность его жизни и абсолютная безкорыстность

его убѣжденій стяжали ему уваженіе даже его противниковъ, а преданность его друзей объясняется вліяніемъ, которое оказывали на нихъ заразительный жаръ его краснорѣчія и лихорадочный блескъ его черныхъ глазъ. Тотчасъ по прибытіи во Францію (1830) онъ началъ свою революціонную пропаганду; изъ его упрямыхъ размышленій родилась пять лѣтъ спустя программа-манифестъ его партіи—„Молодой Италіи".

Молодая Италія.—Эта программа была проста и ясна. Такъ какъ главными препятствіями къ свободѣ Италіи были до сихъ поръ сопротивленіе государей и мѣстный сепаратизмъ, то Маццини хотѣлъ избавиться отъ перваго чрезъ установленіе республики, отъ второго—чрезъ объединеніе. „Молодая Италія,—говорилъ онъ,—стоитъ за республику и единство": за республику — потому что республика является единственной формой правленія, соотвѣтствующей какъ требованіямъ разума, такъ и итальянскимъ традиціямъ; за единство — потому что „единство есть условіе силы и потому что Италіи, окруженной объединенными державами, завистливыми и могучими, нужно прежде всего быть сильной", и потому что, съ другой стороны, „федерализмъ, разрушивъ единство великой итальянской семьи, сдѣлаетъ неосуществимой ту миссію, которую Италія призвана исполнить въ исторіи человѣчества". Этимъ ученіемъ, смѣлость котораго стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ крайней умѣренностью программы заговорщиковъ 1820 и 1821 гг., Маццини провелъ ясную демаркаціонную черту между собою и революціонерами, дѣйствовавшими до него. Такъ же разнился онъ отъ нихъ и въ практическомъ отношеніи, рекомендуя для достиженія грезившагося ему идеала совсѣмъ иной образъ дѣйствій, чѣмъ тотъ, которому они слѣдовали. До сихъ поръ недовольные составляли тайныя общества, въ которыхъ число членовъ было ограничено и проекты которыхъ оставались тайною для равнодушнаго общества; ихъ попытки, безсильныя вслѣдствіе своей изолированности и таинственности, надо было замѣнить національнымъ возстаніемъ, которое подняло бы въ сознаніи своей силы и своихъ правъ весь народъ. „Средства, которыми думаетъ пользоваться Молодая Италія для достиженія своей цѣли, суть воспитаніе и возстаніе; воспитаніе примѣромъ, словомъ и книгою внѣдритъ въ двадцать милліоновъ итальянцевъ сознаніе ихъ національности, такъ что возстаніе застанетъ ихъ уже вполнѣ готовыми подняться противъ ихъ притѣснителей". Такимъ образомъ, они обойдутся безъ всякаго иностраннаго вмѣшательства, потому что для освобожденія имъ недостаетъ не силы, а только вѣры.

Благодаря своей простотѣ, ясности и широтѣ ученіе Маццини должно было увлекать пылкую и неопытную молодежь. И дѣйствительно, оно почти тотчасъ пріобрѣло множество адептовъ; но съ первыхъ же шаговъ оно подверглось искаженіямъ, такъ какъ отъ того, кто хотѣлъ примѣнять его въ полномъ объемѣ, требовалась долгая подготовительная работа, на какую по своему нетерпѣнію не были способны юные друзья Маццини; поэтому Молодая Италія скоро была увлечена на путь заговоровъ, который осуждалъ ея вождь. Начался рядъ мятежей: въ Генуѣ въ 1833 году возстаніе братьевъ Руффини, которое было безпощадно подавлено и повлекло за собою настоящій терроръ въ Пьемонтѣ; въ Савойѣ въ 1834 году возстаніе Раморино, тщетно пытавшагося перейти границу, чтобы поднять крестьянъ; въ Романьѣ въ 1843 году возстаніе „итальянскаго легіона"; въ Калабріи въ 1844 году возстаніе братьевъ Баудіера, которые высадились съ небольшой дружиной, были взяты въ плѣнъ и разстрѣляны. Такимъ образомъ, до 1848 года мацциніевское

движенiе имѣло не больше успѣха, чѣмъ попытки карбонарiевъ.

Реформисты. Джьоберти.—Эти повторныя неудачи въ концѣ концовъ оттолкнули отъ Маццини цѣлый классъ людей, которыхъ съ самаго начала пугала смѣлость его ученiя; это были тѣ, кого возрастъ, опытъ, преданность монархiи и церкви дѣлали умѣренными въ желанiяхъ и скромными въ требованiяхъ,—люди, жаждавшiе мирныхъ реформъ и съ отвращенiемъ думавшiе о ниспроверженiи всего существующаго строя; ихъ было много въ среднемъ классѣ и либеральной буржуазiи, но они не составляли особой партiи, такъ какъ не имѣли ни программы, ни знамени, ни лозунга. И вотъ нашлись три человѣка, задавшiеся цѣлью организовать эту группу; то были Джьоберти, Бальбо и д'Азелiо.

Джьоберти былъ католическiй священникъ, сначала занимавшiйся философiей и обратившiй на себя вниманiе нѣсколькими крупными работами по метафизикѣ; человѣкъ подвижный, впечатлительный и самовластный, онъ былъ изгнанъ за свои сношенiя съ Маццини и удалился въ Брюссель, гдѣ въ его мiровоззрѣнiи произошелъ переломъ. Онъ изложилъ свои идеи въ 1843 году въ книгѣ, которая, несмотря на всѣ свои недочеты, произвела довольно сильное впечатлѣнiе. Это былъ его знаменитый *Primato*. Въ предисловiи къ этому сочиненiю, озаглавленномъ: *О нравственномъ и политическомъ первенствѣ итальянцевъ*, авторъ такимъ образомъ излагалъ свой замыселъ и свой планъ: „Выяснивъ, чтò я понимаю подъ нравственнымъ и политическимъ первенствомъ Италiи, я въ доказательство вѣрности этой моей мысли разсмотрю отдѣльныя области культуры, какъ умственной, такъ и практической; и въ каждой изъ этихъ областей я докажу, что одна только Италiя обладала качествами, необходимыми для того, чтобы быть первенствующей нацiей, и что хотя она теперь совершенно утратила это преобладанiе, но еще можетъ вернуть его себѣ; затѣмъ я укажу главныя условiя, при которыхъ можетъ совершиться ея возрожденiе". Дѣйствительно, *Primato* состоитъ изъ двухъ частей: теоретической, гдѣ Джьоберти борется противъ обезсиливающаго пессимизма своихъ соотечественниковъ и старается воскресить въ нихъ довѣрiе къ самимъ себѣ, показывая имъ, какъ высоко они стоятъ въ качествѣ нацiи; и теоретической, посвященной изложенiю взглядовъ автора на способъ рѣшенiя итальянскаго вопроса. Этотъ способъ былъ весьма простъ: такъ какъ Италiя никогда не достигала большаго величiя, нежели въ эпоху всемогущества папы и въ эпоху гвельфовъ, то для возстановленiя ея престижа и силы достаточно соединить всѣ образующiя ее государства въ одинъ союзъ подъ политическимъ и моральнымъ верховенствомъ папы. Такимъ образомъ, всѣ вопросы, волнующiе страну, будутъ рѣшены безъ чужеземнаго вмѣшательства, гражданскихъ войнъ и насильственныхъ переворотовъ, государямъ будетъ обезпечена незыблемость ихъ престоловъ, а ихъ подданные будутъ удовлетворены реформами, которыя предпримутъ государи по совѣту папы.

Такова была программа Джьоберти. Несмотря на свою многословную и напыщенную форму, она увлекла тысячи людей, частью благодаря своему страстному шовинизму, частью благодаря своимъ примирительнымъ тенденцiямъ. Впрочемъ, она представляла собою скорѣе идеологическую схему, нежели практическую программу. Бальбо задался цѣлью пополнить ея пробѣлы и устранить неясности.

Бальбо.—Бальбо былъ политикомъ ново-гвельфской партiи, какъ Джьоберти былъ ея теоретикомъ и д'Азелiо—солдатомъ. Онъ былъ сыномъ сардинскаго министра и самъ при Наполеонѣ I служилъ аудиторомъ въ Государственномъ совѣтѣ;

на политическое поприще онъ принесъ богатый жизненный опытъ и практическое чутье, давшіе ему возможность подвергнуть строгому контролю идеи его друга, устранить изъ нихъ утопическіе элементы и пополнить ихъ пробѣлы. Подобно Джьоберти, онъ не считалъ нужнымъ, исключая одного пункта, измѣнить территоріальное распредѣленіе итальянскихъ областей. Но онъ открыто поставилъ вопросъ, котораго не дерзалъ коснуться его предшественникъ, именно—вопросъ о независимости. Помощью убѣдительной и сжатой аргументаціи онъ доказывалъ, что никакой планъ федераціи не имѣетъ шансовъ на осуществленіе, пока Австрія сохраняетъ свою сильную позицію въ Италіи и всей тяжестью своего престижа и своей арміи вліяетъ на рѣшенія государей. Безумно надѣяться прогнать ихъ силою; лучше предоставить этому вопросу рѣшиться естественно, въ связи съ событіями, которыя готовятся на Востокѣ. Теперь уже недолго ждать паденія и раздѣла Оттоманской имперіи; и вотъ въ моментъ этой катастрофы достаточно будетъ поддержать притязанія Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, гдѣ она притомъ будетъ менѣе опасна, нежели Россія,—и взамѣнъ потребовать отъ нея отказа отъ итальянскихъ провинцій, которыя затѣмъ должны быть присоединены къ Пьемонту. Таковъ былъ планъ, который Бальбо изложилъ въ книгѣ, вышедшей въ 1844 году подъ заглавіемъ *Надежды Италіи*. Джьоберти со свойственной ему гибкостью почти тотчасъ примкнулъ къ взглядамъ Бальбо. „Между нами нѣтъ разногласій, — говорилъ онъ;—у меня есть мысль, а онъ ее примѣняетъ. Моя задача—теоретическаго свойства, его — практическаго. Я указываю цѣль, онъ — преграду, Австрію, о которой мнѣ не было надобности говорить; Бальбо сдѣлалъ это за меня, и весьма толково, весьма разсудительно“. Но въ обществѣ нѣсколько робкій и грустный тонъ книги, какъ и странность предложеннаго ею рѣшенія, доставили ей прозвище: „Безнадежныя надежды“ или книга „противъ надеждъ Италіи“.

Д'Азеліо.—Спустя два года вышла блестящая брошюра о послѣднихъ волненіяхъ въ Романьѣ, кончавшаяся такими словами: „Мы, итальянцы, должны прежде всего собрать все наше гражданское мужество, чтобы добиться отъ нашихъ правительствъ всяческихъ усовершенствованій и либеральныхъ учрежденій, совмѣстимыхъ съ общественнымъ порядкомъ. Затѣмъ явится и военная доблесть на предметъ завоеванія независимости“. Эта гордая декларація, тонъ которой такъ рѣзко контрастировалъ съ мудрой осторожностью Бальбо, принадлежала перу другого пьемонтца, Массимо д'Азеліо. Аристократъ по происхожденію, офицеръ по профессіи, ставшій потомъ художникомъ по призванію, романистомъ изъ патріотизма, д'Азеліо полагалъ, что въ дѣлѣ изгнанія чужеземцевъ итальянцы должны разсчитывать гораздо больше на собственныя силы, нежели на Европу, и мечталъ о томъ, чтобы во главѣ ихъ сталъ государь, котораго онъ былъ другомъ и надѣялся стать совѣтникомъ, именно Карлъ-Альбертъ, вступившій на пьемонтскій престолъ въ 1831 году. Такимъ образомъ, д'Азеліо сыгралъ извѣстную роль въ развитіи нео-гвельфской идеи; Джьоберти формулировалъ основныя начала, Бальбо указалъ цѣль, д'Азеліо намѣтилъ путь, по которому эта цѣль могла быть достигнута.

Итакъ, въ ту минуту, когда революція 1848 года вызываетъ въ Европѣ общее возстаніе всѣхъ угнетенныхъ народовъ, итальянское общество дѣлилось на два лагеря, изъ которыхъ одинъ стоялъ за республику и объединеніе, другой за федерацію и монархію, но которые оба были проникнуты національнымъ чувствомъ и враждою къ Австріи; этимъ соревнованіемъ въ патріотизмѣ и этими ча-

стичными разногласіями объясняются мимолетные успѣхи и конечное пораженіе итальянскаго возстанія въ 1848 и 1849 гг.

VI.—Состояніе Италіи въ 1846 г.

Пьемонтъ.—Въ Пьемонтѣ Карлъ-Альбертъ въ 1831 году наслѣдовалъ Карлу-Феликсу. Вступая на престолъ, онъ не могъ разсчитывать на довѣріе ни со стороны либераловъ, ни со стороны монархистовъ въ виду своего поведенія въ 1821 году; онъ самъ опредѣлилъ свое положеніе, сказавъ герцогу Омальскому: „Я стою между кинжаломъ карбонарія и іезуитской чашкой шоколада". Будучи слишкомъ нерѣшительнымъ, чтобы примкнуть къ одной изъ двухъ крайнихъ партій, онъ предпочелъ стать между ними и до нѣкоторой степени протянуть руку каждой изъ нихъ. Съ одной стороны, онъ безпощадно подавлялъ движенія маццинистовъ, женилъ своего сына на австрійской принцессѣ, возстановилъ маіораты и фидейкомиссы; съ другой стороны, тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ учредилъ Государственный совѣтъ для выработки законопроектовъ, отмѣнилъ феодальную юрисдикцію въ Сардиніи (1835) и издалъ гражданское уложеніе, въ общемъ сходное съ французскимъ (1837). Но эти реформы были слишкомъ умѣренны, чтобы разсѣять недовѣріе, которое онъ внушалъ съ 1821 года, и только тѣ, кому онъ довѣрялъ свои тайныя мысли, могли предвидѣть роль, которую онъ сыграетъ въ 1848 году.

Ломбардо-венеціанское королевство.—Въ Ломбардо-Венеціи смерть Франциска I (1835) и воцареніе Фердинанда I не вызвали никакой перемѣны въ положеніи страны: своей исправностью и честностью австрійская администрація пріобрѣла симпатіи сельскаго населенія, которое было обязано ей своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, успѣхами земледѣлія и развитіемъ путей сообщенія; но своей нетерпимостью, подозрительностью и недовѣріемъ ко всему итальянскому, своими репрессіями противъ либераловъ она окончательно возстановила противъ себя правящіе классы, которые вели съ нею глухую борьбу и ждали только случая, чтобы свергнуть ея владычество.

Церковная область. — Церковною областью все еще управлялъ Григорій XVI, царствованіе котораго было, по словамъ Джьоберти, самой печальной эпохой итальянской исторіи: безпорядочное веденіе финансовъ, продажность администраціи, преслѣдованія въ городахъ, непрекращающееся возстаніе въ Романьѣ—вотъ какое зрѣлище представляла эта страна во время правленія статсъ-секретаря Ламбрускини. Народъ терпѣлъ такія страданія, что многіе изъ подданныхъ папы мечтали о присоединеніи своей страны къ Австріи.

Тоскана.—Въ Тосканѣ Леопольдъ II, продолжая традиціонную въ его домѣ политику терпимости, давалъ убѣжище ссыльнымъ и изгнанникамъ изъ другихъ частей Италіи и позволилъ имъ основать подъ редакціей генуэзца Вьессэ единственный свободный итальянскій журналъ—*Антологію.* Репрессіи, къ которымъ онъ прибѣгъ въ 1833 году подъ давленіемъ Австріи, длились недолго, и Тоскана оставалась до 1848 года самымъ спокойнымъ и счастливымъ государствомъ полуострова.

Королевство Обѣихъ Сицилій.—Въ Неаполѣ Фердинандъ II въ 1830 году наслѣдовалъ своему отцу Франциску I; энергическій, бережливый и дѣятельный государь, онъ устранилъ наиболѣе вопіющія злоупотребленія, ввелъ нѣкоторую экономію, преобразовалъ всѣ отрасли администраціи, установилъ строгій порядокъ въ финансовомъ вѣдомствѣ и сумѣлъ пріобрѣсти симпатіи народонаселенія, которое больше всего цѣнило хорошую администрацію, не имѣло политическихъ потребностей и еще не созрѣло для свободы.

Библіографія.

Глава I.

Вѣнскій конгрессъ.

Документы.—*Переписка, Мемуары:* 1⁰. *Рукописи:* Архивъ франц. министерства иностранныхъ дѣлъ: а) *Общій каталогъ, мемуары и документы, дополненія,* Paris, 1896: Fonds France, nos 672, 677, 678, 679, 680, 681: частная переписка Талейрана; nos 682, 683, 684, 685, 686, 688; документы о конгрессѣ, протоколы и т. д.; Fonds Allemagne, nos 121, 122.—b) Офиціальная переписка французскаго посольства въ Вѣнѣ.

2⁰. *Печатныя произведенія:* **Klüber**, *Acten des Wiener Congresses,* 9 томовъ, Эрлангенъ, 1815—1819, 1835.—**Comte d'Angeberg** (псевдонимъ), *Le congrès de Vienne et les traités de 1815,* 4 тома, Парижъ, 1864.—**Talleyrand**, *Mémoires,* Парижъ, 1891: 2-ой и 3-ій томы содержатъ изложеніе занятій конгресса съ точки зрѣнія Талейрана; здѣсь помѣщены инструкціи короля, письма короля, частныя письма Талейрана къ королю, обширныя выдержки изъ офиціальной переписки французскаго посольства.—*Переписка* **князя Талейрана** *и короля* **Людовика XVIII** *во время Вѣнскаго конгресса,* изданная Ж. Паллэномъ въ Парижѣ въ 1881 г. съ многочисленными отрывками офиціальной переписки (въ примѣчаніяхъ).—**Wellington**, *Despatches,* Лондонъ, 1858 и сл., 8 томовъ (съ важными дополненіями).—**Castlereagh**, *Correspondence,* 4 тома, Лондонъ, 1852.—**Metternich**, *Mémoires,* тт. I, II, Парижъ, 1880.—**Czartoryski**, *Mémoires,* 2 тома, Парижъ, 1885.—**Pozzo di Borgo**, *Correspondance diplomatique,* т. I, Парижъ, 1890.—**Alexandre I et M-me de Staël**, *Correspondance (Revue de Paris,* январь 1897).—**Von Münster**, *Depeschen vom Wiener Congress,* Лейпцигъ, 1867.—**De Maistre**, *Correspondance diplomatique,* 2 тома, Парижъ, 1858; *Lettres et opuscules,* 2 тома, Парижъ, 1853; **Von Gagern**, *Mein Antheil an der Politik,* т. II, Лейпцигъ, 1845.—**Gentz**, *Tagebücher,* т. I, Лейпцигъ, 1861, 1870.—*Dépêches inédites aux hospodars de Valachie,* т. I, Парижъ, 1876;—**Villemain**, *Souvenirs contemporains,* т. II, Парижъ, 1857.—**Prince de Ligne**, *Mémoires,* Bruxelles, 1860.

Общія историческія сочиненія.—**Flassan**, *Histoire du Congrès de Vienne,* 2 тома, Парижъ, 1829.—**De Viel Castel**, *Historie de la Restauration,* т. II, Парижъ, 1860.—**Nettement**, *Histoire de la Restauration,* т. I, II, Парижъ, 1860.—**Thiers**, *Histoire du Consulat et de l'Empire,* т. XVIII, Парижъ, 1860.—**Duvergier de Hauranne**, Histoire du gouvernement parlementaire, т. II, Парижъ, 1857.—**Debidour**, *Histoire diplomatique de l'Europe,* т. I, Парижъ, 1891.—**Lagarde**, *Fêtes et souvenirs du congrès de Vienne,* 2 тома, Парижъ, 1840 (анекдотическое произведеніе).—**Bianchi**, *Storia della diplomazia europea in Italia,* т. I, Туринъ, 1865.—**F. de Martens (Ф. Мартенсъ)**, *Traités de la Russie,* т. III, Австрія; т. VII, Германія; т. XI, Англія, Петербургъ, 1876, 1885, 1895,—**Bernhardi**, *Geschichte Russlands,* т. I, Лейпцигъ, 1863.—**Oncken**, *Oesterreich und Preussen im Befreiungskriege,* 2 тома, Берлинъ, 1876—1879; *Das Zeitalter der Revolution, des Kaiserreiches und der Befreiungskriege,* т. II, Берлинъ, 1886.—**Гервинусъ**, *Исторія XIX вѣка* (русскій переводъ), т. I; **Häusser**, *Deutsche Geschichte,* т. IV, Берлинъ, 1869.—**Pertz**, *Das Leben des Ministers von Stein,* 6 томовъ, Берлинъ, 1849.—*Deutsche Biographie,* 41 томъ, Мюнхенъ, 1875—1896.—**Arndt**, *Hardenbergs Leben,* Берлинъ, 1864.

Монографіи и оцѣнка событій.—1⁰. Обсужденіе и защита французской политики на Вѣнскомъ конгрессѣ: **Guizot**. *Mémoires,* т. I, Парижъ, 1858.—**D'Haussonville**, *Souvenirs,* Парижъ, 1878 (перепечатка статьи, помѣщенной въ 1862 году въ *Revue des Deux Mondes;* въ этой статьѣ впервые появилась переписка Талейрана и Людо-

вика XVIII въ существенной своей части). — Pallain, Предисловіе къ *Correspondance inédite de Talleyrand,* Парижъ, 1881.—Albert Sorel, *Essais d'histoire et de critique, Talleyrand au congrès de Vienne, Metternich,* Парижъ, 1883, 1894.— Duc de Broglie, Предисловіе къ *Mémoires de Talleyrand,* Парижъ, 1891.

2⁰. Критическое разсмотрѣніе политики Людовика XVIII и Талейрана на Вѣнскомъ конгрессѣ: De Pradt, *Du Congrès de Vienne,* 2 тома, Парижъ, 1815. — *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'Etat,* т.т. XII и XIII, Парижъ, 1837 — 1838.— Thiers, т. XVIII, стр. 628 и сл., Парижъ, 1860.— *Mémoires du chancelier* Pasquier, т. III, Парижъ, 1894. — Henry Houssay, *1815,* Парижъ, 1893.— Émile Ollivier, *L'Empire libéral,* т. I, Парижъ, 1895.

3⁰. Критика событій съ нѣмецкой и прусской точки зрѣнія: Pertz, *Steins Leben.* — Гервинусъ, *Исторія XIX вѣка,* т. I. — Treitschke, *Deutsche Geschichte,* т. I, Берлинъ, 1882.

Глава II.

Священный союзъ и конгрессы.

Документы. — *Офиціальные документы, переписка и мемуары:* 1⁰. *Рукописи:* Архивъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. — *a)* Офиціальная переписка французскихъ посольствъ въ Вѣнѣ, Санктъ-Петербургѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Неаполѣ, Мадридѣ и т. д.—*b)* Конгрессъ въ Троппау, переписка и протоколы, 716 — 717, Конгрессъ въ Лайбахѣ, 718, Веронскій конгрессъ.— *c)* Мемуары и документы, Франція и другія государства, 699.

2⁰. *Печатныя произведенія:* Comte d'Angeberg, *Le congrès de Vienne et les traités de 1815.*— Duc de Richelieu, *Correspondance pendant le congrès d'Aix la Chapelle,* напечатанная г. Систерномъ въ *Cosmopolis,* 15 марта 1897. — Его же, переписка съ Александромъ I, Поццо ди Борго, Каподистріей, Нессельроде и другими, *Сборникъ Русскаго Императорскаго Историческаго Общества,* т. LIV.—Metternich, *Mémoires, documents et écrits divers,* тт. I, II, III, IV.—Gentz, *Dépêches inédites aux hospodars de Valachie,* тт. I и II.— Wellington, *Despatches* и дополненія.— Castlereagh, *Memoirs and correspondence,* 12 томовъ, 1848— 1853.— Hardenberg, *Mémoires.*— Hyde de Neuville, *Mémoires et souvenirs,* т. II.—Villèle, *Mémoires.*— Vitrolles, *Mémoires.*—B. Pasquier, *Mémoires.*—Chateaubriand, *Le congrès de Vérone; Mémoires d'Outre-Tombe.*—Comte de Marcellus, *Souvenirs diplomatiques.* — Его же, *Correspondance intime de M. de Chateaubriand sur la politique de 1822 et 1823.*— De Serre, Correspondance, 6 томовъ, 1876—77.— Pozzo di Borgo, *Correspondance diplomatique,* 1890— 97.

Историческія сочиненія.—Milovanowitch, *Les traités de garantie au XIX-e siècle.*—Gagern, (баронъ), *La seconde paix de Paris.* — Sorel, *Le traité de Paris du 20 novembre 1815.* — Bignon, *Du congrès de Troppau.* — Pradt, *L'Europe après le congrès d'Aix la Chapelle.*—Martignac, *Essai historique sur la Révolution d'Espagne.* — Viel-Castel, *Histoire de la Restauration,* II—XI.— Его же, *Lord Castlereagh et la politique extérieure de l'Angleterre de 1812 à 1822 (Revue des Deux Mondes,* 1 іюня 1854).—Debidour, *Histoire diplomatique de l'Europe,* т. I.— Bianchi, *Storia documentata della diplomazia europea in Italia,* Туринъ, 1865.— Cornwall-Lewis, *Histoire gouvernementale de l'Angleterre de 1770 à 1830.*—Stapleton, *Canning and his times,* 1835. — Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvernement parlementaire en France.*—Gervinus, *Geschichte des XIX Jahrhunderts,* II — XVII.— Stern, *Geschichte Europas,* т. I, 1894. — Crouzas-Cretet, *Le duc de Richelieu en Russie et en France* 1 томъ, 1897, — Rambaud, *Le Duc de Richelieu (Revue des Deux Mondes,* 1 декабря 1888.)— Hubbard, *Histoire contemporaine de l'Espagne.*

Ф. Мартенсъ, Собраніе трактатовъ и конвенцій, тт. IV и V.—Общія исторіи *Вебера* (т. 14), *Гервинуса* (Исторія XIX вѣка), *Файфа* (Исторія XIX столѣтія), Оскара *Іегера.*—*Надлеръ,* Императоръ Александръ I и идея Священнаго Союза.—*Шильдеръ,* Императоръ Александръ I. — *Градовскій,* Система Меттерниха, Вѣстникъ Европы, 1884, 1 и 2.—*Карѣевъ,* Исторія новаго времени, т. IV.

Глава III.

Франція. Вторая реставрація.

См. библіографію къ гл. VI.

Глава IV.

Юго-Восточная Европа.

I. Оттоманская имперія. — А. Общая исторія, путешествія, политика. — W.-V. Lüdemann, *Geschichte des osmanischen Reiches,* Дрезденъ, 1827. — Jouannin, *La Turquie* (въ *Univers pittoresque),* Парижъ, 1840. — Juchereau de Saint-Denis, *Histoire de l'empire ottoman,* Парижъ, 1844. — Ebeling, *Geschichte des osmanischen*

Reiches, Лейпцигъ, 1854. — **Th. Lavallée**, *Histoire de l'empire ottoman*, Парижъ, 1855. — **Zinkeisen**, *Geschichte des ostmanischen Reiches in Europa*, Гота, 1859.—**A. de Lamartine**, *Histoire de la Turquie*, Парижъ, 1855.— **De la Jonquière**, *Histoire de l'empire ottoman*, Парижъ, 1881.— **Розенъ**, *Исторія Турціи 1826—1856*, Спб., 1872.— **Lesur**, *Annuaire historique*, 1818—1848.— **Von Muench**, *Mahmud II, Padischach der Osmanen, sein Leben*, Штутгартъ, 1839. — **Beaujour**, *Voyage militaire de l'empire ottoman*, Парижъ, 1829.— **Walsh**, *Narrative of a journey from Constantinople to England*, Лондонъ, 1829.— **Urquhart**, *Turkey and its resources*, Лондонъ, 1833. — **Michaud et Poujoulat**, *Correspondance familière d'Orient*, Парижъ, 1833—1835. — **A. Boué**, *La Turquie d'Europe, ou observations sur la géographie, l'histoire naturelle, la statistique, les moeurs, les coutumes..., l'histoire et l'état de cet empire*, Парижъ, 1840. — **Мольтке**, *Письма о событіяхъ въ Турціи отъ 1835 до 1839 года*, Спб., 1871. — **D'Aubignosc**, *La Turquie nouvelle*, Парижъ, 1839. — **Urquhart**, *La Crise*, 1840.— Генералъ **Fabvier**, *Orient*, Парижъ, 1840.— **Roepell**, *Die orientalische Frage in ihrer geschichtlichen Entwicklung*, 1854. — **Ubicini**, *La question d'Orient devant l'Europe*, Парижъ, 1854.

B. Управленіе, реформы, внутреннія войны, паши. — **Caussin de Perceval**, *Précis historique de la destruction des janissaires par le sultan Mahmoud en 1826* (перев. съ турецкаго сочиненія Ассадъ-Эфенди), Парижъ, 1833. — **Bastelberger**, *Die militaerischen Reformen unter Mahmud*, Гота, 1874. — **Pouqueville**, *Vie d'Ali-Pacha*, Парижъ, 1822. — **Mendelssohn-Bartholdy**, *Ali-Pacha* (въ *Histor. Taschenbuch* Раумера), 1867. — **Prokesch-Osten**, *Mehemed-Ali*, Вѣна, 1877.

C. Войны. — **Moltke**, *Der russisch-türkische Feldzug in der Europäischen Türkei 1828 u. 1829*, Берлинъ, 2 изд., 1877.— **F. Iwanitschew**, *Geschichte des russisch-türkischen Krieges*, Ильменау, 1829.— **Ушаковъ**, *Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи 1828—1829 г.*, 1832. — **F. de Fonton**, *La Russie en Asie Mineure ou campagne du maréchal Paskiévitch en 1828 et 1829*, Парижъ, 1840.

Д. Внѣшнія сообщенія, дипломатія. — **Baron de Testa**, *Recueil de traités de la Porte ottomane*, Парижъ, 1865. — **М. Богдановичъ**, *Исторія царствованія имп. Александра I*, Спб., 1869.— **A. Balleydier**, *Histoire de l'empereur Nicolas*, Парижъ, 1857.— **A. Rambaud**, *Histoire de la Russie*, Парижъ, 1878. — **Бухаровъ**, *Россія и Турція*, Спб., 1878. — **A. Beer**, *Die orientalische Politik Oesterreichs*, Прага, 1883.— **F. de Gentz**, *Dépêches inédites aux hospodars de Valachie* (съ 1812 по 1828 гг., изд. Prokesch-Osten), Парижъ, 1876.— **Prince de Metternich**, Мемуары, документы и разныя сочиненія (т. III—VIII). Парижъ, 1882—1883. — **Müffling**, *Aus meinem Leben*, Берлинъ, 1851.— **Stapleton**, *George Canning and his times*.— **Greville**, *Les quinze premières années du règne de la reine Victoria*. — **Mac-Carthy**, *History of our own times from the accession of Queen Victoria*, Лондонъ, 1882 (1-я часть перев. на русск. яз.).— **De Viel-Castel**, *Histoire de la Restauration*, Парижъ, 1860—1878.— **L. Blanc**, *Histoire de dix ans*, Парижъ, 1841 и слѣд. — **Thureau-Dangin**, *Histoire de la monarchie de juillet*, Парижъ, 1886—1892.— **Guizot**, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*, Парижъ, 1858—1860.— **D'Haussonville**, *Histoire de la politique extérieure du gouvernement français* (1830—1848), Парижъ, 1850.— **Wurm**, *Diplomatische Geschichte der orientalischen Frage*, Лейпцигъ, 1858.

II. Греція — A. Общая исторія, путешествія, политика. — **Zinkeisen**, *Geschichte des Griechenlands*, Лейпцигъ, 1832.— Σουρμέλις, Ἱστορία τῶν Ἀθηνῶν, Эгина, 1834. — **Mendelssohn-Bartholdy**, *Geschichte Griechenlands*, Лейпцигъ, 1874. — Κ. Παπαῤῥηγόπουλος, Ἱστορία τοῦ Ἑλληνικοῦ ἔθνους, Аѳины, 1875.— **G. Finlay**, *A. History of Greece*, Оксфордъ, 1877.—**Hertzberg**, *Geschichte Griechenlands*, Гота, 1878. — **Lewis-Sergeant**, *New-Greece*. — **Yéméniz**, *La Grèce moderne*, Парижъ, 1862. — **Lesur**, *Annuaire historique*, съ 1818 по 1833 г. — **Blaquière**, *Report of the present state of the greek confederation*, Лондонъ, 1823. — **Waddington**, *Visite en Grèce dans les années 1823 et 1824*, Штутгартъ, 1825. — **Emerson**, *A picture of Greece in 1825*, Лондонъ, 1826. — **Pouqueville**, *Voyage de la Grèce*, Парижъ, 1825. — **H. Lytton-Bulwer**, *An autumn in Greece*, Лондонъ, 1826.— **Ibrahim-Manzour-Effendi** (французск. офицеръ, начальникъ инженерн. корпуса на службѣ у Али-паши), *Mémoires sur la Grèce et l'Albanie*, Парижъ, 1827. — **Hughes**, *Travels in Greece and Albania*, Лондонъ, 1830. — **Buchon**, *La Grèce continentale et la Morée*, Парижъ, 1843.—**F. Lenormant**, *La Grèce et les îles Ioniennes*, Парижъ, 1865. — **Capo d'Istria** (приписыв. графу I.), *Observations sur les moyens d'ameliorer le sort des Grecs*, Корфу, 1819. — **Coray**, *Exhortations politiques* (фр. пер.), Цюрихъ, 1823. — **Thiersch**, *De l'état actuel de la Grèce*, Лейпцигъ, 1833.—**Brandis**, *Mitheilungen über Griechenland*, Лейпцигъ, 1842. — **Sanders**, *Das Volksleben der Neugriechen*, Мангеймъ, 1844.

B. Революція и война за независимость. — Ξάνθος, Ἀπομνημονεύματα περὶ τῆς φιλικῆς ἑταιρίας, Аѳины, 1845, — Φίλιμον, Δοκίμιον ἱστορικὸν περὶ τῆς φιλικῆς ἑταιρίας, 1834. —**Al. Soutzo** *Histoire de la revolution grecque*, 1829. — **Pouqueville**, *Histoire de la régénération de la Grèce*, Парижъ, 1824. — **Gordon**, *History of the greek revo-*

lution, Лондонъ, 1832. — **E. Texier**, *La Grèce et ses insurrections,* Парижъ, 1854. — **Феоктистовъ**, *Борьба Греціи за независимость*, Спб., 1863.— **Dufey**, *Histoire de la régénération de la Grèce.*— **Гервинусъ**, *Исторія XIX вѣка*, т. V и VI (греческое возстаніе). — Φίλιμον, Δοκίμιον περὶ τῆς Ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως, Аѳины, 1859.—Τρικούπις, Ἱστορία τῆς Ἑλληνικῆς ἐπαναστάσεως, Лондонъ, 1853—1856. — **Raffenel**, *Les événements de la Grèce,* Парижъ, 1823. — **Stanhope**, *Greece during lord Byron's residence in that country in the years 1823 and 1824,* Лондонъ, 1824. — **M. Raybaud**, *Mémoires sur la Grèce pour servir à l'histoire de la guerre de l'indépendance,* Парижъ, 1825. — **Blaquière**, *La Révolution grecque, son commencement et son développement ultérieur* (нѣм. пер.), Веймаръ, 1825. — *Documents relatifs à l'état présent de la Grèce, publiés d'après les communications du comité philhellénique de Paris,* Парижъ, 1826 и слѣд. — Κ. Παπαδόπουλος, Ἀνασκευὴ τῶν εἰς τὴν ἱστορίαν τῶν Ἀθηνῶν ἀναφερομένων περὶ τοῦ στρατηγοῦ Ὀδυσσέως. — Графъ **Pecchio**, *Gemaelde von Griechenland im Jahre 1825,* (состав. по книгѣ **Belloc'a**, Bonaparte und die Griechen), Лейпцигъ, 1827.— **Fabvier**, *Correspondance et documents divers* (рукописи). — **Church**, *Observations on an eligible line of frontier of Greece,* Лондонъ, 1830. — **Codrington**, *Compressed narrative of the procedings of vice-admiral sir E. Codington,* Лондонъ, 1832. — Περῤέβος Απομνημονεύματα πολεμικά, Аѳины, 1836.— Βυζάντιος, Ἱστορία τοῦ τακτικοῦ στρατοῦ τῆς Ἑλλάδος, Аѳины, 1837.—Ι. Κολοκοτρόνις, Ἑλληνικὰ ὑπομνημονεύματα, Аѳины, 1856.—**Yéméniz**, *Scènes et récits des guerres de l'independance,* Парижъ, 1869.—**Jurien de la Gravière**, *La station du Levant*, Парижъ, 1876.— **A. Debidour**, *L'Expédition de Chio et le colonel Fabvier* (*Revue bleue,* 20 марта, 1897). — **A. Debidour**, *Le Général Fabvier, sa vie et ses écrits.*

C. Управленіе, дипломатія.—**Klüber**, *Diplomatische Geschichte der Widergeburt Griechenlands,* Франкфуртъ, 1835. — **Erskine**, *Letter on the subject of the Greeks to the earl of Liverpool,* Лондонъ, 1822.— *Portefolio Papers relative to the affairs of Greece, protocols of conferences held in London, presented to both houses of Parliament, by command of his Majesty,* Лондонъ, 1830—1832.— **Pellion**, *La Grèce et les Capodistrias,* Парижъ, 1855.—**Stamati Bulgari**, *Notice sur le comte J. Capodistrias,* Парижъ, 1832. — **Papadopoulos Vrétos**, *Mémoires biographiques, historiques, sur le président de la Grèce,* Парижъ, 1837—1838. — *Correspondance du comte Capodistrias, président de la Grèce* (29 апр. 1827—9 окт. 1831), Женева, 1839. Lettres et documents officiels sur les derniers événements de la Grèce qui ont précédé la mort du comte Capodistrias, Парижъ, 1831. — **Saint-René-Taillandier**, *Le roi Léopold et la reine Victoria,* Парижъ, 1878.—**Orelli**, *Recueil des documents relatifs à la constitution de la Grèce délivrée,* Цюрихъ, 1822.

Д. Литература.— **Fauriel**, *Chants populaires de la Grèce moderne,* Парижъ, 1824—1825. — **Schmidt-Phiseldeck**, *Neugriechische Lieder,* Брауншвейгъ, 1827. — **Kind**, *Neugriechische Volkslieder,* Лейпцигъ, 1827, 1849.— **A. Manouris**, *Chants populaires,* Корфу, 1850. — **De Marcellus**, *Chants populaires de la Grèce moderne,* Лейпцигъ, 1860.— **E. Legrand**, *Recueils le chansons populaires grecques,* Парижъ, 1873. — **Rizo Néroulos**, *Cours de littérature grecque moderne,* 1827.—**Nicolai**, *Geschichte der neugriechischen Literatur,* Лейпцигъ, 1876.

III. Сербія, Черногорія, Болгарія.— **Ранке**, *Исторія Сербіи,* Москва, 1857.— **P.-A.-F.-C. Possart**, *Das Leben des Fürsten Milosch,* Штуттгартъ, 1833. — **Blanqui**, *Voyage en Bulgarie,* Парижъ, 1843. — **Cyprien Robert**, *Les Slaves de la Turquie, Serbes, Monténégrins,* Парижъ, 1844.— **Bystrzonowski**, *Sur la Serbie dans ses rapports européens avec la question d'Orient,* 1845. — Князь **Михаилъ Обреновичъ**, *Miloch Obrénovitch,* Парижъ, 1850. — **Vuk Karadjitch**, *Das Leben des Fürsten Milosch;*—его же, *Die gesetzgebende Senat in Serbien zur Zeit Kara-Georgs,* Вѣна, 1860.— **Cunibert**, *Essai historique sur les révolutions et l'indépendance de la Serbie dépuis 1805 jusqu'en 1850,* Лейпцигъ, 1855. — **F. Lenormant**, *Turcs et Monténégrin,* Парижъ, 1866. — **H. Thiers**, *La Serbie, son passé et son avenir,* Парижъ, 1862. — **Ubicini**, *Les Serbes de Turquie,* Парижъ, 1865.— **Нилъ Поповъ**, *Россія и сербія* (1806—1836), Москва, 1869. — **Saint-René-Taillandier**, *La Serbie, Kara-Georges, et Milosch,* Парижъ, 1871. — **I. Reinach**, *La Serbie et le Monténégro,* Парижъ, 1876.—**Brunswick**, *Recueil de documents diplomatiques relatifs au Monténégro,* Парижъ, 1876. — **Иречекъ** (Іос.-Констант.), *Исторія болгаръ* (на нѣм. и чешск. яз.), Прага, 1876; русск. переводъ, изд. Буномъ и Палаузовымъ (Одесса, 1878), дополненъ авторомъ.— **Milakovitch**, *Storia di Montenegra,* Рагуза, 1877.— **Ровинскій**, *Отношенія между Россіей и сербами,* въ *Древ. и Нов. Россіи,* 1877. — **B.-V. Kallay**, *Geschichte der Serben* (нѣм. перев.), Будапештъ, Вѣна и Лейпцигъ, 1878. — **Добровъ**, *Южные славяне:* Турція и соперничество европейскихъ государствъ, Спб., 1879. — **E. Maton**, *Histoire du Monténégro,* Парижъ, 1881. — **Chiudina**, *Storia del Montenegro,* Спалато, 1882.—**Louis Leger**, *La Save, le Danube et le Balkan,* Парижъ, 1884.—Его же, *La Bulgarie,* Парижъ, 1886.—**М. Милићевић**, *Кназ Милош* (анекдоты и преданія), Бѣлградъ, 1891;— *Біографія знаменитыхъ сербовъ новаго времени,*

Бѣлградъ, 1888. — E. de Laveleye, *La Péninsule des Balkans*, Парижъ, 1888.

Вук Караџиh, *Српске народне пјесме* (русск. перев. **Востокова**, въ *Сѣверныхъ цвѣтахъ* 1827 и въ *Поэзіи славянъ*, **Гербеля**,);—*Славенске пословице;— Сербскія народныя сказки.*—**M-me I. Talvy**, *Volkslieder der Serben*, 1835.—**Dozon**, *Poésies populaires serbes* (фр. пер.), Парижъ, 1859;—*Chansons populaires bulgares* (фр. пер.), Парижъ, 1875.— **Ljubick**, *Ogledalo jugoslav Knjizevnosti* (Очеркъ литературы южныхъ славянъ), Фіуме, 1864.—**Новаковиh**, Историја српске књижевности (Исторія сербской литературы), Бѣлградъ, 1867 (есть русск пер.). — **Jagić**, *Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga* (исторія хорватской и сербской литературы), Загребъ, 1867 (русск. перев. въ Казани, 1871). — **Šafařik**, *Gesch. der slav. Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, 1826. — **Пыпинъ и Спасовичъ**, *Исторія славянскихъ литературъ*, Спб. 1877.

IV. Румынія. — **De Salaberry**, *Essai sur la Valachie et la Moldavie*, Парижъ, 1821. — **Wilkinson**, *Historical sketch of Mold. and Wal.*—**F.-A.-R.**, *Lettres sur la Valachie*, Парижъ, 1821. — **Carra**, *Histoire de la Moldavie et de la Valachie*, — **Zallony**, *Essai sur les princes de la Valachie et de la Moldavie connus sous le nom de Fanariotes*, Парижъ, 1830. — **Cogalniceano**, *Histoire de la Valachie et de la Moldavie et des Valaques transdanubiens*, Берлинъ, 1837.— **Colson**, *De l'état présent et de l'avenir des principautés de Moldavie et de Valachie*, Парижъ, 1839.— **Thouvenel**, *La Hongrie et la Valachie*, Парижъ, 1840. — **Georges Bibesco**, *Paul Kisseleff et les principautés de Valachie et de Moldavie*, 1841; — Его же, *De la situation de la Valachie sous l'administration d'Alexandre Ghika*, Брюссель, 1842. — **Заблоцкій-Десятовскій**, *Графъ Киселевъ и его время*, 4 тома.— **Vaillant**, *La Roumanie*, Парижъ, 1845; — Его же, *Actes diplomatiques constatant l'autonomie politique de la Roumanie*, Парижъ, 1857.— **Ubicini**, *Lettres sur la Turquie*, Парижъ, 1846—1851; — Его же, *La question d'Orient devant l'Europe*, Парижъ, 1854;— Его же, *Provinces roumaines*, (въ *Univers pittoresque*), Парижъ, 1856;—*Le prince Bibesco et son administration*, Брюссель, 1847. — **Bellanger**, *Mémoire justificatif de la révolution roumaine du 11 juin 1848*, Парижъ, 1848.— **Aurélien Ghica**, *La Valachie moderne*, Парижъ, 1850.—**Jean** (или **Jon**) **Ghica**, *Dernière occupation des Principautés danubiennes*, трудъ, напечатанный подъ именемъ G. Chainoi (анаграмма Jon'a Ghica), Парижъ, 1841;— Его же, *Souvenirs d'exil*, Бухарестъ, 1870;—Его же, *Lettres à B. Alecsandri*, Бухарестъ, 1887.—**Radulesco**, *Mémoires sur l'histoire de la régénération roumaine*, 1851. — **Saint-Marc-Girardin**, *Souvenirs de voyages et d'études*, Парижъ, 1852—1853.— **Constantin Philippesco**, *Mémoire sur les conditions d'existence des principautés danubiennes*, 1854.— **Alexandri**, *Ballades et chants populaires de la Roumanie* (фр. пер.), Парижъ, 1855. — **Ganesco**, *La Valachie depuis 1830 jusqu'à nos jours*, Брюссель, 1855.— **Elias Regnault**, *Histoire politique et sociale des principautés danubiennes*, Парижъ, 1855.— **Eliade**, *Le Protectorat du czar ou la Roumanie*, 1850. — **Edgar Quinet**, *Les Roumains*, Парижъ, 1855.— **Bolintineano**, *Les Principautés roumaines*, 1857. — **Harrian Papiu**, *Tesaur de monumente istorice*, Бухарестъ, 1864.— **F. de Gentz**, *Dépêches inédites aux hospodars de Valachie (de 1812 à 1828)*, издан. Prokesch-Osten'омъ, Парижъ, 1876.— **Xenopol**, *Études historiques sur le peuple roumain* (на фр. яз)., Парижъ, 1887; — Его же, *Istoria Rominilor*, Яссы, 1888—1893, 6 т. in-8⁰ (въ сокращ. видѣ на франц. яз. въ *Histoire des Roumains de la Dacie trajane*, Парижъ, 1896). — **V.-A. Urechia**, *Istoria Rominilor*, Бухарестъ.

Глава V.

Испанія и Португалія.

I. Испанія.

Подлинные документы. — *Decretos del rey D. Fernando VII desde el principio de su reynado hasta fines de 1824*, Мадридъ, 1815—25, 9 т. in-4⁰. — **D. Francisco Arguelles**, *Diario de las sesiones de Cortès celebradas en Sevilla y Cadiz*, Мадридъ, 1858; *Real cedula de S. M. sobre correcciones de costumbres*, Мадридъ, 1829 (серія королевскихъ постановленій, возстановляющихъ старыя сословія въ ихъ правахъ и привилегіяхъ).

Общія исторіи. —**Lafuente**, *Historia general de España* (т. XVIII и XIX), Барцелона, 1890. — **Gustave Hubbard**, *Histoire contemporaine de l'Espagne*, Парижъ, 1867. —**G. G. Gervinus**, *Geschichte des XIX Jahrhunderts*, Лейпцигъ, 1856 – 66, 8 т.— **Baumgarten**, *Geschichte Spaniens*, 3 т., 1865—71.— **Diercks**, *Geschichte Spaniens*, 2 т., Берлинъ, 1895.

Отдѣльныя историческія сочиненія. —**Michel I. Quin**, *Memorias historicas sobre Fernando VII*, Валенція-Мадридъ, 1840, 3 т. **Marliani**, *Apuntes sobre et arresto de los vocales de Cortes*, Мадридъ, 1820. — **Marques de Miraflores**, *Apuntes historicos para escribir la historia de España del 20 al 23* (небольшое произведеніе съ нѣсколькими томами приложеній).—**Miñano**, *Histoire de la Révolution d'Espagne de 1820 à 1823*, Парижъ, 1824, 2 т. — **Chateaubriand**, *Congrès de Vérone; guerre d'Espagne*, Парижъ, 1838, 2 т.—**Abel Hugo**,

Histoire de la campagne d'Espagne en 1823, 2 т. in-8⁰. — **Martignac**, *Essai historique sur la révolution d'Espagne et l'intervention de 1823.— Vies du général D. José Maria de Torrijos,* соч. **Dona Luisa Saenz de Viniegra**; *D. Tadeo Calomarde,* соч. **D. Francisco de Cardenas**; *D. Augustin Arguelles,* соч. **D. Evaristo San Miguel**. — *Memorias del general Espoz y Mina,* Мадридъ, 1851 — 52, 5 т. in-4⁰.

Miraflores, *Memorias para la historia de Isabel II,* 1843.—**Javier de Burgos**, *Anales del reinado de Isabel II,* 1850.—**Marliani**, *Historia politica de España moderna,* Мадридъ, 1841. — Его же, *La regencia de Espartero.* — **D. Fermin Caballero**, *El gobierno y las cortes del estatuto,* Мадридъ; *Los dos principios (opusculo politico por un amante del sistema constitucional), Algerias,* 1837; *Exercito del rey N. S. D. Carlos* (16 мая 1835— 8 авг. 1836), офиціальный журналъ карлистской арміи.—**Pirala**, *Historia de la guerra civil y de los partidos liberal y carlista,* Мадридъ, 1868 — 70, 6 т. in-8⁰. — **D. Luis Fernandez de Cordoba**, *Memorias,* Парижъ, 1837;—*Españoles, alerta! observaciones acerca del estado critico en que se halla España,* Кадиксъ, 1840;—*Antipatia entre Franceses y Españoles con la indicacion de su remedio,* Мадридъ, 1838.

Труды, касающіеся литературы и нравовъ.—**D. Eugenio de Ochoa**, *Apuntes para una bibliotheca de escritores españoles contemporaneos,* Парижъ, 1840, 2 т.—**D. Ramon de Mesonero Ramanos**, *Panorama madrilense, cuadros de costumbres de la capital por un curioso parlante,* Мадридъ, 1835—38, 3 т. in-8⁰.—**D. Nicolas de la Roda**, *Articulos de costumbres,* Гренада-Мадридъ, 1845. — *Los Españoles pintados por si mismos,* Мадридъ, 1843, 2 т.— **D. Alphonso Garcia Tejero**, *Maravillas de Madrid (obra satirica de costumbres populares),* Мадридъ, 1847. — **D. Patricio de la Escosura**, *Estudios historicos sobre las costumbres españolas,* Мадридъ, 1851, in-8⁰.

II. Португалія.

A. Halliday, *The present state of Portugal,* Эдинбургъ, 1812.—**Anonyme**, *Memoria sobre a conspiração de 1817,* Лиссабонъ, 1822 (писано, вѣроятно, подъ наблюденіемъ Бересфорда).—**Arriaga**, *Historia da revolução portugueza de 1820,* Порторико, 1886—89, 4 т. in-8⁰.—**Balbi**, *Essai statistique sur le Portugal,* 1822.—**Baillie**, *Lissaboa in den Jahren 1821—23,* Штуттгартъ, 1827.—**Brown (Captain)**, *An historical view of the revolutions of Portugal since the close of the peninsular war,* Лондонъ, 1827.—**I.-I. da Silva Maia**, *Memorias historicas, politicas e philosophicas da revolução do Porto en Maio de 1828,* Ріо-Жанейро, 1841. — **D. Miguel**, *Manifesto de Sua Magestade fidelissima,* Лиссабонъ, 1832. — **Comte de Bordigné**, *Légitimité portugaise,* Парижъ, 1830. —**A. da Silva, Lopes Rocha**, *Injuste acclamation du seigneur infant D. Miguel,* Парижъ, 1828.— **Anonyme**, *Exposé des droits de S. M. Doña Maria II,* Парижъ, 1830.—**Carvalho**, *Essai historique et politique sur la constitution et le gouvernement du Portugal,* Парижъ, 1830. — **Marquis de Rezende**, *Éclaircissements historiques,* Парижъ, 1832.— **Jose Liberato Freire de Carvalho**, *Memorias... para a historia do tempo que durou a usurpação de D. Miguel,* Лиссабонъ, 1841—43, 4 т. in-8⁰; *Ensaio politico sobre as causas que preparão a usurpação de D. Miguel no anno de 1828,* Лиссабонъ, 1842. — **Lloyd Hodges**, *Narrative of the expedition to Portugal in 1832, under the orders of. D. Pedro,* Лондонъ, 1832, 2 т. in-8⁰.—**Raimundo Jose de Cunha Mattos**, *Memorial da campanha de D. Pedro d'Alcantara, ex-imperador do Brasil,* Ріо-Жанейро, 1833, 2 т. in-8⁰.

Luz Soriano, *Historia da guerra civil e do estabelecimento do governo parlamentar em Portugal, comprehendendo a historia diplomatica, militar y politica deste reino,* Лиссабонъ, 1866 — 84, 14 т. in-8⁰. — **Oliveira Martins**, *Portugal contemporaneo,* Лиссабонъ, 1895, 2 т.—**Bouchot**, *Histoire du Portugal,* Парижъ, 1854.—**Minutoli**, *Portugal und seine Colonien.* Штуттгартъ, 1855. — **Macedo**, *Traços da historia contemporanea.* — **Goblet d'Alviela**, *Établissement des Cobourg en Portugal,* Брюссель, 1869.

Глава VI.

Революція 1830 года во Франціи.

Документы.—Неизданные документы: въ *Національномъ архивѣ* и въ архивахъ различныхъ министерствъ — иностранныхъ дѣлъ, военнаго и проч.

Изданные документы: офиціальные акты и парламентская исторія—въ *Монитёрѣ.—Archives parlementaires* до тома LXII.—Текстъ Хартіи—у **F.-A. Hélie**, *Les Constitutions de la France,* 1879. — Газеты: *Journal des Débats, Constitutionnel; Quotidienne, Drapeau blanc; Courrier français, Globe; National, Tribune, Temps.—Annuaire historique universel* съ 1818 г

Общія сочиненія.— **Viel-Castel**, *Histoire de la Restauration,* 1860—1878, 20 т.— **Duvergier de Hauranne**, *Histoire du gouvernement parlementaire en France,* 1814—1830, 10 т.—**Vaulabelle**, *Histoire des deux Restaurations,* 1844, 6 т. — **Nettement**, *Histoire de la Restauration,* 1860—68, 6 т.— **Hamel**, *Histoire de la Restauration,* 1887, 2 т.— **Dulaure et Auguis**, *Histoire de la Révolution... depuis 1814 jusqu'à 1830,* 1834—38, 8 т.

Монографіи.—E. Daudet, *La Terreur blanche*, 1878.—De Grandmaison, *La Congrégation, 1801—1830,* 1889. — De Riancey, *Histoire critique de la liberté de l'enseignement en France,* 2 т., 1844. — E. Pierre, *Histoire des assemblées politiques en France,* 2 т., 1877. — G. Weil, *Les élections législatives depuis 1789,* 1895.—Aucoc, *Conférences sur le droit administratif,* 3 т., 1878.—Stourm, *Le budget, son histoire et son mécanisme,* 3 изд., 1896.—E. Levasseur, *Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789,* 2 т., 1867.—Thureau-Dangin, *Le parti libéral sous la Restauration,* 1876.—Bardoux, *La Bourgeoisie française,* 1886.

Мемуары, письма, рѣчи.—Chateaubriand, *(Mémoires d'Outre-Tombe).*—Vitrolles, 1883. — Villèle, 1890. — Hyde de Neuville, 1889. — Guizot, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps,* 1858—1868, 9 т. — Pasquier, 1893. — De Barante, 1890.—Duc de Broglie, 1886.—D'Haussez (въ *Revue de Paris,* 1894).—De Rémusat, 1883—1887, 6 т.—Beugnot, 1866.—Графъ Ferrand, 1897.— Герцогиня de Gontaut-Biron, 1892.—Montlosier, Mémoire à consulter, 1826.—Paul-Louis Courier, *Pamphlets.—Mémorial de l'Hôtel de Ville,* 1830 (анонимно).

Портреты.—Armand Dayot, *Les Journées révolutionnaires,* 1 т., 1897.

Глава VII.

Царство Польское. Возстаніе.

Царство Польское. — Князь Adam Czartoryski, *Mémoires et correspondance,* Парижъ, 1887, 2 т. — Oginski, *Mémoires,* Парижъ, 1833, 4 т.—Графъ Angeberg, *Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne* (1762—1862), Парижъ, 1862.—*Документы, объясняющіе исторію западно-русск. края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ,* Спб., 1865.—Wybicki (Іос.), *Pamiętniki* (1764—1822), изд. Рачинскимъ, Познань, 1840, 4 т.—X. Liske, *Polnische Diplomatie im J. 1826,* Лейпцигъ, 1867 (брошюра).—Fr. Skarbek, *Dzicje księstwa warszawckiego,* Познань, 2-е изд., 1876.—K. Kozmian, *Pamiętniki* (1780—1815), Познань, 1858.—Trembicka, (Françoise), *Mémoires d'une Polonaise* (1764—1830), Парижъ, 1841, 2 т.—Seb. Ciampi, *Viaggio in Polonia nella state del 1830,* Флоренція, 1831.—H. Harring, *Mémoiren über Polen unter russischen Herrschaft,* „Deutschland", 1831.

Русско-польская война.— Генералъ Пузыревскій, *Польско-русская война 1831 г.,* содержащая донесеніе начальника главнаго штаба Прондзинскаго, на франц. языкѣ (адресовано Николаю, какъ королю Польши; весьма любопытная откровенность), Спб., 1878, 2 т.—Николай I, *Переписка съ Дибичемъ* о возстаніи Польши, въ *Русск. старинѣ,* 1884—1886.—E. Knorr, *Die polnische Aufstaende seit 1830,* Берлинъ, 1880.—Von Schmitt, *Gesch. d. polnischen Aufstandes 1831,* Спб., 1863—1864 (русск. перев. Квитницкаго).—Kunz, *Polnisch-Russische Kriege,* 1891. — Bruck, *Gesch. d. Poln. Revolution, 1830—31,* 2-е изд., Гамбургъ, 1848.—Brzozowski (Маріанъ), *La guerre de Pologne en 1831,* Лейпцигъ, 1833. — L. Mieroslawski, *Hist. de la révolution de Pologne,* 3 т., Парижъ, 1836 и 1838; тотъ же или почти тотъ же трудъ (на польск. яз.), издан. Ledochowsk'aго, Парижъ, 1845—1868, 5 т.—H. Dembinski, *Sur la campagne de Lithuanie,* Страсбургъ, 1832; (на нѣм. яз) *Feldzug nach und in Lithauen und Rückzug.* Лейпцигъ 1832.—Его же, *Pamiętnik,* Краковъ, 1877, 3 т. — Pitkiéwicz (Михаилъ), *La Lithuanie et sa dernière insurr.,* Брюссель, 1832.— Wrotnowski (Феликсъ), *Воспоминанія о возстаніи,* и пр. (на польск. яз.), Парижъ, 1835—38, 3 т.—K. Forster, *Powstanie,* и пр., Берлинъ, 1873.—I. Falkowski, *Upadek powstania polskiego w 1831 r.,* Познань, 1881.—Витмеръ, *Хлопицкій въ битвѣ при Гроховѣ* (1831), въ *Русск. Стар.,* 1879.—Zwierkowski (Валентинъ), *Historya ostatnich zdarzeń 1831 r.,* Парижъ, 1843, и *Korpus drugi w r. 1831, z mapą,* Парижъ, 1844.—Niemojowski (Бонав.), *Historya ostatnich zdarzeń rewolucyi polskiej,* Парижъ, 1833.—Генералъ Dwernicki, *Pamiętniki,* Львовъ, 1870.—Von Schmitt обнародовалъ подъ заглавіемъ *Feldherrn Stimmen,* 1858, цѣнныя воспоминанія о русскихъ и польскихъ генералахъ; русск. изд. Квитницкаго, Спб., 1867.

Мемуары о революціи.—Wysocki (Петръ), *Воспоминанія о 29 ноября 1830 г.,* обнародов. въ *Biblioteka ludowa polska.*—Zaluski (Іос.), *Wspomnienia o rewolucyi polskiej,* Краковъ, 1860.—I. Glębocki, *Wspomnienia z r. 1830—31* и пр. — Mochnacki (Маврикій), *Powstanie narodu polskiego,* Берлинъ—Познань, 3-е изд., 1863, 3 т.; рус. пер. въ *Русск. Стар.,* мартъ, 1890.—Czyński (Ив.), *Noc 15 sierpnia 1831 r. w Warszawie;* есть франц. перев. Ordyniec'a, Парижъ, 1832.—Podczaszinski (Мих.), *La nuit du 29 nov. 1830 à Varsovie,* Парижъ, 1835.—Мемуары католическаго священника Бутневича, перев. съ польск., въ *Русск. Стар.,* августъ. 1858.—Графиня Блудова, *Записки* (о польскомъ возстаніи), въ *Русск. Архивъ,* 1873, т. II; *Воспоминанія, Ibid.,* 1872—1875.—Партизанъ Д. В. Давыдовъ, *Воспоминанія* въ *Русск. Стар.* 1872.

Біографіи.—L. Gadon, *Książe Adam Czartoryski podczas powstania listopadowego,* Краковъ, 1900, 2-е изд.— Ant. Ostrowski, *Żywot Tomasza Ostrowskiego* (1795—1817), Парижъ, 1856.—Kolaczkowski (Климентъ), *Życiorys gienierala Prądcih-*

skiego, Познань, 1851. — **Карновичъ**, *Цесаревичъ Константинъ Павловичъ* (1779—1831), въ *Русск. Стар.*, 1877, т. II.—Генералъ **Щербатовъ**, *Генер.-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ*, Спб., 1888—94, 4 т.

Плѣнные; эмиграція; легіоны.—**Horaïn**, (Викентій), *Описаніе событій... корпуса Раморино* (на польск. языкѣ), Познань, 1849.—**Budzynski**, (Михаилъ), *Quatre années dans la Galicie autr. (1833—36), par un prisonnier polonais*, Брюссель, 1838. — **E. Z. K. P.**, *Воспоминанія осужденнаго литовца* (1806—1834), Познань, 1887 (на польск. языкѣ).— **L. Gadon**, *Sur la vie des Polonais en France*, Парижъ, 1883.—**Wysocki** (Іос.), *Воспоминанія о польскомъ легіонѣ въ Венгріи* (1848—1849, на польск. языкѣ), Познань 1850. — **C. Goehring**, *Gesch. d. poln. Volkes, 1847—1850*, Лейпцигъ, 1851.

Дѣла Кракова. — **Николай I**, *Переписка съ Паскевичемъ* о краковскихъ дѣлахъ, въ *Русск. Старинѣ*, 1885.—**Tessarczyk** (Ант.), *Rzecz Pospolita Krakowska pod protektoratem trzech państw północnych*, Краковъ, 1803. — **Wodzicki** (Стан.), *Wspomnienia z czasów Rzeczy Pospolitej Krakowskiej*, Краковъ, 1888.—**L. Chodzko**, *Les massacres de Galicie et Cracovie confisquée par l'Autriche*, Парижъ, 1861.

Глава VIII.

Возстаніе въ Бельгіи.

Источники.—Собранія документовъ.—*Esquisses historiques de la Révolution en Belgique en 1830*, Брюссель, 1830. — **A.-R. Falck**, *Brieven*, (1795—1843), Гаага, 1857.—*Histoire parlementaire du traité de paix du 19 avril 1839*, 2 т. in-8⁰, Брюссель, 1839.—**Huyttens**, *Discussions du congrès national de Belgique*, 1830—31, 5 т. in-8⁰, Брюссель, 1844—45.—**Lagemans**, *Recueil des traités et conventions conclus par le royaume des Pays-Bas avec les puissances européennes depuis 1813*, 10 т. in-8⁰, Гаага, 1858—90. **Lesur et Tensé**, *Annuaire historique*, особенно за 1830—32 гг.—**J. Thorbecke**, *Brieven*, изд. Принстерерь, in-8⁰, Амстердамъ, 1873.—**Verstolk van Soelen**, *Recueil de pièces diplomatiques relatives aux affaires de la Belgique en 1830—32*, 3 т. in-8⁰, Гаага, 1831—33.

Мемуары и сочиненія современниковъ.— **Barthels**, *Les Flandres et la Révolution belge*, Брюссель, 1834.—**B. Constant**, *Tableau politique du royaume des Pays-Bas*, Парижъ, 1817.—**Van der Duyn van Maasdam** и **Van der Capellen**, *Souvenirs biographiques*, Saint-Germain-en-Laye, 1852.—**De Gerlache**, *Histoire du royaume des Pays-Bas depuis 1814 jusqu'en 1830*, 3 т. in-8⁰, 4-е изд., Брюссель, 1875 (т. III содержитъ документы). — Генералъ **Goblet**, *Mémoires historiques*, 2 т. in-8⁰, Брюссель, 1864—65.—**G.-K. van Hogendorp**, *Brieven en gedenkschriften*, 4 т. in-8⁰, Гаага, 1866—87.—**Huybrecht**, *Le règne de Guillaume I-er en Belgique* (*Rev. trimestrielle*, XIII); *La révolution belge de 1830* (*ibid.*, XIV, XV и XVII). — **Keverberg**, *Du royaume des Pays-Bas... et de la crise actuelle*, 2 т. in-8⁰, Гаага, 1835.—**J. Lebeau**, *Souvenirs personnels et correspondance diplomatique* (1824—41), изд. Freson, in-8⁰, Брюссель, 1883.—**Van der Meere**, *Mémoires*, in-8⁰, Брюссель, 1880.—**J.-B. Nothomb**, *Essai historique et politique sur la révolution belge*, 1-е изд. 1833; 4-е изд., 3 т. in-8⁰, Брюссель, 1876.—**K. Pletinckx**, *Souvenirs révolutionnaires*, Брюссель, 1857.—**L. de Potter**, *Souvenirs personnels*, 2 т. in-8⁰, Брюссель, 1839. — **Ch. White**, *The belgian revolution* (1835), франц. пер., 2 т. in-12⁰, Парижъ, 1836.

Брошюры и газеты.— **Ch. Froment**, *Coup d'oeil sur le royaume des Pays-Bas*, 1829; *Études sur la révolution belge*, Гентъ, 1834. — Графъ **Hogendorp**, 12 брошюръ, 1830—31 г.—**Libri-Bagnano**, *La ville rebelle ou les Belges au tribunal de l'Europe*, Гаага, 1831.—**De Potter**, *Union des catholiques et des liberaux* (іюнь 1829), и пр.

Главными газетами бельгійской оппозиціи въ ея борьбѣ противъ голландскаго правительства были: *Courrier des Pays-Bas*, *Courrier de la Meuse*, гентскій *Catholique*, люттихскій *Politique*.—Голландцы защищались главнымъ образомъ въ брюссельскомъ *National* и въ гаагскихъ *Nederlansche gedachten*.

Книги.—Общія исторіи.—**Abbé Balau**, *70 ans d'histoire contemporaine de la Belgique* (1815—84), 4-е изд., Лувенъ, 1891.—**De Bosch-Kemper**, *Staatkundige geschiedenis van Nederland* (1815—30) in-8⁰, Амстердамъ, 1868.—**Gervinus**, *Geschichte des XIX Jahrh.* — **Hymans**, *Histoire politique et parlementaire de la Belgique de 1814 à 1830*, in-8⁰, Брюссель, 1869; *Histoire parlementaire de la Belgique*, (1831—80), 6 т. in-8⁰, Брюссель, 1877—80.—**Nijhoff**, *Staatkundige geschiedenis van Nederland*, II, Zutphen, 1893.—**W.-J. Nuyens**, *Geschiedenis van het Nederlandsche Volk von 1810 tot op onze dagen*, 4 т. in-8⁰, Амстердамъ, 1883—86.—**C. Poilmont**, *La Belgique depuis 1830 jusqu'en 1848*, in-8⁰, Брюссель, 1852.

Монографіи.—**De Bavay**, *Histoire de la révolution belge de 1830*. in-8⁰, Брюссель, 1873.—**Discailles**, *Ch. Rogier, d'après des documents inédits*, in-8⁰, Брюссель, 1892.—**Th. Juste**, *Le soulèvement de la Hollande en 1813 et la fondation du royaume des Pays-Bas*, in-8⁰, Брюсс., 1870; *La révolution belge de 1830, d'après des documents inédits*, in-8⁰, Брюсс., 1872; *Les fondateurs de la monarchie belge*, 22 т. біографій, Брюсс., 1866—77; *Le congrès national de Belgique*, 2 т. in-8⁰, Брюсс., 1880; *Léopold I-er et Léopold II, leur vie et leur*

règne, in-8⁰, Брюсс., 1872.—**Ch. Lefebvre de Bécour,** *La Belgique et la révolution de juillet,* in-8⁰, Парижъ, 1835.—**Thonissen,** *La Belgique sous le règne de Leopold I-er,* 3 т. in-8⁰, Лувенъ, 1861; *Vie du comte Felix de Mérode,* ibid., 1861; *La constitution belge annotée,* 3-е изд., Брюсс., 1879.—**Ungewitter,** *Gesch. der Niederlande und der belgischen Revolution,* Лейпцигъ, 1832.

См. въ *Revue des Deux Mondes* рядъ статей, особенно **Carné, Laugel'я, Lefebvre de Bécour'а** и **Saint-René Taillandier.**

Глава IX.

Францiя. Iюльская монархiя.

Документы.—См. выше библiогр. къ гл. VI, стр. 330.—*Les Archives parlementaires,* т. LXXXV; послѣднiй выпускъ останавливается на 1834 г.—Къ газетамъ и перiодическимъ изданiямъ добавить: *Charivari, Avenir, Réforme, Univers; Revue des Deux Mondes.*

Мемуары, письма, рѣчи и пр. **Casimir Perier,** *Opinions et Discours,* 4 т., 1838.—**Guizot,** *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps,* 1858—1868, 9 т.—**Duc de Broglie,** *Écrits et Discours,* 1863, 3 т.; *Souvenirs,* 1886.—**Thiers,** *Discours,* I—XII, 1879—1883.—**Tocqueville,** *Oeuvres et Correspondances inédites,* 2 т., 1860.—**Odilon Barrot,** *Mémoires,* 2 т., 1874—1875.—**Doudan,** *Correspondance.*—**Lamennais,** *Oeuvres,* въ особенности—*Correspondance,* 1873, и *Revue de Paris,* 1897.—**Montalembert,** *Du devoir des catholiques dans la question de la liberté d'enseignement,* 1843; *Trois discours sur la liberté de l'Église, la liberté d'enseignement et la liberté des ordres monastiques,* 1844.—*Des intérêts catholiques au XIX-e siècle,* 1852.—**Montalivet,** *Le roi Louis-Philippe et la liste civile,* 1851.—*Rien! Dix années de gouvernement parlementaire,* 1862.—**Ledru-Rollin,** *Mémoire sur les événements de la rue Transnonain,* 1836; *Discours et plaidoyers.*—**Louis Blanc,** *L'organisation du travail,* 1839.—**Enfantin,** *Oeuvres,* въ соединенiи съ сочиненiями Saint-Simon'а, 14 т., 1868.—**Giquel,** *Mémoires d'un préfet de police,* 1840.—**Гейне,** *Письма изъ Францiи; Лютецiя* (въ Собранiи сочиненiй).—**D-r Ménière,** *Journal de la captivité de la duchesse de Berry à Blaye,* 2 т.—**Taschereau,** *Revue rétrospective,* 1848, *recueil de documents secrets du gouvernement de Louis-Philippe.*

Общiя сочиненiя.—**Thureau-Dangin,** *Histoire de la monarchie de juilleit,* 7 т., 1887—1892.—**Н. Г. Чернышевскiй,** *Iюльская монархiя,* въ *Совр.,* 1860, №№ 1, 2 и 3 (изложенiе **Луи Блана**—*Histoire de dix ans*).—**H. Hillebrand,** *Geschichte Frankreichs, 1830—1848,* 2 т., 1877—1879.—**Рохау,** *Исторiя Францiи отъ 1814 до 1852 г.,* 2 т., Спб. 1865.—**Грегуаръ,** *Исторiя Францiи въ XIX вѣкѣ,* Москва, 4 т., съ 1893 г.—**Elias Regnault,** *Histoire de huit ans,* 3 т.—**De Carné,** *Histoire du gouvernement représentatif en France, 1789—1848,* I т.—**Карѣевъ,** *Исторiя Зап. Европы въ новое время,* т. IV.—**Веберъ,** *Всеобщая Исторiя,* т. XV.—**Файфъ,** *Исторiя XIX вѣка.*

Монографiи.—**L. de la Hodde,** *Histoire des sociétés secrètes et du parti [républicain de 1830 à 1848,* 1850.—**Stein,** *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich,* 3 т., 1850.—**Levasseur,** *Histoire des classes ouvrières en France depuis 1789,* 2 т., 1867.—**А. Михайловъ-Шеллеръ,** *Пролетарiатъ во Францiи,* Спб., 1869.—**Giraudeau,** *La presse périodique de 1789 à 1867.*—**E. Pierre,** *Histoire des assemblées politiques en France,* 2 т., 1877.—**G. Weil,** *Les élections législatives depuis 1789,* 1 т., 1895.—**A. Leroy-Beaulieu,** *Les catholiques libéraux de 1830 à nos jours,* 1 т., 1885.—**De Riancey,** *Histoire critique de la liberté d'enseignement en France,* 2 т., 1844.—**D'Haussonville,** *Lacordaire,* 1 т., 1895.—Виконтъ **de Meaux,** *Montalembert,* 1 т., 1897.—**Bardoux,** *La Bourgeoisie française,* 1886.—**E. Daudet,** *Le procès des ministres,* 1830, 1 т.—**Général Dermoncourt,** *La Vendée et Madame,* 1 т., 1834.—**Nettement,** *Les mémoires de la duchesse de Berry,* 1 т.—**Thirria,** *Napoléon III avant l'Empire, 1808—1851,* 1 т.—**Ю. Жуковскiй,** *Прудонъ и Луи Бланъ,* 1867.—**Ch. de Lacombe,** *Vie de Berryer,* 3 т.—**Barante,** *Royer-Collard,* 2 т.

Портреты.—**Armand Dayot,** *Les journées révolutionnaires,* 1 т. 1897.

Для жизни и нравовъ: шаржъ **Louis Reybaud,** *Jérôme Patureau à la recherche d'une position sociale.*—**G. Flaubert,** *l'Éducation sentimentale.*

Глава X.

Гражданскiя и военныя учрежденiя Францiи.

I. **Документы.**—**Duvergier,** *Collection général des lois et décrets,* т. XIX по XLVIII.—**Faustin Hélie,** *Les constitutions de la France,* Парижъ, 1880.—**Vuatrin** и **Batbie,** *Lois administr. françaises,* Парижъ, 1876.—**De Beauchamp,** *Recueil des lois et règlements sur l'enseignement supérieur,* Парижъ, т. I, 1880.—*Протоколы* Комиссiи народнаго просвѣщенiя.—*Законопроекты:* 1) о преподаванiи законовѣдѣнiя; 2) о преподаванiи и примѣненiи медицины и фармацiи, представленные въ палату перовъ 9 марта и 15 февраля 1847 г. (у **Liard** *L'enseignement supérieur en Franse,* Парижъ, т. II (1894), прилож. *A* и *B*).—*Le Moniteur universel* съ 1814 по 1848 г.

II. **Книги. — Общія.** — C. Dareste, *Histoire de France*, 2-е изд., Парижъ, т. IX, 1880.—Vaulabelle, *Histoire des deux Restauration*, Парижъ, 1847—1854, 7 т.—De Lamartine, *Histoire de la Restauration*, Парижъ, 1861—1862, 6 т.—Nettement, *Histoire de la Restauration*, Парижъ, 1860—1872, 8 т.—De Viel-Castel, *Histoire de la Restauration*, Парижъ, 1860—1877, 20 т.—Thureau-Dangin, *Histoire de la monarchie de juillet*, 2-е изд., Парижъ, 1888 — 1892, 7 т. — Duvergier de Hauranne, *Histoire du gouvern. parlementaire en France*, (1814—1848), Парижъ, 1857—1872, 10 т.—Chéruel, *Dict. histoire des institut. de la France*, Парижъ, 1870, 2 т.—Alfred Rambaud, *Histoire de la civilisation contemporaine en France*, 3-е изд., Парижъ, 1896.

Спеціальныя.—1. Объ административныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ см. выше, т. I, стр. 309. Кромѣ того: H. Hervieu, *Les ministres, leur rôle et leurs attributions*, Парижъ, 1893.—De Vaublanc, *Des administr. provinciales et municipales*, Парижъ, 1828.—Ymbert, *L'an VIII et l'an 1838*, Парижъ, 1838.—De Gerando, *Institutes du droit administr. français*, Парижъ, 1840—1844, 5 т.—Macarel, *Cours de droit admin.*, Парижъ, 1844—1846, 4 т.—Vivien, *Études administratives*, Парижъ, 1845.—E. de Luze, *L'organisat. administr. de la France depuis 1780*, Парижъ, 1884, — L. Muel, *Précis hist. des assamblées parlement. et des hautes cours de justice de 1789 à 1895*, Парижъ, 1896.

2. О преобразованіи пенитенціарнаго режима:—Ch. Lucas, *Du syst. pénitentiaire en Europe et aux États-Unis*, 1828—1830. — De Beaumont и De Tocqueville, *Du syst. pénit. aux États-Unis et de son application en France*, Парижъ, 1833.—Ch. Lucas, *De la réforme des prisons*, 1836. — Bérenger, *Des moyens propres à généraliser en Franse le syst. pénitentiaire*, Парижъ, 1837.—Léon Faucher, *De la réforme des prisons* (*Revue des Deux Mondes*, 1 февр. 1844).

3. О военныхъ и морскихъ учрежденіяхъ: Герцогъ d'Aumale, *Les institutions milit. en France, Louvois, Carnot, Gouvion Saint-Cyr* (*Revue des Deux Mondes*, 1 марта 1867).—Susane, *Histoire de l'infanterie française*, Парижъ, 1849—1853, 8 т.; и *Histoire de la cavalerie française*, Парижъ, 1874, 3 т.—Герцогъ d'Aumale, *Les zouaves et les chasseurs à pied*, Парижъ, 1859.—Генералъ Favé, *Études sur le passé et l'avenir de l'artillerie*, Парижъ, 1846—1872, 6 т.—Подполковникъ Hennebert, *L'artillerie*, Парижъ, 1886.—Fieffé, *Histoire des troupes étrangères au service de la France*, Парижъ, 1854, 2 т.—Старый Сенъ-Сирецъ, *Histoire de l'école militaire de Saint-Cyr*, Парижъ, 1886, in-8⁰.—Pinet, *Histoire de l'École polytechnique*, Парижъ, 1887.—De la Bédollière, *Histoire de la garde nationale*, 1848.—Jurien de la Gravière, *La marine d'autrefois* (1830—1840); и *La Marine militaire de la France en 1845* (*Revue des Deux Mondes*, 15 авг. и 15 сент. 1864; 1 мая 1845).—Reybaud, *De la marine de la France en 1846* (*ibid.*, 1 марта 1846).

4. О народномъ образованіи: Lamennais, *L'Université impériale*, 1814.—Cochut, *De l'instruction publique en France* (*Revue des Deux Mondes*, 15 сентября 1838).—V. Cousin, *Huit mois au ministère de l'Instr. publ.* (*ibid.*, 1 февраля 1841).—A. de Quatrefages, *Réforme de l'enseignement scientifique en France, les Facultés* (*ibid.*, 15 мая 1848).—De Riancey, *Histoire critique et législative de l'Jnstr. publique*, Парижъ, 1844, 2 т.—Liard, *L'enseignement supérieur en France*, Парижъ, т. 2, 1894.—De Barante, *Vie politique de M. Royer-Collard, ses discours, ses écrits*, Парижъ, 1861, 2 т.—Henrion, *Vie de M-r Frayssinous*, Парижъ, 1844. 2 т.—Eon, *Toullier et son temps*, Реннъ, 1893.—P. Dubois, *Discours d'ouverture à l'école normale*, 4 нояб. 1847.—[Dupuy], *Notice sur l'École normate supérieure*, Парижъ, 1884.—Alex. Chevalier, *Les Frères des écoles chrét. et l'enseignement primaire après la Révol.* (1797—1830), Парижъ, in-8⁰.—P. Lorain, *Tableau de l'instr. primaire en France*, по изслѣдованію 1832—1834 г.—Pothier, *Histoire de l'École centrale*, Парижъ, 1887.

Глава XI.

Французская литература.

Главныя изданія французскихъ писателей 1815—1847 г.—Chateaubriand, *Oeuvres complètes* (1849), *Oeuvres complètes* (1851).—Lamartine, *Oeuvres complètes* (1860—66), издан. имъ самимъ. — Alfred de Vigny, *Poésies complètes* (1854), *Oeuvres posthumes* (1864), *Oeuvres complètes* (1880).—Victor Hugo, *Oeuvres complètes*, законченное изданіе, по мѣрѣ обнародованія, начиная съ 1889 г.—Casimir Delavigne, *Oeuvres complètes* (1851). — Béranger, *Oeuvres complètes* (1857); къ нимъ слѣдуетъ прибавить: *Ma biographie* (1857; русск. пер. М., 1861) и *Correspondance* (1860).—Simonde de Sismondi, полнаго собранія сочиненій нѣтъ; *Histoire des Français* выходила въ Парижѣ съ 1821 по 1844 г., *La littérature du midi de l'Europe* въ Парижѣ съ 1823 по 1829 г.—Augustin Thierry, *Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*, 1845 (есть русск. перев., СПБ., 1859); *Lettres sur l'histoire de France*, 1827 (рус. пер. СПБ., 1901).—Amédée Thierry, *Histoire des Gaulois*, 1857; *Histoire de la Gaule sous la domination romaine*, 1840 — 1847.— De Maistre (Іос.), *Soirées de Saint-Pétersbourg* (1821); *Lettres et opuscules*

inédits (1853), *Lettres inédites* (1858), *Mémoires politiques et correspondance diplomatique* (1858).— De Bonald, *Oeuvres complètes* (1817—1829). — Ballanche, *Antigone* (1814), *Essai sur les Institutions sociales* (1818), *Essais de Palingénésie* (1827), *Orphée* (1828), *Ville des expiations* (1831), *Vision d'Hébal* (1832).—Cousin, *Le Vrai, le Beau, le Bien* (1858), *Cours d'histoire de la philosophie* (1840), *Madame de Longueville* (1853), *Madame de Sablé* (1854), *Madame de Chevreuse et Madame de Hautefort* (1856), *La société française au XVII-e siècle d'après le grand Cyrus* (1858). - Royer-Collard, *Vie politique de M. Royer-Collard, ses discours et ses écrits*, издан. M. de Barante (1861). — Paul-Louis Courier, *Oeuvres de Paul-Louis Courier*, изд. Armand Carrel (1834).—Alfred de Musset, *Oeuvres complètes*, съ біографіей, составленной Павломъ de Musset (1879).—Théophile Gautier, *Oeuvres complètes* (1884).—Lamennais, *Oeuvres complètes* (1836); прибавить *le Livre du Peuple* (1827) и пр., *Correspondance*, изд. Forgues (1866), и *Oeuvres posthumes*, изд. Blaize (1866).—Scribe, *Oeuvres choisies, Théâtre* (1857). — George Sand, *Romans et Nouvelles* (1876—1886), *Histoire de ma vie* (1855), *Correspondance* (1882—1884). — Balzac, *Oeuvres complètes*, 45 т. — Stendhal, 19 т.— Charles Nodier, *Oeuvres de Nodier* (1832—1834).—Mérimée, *Oeuvres*, 13 т., *Lettres à une inconnue* (1873), *Lettres à une autre inconnue* (1875).—Thiers, *Histoire de la Révolution française* (1823—1827), *Histoire du Consulat et de l'Empire* (1845—1862), *Discours parlementaires* (1879—1889). — Michelet, *Histoire de France* (1833—1867); полное собраніе сочиненій печатается. — Quinet, *Oeuvres complètes* (1857—1879).

Труды для изученія французскихъ писателей 1815—1847 г.—Вообще: Demogeot, *Histoire de la littérature française.* — Lanson, *Histoire de la littérature française.* — Lintilhac, *Précis historique et critique de la littérature française.*—Nisard, *Histoire de la littérature française.*—Sainte-Beuve, *Causeries du lundi, Nouveaux lundis, Portraits littéraires.*—Для каждаго писателя отдѣльно: **Chateaubriand**: Sainte-Beuve, *Chateaubriand et son groupe sous l'empire;* Vinet, *Études sur la littérature française au XIX-e siècle;* Collombet, *Chateaubriand et ses écrits;* De Loménie, *Galerie des contemporains illustres;* Faguet, *XIX-e siècle.* — **Lamartine**: De Loménie, *Galerie des contemporains illustres;* Ch. de Mazade, *Lamartine, sa vie littéraire et politique;* Émile Ollivier, *Lamartine;* Faguet, *XIX-e siècle;* Brunetière, *La poèsie de Lamartine (Revue des Deux Mondes*, 15 авг. 1886), *Évolution de la poésie lyrique au XIX-e siècle*, лекція III; Rod, *Lamartine;* De Pomairols, *Lamartine;* Chamboraud de Perissat, *Lamartine inconnu;* F. Reyssié, *La jeunesse de Lamartine;* Deschanel, *Lamartine; Lettres adressées à Lamartine*, обнародованныя г-жей V. de Lamartine, 1892.— **Vigny**: Anatole France, *Alfred de Vigny;* Brunetière, *Évolution de la poésie lyrique en France*, лекція IX; Dorison, *Alfred de Vigny, poète philosophe;* Paléologue, *Alfred de Vigny;* Faguet, *XIX-e siècle.*—**Hugo**: Biré, *V. Hugo avant 1830, V. Hugo après 1830, V. Hugo après 1852;* Ernest Dupuy, *V. Hugo, l'homme et le poète;* Mabilleau, *Victor Hugo;* Renouvier, *V. Hugo, le poète;* Brunetière, *Évolution de la poésie lyrique au XIX-e siècle*, лекц. V и XI; Faguet, *XIX-e siècle.* — **Casimir Delavigne**: Gustave Planche, *Portraits littéraires.*— **Béranger**: Savinien Lapointe, *Mémoires sur Béranger;* I. Janin, *Béranger et son temps;* Arthur Arnould, *Béranger, ses amis, ses ennemis et ses critiques.*—**De Maistre**: Raymond, *Éloge du comte Joseph de Maistre;* Albert Blanc, *Introduction aux Mémoires politiques;* Cogordan, *J. de Maistre;* Faguet, *Politiques et moralistes.* — **De Bonald**: Henri de Bonald, *Notice sur le V-te de Bonald.*— **Ballanche**: Sainte-Beuve, *Chateaubriand et son groupe littéraire.* — **Cousin**: Damiron, *Essai sur l'histoire de la philosophie au XIX-e siècle;* Pierre Leroux, *Réfutation de l'Éclectisme;* Taine, *Les philosophes français au XIX-e siècle;* Mignot, *Notice historique sur la vie et les travaux de Victor Cousin;* Jules Simon, *Victor Cousin.* — **Royer-Collard**: Barante, *Vie politique de M. Royer-Collard;* Adrien Philippe, *Royer-Collard, sa vie publique, sa vie privée;* Vingtain, *Vie publique de Royer-Collard;* Cormenin, *Études sur les orateurs parlementaires.*— **P.-L. Courier**: Armand Carrel, *Essai sur la vie et les oeuvres de P.-L. Courier;* Charles Magnin, *Causeries*, I. — **Musset**: Lamartine, *Cours familier de littérature;* George Sand, *Elle et Lui* (автобіографическій романъ); Paul de Musset, *Lui et Elle* (отвѣтъ на предыдущее); M-me Jaubert, *Souvenirs;* Arvède Barine, *Alfred de Musset;* Brunetière, *Évolution de la Poésie lyrique au XIX-e siècle;* Faguet, *XIX-e siècle.*—**Théophile Gautier**: Spoelberch de Lovenjoul, *Histoire des oeuvres de Théophile Gautier;* Maxime Du Camp, *Théophile Gautier;* Richet, *Th. Gautier, la vie, l'oeuvre;* Brunetière, *Évolution de la poésie lyrique au XIX-e siècle;* Faguet, *XIX-e siècle.*—**Scribe**: Doumic, *De Scribe à Ibsen.* — **George Sand**: Brunetière, *Évolution de la poésie lirique au XIX-e siècle;* Caro, *George Sand;* Faguet, *XIX-e siècle.*— **Balzac**: Spoelberch de Lovenjoul, *Histoire des oeuvres de Balzac;* P. Flat, *Essais sur Balzac;* G. Ferry, *Balzac et ses amis;* Faguet, *XIX-e siècle.*— **Stendhal**: P. Bourget, *Essais de psychologie contemporaine;* Rod, *Stendhal;* Cordier, *Stendhal raconté par ses amis et ses amies.* — **Charles Nodier**:

Francis Wey, *Vie de Charles Nodier;* M-me Ménessier-Nodier, *Charles Nodier, épisodes et souvenirs de sa vie.* — **Mérimée**: Augustin Filon, *Prosper Mérimée;* Faguet, *XIX-e siècle.* — **Thiers**: Jules Simon, *Thiers, Guizot, Rémusat;* Paul de Rémusat, *A. Thiers.* — **Michelet**: Barbey d'Aurevilly, *Les oeuvres et les hommes au XIX-e siècle,* II; Gabriel Monod, *I. Michelet;* Charles de Mazade, *Portraits d'histoire morale et politique du temps;* Corréard, *Michelet;* Faguet, *XIX-e siècle.*—**Quinet**:Bataillard, *Oeuvre philosophique et sociale de M. Edgar Quinet;* Chassin, *Edgar Quinet, sa vie et ses oeuvres.*

Глава XII.

Италія.

Крушеніе наполеоновскаго владычества. — Bonfadini (R), *Mezzo secolo di patriottismo,* Миланъ, in-12⁰, 1880. — De Castro (G), *La caduta del Regno italico,* 1 т., Миланъ, 1882. Ср. по этому же вопросу книгу Helfert'a, составленную по австрійскимъ документамъ и переведенную на итал. яз. въ 1892 г.—*Delle cause italiane dell'evasione dell'imperatore Napoleone dall'Elba,* Брюссель, 1829, анонимная брошюра, авторомъ которой послѣдовательно называли Люсьена Бонапарта, De Laugier и Libri Bagnano.—Greco, *Intorno al tentativo dei carbonari di Citeriore Calabria nel 1813.* —Guicciardi, *Relation historique de la révolution du Royaume d'Italie en 1814,* Парижъ, 1822. Сравн. по этому же вопросу анонимную брошюру: *Sulla rivoluzione di Milano seguita nel giorno 20 aprile 1814,* Парижъ, 1814. — De Sassenay, *Les derniers mois de Murat,* 1 т. in-12⁰, Парижъ, 1896.— *Studj intorno alla storia della Lombardia negli ultimi 30 anni,* анонимная брошюра, приписываемая принцессѣ Христинѣ Бельджойозо; франц. пер. Lezat de Pons, Парижъ, 1847. — Генералъ Zucchi, *Memorie,* 1 т. in-12⁰, 1860.

Общая исторія Италіи съ 1815 по 1846 г. — Bertolini (F.), *Storia d'Italia dal 1814 al 1875,* въ коллекціи Vallardi, 1 т. in-4⁰, 1880.— Bianchi (N.), Storia *documentata della diplomazia europea in Italia,* 8 т. in-8⁰, Туринъ, 1865—1872.— Cantù (C.), *Cronistoria dell'Indipendenza italiana,* 3 т. in-4⁰, 1872—1877; *Histoire des Italiens,* т. XI (франц. перев. Lacombe). — *Carte segrete ed atti uffiziali della polizia austriaca in Italia, 1814—1848,* 3 т. in-12⁰, 1851. — Gualterio (F.-A.), *Gli ultimi rivolgimenti italiani,* 4 т. in-8⁰, 1850. — Giacometti, *La question italienne, période de 1814 à 1860,* 1 т. in-12⁰, 1893.—La Farina, *Storia d'Italia dal 1815 al 1850,* 4 т. in-12⁰, 1850.—Nisco (N.), *Storia d'Italia dal 1814 al 1880,* вышли 3 тома (до 1830 г.), 1881—1885. — Poggi, *Storia d'Italia dal 1814 al 1846,* 2 т. in-8⁰, 1884. — Reuchlin, *Geschichte Italiens von der Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart,* 4 т. 1859—1873.—Stendhal, *Rome, Naples et Florence en 1817,* 1 т., переиздано съ дополненіями въ 1826 г. — Stern (Alfred), *Geschichte Europas* (1815—1871) т. II (1820—1824), Берлинъ, 1897 (содержитъ неизданную дипломатическую переписку).—Tivaroni (Carlo), *Storia critica del Risorgimento italiano; l'Italia durante il dominio austriaco,* 2 т. in-12⁰, 1892 (самая полная и самая документальная изъ общихъ работъ по современной исторіи Италіи).

Пьемонтъ. — De Beauchamp, *Histoire de la révolution de Piémont,* 1 т. in-8⁰, 1822.—Bianchi (N.), *Santorre di Santarosa; Memorie e lettere inedite (Curiosità e ricerche di storia subalpina),* Туринъ, 1877.— Costa de Beauregard, *La jeunesse du roi Charles-Albert,* 1 т. in-8⁰, 1889. — Manno, *Informazioni sul 21 in Piemonte.* — Masi (E.), *I segreto del re Carlo Alberto,* 1 т. in-8⁰, 1890. — Perrero (D.), *Gli ultimi reali di Savoia del ramo primogenito,* 1 т., Туринъ, 1889.—Santorre di Santarosa, *La révolution piémontaise,* 1 т., Парижъ, 1822. — Vayra (P.), *Carlo Alberto e le perfidie austriache,* 1 т. in-8⁰, 1896.

Ломбардо-Венеція.—Andryane (D.), *Mémoires d'un prisonnier d'État,* 2 т., 1837.—Arrivabene, *Memorie delle mia vita,* 2 т., 1880—1884.—Bianchi-Giovini, *L'Austria in Italia,* 1 т. in-8⁰, 1853. — Confalonieri, *Memorie,* 2 т., 1890.—Pellico (Silvio), *Le mie prigioni,* 1 т., 1832. — *Pensieri sull'Italia di un anonimo lombardo,* 1 т. in-12, 1847.

Герцогства. — Galvani, *Memoire storiche intorno la vita dell'arciduca Francesco IV,* т. III, 1853.—Sforza (G.), *La regina d'Etruria* (въ *Nuova Antologia,* 1894).

Папскія владѣнія. — Farini, *Lo Stato Romano dall'anno 1815 al 1850.*—Spadoni, *La cospirazione di Macerata nel 1817,* 1 т., 1895.

Неаполитанское королевство. — Colletta (P), *Storia del reame di Napoli dal 1734 fin al 1825,* т. IV, 1834. Сравн. Duca di Lauria, *Intorno alla storia del reame di Napoli di P. Colletta,* 1877. — Palma, *Il tentativo costituzionale di 1821 a Napoli* (въ *Nuova Antologia,* 1895). — Pepe, *Memorie intorno alla sua vita,* 2 т., 1847.

Умственное движеніе. — D'Azeglio (Massimo), *I miei ricordi,* 2 т., 1867.—Balbo (C.), *Delle speranze d'Italia,* 1 т., 1843.— Faldella (G.), *Storia della giovane Italia,* 2 т., 1895—1896. — Gioberti (V.), *Il primato civile et morale degli Italiani.* — Petruccelli della Gattina, *Storia dell'idea Italiana,* 1 т., 1882.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.

Вѣнскій конгрессъ.

1814—1815 гг.

А. Сореля.

Глава II.

Священный союзъ и конгрессы.

1815—1823 гг.

А. Мале.

Глава III.

Франція.

Вторая Реставрація.

1815—1828 гг.

А. Мале.

Глава IV.

Юго-Восточная Европа.

1814—1821 гг.

А. Дебидура.

Глава V.

Испанія и Португалія.

1814—1847 гг.

Дедевиза дю-Дезера.

Глава VI.

Революція 1830 года во Франціи.

А. Мале.

Глава VII.

Царство польское.

Возстаніе.

1815—1846 гг.

А. Рамбо.

Глава VIII.

Возстаніе въ Бельгіи.

Бельгійское королевство.

1814—1847 гг.

А. Ваддингтона.

Глава IX.

Франція.

Іюльская монархія.

1830—1847 гг.

А. Мале.

Глава X.

Гражданскія и военныя учрежденія Франціи.

1814—1847 гг.

Э. Шенона.

Глава XI.

Французская литература.

1815—1847 гг.

Э. Фагэ.

Глава XII.

Италія.

1810—1846 гг.

А. Пенго.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ.

СНИМКИ СЪ ПОРТРЕТОВЪ и КАРТИНЪ:

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ III.

До франко-прусской войны.

Книга третья.

Агитація Лассаля.

Книга четвертая.

Борьба фракцій.

Томъ IV.

Книга пятая.

Книга шестая.

Эпоха закона противъ соціалистовъ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА—1905.

